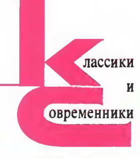
Ч.Диккенс

ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ

Классики и современники

Зарубежная классическая литература

Ч.Диккенс

ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ

Перевод с английского

Москва
«Художественная литература»
1978

И (Англ)
Д 45

Перевод
Н. ВОЛЖИНОЙ

Художник
М. ДОРОХОВ

Д $\frac{70304-340}{028(01)-78}$ 19-78

ПРЕДИСЛОВИЕ

В апреле 1840 года я выпустил в свет первый номер нового еженедельника, ценой в три пенса, под названием «Часы мистера Хамфри». Предполагалось, что в этом еженедельнике будут печататься не только рассказы, очерки, эссеи, но и большой роман с продолжением, которое должно следовать не из номера в номер, а так, как это представится возможным и нужным для задуманного мною издания.

Первая глава этого романа появилась в четвертом выпуске «Часов мистера Хамфри», когда я уже убедился в том, насколько неуместна такая беспорядочность в повременной печати и когда читатели, как мне казалось, полностью разделили мое мнение. Я приступил к работе над большим романом с великим удовольствием и полагаю, что с не меньшим удовольствием его приняли и читатели. Будучи связан ранее взятыми на себя обязательствами, отрывающими меня от этой работы, я постарался как можно скорее избавиться от всяческих помех и, достигнув этого, с тех пор до окончания «Лавки древностей» помещал ее главу за главой в каждом очередном выпуске.

Когда роман был закончен, я решил освободить его от не имеющих к нему никакого касательства ассоциаций и промежуточного материала и изъял те страницы «Часов мистера Хамфри», которые печатались вперемежку с ним. И вот, подобно неоконченному рассказу о ненастной ночи и нотариусе в «Сентиментальном путешествии», они перешли в собственность чемоданщика и маслодела. Признаюсь, мне очень не хотелось снабжать представителей этих почтенных ремесел начальными страницами оставленного мною замысла, где мистер Хамфри описывает самого себя и свой образ жизни. Сейчас я притворяюсь, будто вспоминаю об этом с философским спокойствием, как о событиях давно минувших, но тем не менее перо мое чуть заметно дрожит, выводя эти слова на бумаге. Впрочем, дело сделано, и сделано правильно, и «Часы мистера Хамфри» в первоначальном их виде, сгинув с белого света, стали одной из тех книг, которым цены нет, потому что их не прочитаешь

ни за какие деньги, чего, как известно, нельзя сказать о других книгах.

Что касается самого романа, то я не собираюсь распространяться о нем здесь. Множество друзей, которых он подарил мне, множество сердец, которые он ко мне привлек, когда они были полны глубоко личного горя, придают ему ценность в моих глазах, далекую от общего значения и уходящую корнями «в иные пределы».

Скажу здесь только, что, работая над «Лавкой древностей», я все время старался окружить одинокую девочку странными, гротескными, но все же правдоподобными фигурами и собирал вокруг невинного личика, вокруг чистых помыслов маленькой Нелл галерею персонажей столь же причудливых и столь же несовместимых с ней, как те мрачные предметы, которые толпятся у ее постели, когда будущее ее лишь намечается.

Мистер Хамфри (до того, как он предался ремеслу чемоданщика и маслодела) должен был стать рассказчиком этой истории. Но поскольку я с самого начала задумал роман так, чтобы впоследствии выпустить его отдельной книжкой, кончина мистера Хамфри не потребовала никаких изменений.

В связи с «маленькой Нелл» у меня есть одно грустное, но вызывающее во мне чувство гордости воспоминание. Странствования ее еще не подошли к концу, когда в одном литературном журнале появился эссей, главной темой которого была она, и в нем так вдумчиво, так красноречиво, с такой нежностью говорилось о ней самой и о ее призрачных спутниках, что с моей стороны было бы полной бесчувственностью, если бы при чтении его я не испытал радости и какой-то особой бодрости духа. Долгие годы спустя, познакомившись с Томасом Гудом и видя, как болезнь медленно сводит его, полного мужества, в могилу, я узнал, что он-то и был автором того эссея.

ГЛАВА I

Хоть я и старик, мне приятнее всего гулять поздним вечером. Летом в деревне я часто выхожу спозаранку и часами брожу по полям и проселочным дорогам или исчезаю из дому сразу на несколько дней, а то и недель; но в городе мне почти не случается бывать на улице раньше наступления темноты, хоть я, благодаренье богу, как и всякое живое существо, люблю солнце и не могу не чувствовать, сколько радости оно проливает на землю.

Я пристрастился к этим поздним прогулкам как-то незаметно для самого себя — отчасти из-за своего телесного недостатка, а отчасти потому, что темнота больше располагает к размышлениям о нравах и делах тех, кого встречаешь на улицах. Ослепительный блеск и сутолока полдня не способствуют такому бесцельному занятию. Беглый взгляд на лицо, промелькнувшее в свете уличного фонаря или перед окном лавки, подчас открывает мне больше, чем встреча днем, а к тому же, говоря по правде, ночь в этом смысле добрее дня, которому свойственно грубо и без всякого сожаления разрушать наши едва возникшие иллюзии.

Вечное хождение взад и вперед, неугомонный шум, не стихающее ни на минуту шарканье подошв, способное сгладить и отшлифовать самый неровный булыжник,— как терпят все это обитатели узких улочек? Представьте больного, который лежит у себя дома где-нибудь в приходе св. Мартина и, изнемогая от страданий, все же невольно (словно выполняя заданный урок) старается отличить по звуку шаги ребенка от шагов взрослого, жалкие опорки нищенки от сапожек щеголя, бесцельное шатанье с угла на угол от деловой походки, вялое ковылянье бродяги от бойкой поступи искателя приключений. Представьте себе гул и грохот, которые режут его слух,— непрестанный поток жизни, катящий волну за волной сквозь его тревожные сны, словно он осужден из века в век лежать на шумном кладбище — лежать мертвым, но слышать все это без всякой надежды на покой.

А сколько пешеходов тянется в обе стороны по мостам — во всяком случае, по тем, где не взимают сборов! Останавливаясь погожим вечером у парапета, одни из них рассеянно смотрят на воду с неясной мыслью, что далеко-далеко отсюда эта река течет между зелеными берегами, мало-помалу разливаясь вширь, и наконец впадает в необъятное, безбрежное море; другие, сняв с плеч тяжелую ношу, глядят вниз и думают: какое счастье провести всю жизнь на ленивой, неповоротливой барже, посасывая трубочку да подремывая на брезенте, прокаленном горячими лучами солнца; а третьи — те, кто во многом отличен и от первых и от вторых, те, кто несет на плечах ношу, несравненно более тяжкую,— вспоминают, как давным-давно им приходилось то ли слышать, то ли читать, что из всех способов самоубийства самый простой и легкий — броситься в воду.

А Ковент-Гарденский рынок на рассвете, весенней или летней порой, когда сладостное благоухание цветов заглушает еще не рассеявшийся смрад ночной гульбы и сводит с ума захиревшего дрозда, который провел всю ночь в клетке, вывешенной за чердачное окошко! Бедняга! Он один здесь сродни тем маленьким пленникам, что либо валяются на земле, увянув от горячих рук захмелевших покупателей, либо, сомлев в тугих букетах, ждут часа, когда брызги воды освежат их в угоду тем, кто потрезвее, или на радость старичкам конторщикам, которые, спеша на работу, станут с удивлением ловить себя на невесть откуда взявшихся воспоминаниях о лесах и полях.

Но я не буду больше распространяться о своих странствованиях. Передо мной стоит другая цель. Мне хочется рассказать о случае, отметившем одну из моих прогулок, описание которых я и предпосылаю этой повести вместо предисловия.

Однажды вечером я забрел в Сити и, по своему обыкновению, шел медленно, размышляя о том о сем, как вдруг меня остановил чей-то тихий, приятный голос. Я не сразу уловил смысла вопроса, обращенного явно ко мне, и, быстро оглянувшись, увидел рядом с собой хорошенькую девочку, которая спрашивала, как ей пройти на такую-то улицу, находившуюся, кстати сказать, совсем в другой части города.

— Это очень далеко отсюда, дитя мое,— ответил я.

— Да, сэр,— робко сказала она.— Я знаю, что далеко, я пришла оттуда.

— Одна? — удивился я.

— Это не беда, что одна. Вот только я сбилась с дороги и боюсь, как бы совсем не заплутаться.

— Почему же ты спросила меня? А вдруг я пошлю тебя не туда, куда нужно?

— Нет! Этого не может быть! — воскликнула девочка.— Вы ведь старенький и сами ходите медленно.

Не берусь вам передать, как поразили меня эти слова, сказанные с такой силой убежденья, что у девочки даже выступили слезы на глазах и все ее хрупкое тельце затрепетало.

— Пойдем, я провожу тебя, — сказал я.

Девочка протянула мне руку смело, точно знала меня с колыбели, и мы медленно двинулись дальше. Она старательно приноравливалась к моим шагам, как будто считая, что это ей надо вести и охранять меня, а не наоборот. Я то и дело ловил на себе взгляды моей спутницы, видимо, старавшейся угадать, не обманывают ли ее, и замечал, как взгляды эти раз от разу становятся все доверчивее и доверчивее.

Трудно было и мне не заинтересоваться этим ребенком — именно ребенком! — хотя ее столь юный вид объяснялся скорее маленьким ростом и хрупкостью фигурки. Одета она была, пожалуй, чересчур легко, но очень опрятно, и ничто в ее облике не говорило о нищете или заброшенности.

— Кто же тебя послал так далеко, да еще одну? — спросил я.

— Тот, кто очень любит меня, сэр.

— А по какому делу?

— Этого я не могу вам сказать,— твердо ответила девочка.

Получив такой ответ, я с невольным удивлением посмотрел на нее. Что же это за поручение, если исполнительницу его заранее подготовили к расспросам? Быстрые детские глаза сразу же прочли мои мысли, и, посмотрев мне в лицо, девочка добавила, что ничего дурного тут нет, но только это большая тайна — тайна, скрытая даже от нее.

В словах девочки не чувствовалось намерения схитрить или провести меня; они прозвучали с простодушной откровенностью, не оставлявшей сомнений в их правдивости. Мы шли всё так же рядом; мало-помалу она свыклась со мной и начала весело болтать, но о своих домашних делах не обмолвилась больше ни словом, спросив только, короче ли эта новая дорога, которой я ее веду.

Я перебирал в уме сотни различных объяснений этой загадки и отбрасывал их одно за другим. Совесть не позволяла мне воспользоваться простодушием и признательностью ребенка. Я люблю детей, и если они, так недавно оставившие божью обитель, отвечают нам тем же, их любовью шутить нельзя. Меня так обрадовало доверие этой девочки, что я решил заслужить его и не обманывать детского чувства, правильно подсказавшего ей, на кого она может положиться.

Но почему бы мне не повидать человека, который столь легкомысленно послал ребенка в такую даль, поздно вечером, без провожатых? А что, если вблизи дома она простится со мной? Предвидя это, я выбирал окольные пути, так что девочка узнала свою улицу лишь тогда, когда мы вышли на нее. Радостно захлопав в ладоши и побежав вперед, моя новая знакомая оста-

новилась у маленького домика, дождалась меня на ступеньках и постучалась в дверь.

Часть этой двери была застекленная, без ставней, но я этого сначала не заметил, так как за ней стояла тьма и полная тишина, к тому же мне (не меньше, чем девочке) хотелось поскорее услышать ответ на наш стук. Она постучала второй, третий раз, и только тогда в доме послышалось какое-то движение, а еще через минуту за стеклом блеснул слабый огонек, при свете которого я увидел и комнату и человека, медленно пробиравшегося к нам среди беспорядочно нагроможденных вещей.

Это был невысокий старик с длинными седыми волосами, лицо и фигуру которого ясно освещала свеча, так как он держал ее над головой и смотрел прямо вперед. Старость давно наложила на него свою печать, и все же мне показалось, будто в этом высохшем, тщедушном теле есть что-то общее с хрупкой фигуркой моей маленькой спутницы. Глаза — голубые у обоих — были бесспорно похожи, но лицо старика бороздили такие глубокие морщины и оно носило следы таких тяжких забот, что на этом сходство кончалось.

Комната, по которой он не спеша пробирался, представляла собой одно из тех хранилищ всяческого любопытного и редкостного добра, какие еще во множестве таятся по темным закоулкам Лондона, ревниво и недоверчиво скрывая свои пыльные сокровища от посторонних глаз. Здесь были рыцарские доспехи, маячившие в темноте, словно одетые в латы привидения; причудливые резные изделия, попавшие сюда из монастырей; ржавое оружие всех видов; уродцы — фарфоровые, деревянные, слоновой кости, чугунного литья; гобелены и мебель таких странных линий, какие можно придумать только во сне.

Бледный, как тень, старик удивительно подходил ко всей этой обстановке. Может быть, он сам и рыскал по старым церквам, склепам, опустевшим домам и собственными руками собирал все эти редкости. Здесь не было ни единой вещи, которая не казалась бы под стать ему, ни единой вещи, которая была бы более древней и ветхой, чем он.

Повернув ключ в замке, старик посмотрел на меня с недоумением, и оно ничуть не уменьшилось, когда его взгляд упал на мою спутницу. А она сразу же, с порога, стала рассказывать ему о нашем знакомстве, называя его дедушкой.

— Голубка моя! — воскликнул старик, гладя ее по голове.— Как же это ты заплуталась? Что, если бы я потерял мою маленькую Нелл!

— Не бойся, дедушка! — уверенно сказала она.— К *тебе* я всегда найду дорогу.

Старик поцеловал ее, потом повернулся ко мне и пригласил меня зайти в дом, что я и сделал. Дверь снова была заперта на ключ. Идя впереди со свечой, он провел меня через то

хранилище разных вещей, которое я видел с улицы, в небольшую жилую комнату с дверью, открытой в соседнюю каморку, где стояла кроватка под стать только фее — такая она была маленькая и нарядная. Девочка зажгла вторую свечу и упорхнула к себе, оставив меня наедине со стариком.

— Вы, должно быть, устали, сэр,— сказал он, пододвигая к камину стул.— Не знаю, как мне благодарить вас.

— В следующий раз проявите больше заботы о своей внучке. Иной благодарности мне не нужно, друг мой! — ответил я.

— Больше заботы? — дребезжащим голосом воскликнул он.— Больше заботы о Нелли! Да можно ли любить ребенка сильнее!

Это было сказано с таким неподдельным изумлением, что я растерялся; к тому же немощность и блуждающий, отсутствующий взгляд сочетались у моего собеседника с глубокой, тревожной задумчивостью, которая сквозила в каждой черте его лица, убеждая меня в том, что старик вовсе не выжил из ума и не впал в детство, как мне показалось сначала.

— По-моему, вы мало думаете...— начал я.

— Мало думаю о ней! — перебил он меня на полуслове.— Мало думаю! Как вы далеки от истины! Нелли, маленькая моя Нелли!

Кому другому удалось бы выразить свои чувства с такой силой, с какой выразил их этими четырьмя словами старый антиквар! Я ждал, что последует дальше, но он подпер рукой подбородок и, покачав головой, уставился на огонь.

Мы сидели в полном молчании, как вдруг дверь каморки отворилась, и девочка, с распущенными по плечам светло-каштановыми волосами, разрумянившаяся от спешки,— так ей хотелось поскорее вернуться к нам, — вошла в комнату. Она сейчас же принялась собирать ужин, а старик тем временем стал приглядываться ко мне еще внимательнее. Меня очень удивило, что девочке приходится все делать самой,— по-видимому, кроме нас, в доме никого не было. Улучив минуту, когда она вышла, я рискнул заговорить об этом со старым антикваром, но он ответил, что и среди взрослых людей мало найдется таких разумных и заботливых, как его внучка.

— Мне всегда больно смотреть,— взволнованно начал я, усмотрев в его ответе всего лишь эгоизм,— мне больно смотреть на детей, которым приходится сталкиваться с трудностями жизни чуть ли не в младенчестве. Это убивает в них доверчивость и душевную простоту — лучшее, что им даровано богом. Зачем заставлять ребенка делить с нами наши тяготы, когда он еще не может вкусить радостей, доступных взрослому человеку?

— Ее доверчивости и душевной простоты ничто не убьет,— сказал старик, твердо глядя мне в глаза.— В ней это заложено слишком глубоко. А кроме того, у детей бедняков так мало

радостей в жизни. За каждое, даже скромное удовольствие надо платить.

— Но... простите меня за смелость... вы, наверно, не так уж бедны,— сказал я.

— Это не мой ребенок, сэр,— возразил старик.— Ее мать была моей дочерью, и она терпела нужду. Мне ничего не удается откладывать... ни одного пенни, хотя вы сами видите, как я живу. Но...— Тут он тронул меня за плечо и, нагнувшись, зашептал: — Придет время, и она разбогатеет, она будет знатной леди. Не осуждайте меня, что я обременяю Нелл хлопотами по дому. Это доставляет ей радость, и она не перенесла бы, если б я поручил кому-то другому ту работу, с которой могут справиться ее маленькие руки. Вы говорите, я мало думаю о своей внучке! — воскликнул он в сердцах.— Но господь знает, что у меня нет другой заботы в жизни,— все мои помыслы только о ней! Знает, а удачи мне не шлет... не шлет!

В эту минуту та, о ком шла речь, снова появилась в комнате, и старик, сразу замолчав, знаком пригласил меня к столу.

Только мы принялись за трапезу, как в дверь постучали, и Нелл с веселым смехом, от которого у меня сразу потеплело на сердце,— столько в нем было детской беззаботности,— сказала, что это, наверно, прибежал добрый Кит.

— Вот баловница! — Старик ласково погладил ее по волосам.— Вечно она подтрунивает над бедным Китом.

Девочка рассмеялась еще веселее, и, глядя на нее, я сам не мог удержаться от улыбки. Старик же взял свечу, пошел отпереть дверь и вскоре вернулся в сопровождении Кита.

Кит оказался кудлатым, нескладным подростком с огромным ртом, очень красными щеками, вздернутым носом и невероятно комичным выражением лица. При виде чужого человека он замер на пороге, неловко переминаясь с ноги на ногу, уморительно таращa на нас глаза и теребя в руках совершенно круглую шляпу без всякого признака полей. Я с первого взгляда проникся благодарностью к этому мальчику, почувствовав, что он единственный вносит веселье в жизнь маленькой Нелл.

— Далеко я тебя посылал, Кит? — спросил старик.

— Да признаться, хозяин, путь не ближний,— ответил мальчик.

— А дом сразу нашел?

— Да признаться, хозяин, не очень-то сразу.

— Ты, конечно, проголодался?

— Да признаться, пожалуй, что и так.

У мальчика была странная манера говорить, стоя боком к собеседнику и дергая головой, точно это движение помогало ему извлекать наружу собственный голос. Он мог бы развеселить кого угодно, но маленькую Нелл его чудачества приводили

прямо-таки в восторг, и я радовался за девочку, видя, что в этом доме, где ей совсем не годилось жить, она находит, над чем посмеяться. Киту явно льстил такой успех: поняв всю безнадежность своих попыток сохранить серьезное выражение лица, он вдруг прыснул, да так и зашелся от смеха, стоя с широко открытым ртом и зажмуренными глазами.

Старый антиквар снова погрузился в апатию, ничего не видя вокруг себя; но от моего внимания не ускользнуло, что ясные глаза девочки затуманились слезами, вызванными радостью при встрече с ее неказистым любимцем после всех волнений этого вечера. Что касается Кита, готового в любую минуту перейти от смеха к плачу, то он удалился в угол, прихватив с собой огромный ломоть хлеба с мясом и кружку пива, и с жадностью принялся уничтожать и то и другое.

Но вот старик вздохнул и, повернувшись ко мне, воскликнул, словно мы с ним и не прекращали нашего разговора:

— Как же вы можете попрекать меня, что я мало думаю о ней!

— Не надо принимать так близко к сердцу мои слова, ведь это было сказано по первому впечатлению,— ответил я.

— Да...— задумчиво проговорил он,— да... Пойди сюда, Нелл.

Девочка подбежала к деду и обняла его за шею.

— Ведь я люблю тебя, Нелл? — спросил ее старик.— Скажи, люблю я тебя или нет?

Вместо ответа она приласкалась к нему,— детская головка нежно припала к его груди.

— Почему ты плачешь? — Он привлек ее к себе и перевел взгляд на меня.— Тебе обидно, что я сомневаюсь в этом? Ну, полно, полно! Стало быть, так и будем знать: я очень люблю мою Нелл.

— Любишь! Конечно, любишь! — проникновенным голосом сказала она.— Кит тоже это знает.

Кит, который с невозмутимостью фокусника заглатывал с каждым куском хлеба две трети ножа, приостановился на минутку и оглушительно рявкнул: «Какой же дурак этого не знает!» — после чего отправил в рот сразу целый сандвич, лишив себя всякой возможности продолжать дальнейший разговор.

— У нее сейчас ничего нет,— продолжал старик, поглаживая внучку по щеке.— Но повторяю: не далеко то время, когда она будет богата. Я давно жду этого, очень давно, и дождусь. Непременно дождусь! Есть люди, которые только и знают, что кутят, сорят деньгами направо и налево, а счастье само бежит к ним в руки. Когда же оно придет ко мне!

— Дедушка, я и так счастлива,— сказала Нелл.

— Вздор, вздор! — остановил ее старик.— Ты еще ничего не понимаешь, да и где тебе понять! — И он забормотал сквозь зубы: — Наше время придет, обязательно придет. Может даже,

чем позже, тем лучше.— Потом вздохнул и, не отпуская от себя девочку, снова погрузился в задумчивость. До полуночи оставались считанные минуты, я встал, собираясь уходить, и этим вывел его из оцепенения.

— Подождите, сэр... Кит! Как же так! двенадцать часов, а ты все еще здесь! Беги, беги домой! А завтра утром смотри не опаздывай, ты мне понадобишься. Ну, спокойной ночи! Нелл, простись с ним, пусть уходит.

— Спокойной ночи, Кит,— сказала она, и глаза ее засветились лаской и весельем.

— Спокойной ночи, мисс Нелл,— ответил мальчик.

— И поблагодари этого джентльмена,— добавил старик.— Если бы не он, я, пожалуй, потерял бы свою маленькую Нелл.

— Нет, нет, хозяин! — сказал Кит.— Не годится так говорить!

— Почему? — удивился старик.

— Потому, хозяин, что уж я-то непременно бы ее нашел, если бы она только под землю не скрылась. Где-нигде, а нашел бы, в один миг! Ха-ха-ха!

Кит снова разинул рот, зажмурился и, пятясь задом, с громовым хохотом выскочил из комнаты.

Очутившись за дверью, он медлить не стал и живо убежал домой, а Нелли принялась убирать со стола. Старик воспользовался этим и снова обратился ко мне:

— Вам, может, покажется, сэр, будто я недостаточно ценю то, что вы сделали сегодня, но это неверно. Мы с Нелли покорнейше и смиренно благодарим вас за все, а ее благодарность стоит больше моей. Мне бы не хотелось, чтобы вы ушли с мыслью, будто я не чувствую к вам признательности за вашу доброту и мало забочусь о своей внучке... Нет, сэр, это не так.

— То, что я видел, убеждает меня в противном,— сказал я и потом добавил: — Разрешите только задать вам один вопрос.

— Извольте, сэр,— ответил старик.— Спрашивайте.

— Неужели за этой девочкой, такой хрупкой, такой красивой и умненькой, никто не присматривает, кроме вас? Неужели у нее нет еще какого-нибудь друга, советчика?

— Она больше ни в ком не нуждается,— сказал он, с тревогой глядя на меня.

— А не страшно ли вам брать на себя такую ответственность? Вдруг вы не справитесь с ней? Никто не сомневается в ваших благих намерениях, но отдаете ли вы себе отчет в том, как надо заботиться о столь нежной питомице? Я тоже старик, и, как и всякому человеку на склоне лет, мне особенно дороги существа юные, у которых впереди вся жизнь. Я с глубоким интересом наблюдал за вами обоими, но в то же время испытывал чувство боли.

— Сэр, — заговорил старик после минутного молчания. — Я не вправе обижаться на ваши слова. Действительно, иной раз ребенком можно счесть меня, а взрослой — ее. Вы сами в этом убедились. Но и во сне и наяву, днем и ночью, больной и здоровый, я пекусь только о ней. И как пекусь! Зная это, вы смотрели бы на меня совсем, совсем другими глазами... Нелегко мне, старику, живется, очень нелегко, но я вижу перед собой великую цель, и не отступлюсь от нее.

Он был вне себя от волнения, и, решив больше не раздражать его, я шагнул за своей шинелью, оставленной у двери. И вдруг увидел, что Нелл стоит рядом со мной, держа в руках плащ, шляпу и трость.

— Это не мое, милая,— сказал я.

— Нет, нет,— спокойно ответила девочка,— это я дедушке.

— Неужели он уйдет из дому на ночь глядя?

— Уйдет,— сказала она и улыбнулась.

— А как же ты, моя прелесть?

— Я? останусь здесь, конечно! Как всегда.

Я удивленно посмотрел на старика, но он старательно оправлял на себе плащ, то ли притворяясь, то ли на самом деле не слыша нашего разговора. Взгляд мой снова упал на маленькую, хрупкую фигурку девочки. Одна! Всю тоскливую, долгую ночь — одна в этом мрачном доме!

Нелли не подала виду, что замечает мое удивление, и помогла деду одеться, потом взяла свечу и пошла вперед — посветить нам, но на пороге остановилась, с улыбкой поджидая нас обоих. Судя по лицу старика, он понимал, почему я медлю, и все-таки не сказал ни слова, а лишь кивнул головой, пропуская меня вперед. Мне не оставалось ничего другого, как подчиниться.

В дверях девочка поставила свечу на пол и потянулась ко мне, чтобы я ее поцеловал на прощанье. Потом подбежала к старику; он обнял и благословил ее.

— Спи сладко, Нелл,— тихо проговорил он.— Пусть ангелы охраняют твой сон! И не забудь, родная, прочитать молитву на ночь.

— Нет, что ты! — горячо воскликнула она.— Мне бывает так хорошо после нее!

— Да, да, верно... я по себе это знаю, так и должно быть,— сказал старик.— Да благословит тебя бог! К утру я буду дома.

— Ты только разок позвонишь, и я сразу услышу — как бы крепко мне ни спалось,— заверила его девочка.

На этом они простились. Нелл распахнула дверь, прикрытую теперь ставнями (я слышал, как Кит возился с ними, прежде чем убежать домой), и, в последний раз пожелав нам доброй ночи своим нежным, чистым голоском, вспоминавшимся мне потом тысячи раз, проводила нас за порог. Старик подождал с минуту и, убедившись, что внучка затворила дверь и

заперла ее на засов, медленно зашагал по улице. На углу он остановился, тревожно посмотрел мне в лицо и стал прощаться, уверяя, будто бы нам совсем не по дороге. Я не успел сказать ни слова, с такой неожиданной для его возраста быстротой мой спутник оставил меня. На ходу он оглянулся раза два или три, словно проверяя, не наблюдаю ли я за ним, а может быть, опасаясь, что мне придет в голову выслеживать его издали. Ночная тьма благоприятствовала ему, и он скоро исчез у меня из виду.

Я так и остался стоять на углу, не имея сил уйти и сам не зная, что мне здесь нужно. Потом бросил грустный взгляд на улицу, по которой мы только что шли, и, поразмыслив еще минуту, зашагал обратно. Я несколько раз прошел мимо дома старого антиквара, остановился у двери, прислушался. За ней было темно и тихо, как в могиле.

И все-таки мне не хотелось уходить отсюда; я медлил, перебирая в уме все мыслимые беды, которые могли грозить ребенку,— пожар, ограбление и даже смерть от руки убийцы. У меня было такое чувство, что стоит мне только отойти от этого дома — и его постигнет несчастье. Вот где-то хлопнули не то дверью, не то окном... И, перейдя улицу, я снова стал перед лавкой антиквара и снова осмотрел ее... Нет, здесь все тихо. Дом стоит по-прежнему темный, холодный, без малейших признаков жизни.

Прохожие попадались мне редко. Унылая, мрачная улица была почти в полном моем распоряжении. Лишь изредка пробежит какой-нибудь запоздалый театрал, да кой-когда свернешь с тротуара, уступая дорогу пьяному, который горланит что есть мочи и, шатаясь, бредет домой. Впрочем, и такие прохожие были редки, а вскоре даже их не стало. Пробило час ночи, а я все шагал и шагал по этой улице, всякий раз давая себе слово, что сейчас уйду, и тут же нарушая его под каким-нибудь новым предлогом.

Речь старика, да и сам он, не выходили у меня из головы, а то, что я видел и слышал у него в доме, с каждой минутой казалось мне все непонятнее. Ночные отлучки старого антиквара были в высшей степени подозрительны. Я узнал о них только благодаря простодушной откровенности девочки; старик слышал, что она сказала, заметил мое явное недоумение, но все же промолчал, не потрудившись объяснить мне свою тайну. И чем больше я раздумывал над этим, тем явственнее возникали передо мной его измученное лицо, рассеянность, блуждающий, неспокойный взгляд. Почему бы ему не совмещать в душе любовь к внучке с самым черным злодейством? Да разве любовь эта не противоречит сама себе, если он способен оставлять девочку одну на ночь? Но при всем моем недоверии к старику я ни на минуту не сомневался в искренности его чувства к ней. Я даже не мог допустить подобных сомнений,

вспоминая наш разговор, вспоминая, с какой нежностью звучало ее имя в его устах.

«Останусь здесь, конечно! — ответила она на мой вопрос.— Как всегда». Что же влечет старика из дому — ночь за ночью? Я перебирал в уме рассказы о чудовищных, загадочных преступлениях, которые совершаются в больших городах и долгие годы остаются нераскрытыми. Но как ни страшны были эти рассказы, ни один из них не мог послужить мне для разъяснения тайны, становившейся тем непонятнее, чем больше я думал над ее разгадкой. Погруженный в свои мысли, которые сводились все к одному и тому же, я бродил по улице взад и вперед еще два долгих часа. Наконец пошел сильный дождь; усталость все-таки одолела меня, хоть и не притупила интереса к этим людям, и, остановив первую попавшуюся карету, я поехал домой. В очаге у меня весело потрескивал огонь, лампа горела ярко, часы, как всегда, встретили своего хозяина радушным тиканьем. Тишина, тепло, уют — как радостно было ощущать это после того уныния и мрака, который только что окружал меня!

Я сел в кресло, откинулся на его мягкие подушки, и мне сразу представилось, как эта девочка — одна, всеми брошенная, никем не охраняемая (кроме ангелов) — мирно спит в своей постели. Такая нежная и хрупкая, словно фея, такая юная — и где, в каком месте проводит она томительные, долгие ночи! Я не мог примириться с этим.

Мы так подвержены воздействию внешнего мира, что многие наши мысли (коим надлежало бы носить чисто умозрительный характер), может статься, не пришли бы нам в голову без этой помощи со стороны. И я не уверен, овладела ли бы мною с такой силой тревога о маленькой Нелл, если бы этой тревоге не сопутствовало воспоминание о причудливых вещах, которыми была полна лавка антиквара. Одиночество девочки, окруженной всеми этими диковинами, стало для меня особенно ощутимым. Она стояла передо мной как живая, а вокруг нее теснилось все то, что было столь чуждо всей ее природе, чуждо ее полу и возрасту. Если бы моя фантазия не получила такого подспорья, если бы я увидел девочку в обычной комнате, в обычной обстановке,— весьма возможно, что ее одиночество не поразило бы меня так сильно. Теперь же она казалась мне образом из какой-то аллегории в этом странном окружении и так приковывала к себе мои мысли, что я, повторяю, при всем желании не мог думать ни о чем другом.

— Как же сложится ее жизнь? — проговорил я вслух, беспокойно шагая из угла в угол.— Неужто эти причудливые образы так и будут держать ее в плену и она так и останется единственным чистым, свежим, непорочным существом среди них? Что ожидает...

Но тут я прервал свои размышления, ибо они заводили меня слишком далеко, заводили в ту область, которой мне не хотелось касаться. И, оставив эти пустые домыслы, я решил лечь и забыться сном.

Но всю ту ночь, и во сне и наяву, ко мне возвращались все те же думы, и те же образы неотступно стояли у меня перед глазами. Я видел темные, сумрачные комнаты, рыцарские доспехи, костлявыми призраками безмолвно выступающие из углов, ухмылки и гримасы деревянных и каменных уродцев, пыль, ржавчину, источенное червем дерево... и посреди этого хлама, этой ветоши и запустения мирно спит пленительной красоты девочка — спит и улыбается своим легким, светлым снам.

ГЛАВА II

Желание снова посетить то место, откуда я ушел при описанных выше обстоятельствах, наконец одержало надо мной верх, промучив меня почти всю следующую неделю; однако на сей раз я решил побывать там засветло и отправился в ту часть города в первой половине дня.

Я миновал лавку и несколько раз прошелся от угла к углу, борясь с чувством нерешительности, знакомым каждому, кто боится, что его неожиданное посещение будет некстати. Дверь дома была затворена, и, следовательно, меня не могли увидеть оттуда, сколько бы ни продолжались мои прогулки взад и вперед по тротуару. Наконец оставив колебания, я вошел в лавку торговца древностями.

Хозяин и еще какой-то человек стояли в глубине ее и, вероятно, вели не совсем приятный разговор, так как при моем появлении их громкие голоса сразу смолкли, а старик поспешил мне навстречу и взволнованно пробормотал, что очень рад меня видеть.

— Вы весьма кстати прервали наш спор,— сказал он, показывая на своего собеседника.— Этот человек когда-нибудь убьет меня. Он давно бы это сделал, да только не смеет.

— А, перестаньте! Будь на то ваша воля, вы бы сами давно отправили меня на виселицу,— огрызнулся незнакомец, предварительно бросив в мою сторону дерзкий взгляд из-под нахмуренных бровей.— Это всем известно.

— Да, пожалуй, ты прав! — в бессильной ярости воскликнул старик.— Я дам любую клятву, сотворю любую молитву, лишь бы отделаться от тебя! Твоя смерть была бы для меня избавлением!

— Знаю, все знаю, — сказал незнакомец. — О том я и толкую! Но ни ваши клятвы, ни ваши молитвы мне не повредят. Я жив и здоров и умирать не собираюсь.

— А мать его умерла! — Старик горестно стиснул руки и устремил глаза ввысь.— Где же она, справедливость!

Незнакомец стоял, поставив одну ногу на табуретку, и с презрительной усмешкой посматривал на старика. Это был молодой человек, примерно двадцати одного года, стройный и бесспорно красивый, хотя в выражении его лица, в манерах и даже одежде чувствовалось что-то отталкивающее, беспутное.

— Не знаю, как там насчет справедливости,— сказал он,— но я, как видите, здесь; и здесь и останусь до тех пор, пока сочту нужным или пока меня с чьей-нибудь помощью не выставят за дверь, чего вы, конечно, не сделаете. Повторяю еще раз: я хочу видеть свою сестру.

— Сестру! — с горечью воскликнул старик.

— Да! Родство есть родство, тут уж ничего не попишешь. Вы давно бы его похерили, будь это в ваших силах,— сказал молодой человек.— Я хочу видеть сестру, которую вы держите взаперти и только портите, впутывая в свои тайные дела! Да еще прикидываетесь, будто любите ее, а на самом деле готовы вогнать ребенка в гроб ради того, чтобы наскрести еще несколько жалких грошей в придачу к своим несметным богатствам. Я хочу видеть ее — и увижу.

— Полюбуйтесь на этого праведника! И он говорит о том, что я порчу Нелл! Он, щедрая душа, пренебрегает лишним грошом! — воскликнул старик, поворачиваясь ко мне.— Этот беспутный человек, сэр, потерял всякое право требовать что-либо не только от тех, кто имеет несчастье быть с ним в кровном родстве, но и от общества, которое видит от него одно лишь зло. И, кроме того, это лжец! — добавил он, понизив голос и подходя ко мне вплотную.— Ему ли не знать, как я люблю ее, и все-таки он старается оскорбить меня в моих лучших чувствах, пользуясь присутствием постороннего.

— Я, дедушка, посторонними людьми не интересуюсь,— сказал молодой человек, расслышав его последние слова.— И надеюсь, они мной тоже. Пусть занимаются своими делами и оставят других в покое, это будет самое лучшее. Меня дожидается один приятель, и, с вашего позволения, я приглашу его сюда, так как мне, видимо, придется задержаться здесь.

С этими словами он вышел за дверь и, посмотрев направо и налево, замахал рукой какому-то невидимке, которого (судя по горячности этой сигнализации) не так-то легко было подманить. Но вот на другой стороне улицы — якобы совершенно случайно — появилась фигура, сразу бросавшаяся в глаза своим костюмом, затасканным, но с поползновением на щегольство. Фигура эта долго гримасничала и мотала головой, отказываясь от приглашения, но в конце концов пересекла дорогу и вошла в лавку.

— Ну, вот. Это Дик Свивеллер, — сказал молодой человек, подталкивая его вперед.— Садись, Свивеллер.

— А как старичок, не противится? — вполголоса спросил мистер Свивеллер.

— Садись,— повторил его приятель.

Мистер Свивеллер повиновался и, с заискивающей улыбкой оглядевшись по сторонам, сообщил, что на прошлой неделе погода была хороша для уток, а на этой неделе им хуже — ни одной лужи, и что, стоя на перекрестке у фонарного столба, он видел свинью, которая вышла из табачной лавки с соломинкой во рту,— а значит, уткам на следующей неделе опять будет раздолье, ибо без дождя не обойдется. Далее сей джентльмен извинился за некоторую небрежность своего туалета и, объяснив ее тем обстоятельством, будто бы вчера вечером он основательно «заложил за галстук», таким образом в самой деликатной форме дал понять своим слушателям, что был мертвецки пьян накануне.

— Но какое это имеет значение,— со вздохом заключил мистер Свивеллер,— покуда нас на пир зовет веселый звон стаканов и осеняющие нас крылья дружбы не роняют ни перышка! Какое это имеет значение, покуда в крови кипит искрометное вино и мы упиваемся блаженством и страданьем!

— Перестань увеселять компанию,— буркнул его приятель.

— Фред! — воскликнул мистер Свивеллер, пощелкивая себя пальцем по носу.— Умному человеку достаточно лишь намекнуть. Зачем нам богатства, Фред? Мы и без них будем счастливы. Ни слова больше! Я поймал твою мысль на лету: держать ухо востро. Ты только шепни мне: старичок благоволит?

— Отвяжись,— последовал ответ.

— Опять же правильно,— согласился мистер Свивеллер.— Приказано быть начеку, и будем начеку. — Он подмигнул, скрестил руки на груди, откинулся на спинку стула и с необычайно глубокомысленным видом уставился в потолок.

Из всего вышеизложенного резонно было бы заключить, что мистер Свивеллер еще не совсем пришел в себя от необычайно сильного воздействия искрометного вина, на которое он сам ссылался, но если бы даже таких подозрений не вызывали речи этого джентльмена, то взлохмаченные волосы, осоловелые глаза и землистый цвет лица свидетельствовали бы не в его пользу. Намекая на некоторую неряшливость своей одежды, мистер Свивеллер был прав, ибо она не отличалась чрезмерной опрятностью и наводила на мысль, что ее обладатель проспал ночь не раздеваясь. Костюм его состоял из коричневого полуфрака с множеством медных пуговиц спереди и одной-единственной сзади, шейного платка в яркую клетку, жилета из шотландки, грязно-белых панталон и шляпы с обвислыми полями, надетой задом наперед, чтобы скрыть дыру на самом видном месте. Полуфрак был украшен нагрудным карманом, откуда выглядывал самый чистый уголок очень большого и очень непрезентабельного носового платка; грязные

манжеты рубашки, вытянутые до отказа, прикрывали обшлага. Мистер Свивеллер обходился без перчаток, но зато был при желтой тросточке с набалдашником в виде костяной руки, поблескивавшей чем-то вроде колечка на мизинце и сжимавшей черный шарик.

Итак, сей джентльмен развалился на стуле во всеоружии своих чар (к коим следует прибавить также сильный запах табачного дыма и весьма потрепанный вид), вперил глаза в потолок и, предварительно попробовав голос, угостил общество несколькими тактами крайне заунывной песни, потом вдруг оборвал свои рулады и снова погрузился в молчание.

Старик сидел со сложенными на груди руками и поглядывал то на внука, то на его странного приятеля, зная, должно быть, что ему не обуздать их. Фред привалился спиной к столу неподалеку от своего дружка и делал вид, будто ничего не произошло, а я, зная, насколько трудно постороннему вмешиваться в чужие дела, притворился, будто рассматриваю вещи, выставленные на продажу, и ни на кого не обращаю внимания, хотя старик с первой же минуты взывал к моей помощи и словами и взглядами.

Впрочем, молчание не затянулось, ибо мистер Свивеллер, предварительно поведав нам нараспев, что в горах его сердце, доныне он там и что для свершения доблестных, героических деяний ему не хватает только арабского коня, отвел взгляд от потолка и снова вернулся к презренной прозе.

— Фред,— вдруг обратился он к приятелю громким шепотом, словно пораженный какой-то внезапной мыслью.— Скажи, старичок благоволит?

— Какое тебе дело? — огрызнулся тот.

— Нет, а все-таки?

— Да, да, вполне. Впрочем, на это наплевать.

Ободренный таким ответом, мистер Свивеллер решил завести разговор на более общие темы и во что бы то ни стало завоевать наше внимание.

Для начала он заявил, что содовая вода — вещь сама по себе недурная — может застудить желудок, если ее не сдобрить элем или небольшой порцией коньяка, причем последний предпочтителен во всех смыслах, кроме одного — сильно бьет по карману. Так как никто не рискнул оспаривать это положение, мистер Свивеллер сообщил нам, что волосам человека свойственно долго сохранять запах табачного дыма и что юные воспитанники Итона и Вестминстера поглощают огромное количество яблок, дабы отбить запах сигар, и все же изобличаются в курении своими рачительными друзьями, ибо, как уже было сказано, волосы обладают этой удивительной особенностью. Отсюда вывод: если б Королевское общество заинтересовалось вышеизложенным обстоятельством и изыскало в недрах науки способ предотвратить подобного рода нежелательные

разоблачения, члены его заслужили бы славу благодетелей рода человеческого. Не встретив возражений и на сей раз, он уведомил нас далее, что ямайский ром — напиток душистый, отменного букета — имеет один весьма существенный недостаток, а именно: на другой день после него остается неприятный вкус во рту. Поскольку среди присутствующих не нашлось смельчаков, которые отважились бы опровергнуть это, мистер Свивеллер окончательно разошелся и стал еще словоохотливее и откровеннее.

— Куда это годится, джентльмены, когда между родственниками начинаются ссоры и дрязги! — воскликнул он.— Если крыльям дружбы не пристало ронять ни перышка, то крылья родственных уз и подавно должны быть всегда распростерты над нами в безмятежном покое; и горе тому, кто окорнает их! Почему дедушка и внук с остервенением грызутся между собой, вместо того чтобы блаженствовать в обоюдном согласии? Почему бы им не протянуть друг другу руку и не предать прошлое забвению?

— Да замолчи ты! — крикнул его приятель.

— Сэр! — обратился к нему мистер Свивеллер.— Прошу меня не перебивать. Джентльмены! Обсудим, как обстоит дело. Вы видите перед собой милейшего старенького дедушку — произношу эти слова с чувством глубокого почтения к нему — и его непутевого внука. Милейший старенький дедушка говорит своему непутевому внуку: «Я растил и учил тебя уму-разуму, Фред. Я поставил тебя на ноги, а ты взял да и свихнулся, как это часто случается с молодыми людьми, и теперь больше ко мне не суйся». На что непутевый внук возражает ему следующее: «Вы, дедушка, из богачей богач и не так уж много на меня потратились. Деньги вы копите для моей маленькой сестрички, которая живет у вас в заточении, настоящей затворницей, и даже понятия не имеет об удовольствиях. Так почему бы вам не уделить ну хоть самую малость вашему взрослому внуку?» А милейший старенький дедушка отвечает и говорит, что он отнюдь не намерен раскошелиться с той охотой и с тем благодушием, которые производят столь выгодное и отрадное впечатление в человеке его лет. Более того! Он грозит при каждой встрече устраивать внуку головомойку, пилить его и всячески порочить. Итак, спрашивается: не прискорбно ли такое положение вещей и не лучше ли было бы почтенному джентльмену откупиться умеренной суммой и поладить на этом ко всеобщему удовольствию?

Произнеся эту торжественную речь, сопровождавшуюся выразительным помаванием рук, мистер Свивеллер вдруг сунул в рот набалдашник, очевидно, для того, чтобы ни одним лишним словом не испортить впечатления от своего монолога.

— Боже мой, боже! — воскликнул старик и повернулся к внуку.— Зачем ты преследуешь и терзаешь меня? Зачем ты

водишь сюда своих беспутных приятелей? Сколько раз мне повторять, что я бедняк, что жизнь моя полна забот и лишений?

— А мне сколько раз повторять, что это неправда? — сказал молодой человек, холодно глядя на деда.

— Ты избрал себе путь. Так следуй же этим путем. Оставь меня и Нелл в покое, мы с ней труженики.

— Нелл скоро будет взрослой девушкой,— возразил ему внук.— Под вашим влиянием она совсем отступится от брата, если он перестанет навещать ее хоть изредка.

— Смотри, как бы она не отступилась от тебя, когда тебе меньше всего захочется этого! — сверкнув глазами, воскликнул старик.— Смотри, как бы не настал день, когда ты будешь босой скитаться по улицам, а она проедет мимо тебя в пышной карете!

— А день этот наступит, когда ей достанутся ваши деньги? Послушайте, что он говорит, наш бедняк!

— И все-таки мы бедняки,— вполголоса, будто размышляя вслух, пробормотал старик.— И нам так трудно живется! Ведь все во имя ребенка, невинного, чистого... а удачи нет! Надейся и терпи! Надейся и терпи!

Эти слова были сказаны совсем тихо, и молодые джентльмены не расслышали их. Мистер Свивеллер, вообразив, что они служат выражением душевной борьбы, начавшейся под могучим воздействием его речи, ткнул приятеля тростью и, шепнув: «Проняло!» — потребовал процентов с ожидаемой поживы. Впрочем, когда ошибка обнаружилась, он немедленно осовел, надулся и стал намекать на то, что сейчас самое время удалиться, — как вдруг дверь отворилась и в комнату вошла Нелли.

ГЛАВА III

По пятам за девочкой шел пожилой человек на редкость свирепого и отталкивающего вида и к тому же ростом настоящий карлик, хотя голова и лицо этого карлика своими размерами были под стать только великану. Его хитрые черные глаза так и бегали по сторонам, у рта и на подбородке топорщилась жесткая щетина, а кожа была грязная, нездорового оттенка. Но что особенно неприятно поражало в его физиономии — это отвратительная улыбка. По-видимому, заученная и не имеющая ничего общего с веселостью и благодушием, она выставляла напоказ его редкие желтые зубы и придавала ему сходство с запыхавшейся собакой. Костюм этого человека состоял из сильно поношенной темной пары, высоченного цилиндра, огромных башмаков и совершенно слежавшегося грязно-белого фуляра, которым он тщетно старался прикрыть свою жилистую шею. Его черные, с сильной проседью, волосы — вернее, жалкие их остатки — были коротко подстрижены у

висков, а на уши спадали сальными космами. Руки, грубые, заскорузлые, тоже не отличались опрятностью; длинные кривые ногти отливали желтизной.

Я успел заметить все эти подробности, так как они настолько бросались в глаза, что особой наблюдательности тут и не требовалось, а кроме того, первые несколько минут все мы хранили молчание. Девочка застенчиво подошла к брату и протянула ему руку; карлик (мы так и будем его называть) внимательно приглядывался ко всем нам, а старый антиквар, видимо, не ожидавший этого странного гостя, был явно смущен и расстроен его приходом.

— Ага! — сказал наконец карлик, поглядев из-под ладони на молодого человека.— Если я не ошибаюсь, любезнейший, это ваш внучек?

— К сожалению, вы не ошибаетесь,— ответил старик.

— А это? — карлик показал на Дика Свивеллера.

— Его приятель, такой же незваный гость.

— А это? — осведомился карлик, круто поворачиваясь и тыча пальцем в меня.

— Этот джентльмен был так добр, что довел Нелли до дому, когда она заблудилась, возвращаясь от вас.

Карлик шагнул к девочке с таким видом, точно хотел пожурить ее или выразить ей свое удивление, но, увидев, что она разговаривает с братом, молча наклонил голову и стал прислушиваться.

— Ну, признавайся, Нелли,— громко сказал молодой человек.— Чему тебя здесь учат — ненавидеть меня?

— Нет, нет! Что ты! Зачем ты так говоришь? — воскликнула девочка.

— Так, может, учат любить? — с насмешливой гримасой продолжал ее брат.

— Ни то и ни другое,— ответила она.— Со мной просто не говорят о тебе. Никогда не говорят.

— Ну еще бы! — Он метнул злобный взгляд на деда.— Еще бы! Этому я охотно верю.

— Но я люблю тебя, Фред! — сказала девочка.

— Не сомневаюсь.

— Правда, люблю! И всегда буду любить! — с чувством повторила она.— И любила бы тебя еще больше, если бы ты не огорчал и не мучил его.

— Понятно! — Молодой человек небрежно нагнулся к сестре, чмокнул ее и тут же отстранил от себя. — Ну, хорошо. Урок свой ты заучила твердо, теперь можешь идти. А хныкать нечего — мы с тобой не поссорились.

Он молча провожал ее глазами до тех пор, пока она не притворила за собой дверь своей комнаты, потом повернулся к карлику и резко сказал:

— Слушайте, мистер...

— Это вы мне? — спросил тот.— Меня зовут Квилп. Уж как-нибудь запомните, фамилия коротенькая,— Квилп. Дэниел Квилп!

— Так вот, мистер Квилп,—продолжал молодой человек.— Вы, кажется, имеете некоторое влияние на моего деда?

— Имею,— отрезал мистер Квилп.

— И посвящены в кое-какие его тайны и секреты?

— Посвящен,— так же сухо ответил Квилп.

— В таком случае будьте добры уведомить его от моего имени, что, покуда Нелл здесь, я намерен приходить сюда и уходить отсюда, когда мне вздумается. Так что, если он хочет отделаться от своего внука, пусть сначала расстанется с внучкой. Чем я заслужил, что мною стращают, как пугалом, и прячутся от меня, как от зачумленного! Он станет говорить вам, будто я бесчувственный человек и не люблю ни его, ни сестру. Ну что ж, пусть так! Зато я люблю делать все по-своему и буду являться сюда, когда захочу. Нелл не должна забывать, что у нее есть брат. Мы с ней *будем* видаться, это решено. Сегодня я пришел и настоял на своем и приду еще пятьдесят раз за тем же самым. Я говорил, что дождусь ее, и дождался, а больше мне нечего здесь делать. Пошли, Дик!

— Стой! — крикнул мистер Свивеллер, как только его приятель шагнул к двери.— Сэр!

— Ваш покорный слуга, сэр! — сказал мистер Квилп, к которому относилось это краткое обращение.

— Прежде чем покинуть чертог, сияющий огнями, и упоенную весельем толпу, я позволю себе, сэр, сделать одно мимолетное замечание. Я пришел сюда в полной уверенности, что старичок благоволит...

— Продолжайте, сэр,— сказал мистер Квилп, так как оратор вдруг запнулся.

— Вдохновленный этой мыслью, сэр, вдохновленный чувствами, отсюда проистекающими, и зная также, что ссоры, свары и споры не способствуют раскрытию сердец и умиротворению противников, я, как друг семьи, взял на себя смелость предложить один ход, который при данных обстоятельствах является наилучшим. Разрешите шепнуть вам одно словечко, сэр?

Не дожидаясь разрешения, Свивеллер подошел к карлику вплотную, оперся локтем на его плечо, нагнулся к самому его уху и сказал так громогласно, что все услышали:

— Мой совет старику — раскрыть кошель.

— Что? — переспросил Квилп.

— Раскрыть кошель, сэр, кошель! — ответил мистер Свивеллер, похлопывая себя по карману.— Чувствуете, сэр?

Карлик кивнул, мистер Свивеллер отступил назад и тоже кивнул, потом отступил еще на шаг, опять кивнул — и так далее, в той же последовательности. Достигнув таким образом порога, он оглушительно кашлянул, чтобы привлечь внимание

карлика и лишний раз воспользоваться возможностью изобразить средствами пантомимы свое полное доверие к нему, а также намекнуть на желательность соблюдения строжайшей тайны. Когда же эта немая сцена, необходимая для передачи его мыслей, была закончена, он последовал за своим приятелем и мгновенно исчез за дверью.

— Гм! — хмыкнул карлик, сердито передернув плечами.— Вот они, родственнички! Я, слава богу, от своих отделался. И вам тоже советую,— добавил он, поворачиваясь к старику.— Да только вы тряпка, и разума у вас не больше, чем у тряпки!

— Что вы от меня хотите! — в бессильном отчаянии воскликнул антиквар.— Вам легко так рассуждать, легко издеваться надо мной. Что вы от меня хотите?

— А знаете, что бы сделал на вашем месте я? — спросил карлик.

— Что-нибудь страшное, наверно.

— Правильно! — Чрезвычайно польщенный таким комплиментом, мистер Квилп с дьявольской усмешкой потер свои грязные руки. — Справьтесь у миссис Квилп, у очаровательной миссис Квилп, покорной, скромной, преданной миссис Квилп. Да, кстати! Я оставил ее совсем одну, она, верно, ждет меня не дождется, просто места себе не находит. Она всегда так — стоит только мне уйти из дому. Правда, моя миссис Квилп никогда в этом не признается, пока я не разрешу ей говорить со мной по душам и пообещаю не сердиться. О-о, она у меня вышколенная!

Уродливый карлик с огромной головой на маленьком туловище стал совсем страшен, когда он начал медленно, медленно потирать руки,— а казалось бы, что могло быть невиннее этого жеста! — потом насупил свои мохнатые брови, выпятил подбородок и так закатил к потолку глаза, пряча сверкавшее в них злорадство, что эту ужимку охотно перенял бы у него любой бес.

— Вот,— сказал он, сунув руку за пазуху и боком подступая к старику.— Сам принес для верности. Ведь как-никак — золото. У Нелли в сумочке они, пожалуй, не поместились бы, да и тяжело. Впрочем, ей надо привыкать, а, любезнейший? Когда вы помрете, она будет носить в этой сумочке немалые ноши.

— Дай бог, чтобы ваши слова сбылись! Все мои надежды только на это! — почти со стоном проговорил старик.

— Надежды! — повторил карлик и нагнулся к самому его уху: — Хотел бы я знать, любезнейший, куда вы вкладываете все эти деньги? Да разве вас перехитришь! Очень уж вы бережете свою тайну.

— Мою тайну? — пробормотал старик, растерянно поводя глазами. — Да, правильно... я... я берегу ее... берегу как зеницу ока. — Он не добавил больше ни слова, взял деньги, уста-

лым, безнадежным движением поднес ко лбу руку и медленно отошел от карлика.

Квилп пристальным взглядом проводил старика в заднюю комнату, увидел, как деньги были заперты в железную шкатулку на каминной доске, посидел еще несколько минут в раздумье и наконец собрался уходить, заявив, что ему надо торопиться, не то миссис Квилп встретит его истерическим припадком.

— Итак, любезнейший,— добавил он,— я направляю свои стопы домой и прошу вас передать мой поклон Нелли. Надеюсь, она больше не будет плутать по улицам, хотя этот неприятный случай принес мне такую неожиданную честь...— С этими словами карлик отвесил поклон в мою сторону, скосил на меня глаза, потом обвел все кругом пронзительным взглядом, от которого, казалось, не скроется никакой пустяк, никакая мелочь, и наконец удалился.

Я сам уже давно порывался уйти, но старик все удерживал меня и просил посидеть еще. Как только мы с ним остались вдвоем, он возобновил свои просьбы, вспоминая с благодарностью случай, сведший нас в первый раз, и я, охотно уступив ему, сел в кресло и притворился, будто с интересом рассматриваю редкостные миниатюры и старинные медали. Уговаривать меня пришлось недолго, ибо если первое посещение лавки пробудило мое любопытство, то теперешнее еще больше его разожгло.

Вскоре к нам присоединилась Нелл. Она принесла какое-то рукоделье и села за стол рядом с дедом. Мне было приятно видеть свежие цветы в этой комнате, птицу в клетке, прикрытую от света зеленой веточкой, мне было приятно дуновение чистоты и юности, которое проносилось по унылому старому дому и реяло над головкой Нелли. Но отнюдь не приятное, а скорее жуткое чувство охватывало меня, когда я переводил взгляд с прелестного, грациозного ребенка на согбенную спину и морщинистое, изнуренное лицо старика. Он будет слабеть, дряхлеть,— что же станет тогда с этой одинокой девочкой? А вдруг он умрет и она лишится даже такой опоры? Какая участь ждет ее впереди?

Старик вдруг тронул внучку за руку и сказал, почти отвечая на мои мысли:

— Я больше не буду унывать, Нелл. Счастье придет, обязательно придет! Я прошу его только для тебя, мне самому ничего не нужно. А иначе сколько бед падет на твою невинную головку! Оно должно улыбнуться нам, ведь его так добиваются, так зовут!

Девочка ласково посмотрела на деда, но ничего не сказала.

— Когда я думаю,— продолжал он,— о тех долгих годах — долгих для твоей юной жизни, что ты провела здесь со мной, о твоем унылом существовании... без сверстников, без ребяче-

ских утех... об одиночестве, в котором ты росла, — мне иной раз кажется, что я жестоко обходился с тобой, Нелл.

— Дедушка! — с неподдельным изумлением воскликнула она.

— Не намеренно, нет, нет! — сказал старик.— Я всегда верил, что настанет день, когда ты сможешь наконец быть среди самых веселых, самых красивых и займешь место, которое уготовано только избранным. И я все еще жду этого, Нелл. Жду и буду ждать! Но вдруг ты останешься одна?.. Что я сделал, чтобы подготовить тебя к жизни? Ты совсем как вон та бедная птичка, и так же будешь брошена на произвол судьбы... Слышишь? Это Кит стучится. Пойди, Нелл, открой ему.

Девочка встала из-за стола, сделала несколько шагов, но вдруг остановилась, вернулась назад и бросилась деду на шею. Потом снова пошла к двери, но на этот раз быстрее, чтобы скрыть слезы, брызнувшие у нее из глаз.

— Одно словечко, сэр,—торопливо зашептал старик.— Мне как-то не по себе после нашего первого разговора с вами, но в свое оправдание я могу сказать только то, что все делается к лучшему, что отступать уже поздно — да и нельзя отступать — и что надежда не оставляет меня. Все это ради нее, сэр. Я сам не раз испытывал в жизни жестокую нужду и хочу уберечь ее от страданий, неразрывных с нуждой. Я хочу уберечь Нелл от тех бед, которые так рано свели в могилу ее мать — единственное мое дитя. Я оставлю своей внучке наследство, но не такое, что можно быстро истратить, промотать — нет! — оно навсегда охранит ее от лишений. Вы понимаете меня, сэр? Она получит не какие-нибудь жалкие гроши, а целое состояние!.. Шш!.. Больше я ничего не смогу вам сказать, ни сейчас, ни после... да вот и она.

Волнение, с каким все это было сказано мне на ухо, дрожь пальцев, лежащих на моей руке, исступленный вид, широко открытые глаза, напряженно всматривающиеся мне в лицо, — все это поразило меня. То, что я видел и слышал здесь, — слышал даже от самого старика,— давало мне основания считать его богатым человеком. Значит, это один из тех жалких скупцов, которые, поставив себе в жизни единственную цель — наживу — и скопив огромные богатства, вечно терзаются мыслью о нищете, вечно одержимы страхом, как бы не потерпеть убытков и не разориться. Многое из того, что старик говорил раньше и что было тогда непонятно мне, подкрепляло мои опасения, и я окончательно причислил его к этому несчастному племени.

То была всего лишь догадка — для более основательного суждения у меня не оставалось времени, так как девочка вскоре вернулась в комнату и сейчас же села с Китом за урок письма, что, оказывается, было заведено у них два раза в неделю и доставляло ученику и учительнице огромное удовольствие. Очередной урок приходился на сегодняшний вечер.

Чтобы передать, как долго понадобилось уговаривать Кита сесть за стол в присутствии незнакомого джентльмена, как его наконец усадили, как он загнул обшлага, расставил локти, уткнулся носом в тетрадку и страшным образом скосил на нее глаза, как, взяв перо, он немедленно начал сажать кляксу за кляксой и вымазался чернилами до корней волос, как, написав совершенно случайно правильную букву, он нечаянно стирал ее рукавом, пытаясь вывести вторую такую же, как при каждой очередной ошибке раздавался взрыв смеха девочки и не менее веселый хохот самого Кита и как, несмотря на подобные неудачи, наставница старалась преподать своему ученику трудную науку письма, а он с таким же рвением одолевал ее,— повторяю, чтобы передать все эти подробности, понадобилось бы слишком много времени и места, гораздо больше, чем они того заслуживают. Будет вполне достаточно, если я скажу, что урок был дан, что вечер миновал и следом за ним наступила ночь, что к ночи старик опять стал выражать явные признаки беспокойства и нетерпения, что он ушел из дому тайком в тот же час, как и прежде, и что девочка опять осталась одна в этих мрачных стенах.

А теперь, доведя рассказ до этого места от своего имени и познакомив читателя с моими героями, я в интересах дальнейшего повествования отстранюсь от него и предоставлю тем, кто играет в нем главные и сколько-нибудь существенные роли, действовать и говорить самим за себя.

ГЛАВА IV

Мистер и миссис Квилп проживали на Тауэр-Хилле, и в своей скромной келье на Тауэр-Хилле миссис Квилп коротала часы разлуки, изнывая от тоски по супругу, покинувшему ее ради той деловой операции, которая, как мы уже видели, привела его в лавку древностей.

Определить род занятий или ремесло мистера Квилпа было бы трудно, хотя его интересы отличались крайней разносторонностью и дел ему всегда хватало. Он собирал дань в виде квартирной платы с целой армии обитателей трущоб на грязных улочках и в грязных закоулках возле набережной, ссужал деньгами матросов и младших офицеров торговых судов, участвовал в рискованных операциях многих штурманов Ост-Индской компании, курил контрабандные сигары под самым носом у таможни и чуть ли не ежедневно встречался на бирже с господами в цилиндрах и в кургузых пиджачках. На правом берегу Темзы ютился небольшой, кишащий крысами и весьма мрачный двор, именовавшийся «Пристанью Квилпа», где взгляду представлялось следующее: дощатая контора, покосившаяся на один бок, словно ее сбросили сюда с облаков и она зарылась

в землю, ржавые лапы якорей, несколько чугунных колец, гнилые доски и груды побитой, покореженной листовой меди. На «Пристани Квилпа» Дэниел Квилп выступал в роли подрядчика по слому старых кораблей, но, судя по всему, он был либо совсем мелкой сошкой в этой области, либо ломал корабли на совсем мелкие части. Нельзя также сказать, чтобы здесь кипела жизнь и замечались следы бурной деятельности, ибо единственным обитателем этих мест был мальчишка в парусиновой куртке (существо, по-видимому, земноводное), весь круг занятий которого заключался в том, что он либо сидел на сваях и бросал камни в тину во время отлива, либо стоял, засунув руки в карманы, и с полной безучастностью взирал на оживленную в часы прилива реку.

В доме карлика на Тауэр-Хилле, кроме помещения, занимаемого им самим и миссис Квилп, имелась крохотная каморка, отведенная ее матушке, которая проживала совместно с супружеской четой и находилась в состоянии непрекращающейся войны с Дэниелом, что не мешало ей сильно его побаиваться. Да и вообще это чудовище Квилп повергал в трепет почти всех, кто сталкивался с ним в повседневной жизни, действуя на окружающих то ли своим уродством, то ли крутостью права, то ли коварством,— чем именно, в конце концов не так уж важно. Но никого не держал он в таком полном подчинении, как миссис Квилп — хорошенькую, голубоглазую, бессловесную женщину, которая, связавшись с ним узами брака в явном ослеплении чувств (что случается не так уж редко), каждодневно и полной мерой расплачивалась теперь за содеянное ею безумие.

Мы сказали, что миссис Квилп коротала часы разлуки в своей скромной келье на Тауэр-Хилле. Коротать-то она коротала, но только не одна, ибо, кроме ее почтенной матушки, о которой уже упоминалось раньше, компанию ей составляли несколько соседок, по странной случайности (а также по взаимному сговору) явившихся в гости одна за другой как раз к чаю. Обстоятельства встречи вполне благоприятствовали беседе, в комнате стояла приятная полутьма и прохлада; цветы на раскрытом настежь окне, не пропуская с улицы пыли, в то же время заслоняли от глаз древний Тауэр, и дамы были не прочь поболтать и поблагодушествовать за чайным столом, чему немало способствовали такие соблазнительные вещи, как сливочное масло, мягкие булочки, креветки и кресс-салат.

Вполне естественно, что в такой компании и в такой обстановке разговор зашел о склонности мужчин тиранствовать над слабым полом и о вытекающей отсюда необходимости для слабого пола оказывать отпор их тиранству и отстаивать свои права и свое достоинство. Это было естественно по следующим четырем причинам: во-первых, миссис Квилп, как женщину молодую и явно изнывающую под пятой супруга, следовало

подстрекнуть к буиту; во-вторых, родительница миссис Квилп была известна строптивостью нрава (качеством весьма похвальным) и стремлением всячески противодействовать мужскому самовластию; в-третьих, каждой гостье хотелось выказать свое превосходство в этом смысле перед всеми другими существами одного с нею пола; и, в-четвертых, привыкнув сплетничать друг про дружку за глаза, дамы не могли предаваться этому занятию в тесном приятельском кружке, и, следовательно, им ничего не оставалось, как ополчиться на общего врага.

Учтя все это, одна из присутствующих — дебелая матрона — первая открыла обмен мнениями, осведомившись с весьма озабоченным и участливым видом, как себя чувствует мистер Квилп, на что матушка жены мистера Квилпа отрезала:

— Прекрасно! А что ему сделается? Худой траве все впрок!

Дамы дружно вздохнули, сокрушенно покачали головой и так посмотрели на миссис Квилп, словно перед ними сидела мученица.

— Ах! — воскликнула все та же дебелая матрона.— Хоть бы вы ей что-нибудь присоветовали, миссис Джинивин! (Следует отметить, что в девичестве миссис Квилп была мисс Джинивин.) Ведь все зависит от того, как женщина себя поставит. Впрочем, что зря говорить, сударыня! Вам это лучше всех известно.

— Еще бы не известно! — ответила миссис Джинивин.—Да если б мой покойный муж, а ее дражайший родитель, осмелился сказать *мне* хоть одно непочтительное слово, я бы... — И почтенная старушка с яростью свернула шейку креветке, видимо, заменяя недосказанное этим красноречивым действием. В таком смысле оно и было понято, и ее собеседница не замедлила подхватить с величайшим воодушевлением:

— Мы с вами будто сговорились, сударыня! Я бы сама сделала то же самое!

— Да вам-то какая нужда! — сказала миссис Джинивин.— Вы можете обойтись и без этого. Я, слава богу, тоже обходилась.

— Достоинство свое надо блюсти, тогда и нужды такой не будет,— провозгласила дебелая матрона.

— Слышишь, Бетси? — наставительным тоном обратилась к дочери миссис Джинивин.— Сколько раз я твердила тебе то же самое, заклинала тебя, чуть ли не на колени перед тобой становилась!

Бедная миссис Квилп, беспомощно взиравшая на сочувственные лица гостей, вспыхнула, улыбнулась и недоверчиво покачала головой. Это немедленно послужило сигналом ко всеобщему возмущению. Начавшись с невнятного бормотанья, оно мало-помалу перешло в крик, причем все кричали хором, уверяя миссис Квилп, что, будучи женщиной молодой, она не име-

ет права спорить с теми, кто умудрен опытом; что нехорошо пренебрегать советами людей, пекущихся только о ее благе; что такое поведение граничит с черной неблагодарностью; что вольно ей не уважать самое себя, но пусть подумает о других женщинах; что, если она откажется уважать других женщин, настанет время, когда другие женщины откажутся уважать ее, о чем ей придется очень и очень пожалеть. Облегчив таким образом душу, дамы с новыми силами набросились на крепкий чай, мягкие булочки, сливочное масло, креветки и кресс-салат и заявили, что от расстройства чувств им просто кусок в горло не идет.

— Это все одни разговоры,— простодушно сказала миссис Квилп,— а случись мне завтра умереть, Квилп женится на ком захочет, и ни одна женщина ему не откажет — вот не откажет и не откажет!

Ее слова были встречены негодующими возгласами. Женится на ком захочет! Посмел бы он только присвататься к кому-нибудь из них! Посмел бы только заикнуться об этом! Одна дама (вдова) твердо заявила, что она зарезала бы его, если б он решился хоть намекнуть ей о своих намерениях.

— Ну и хорошо,— сказала миссис Квилп, покачивая головой,— а все-таки это одни разговоры, и я знаю, прекрасно знаю: Квилп такой, что стоит только ему захотеть, и ни одна из вас перед ним не устоит, даже самая красивая, если она будет свободна, а я умру, и он начнет за ней ухаживать. Вот!

Дамы горделиво вскинули головы, точно говоря: «Вы, конечно, имеете в виду меня. Ну что ж, пусть попробует — посмотрим!» И тем не менее все они по какой-то им одним ведомой причине взъелись на вдову и стали шептать, каждая на ухо своей соседке: пусть, дескать, эта вдова не воображает, будто намек относится к ней! Подумайте, какая вертихвостка!

— Это все правда,— продолжала миссис Квилп.— Спросите хоть маму. Она сама так говорила до того, как мы поженились. Ведь говорили, мама?

Такой вопрос поставил почтенную старушку в весьма затруднительное положение, ибо в свое время она немало потрудилась, чтобы ее дочка стала миссис Квилп; кроме того, ей не хотелось ронять честь семьи, внушая посторонним мысль, будто бы у них в доме обрадовались жениху, на которого никто больше не позарился. С другой стороны, преувеличивать неотразимость зятя тоже не следовало, так как это умалило бы самую идею бунта, которой она отдавала все свои силы. Раздираемая такими противоречивыми соображениями, миссис Джинивин признала за Квилпом уменье подольститься, но в праве властвовать над кем-либо отказала ему наотрез и, весьма кстати ввернув комплимент дебелой матроне, обратила беседу на прежнюю тему.

— Миссис Джордж так права, так права! — воскликнула она.— Если бы только женщины умели блюсти свое достоинство! Но в том-то и беда, что Бетси этого совершенно не умеет!

— Допустить, чтобы мужчина так мною помыкал, как Квилп ею помыкает! — подхватила миссис Джордж. — Трепетать перед мужчиной, как она перед ним трепещет! Да я... да я лучше руки бы на себя наложила, а в письме написала бы, что это он меня уморил.

Все громогласно одобрили ее слова, после чего заговорила другая дама, с улицы Майнорис.

— Что ж, может быть, мистер Квилп и очень приятный мужчина,— начала она.— Да какие тут могут быть споры, когда сама миссис Квилп так говорит и миссис Джинивин так говорит,— ведь им-то лучше знать. Но... будь он покрасивее да помоложе, ему еще можно было бы найти оправдание. Супруга же его молода, красива, и к тому же она женщина, а этим все сказано!

Последнее замечание, произнесенное с необычайным подъемом, исторгло сочувственный отклик из уст слушательниц, и, подбодренная этим, дама с улицы Майнорис заявила далее, что если такой муж грубиян и плохо обращается с такой женой, то...

— Да какое там «если»! — Матушка миссис Квилп поставила чашку на стол и стряхнула с колен крошки, видимо, готовясь сообщить нечто весьма важное.— Да какое там «если», когда второго такого тирана свет не видывал! Она сама не своя стала, дрожит от каждого его взгляда, от каждого его слова, пикнуть при нем не смеет! Он ее насмерть запугал!

Несмотря на то, что наши чаевницы были немало наслышаны об этом обстоятельстве и уже год судили и рядили о нем за чаепитиями во всех соседних домах, стоило им только услышать официальное сообщение миссис Джинивин, как все они затараторили разом, стараясь перещеголять одна другую в пылкости чувств и красноречии. Людям рта не зажмешь, провозгласила миссис Джордж, и люди не раз твердили ей обо всем этом, да вот и присутствующая здесь миссис Саймонс сама ей это рассказывала раз двадцать, на что она всякий раз неизменно отвечала: «Нет, Генриэтта Саймонс, пока я не увижу этого собственными глазами и не услышу собственными ушами, не поверю, ни за что не поверю». Миссис Саймонс подтвердила свидетельство миссис Джордж и подкрепила его собственными, столь же неопровержимыми показаниями. Дама с улицы Майнорис поведала обществу, какому курсу леченья она подвергла своего мужа, который спустя месяц после свадьбы обнаружил повадки тигра, но был укрощен и превратился в совершеннейшего ягненка. Другая соседка тоже рассказала о своей борьбе, завершившейся полной победой после того,

как она водворила в дом матушку и двух теток и проплакала шесть недель подряд, не осушая глаз ни днем, ни ночью. Третья, не найдя в общем гаме более подходящей слушательницы, насела на молодую незамужнюю женщину, оказавшуюся среди гостей, и стала заклинать ее ради ее же собственного душевного покоя и счастья принять все это к сведению и, почерпнув урок из безволия миссис Квилп, посвятить себя отныне усмирению и укрощению мятежного духа мужчин. Шум за столом достиг предела, дамы старались перекричать одна другую, как вдруг миссис Джинивин побледнела и стала исподтишка грозить гостьям пальцем, призывая их к молчанию. Тогда и только тогда они заметили в комнате причину и виновника всего этого волнения — самого Дэниела Квилпа, который пристально взирал на них и с величайшей сосредоточенностью слушал их разговоры.

— Продолжайте, сударыни, продолжайте! — сказал Дэниел.— Миссис Квилп, уж вы бы, кстати, пригласили дам отужинать, подали бы им омаров да еще чего-нибудь, что полегче и повкуснее.

— Я... я не звала их к чаю, Квилп,— пролепетала его жена.— Это получилось совершенно случайно.

— Тем лучше, миссис Квилп. Что может быть приятнее таких случайных вечеринок! — продолжал карлик, яростно потирая руки, словно он задался целью скатать из покрывавшей их грязи пули для духового ружья.— Как! Неужели вы уходите, сударыни? Неужели вы уходите?

Его очаровательные противницы только вскинули головки и принялись спешно разыскивать свои чепцы и шали, а словесную перепалку с ним предоставили миссис Джинивин, которая, очутившись в роли поборницы женских прав, сделала слабую попытку постоять за себя.

— А что ж тут такого, Квилп? — огрызнулась она.— Вот возьмут и останутся к ужину, если моя дочь захочет их пригласить!

— Разумеется! — воскликнул Дэниел.— Что ж тут такого — возьмут и останутся!

— Уж будто и поужинать людям нельзя! Что же в этом неприличного или зазорного? — продолжала миссис Джинивин.

— Решительно ничего,— ответил карлик.— Откуда у вас такие мысли? А уж для здоровья как хорошо! Особенно если обойтись без салата из омаров и без креветок, которые, как я слышал, вызывают засорение желудка.

— Вы, разумеется, не захотите, чтобы с вашей женой приключилась такая болезнь или какая-нибудь другая неприятность? — не унималась миссис Джинивин.

— Да ни за какие блага в мире! — воскликнул карлик и ухмыльнулся.— Даже если мне посулят такое благо, как двадцать тещ. А я был бы так счастлив с ними!

— Да, мистер Квилп! Моя дочь приходится вам супругой,— продолжала старушка с язвительным смешком, который должен был подчеркнуть, что карлику полезно лишний раз напомнить об этом обстоятельстве. — Она приходится вам законной супругой!

— Справедливо! Совершенно справедливо! — согласился он.

— И надеюсь, Квилп, она вправе поступать по собственному усмотрению,— продолжала миссис Джинивин, дрожа всем телом не то от гнева, не то от затаенного страха перед своим зловредным зятем.

— Я тоже надеюсь,— ответил он.— Да разве вы сами этого не знаете? Так-таки и не знаете, миссис Джинивин?

— Знаю, Квилп, и она воспользовалась бы своим правом, если бы придерживалась моих взглядов.

— Почему же, голубушка, вы не придерживаетесь взглядов вашей матушки? — сказал карлик, круто поворачиваясь к жене.— Почему, голубушка, вы не берете с нее примера? Ведь она служит украшением своего пола, — ваш батюшка, наверно, не уставал твердить это изо дня в день всю свою жизнь!

— Ее отец был счастливейшим человеком, Квилп, и один стоил двадцати тысяч некоторых других,— сказала миссис Джинивин,— двадцати миллионов тысяч!

— А я его не знал! Какая жалость! — воскликнул карлик.— Но если он *был* счастливцем, то что же сказать о нем теперь! Вот кому повезло! Зато при жизни он, надо думать, очень мучился?

Старушка открыла рот, но тем дело и ограничилось. Квилп продолжал, так же злобно сверкая глазами и тем же издевательски-вежливым тоном:

— Вам нездоровится, миссис Джинивин. Вы, должно быть, переутомились — болтаете много, я же знаю вашу слабость. В постель ложитесь, в постель! Прошу вас!

— Я лягу, когда сочту нужным, Квилп, и ни минутой раньше.

— Вот сейчас и ложитесь. Будьте так добры, ложитесь! — сказал карлик.

Старушка смерила его гневным взглядом, но отступила и, пятясь все дальше и дальше, очутилась наконец за дверью, мгновенно закрытой на щеколду, вместе с гостями, запрудившими всю лестницу.

Оставшись наедине с женой, которая сидела в углу, дрожа всем телом и не поднимая глаз от пола, карлик стал в нескольких шагах от нее, сложил руки на груди и молча уставился ей в лицо.

— Сладость души моей! — воскликнул он наконец и громко причмокнул, точно эти слова относились не к жене, а к какому-то лакомству. — Прелестное создание! Очаровательница!

Миссис Квилп всхлипнула, зная по опыту, что комплименты ее милейшего супруга не менее страшны, чем самые яростные угрозы.

— Она... она такое сокровище! — с дьявольской ухмылкой продолжал карлик.— Она бриллиант, рубин, жемчужина! Она золоченый ларчик, усыпанный драгоценными каменьями! Как я люблю ее!

Несчастная женщина затрепетала всем телом и, обратив к нему умоляющий взгляд, тотчас же опустила глаза долу и заплакала.

— Но больше всего,— снова заговорил карлик, приближаясь к жене вприпрыжку, что окончательно придало этому кривоногому уроду сходство с разыгравшимся бесом,— больше всего мне мила в ней кротость характера, безропотная покорность, и то, что у нее такая матушка, которая всюду сует свой нос.

Вложив в эти последние слова всю ту язвительную злобу, на какую был способен только он и больше никто, мистер Квилп широко расставил ноги, уперся руками в колени и начал медленно, медленно нагибаться и наконец, склонив голову набок, заглянул снизу в опущенные глаза жены.

— Миссис Квилп?

— Да, Квилп.

— Я вам нравлюсь? Ах, если бы мне еще бакенбарды! Был бы я первым красавцем в мире? Впрочем, я хорош и без них! Покоритель женских сердец, да и только! Правда, миссис Квилп?

Миссис Квилп с должным смирением ответила: «Да, Квилп». Словно околдованная, она не сводила испуганного взгляда с карлика, а он корчил ей такие рожи, какие могут присниться лишь в страшном сне. Эта комедия, затянувшаяся довольно надолго, проходила в полном молчании, и его нарушали только сдавленные крики несчастной женщины, когда карлик неожиданным прыжком заставлял ее в ужасе откидываться на спинку стула.

Но вот Квилп фыркнул.

— Миссис Квилп,— сказал он наконец.

— Да, Квилп,— покорно отозвалась она.

Вместо того чтобы продолжать, Квилп снова сложил руки на груди и устремил на жену еще более свирепый взгляд, а она, все так же потупившись, смотрела себе под ноги.

— Миссис Квилп.

— Да, Квилп.

— Если вы вздумаете еще хоть раз в жизни слушать вздор, какой несут эти ведьмы, я вас укушу.

Сопроводив для пущей убедительности свою лаконическую угрозу злобным рычанием, мистер Квилп приказал жене убрать со стола и принести ему рому. Когда же этот напиток

был поставлен перед ним в пузатой фляге, вероятно, извлеченной в свое время из недр какого-нибудь корабельного рундука, он потребовал холодной воды и коробку сигар, незамедлительно получил все это и, усевшись в кресло, откинулся своей огромной головой на его спинку, а ноги задрал на стол.

— Ну-с, миссис Квилп,— сказал он,— мне вдруг припала охота покурить, и я, вероятно, буду дымить всю ночь. Но вы извольте оставаться на своем месте, так как ваши услуги могут потребоваться.

Жена ответила ему своим неизменным «да, Квилп», а ее коротконогий повелитель закурил первую сигару и приготовил себе первый стакан грога. Солнце зашло, на небе выглянули звезды; Тауэр сменил свой обычный цвет на серый, из серого стал черным; в комнате совсем стемнело; кончик сигары зардел угольком, а мистер Квилп все курил, все потягивал грог, не меняя позы, устремив отсутствующий взгляд в окно и показывая зубы в собачьем оскале, переходившем в ликующую улыбку всякий раз, как миссис Квилп, изнемогая от усталости, начинала ерзать на стуле.

ГЛАВА V

Спал ли Квилп урывками, по нескольку коротких минут, не смыкал ли глаз всю ночь — неизвестно, во всяком случае, сигары у него не потухали, и он прикуривал их одна о другую, обходясь без свечки. Даже башенные куранты, отбивавшие час за часом, не вызывали в нем сонливости, а наоборот — побуждали к бодрствованию, о чем можно было судить хотя бы по тому, что, прислушиваясь к их бою, отмечавшему течение ночи, он негромко хихикал и поводил плечами, точно потешаясь над чем-то,— правда, украдкой, но зато уж от всей души.

Наконец стало светать. Несчастная миссис Квилп, совершенно истомленная бессонной ночью, продрогшая от утреннего холода, по-прежнему сидела на стуле и лишь время от времени поднимала глаза на своего повелителя, без слов моля о сострадании и милосердии и осторожным покашливанием напоминая ему, что она все еще не прощена и что наложенная на нее епитимья слишком уж сурова. Но карлик как ни в чем не бывало курил сигару за сигарой, потягивал грог и лишь тогда удостоил свою благоверную словом и взглядом, когда солнце взошло и город возвестил о начале дня уличной суетой и шумом. Впрочем, Квилп соизволил сделать это только потому, что услышал, как в дверь нетерпеливо постучали чьи-то костлявые пальцы.

— Творец небесный! — воскликнул мистер Квилп, со злорадной усмешкой оглядываясь на жену.— Ночь-то миновала! Радость моя, миссис Квилп, откройте дверь!

Покорная жена откинула щеколду и впустила свою матушку.

Миссис Джинивин ворвалась в комнату пулей, ибо она никак не думала наткнуться здесь на зятя и явилась облегчить душу откровенными излияниями по поводу его нрава и поведения. Убедившись, что он здесь и что супружеская чета не покидала комнаты со вчерашнего вечера, старушка остановилась в полном замешательстве.

Ничто не могло ускользнуть от ястребиного взора уродливого карлика. Угадав мысли своей тещи, он так и взыграл от радости и, с торжествующим видом выпучив на нее глаза, отчего физиономия у него стала еще страшнее, пожелал ей доброго утра.

— Бетси! — сказала старушка. — Ты что же это?.. неужели ты...

— ...не ложилась всю ночь? — договорил за нее Квилп. — Да, не ложилась!

— Всю ночь! — воскликнула миссис Джинивин.

— Да, всю ночь! Наша бесценная старушка, кажется, стала туга на ухо? — Квилп улыбнулся и в то же время устрашающе насупил брови.— Кто посмеет сказать, что муж и жена могут соскучиться, оставшись с глазу на глаз! Ха-ха! Время пробежало совершенно незаметно.

— Зверь! — возопила миссис Джинивин.

— Ну, что вы, что вы! — сказал Квилп, притворясь, будто не понимает ее.— Не надо бранить дочку! Она ведь замужняя женщина. Правда, я не спал всю ночь по ее милости, но нежные заботы о зяте не должны ссорить вас с дочерью. Ах, добрая душа! Пью ваше здоровье!

— Премного благодарна,— ответила миссис Джинивин, имевшая, судя по беспокойным движениям ее рук, сильное желание погрозить зятю кулаком.— Премного вам благодарна!

— Святая душа! — воскликнул карлик.— Миссис Квилп!

— Да, Квилп,— отозвалась безответная страдалица.

— Помогите вашей матушке подать завтрак, миссис Квилп. Мне надо с самого утра быть на пристани. И чем раньше я там буду, тем лучше, так что поторапливайтесь.

Миссис Джинивин сделала жалкую попытку изобразить бунтовщицу: она уселась на стул возле двери и скрестила руки на груди, выражая этим твердое решение пребывать в полном бездействии. Но несколько слов, шепотом сказанных дочерью, а также участливый вопрос зятя, не дурно ли ей, сопровождавшийся намеком на изобилие холодной воды рядом в комнате, образумили старушку, и она с мрачным усердием принялась выполнять полученное приказание.

Пока собирали на стол, мистер Квилп удалился в соседнюю комнату и, отогнув воротник сюртука, начал вытирать физиономию мокрым полотенцем далеко не первой свежести,

после чего цвет лица у него стал еще более тусклым. Впрочем, настороженность и любопытство не изменяли ему даже во время этой короткой процедуры: он то и дело отрывался от своего занятия и, бросая через плечо пронзительные, хитрые взгляды, прислушивался, не говорят ли о нем за дверью.

— Ага,— сказал он в одну из таких пауз.— Я думал: вытираю уши полотенцем, вот и ослышался. Ан нет! Значит, я мерзкий горбун и чудовище, миссис Джинивин? Так, так, так!

От радости, которую доставило ему это открытие, собачья улыбка так и заиграла на его физиономии. Потом он встряхнулся всем телом, тоже по-собачьи, и присоединился к дамам.

Увидев, что Квилп подошел к зеркалу повязать шейный платок, миссис Джинивин, случившаяся как раз за спиной у своего деспотического зятя, не устояла перед соблазном и погрозила ему кулаком, сопроводив это минутное движение угрожающей миной; и тут взгляды их встретились: из зеркала на нее глядела перекошенная чудовищной гримасой физиономия с высунутым языком. Еще секунда, и карлик как ни в чем не бывало повернулся на каблуках и спросил ласковым голосом:

— Ну, как вы себя чувствуете, милая моя старушка?

Случай этот, сам по себе пустяковый и нелепый, выказал его таким злобным, коварным бесом, что миссис Джинивин с перепугу онемела, приняла руку, поданную ей с величайшей галантностью, и позволила подвести себя к столу. За завтраком страх обеих женщин перед Квилпом не ослабел ни на йоту, ибо он пожирал крутые яйца со скорлупой, проглатывал целиком огромных креветок, с необычайной жадностью жевал сразу табак и кресс-салат, не морщась хлебал кипящий чай, сгибал зубами вилку и ложку — короче говоря, вытворял нечто такое несуразное и страшное, что обе женщины были сами не свои от ужаса и начали сомневаться в его принадлежности к роду человеческому. Проделав эти и многие другие подобные же штуки, входившие в его воспитательную систему, мистер Квилп оставил жену и тещу совершенно притихшими, укрощенными и отправился к набережной, где нанял лодку до пристани, носившей его имя.

Когда Дэниел Квилп уселся в ялик и велел доставить себя к противоположному берегу, был час прилива. Множество барж лениво ползло вверх по реке — которая боком, которая носом вперед, которая кормой, как придется,— и настойчиво, упрямо, все вперемешку лезли на большие суда, перерезали путь пароходам, забирались всюду, где им совершенно нечего было делать, и, потрескивая, точно грецкие орехи, от ударов и справа и слева, шлепали по воде длинными кормовыми веслами — ни дать ни взять огромные неуклюжие рыбины при последнем издыхании. На некоторых судах, стоявших на якоре, команда укладывала в бунты канаты, сушила паруса, принимала новый груз или сгружала доставленный. На других же не было и при-

знаков жизни, если не считать двух-трех матросов да собаки, которая то с лаем носилась по палубе, то вдруг начинала карабкаться вверх по борту и заливаться еще пуще, глядя на открывавшийся перед ней вид. Большой пароход медленно прокладывал себе путь сквозь лес мачт и тяжело, словно в одышке, рассекал воду короткими нетерпеливыми ударами своих тяжелых лопастей, возвышаясь эдаким левиафаном над мелкой плотичкой Темзы. По правую и по левую руку чернели длинные вереницы угольщиков; шхуны не спеша пробирались между ними к выходу из гавани, сверкая парусами на солнце, и поскрипыванье их снастей отдавалось на воде стократным эхом. Река со всем, что она несла на себе, была в непрерывном движении — играла, плясала, искрилась; а древний сумрачный Тауэр, окруженный строениями и церковными шпилями, там и сям взлетавшими ввысь, холодно посматривал с берега на свою соседку, презирая ее за беспокойный, суетливый нрав.

Дэниел Квилп, который был способен оценить такое славное утро только потому, что оно избавляло его от необходимости таскаться с дождевым зонтом, сошел на берег возле своей пристани и зашагал к ней по узкой тропинке, изобилующей в равной степени и водой и тиной, — вероятно, в угоду тем земноводным существам, что мерили ее изо дня в день. Прибыв к месту своего назначения, он прежде всего увидел пару ног в далекой от совершенства обуви, болтающихся в воздухе подошвами кверху. Этот странный феномен имел несомненное касательство к мальчишке, который, видимо, сочетал эксцентричность натуры со страстью к акробатике и в данную минуту стоял на голове, созерцая реку с этой не совсем обычной позиции. Хозяйский голос живо поставил акробата на ноги, и, когда его голова заняла подобающее ей место, мистер Квилп (выражаясь крепко, за неимением более подходящих слов) «съездил» его по физиономии кулаком.

— Оставьте меня, чего лезете! — крикнул мальчишка, отбиваясь от Квилпа то одним, то другим локтем.— Как бы вам сдачи не получить! Небось тогда не обрадуетесь!

— Ах ты собака! — зарычал Квилп.— Он еще смеет огрызаться! Да я тебя железным прутом выпорю, ржавым гвоздем исхорябаю, глаза тебе выцарапаю!

Не удовлетворяясь одними угрозами, карлик снова сжал кулаки, ловко уклонился от локтей мальчишки, схватил его за голову и, как тот ни крутил ею из стороны в сторону, дал ему три-четыре хороших затрещины. Достигнув таким образом намеченной цели и поставив на своем, он отпустил его.

— А больше не побьете! — крикнул мальчишка и попятился назад, выставив на всякий случай локти.— Ну-ка!..

— Молчать, собака! — сказал Квилп. — Больше я тебя не побью по той простой причине, что ты уже битый. Держи ключ!

— С кем связываетесь! Выбрали бы себе кого-нибудь под пару! — пробормотал мальчишка, нерешительно подходя к нему.

— А где таких взять, чтоб были мне под пару? — огрызнулся Квилп.— Держи ключ, собака, а то я тебе голову им размозжу.— И в подтверждение своих слов он больно щелкнул его бородкой ключа по лбу.— Поди открой контору.

Мальчишка повиновался с большой неохотой, но, уходя, буркнул что-то себе под нос, оглянулся и тут же прикусил язык, ибо карлик строго смотрел ему вслед. Здесь не мешает заметить, что этого юнца и мистера Квилпа связывала какая-то непонятная взаимная симпатия. Как она зародилась и крепла, чем питалась — колотушками ли и вечными угрозами с одной стороны, дерзостями и пренебрежением — с другой,— не столь важно. Во всяком случае, Квилп никому не позволил бы перечить себе, кроме этого мальчишки, а тот вряд ли стерпел бы побои от кого-нибудь другого, кроме Квилпа, тем более что при желании от него всегда можно было убежать.

— Присматривай тут,— сказал Квилп, входя в свою дощатую контору,— а если посмеешь опять стать на голову, я тебе одну ногу отрублю.

Мальчишка промолчал; но стоило только Квилпу запереться в конторе, как он сейчас же стал на голову перед самой дверью, потом прошелся на руках к задней стене, постоял там, а потом тем же манером проделал весь путь в обратном порядке. Контора была, разумеется, о четырех стенах, но той стороны, куда выходило окно, мальчишка избегал, опасаясь, как бы Квилп не выглянул во двор. Предусмотрительность оказалась не лишней, потому что Квилп, зная, с кем имеет дело, притаился за ставнями, вооружившись увесистой доской, которая была вся в зазубринах и гвоздях и могла причинить серьезные увечья.

Так называемая контора Квилпа представляла собой не что иное, как грязную хибарку, где все убранство составляли две табуретки, колченогий стол, вешалка для шляпы, старый календарь, чернильница без чернил, огрызок пера да часы с восьмисуточным заводом, не заводившиеся по меньшей мере восемнадцать лет и даже потерявшие минутную стрелку, так как она употреблялась в качестве зубочистки. Дэниел Квилп нахлобучил шляпу на нос, забрался на стол, вытянулся во весь свой короткий рост на этом, по-видимому привычном для него, ложе и сейчас же задремал, намереваясь вознаградить себя за прошлую ночь долгим и крепким сном.

Сон его был, вероятно, крепок, но не долог, потому что не прошло и четверти часа, как дверь в контору приотворилась и из-за нее высунулась голова мальчишки, совершенно взъерошенная, точно на ней росли не волосы, а клочья пакли. Квилп, всегда спавший чутко, сразу же встрепенулся.

— К вам пришли,— сказал мальчишка.

— Кто?

— Не знаю.

— Спроси! — крикнул Квилп и, схватив все ту же увесистую доску, запустил ею в вестника, да так ловко, что, не успей мальчишка шмыгнуть за дверь, она угодила бы прямо в него.— Спроси, собака!

Не рискуя больше подвергаться действию таких метательных снарядов, мальчишка благоразумно пропустил вперед гостью, которая, собственно, и была причиной всего беспокойства, и она появилась на пороге.

— Как! Это ты, Нелли! — воскликнул Квилп.

— Да,— сказала девочка, не зная, входить ей или бежать прочь, так как поднятый со сна карлик, в желтом платке, из-под которого длинными космами свисали волосы, представлял собой страшное зрелище.— Это я, сэр.

— Входи,— сказал Квилп, не слезая со стола.— Входи! Впрочем, нет! Выгляни сначала во двор и посмотри, не стоит ли там мальчишка на голове.

— Нет, сэр, — ответила Нелл. — Он на ногах.

— Ты правду говоришь? — спросил Квилп.— Ну, ладно. Входи и затвори за собой дверь. С чем ты пришла, Нелл?

Девочка протянула ему письмо. Мистер Квилп повернулся немного на бок, подпер подбородок рукой и в этой позе приступил к чтению.

ГЛАВА VI

Нелл робко стояла перед мистером Квилпом, читающим письмо, и не сводила с него внимательного взгляда, ясно говорившего, что она была не прочь посмеяться над уродливым карликом и его нелепой позой, хотя он и вызывал в ней чувство недоверия и страха. Но мучительное беспокойство и опасение, как бы ответ не оказался неприятным и даже огорчительным, так противоречили улыбке, просившейся на губы девочки, что ей легко было побороть ее.

Содержание письма озадачило, весьма озадачило мистера Квилпа, это было совершенно очевидно. Пробежав первые две-три строки, он выпучил глаза, свирепо насупился, после третьей-четвертой начал яростно скрести в затылке, а под конец уныло засвистал, выражая этим свое полное недоумение и тревогу. Потом, сложив письмо и бросив его на стол, карлик принялся остервенело грызть ногти на обеих руках, но тут же снова схватился за листок и опять пробежал его сверху донизу. Вторичное чтение дало, по-видимому, столь же неудовлетворительные результаты и погрузило карлика в глубокое раздумье. Очнувшись, он с новыми силами накинулся на свои ногти и долго не сводил взгляда с девочки, которая стояла, потупившись, и ждала, что ему заблагорассудится сказать ей.

— Слушай! — крикнул карлик, да так неожиданно, что она вздрогнула, точно у самого ее уха выпалили из ружья.— Нелли!

— Да, сэр?

— Нелл, ты знаешь, что здесь написано?

— Нет, сэр.

— Правда, не знаешь? Так-таки ничего и не знаешь, честное слово?

— Правда, сэр.

— А ну скажи: умереть мне на этом месте!

— Я ничего не знаю, сэр,— повторила девочка.

— Ну, ладно, — пробормотал Квилп, глядя на ее серьезное личико.— Я тебе верю. Гм! Все уплыло? Уплыло за одни сутки? Куда же он их дел? Вот загвоздка-то!

Карлик снова принялся скрести в затылке и грызть ногти. Потом, не прекращая этого занятия, он вдруг заулыбался довольно приветливо, хотя у всякого другого человека такую улыбку можно было бы принять за мучительную гримасу, и девочка, подняв глаза, поймала на себе его благосклонный и ласковый взгляд.

— Какая ты сегодня хорошенькая, Нелли, просто прелесть! Ты не устала, Нелли?

— Нет, сэр. Я очень тороплюсь домой, дедушка будет тревожиться, что меня так долго нет.

— Куда тебе спешить, Нелли? Вот еще выдумала! Скажи лучше, ты не хотела бы стать моим номером вторым, Нелли?

— Чем, сэр?

— Моим номером вторым, Нелли, моей следующей... моей миссис Квилп?

Девочка испуганно посмотрела на него, но, видимо, не поняла, чего он от нее хочет; и, заметив это, мистер Квилп поспешил изложить свою мысль более вразумительно.

— Я предлагаю тебе стать миссис Квилп второй, когда миссис Квилп первая умрет, очаровательная Нелл, — сказал он, щурясь и подманивая ее к себе крючковатым пальцем.— Стать моей женушкой — щечки-розаны, губки-вишенки! Если миссис Квилп проживет еще пять лет — нет! четыре года,— к тому времени ты как раз подрастешь. Ха-ха-ха! Будь умницей, Нелли, будь паинькой! Глядишь, годы пробегут, и станешь ты миссис Квилп с Тауэр-Хилла.

Вместо того чтобы воспрянуть духом и возликовать в предвидении столь блестящей партии, девочка вздрогнула и отшатнулась от него. Может быть, мистер Квилп испытывал истинное наслаждение, пугая людей? Может быть, его привела в восторг мысль о смерти миссис Квилп номер один и переходе ее звания и титула к миссис Квилп номер два? Или же ему, по каким-то особым причинам, важно было показать сейчас свою

обходительность и благодушие? Так или иначе, но он рассмеялся и сделал вид, будто не замечает испуга девочки.

— Мы с тобой сию же минуту поедем на Тауэр-Хилл, и ты повидаешься с теперешней миссис Квилп,— сказал карлик.— Она очень тебя любит, Нелл, хотя и не так сильно, как я. Пойдем, Нелл, пойдем.

— Нет, мне, правда, надо домой. Дедушка велел скорее принести ему ответ.

— Так ведь ответа еще нет, Нелли,— возразил карлик,— да и не будет, и не может быть, пока я не побываю дома. Значит, чтобы выполнить поручение, тебе придется пойти со мной. Дай мне мою шляпу, милочка, и мы сейчас же отправимся.— С этими словами мистер Квилп начал постепенно сползать со стола и наконец коснулся своими короткими ножками пола. Приняв таким образом вертикальное положение, он вместе с Нелли вышел из конторы во двор, где взору его прежде всего явился мальчишка (тот самый, что стоял на голове) и еще один юный джентльмен, примерно одного с ним роста, которые клубком катались в грязи и с азартом тузили друг друга кулаками.

— Это Кит! — воскликнула Нелл, в ужасе стиснув руки.— Бедный Кит! Он пришел вместе со мной! Мистер Квилп, разнимите их, ради бога!

— Сейчас! — крикнул Квилп и, метнувшись обратно в контору, через секунду выскочил оттуда с толстой палкой.— Сейчас я их разниму! Валяйте, голубчики, валяйте! Я вам обоим всыплю! Вот я вас, вот я вас, вот я вас!

Приговаривая так, он взмахнул своей дубинкой и, словно одержимый, пошел приплясывать вокруг борцов, топтать их ногами, перепрыгивать через них, с одинаковой щедростью расточая удары и тому и другому и целясь им в голову, как и подобало такому кровожадному зверюге. Противники, видимо, не рассчитывавшие, что дело примет столь серьезный оборот, быстро вскочили на ноги и взмолились о пощаде.

— Я вас так измочалю, собаки, сами себя не узнаете! — кричал Квилп, тщетно пытаясь ударить напоследок хоть одного из них.— Вы у меня бурого цвета будете от кровоподтеков! Рожи вам так расквашу, что на вас двоих и одного профиля не останется!

— Бросьте палку! Как бы самому не досталось! — буркнул мальчишка, ловко увертываясь от него и выжидая удобного случая, чтобы перейти в наступление. — Вам говорят, бросьте палку!

— Я ее брошу, собака, да только тебе в голову! Поближе подойди, поближе! — сверкая глазами, твердил Квилп. — Ну, ну, ближе, еще, еще...

Мальчишка внял этому приглашению не сразу, а улучил минутку, когда хозяин чуть-чуть зазевался, и, ринувшись вне-

ред, попробовал было вырвать палку у него из рук. Квилпу, обладавшему львиной силой, ничего не стоило удержать свое оружие, но как только его противник изо всей мочи потянул палку на себя, он вдруг разжал руку, и мальчишка, полетев навзничь, больно стукнулся головой о землю. Столь удачный маневр привел мистера Квилпа в неописуемый восторг, и он захохотал и затопал ногами, точно это была невесть какая забавная шутка.

— Ладно! — сказал мальчишка, мотая головой и в то же время потирая ушибленное место.— Теперь я в жизни не полезу в драку, когда про вас будут говорить, что таких страшных карликов и за деньги не увидишь.

— Значит, по-твоему, это неверно, собака ты эдакая? — рявкнул Квилп.

— Нет, верно.

— Тогда почему же ты, мерзавец, полез в драку у меня на пристани?

— Потому, что он так сказал,— ответил мальчишка, тыча пальцем в сторону Кита. — Вот почему, а не потому, что это неверно.

— А зачем он сказал, что мисс Нелли уродина,— возопил Кит,— и что она и мой хозяин пляшут под дудку его хозяина? Зачем он так сказал?

— Он так сказал потому, что он болван, а ты так сказал потому, что ты умник-разумник, слишком большой умник, Кит. Пожалуй, если не остережешься, не сносить тебе головы,— проговорил Квилп, и голос у него прозвучал ласково-ласково, а около глаз и у рта собрались злющие-презлющие морщинки.— Получи шесть пенсов, Кит, и всегда говори правду. Всегда, Кит, говори правду. Запри контору, собака, и верни мне ключ!

Мальчишка сделал, как ему было приказано, а в виде вознаграждения за свое заступничество получил от хозяина ключом по носу, да так сильно, что его даже слеза прошибла. После этого мистер Квилп, девочка и Кит отбыли на лодке, заступник же, упиваясь местью, ходил на руках у самого края пристани до тех пор, пока они не высадились на берег.

В доме на Тауэр-Хилле была одна миссис Квилп, которая совсем не ожидала возвращения своего повелителя и только-только собралась немного вздремнуть, когда за дверью послышались его шаги. Она едва успела схватить шитье и притвориться занятой, как он уже вошел в комнату в сопровождении одной Нелли, ибо Кит остался внизу.

— Я привел Нелли Трент, дорогая моя миссис Квилп,— сказал карлик.— Нелли очень устала, угостите ее стаканчиком вина, печеньем, и пусть она посидит с вами, душенька, а я тем временем напишу письмо.

Миссис Квилп с трепетом подняла глаза на супруга, стараясь угадать, чем вызваны эти несвойственные ему любезности, и, повинуясь его властному знаку, вышла за ним в соседнюю комнату.

— Слушайте, что я скажу,— зашипел Квилп.— Постарайтесь выведать у нее, сколько можно, про деда, про то, что они делают, как живут, о чем он говорит с ней. Мне надо это знать, на то есть свои причины. Вы, женщины, между собой гораздо откровеннее, чем с нами, мужчинами, а уж с вашей-то мягкостью и обходительностью вам ничего не стоит подладиться к ней. Понятно?

— Да, Квилп.

— Так вот, ступайте. Ну, что еще?

— Дорогой мой Квилп,— нерешительно начала его жена.— Я люблю эту девочку... мне не хочется обманывать ее... может быть, вы избавите меня...

Карлик выругался вполголоса и огляделся по сторонам в поисках какого-нибудь тяжелого предмета, которым можно было бы воздать по заслугам непокорной жене. Но кроткая женщина умолила его сменить гнев на милость и пообещала сделать все, что от нее требовалось.

— Поняли? — снова зашипел Квилп, несколько раз с вывертом ущипнув жену за руку.— Выведайте ее тайны. Это легко сделать. Да не забывайте, что я подслушиваю. Начнете тянуть, мямлить — я скрипну дверью; и если дверь будет скрипеть часто, пеняйте потом на себя. Ну, идите!

Миссис Квилп удалилась согласно приказанию, а ее любезный супруг с хитрым и сосредоточенным видом устроился за дверью и, прижавшись к ней ухом, расположился слушать.

Несчастная миссис Квилп никак не могла придумать, с чего начать, о чем спрашивать, и подала голос лишь после того, как дверь, проскрипев очень настойчиво, приказала ей без дальнейших размышлений приступить к делу.

— За последнее время ты что-то зачастила к мистеру Квилпу, милочка.

— Да, я сама сколько раз жаловалась на это дедушке,— простодушно сказала Нелл.

— А он что?

— Ничего... Вздохнет, уронит голову на руки и сидит такой печальный, несчастный. Если бы вы увидели его в эту минуту, то, наверно, не удержались бы и заплакали вместе со мной... Какая у вас дверь скрипучая!

— Да, она то и дело скрипит,— сказала миссис Квилп, бросив тревожный взгляд в ту сторону.— Но ведь раньше твой дедушка... таким не был?

— Нет, что вы! — воскликнула Нелли. — Он был совсем другой! Нам с ним жилось так хорошо, легко, весело. Вы даже

представить себе не можете, как у нас все изменилось за последнее время!

— Мне больно тебя слушать, дитя мое! — сказала миссис Квилп, и она не покривила душой.

— Благодарю вас,— ответила девочка, целуя ее в щеку.— Вы всегда такая добрая и с вами так приятно поделиться. Мне ведь ни с кем не приходится говорить о нем, кроме нашего Кита. И все-таки я очень счастлива и должна бы радоваться своему счастью... Но если бы вы знали, как иной раз бывает горько видеть, что мой дедушка стал совсем другой!

— Подожди, Нелли,— сказала миссис Квилп,— это пройдет, и у вас снова все наладится.

— О, если бы господь смилостивился над нами! — воскликнула девочка, и слезы хлынули у нее из глаз.— Но ведь сколько прошло времени с тех пор, как дедушка... Смотрите, дверь отворилась.

— Это сквозняк,— чуть слышно проговорила миссис Квилп.— С тех пор, как дедушка...

— ...стал таким задумчивым, грустным. Раньше мы с ним совсем по-другому проводили наши вечера,— продолжала Нелл.— Я, бывало, читаю ему, а он сидит у камина и слушает; потом — книжку в сторону, начнем разговаривать, и он рассказывает про мою мать, какая она была девочкой,— совсем как я, и лицом и голосом. Или посадит меня на колени и старается объяснить мне, что она не в могиле, а улетела на небо, в ту прекрасную страну, где нет ни старости, ни смерти... Как нам было хорошо тогда!

— Нелли, Нелли! — воскликнула несчастная женщина.— Сердце разрывается, на тебя глядя! Ты еще совсем ребенок и так убиваешься. Не плачь, перестань!

— Я очень редко плачу,— сказала девочка.— Но у меня больше нет сил таить это про себя, а сегодня мне нездоровится, вот слезы и льются сами собой, никак их не остановишь. Я не боюсь поделиться с вами своим горем, ведь вы никому о нем не скажете.

Миссис Квилп отвернулась от нее и промолчала.

— Как часто мы гуляли с ним раньше по полям и зеленым рощам! — продолжала Нелл.— Возвращались домой только к вечеру; и чем больше устанем, тем милее нам дом, и мы радуемся: как у нас хорошо! А если в комнатах покажется темно и скучно, мы с ним, бывало, говорим: «Ну что ж, зато какая у нас была прогулка!» — и с нетерпением ждем следующей. Но теперь дедушка не ходит гулять, и в доме у нас стало еще темнее, еще безотраднее, хотя с виду в нем ничто не изменилось.

Она замолчала; дверь скрипнула несколько раз подряд, но миссис Квилп будто не слышала этого.

— Только не думайте,— вдруг спохватилась Нелл,— что дедушка переменился ко мне. По-моему, он любит меня с каждым днем все больше и больше и становится все ласковее, добрее. Вы даже представить себе не можете, как он ко мне привязан!

— Я не сомневаюсь, что дедушка очень любит тебя,— сказала миссис Квилп.

— Да, очень, очень! — воскликнула Нелл.— Не меньше, чем я его. Но вы еще не знаете самого главного... только смотрите, никому ни слова об этом! Он теперь совсем не спит, разве лишь задремлет днем, в кресле, а по ночам, почти до самого утра, его не бывает дома.

— Нелли!

— Шш! — шепнула девочка, поднеся палец к губам и оглянувшись.— Дедушка приходит домой под утро, когда чуть брезжит, и я открываю ему дверь. Вчера он вернулся еще позднее — на дворе уже рассвело, и такой бледный, глаза воспаленные, ноги дрожат. Я только легла и вдруг слышу, он стонет. Тогда я снова поднялась, подбежала к нему, а он, должно быть, не сразу меня увидел и говорит сам с собой, что такая жизнь невыносима и, если б не ребенок, ему лучше бы умереть. Что мне делать! Боже мой, что мне делать!

Родник, таившийся в глубине сердца девочки, пробился на волю. Бремя горестей и забот, признание, впервые слетевшее с ее уст, сочувствие, с которым была выслушана ее маленькая исповедь, взяли свое, и, бросившись в объятия беспомощной миссис Квилп, она заплакала навзрыд.

Вскоре в комнату вошел мистер Квилп и, увидев Нелли в слезах, выразил свое крайнее удивление по этому поводу, что получилось вполне естественно, ибо ему было не впервой разыгрывать такие сценки.

— Вот видите, миссис Квилп, как она устала,— сказал карлик, свирепо скосив на жену глаза и тем самым давая ей понять, что она должна вторить ему.— Ведь от них до пристани путь длинный, а кроме того, двое мальчишек подрались и напугали ее, подлецы, да и в лодке ей было страшно. Все это, вместе взятое, и сказалось. Бедная Нелли!

Мистер Квилп погладил свою маленькую гостью по голове, не подозревая, что это поможет ей быстрее оправиться. Вряд ли прикосновение чьей-либо другой руки оказало бы такое сильное действие на девочку. Она подалась назад, чувствуя непреодолимое желание очутиться как можно дальше от этого карлика, и сейчас же встала, сказав, что ей надо уходить.

— Останься, пообедай с нами,— предложил мистер Квилп.

— Нет, сэр, я и так задержалась,— ответила Нелл, утирая слезы.

— Ну, если уж ты собралась домой, ничего не поделаешь. Вот мой ответ. Тут написано, что я зайду к нему завтра, мо-

жет, послезавтра, и что маленькое дельце, о котором он просит, сегодня утром никак не удастся устроить. До свидания, Нелли. Эй ты, сударь! Где ты там? Охраняй ее! Слышишь?

Кит, явившийся на зов, оставил это излишнее напутствие без внимания и только грозно воззрился на карлика, видимо, подозревая, что это он и довел Нелли до слез. Мальчик готов был броситься на обидчика с кулаками, но, одумавшись, круто повернулся и последовал за своей маленькой хозяйкой, которая уже успела проститься с миссис Квилп и вышла на улицу.

— Однако вы мастерица выспрашивать, миссис Квилп! — накинулся карлик на жену, как только они остались вдвоем.

— Больше я ничего не могла сделать,— кротко ответила она.

— Уж куда больше! — презрительно фыркнул Квилп.— А поменьше нельзя было? Знали, что от вас требуется, так вам этого мало, вспомнили еще свое любимое занятие и давай крокодиловы слезы лить! Кривляка вы эдакая!

— Мне очень жаль девочку, Квилп,— сказала его жена.— Но я сделала все, что могла. Я заставила ее разговориться, и она выдала мне свою тайну, думая, что мы одни. А вам все было слышно. Да простит мне господь этот грех!

— *Вы* заставили ее разговориться! *Вы* все сделали! — сказал Квилп.— А не предупреждал ли я вас насчет двери — что случится, если дверь будет часто скрипеть? Ваше счастье, что она сама обронила несколько слов, и я вывел из них кое-что важное для себя, а не будь этого, вам пришлось бы плохо.

Миссис Квилп промолчала, не сомневаясь, что так оно и было бы, а ее супруг добавил с торжествующим видом:

— Благодарите свою счастливую звезду — ту самую, которая сделала вас миссис Квилп,— благодарите ее, потому что я теперь все пронюхал и напал на нужный мне след. Но кончено, больше об этом ни слова: к обеду ничего вкусного не готовьте, потому что меня не будет дома.

С этими словами мистер Квилп надел шляпу и удалился, а миссис Квилп, совершенно убитая ролью, которую ей волей-неволей пришлось сыграть, заперлась в спальне и, уткнувшись лицом в подушку, стала оплакивать свое предательство так горько, как люди, менее чуткие, частенько не оплакивают и более тяжких злодеяний, ибо совесть наша — предмет гибкий и эластичный — обладает способностью растягиваться и применяться к самым различным обстоятельствам. Некоторые разумные люди освобождаются от своей совести постепенно, как от лишней одежды, когда дело идет к теплу, и в конце концов ухитряются остаться совсем нагишом. Другие же надевают и снимают это одеяние по мере надобности, — и такой способ, как исключительно удобный и представляющий одно из крупнейших нововведений наших дней, сейчас особенно в моде.

ГЛАВА VII

— Фред,— сказал мистер Свивеллер,— вспомни популярную когда-то песенку «Прочь тоску, заботы прочь!», раздуй затухающее пламя веселья крылом дружбы и дай мне искрометного вина.

Апартаменты мистера Ричарда Свивеллера находились по соседству с театром Друри-Лейн и вдобавок к столь удобному местоположению имели еще то преимущество, что как раз под ними была табачная лавка,— следовательно, мистер Свивеллер мог в любую минуту освежаться чиханием (для чего ему требовалось только выйти на лестницу), и тем самым освобождался от необходимости заводить собственную табакерку. В этих-то апартаментах он и произнес вышеприведенные слова, стараясь утешить и подбодрить своего приунывшего друга; и тут небезынтересно и вполне своевременно будет отметить, что даже столь краткие изречения имели иносказательный смысл в соответствии с поэтическим складом ума мистера Свивеллера, так как на самом деле вместо искрометного вина на столе стоял стакан джина, разбавленного холодной водой, который наполнялся по мере надобности из бутылки и кувшина и переходил из рук в руки — за неимением бокалов, в чем следует признаться без ложного стыда, поскольку хозяйство у мистера Свивеллера было холостяцкое. Та же склонность к приятным вымыслам заставляла его говорить о своей единственной комнате во множественном числе. Покуда она была свободна от постоя, хозяин табачной лавки характеризовал ее в объявлении как «квартиру для одинокого джентльмена». Мистер Свивеллер принял это к сведению и неизменно называл свое жилье «моя квартира», «мои хоромы», «мои апартаменты», вызывая у слушателей представление о безграничном пространстве и даруя их фантазии полную возможность бродить по длинным анфиладам и переходить из одного величественного зала в другой.

Таким взлетам воображения мистера Свивеллера способствовал один весьма обманчивый предмет меблировки (фактически кровать, а по виду нечто вроде книжного шкафа), который стоял на видном месте в его комнате и тем самым обезоруживал скептиков, пресекая в корне всякие сомнения и расспросы. Днем мистер Свивеллер несомненно верил, и верил твердо, что эта загадочная вещь представляет собой книжный шкаф, и только. Он отказывался видеть в ней кровать, решительно отрицал наличие одеяла и гнал подушку прочь из своих мыслей. Ни единого слова о действительном назначении этой вещи, ни единого намека на то, чем она служила ему по ночам, ни единого упоминания об ее отличительных свойствах не слышали от мистера Свивеллера даже его самые близкие друзья. Непоколебимая вера в эту иллюзию открывала список его убеждений. Для того чтобы стать ему другом, надо было мах-

нуть рукой на всякую очевидность, на здравый смысл, на свидетельство собственных чувств и жизненный опыт и безоговорочно поддерживать миф о книжном шкафе. Такова была слабость мистера Свивеллера, и он дорожил ею.

— Фред,— сказал Свивеллер, убедившись, что его мольба осталась без ответа.— Дай мне искрометного.

Молодой Трент с раздражением подвинул ему стакан и снова принял мрачную позу.

— Сейчас, Фред, я провозглашу тост, приличествующий обстоятельствам,— сказал его приятель, помешивая искрометное.— Да сбудутся...

— Фу ты черт! — перебил его Трент.— Сил моих нет слушать твою болтовню! Веселишься! Тебе все нипочем!

— Позвольте, мистер Трент,— возразил ему Дик.— Вам известно, что говорит пословица о тех, кто весел, да умен? Некоторые люди всегда веселы, да не блещут умом, другие больно умны (по крайней мере, им самим так кажется), а веселиться не умеют. Я припадлежу к первым. Если эта пословица верна, то мне она подходит — во всяком случае, в первой своей половине, а половина все лучше, чем ничего. Пусть я предпочитаю веселье уму, зато у тебя нет ни того, ни другого.

— Тьфу ты пропасть! — проворчал Трент.

— Весьма вам признателен,— сказал мистер Свивеллер.— В светском обществе, кажется, не принято отпускать такие любезности по адресу хозяев. Но пренебрежем этим, будьте как дома.— Добавив к своему колкому замечанию еще несколько слов, смысл которых сводился к тому, что его приятель самый настоящий брюзга, Ричард Свивеллер допил искрометное, тут же приготовил себе вторую порцию, с удовольствием ее отведал и предложил тост воображаемому обществу: — Джентльмены! Выпьем за процветание древнего рода Свивеллеров и пожелаем, в частности, всяческого успеха мистеру Ричарду! Мистеру Ричарду, джентльмены,— тут Дик возвысил голос,— который тратит на друзей все свои деньги, а на него за это тьфукают вместо благодарности. Браво! Браво!

Трент прошелся раза два по комнате, снова вернулся к столу и сказал:

— Дик! Ты способен хоть минуту побыть серьезным и выслушать меня? Тогда я укажу тебе легкий способ разбогатеть.

— Ты уж столько мпе указывал таких способов,— ответил мистер Свивеллер,— а какой от них прок? Пустые карманы, и больше ничего.

— Подожди, сейчас ты заговоришь другое,— сказал его приятель, подсаживаясь к столу.— Ты видел мою сестру Нелл?

— Видел. Ну и что?

— Правда, она хорошенькая?

— Очень даже, — согласился Дик. — Должен сказать к ее чести, что фамильного сходства между вами ни малейшего.

— Так, по-твоему, она хорошенькая? — нетерпеливо повторил его приятель.

— Да,— сказал Дик.— Хорошенькая, очень хорошенькая! А что из этого следует?

— Сейчас узнаешь. Ясно, как божий день, что мы со стариком так и будем на ножах по гроб жизни, и мне на него рассчитывать нечего. Надеюсь, ты это подметил?

— Летучая мышь и та это подметит при ярком дневном свете,— ответил Дик.

— Ясно также, что деньги, которые этот старый скряга — чтоб ему пусто было! — когда-то сулил завещать нам обоим, достанутся после его смерти ей одной. Так или нет?

— Безусловно так. Впрочем, может быть, он изменил свои намерения после моей речи? Это вполне вероятно. Как я блеснул, Фред! «Вы видите перед собой милейшего старенького дедушку». По-моему, сильно сказано! Сильно и вместе с тем просто и мило. Тебе понравилось?

— *Ему* не понравилось,— ответил Фред.— Следовательно, в обсуждение твоей речи можно не вдаваться. Так вот слушай. Нелли пошел четырнадцатый год.

— Прелестная девочка, но маловата ростом для своих лет,— как бы в скобках заметил Ричард Свивеллер.

— Помолчи минуту, не то я ничего больше не скажу! — крикнул Трент, возмущенный тем, что его друг не проявляет никакого интереса к разговору.— Я подхожу к самому главному.

— Слушаю,— сказал Дик.

— Нелл девочка по натуре очень привязчивая и так воспитана, что легко поддается влиянию. Надо только взять ее в руки и действовать когда лаской, а когда и угрозами. У меня она будет как шелковая, я в этом уверен. Да что там разводить антимонии — всех преимуществ моего плана не перечислить и за неделю! Почему бы тебе не жениться на ней?

Внимая этой горячей и убедительной речи, Ричард Свивеллер посматривал на своего приятеля поверх стакана, но стоило только ему услышать последние слова Трента, как он весь преобразился от ужаса и с трудом выговорил:

— Что?

— Я говорю, почему бы тебе... — повторил Трент твердым голосом, зная по опыту, какое это производит впечатление на его приятеля,— почему бы тебе не жениться на Нелли?

— Да ведь ей еще четырнадцати лет не исполнилось! — воскликнул Дик.

— Ну, не сию минуту, конечно! — сердито возразил ему Фред.— Через два года, через три, через четыре. Ведь ясно, что старик долго не протянет.

— Ясно-то оно ясно,— ответил Дик, покачав головой.— Но эти старики такой народ... Им нельзя доверяться, Фред. У меня

есть тетушка в Дорсетшире, которая собиралась помереть, когда мне было восемь лет, да так и по сию пору все собирается. Ведь это такие обманщики, такие зловредные люди! Никаких твердых устоев! На них еще можно рассчитывать, Фред, когда в роду имеется предрасположение к апоплексии, но даже и в этом случае им ничего не стоит тебя надуть.

— Хорошо, возьмем худший исход,— сказал Трент так же твердо и по-прежнему не спуская глаз со своего приятеля.— Допустим, что старик проживет долго.

— То-то и оно-то,— сказал Дик.— Вот в чем беда.

— Повторяю: допустим, что он проживет долго,— продолжал Трент,— и я уговорю или — точнее — заставлю Нелл тайком выйти за тебя замуж. Как ты думаешь, что из этого получится?

— Семья и ежегодный шиш с маслом на ее содержание,— ответил Ричард Свивеллер после некоторого раздумья.

— Поверь мне,— снова заговорил Трент с той серьезностью, которая, независимо от того, была ли она искренняя или напускная, всегда производила неотразимое действие на Дика.— Поверь мне, у старика вся жизнь в Нелли, и все его силы, все помыслы отданы ей. Ему и в голову не придет лишить ее наследства за неповиновение,— впрочем, так же, как и помириться со мной, сколько бы я ни проявлял покорности, сколько бы ни блистал добродетелями. Он не способен ни на то, ни на другое. У кого есть глаза во лбу, тот не может не видеть этого.

— Да, это, кажется, маловероятно,— задумчиво пробормотал Дик.

— Не кажется, а так оно и есть. А если ты еще сумеешь подольститься к нему, чтобы заслужить прощение, сославшись, например, на бесповоротный разрыв, на смертельную вражду со мною — разумеется, только для виду,— тогда он живо сдастся. Что касается Нелл, то в этом можешь положиться на меня. Капля камень долбит. Выходит, проживет ли старик еще несколько лет или скоро умрет,— разница невелика. Так или иначе, ты будешь единственным наследником старого скупердяя, мы с тобой вместе попользуемся его денежками, а тебе вдобавок достанется красивая молодая жена.

— В том, что он богач, сомнений быть не может? — спросил Дик.

— Сомнений? Ты разве не слышал, как он проговорился при нас? У него, видите ли, сомнения! Ты уж во всем готов сомневаться, Дик!

Утомительно излагать все хитроумные повороты этого разговора, все способы, с помощью которых сопротивление Ричарда Свивеллера было постепенно сломлено. Достаточно сказать, что душевная пустота, корысть, бедность и страсть к мотовству вынудили его отнестись к этой затее благосклонно,

а свойственная ему беспечность, не сдерживаемая никакими другими соображениями, легла на ту же чашку весов и решила дело. Немалую роль сыграло тут и влияние, которое издавна имел на него Трент,— влияние, пагубно отразившееся сначала на кошельке Дика и его видах на будущее, но не ослабевшее и по сию пору, хотя ему, бедняге, вечно приходилось отдуваться за своего распутного дружка, так как в девяти случаях из десяти Дик совершенно зря считался коварным искусителем Фреда, будучи на самом деле всего лишь безвольным орудием в его руках.

Планы, которыми руководствовалась другая сторона, были гораздо сложнее, чем мог предполагать Ричард Свивеллер, но мы предоставим им дозревать в тиши, поскольку сейчас они не представляют для нас интереса. Итак, переговоры закончились к обоюдному удовольствию приятелей, и мистер Свивеллер уже начал весьма цветисто изъяснять, что он не видит непреодолимых препятствий к тому, чтобы жениться на ком угодно, лишь бы невеста была с деньгами или с движимым имуществом и согласилась бы выйти за него замуж, как вдруг его речь была прервана стуком в дверь и проистекающей отсюда необходимостью крикнуть «прошу».

Дверь приотворилась, но приглашением Дика воспользовалась только чья-то рука, вся в мыльной пене, а также струя сильного табачного запаха. Табачный запах шел из лавки в нижнем этаже, а рука в мыльной пене, только что вынутая из ведра с теплой водой, принадлежала служанке, которая оторвалась от мытья полов, чтобы принять письмо, и теперь протягивала его из-за двери, заявляя, со свойственной ее племени способностью легко усваивать фамилии, что оно предназначается мистеру Вривеллеру.

Взглянув на адрес, Дик побледнел, и вид у него стал довольно глупый, но бледность и глупое выражение лица еще усилились, когда он ознакомился с содержанием письма и сказал, что роль галантного кавалера имеет и свои неудобства и что, прежде чем пускаться в подобные разговоры, ему следовало бы вспомнить о *ней*.

— О ней? О ком это? — осведомился Трент.

— О Со́фи Уэклс, — ответил Дик.

— Кто она такая?

— Она мечты моей царица, сэр, вот она кто такая,— сказал мистер Свивеллер и, сделав большой глоток искрометного, устремил на друга проникновенный взор.— Она прелестна и мила. Ты ее знаешь.

— Да, припоминаю,— небрежно бросил его приятель.— Ну и что?

— А вот то, сэр,— продолжал Дик,— что между мисс Софией Уэклс и скромным молодым человеком, который имеет честь беседовать с вами, зародились горячие и нежные чув-

ства — чувства весьма благородного и возвышенного свойства. Сама богиня Диана, сэр,— та, чей рог сзывает на охоту,— не была столь безупречного поведения, сколь София Уэклс. Верьте мне, сэр.

— Значит, это не пустая болтовня — так прикажешь тебя понимать? — спросил Трент.— Что же у вас там было — амуры?

— Амуры были. Обещаний жениться не было,— сказал Дик.— За нарушение таковых меня не притянут. Это единственное, чем я себя утешаю, Фред. Компрометирующей переписки тоже не имеется.

— А это что за письмо?

— Напоминание о сегодняшнем вечере, Фред. Небольшой бал на двадцать человек; в общем итоге — двести волшебных нежных пальчиков, порхающих легко, при условии, что у каждой леди и каждого джентльмена имеется полный набор таковых. Придется пойти — хотя бы для того, чтобы начать подготовку разрыва. Не бойся, я устою. Интересно только узнать, кто принес письмо, она сама или нет? Если сама, не ведая о препонах, возникших на ее пути к счастью,— это душераздирающе, Фред!

Мистер Свивеллер призвал служанку и удостоверился, что мисс Софи Уэклс вручила свое письмо лично, что ее сопровождала, разумеется, приличия ради, младшая мисс Уэклс и что, когда мисс Софи предложили подняться самой к мистеру Свивеллеру, поскольку он был дома, она ужаснулась и выразила готовность лучше умереть. Мистер Свивеллер выслушал отчет служанки с восторгом, который никак не вязался с его недавними планами на будущее, но такая странность не смутила Трента, ибо ему, вероятно, было хорошо известно, что он властен пресечь любой шаг Ричарда Свивеллера, когда сочтет нужным сделать это ради соблюдения собственных интересов.

ГЛАВА VIII

Когда с делами было покончено, внутренний голос шепнул мистеру Свивеллеру о близости обеденного времени, и, не желая расстраивать свое здоровье дальнейшим воздержанием, он отправил посланца в ближайшую кухмистерскую с просьбой немедленно доставить две порции отварной говядины с овощным гарниром. Однако кухмистер, знавший, с кем он имеет дело, отказался выполнить этот заказ и грубо ответил, что если мистеру Свивеллеру захотелось отварной говядины, не будет ли он любезен явиться самолично и съесть ее на месте, а кстати — вместо молитвы перед трапезой пусть погасит небольшой должок, который уже давно за ним числится. Отказ не обескуражил мистера Свивеллера — напротив, его умственные способности и аппетит лишь обострились, и он направил подобное

же требование в другую, более отдаленную кухмистерскую, присовокупив к нему в виду дополнительного пункта, что джентльмен, дескать, посылает в такую даль, руководствуясь не только популярностью и славой, которую завоевала их отварная говядина, но и жесткостью этого блюда в ближайшей кухмистерской, что делает его совершенно непригодным для джентльменского стола, да и вообще для человеческого потребления. Благоприятные результаты этого дипломатического хода сказались в молниеносном прибытии небольшой пирамиды, искусно воздвигнутой из судков и тарелок, причем основанием ее служил судок с отварной говядиной, а вершиной — кварта эля с шапкой из пены. Будучи разобрано на составные части, сооружение это явило все, что требуется для сытного обеда, и мистер Свивеллер и его друг приступили к нему с величайшим удовольствием и рвением.

— Пусть сей миг будет худшим в нашей жизни! — воскликнул мистер Свивеллер, пронзая вилкой большую шишковатую картофелину.— Мне нравится, что это блюдо принято подавать в мундире. Когда извлекаешь картошку из ее, так сказать, естественного состояния, в этом есть своя особая прелесть, неведомая богачам и сильным мира сего. Ах! «Как мало в жизни нужно человеку, и то лишь на короткий срок!» Это так верно... после того, как пообедаешь.

— Надеюсь, что кухмистер тоже удовлетворится малым и что срок ожидания для *него* не затянется,— заметил Трент.— Впрочем, как я подозреваю, расплатиться тебе нечем.

— Я скоро отправлюсь в город и загляну к нему по дороге,— ответил Дик, многозначительно подмигнув приятелю.— Слуга как хочет, а с меня взятки гладки. Обед съеден, Фред, и дело с концом!

Слуга, очевидно, тоже усвоил эту бесспорную истину, ибо, вернувшись за посудой и получив от своего клиента вместо денег величественно-небрежное обещание заглянуть в кухмистерскую и рассчитаться с хозяином, он заметно пал духом и понес черт-те что, вроде «уплата сразу после доставки» и «в кредит не отпускаем», но в конце концов был вынужден ограничиться вопросом, когда именно джентльмен соизволит зайти, так как ему бы хотелось быть в это время на месте, поскольку ответственность за отварную говядину, гарнир и прочее лежит лично на нем. Мистер Свивеллер, перебрав в уме все свои дела, ответил, что его следует ждать от шести без двух минут и до семи минут седьмого. Слуга удалился с этим слабым утешением, а Ричард Свивеллер вынул из кармана засаленную записную книжку и стал что-то строчить в ней.

— Боишься, как бы не забыть про визит в кухмистерскую? — с ядовитой усмешкой спросил Трент.

— Ты не угадал, Фред,— ответил неуязвимый Ричард, деловито продолжая писать.— Я заношу в эту книжечку названия

улиц, на которых мне нельзя показываться до закрытия лавок. Сегодняшний обед исключает для меня Лонг-Эйкр. На прошлой неделе я купил пару башмаков на Грэйт-Квин-стрит,— следовательно, там прохода тоже нет. На Стрэнд я могу теперь выйти только одним переулком, но предстоящая покупка пары перчаток преградит мне и этот путь. Скоро совсем некуда будет податься, и если уважаемая тетушка не пришлет мне денег в течение этого месяца, я буду вынужден делать крюк мили в три за черту города только для того, чтобы перейти с тротуара на тротуар.

— А она не подведет тебя? — спросил Трент.

— Надеюсь, что нет,— ответил мистер Свивеллер.— Но чтобы разжалобить ее, раньше требовалось в среднем около шести покаянных писем, а теперь мы дошли уже до восьми, и никакого толку. Завтра утром сочиню еще одно. Надо будет насажать на него как можно больше клякс и для пущей убедительности опрыскать водой из перечницы. «Мысли мои путаются, и я сам не знаю, что пишу...» клякса. «Если бы вы видели меня сейчас! Видели, как горько оплакиваю я свою беспутную жизнь...» — перечница. «Рука моя дрожит при одной только мысли...» — тут еще клякса. Если и это не подействует, тогда мне крышка!

Закончив свои записи, мистер Свивеллер сунул карандаш в книжечку, захлопнул ее, и выражение лица у него стало крайне серьезное и сосредоточенное. Трент вспомнил, что ему надо сходить куда-то по делу, и Ричард Свивеллер вскоре остался наедине с искрометным вином, а также со своими мыслями, имевшими самое близкое касательство к мисс Софи Уэклс.

— Все-таки это очень неожиданно,— говорил себе Дик, с глубокомысленным видом покачивая головой и, по обыкновению, пересыпая свою речь стихами, точно это была проза, затараторившая скороговоркой.— Когда сердце истерзано злою тоской — лишь увижу мисс Уэклс, снимет все как рукой. Прелестная девица! Она как роза, роза красная цветет в моем саду, что совершенно бесспорно. Кроме того, она как песенка, с которой в путь иду. Н-да! Неожиданно! Правда, бить отбой сразу, ради этой сестренки Фреда, нет никакой необходимости, но заходить слишком далеко тоже не годится. Нет! Если уж бить отбой, так нечего откладывать в долгий ящик. Во-первых, как бы не пришлось отвечать за нарушение матримониальных обещаний; во-вторых, Софи может подыскать себе другого жениха; в-третьих... нет, в-третьих отставить, но все-таки осторожность никогда не мешает.

Эта невысказанная до конца мысль касалась возможности, в которой Ричард Свивеллер не хотел признаться даже самому себе: возможности подпасть под чары мисс Уэклс, в какую-нибудь неосторожную минуту навсегда связать с ней свою судьбу и тем самым погубить заманчивый план, который так пришелся ему по душе. Поэтому он решил безотлагательно поссориться

с мисс Уэклс и, перебрав в уме различные предлоги для ссоры, остановился на беспричинной ревности. Стакан то и дело ходил у него из правой руки в левую и обратно, что должно было помочь ему как можно тоньше сыграть задуманную роль. Обсудив наконец этот важный вопрос, он навел на себя лоск, весьма незначительный, и отправился к обиталищу очаровательного предмета своих мечтаний.

Обиталище это находилось в Челси, так как мисс Софи Уэклс проживала там со своей вдовой матушкой и двумя сестрами и совместно с ними содержала скромную школу для юных особ столь же скромных размеров, о чем близлежащие кварталы оповещались при помощи овальной дощечки над окном первого этажа, разукрашенной затейливыми росчерками и гласившей: «Семинария для девиц», что и подтверждалось каждое утро между половиной десятого и десятью то одной, то другой девицей самого нежного возраста, стоявшей на цыпочках на железном скребке у порога и тщетно пытавшейся дотянуться букварем до дверного молотка. Педагогические обязанности распределялись в этом учебном заведении следующим образом: грамматика, сочинения, география и гимнастические упражнения с гирями — мисс Мелисса Уэклс; письмо, арифметика, танцы, музыка и искусство очаровывать — мисс Софи Уэклс; вышивание, мережка, строчка и метка белья — мисс Джейн Уэклс; телесные наказания, наложение поста и прочие пытки и ужасы — миссис Уэклс. Мисс Мелисса Уэклс была старшая дочка, мисс Софи средняя, а мисс Джейн младшая. Мисс Мелисса, вероятно, встретила и проводила на своем веку весен тридцать пять, не меньше, и уже клонилась к осени; мисс Софи была свеженькая веселая толстушка двадцати лет, а мисс Джейн только-только пошел семнадцатый год. Миссис Уэклс, даме достойнейшей, но несколько ядовитой, перевалило за шестьдесят.

Вот к этой-то «Семинарии для девиц» и поспешил Ричард Свивеллер, исполненный намерений, пагубных для душевного покоя прелестной Софи; а она, в платье девственной белизны, с одной лишь красной розой у корсажа, встретила его в самый разгар изысканных — чтобы не сказать пышных — приготовлений к открытию бала. О том, что торжественная минута близка, свидетельствовало все: и расставленные в зале маленькие цветочные горшочки, обычно стоявшие снаружи на подоконнике, если не считать ветреных дней, когда их сносило во двор; и шеренга школьниц, коим было дозволено украсить своим присутствием бал; и кудряшки мисс Джейн Уэклс, проходившей весь вчерашний день с волосами, туго закрученными в папильотки из желтой афиши; и, наконец, величественная осанка самой матроны и ее старшей дочери,— причем последнее показалось мистеру Свивеллеру несколько необычным, но особого впечатления на него не произвело.

Говоря откровенно (ведь о вкусах не спорят, и поэтому даже самый странный вкус не должен вызывать подозрений в предвзятости или злостном умысле), говоря откровенно, и миссис Уэклс, и ее старшая дочка не очень-то поощряли притязания мистера Свивеллера, отзывались о нем пренебрежительно, как о «ветрогоне», и, когда его имя произносилось в их присутствии, со зловещим вздохом покачивали головой. Отношение мистера Свивеллера к мисс Софи носило тот неопределенный, затяжной характер, в котором обычно не чувствуется твердых намерений; и с течением времени эта девица сама стала считать весьма желательным, чтобы вопрос разрешился в ту или иную сторону. Вот почему она наконец согласилась выставить против Ричарда Свивеллера одного своего обожателя — огородника, судя по всем признакам ожидавшего только малейшего поощрения с ее стороны, чтобы предложить ей руку и сердце; и вот почему она так добивалась присутствия Ричарда Свивеллера на балу (с этой целью и задуманном) и сама отнесла ему письмо, о котором мы уже слышали. «Если у него есть какие-то виды на будущее или возможность прилично содержать жену,— говорила миссис Уэклс своей старшей дочери,— когда же и сказать об этом, как не сегодня?» «Если я ему действительно нравлюсь,— думала мисс Софи,— сегодня он со мной объяснится».

Но поскольку мистер Свивеллер понятия не имел обо всех этих разговорах, мечтах и приготовлениях, ему было от них ни тепло, ни холодно. Он обдумывал, как бы получше разыграть роль ревнивца, и хотел только одного: чтобы на сей раз мисс Софи оказалась менее обольстительной или превратилась бы в свою сестру, что было бы примерно одно и то же. Однако его размышлениям помешал приход гостей, в том числе и огородника, по фамилии Чеггс. Мистер Чеггс явился не один, а предусмотрительно привел с собой сестру, и мисс Чеггс сразу устремилась к мисс Софи, взяла ее за обе руки, расцеловала в обе щеки и громким шепотом спросила, не слишком ли рано они пожаловали.

— Нет, что вы! — ответила мисс Софи.

— Милочка моя! — таким же шепотом продолжала мисс Чеггс.— Как меня донимали, как мучили! Просто счастье, что мы не торчим здесь с четырех часов. Элик прямо-таки рвался к вам! Хотите верьте, хотите нет, но он оделся еще до обеда и с тех пор глаз не сводил с часовой стрелки, покоя мне не давал! Это все вы виноваты, негодница!

Тут мисс Софи покраснела, мистер Чеггс (робевший в женском обществе) тоже покраснел, но матушка мисс Софи и ее сестры пришли мистеру Чеггсу на выручку и стали осыпать его комплиментами и любезностями, предоставив Ричарда Свивеллера самому себе. А ему только это и требовалось. Вот повод, причина и веское основание притвориться разгневанным! Но,

заручившись поводом, причиной и основанием, которые он собирался выискивать, не рассчитывая, что они появятся сами, Ричард Свивеллер разгневался не на шутку и подумал: «Какого дьявола нужно этому наглецу Чеггсу!»

Впрочем, первая кадриль с мисс Софи (плебейскими контрдансами здесь гнушались) была за мистером Свивеллером, и таким образом он утер нос своему сопернику; тот с грустным видом уселся в угол и стал созерцать оттуда прелестный стан мисс Софи, мелькающий в сложных фигурах танца. Но мистер Свивеллер не удовольствовался этим преимуществом. Решив показать семье Уэклс, каким сокровищем они пренебрегают, и, вероятно, все еще находясь под действием недавних возлияний, он творил такие чудеса, откалывал такие коленца, выделывал такие выкрутасы, что присутствующие были потрясены его ловкостью, а один длинный-предлинный джентльмен, танцевавший в паре с маленькой-премаленькой школьницей, остановился как вкопанный посреди зала, вне себя от изумления и восторга. Миссис Уэклс и та перестала шпынять трех совсем юных девиц, которые проявляли явную склонность повеселиться на балу, и невольно подумала, что таким танцором в семье можно было бы гордиться.

Но мисс Чеггс, союзник деятельный и надежный, не ограничивалась в эту критическую минуту одними насмешливыми улыбочками, принижающими таланты мистера Свивеллера и, пользуясь малейшей возможностью, нашептывала мисс Софи на ухо о том, как она сочувствует, как она болеет за мисс Софи душой, что такое чучело одолевает ее своими ухаживаниями, как она боится за обуянного гневом Элика — не налетел бы он, чего доброго, на него с кулаками, и умоляла мисс Софи удостовериться, что глаза вышеупомянутого Элика горят любовью и яростью — чувствами, которые, кстати сказать, переполнив ему глаза, бросились ниже и придали его носу багровый оттенок.

— Вы обязательно должны пригласить мисс Чеггс,— сказала мисс Софи Дику Свивеллеру, после того как сама протанцевала две кадрили с мистером Чеггсом, на глазах у всех поощряя его ухаживания.— Она такая славная, а брат у нее просто очаровательный!

— Вот как! — буркнул Дик. — Очаровательный и очарованный... судя по тем взглядам, которые он на вас бросает.

Тут мисс Джейн (подученная заранее) сунулась к ним со своими кудряшками и шепотом сообщила сестре, что мистер Чеггс ревнует.

— Ревнует? Каков наглец!—воскликнул Ричард Свивеллер.

— Наглец, мистер Свивеллер? — сказала мисс Джейн, тряхнув головкой.— А что, если он услышит? Как бы вам не пришлось пожалеть об этом!

— Джейн, прошу тебя...— остановила ее мисс Софи.

— Вздор! — ответила мисс Джейн.— Почему, собственно, мистер Чеггс не может ревновать? Вот еще новости! Он имеет на это такое же право, как и всякий другой, а скоро, может быть, таких прав у него будет еще больше. Тебе это лучше знать, Софи.

Мисс Джейн действовала по сговору с сестрой, в основе которого лежали самые добрые побуждения и желание во что бы то ни стало заставить мистера Свивеллера объясниться. Однако все их труды пошли прахом, ибо мисс Джейн, девица не по годам дерзкая и острая на язык, так увлеклась своей ролью, что мистер Свивеллер отошел от них в глубоком негодовании, уступив возлюбленную мистеру Чеггсу, но метнув в его сторону вызывающий взгляд, на что тот ответил взглядом возмущенным.

— Вы изволили что-то сказать, сэр? — вопросил мистер Чеггс, проследовав за ним в угол.— Будьте добры улыбнуться, сэр, чтобы нас ни в чем не заподозрили. Вы изволили что-то сказать, сэр?

Мистер Свивеллер с надменной усмешкой уставился на правый башмак мистера Чеггса, потом перевел взгляд на его щиколотку, потом на коленку: постепенно поднялся вверх по бедру до жилета, пересчитал на нем пуговицы, достиг подбородка, откуда пошел самой серединкой носа, встретился наконец глазами с мистером Чеггсом и вдруг отрезал:

— Нет, сэр!

— Гм! — хмыкнул мистер Чеггс, оглядываясь через плечо.— Будьте любезны улыбнуться еще раз, сэр. Может быть, вы *хотели* что-то сказать, сэр?

— Нет, сэр, не хотел.

— Может быть, вам нечего сказать мне в *данную минуту*, сэр? — с яростью проговорил мистер Чеггс.

Ричард Свивеллер оторвался от созерцания глаз мистера Чеггса и, путешествуя по самой серединке его носа, потом вниз по жилету, вниз по правой ноге, снова добрался до правого башмака и внимательно осмотрел его. Когда осмотр был закончен, он перекочевал на левую сторону, поднялся вверх по левой ноге, потом снова по жилету и, уставившись мистеру Чеггсу в глаза, ответил:

— Нечего, сэр.

— Ах, вот как, сэр! — воскликнул мистер Чеггс.— Рад это слышать. Полагаю, сэр, вы знаете, где меня найти на тот случай, если вам вдруг понадобится переговорить со мной, сэр?

— Если понадобится, справлюсь, сэр, это не затруднительно.

— Вопрос исчерпан, сэр?

— Вполне, сэр!

На этом их потрясающий диалог закончился, и оба они насупили брови. Мистер Чеггс поспешил пригласить мисс Софи на следующий танец, а мистер Свивеллер с мрачным видом удалился в угол.

Неподалеку от угла, глядя на танцующих, восседали миссис Уэклс и мисс Уэклс, и мисс Чеггс подлетала к ним каждую свободную минуту (когда танцевали одни кавалеры) и отпускала такие замечания, от которых у Ричарда Свивеллера на сердце кошки скребли. Тут же по соседству, на жестких стульях, торчали — прямые, как палки,— две ученицы. Они подобострастно заглядывали в глаза миссис и мисс Уэклс и, поймав наконец улыбку на устах этих дам, тоже улыбнулись, чтобы снискать их расположение. Однако в ответ на такую учтивость старушенция смерила обеих девочек уничтожающим взглядом и пригрозила, что, если они еще хоть раз будут уличены в подобной вольности, их сейчас же под конвоем отправят по домам. Одна из этих молодых девиц — натура пугливая и хлипкая — пустила слезу, после чего их обеих выпроводили с такой стремительностью, что сердца остальных школьниц наполнились ужасом.

— Какие у меня новости! — защебетала мисс Чеггс, снова подбегая к миссис и мисс Уэклс.— У Элика сейчас был такой разговор с Софи! Уверяю вас, это уже совершенно серьезно и бесповоротно!

— А о чем же он говорил, душенька? — заинтересовалась миссис Уэклс.

— Да о разных разностях,— ответила мисс Чеггс.— И так решительно!

Ричард Свивеллер почел за благо не слушать дальнейшего и, воспользовавшись перерывом в танцах, а также появлением мистера Чеггса, подскочившего к миссис Уэклс со своими любезностями, позаботился принять самый беззаботный вид и фланирующей походкой направился к двери, миновав по пути мисс Джейн Уэклс, которая, во всем великолепии своих кудряшек, кокетничала (исключительно ради практики, за неимением более достойного предмета) с дряхлым джентльменом, их квартирантом и нахлебником. Мисс Софи сидела у двери, взволнованная и смущенная комплиментами мистера Чеггса; и, решив попрощаться с ней, Ричард Свивеллер на минуту задержался около ее стула.

— Корабль мой меня поджидает, матросы готовят ладью, но прежде чем с глаз ваших скрыться, за Софи любезную пью! — сказал он вполголоса, мрачно глядя на мисс Уэклс.

— Вы уходите? — с деланным безразличием спросила она, а сама замерла от ужаса при виде того, к чему привели все ее ухищрения.

— Ухожу ли я? — с горечью проговорил Дик.— Да, ухожу. А что?

— Ничего. Только что — рано,— ответила мисс Софи.— Впрочем, вы сами себе хозяин.

— Я сердцу своему хозяином не стал,— сказал Дик,— когда впервые вас я увидал. Мисс Уэклс, я свято верил вам,

в блаженстве утопая, но, прелесть ангела с коварством сочетая, вы предали меня шутя, как бы играя.

Мисс Софи закусила губку и притворилась, будто ее очень интересует мистер Чеггс, который жадно пил лимонад в другом конце зала.

— Я пришел сюда,— продолжал Дик, видимо, позабыв об истинной цели своего прихода,— с бурно вздымающейся грудью, с замирающим сердцем и в соответствующем всему этому настроении. А ухожу, исполненный страстей, о которых можно только догадываться, ибо описать их нет сил,— ухожу, подавленный мыслью, что на мои лучшие чувства сегодня надели намордник.

— Я не понимаю, о чем вы говорите,— сказала мисс Софи, потупив глазки.— Мне очень грустно, если...

— Вам грустно, сударыня! — воскликнул Дик.— Грустно, когда вы владеете таким сокровищем, таким Чеггсом! Впрочем, разрешите пожелать вам всех благ и добавить напоследок, что специально для меня подрастает в тиши одна юная особа, которая наделена не только личными достоинствами, но и огромным состоянием и которая просила моей руки через посредство своего ближайшего родственника, в чем я не отказал ей, питая расположение к некоторым членам ее семьи. Надеюсь, вам приятно будет узнать, что это юное существо исключительно ради меня расцветает в прелестную женщину и для меня же бережет свое сердце. По-моему, сообщить об этом не лишнее. А теперь мне осталось только извиниться, что я так долго злоупотреблял вашим вниманием... Прощайте!

«Во всей этой истории можно радоваться только одному,— говорил себе Ричард Свивеллер, вернувшись домой и в раздумье стоя над свечкой с гасильником в руке.— А именно: теперь я всей душой отдамся делу, которое затеял Фред, и он останется доволен моим рвением. Так я ему и доложу завтра, а сейчас, поскольку время позднее, надо призвать Морфея и малость соснуть».

Морфей не заставил себя долго упрашивать. Не прошло и нескольких минут, как Ричард Свивеллер крепко уснул и видел во сне, будто он женился на Нелли Трент, вступил во владение всеми ее капиталами и, достигнув могущества, прежде всего превратил в пустырь огород мистера Чеггса, а на его месте построил кирпичный завод.

ГЛАВА IX

Доверившись миссис Квилп, Нелли лишь в слабой степени описала свою тревогу и горе, лишь намеками дала понять, какая туча нависла над их домом, бросая темные тени на его очаг. Трудно рассказывать постороннему человеку о том, как

одинока и безрадостна твоя жизнь. Но не только это сдерживало сердечные излияния Нелл: постоянный страх, как бы не выдать, не погубить нежно любимого деда, не позволил ей даже вскользь упомянуть о главной причине своих тревог и мучений.

Не однообразные дни, которые ничто не скрашивало — ни развлечения, ни дружба; не унылые, холодные вечера и одинокие длинные ночи; не отсутствие бесхитростных удовольствий, столь милых сердцу ребенка; не сознание собственной беспомощности и легкая уязвимость души — единственное, чем дарило ее детство,— не это исторгало жгучие слезы из глаз Нелл. Она чувствовала, что старика гнетет какое-то тайное горе, замечала его растущую растерянность и слабость, по временам дрожала за его рассудок, ловила в его словах и взглядах признаки надвигающегося безумия, видела, как день ото дня ее опасения подтверждаются, знала, что они с дедом одни на свете, что в беде им никто не поможет, никто их не спасет,— вот причины волнения и тоски, которые могли бы лечь камнем и на грудь взрослого человека, умеющего подбодрить и отвлечь себя от тяжелых раздумий. Каково же было нести такую ношу ребенку, когда он не знал избавления от нее и видел вокруг только то, что непрестанно питало его мысли тревогой.

А старик не замечал никаких перемен в Нелли. Если мираж, застилавший ему глаза, рассеивался на мгновение, он видел перед собой все ту же улыбку своей маленькой внучки, слышал все тот же проникновенный голос и веселый смех, чувствовал ее ласку и любовь, которые так глубоко запали ему в душу, словно были неразлучны с ним с первого дня жизни. И он довольствовался тем, что читал книгу ее сердца не дальше первой страницы, не подозревая, какая повесть раскрывается за ней, и думая: ну что ж, по крайней мере, ребенок счастлив!

Да, она была счастлива когда-то. Она бегала, напевая, по сумрачному дому, легко скользила среди его покрытых пылью сокровищ, подчеркивая их древность своей юностью, их суровое, угрюмое безмолвие — своим беззаботным весельем. А теперь в доме стоял холод и мрак; и когда она выходила из своей каморки, в надежде хоть как-то скоротать долгие часы ожидания в одной из этих комнат, все ее тело сковывала такая же неподвижность, какую хранили их безжизненные обитатели, и ей было боязно будить здесь эхо, охрипшее от долгого молчания.

Погруженная в свои мысли, девочка часто засиживалась допоздна у окна, выходившего на улицу. Кому лучше знать муки неизвестности, как не тем, кто ждет — тревожится и ждет? В эти часы печальные видения роем толпились вокруг нее.

Она сидела у окна в сумерках, следя за прохожими или за соседями в окнах напротив, и думала: «Неужели в тех домах так же пустынно, как и в нашем? Почему эти люди выглянут

на минутку и снова спрячутся? Может быть, им веселее, когда я сижу здесь?» На одной из крыш по ту сторону улицы неровной линией торчали трубы, и если она подолгу смотрела на них, ей начинали чудиться там страшные лица, которые хмурились, глядя на нее, и все старались заглянуть к ней в комнату. И девочка радовалась, когда наступающая темнота скрывала их,— радовалась и вместе с тем печалилась, потому что фонарщик зажигал фонари,— значит, ночь была близка, а ночью в доме становилось еще тоскливее. Она озиралась по сторонам, убеждалась, что в комнате все недвижимо, все стоит на своих местах, и, снова выглянув на улицу, видела иной раз человека, который в сопровождении двух-трех молчаливых спутников нес на спине гроб в какой-нибудь дом, где лежал покойник. Она вздрагивала, перед ней снова вставало изменившееся лицо деда, и это наводило на новые размышления, рождало новые страхи. Что, если он умрет — заболеет внезапно и больше не вернется домой живым; или придет ночью, поцелует, благословит ее, как всегда, она ляжет спать, заснет, пожалуй, будет видеть сладкие сны, улыбаться им,— а он наложит на себя руки, и его кровь медленной, медленной струйкой подберется к двери ее спальни. Такие мысли были невыносимы, и, ища спасения от них, она снова обращала взгляд на улицу, которая с каждой минутой становилась все темнее, тише и безлюднее. Лавки закрывались одна за другой, соседи шли спать, и в окнах верхних этажей там и сям вспыхивали огоньки. Но вот и они гасли или уступали место мерцающей свече, которая будет гореть до утра. Лишь невдалеке из одной лавки все еще падали на мостовую красноватые блики... в ней было, наверно, так светло, уютно! Но вот и она закрывалась, свет потухал, улица умолкала, мрачнела, и тишину ее нарушали только шаги случайных прохожих или громкий стук в дверь у соседей, когда кто-нибудь из них, против обыкновения, поздно приходил домой и старался разбудить крепко спящих домочадцев.

На исходе ночи (так уж повелось за последнее время) девочка закрывала окно и бесшумно спускалась по лестнице, замирая от страха при мысли: а вдруг эти чудища в лавке, не раз тревожившие ее сны, выступят из мрака, озаренные изнутри призрачным светом! Но яркая лампа и сама комната, где все было так знакомо ей, гнали прочь эти страхи. Не сдерживая рыданий, она горячо молилась за старика, просила в своих молитвах, чтобы покой снова снизошел на его душу и к ним снова вернулось прежнее безмятежное счастье, потом опускала голову на подушку и в слезах засыпала, но до рассвета еще не раз вскакивала, напуганная почудившимися ей сквозь сон голосами, и прислушивалась, не звонят ли.

На третий день после встречи Нелли с миссис Квилп старик, с утра жаловавшийся на слабость и недомоганье, сказал, что никуда не пойдет вечером и останется дома. Девочка вы-

слушала деда с загоревшимися глазами, но радость ее померкла, как только она присмотрелась к его болезненно осунувшемуся лицу.

— Два дня! — сказал он. — Прошло ровно два дня, а ответа все нет! Что он говорил, Нелли?

— Дедушка, я передала тебе все слово в слово.

— Да, правда,— чуть слышно пробормотал он.— Но расскажи еще раз, Нелл. Я не надеюсь на свою память. Как он сказал? «Зайду через день, другой», и больше ничего? Так было и в записке.

— Больше ничего,— ответила Нелли.— Хочешь, дедушка, я завтра схожу к нему? С самого утра? Я успею вернуться до завтрака.

Старик покачал головой и с тяжким вздохом привлек ее к себе.

— Это не поможет, дитя мое, ничему не поможет. Но если он отступится от меня, Нелл, отступится теперь, когда с его помощью я мог бы вознаградить себя за потерянное время, деньги и те душевные пытки, после которых во мне не осталось ничего прежнего, тогда я погибну... и, что еще страшнее, погублю тебя, ради кого рисковал всем. Если нас ждет нищета...

— Ну и что же! — бесстрашно воскликнула Нелли.— Зато мы будем счастливы!

— Нищета и счастье! — сказал старик.— Какой ты еще ребенок!

— Дедушка, милый!— продолжала Нелли, и щеки у нее вспыхнули, голос задрожал, душевный жар сказывался в каждом движении.— Это не ребячество, нет! Но даже если так, знай: я молю бога, чтобы он позволил нам просить милостыню, работать на дорогах или в поле, перебиваться с хлеба на воду! Все лучше, чем жить так, как мы живем!

— Нелли! — воскликнул старик.

— Да, да! Все лучше, чем жить так, как мы живем! — еще горячее повторила девочка.— Если у тебя есть горе, поделись им со мной. Если ты болен, я буду твоей сиделкой, буду ухаживать за тобой,— ведь ты теряешь силы с каждым днем! Если ты лишился всего, будем бедствовать вместе, но только позволь, позволь мне быть возле тебя. Видеть, как ты изменился, и не знать причины! Мое сердце не выдержит этого, и я умру! Дедушка, милый! Уйдем отсюда, уйдем завтра же, оставим этот печальный дом и будем жить подаянием.

Старик закрыл лицо руками и уронил голову на подушку.

— Просить милостыню не страшно,— говорила девочка, обнимая его.— Я знаю, твердо знаю, что нам не придется голодать. Мы будем бродить по лесам и полям, где нам захочется, спать под открытым небом. Перестанем думать о деньгах, обо всем, что навевает на тебя грустные мысли. Будем отдыхать по ночам, а днем идти навстречу ветру и солнцу и вместе благо-

дарить бога! Нога наша не ступит больше в мрачные комнаты и печальные дома! Когда ты устанешь, мы облюбуем какое-нибудь местечко, самое лучшее из всех, и я оставлю тебя там, а сама пойду просить милостыню для нас обоих.

Ее голос перешел в рыдания, головка склонилась к плечу деда... и плакала она не одна.

Слова эти не предназначались для посторонних ушей, и посторонним глазам не следовало бы заглядывать сюда. Но посторонние глаза и посторонние уши жадно вбирали все, что здесь делалось и говорилось, и обладателем их был не кто иной, как мистер Дэниел Квилп, который прошмыгнул в комнату незамеченным в ту минуту, когда девочка подошла к деду, и, движимый несомненно присущей ему деликатностью, не стал вмешиваться в их разговор, а остановился поодаль, по привычке осклабившись. Однако стоять было несколько утомительно для джентльмена, только что совершившего длинную прогулку, и карлик, который везде чувствовал себя как дома, углядел поблизости стул, вспрыгнул на него с необычайной ловкостью, уселся на спинку, ноги поставил на сиденье и теперь мог смотреть и слушать с удобством, в то же время утоляя свою страсть ко всяческим нелепым проделкам и кривлянью. Он небрежно положил ногу на ногу, подпер подбородок ладонью, склонил голову к плечу и скорчил довольную гримасу. И в этой-то позе старик, случайно посмотрев в ту сторону, и увидел его, к своему безграничному удивлению.

Девочка ахнула, пораженная столь приятным зрелищем. В первую минуту они с дедом не нашли, что сказать от неожиданности, и, не веря своим глазам, с опаской смотрели на карлика. Нисколько не обескураженный таким приемом, Дэниел Квилп не двинулся с места и лишь снисходительно кивнул им. Наконец старик обратился к нему и спросил, как он попал сюда.

— Вошел в дверь,— ответил Квилп, ткнув пальцем через плечо.— Я не так мал, чтобы проникать сквозь замочные скважины, о чем весьма сожалею. Мне надо поговорить с вами, любезнейший, по секрету и наедине, без свидетелей. До свидания, маленькая Нелли!

Нелл посмотрела на старика, он отпустил ее кивком головы и поцеловал в щеку.

— Ах! — сказал карлик, причмокнув губами.— Какой сладкий поцелуй! И в самый румянец! Ах, какой поцелуй!

Нелл не стала медлить после столь лестного замечания. Квилп проводил девочку восхищенным взглядом и, когда она затворила за собой дверь, рассыпался в комплиментах по ее адресу.

— Какой она у вас бутончик! И какая свеженькая! А уж скромница-то! — говорил он, играя глазами и покачивая своей короткой ногой.— Ну что за бутончик, симпомпончик, голубые глазки!

Старик ответил ему принужденной улыбкой, явно стараясь подавить вдруг охватившее его острое, мучительное нетерпение. Оно не укрылось от глаз Квилпа, который с восторгом издевался над всеми, над кем только мог.

— Она у вас такая маленькая,— не спеша говорил он, притворяясь, будто ни о чем другом и думать не может.— Такая стройненькая, личико беленькое, а голубые жилки так и просвечивают сквозь кожу, ножки крохотные... А уж как обходительна, как мила!.. Господи! Чего вы волнуетесь, любезнейший? Да что это с вами? Вот уж не думал,— продолжал карлик, сползая со спинки стула на сиденье и проявляя при этом величайшую осторожность, не имевшую ничего общего с тем проворством, с каким он, никем не замеченный, вспрыгнул на него,— вот уж не гадал, что стариковская кровь такая быстрая да кипучая. С чего бы это? Ведь ей надо бы струиться по жилам медленно, еле-еле. Уж не больны ли вы, любезнейший?

— Я сам того боюсь,— простонал старик, сжимая голову обеими руками.— Вот здесь жжет, как огнем, а потом вдруг такое начнется, о чем и говорить страшно.

Карлик выслушал это молча, в упор глядя на своего собеседника, а тот беспокойно прошелся взад и вперед по комнате, снова вернулся к кушетке, свесил голову на грудь, просидел так несколько минут и вдруг воскликнул:

— Говорите же! Говорите сразу! Принесли вы деньги или нет?

— Нет! — отрезал Квилп.

— Значит,— прошептал старик, в отчаянии стиснув руки и подняв глаза к потолку,— значит, мы с внучкой погибли!

— Слушайте, любезнейший! — сказал Квилп и, строго насупив брови, похлопал ладонью по столу, чтобы привлечь к себе блуждающий взгляд старика.— Будем говорить напрямик. Я человек порядочный, не вам чета. Вы небось своих карт не открывали, держали их ко мне рубашкой. Я знаю вашу тайну.

Старик посмотрел на него и задрожал всем телом.

— Не ожидали? — усмехнулся Квилп.— Ну что ж, оно и понятно. Итак, я вашу тайну открыл. Теперь я знаю, что все деньги, все ссуды и займы, которые вы от меня получали, все пошло на... сказать куда?

— Говорите! Говорите, если вам так уж хочется!

— На игорный стол! — сказал Квилп.— На игорный стол, к которому вас тянуло каждую ночь. Вот он, ваш вернейший способ разбогатеть,— правильно? Вот тайный кладезь наживы, куда я, с вашей помощью, чуть было не ухнул все свои деньги, если бы и вправду был таким простачком, за какого вы меня принимали! Вот она, ваша неиссякаемая золотая жила, ваше эльдорадо!

— Да, да! — крикнул старик, и глаза у него засверкали.— Так было. Так есть. И так будет, пока я жив!

— Подумать только! — сказал Квилп, смерив его презрительным взглядом.— Кто меня провел? Жалкий картежник!

— Я не картежник! — гневно крикнул старик.— Призываю небо в свидетели, что я никогда не играл ради собственной выгоды или ради самой игры! Ставя деньги на карту, я шептал имя моей сиротки, молил у неба удачи... и так и не дождался ее. Кому оно слало эту удачу? Кто они были, мои партнеры? Грабители, пьяницы, распутники! Люди, которые проматывали золото на дурные дела и сеяли вокруг себя лишь зло и порок. Мои выигрыши оплачивались бы из их карманов, мои выигрыши, все до последнего фартинга, пошли бы безгрешному ребенку, скрасили бы его жизнь, принесли бы ему счастье. Если бы выигрывал я, разврата, горя и нищеты стало бы меньше на свете! Кто не загорелся бы надеждой на моем месте? Скажите, кто не лелеял бы ее так, как я?

— Когда же вы поддались этому безумству? — спросил Квилп уже не таким насмешливым тоном, ибо отчаяние и горе старика поразили даже его.

— Когда поддался? — повторил тот, проводя рукой по лбу.— Да... когда же это было? Ах! Когда же, как не в те дни, когда я впервые понял, что денег скоплено мало, а времени на это ушло бог знает сколько, что жизнь моя подходит к концу и после моей смерти Нелл будет брошена на произвол суровой судьбы — и с чем? С какими-то жалкими грошами, которые не уберегут ее от несчастий, всегда подстерегающих бедняков. Вот тогда я впервые и напал на эту мысль.

— После того как вы попросили меня отправить вашего милейшего внука за море? — спросил Квилп.

— Да, вскоре после этого,— ответил старик.— Я думал долгие месяцы, и эти думы не давали мне покоя даже во сне. Потом начал играть... Игра не доставляла мне никакой радости,— впрочем, я и не искал ее. Что мне дали карты, кроме горя, тревожных дней и бессонных ночей, кроме потери здоровья и душевного покоя?

— Значит, вы проиграли сначала все свои сбережения, а потом явились ко мне? Я-то думал, что вы нашли путь к богатству, поверил вам! А вы катились к нищете! Ай-ай-ай! Но ведь ваши долговые записки у меня в руках, а кроме того, и закладная на... на лавку и имущество.— Квилп встал со стула и огляделся по сторонам, проверяя, все ли здесь на месте.— Но неужели вам ни разу не повезло?

— Ни разу! — простонал старик.— Все проиграно!

— А я думал,— с издевательской усмешкой продолжал карлик,— что если играть упорно, так в конце концов будешь в выигрыше или, по крайней мере, не продуешься в пух и прах.

— Это истина! — вне себя от волнения воскликнул старик, сразу воспрянув духом.— Незыблемая истина! Я сразу же это почувствовал, я знаю, что так бывает, и сейчас верю в это

всей душой! Квилп, три ночи подряд мне снится один и тот же сон: будто я выиграл, и выигрыш каждый раз один и тот же. А раньше таких снов не было, как я ни призывал их к себе! Не оставляйте меня, когда счастье так близко! Вы единственное мое прибежище! Помогите мне, не губите этой последней надежды!

Карлик пожал плечами и покачал головой.

— Квилп! Добрый, благородный Квилп! Вот посмотрите! — Старик дрожащей рукой вынул из кармана какие-то бумажки и схватил карлика за плечо.— Вы только взгляните! Эти цифры — плод сложнейших расчетов и долгого, нелегкого опыта. Я *должен* выиграть, Квилп. Только помогите мне, дайте хоть немного денег, фунтов сорок, не больше!

— Последний раз вы заняли семьдесят,— сказал карлик.— И спустили все за одну ночь.

— Да, да! В ту ночь мне особенно не везло, и тогда время еще не приспело! Квилп, подумайте,— говорил старик, и бумажки дрожали у него в руках, точно на ветру,— подумайте о сиротке! Будь я один, я с радостью принял бы смерть; может, даже поторопил бы судьбу, которая так неровно распределяет свои дары, приходит к гордецам и счастливцам и сторонится убогих, тех, кто в отчаянии призывает ее. Но я пекусь о своей сиротке. Помогите мне ради Нелли, умоляю вас! Только ради Нелли — мне самому ничего не нужно!

— К сожалению, у меня дела в Сити,— сказал Квилп, с невозмутимым видом вынимая часы из кармана,— а то я посидел бы у вас еще с полчасика, пока вы не успокоитесь, с удовольствием посидел бы.

— Квилп, добрый Квилп! — задыхаясь, прошептал старик, удерживая карлика за полы сюртука.— Мы с вами столько раз говорили о ее несчастной матери. Может быть, с тех пор я и стал бояться, что Нелли тоже ждут лишения. Подумайте об этом и не будьте жестоки! Вы же только наживетесь на мне! Дайте денег, не лишайте меня последней надежды!

— Нет, право не могу,— с необычной для него вежливостью ответил Квилп.— Но подумайте, как это поучительно: оказывается, даже самый проницательный человек и тот может попасть впросак! Знаете, вы меня так провели своим скромным образом жизни. Никого у вас в доме нет, только Нелли...

— Я же старался скопить побольше денег! Старался умилостивить судьбу и добиться от нее щедрой награды!

— Да, теперь-то все понятно,— сказал Квилп.— Но я вот о чем говорю: вас считали богачом, и вы так меня провели своей скаредностью и уверениями, будто ваши прибыли втрое и вчетверо окупят проценты по ссудам, что я дал бы вам под расписку любую сумму, если бы не узнал ненароком вашу тайну.

— Кто же выдал ее? — в отчаянии воскликнул старик.— Ведь я был так осторожен! Кто он, этот человек, назовите его!

Хитрый карлик сообразил, что, указав на девочку, он ничего от этого не выиграет, так как тогда ему придется открыть и свою уловку, и вместо ответа спросил:

— А вы сами на кого думаете?

— Наверно, Кит, больше некому! Он выследил меня, а вы его подкупили — да?

— Как вы догадались? Да, это был Кит. Бедный Кит! — соболезнующим тоном сказал карлик.

Он дружески кивнул старику на прощанье, а выйдя на улицу, остановился и оскалил зубы в ликующей улыбке.

— Бедный Кит! — пробормотал Квилп.— Кажется, этот самый Кит и сказал, что таких страшных карликов и за деньги не увидишь? Ха-ха-ха! Бедный Кит!

И с этими словами он зашагал прочь, не переставая посмеиваться.

ГЛАВА X

Приход и уход Дэниела Квилпа не остался незамеченным. Наискось от лавки старика в тени подворотни, ведущей к одному из многих переулков, которые расходились от большой проезжей улицы, стоял некто, занявший эту позицию еще в сумерках и, по-видимому, обладающий неистощимым терпением и привычкой к долгим часам ожидания. Прислонившись к стене и почти не двигаясь часами, он покорно ждал чего-то и собирался ждать долго, сколько бы ни понадобилось.

Этот терпеливый наблюдатель не привлекал к себе внимания прохожих и столь же мало интересовался ими сам. Его глаза были прикованы к одной точке — к окну, около которого девочка сидела вечерами. Если он и отводил взгляд в сторону, то лишь на секунду, чтобы посмотреть на часы в ближней лавке, а потом с удвоенной сосредоточенностью обращал его к тому же окну.

Мы сказали, что этот некто, притаившийся в своем укромном уголке, не проявлял ни малейших признаков усталости, и так оно и было на самом деле, хотя он дежурил здесь уже не первый час. Но по мере того как шло время, этот некто начинал недоумевать и беспокоиться и поглядывал на часы все чаще и чаще, а на окно все грустнее и грустнее. Наконец ревнивые ставни скрыли от него циферблат, на колокольне пробило одиннадцать, потом четверть двенадцатого, и только тогда он убедился, что дальше ждать бесполезно.

О том, сколь огорчителен оказался такой вывод и сколь неохотно подчинился ему этот неизвестный нам человек, можно было судить по его нерешительности, по тому, как, покидая свой укромный уголок, он то и дело оглядывался через плечо и быстро возвращался назад, лишь только изменчивая игра света или негромкий стук — чистейший плод воображения — наво-

дили его на мысль, что кто-то осторожно приподнимает створку все того же окна. Но вот, окончательно отказавшись от дальнейшего ожидания, незнакомец с места в карьер бросился бежать, точно гоня себя прочь отсюда, и даже ни разу не оглянулся на бегу, из страха, как бы не повернуть обратно.

Этот таинственный человек без всякой передышки промчался во весь опор по лабиринту узких улочек и переулков и наконец завернул в маленький квадратный двор, мощенный булыжником. Здесь он сразу сбавил ходу, подошел к небольшому домику, в окне которого горел свет, поднял щеколду на двери и распахнул ее.

— О господи! — Таким возгласом его встретила женщина, бывшая в комнате.— Кто там? Ты, Кит?

— Да, мама, это я.

— Что же ты какой усталый, сынок?

— Хозяин никуда сегодня не пошел,— сказал Кит,— а она даже не выглянула в окошко.— И с этими словами он, грустный, расстроенный, сел к очагу.

Комната, в которой сидел приунывший Кит, была обставлена очень просто, даже бедно, и если бы не чистота и порядок, всегда в какой-то степени способствующие уюту, она показалась бы совсем убогой. Стрелки голландских часов близились к полуночи, но, несмотря на позднее время, мать Кита все еще стояла, бедняжка, у стола и гладила белье. В колыбели у очага спал младенец, а мальчуган лет трех, в чепчике на самой макушке и в куцей ночной рубашонке, таращил большие круглые глаза поверх края бельевой корзины, куда его пересадили из кровати, и, судя по его бодрому виду, спать не собирался, что сулило в самом недалеком будущем весьма заманчивые перспективы для его ближайших родственников и знакомых. Чудная это была семейка: мать, Кит и двое ребятишек — все, от мала до велика, на одно лицо.

Кит собирался пребывать в дурном расположении духа (увы! это случается даже с лучшими из нас), но, посмотрев на крепко спящего малыша и переведя с него взгляд сначала на среднего братца в бельевой корзине, потом на мать, которая без единой жалобы трудилась с раннего утра, счел за благо подобреть и развеселиться. Он качнул ногой колыбель, скорчил рожу бунтарю в бельевой корзине, приведя его в неописуемый восторг, после чего окончательно убедился, что молчать и хмуриться не стоит.

— Эх, мама! — сказал Кит, вынув из кармана складной нож и набрасываясь на большой ломоть хлеба с мясом, который мать приготовила ему с раннего вечера.— Сокровище ты у нас, вот что! Таких на белом свете — раз, два, и обчелся!

— А я надеюсь, что и получше меня есть,— сказала миссис Набблс,— по крайней мере, должны быть. Так нас проповедник учит в нашей молельне.

— А что он понимает! — фыркнул Кит.— Пусть сначала овдовеет, да поработает с твое за гроши, да попробует при этом носа не вешать,— вот тогда мы его спросим, каково это, и каждому его слову поверим.

— Да-а...— уклончиво протянула миссис Набблс.— Вон твое пиво, Кит, я его к решетке поставила.

— Вижу,— сказал он, беря кружку.— За ваше здоровье, матушка, и за здоровье проповедника, если вам так угодно! Ладно уж! Я против него злобы не таю.

— Так ты говоришь, твой хозяин никуда сегодня не пошел? — спросила миссис Набблс.

— Да, к несчастью, никуда не пошел,— сказал Кит.

— А по-моему, к счастью,— возразила его мать.— Значит, мисс Нелли не придется быть одной всю ночь.

— Правильно! — спохватился Кит.— У меня это из головы вон. Я говорю «к несчастью», потому что дежурил там с восьми часов, а ее так и не увидал.

— А вот любопытно, что сказала бы мисс Нелли,— воскликнула миссис Набблс, отставляя утюг в сторону и поворачиваясь лицом к сыну,— что бы она сказала, если б узнала вдруг, что каждую ночь, когда она, бедняжка, сидит одна-одинешенька у окна, ты сторожишь на улице, как бы с ней чего не случилось; и ведь на ногах еле стоишь от усталости, а не сойдешь с места, пока не удостоверишься, что все спокойно и она пошла спать.

— Ну, вот еще! — буркнул Кит, и на его неказистой физиономии появилось нечто вроде румянца.— Никогда она этого не узнает и, следовательно, никогда ничего не скажет.

Минуты две миссис Набблс молча гладила белье, потом подошла к огню за горячим утюгом, смахнула с него пыль тряпкой, провела им по доске и украдкой посмотрела на Кита. Она бесстрашно поднесла утюг чуть ли не к самой щеке, чтобы испробовать, горячий ли, оглянулась с улыбкой и вдруг заявила:

— Кит! А я знаю, что сказали бы люди, если бы...

— Ерунда! — перебил ее Кит, предчувствовавший, к чему она клонит.

— Нет, правда, сынок! Люди сказали бы, что ты в нее влюбился! Так прямо и сказали бы!

В ответ на это Кит смущенно пробормотал: «Да ну тебя!» — и судорожно задвигал руками и ногами, сопровождая эти жесты не менее судорожной мимикой. Но так как средства эти не принесли ему желанного облегчения, он набил рот хлебом с мясом, быстро глотнул пива и тем самым вызвал у себя приступ удушья, что временно увело разговор от щекотливой темы.

— Нет, в самом деле, Кит! — снова начала его мать.— Я, конечно, пошутила,— хорошо, что ты так делаешь и никому в

этом не признаешься. Но когда-нибудь она, даст бог, все узнает и будет очень тронута и благодарна тебе. Какая жестокость держать ребенка взаперти! Ничего удивительного, что старый джентльмен скрывает от тебя свои ночные отлучки.

— Господь с тобой! Ему и в голову не приходит, что это жестоко! — воскликнул Кит. — Разве он стал бы так делать? Да ни за какие сокровища в мире! Нет, нет! Уж я-то его знаю!

— Тогда зачем же он так поступает и зачем таится от тебя?— спросила миссис Нabблс.

— Вот этого мне никак не понять,— ответил ее сын. — Ведь если бы он не таился, я ничего бы и не узнал. А когда он стал меня выпроваживать раньше времени, я сразу решил: дай, думаю, разведаю, в чем тут дело. Слушай!.. Что это?

— Да кто-то по двору ходит.

— Нет, сюда бегут... и как быстро! — сказал Кит, вставая и прислушиваясь.— Неужто он все-таки ушел из дому? Мама, может, у них пожар?

Вызвав в своем воображении эту страшную картину, мальчик так и замер на месте. Шаги приближались, чья-то рука стремительно распахнула дверь, и девочка, запыхавшаяся, бледная, одетая кое-как, вбежала в комнату.

— Мисс Нелли! Что случилось? — в один голос вскрикнули мать и сын.

— Я на минутку,— сказала она.— Дедушка заболел... Я вошла — вижу, он лежит на полу...

— Доктора! — Кит схватился за шляпу.— Я за ним мигом сбегаю, я...

— Нет, не надо! Доктора уже позвали... я не за тобой... ты... ты больше никогда к нам не приходи!

— Что? — крикнул Кит.

— Тебе нельзя к нам! Не спрашивай почему, я ничего не знаю. Прошу тебя, не спрашивай! Прошу тебя, не огорчайся, не сердись на меня! Я тут ни при чем!

Кит уставился на нее, несколько раз подряд открыл и закрыл рот, но не мог выговорить ни слова.

— Он кричит, бранит тебя. Я не знаю, в чем ты провинился, но чувствую, что на дурной поступок ты не способен.

— *Я* провинился! — взревел Кит.

— Он говорит, будто ты виноват во всех его несчастьях,— со слезами на глазах продолжала девочка.— Требует тебя, а доктор сказал, чтобы ты и на глаза к нему не показывался, иначе он умрет. Не приходи к нам больше. Я за этим и прибежала, хотела тебя предупредить. Уж лучше ты от меня это услышишь, чем от кого-нибудь другого. Кит! Что же ты наделал! Ты, кому я так верила, кого считала чуть ли не единственным нашим другом!

Несчастный мальчик смотрел и смотрел на свою маленькую хозяйку, глаза у него открывались все шире и шире, но он не мог ни сдвинуться с места, ни заговорить.

— Вот его жалованье за неделю,— сказала девочка, обращаясь к матери Кита и кладя деньги на стол.— Тут... тут немного больше... потому что он всегда был такой добрый, такой заботливый. Я знаю, он скоро пожалеет о своем поступке, но пусть не принимает это слишком близко к сердцу, пусть найдет себе других хозяев... Мне очень грустно так расставаться с ним, но теперь уж ничего не поделаешь. Прощайте!

Обливаясь слезами, дрожа всем своим худеньким телом от недавнего потрясения, от щемящей боли, которую вызвала у нее и болезнь деда, и весть, которую ей пришлось принести в этот дом, девочка подбежала к двери и исчезла так же быстро, как и появилась.

Бедная миссис Набблс, не имевшая раньше оснований сомневаться в честности и правдивости сына, была поражена тем, что он не сказал ни слова в свою защиту. Уж не попал ли он в компанию сорванцов, жуликов, грабителей? А эти ежевечерние отлучки из дому, для которых у него всегда было одно и то же странное объяснение? Может быть, это только для отвода глаз? Охваченная такими страшными мыслями, она не решалась расспрашивать сына и, сидя на стуле, раскачивалась взад и вперед, ломала руки и горько плакала. Но Кит даже не пытался утешить мать — ему было не до того. Младенец в колыбели проснулся и захныкал; мальчуган в бельевой корзине, упав навзничь, перевернул ее на себя и исчез под ней; мать плакала все громче и раскачивалась все быстрее,— а Кит, ничего этого не замечавший, продолжал сидеть в полном оцепенении.

ГЛАВА XI

Тишине и безлюдью больше не суждено было безраздельно царить под кровлей, осенявшей головку Нелли. У старика началась жестокая горячка, на следующее утро он впал в забытье и с того самого дня долгие недели боролся с недугом, грозившим ему смертью. Недостатка в уходе за ним теперь не было, но его окружали чужие люди — алчные сиделки, которые, отдежурив положенный срок у постели больного, пили, ели и веселились всей своей беспардонной компанией, ибо страдания и смерть были для них делом привычным.

Но, несмотря на шум и сутолоку в доме, девочка никогда еще не чувствовала себя такой одинокой, как в эти дни. Одинокой во всем — в своей любви к тому, кто таял, снедаемый горячкой, одинокой в своем непритворном горе и бескорыстном участии. День за днем, ночь за ночью просиживала она у изголовья бесчувственного страдальца, предупреждая малейшее его

желание, прислушиваясь к тому, как он даже в бреду повторяет ее имя и не перестает думать и тревожиться только о ней.

Дом уже не принадлежал им. У них осталась только одна комната, где лежал больной, да и ту мистер Квилп соблаговолил предоставить прежним хозяевам лишь на время. Когда старик заболел, карлик чуть ли не на другой день вступил во владение лавкой и всем, что в ней было, основываясь на законных правах, в которых мало кто разбирался и которые никому не приходило в голову оспаривать. Утвердив свои позиции с помощью одного крючкотвора, он даже переехал сюда вместе с ним — на страх всем супостатам — и решил устроиться с удобствами в новом жилье, хотя понятия об удобствах у него были весьма своеобразные.

Итак, мистер Квилп обосновался в задней комнате, предварительно заколотив наглухо окно лавки и тем самым положив конец дальнейшей торговле. Он отобрал из старинной мебели самое красивое и покойное кресло (для собственных нужд) и самый уродливый и неудобный стул (для подручного, о котором тоже следовало позаботиться), велел перетащить их к себе и воссел на свой трон. Комната эта была далеко от спальни старика, но мистер Квилп, боясь заразиться горячкой, счел необходимым произвести здесь оздоровительное окуривание и не только сам дымил трубкой без малейшего перерыва, но заставил курить и своего ученого друга. Не удовлетворяясь этим, он послал на пристань за уже знакомым нам акробатом, прибывшим немедленно, посадил его в дверях, снабдил большой трубкой, специально привезенной из дому, и ни под каким видом не разрешал ему вынимать ее изо рта дольше чем на минуту. Закончив устройство на новом месте, Дэниел Квилп с довольным смешком огляделся по сторонам и сказал, что вот это и называется у него удобствами.

Ученый джентльмен с благозвучной фамилией Брасс охотно присоединился бы к мнению мистера Квилпа, но этому мешали два обстоятельства: первое — несмотря на все свои ухищрения, он никак не мог устроиться на стуле, сидение у которого было жесткое, ребристое, скользкое и покатое; второе — табачный дым всегда был ему противен и вызывал у него всяческие внутренние пертурбации. Находясь, однако, в полной зависимости от мистера Квилпа и имея все основания угождать своему патрону, он выдавил из себя улыбку и одобрительно закивал головой.

Мистер Брасс, стряпчий с весьма сомнительной репутацией, проживал на улице Бевис-Маркс в городе Лондоне. Это был сухопарый дылда с круглым, похожим на шишку, носом, с нависшим лбом, бегающими глазками и огненно-рыжими волосами. Костюм его состоял из долгополого черного сюртука и черных штанов по щиколотку, из-под которых виднелись сизо-голубые бумажные чулки и ботинки с ушками. Держался этот джентль-

мен подобострастно, но говорил весьма грубым голосом, а его приторные улыбочки вызывали такое чувство омерзения, что всякий, кто сталкивался с ним, предпочел бы, чтобы он злобно хмурился.

Квилп посмотрел на своего ученого советчика, заметил, что он щурит глаза от дыма, разгоняет его рукой и чуть ли не корчится от каждой затяжки, и, придя в неописуемый восторг, радостно потер ладони.

— Кури, собака! — скомандовал карлик, оглядываясь на мальчишку.— Набей трубку заново и всю ее выкури, не то я раскалю чубук на огне и прижгу тебе язык.

К счастью, у мальчишки имелся достаточный опыт в такого рода делах и ему ничего не стоило бы втянуть в себя содержимое небольшой печи для обжига извести, если бы его удостоили такого угощения. Поэтому он пробормотал наспех какую-то дерзость по адресу хозяина и сделал, как было приказано.

— Вам приятно, Брасс? Какой аромат, какие фимиамы! Вы, наверно, чувствуете себя по меньшей мере турецким султаном! — сказал Квилп.

Мистер Брасс подумал, что если у турецкого султана самочувствие бывает не лучше, то завидовать ему особенно нечего, однако не стал отрицать приятности своих ощущений и охотно приравнял себя к этому властелину.

— Курение — лучший способ уберечься от заразы,— сказал Квилп,— от заразы и от всех других бедствий, которые грозят нам на нашем жизненном пути. Пока не переберемся отсюда, так и будем дымить. Кури, собака, не то трубку проглотить заставлю!

— А мы надолго здесь, мистер Квилп? — спросил законник, выслушав это мягкое предостережение, относившееся к мальчишке.

— Да полагаю, пока старик не помрет,— ответил карлик.

— Хи-хи-хи! — закатился мистер Брасс.— Прелестно! Прелестно!

— Курите без передышки! — заорал Квилп.— Курить и разговарить можно сразу. Не теряйте времени.

— Хи-хи-хи! — слабеньким голосом пискнул Брасс, снова беря в рот окаянную трубку.— А если ему полегчает, мистер Квилп?

— Если полегчает, тогда ни одной лишней минуты ждать не будем,— ответил карлик.

— Как это благородно с вашей стороны, сэр! — воскликнул Брасс.— Другие на вашем месте все бы распродали или вывезли при первой же возможности, поскольку закон на их стороне!.. Да, да! У других сердце гранит, кремень, сэр! Другие, сэр, на вашем месте...

— Другие на моем месте не стали бы слушать такого попугая,— пресек его карлик.

— Хи-хи-хи! — залился Брасс.— Вы шутник, сэр, шутник!

Но тут страж у двери прервал их беседу и пробормотал, не вынимая трубки изо рта:

— Девчонка идет.

— Кто идет, собака? — спросил Квилп.

— Девчонка,— ответил страж.— Оглохли, что ли?

— О-о! — Карлик со смаком втянул воздух сквозь зубы, словно прихлебывая горячий суп.— Подожди, дружок, я с тобой разделаюсь! Такие тебя ждут оплеухи и затрещины, что ты у меня диву дашься! А! Нелли! Ну, как твой дедушка себя чувствует, цыпочка ты моя бриллиантовая?

— Ему очень плохо,— со слезами ответила она.

— До чего же ты хорошенькая, Нелл! — воскликнул Квилп.

— Очаровательна, сэр, очаровательна! — подхватил Брасс.— Просто красотка!

— А зачем Нелл сюда пришла? Посидеть у Квилпа на коленях? — спросил карлик, видимо, полагая, что его умилительный тон успокоит девочку.— Или она, бедненькая, хочет лечь в постельку у себя в комнатке? А, Нелли?

— Как он ласков с детьми! — пробормотал Брасс, доверительно обращаясь к потолку.— Заслушаешься! Честное слово, заслушаешься!

— Нет, я только на минутку,— испуганно ответила Нелли.— Мне надо кое-что взять тут, и больше... больше я сюда никогда не приду.

— А комнатка в самом деле не дурна! — сказал карлик, заглядывая через ее плечо.— Настоящее гнездышко! Так ты твердо решила, что не будешь жить здесь? Ты твердо решила не возвращаться сюда, Нелли?

— Да,— ответила девочка и, взяв платье и еще кое-какие вещи, быстро вышла из своей комнаты.— Я больше сюда не вернусь, никогда не вернусь!

— Пугливая,— сказал карлик, глядя ей вслед.— Слишком уж пугливая,— а жаль! Кроватка-то как раз мне по росту. Пожалуй, это будет *моя* спаленка!

Идея эта, подобно всем идеям, исходившим из того же источника, заслужила одобрение мистера Брасса. Тогда карлик сразу же вошел в комнату Нелл, повалился на кровать с трубкой в зубах, задрыгал ногами и вскоре окружил себя клубами дыма. Мистер Брасс приветствовал это зрелище рукоплесканиями, и мистер Квилп, вполне оценив мягкость и удобство Неллиной кровати, заявил, что ночью будет спать на ней, а днем пользоваться ею как оттоманкой. Сказано — сделано! И карлик так и остался лежать, пока не выкурил трубки. Законник же, у которого к этому времени от дурноты начали путаться мысли (таково было действие табака на его нервную систему), воспользовался случаем и улизнул на свежий воздух, где ему вскоре настолько полегчало, что он вернулся обратно в доволь-

но приличном виде. Впрочем, злокозненный карлик опять заставил его докуриться до прежнего состояния, после чего несчастный замертво рухнул на первую попавшуюся кушетку и проспал на ней до утра.

Таковы были начальные шаги нового владельца лавки древностей. Но в дальнейшем мистеру Квилпу не хватало времени на всяческие проделки и выдумки — его одолевали заботы: составление с помощью мистера Брасса подробнейшей описи имущества старика, а также другие дела, которые, к счастью, требовали его присутствия в Сити по нескольку часов в день. Однако бросать лавку на ночь ему не позволяла жадность и подозрительность, разыгрывавшиеся тем сильнее, чем дольше затягивалась болезнь старика, исхода которой — в ту или иную сторону — он ждал, не только не скрывая своего нетерпения, по без всяких церемоний заявляя об этом вслух.

Нелли старалась избегать разговоров с карликом и пряталась, едва заслышав его голос, но и улыбочки стряпчего вызывали в ней не меньшее отвращение, чем гримасы Квилпа. Живя в постоянном страхе, как бы не столкнуться с кем-нибудь из них на лестнице или в коридоре, она почти не отходила от деда и только поздно вечером, когда в доме наступала тишина, пробиралась в пустые комнаты подышать воздухом.

Однажды ночью девочка, печальная, сидела на своем обычном месте у окна (старику было хуже в тот день), как вдруг ей послышалось, будто ее зовут. Она выглянула на улицу и увидела того, кто нарушил ее тяжкое раздумье. Это был Кит.

— Мисс Нелл! — негромко повторил мальчик.

— Да? — откликнулась она, не зная, позволительно ли ей общаться с этим преступником, но повинуясь чувству неизменной привязанности к нему.— Ты что?

— Я давно хочу поговорить с вами,— ответил мальчик,— да эти люди в лавке не пускают меня, гонят прочь. Неужели вы верите... да нет, быть того не может!... Неужели вы верите, что я заслужил такое, мисс?

— Как же мне не верить? — сказала Нелли.— Ведь дедушка почему-то рассердился на тебя.

— Я сам не знаю почему,— сказал Кит.— Только не заслужил я этого ни от него, ни от вас. Честное слово, не заслужил! А теперь меня вдобавок ко всему гонят от двери, когда я только хочу справиться о своем старом хозяине!

— Я этого не знала! — воскликнула девочка.— Они мне ничего не говорили. Разве я позволила бы им так поступать!

— Спасибо, мисс, мне сразу полегчало от ваших слов. Я ведь не поверил, что это вы велели меня гнать, и так и сказал им.

— И хорошо сделал! — с живостью подхватила она.

— Мисс Нелл,— совсем тихо проговорил Кит, подойдя под самое окно.— В лавке новые хозяева. Теперь у вас все будет по-другому.

— Да, да...

— И у вас и у него, когда он поправится.— И Кит показал на комнату больного.

— *Если* поправится,— сквозь слезы прошептала Нелли.

— Что вы, что вы! Обязательно поправится! — сказал Кит.— Я ни минутки в этом не сомневаюсь. Не печальтесь, мисс Нелл! Не печальтесь, умоляю вас, не печальтесь!

Как ни бесхитростны и как ни скупы были эти слова утешения и сочувствия, но они тронули девочку, и она заплакала еще горше.

— Теперь дело обязательно пойдет на поправку,— взволнованно продолжал Кит.— Только вы сами-то крепитесь, а то, не дай бог, расхвораетесь, и ему станет хуже. А когда он совсем выздоровеет, поговорите с ним, мисс Нелл!.. Замолвите за меня словечко!

— Мне даже твое имя запретили произносить при нем,— сказала девочка.— Я ни за что не посмею этого сделать. Да и зачем тебе мое заступничество, Кит? Мы теперь совсем бедные. У нас на хлеб и то не будет хватать.

— Я не прошусь назад! — воскликнул мальчик.— Не для того мне нужно ваше доброе слово! Разве я затем вас поджидаю здесь который день, чтобы говорить о жалованье да о харчах! В такое-то время, когда у вас у самой большое горе!

Девочка взглянула на него ласково и с благодарностью, но промолчала, боясь прервать его.

— Нет, я о другом,— нерешительно продолжал Кит.— Совсем о другом. Да вот только боюсь, не сумею я все сказать как следует... Где мне! Но если бы вы убедили его, что я служил ему верой и правдой, старался изо всех сил и что ничего дурного у меня и в мыслях не было, может быть, он...

Тут Кит замолчал надолго, и, подождав с минуту, девочка напомнила ему, что время позднее, ей пора закрывать окно, и если говорить, пусть говорит скорее.

— ...может быть, он не сочтет такой уж дерзостью с моей стороны, если... если я вот что предложу! — набравшись храбрости, продолжал Кит.— Вам в этом доме больше не жить! У нас с матерью домишко бедный, но все лучше, чем оставаться здесь, с чужими людьми. Вот и перебирайтесь к нам и живите, пока не подыщете себе чего-нибудь другого.

Девочка молчала, а Кит, обрадованный тем, что самое трудное позади, окончательно осмелел и пустился расписывать все преимущества своего плана.

— Вам, может, кажется, что у нас тесно и неудобно? Это, конечно, верно, но зато чистота какая! Вы, может, боитесь шума, но такого тихого двора, как наш, во всем городе не сыщешь. И ребятишки тоже не помешают. Маленького мы почти не слышим, а который постарше — славный мальчуган; да уж я *сам* за ними послежу! От них никакого беспокойства не бу-

дет, ручаюсь! Попробуйте уговорить его, мисс Нелл! Ну, попробуйте! Верх у нас очень уютный. Оттуда, между трубами, и часы на колокольне видно, и по ним иногда даже время можно проверять. Мать говорит — это как раз для мисс Нелл комнатка, и так оно и есть. Мать будет прислуживать вам обоим, а я — если куда сбегать понадобится. Мы не из-за денег, упаси боже! Даже не думайте об этом! Мисс Нелл, вы попробуете с ним поговорить? Ну, скажите «да»! Убедите хозяина перебраться к нам; только сначала узнайте у него, в чем я провинился. Обещаете, мисс Нелл?

Но не успела девочка ответить на эту горячую мольбу, как входная дверь внизу отворилась, и мистер Брасс, высунув на улицу голову в ночном колпаке, сердито крикнул: «Кто там?» Кит немедленно исчез, а Нелл осторожно закрыла окно и отошла в глубь комнаты.

После второго или третьего окрика мистера Брасса из той же двери показалась другая голова, тоже в ночном колпаке. Мистер Квилп внимательно осмотрел улицу и все окна напротив. Однако ему никого не удалось обнаружить, и он вернулся в дом вместе со своим ученым другом, злобно ворча (девочка все слышала), что это чьи-то происки, что здесь орудует какая-то шайка, что воры днем и ночью рыщут тут и обчистят, ограбят его до нитки, что он немедленно распродаст все вещи — хватит проволочек! — и вернется под свой мирный кров. Отведя душу этими угрозами, карлик снова завалился на детскую кровать, а Нелл крадучись поднялась по лестнице к себе.

Как и следовало ожидать, короткий, оборванный на полуслове разговор с Китом взволновал ее и снился ей в ту ночь, а потом долго, долго вспоминался. Живя среди черствых кредиторов да корыстных сиделок и не встречая никакого сочувствия, никакого участия к себе даже со стороны женщин, которые были теперь в доме, она всем своим нежным детским сердцем откликнулась на призыв доброй и благородной души, обитающей в столь неприглядном храме. Возблагодарим же небо за то, что храмы таких добрых душ не сложены руками человека и что лучшим их украшением служат убогие лохмотья, а не пурпур и виссон!

ГЛАВА XII

Наконец кризис миновал, и старик начал выздоравливать. Медленно, постепенно к нему возвращалась и память, но разум его ослабел. Его ничто не раздражало, ничто не беспокоило. Он мог часами сидеть в задумчивости, отнюдь не тягостной, и легко отвлекался от нее, увидев зайчика на стене или потолке; не жаловался на длинные дни и томительные ночи и, судя по всему, не испытывал ни тревог, ни скуки, утеряв всякое представление о времени. Маленькая рука Нелл подолгу лежала в его

руке, и он то перебирал ее пальцы, то вдруг гладил девочку по голове или целовал в лоб, а заметив слезы у нее на глазах, озирался по сторонам, недоумевая, что же могло огорчить внучку, и тут же забывал об этом.

Нелл часто вывозила его на прогулки по городу; старик сидел в кебе, обложенный подушками, девочка рядом с ним; и как всегда — они были рука об руку. На первых порах уличная сутолока и шум утомляли его, но он воспринимал все это равнодушно, ничем не интересуясь, ничему не радуясь, не удивляясь. Когда внучка показывала ему что-нибудь и спрашивала: «Помнишь ли ты это?», он отвечал: «Да, да! Как же! Конечно, помню»,— а потом вдруг вытягивал шею и долго смотрел вслед какому-нибудь прохожему, но на вопрос, что его так заинтересовало, обычно не отвечал ни слова.

Как-то днем, когда они сидели у себя в комнате — старик в кресле, Нелл на табуретке возле него,— за дверью послышался мужской голос: просили разрешения войти.

— Войдите,— совершенно спокойно ответил старик.— Это Квилп. Теперь Квилп здесь хозяин. Пусть войдет.

И Квилп вошел.

— Очень рад, любезнейший, видеть вас снова в добром здоровье,— начал карлик, усаживаясь напротив него.— Ну, как вы себя чувствуете, хорошо?

— Да,— чуть слышно ответил старик.— Да.

— Мне не хочется вас торопить, любезнейший.— Карлик повысил голос, опасаясь, что его не расслышат.— Но чем скорее вы устроитесь где-нибудь, тем лучше.

— Правильно,— сказал старик.— Это для всех лучше — и для вас и для нас.

— Дело в том,— продолжал Квилп после небольшой паузы,— что, когда отсюда все вывезут, какое же вам здесь будет житье, в пустом доме?

— Да, это верно,— согласился старик.— А Нелл! Ей-то, бедняжке, каково бы пришлось!

— Вот именно! — во весь голос рявкнул карлик и закивал головой.— Совершенно справедливое замечание. Так вы об этом подумаете, любезнейший?

— Да, непременно,— ответил старик.— Мы здесь не останемся.

— Я сам так предполагал,— сказал карлик.— Имущество ваше продано. Выручил я за него гораздо меньше, чем рассчитывал, но все же достаточно, вполне достаточно. Сегодня у нас вторник. Так когда же будем вывозить? Торопиться некуда... может, сегодня днем?

— Лучше в пятницу утром.

— Прекрасно,— сказал карлик.— Так и порешим, но только с одним условием, любезнейший,— больше не откладывать ни под каким видом.

— Хорошо. В пятницу. Я запомню.

Мистера Квилпа озадачил этот странный, как будто совершенно безучастный тон, но поскольку старик, кивнув, повторил еще раз: «Я запомню. В пятницу утром»,— у него не было никаких оснований задерживаться здесь, и он простился, не скупясь на сердечные излияния и комплименты по поводу прекрасного вида своего любезнейшего друга, после чего отправился вниз — сообщить мистеру Брассу о только что состоявшихся переговорах.

И этот день и весь следующий старик провел как во сне. Он бродил по дому, заглядывал то в одну, то в другую комнату, словно прощаясь с ними, но ни единым словом не касался ни своего утреннего разговора с карликом, ни того, что теперь им надо подыскивать себе какое-то новое пристанище. Смутная мысль все же маячила где-то в глубине его сознания: внучка несчастна, о ней надо позаботиться. И он нет-нет да прижимал ее к груди и утешал, говоря, что они всегда будут неразлучны. Но отдать себе ясный отчет в том, каково их положение, он, видимо, не мог и проявлял все ту же безучастность и апатию, которые оставил в нем недуг, поразивший не только его тело, но и разум.

Мы говорим про таких людей, что они впали в детство, но это все равно, что сравнивать смерть со сном. Какое неуместное уподобление! Кто видел в тусклых глазах слабоумных стариков светлый, жизнерадостный блеск, веселье, не знающее удержу, искренность, не боящуюся холодной острастки, неувядающую надежду, мимолетную улыбку счастья? Кто находил в застывших безобразных чертах смерти безмятежную красоту сна, который вознаграждает нас за прожитый день и сулит мечты и любовь дню грядущему? Сличите смерть со сном — и кто из вас сочтет их близнецами? Посмотрите на ребенка и слабоумного старика и постыдитесь порочить самую светлую пору нашей жизни сравнением с тем, в чем нет ни малейшей прелести, ни малейшей гармонии.

Наступил четверг; с утра старик был все такой же вялый, но вечером, когда они с Нелли молча сидели у себя, в нем произошла какая-то перемена.

В маленьком дворике, куда выходило их окошко, росло дерево — довольно зеленое и ветвистое для такого унылого места,— и листья его, трепеща на ветру, отбрасывали зыбкую тень на белые стены комнаты. Старик смотрел на ее кружевной узор до самого захода солнца. Наступил вечер, на небо медленно выплыла луна, а он все сидел и сидел у окошка.

Ему, протомившемуся столько дней в постели, приятно было видеть и эти зеленые листья, и этот спокойный свет — правда, льющийся из-за крыш и дымовых труб. Они наводили на мысли о тихом местечке где-нибудь далеко-далеко отсюда, на мысли об отдыхе и покое.

Девочка чувствовала, что в душе старика что-то происходит, и боялась нарушить молчание. Но вот слезы полились у него из глаз — слезы, при виде которых ей сразу полегчало,— и он взмолился:

— Прости меня!

— Простить? За что? — воскликнула Нелл, не давая ему упасть перед собой на колени.— Дедушка, за что я должна тебя простить?

— За все, что было, за все, что ты выстрадала, Нелл! За все, что я сделал, когда мною владел этот дурной сон!

— Не надо! — сказала она.— Прошу тебя, не надо! Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— Да, лучше о другом... О том, о чем мы говорили давным-давно... несколько месяцев назад... месяцев, или недель, или дней?.. Когда это было, Нелл?

— Я не понимаю тебя, дедушка.

— Сегодня мне все вспомнилось, и я сидел тут с тобой и думал. Да благословит тебя за это господь, Нелл!

— Дедушка, милый, за что?

— За твои слова в тот день, когда на нас обрушилась нищета, Нелл. Только давай говорить тихо! Тсс! Если эти люди там, внизу, услышат нас, они скажут, что я лишился разума, и тебя отнимут у меня, Нелл! Мы больше не останемся здесь, ни одного дня. Мы уйдем далеко-далеко!

— Да, уйдем отсюда! — твердо сказала девочка.— Оставим этот дом и никогда больше не вернемся сюда, никогда больше не вспомним о нем. Лучше исходить босиком весь мир, чем жить здесь!

— Да, да! — воскликнул старик.— Мы будем странствовать по полям и лесам, по берегам рек — там, где незримо обитает господь, и положимся во всем на его волю! Лучше ночевать под открытым небом,— вон оно — посмотри, какое чистое! — чем задыхаться в душных комнатах, в плену забот и тяжелых сновидений. Мы с тобой еще узнаем радость и счастье, Нелл, и забудем прошлое, словно его и не было.

— Мы еще узнаем счастье! — повторила девочка.— Но только не здесь!

— Да, только не здесь... только не здесь, это верно! — согласился старик.— Давай уйдем завтра утром, пораньше, так чтобы никто нас не увидел, никто не услышал... уйдем и никому не скажем куда, не оставим никаких следов. Бедняжка моя, Нелл! Какая ты бледная! Сколько слез пролили твои глаза, сколько ты провела бессонных ночей — и все из-за меня! Да, да! Из-за меня! Но подожди! Мы уйдем отсюда, и ты снова оживешь, снова повеселеешь. Завтра утром, родная, чуть свет, мы покинем эти печальные места и будем свободны и счастливы, как птицы.

И старик сомкнул руки над ее головой и проговорил срывающимся голосом, что отныне они всегда будут вместе и не разлучатся до тех пор, пока смерть не унесет одного из них.

Сердце девочки загорелось надеждой и верой. Мысли о холоде, голоде, жажде и страданиях не тревожили ее. Она видела впереди только тихие радости, конец тягостному одиночеству, избавление от бессердечных людей, омрачавших своим присутствием и без того тяжелую для нее пору, надеялась на то, что к старику снова вернется здоровье и душевный покой и жизнь их снова будет полна безмятежного счастья. Солнце, ручейки, луга, летние дни — вот что рисовалось ее воображению, и ни одного темного пятна не было на этой радужной картине!

Старик уснул крепким сном, а она занялась приготовлениями к побегу: уложила в корзинку одежду для себя и для деда, взяв на дорогу что похуже — как им, бездомным странникам, и подобало теперь. Не забыла и палку — подспорье для старческих ног. Но это было не все,— оставалось еще в последний раз обойти дом.

Как непохоже оказалось это прощание на то, которое она ждала и так часто рисовала себе мысленно! Да и можно ли было думать, что эта минута принесет ей чувство торжества! Разве воспоминание о прошлых днях — пусть печальных и одиноких — не переполнило теперь до краев ее сердце, укоряя его в черствости! Она села к окну, где провела столько вечеров, гораздо более мрачных, чем сегодняшний,— и все былые надежды, все мимолетные радости, посещавшие ее здесь, ожили сами собой, мгновенно стерев и былую тоску, и былую печаль.

А маленькая каморка, где она так часто молилась по ночам, призывая в своих молитвах то счастье, которое, кажется, забрезжило сейчас! Ее маленькая каморка, где она так мирно спала и видела такие светлые сны! Как тяжело, что туда нельзя даже зайти, нельзя окинуть ее признательным взглядом и поплакать на прощанье. Там остались кое-какие вещи — жалкие безделушки, но ей так хотелось бы взять их с собой! Увы! Теперь это невозможно!

И тут она вспомнила свою птичку и залилась горькими слезами; но вдруг, сама не зная почему, решила, что ее бедная любимица обязательно попадет к Киту, а он сбережет ее ради своей бывшей хозяйки и, может, будет думать, что она нарочно оставила ему такой подарок в знак благодарности. Эта мысль успокоила, утешила ее, и она пошла спать, не чувствуя прежней тяжести на сердце.

Ей снилось, как они с дедом бродят по прекрасным, залитым солнцем полям, но все эти сновидения пронизывала смутная тоска по чему-то недостижимому, и она проснулась среди

ночи, когда звезды еще поблескивали в небе. Наконец занялось утро, звезды потускнели и угасли одна за другой. Убедившись, что день близок, девочка поднялась и оделась в дорогу.

Она решила не беспокоить старика раньше времени и разбудила его в последнюю минуту, но он собрался быстро — так ему хотелось поскорее уйти из этого дома.

Рука об руку они осторожно спускались по лестнице, замирая от страха, когда ступеньки скрипели у них под ногами, останавливаясь на каждом шагу и прислушиваясь. Но вдруг старик хватился забытой котомки, куда была сложена его легкая поклажа, за ней пришлось вернуться, и эти две-три минуты задержки показались им нескончаемыми.

Наконец они ступили в коридор в нижнем этаже, где уже слышалось страшное, как львиный рык, храпенье мистера Квилпа и его ученого друга. Ржавые засовы заскрежетали, несмотря на все предосторожности, но когда Нелл отодвинула их, дверь оказалась запертой и, что всего хуже, ключа в замке не было. И тут она вспомнила, как одна из сиделок говорила ей, что Квилп сам запирает на ночь и переднюю и заднюю дверь, а ключи кладет на стол в спальне.

Немало волнений и страха пришлось испытать девочке, когда она, скинув туфли и тенью проскользнув через комнату, загроможденную антикварными вещами, среди которых самым чудовищным экземпляром был спящий на тюфяке мистер Брасс, вошла в свою маленькую спальню.

Увидев мистера Квилпа, она в ужасе замерла на пороге. Карлик спал, так низко свесившись с кровати, что казалось, будто он стоит на голове. Зубы у него были оскалены — то ли по свойственной ему милой привычке, то ли от неестественного положения,— в горле что-то клокотало и булькало, из-под приоткрытых век виднелись белки (вернее, мутные желтки) глаз, заведенных под самый лоб. Но у Нелли не было времени справляться о его самочувствии, и, окинув комнату беглым взглядом, она схватила со стола ключ, миновала распростертого на полу мистера Брасса и благополучно вернулась к деду.

Они бесшумно отперли дверь, вышли на улицу и остановились.

— Куда? — спросила девочка.

Старик бросил нерешительный, беспомощный взгляд сначала на нее, потом по сторонам, потом снова на нее и покачал головой. Было ясно, что наступила минута, когда его вожатым и его советчицей должна стать она. И, сразу почувствовав это, девочка не испугалась, не усомнилась в себе, а протянула ему руку и бережно повела прочь от дома.

Было раннее июньское утро. Синева неба не омрачалась ни единым облачком, и оно сияло ослепительным светом. Прохожие на улицах встречались редко, дома и лавки были еще за-

крыты, и благотворный утренний ветерок веял над спящим городом, словно дыхание ангелов.

Старик и девочка шли сквозь эту блаженную тишину, полные радости и надежд. Одни, снова одни! Все вокруг — такое чистое, свежее — только по контрасту напоминало им гнетущее однообразие жизни, оставшейся позади. Колокольни и шпили, такие темные и хмурые в другое время дня, сейчас искрились и светились на солнце; невзрачные улицы и закоулки ликовали в его лучах, а небосвод, таявший в немыслимой высоте, слал свою безмятежную улыбку всему, что расстилалось под ним.

Все дальше и дальше, стремясь скорее выбраться из погруженного в дремоту города, уходили двое бедных странников — уходили, сами не зная, куда лежит их путь.

ГЛАВА XIII

Дэниел Квилп с Тауэр-Хилла и Самсон Брасс с улицы Бевис-Маркс в Лондоне (джентльмен, поверенный ее величества при Суде Королевской Скамьи и Суде Общих Тяжб в Вестминстере, он же адвокат при Канцлерском суде) как ни в чем не бывало мирно почивали каждый на своем месте до тех пор, пока стук во входную дверь (в начале скромный и осторожный, но постепенно превратившийся в настоящую канонаду, залпы которой следовали один за другим почти без всякого перерыва) не заставил Квилпа принять горизонтальное положение и устремить в потолок бессмысленный, сонный взор, ясно свидетельствовавший о том, что вышеупомянутый Дэниел Квилп услышал грохот и даже несколько удивился ему, но не счел это обстоятельство достойным своего внимания.

Однако грохот не только не пощадил его дремоты, но даже усилился и стал еще назойливее, будто задавшись целью во что бы то ни стало помешать ему снова погрузиться в сон, поскольку он кое-как открыл глаза. И тогда мысль о том, что это стучат в дверь, медленно забрезжила в сознании Дэниела Квилпа, и он мало-помалу вспомнил, что сегодня пятница и что миссис Квилп было приказано явиться к супругу с самого утра.

Мистера Брасса несколько раз скрючило весьма странным образом, лицо у него перекосилось, веки сморщились, точно от вкушения неспелого крыжовника, после чего он тоже проснулся и, увидев, что мистер Квилп уже успел облачиться в свой каждодневный наряд, поспешил сделать то же самое, причем напялил сначала башмаки, а потом чулки, сунул ноги в рукава вместо брюк и совершил еще кое-какие промахи подобного же рода, как это часто случается с теми, кто бывает вынужден одеваться второпях и не может сразу очухаться после неожиданного пробуждения.

Увидев, что карлик усиленно шарит под столом, проклиная на чем свет стоит и самого себя и весь род людской, а заодно и всю неодушевленную природу, Брасс решился наконец спросить:

— Что случилось?

— Ключ,— сказал карлик, бросив на него злобный взгляд.— Ключ пропал, вот что случилось! Вы не знаете, где он?

— Откуда же мне это знать, сэр? — огрызнулся мистер Брасс.

— Откуда вам знать? — язвительным тоном повторил Квилп.— А еще стряпчим называетесь! У-у, болван!

Не собираясь разъяснять карлику, бывшему явно не в духе, что, если кто-то другой потерял ключ, это никак не может способствовать умалению его (Брасса) познаний в области юридических наук, мистер Брасс скромно спросил: а не оставлен ли ключ с вечера в его родной стихии — то есть в замке? Несмотря на твердое убеждение в противном, основанное па личных воспоминаниях, мистер Квилп был вынужден признать, что это вполне возможно, и, ворча, пошел к двери, где и обнаружил пропавшую вещь.

Но только он дотронулся до ключа и, к немалому своему удивлению, увидел отодвинутые засовы, как стук возобновился с новой, поистине возмутительной силой, а дневной свет, проникавший в замочную скважину, исчез, загороженный снаружи человеческим глазом. Карлик окончательно вышел из себя и решил выскочить на улицу, чтобы сорвать злобу па миссис Квилп и достойным образом вознаградить ее за такое усердие. Осторожно, без малейшего шума, повернув ручку двери, он рывком распахнул ее и, головой вперед, растопырив руки и ноги, лязгая зубами от ярости, ринулся на того, кто стоял с молотком, занесенным для очередной серии ударов.

Однако ни отступления, ни мольбы о пощаде не последовало. Мистер Квилп очутился в объятиях человека, принятого им за жену, и тот угостил его для начала двумя оглушительными тумаками по голове и двумя — столь же крепкими — в грудь, а когда удары посыпались уже без счета, карлику стало ясно, что он находится в искусных и опытных руках. Нисколько не обескураженный такой неожиданностью, мистер Квилп самозабвенно рвал зубами, лупил кулаками своего противника, и тому удалось взять верх минуты через две, не раньше. Тогда, и только тогда, Дэниел Квилп, всклокоченный и разгоряченный борьбой, увидел, что сам он валяется посреди улицы, а мистер Ричард Свивеллер исполняет вокруг него нечто вроде танца, справляясь время от времени: «Не угодно ли еще?»

— У нас этого товару хоть отбавляй,— приговаривал мистер Свивеллер, то наскакивая на карлика, то отступая, по держа кулаки наготове.— Богатый выбор... на все вкусы! Ино-

городние заказы выполняются по первому требованию. Мы служить всегда готовы,— просим не стесняться, сэр!

— Я обознался,— проговорил Квилп, потирая плечо.— Почему вы не сказали, кто вы такой?

— Вы бы лучше сами сказали, кто *вы* такой,— отрезал Дик,— вместо того чтобы вылетать из дому этаким буйнопомешанным!

— А кто... кто стучал? — спросил карлик и, охнув, приподнялся с земли.— Вы, что ли?

— Я стучал,— ответил Дик.— Собственно говоря, начала вот эта леди, но у нее получалось так деликатно, что я решил прийти ей на помощь.— И он показал на миссис Квилп, которая, дрожа всем телом, стояла в нескольких шагах от них.

— Мм! — замычал карлик, метнув злобный взгляд на жену.— Так я и думал, что это все она. А вы, сэр, тоже хороши! Снимаете дверь с петель, будто вам неизвестно, что в доме больные!

— Черт вас побери! — крикнул Дик.— А я решил, что в доме все мертвые, потому и ломился!

— Вы, надо полагать, пришли по делу? — спросил Квилп.— Что вам угодно?

— Мне угодно знать, как здоровье старичка,— ответил мистер Свивеллер,— и побеседовать с Нелли. Я друг семьи, сэр... во всяком случае, друг одного из членов этой семьи, что, собственно, одно и то же.

— Тогда войдите,— сказал карлик.— Прошу вас, сэр, прошу. Пожалуйте и вы, миссис Квилп... а я за вами, сударыня.

Миссис Квилп колебалась, но мистер Квилп настаивал. Однако дело тут было не в соблюдении приличий и не в какихнибудь галантностях — отнюдь нет! Она, бедняжка, прекрасно знала, почему супруг хочет проследовать в дом именно в таком порядке: чтобы иметь возможность щипать ее за руки, с которых и без того не сходили синие и лиловые отпечатки его пальцев. Мистер Свивеллер, ничего такого не подозревавший, был немало удивлен, когда услышал у себя за спиной приглушенный крик и, оглянувшись, увидел, что миссис Квилп одним прыжком догнала его. Впрочем, он не высказал вслух своего удивления и скоро забыл об этом происшествии.

— А теперь, миссис Квилп,— распорядился карлик, как только они вошли в лавку,— будьте любезны подняться наверх и сказать Нелли, что к ней пришли.

— Вы, я вижу, расположились здесь совсем как дома,— заметил Дик, не догадавшийся, что мистер Квилп пребывает в лавке на положении хозяина.

— А это и есть *мой* дом, молодой человек,— ответил карлик.

Дик замолчал, озадаченный его словами, а еще больше — присутствием здесь мистера Брасса, но его размышления пре-

рвала миссис Квилп, которая быстро сбежала по лестнице и сказала, что наверху никого нет.

— Что вы чепуху городите! Вот дуреха! — крикнул карлик.

— Уверяю вас, Квилп,— дрожащим голосом залепетала его жена.— Я заглянула во все комнаты, там нет ни души.

— Ага-а,— многозначительно протянул мистер Брасс и даже хлопнул в ладоши,— это объясняет таинственное исчезновение ключа!

Квилп хмуро посмотрел на него, потом бросил такой же хмурый взгляд на жену, потом на Ричарда Свивеллера и, не получив ни от кого из них ответа на свой молчаливый вопрос, сломя голову бросился вверх по лестнице, а спустя несколько минут так же сломя голову сбежал вниз и подтвердил только что полученное сообщение.

— Странно! — сказал он, косясь на Свивеллера.— Очень странно! Уйти и даже не предупредить меня — испытанного, близкого друга!.. Да он мне напишет или попросит, чтобы Нелли написала. Ну, разумеется! Нелли так меня любит! Очаровательная Нелл!

Мистер Свивеллер стоял, разинув рот от изумления. Продолжая поглядывать на него искоса, Квилп обратился к мистеру Брассу и заметил как бы между прочим, что это не должно помешать вывозу вещей.

— Ведь они сегодня и хотели уйти,— добавил он,— только почему-то собрались тайком, ни свет ни заря. Впрочем, на то были свои причины, были!

— Куда же их понесло? — сказал недоумевающий Дик.

Квилп покачал головой и поджал губы, давая этим понять, что он прекрасно все знает, но вынужден хранить молчание.

— А почему вы вдруг вывозите вещи? — спросил Дик, глядя на беспорядок вокруг.— Это что значит?

— Это значит, что я их купил, сэр,— отрезал Квилп.— Ну что — съели?

— Неужели этот старый хитрец загреб все свои денежки и удалился под мирный кров в тени лесов, где в отдалепье плещет море? — растерянно проговорил Дик.

— И держит в тайне свое местопребывание, чтобы охранять себя от слишком частых визитов любящего внука и его преданных друзей! — добавил карлик, крепко потирая руки.— Я ни на что не намекаю, но вы, кажется, именно это имеете в виду? А?

Ричард Свивеллер был совершенно ошеломлен неожиданным оборотом событий, грозившим полным крахом тому замыслу, в котором ему отводилась столь видная роль, и всем его надеждам на будущее. Узнав о болезни старика только накануне вечером от Фредерика Трента, он пришел справиться о его здоровье и выразить Нелл свое соболезнование, а заодно и преподнести ей первую порцию тех обольщений, которые должны

были в конце концов воспламенить ее сердце. И вот, поди ж ты! — теперь, когда он приготовил в уме самые изысканные и тонкие комплименты и предвкушал, как страшное возмездие будет медленно подкрадываться к Софи Уэклс,— теперь Нелли и старик со всеми его богатствами исчезли, растаяли, скрылись неизвестно куда, словно проведав о составленном против них заговоре и решив, пока еще не поздно, уничтожить его в самом зародыше.

Что касается Дэниела Квилпа, то в глубине души он был крайне озадачен и встревожен этим бегством. От его проницательного взгляда не скрылось, что беглецы захватили с собой самое необходимое из одежды, а зная, в каком состоянии находится старик, он не мог себе представить, как ему удалось заручиться согласием девочки на такой шаг. Не следует думать, будто мистер Квилп терзался бескорыстным страхом за их судьбу (что было бы по отношению к нему явной несправедливостью). Нет! Его мучило опасение: вдруг у старика были припрятаны где-то деньги, а он, Квилп, ничего не знал об этом? И мысль, что деньги эти могли ускользнуть из его когтей, наполнила сердце мистера Квилпа чувством горькой обиды и досады на самого себя.

Что ж тут удивительного, если он испытывал некоторое облегчение, глядя на Ричарда Свивеллера, который тоже был огорчен и разочарован бегством старика, вероятно имея на то какие-то особые причины! Совершенно ясно, решил карлик, что этот молодчик подослан своим приятелем, с тем чтобы лестью или угрозами выманить у старика, которого они считают богачом, хоть несколько шиллингов. И мистер Квилп с величайшим удовольствием принялся распалять воображение Дика рассказами о сокровищах, накопленных хитрым стариком, особенно подчеркивая ловкость, с которой тот скрылся от назойливых вымогателей.

— Ну, что ж,— сказал Ричард Свивеллер, тупо глядя прямо перед собой.— Пожалуй, мне нет никакого резона здесь оставаться.

— Ни малейшего,— подтвердил карлик.

— Вы, может, передадите им, что я заходил?

Мистер Квилп склонил голову и пообещал выполнить это поручение при первой же возможности.

— И скажите еще,— добавил Дик,— скажите им, сэр, что я прилетел сюда как вестник мира, что я намеревался заступом дружбы выкорчевать корни раздора и обоюдного озлобления и взрастить на их месте побеги всеобщего благоденствия. Я полагаю, вы не откажетесь выполнить мою просьбу, сэр?

— Разумеется, выполню,— сказал Квилп.

— Передайте им также мой адрес, сэр,— продолжал Дик, вынимая из кармана маленькую потрепанную карточку.— Он

здесь указан, а дома меня можно застать каждое утро. Два громких удара молотком — и служанка сразу же отопрет дверь. Мои близкие друзья, сэр, имеют обыкновение чихать при входе, давая ей понять, что они — друзья и стремятся меня увидеть не из каких-либо меркантильных соображений. Виноват, сэр! Позвольте, я взгляну на эту карточку еще раз.

— Пожалуйста! — воскликнул Квилп.

— Произошла небольшая и легко объяснимая ошибка, сэр,— сказал Дик, заменяя карточку другой.— Я вручил вам членский билет вакхического общества Аполлонов Вельведерских, доступного только для избранных,— Пожизненным Великим Мастером которого ваш покорный слуга имеет честь состоять. Теперь все в порядке, сэр. Разрешите откланяться.

Квилп пожелал ему всего хорошего. Пожизненный Великий Мастер общества Аполлонов Вельведерских приподнял шляпу в знак почтения к миссис Квилп, потом небрежно надвинул ее набекрень и эффектно удалился со сцены.

Тем временем к лавке подъехали фургоны для перевозки вещей, и могучие мужи в суконных шапках уже выносили на голове комоды и тому подобные мелочи, а также совершали другие геркулесовы подвиги, от чего у них сильно менялся цвет лица. Не довольствуясь ролью наблюдателя, мистер Квилп принимал живейшее участие во всей этой суматохе и трудился с поразительным рвением — бегал взад и вперед, ко всем придирался, как сатана, задавал миссис Квилп совершенно непосильные и невыполнимые задачи, без всякой натуги поднимал страшные тяжести, при каждом удобном случае лягал мальчишку с пристани и как бы невзначай пребольно задевал своими ношами мистера Брасса, который, стоя на крыльце, делал то, что было по его части, а именно — отвечал на расспросы любопытных соседей. Присутствие и личный пример карлика поддавали такого жару его подручным, что через час-другой из дома все как вымело, если не считать рваных циновок, пустых пивных кружек да клочьев соломы.

Постелив одну такую циновку в гостиной и усевшись на ней эдаким африканским царьком, карлик угощался хлебом, сыром и пивом и вдруг (он будто и не глядел в ту сторону) увидел в дверях лавки какого-то мальчика. Не сомневаясь в личности этого любопытного, хотя опознать его можно было только по носу, ибо ничего другого не было видно, Квилп окликнул Кита по имени, после чего тот вошел в комнату и спросил, что мистеру Квилпу угодно.

— Поди, поди сюда, любезный,— сказал карлик.— Ну-с, значит, твои хозяева ушли?

— Куда? — спросил Кит, озираясь по сторонам.

— А ты будто не знаешь? — огрызнулся Квилп.— Говори, куда они ушли?

— Я не знаю,— ответил Кит.

— Ну, хватит! — крикнул Квилп.— Они ушли тайком, чуть свет, а тебе будто ничего не известно?

— Ничего не известно,— сказал мальчик в явном недоумении.

— Так-таки и не известно? А кто шнырял тут вечером, точно воришка? А? Будто тебе ничего тогда не сказали?

— Ничего не сказали,— ответил мальчик.

— Так-таки и не сказали! А о чем же с тобой беседовали?

Кит, не видевший теперь никакой необходимости хранить в тайне свой разговор с Нелли, признался, зачем приходил и о чем просил ее.

— Ага...—пробормотал карлик после некоторого раздумья.— Ну, тогда они еще придут к вам.

— По-вашему, придут? — обрадовался Кит.

— Должны прийти,— сказал карлик.— И ты сейчас же дай мне знать об этом — слышишь? Сейчас же дай знать, а уж я тебя как-нибудь отблагодарю. Я им хочу добро сделать, а как им сделаешь добро, когда ведать не ведаешь, где они. Понял?

Кит мог бы ответить на это много такого, что пришлось бы не по вкусу его сварливому собеседнику, но в эту минуту мальчишка с пристани, рыскавший по комнате в надежде на какую-нибудь поживу, вдруг крикнул:

— Эх, да тут птица! Что с ней делать?

— Свернуть шею,— сказал Квилп.

— Нет, не надо! — воскликнул Кит, выступив вперед.— Отдайте ее лучше мне!

— Ишь чего захотел! — заорал мальчишка.— Не трогай, тебе говорят, не трогай! Я сейчас ей шею сверну. Он сам так велел. Пусти клетку!

— Подать птицу мне! Мне! — взревел Квилп.— Деритесь, собаки,— кто победит, тому и достанется. Не то я сам с ней расправлюсь!

Мальчики не заставили просить себя дважды и ринулись в бой, а Квилп, держа в одной руке клетку, в другой — нож, в азарте то и дело всаживал его в половицы, кричал, улюлюкал и еще пуще распалял драчунов. Силы у них были более или менее равные, и они не на шутку лупили друг друга, клубком катаясь по полу. Но вот Кит угостил своего противника метким ударом в грудь, высвободился из его объятий, в одну секунду вскочил на ноги, выхватил клетку у Квилпа из рук и скрылся со своей добычей.

Домой он добежал бегом, без единой передышки; и там его окровавленная физиономия привела всех в ужас и даже исторгла отчаянные вопли из уст среднего братца.

— Господи помилуй! Кит! Что случилось? Что с тобой? — воскликнула миссис Наблс.

— Ничего, мама! — ответил ее сын, утирая лицо полотенцем, висевшим за дверью. — Не пугайся, это все пустяки.

Я дрался за птицу, и она досталась мне. Джейкоб, перестань! Ну что за рева, в жизни таких не видел!

— Дрался за птицу? — переспросила миссис Надблс.

— Ну да! За птицу! — ответил Кит.— Вот за эту самую. Это птичка мисс Нелл, мама, а они хотели свернуть ей шею. Да где им! Ха-ха-ха! Разве я позволю! Не на таковского напали, мама! Ха-ха-ха!

Кит отнял полотенце от своей разбитой, вспухшей физиономии и расхохотался так весело, что, глядя на него, захохотал Джейкоб, за ним захохотала и мать, а малыш успокоенно заворковал и задрыгал ножками; и голоса их слились воедино, ибо все они вместе с Китом радовались его победе и, кроме того, очень любили друг друга. Когда взрывы хохота прекратились, Кит похвастался птицей перед обоими братьями, точно эта бедная коноплянка была невесть каким ценным и редкостным приобретением, потом оглядел стены в поисках гвоздя, соорудил помост из стола и стула и с торжеством вырвал обнаруженный гвоздь руками.

— Ну-с, так! — сказал он.— Повесим ее на окно,— ей там будет веселее на свету, а если запрокинет голову, то и небо увидит. А уж какая певунья, просто заслушаешься!

Помост перенесли на другое место. Кит снова забрался на него, вооружившись кочергой вместо молотка, вбил гвоздь и повесил клетку на окно к неописуемому восторгу всей семьи. Примерив ее и так и эдак, попятившись назад, чтобы полюбоваться ею издали, и угодив ненароком в камин, Кит наконец убедился, что его старания увенчались полным успехом.

— А теперь, мама,— сказал он,— прежде чем устраиваться на отдых, пойду посмотрю — может, кому надо лошадь постсрожить. Получу денег, куплю конопляного семени и тебе принесу чего-нибудь повкуснее.

ГЛАВА XIV

Киту не стоило большого труда убедить себя, что лавка древностей ему по пути (поскольку выбор этого пути только от него и зависел) и что взглянуть на нее еще раз — его прямая, хоть и неприятная обязанность, от которой никуда не денешься. Впрочем, люди и более образованные и более обеспеченные, чем Кристофер Наблс, частенько потворствуют своим желаниям (иной раз весьма сомнительным) и, придавая им видимость тяжкого долга, гордятся собственной готовностью идти на жертвы.

На этот раз осторожность была излишней, и Кит мог не бояться, что его заставят дать реванш мальчишке Дэниела Квилпа. В доме не было ни души, и он казался таким грязным, запущенным, точно стоял нежилым долгие месяцы. На

входной двери висел ржавый замок, в полуоткрытых верхних окнах уныло колыхались на ветру выцветшие занавески и шторы, а неровные прорези в ставнях нижнего этажа зияли черной пустотой. В том самом окне, на которое Кит так часто смотрел раньше, в утренней суматохе и спешке выбили стекло, и эта комната казалась особенно мрачной и голой. Крыльцом завладели уличные мальчишки: кто ударял молотком в дверь и, замирая от сладкого ужаса, прислушивался к гулким раскатам, раздававшимся в пустом доме; кто заглядывал в замочную скважину, не то в шутку, не то всерьез подкарауливая «привидение», легенду о котором уже успели родить вечерние сумерки и тайна, окружавшая прежних обитателей лавки древностей. Стоя посреди шумной улицы, она являла картину полного мрака и запустения, и Кит, помнивший, какой веселый огонь горел в ее очаге зимними вечерами и какой веселый смех звенел под ее крышей, грустно побрел прочь.

Здесь уместно заметить, ибо этого требует от нас справедливость, что Кит отнюдь не страдал излишней сентиментальностью; да он, бедняга, может, никогда и не слышал такого слова. Это был славный, добрый мальчик, не отличавшийся ни благовоспитанностью, ни изысканностью манер. И следовательно, вместо того чтобы нести свое горе домой, набрасываться на мать и колотить ребятишек (ибо утонченные натуры частенько отравляют жизнь окружающим, когда бывают не в духе), он поставил перед собой цель более низменную, а именно — решил потрудиться на пользу семье.

Боже мой! Сколько джентльменов разъезжало верхом по улицам, и как мало было среди них таких, кому требовалось посторожить лошадь! Глядя на этих гарцующих всадников, опытный биржевик или член парламентской комиссии высчитал бы с точностью до одного пенни, какие суммы зарабатываются в Лондоне в течение года охраной лошадей. Мы не сомневаемся, что сумма эта оказалась бы огромной, если бы только одной двадцатой части всех джентльменов, не сопровождаемых грумами, случалось во время прогулок слезать с седла. Но в том-то и дело, что случается это редко, а такие непредвиденные обстоятельства часто сводят на нет самые безупречные расчеты.

Кит бродил по улицам, то ускоряя, то замедляя шаг, то останавливаясь, когда какой-нибудь всадник натягивал поводья и оглядывался по сторонам, то пускался бежать во все лопатки, завидев в конце переулка еще одного наездника, ленивой рысцой трусившего по теневой стороне с явным намерением задержаться если не у этой двери, так у следующей. Но все они, один за другим, проезжали мимо, и у Кита ничего не наклевывалось. «А интересно,— думал мальчик,— если б кто-нибудь из этих джентльменов узнал, что у нас в буфете ни крошки,

неужели они не остановились бы нарочно, будто по делу, только чтобы дать мне заработать?»

Устав от ходьбы, а больше всего от стольких разочарований, Кит присел отдохнуть на первое попавшееся крыльцо, как вдруг из-за угла с грохотом выкатил маленький четырехколесный фаэтон об одной маленькой косматой лошадке-пони (по-видимому, очень норовистой), которой правил маленький толстенький старичок с безмятежно-спокойным выражением лица. Рядом с маленьким старичком сидела маленькая старушка, такая же спокойная и пухленькая. Пони выбирал аллюр исключительно по собственному усмотрению и вообще делал все, что ему вздумается. Если старичок дергал вожжами, стараясь усовестить его, пони в ответ на это дергал головой. Судя по всему, самое большее, на что он соглашался,— это возить своих хозяев по тем улицам, по которым им уж очень хотелось проехать, но в уплату за такое снисхождение требовал полной свободы действий, грозя в противном случае вовсе не сдвинуться с места.

Когда этот маленький экипаж поравнялся с Китом, он грустно посмотрел на него, и старичок перехватил его взгляд. Кит поднял руку к шляпе; старичок сразу же дал понять своему коньку, что им не мешало бы остановиться, и тот (охотнее всего выполнявший свой долг именно в этой его части) милостиво согласился уважить просьбу хозяина.

— Прошу прощения, сэр,— сказал Кит.— Мне очень совестно, что вы из-за меня задержались. Я думал, может, за вашей лошадкой нужно присмотреть.

— Мы остановимся на следующей улице,— ответил старичок.— Если ты не прочь пробежаться — пожалуйста, я дам тебе заработать.

Кит поблагодарил его и с радостью принял это предложение. Тут пони повернул под острым углом, решив осмотреть фонарь на другой стороне улицы, потом ринулся по диагонали к другому фонарю, у противоположного тротуара. Убедившись, что оба они совершенно одинаковые и по форме и по материалу, он остановился на полном ходу и погрузился в размышления.

— Ну, как, сударь, вы намерены продолжать путь? — серьезным тоном спросил его старичок.— Или хотите, чтобы мы опоздали по вашей милости?

Пони хранил полную неподвижность.

— Ах, Вьюнок, ну что ты за неслух! — сказала старушка.— Стыдись! Краснеть за тебя приходится!

Пони, очевидно, внял голосу хозяйки, взывавшей к его лучшим чувствам, так как он сразу же взял с места и не останавливался до тех пор, пока не подъехал к двери, на которой была прибита дощечка с надписью: «Нотариус Уизерден». Старичок вылез из фаэтона, помог сойти старушке и вынул

из-под сиденья букет, напоминавший размером и формой большую жаровню, только без ручки. Старушка с величественным видом понесла букет в дом, а старичок, у которого одна нога была короче другой, отправился следом за ней.

Судя по голосам, они вошли в ту комнату, что смотрела окнами на улицу и, видимо, служила нотариусу приемной. Так как день стоял теплый и на улице было тихо, окна в приемной держали открытыми настежь, и сквозь опущенные жалюзи было слышно все, что там говорилось и делалось.

Сначала произошел обмен рукопожатиями, сопровождавшийся усердным шарканьем ног, затем, вероятно, последовало преподношение букета, так как чей-то громкий голос, который принадлежал, должно быть, нотариусу мистеру Уизердену, воскликнул несколько раз подряд: «Какая роскошь! Какое благоухание!», и чей-то нос, несомненно принадлежащий тому же джентльмену, шумно и с явным наслаждением втянул в себя воздух.

— Я привезла букет, чтобы отметить это торжественное событие, сэр,— пояснила старушка.

— Поистине событие, сударыня! И поистине торжественное! — подтвердил мистер Уизерден.— Событие, которое делает мне честь, великую честь! У меня в ученье было много молодых джентльменов, сударыня, очень много. Некоторые из них, сударыня, теперь купаются в золоте, забыв о своем старом патроне и учителе; другие до сих пор навещают меня. И знаете, что они говорят? «Мистер Уизерден, приятнейшие часы нашей жизни протекли вот в этой конторе, сэр,— вот на этой самой табуретке!» Многие из них пользовались моим расположением, сударыня, но ни на кого не возлагал я таких надежд, как на вашего единственного сына!

— Ах, боже мой! — воскликнула старушка.— Нам так приятно это слышать!

— Я, как честный человек, говорю от всей души, сударыня,— продолжал мистер Уизерден.— А по словам одного поэта, венец творенья — честный человек. И поэт совершенно прав! Мы знаем и величественные Альпы, и крохотную птичку колибри,— но что они рядом с таким совершенным созданием, как честный человек — честный мужчина... и честная женщина — да, и честная женщина!

— Все отзывы мистера Уизердена обо мне,— послышался чей-то тихий, тоненький голос,— я могу вернуть ему с процентами.

— И какое совпадение, поистине счастливое совпадение! — снова заговорил нотариус.— Ведь как раз сегодня ему исполнилось двадцать восемь лет! Мне это особенно приятно! И я полагаю, мистер Гарленд, что нам с вами, уважаемый сэр, есть с чем поздравить друг друга.

Старичок полностью согласился с мистером Уизерденом.

В приемной, видимо, последовал новый обмен рукопожатиями, и когда он был закончен, старичок сказал, что хотя ему и не пристало говорить об этом, но ни один сын не приносил своим родителям большего утешения, чем Авель Гарленд.

— Я и его матушка, сэр, ждали долгие годы, так как средства не позволяли нам сочетаться браком; и господь уже на склоне наших лет благословил нас единственным ребенком, который никогда не отказывал родителям в сыновней почтительности и любви. О, мы считаем себя большими счастливцами, сэр!

— В чем не может быть никаких сомнений,— прочувственным голосом подхватил нотариус.— Всякий раз, как мне приходится созерцать такое счастье, я не перестаю оплакивать свою холостяцкую долю. Было время, сэр, когда одна молодая девица, отпрыск весьма почтенной фирмы, торгующей предметами мужского туалета... но я, кажется, расчувствовался. Чакстер, принесите бумаги мистера Авеля.

— Видите ли, мистер Уизерден,— сказала старушка.— Авель воспитывался совсем по-другому, чем большинство юношей. Он всегда дорожил нашим обществом и всегда проводил время с нами. Авель не отлучался из дому ни на один день за всю свою жизнь. Ведь правда, голубчик?

— Правда, душенька,— подтвердил старичок.— Если только не считать его поездки на побережье, в Маргет, со школьным учителем мистером Томкинли. Они уехали в субботу и вернулись в понедельник,— но вы помните, душенька, сколько здоровья ему это стоило?

— Потому что Авель не привык к таким отлучкам,— сказала старушка.— Он там совсем истосковался без нас — ни поговорить, ни душу отвести не с кем.

— Совершенно верно, матушка,— снова послышался тот же тихий, тоненький голос.— Мне было так не по себе, так одиноко! Подумать только — ведь нас с вами разделяло море! Никогда не забуду, как я страдал, поняв, что между нами лежит море!

— Что вполне понятно,— заметил нотариус.— Такие чувства делают честь натуре мистера Авеля, и вашей натуре, сударыня, и натуре его отца, и вообще человеческой натуре. И то же самое благородство души проявляется во всем его поведении, столь сдержанном и скромном. А сейчас, как вы изволите увидеть, я поставлю под этим документом свою подпись, которую засвидетельствует мистер Чакстер, затем прижму пальцем вот эту голубую облатку с зазубренными краями и произнесу внятным голосом — не пугайтесь, сударыня, так уж полагается,— что документ сей обладает законной силой. Мистер Авель распишется под другой облаткой, произнесет те же кабалистические слова, и на том дело и кончится. Ха-ха-ха! Видите, как все просто!

Наступила короткая пауза, во время которой мистер Авель, вероятно, проделывал то, что от него требовалось, после чего снова произошел обмен рукопожатиями, послышалось шарканье ног, потом звон бокалов,— и все заговорили разом. Минут через пятнадцать в дверях появился мистер Чакстер с пером за ухом и с пылающей от винных паров физиономией, который сначала изволил пошутить, назвав Кита «пройдошливым юнцом», а затем сообщил ему, что гости сейчас выйдут.

И они действительно не замедлили выйти. Мистер Уизерден — круглолицый, цветущего вида живчик с весьма галантными манерами — вел старушку, а за ними, под руку, следовали отец с сыном. Мистер Авель, до странности старообразный молодой человек, выглядел почти одних лет с отцом и был удивительно похож на него и лицом и фигурой, хотя вместо отцовского бьющего через край благодушия в нем чувствовалась какая-то робость и сдержанность. Во всем же остальном — в опрятности костюма и даже в хромоте — они были точной копией друг друга.

Усадив старушку в фаэтон, мистер Авель помог ей оправить накидку и положить поудобнее корзиночку, служившую неотъемлемой частью ее туалета, потом сел на заднее сиденье, вероятно, специально для него приспособленное, и улыбнулся всем по очереди, начиная с матушки и кончая пони. Тут поднялась страшная возня: пони никак не хотел закинуть голову и взять в рот мундштук,— но наконец даже с этим было покончено; старичок забрался на свое место и, взяв вожжи, сунул руку в карман — за шестипенсовиком для Кита.

Но такой монеты не нашлось ни у него самого, ни у старушки, ни у мистера Авеля, ни у нотариуса, ни у мистера Чакстера. Старичку казалось, что шиллинга будет много, но разменять монету было негде, и он отдал ее Киту.

— Вот, получай. В понедельник я приеду сюда в это же время, и чтобы ты был на месте, дружок. Придется тебе отработать шесть пенсов,— сказал он с улыбкой.

— Благодарю вас, сэр,— ответил Кит.— Я обязательно приду.

Он говорил совершенно серьезно, но все весело рассмеялись над ним, а мистер Чакстер — тот просто зашелся от хохота, восхищенный столь остроумной шуткой. Пони бодрой рысью тронул с места, почувствовав, что теперь можно и домой, или же решив про себя никуда больше не возить хозяев (что, собственно, было одно и то же), и Кит, не успев объясниться толком, пошел своей дорогой. Он потратил свои сокровища до последнего пенни, зная, чего не хватает у них в хозяйстве, не забыл купить и корма для драгоценной птицы и помчался домой в таком упоении от своей удачи, что ему уже начинало казаться, будто Нелл с дедом пришли к ним и сейчас ждут его возвращения.

ГЛАВА XV

В то первое утро после ухода из дому, пока они шли безмолвными городскими улицами, девочка то и дело вздрагивала от смешанного чувства надежды и страха, когда в какой-нибудь фигуре, едва различимой в ясной дали, ее воображение улавливало сходство с верным Китом. Но хотя она с радостью протянула бы ему руку и поблагодарила бы его за сказанные напоследок слова, все же ей становилось легче, как только выяснялось, что приближающийся прохожий не Кит, а совсем незнакомый человек. И не только потому, что ее пугала мысль о встрече дедушки с Китом,— нет, ей было бы сейчас тяжело всякое прощание, а особенно прощание с тем, кто так верно и преданно служил им. Довольно и того, что позади оставались безгласные вещи и предметы, не ведающие ни ее любви, ни ее горя. Прощание с единственным другом на пороге этого безрассудного путешествия разбило бы ей сердце.

Почему нам всегда легче примириться с расставанием мысленно, чем на деле? И почему, решившись на него с должным мужеством, мы боимся сказать одно-единственное слово «прости» вслух? Как часто накануне многолетней разлуки или долгого путешествия люди, нежно привязанные друг к другу, обмениваются обычным взглядом, обычным рукопожатием, будто рассчитывая на завтрашнее свидание, тогда как каждый из них прекрасно знает, что это всего лишь жалкая уловка, чтобы уберечься от боли, которую влекут за собой слова прощания, и что предполагаемой встрече не бывать. Правильно ли, чтобы воображаемое было страшнее действительности? Ведь никто из нас не сторонится умирающих друзей, и сознание, что нам не удалось по-настоящему проститься с тем, кого в последний раз мы оставили, полные любви и нежности, способно иногда отравить нам остаток наших дней.

Город радовался утреннему свету; места, казавшиеся ночью такими подозрительными и страшными, теперь будто улыбались, а ослепительные солнечные лучи, танцующие на оконных стеклах и пробирающиеся сквозь шторы и занавески к глазам спящих, заливали золотом даже сновидения и гнали прочь ночные тени. Птицы в душных комнатах, наглухо укрытые от света, почувствовали наступление утра и беспокойно заметались в своих маленьких темницах; востроглазые мыши попрятались в норки и робко сбились там в кучку; холеная кошка, забыв об охоте, сидела и щурилась на золотые полоски, протянувшиеся сквозь замочную скважину и дверную щель, и ей не терпелось шмыгнуть на волю и погреться на солнце. Более благородные звери, запертые в клетках, не двигаясь, стояли за решетками и не сводили глаз, в которых еще жило отражение дикой лесной чащи, с солнечных бликов и с трепещущей листвы, а потом принимались беспокойно ходить взад и вперед по доскам,

истоптанным их плененными ногами, и снова замирали в неподвижности, глядя за решетку. Узники в тюремных казематах расправляли онемевшие от холода руки и ноги и проклинали камень, который не прогреть даже ясному солнцу. Цветы, спавшие ночью, открывали свои кроткие глаза и обращали их навстречу дню. Свет — разум творения — был повсюду, и животворная сила его сообщалась всему.

Двое странников молча продолжали свой путь, то пожимая друг другу руку, то обмениваясь улыбкой или бодрым взглядом. Несмотря на приветливо льющийся свет, что-то торжественное чувствовалось в длинных безлюдных улицах, лишенных своего обычного выражения и характера, словно это были тела, погруженные в мертвый сон, стирающий всякое различие между ними. В этот ранний час кругом стояла такая тишина, что двое-трое бледных прохожих, попавшихся им навстречу, были так же неуместны здесь, как и непотушенные кое-где подслеповатые фонари, казавшиеся беспомощными и жалкими по сравнению с великолепием солнца.

Они еще не успели проникнуть в самый лабиринт людского жилья, который отделял их от городских окраин, как облик улиц начал мало-помалу меняться, покоряясь шуму и суете. Первыми нарушили чары подводы и грохочущие дилижансы; сначала они появлялись поодиночке, потом все чаще и чаще, экипажей все прибывало, и наконец улицы заполнились ими. На первых порах каждое открытое окно лавки привлекало к себе внимание путников, но скоро стали редкостью закрытые; потом из труб медленно повалил дым, поднялись оконные рамы, впуская свежий воздух в комнаты, распахнулись двери, и служанки, лениво поглядывающие куда угодно, только не на свои метлы, начали вздымать тучи бурой пыли прямо в глаза шарахающимся в сторону прохожим или с грустным видом слушали рассказы молочников о сельских ярмарках и о том, что через час-другой с извозчичьих дворов выедут фургоны с парусиновыми навесами и прочими удобствами да еще с любезными кавалерами в придачу.

Миновав эту часть города, дед и внучка вступили в более оживленные кварталы — святилище коммерции и бойкой торговли, куда стекалось множество людей и где деловая жизнь была уже в разгаре. Старик бросал по сторонам испуганные, растерянные взгляды, ибо этих-то мест ему и хотелось избежать. Прижав палец к губам, он повел девочку извилистыми переулками и узкими дворами и, когда те места остались далеко позади, все еще оглядывался и бормотал, что погибель и разорение, таящиеся здесь за каждым углом, увяжутся за ними, учуяв их следы, а поэтому отсюда надо бежать как можно скорее.

Но вот и эта часть города пройдена, и они вошли в беспорядочно раскинувшееся предместье, где убогие, поделенные на

маленькие квартиры домишки и заклеенные бумагой, заткнутые тряпками окна говорили о том, что здесь ютится армия бедноты. Здешние лавки торговали теми товарами, какие покупают только неимущие; продавцы и покупатели одинаково погибали в тисках нужды. Обитатели многих улиц, бедняки из благородных, загнанные в каморки, все еще пытались бороться за свое утлое существование на этом зыбком островке с помощью тех скудных крох, что остались им после кораблекрушения. Но сборщики податей и заимодавцы бывали и тут частыми гостями, и нищета, еще кое-как боровшаяся, вряд ли менее бросалась в глаза своим убожеством, чем та, которая давно сдалась и вышла из игры.

Это была длинная, очень длинная дорога, но вид ее оставался неизменным, ибо тот скромный люд, что плетется следом за роскошью, разбивает свои шатры на много миль вокруг ее стана. Сырые, в пятнах плесени дома — многие с наклейками о сдаче внаем, многие еще в лесах, многие недостроенные, но уже разрушающиеся; каморки и углы, которые нищие жильцы снимают у таких же нищих хозяев, так что трудно сказать, кто из них больше заслуживает сожаления; на каждой улице копошащиеся в пыли полуголодные оборвыши-дети; сердитые матери в стоптанных туфлях, гоняющиеся за ними с громкой бранью; худо одетые, хмурые отцы, спешащие на работу, которая дает им «хлеб их насущный», а больше, пожалуй, ничего; мелкие лавочники, прачки, гладильщицы, сапожники, портные, расположившиеся со своим ремеслом в жилых комнатах, кухнях, чуланах, на чердаках и сплошь и рядом ютящиеся скопом под одной крышей; кирпичные заводы, между ними грядки с овощами, огороженные клепками от старых бочек или украденными где-нибудь поблизости, на пожарище, обгорелыми досками с вздувшимися от огня пузырями краски; целые насыпи из устричных раковин, перепревшего сорняка, бурьяна и крапивы; маленькие диссидентские часовни, вещающие, не испытывая недостатка в наглядных примерах, о горести земного существования, и много новеньких церквей, слишком пышных для того, чтобы указывать путь на небеса.

Наконец и эти улицы мало-помалу кончились, сошли на нет; их сменили небольшие огороды, незнакомые с побелкой лачуги из старого теса или обломков рассохшихся барж, зеленых, как растущие по соседству тугие капустные кочны, и усыпанных по швам лишаями плесени и накрепко присосавшимися улитками. Вслед за этим показались бойкие коттеджи — парами, при них садики с выведенными по линейке клумбами, жестким буксовым бордюром и узкими дорожками, по которым, очевидно, не ступала человеческая нога. Потом появилась харчевня с чайными столиками на воздухе и лужайкой для игры в шары. Харчевня была свежевыкрашена в зеленую и белую

краску и взирала свысока на своего дряхлого соседа — постоялый двор с колодой у коновязи; за харчевней — луга, а затем коттеджи побольше и посолиднее, стоявшие поодиночке, каждый сам по себе, с газонами, а некоторые даже со сторожкой привратника. Потом шлагбаум; за ним снова луга, на них копны сена и кое-где деревья, потом холм... и путник, остановившись на его вершине и взглянув сначала на окутанный дымом древний собор св. Павла с крестом, играющим в лучах солнца (если день был ясный), а потом вниз, на Вавилон, породивший этот собор, мог проследить границы воинственного царства извести и кирпича — вплоть до отдаленных его форпостов, один из которых вырвался к самому подножью холма,— и, окинув все это взглядом, сказать: «Теперь мои счеты с Лондоном покончены».

Неподалеку от такого места старик и его маленький вожатый (если, не зная, куда лежит их путь, девочка могла служить ему вожатым) сели отдохнуть на веселой лужайке. Перед уходом из дому Нелли уложила в корзинку несколько кусков хлеба и мяса, и теперь они приступили к своему скромному завтраку.

Свежесть утра, пение птиц, колеблемая ветром трава, темно-зеленые кроны деревьев, полевые цветы и множество тончайших запахов и звуков, плывущих в воздухе,— какую великую радость приносит все это большинству из нас, а особенно тем, кто всегда окружен шумной толпой или же, напротив, живет одиноко и чувствует себя в большом городе словно в бадье, затонувшей на дне колодца! И как глубоко проникло все это в сердце наших странников, как утешило их! Девочка еще ранним утром прочитала свои безыскусственные молитвы, может быть, впервые в жизни так вникая в их смысл, но сейчас они опять сами собой полились из ее уст. Старик молча снял шляпу. Где ему было помнить слова! Он мог только восхвалить их и сказать «аминь».

Дома на полке у них стояла потрепанная книжка с диковинными картинками — «Путь паломника», над которой девочка часто засиживалась по вечерам, размышляя, правда ли все то, что в ней написано, и где находятся эти далекие страны с такими причудливыми названиями. Задумавшись о покинутом доме, она вдруг вспомнила одну главу из этой книги.

— Дедушка, милый,— сказала она,— здесь гораздо лучше и красивей, чем в том месте, которое нарисовано в книжке, и все-таки мне кажется, что мы с тобой, точно Христиан, сложили на траву все наши заботы и горести и никогда больше не подымем их.

— Да... и никогда больше не вернемся туда... никогда не вернемся! — подхватил старик, махнув рукой по направлению к городу.— Теперь мы с тобой свободны, Нелл. Больше нас туда не заманят.

— Ты не устал? — спросила девочка.— Ты не заболеешь после такой долгой дороги?

— Мы ушли оттуда — значит, я больше никогда не заболею,— последовал ответ.— Нам надо уйти дальше, как можно дальше. Еще рано останавливаться, рано отдыхать. Пойдем!

На лугу был небольшой чистый пруд, где девочка вымыла руки, лицо и ноги, прежде чем пускаться в дальнейший путь. Ей хотелось, чтобы дед тоже освежился; она усадила его на траву и, черпая воду пригоршнями, умыла ему лицо и утерла его своим платьем.

— Я сам теперь ничего не могу,— пробормотал старик.— Не знаю, как это получилось... Раньше все делал сам, но то время прошло. Не оставляй меня, Нелл! Скажи, что не оставишь! Моя любовь к тебе не угасла, верь мне! Если я и тебя потеряю, радость моя, мне останется только одно — умереть!

Он уронил голову ей на плечо и жалобно застонал. Случись это раньше — каких-нибудь несколько дней назад,— девочка не удержалась бы от слез и заплакала бы вместе с ним. Но сейчас она принялась мягко и нежно утешать деда, улыбкой разогнала его страх перед будто бы грозящей им разлукой и обратила его слова в шутку. Старик скоро успокоился и, напевая что-то вполголоса, заснул, словно маленький ребенок.

Он проснулся бодрый, и они двинулись дальше. Дорога шла полями и прекрасными пастбищами, над которыми жаворонок напевал свою веселую песенку, замерев высоко-высоко в прозрачно-голубом поднебесье. Ветер прилетал полный ароматов, собранных по пути, и пчелы, подхваченные этой благовонной волной, вились вокруг, сонным жужжаньем выражая свое удовольствие.

В этих местах, среди открытых полей, жилье встречалось редко, иной раз на расстоянии нескольких миль одно от другого. Время от времени попадались теснившиеся кучками скромные домики; кое-где в открытых дверях был поставлен стул или положена низкая перекладина, чтобы дети не выбегали на дорогу; другие стояли запертые, так как хозяева всей семьей работали в поле. Такие домики часто служили началом маленькой деревушки, и вскоре вслед за ними показывалась мастерская колесника или кузница, потом богатая ферма, во дворе которой дремали коровы, а лошади смотрели через низкую каменную стену на дорогу и, чуть завидя своих сородичей в упряжке, галопом уносились прочь, словно гордясь дарованной им свободой. Были здесь и свиньи, которые взрывали землю в поисках лакомств и недовольно похрюкивали, слоняясь с места на место и натыкаясь друг на друга. Голуби, распушив перья, осторожно семенили вдоль края крыши и горделиво выступали

по карнизам; гуси и утки, мнившие себя куда более грациозными по сравнению с голубями, вперевалку расхаживали по берегу пруда или бойко скользили по его поверхности. Ферма оставалась позади, показывалась маленькая гостиница, за ней такая же скромная пивная и деревенская лавочка, потом дома стряпчего и пастора, чьи грозные имена повергали пивную в дрожь. Потом из рощицы скромно выглядывала церковь, еще несколько маленьких домиков, а за ними арестный дом, загон для скота, а нередко и глубокий пересохший колодец у придорожной насыпи. Потом и справа и слева начинались обнесенные живой изгородью поля, и между ними вновь вилась широкая дорога.

Странники шли весь день, а ночь провели в маленьком коттедже, где сдавались койки. Утро застало их уже на ногах, и хотя первое время идти им было трудно, все же они вскоре побороли усталость и быстро продолжали свой путь. Они часто останавливались, но ненадолго, и снова шли дальше, несмотря на то, что с утра им удалось только раз подкрепиться едой. Было уже около пяти часов пополудни, когда они поравнялись с группой крестьянских домиков, и девочка стала грустно заглядывать в каждый по очереди, не зная, где можно попроситься отдохнуть и купить немного молока.

Сделать выбор оказалось нелегко, потому что она робела, боясь получить отказ. В одном доме плакал ребенок, в другом раскричалась на кого-то хозяйка. Тут слишком убого, там слишком людно. Наконец она остановилась у дома, где вся семья собралась за столом,— остановилась главным образом потому, что увидела старика, сидевшего в мягком кресле ближе всех к очагу, и подумала, что он, верно, тоже дед и сжалится над ее спутником.

Кроме старика, за столом сидели хозяин с женой и трое ребятишек, загорелых и румяных, как яблочки. Просьбу Нелл сейчас же уважили. Старший мальчик побежал за молоком, второй притащил к дверям две табуретки, а самый младший вцепился матери в юбку и уставился на незнакомцев, держа загорелую ручонку козырьком у глаз.

— Да хранит вас бог, добрый человек! — дрожащим, тоненьким голосом проговорил старик.— И далеко вы путь держите?

— Да, сэр, далеко,—ответила Нелли, так как дед молча взглянул на нее.

— Из Лондона? — спросил старик.

Девочка ответила утвердительно.

А! Он тоже часто бывал в Лондоне — ездил туда с подводами. Последний раз года тридцать два назад,— говорят, с тех пор там все изменилось. Что ж, очень возможно! Его самого тоже не узнать. Тридцать два года — немалый срок, а восемьдесят четыре — немалый возраст, хотя он знавал людей, кото-

рые доживали до ста, и здоровье у них было не такое крепкое, как у него,— куда там, и сравнивать нельзя!

— Садитесь, добрый человек, вот сюда, в кресло,— сказал старик, изо всех своих слабых сил постучав палкой по каменному полу.— Возьмите понюшку из моей табакерки. Я сам редко этим балуюсь, очень уж дорог табак, но иной раз вот как подкрепишься! Ведь вы по сравнению со мной совсем юноша. У меня сын был бы такой, доживи он до ваших лет, да завербовали его в солдаты, и вернулся он домой без ноги. Бедный мой сынок все просил, чтобы его схоронили у солнечных часов, на которые он лазал еще мальчишкой. Вот и сбылось его желание, можете сами посмотреть могилу. Мы следим за ней, подстригаем траву.

Старик покачал головой и, обратив к дочери слезящиеся глаза, сказал, что больше он не обмолвится об этом ни словом и, стало быть, нечего ей тревожиться. Он никого не хочет огорчать, а если кто-нибудь огорчился, пусть не взыщет, вот и все.

Принесли молоко, девочка взяла свою корзинку, выбрала что повкуснее для деда, и они сытно поужинали. Убранство комнаты было, разумеется, очень скромное — несколько простых стульев и стол, угольный буфет с фаянсовой и глиняной посудой, пестро расписанный поднос, на котором была изображена дама в ярко-красном платье, прогуливающаяся под ярко-голубым зонтиком, по стенам и над камином обычные цветные литографии в рамках на темы из Священного писания, старенький пузатый комод, часы с восьмидневным заводом да несколько ярко начищенных кастрюль и чайник. Но все это содержалось в порядке и чистоте; и, оглядевшись по сторонам, девочка почувствовала здесь довольство и уют — то, от чего она давно отвыкла.

— А далеко отсюда до какого-нибудь города или деревни? — спросила она хозяина.

— Все пять миль будет, милочка,— последовал ответ.— Да ведь вы не пойдете на ночь глядя?

— Нет, пойдем, пойдем, Нелл, заторопился ее дед, сопровождая свои слова знаками.— Будем в пути хоть до полуночи. Чем дальше уйдем, дорогая, тем лучше.

— Тут неподалеку есть теплый сарай,— сказал хозяин,— а то можно переночевать в гостинице «Борона и плуг». Не в обиду вам будь сказано, но, по-моему, вы оба устали. Куда вам спешить?..

— Нет, мы спешим,— волнуясь, прервал его старик.— Пойдем, Нелл! Прошу тебя, пойдем!

— Нам правда нужно идти,— сказала девочка, подчиняясь желанию деда.— Большое вам спасибо, но мы остановимся где-нибудь дальше. Дедушка, я готова.

Однако хозяйка заметила по походке маленькой странницы, что у нее стерта нога, и, будучи женщиной, а к тому же и матерью, она до тех пор не отпустила девочку, пока не промыла ей больное место и не смазала его каким-то простым домашним снадобьем. Все это было сделано так заботливо и с такой нежностью — пусть заскорузлой и огрубевшей рукой,— что переполненное благодарностью сердце Нелл не позволило ей сказать ничего другого, кроме трепетного «да благословит вас бог». Она оглянулась лишь тогда, когда домик остался позади, и, оглянувшись, увидела, что вся семья, не исключая и дряхлого старика, стоит посреди дороги, глядя им вслед. Приветливо кивая друг другу и махая рукой (причем с одной стороны это прощанье вряд ли обошлось без слез), они расстались.

Шагая с трудом и гораздо медленнее, чем раньше, дед и внучка прошли около мили, но вот позади послышался стук колес, и они увидели быстро нагонявшую их повозку. Поравнявшись с ними, возница придержал лошадь и внимательно посмотрел на Нелли.

— Это не вы останавливались отдохнуть вон в том доме? — спросил он.

— Да, сэр,— ответила девочка.

— Так вот, меня просили подвезти вас,— сказал возница.— Нам по дороге. Дайте руку, хозяин, взбирайтесь сюда.

Это было большим облегчением для измученных, еле передвигавших ноги путников. Тряская повозка показалась им роскошным экипажем, а самая езда восхитительной. Нелли не успела устроиться на соломе в задке, как тут же заснула — впервые за весь день.

Она открыла глаза, когда повозка остановилась у поворота на проселочную дорогу. Не поленившись спрыгнуть, возница помог ей слезть и сказал, что город вон в той стороне, где деревья, и что к нему надо идти тропинкой, которая ведет через кладбище. Туда они и пошли усталым, медленным шагом.

ГЛАВА XVI

Когда они подошли к кладбищенской калитке, откуда начиналась тропинка, солнце уже садилось и, подобно дождю, который кропит праведных и неправедных, бросало свои теплые блики даже на место успокоения мертвых, обещая им, что утром оно засияет снова. Церковь была старая, замшелая, сплошь увитая по стенам и у паперти плющом. Сторонясь памятников, плющ взбирался на могильные холмики, где спал скромный бедный люд, и сплетал ему венки — первые, полученные им венки, которые увянут не так скоро и, может статься, будут гораздо долговечнее тех, что глубоко высечены на камне или мраморе и прославляют добродетели, почему-то стыд-

ливо замалчиваемые в течение многих лет и открывшиеся только душеприказчикам и убитым горем наследникам усопших.

Лошадь священника глухо постукивала копытами среди могил и щипала траву во славу покойных прихожан, а также в подтверждение текста о бренности плоти, легшего в основу последней воскресной проповеди. Тощий осел, который, не будучи приобщен к церковному причту, все же был не прочь и сам дать собственное толкование этому тексту, стоял один в загоне и, навострив уши, не сводил голодных глаз со своей причисленной к духовному званию товарки.

Старик и девочка свернули с усыпанной гравием дорожки и пошли между могилами, где их усталым ногам было легче ступать по мягкой земле. Зайдя за церковь, они услышали неподалеку голоса, а вскоре увидели и тех, кому эти голоса принадлежали.

Два человека, удобно расположившиеся на траве, так были поглощены своим делом, что не сразу заметили подошедших. Люди эти, видимо, принадлежали к братству бродячих комедиантов — к той их разновидности, которая показывает проделки Панча, ибо сей герой с крючковатым носом, и подбородком, и сияющей физиономией, скрестив ноги, восседал на памятнике позади них. Невозмутимость нрава этого персонажа, может быть, никогда еще не проявлялась с большей очевидностью, потому что привычная улыбка не сходила с его уст, хотя сидел он в крайне неудобной позе, поникнув всем своим бесформенным, хлипким телом и свесив длинный колпак на несуразно тонкие ноги, с риском каждую минуту потерять равновесие и упасть вниз головой.

Остальные действующие лица лежали кто на траве у ног своих хозяев, кто вповалку в продолговатом плоском ящике. Супруга и единственное чадо Панча, лошадка на палочке, лекарь, иностранный джентльмен, который по незнанию языка объясняется во время спектаклей только при помощи слова «шалабала», повторяемого троекратно, сосед-радикал, не желающий считаться с тем, что жестяный колокольчик — это все равно что орган, палач и дьявол — все были здесь. Их хозяева, видимо, пришли сюда, чтобы произвести необходимую починку реквизита, так как один из них связывал ниткой развалившуюся виселицу, а другой, вооружившись молотком и гвоздиками, прилаживал новый черный парик на оплешивевшую от побоев голову соседа-радикала.

Когда старик и его маленькая спутница подошли к ним, они бросили работу и с любопытством уставились на незнакомцев. Первый, по всей вероятности кукольник,— маленький человечек с веселой физиономией, лукавыми глазками и красным носом,— судя по всему, перенял кое-какие черты характера у своего героя. Второй — он, должно быть, собирал деньги с публики — производил впечатление человека недоверчивого и очень

себе на уме, что, может статься, тоже объяснялось родом его занятий.

Маленький кукольник первый приветствовал подошедших кивком головы и, поймав взгляд старика, устремленный на кукол, высказал предположение, что ему, наверно, никогда еще не приходилось видеть Панча вне сцены. Кстати сказать, Панч показывал в эту минуту кончиком колпака на велеречивую эпитафию и потешался над ней от всей души.

— А почему вы пришли с починкой именно сюда? — спросил старик, опускаясь рядом на траву и с нескрываемым восхищением глядя на кукол.

— Да понимаете ли,— ответил маленький человечек,— у нас сегодня представление в здешнем трактире, и не годится, чтобы наши актеры ремонтировались у всех на виду.

— Не годится? — воскликнул старик, знаками приглашая Нелл слушать.— А почему не годится? Почему?

— Потому что тогда не останется никакой иллюзии, а без иллюзии смотреть будет неинтересно,— последовал ответ.— Вот, скажем, если бы лорд-канцлер принимал вас запросто, без парика,— питали бы вы к нему почтение? Разумеется, нет!

— Правильно! — Старик боязливо дотронулся до одной из кукол и, засмеявшись дребезжащим смешком, тотчас же отдернул руку.— Значит, сегодня вечером у вас будет представление? Да?

— Таковы наши намерения, почтеннейший,— подтвердил маленький балагур.— И, если я не ошибаюсь, Томми Кодлин в эту самую минуту подсчитывает, во сколько нам обойдется встреча с вами. Ничего, Томми, не унывай, убыток будет небольшой!

И кукольник подмигнул, ясно давая понять, какого он мнения о финансах обоих путников.

Мистер Кодлин — личность угрюмая и ворчливая — рывком снял Панча с надгробного памятника и, швырнув его в ящик, ответил:

— Одним фартингом больше, одним меньше — мне все равно, но меру-то надо знать! Постоял бы с мое перед занавесом да посмотрел на публику, тогда научился бы разбираться в людях.

— Эх, Томми! Сгубило тебя твое новое ремесло! — возразил ему товарищ.— Играл ты привидения в настоящем театре на ярмарках — и во все верил, кроме привидений. А теперь кругом изверился. Переменился человек, просто не узнать!

— Ну и пусть! — сказал мистер Кодлин философически-разочарованным тоном.— Зато я набрался ума-разума, хоть подчас и сам об этом жалею.

Он перешвырял всех кукол в ящике с таким видом, точно они не вызывали у него никаких других чувств, кроме презрения, и, вынув одну, показал ее своему приятелю.

— Вот, полюбуйся! Джуди опять вся в лохмотьях. Иголки с ниткой у тебя, конечно, не найдется?

Кукольник покачал головой и сокрушенно почесал в затылке, посмотрев на примадонну, представшую перед ним в столь неприглядном виде. Девочка поняла всю затруднительность их положения и робко сказала:

— У меня в корзинке есть иголка и нитки, сэр. Дайте я починю. Мне это легче сделать, чем вам.

Мистер Кодлин и тот не нашел что возразить против предложения, которое пришлось так кстати. Опустившись на колени перед ящиком, Нелли сразу же принялась за работу и справилась со своей задачей на славу.

Пока она возилась с куклой, маленький балагур с интересом присматривался к ней, и интерес этот ничуть не уменьшался, когда его взгляд падал на ее беспомощного спутника. Как только Нелли кончила починку, он поблагодарил ее и спросил, куда они идут.

— Сегодня мы, пожалуй... дальше не пойдем,— ответила девочка, глядя на деда.

— Если вы ищете, где переночевать,— сказал кукольник,— советую вам остановиться в той же гостинице, где и мы. Видите низенький белый дом? Там дешево берут.

Несмотря на усталость, старик готов был всю ночь просидеть здесь со своими новыми знакомцами, но такой совет пришелся ему по душе. Они поднялись и все вместе вышли с кладбища; старик, как очарованный, держался поближе к ящику с куклами, висевшему у маленького балагура на лямке через плечо, Нелли вела деда за руку, а мистер Кодлин медленно плелся сзади и по привычке, выработавшейся у него во время городских гастролей, бросал взгляды то на колокольню, то на верхушки деревьев, точно выискивая окна гостиных и детских, под которыми стоило бы поставить раек.

Содержатели гостиницы — тучный старик и его жена — не отказались пустить новых постояльцев и, сразу же почувствовав расположение к Нелли, стали наперебой восхищаться ее миловидностью. Кроме двоих кукольников, в кухне никого не было, и девочка благословила случай, приведший их в такое хорошее место. Хозяйка удивилась, узнав, что они пришли пешком из Лондона, и стала допытываться о цели их путешествия, но Нелли не стоило большого труда отделаться от этих расспросов, так как старушка сразу почувствовала, насколько они неприятны ей, и заговорила о другом.

— Джентльмены просили подать им ужин через час,— сказала она, подводя Нелли к стойке,— и я советую вам поесть вместе с ними. А пока тебе надо немного подкрепиться, ведь, наверно, умаялась за день. Да не беспокойся ты о своем старичке! Выпей вот это сама, а потом и его угостим.

Но так как девочку никакими силами нельзя было заставить уйти от деда или полакомиться чем-нибудь, не отдав ему первому большей доли угощения, старушке пришлось угостить сначала его. Они подкрепились и вместе со всеми обитателями гостиницы поспешили в пустую конюшню, где стоял раек и где при свете нескольких свечей, налепленных на подвешенный к потолку обруч, должно было состояться представление.

И вот наш мизантроп, мистер Томас Кодлин, надудевшись на губной гармонике до полной потери сил, стал по правую сторону от пестрого занавеса, скрывающего кукольника, засунул руки в карманы и приготовился отвечать на вопросы и замечания Панча, прикидываясь, что его связывают с этой личностью теснейшие приятельские отношения, что нет границ его вере в своего закадычного друга, который наслаждается жизнью в этой храмине и в любое время и при любых обстоятельствах сохраняет столь пленительную веселость и бойкость ума. Мистер Кодлин исполнял свою роль с видом человека, приготовившегося ко всему самому худшему и полностью положившегося на волю судьбы, что не мешало ему после каждой своей, хотя бы и мимоходом брошенной реплики медленно обводить глазами публику и с особенным вниманием присматриваться к хозяину и хозяйке, проверяя, какое впечатление производит спектакль на них, ибо это могло иметь немаловажные последствия в смысле ужина.

Но мистер Кодлин беспокоился напрасно: публика горячо аплодировала актерам, а щедрость, с какой поступали добровольные взносы, еще больше свидетельствовала о всеобщем восторге. Чаще и громче всех смеялся старик. Голоса Нелл совсем не было слышно,— она, бедняжка, склонилась к деду на плечо и так крепко уснула, что все его попытки разбудить ее и убедить повеселиться вместе с ним ни к чему не привели.

Ужин был очень вкусный; но она и есть не могла от усталости, и все-таки продолжала сидеть рядом со стариком, дожидаясь, когда его можно будет увести спать и поцеловать на ночь. А он, не чувствуя ни ее забот, ни ее тревоги, с блуждающей улыбкой восторженно ловил каждое слово своих новых друзей и согласился уйти наверх лишь тогда, когда те, громко зевая, отправились спать.

Деду и внучке отвели на ночь чердак, перегороженный пополам, но они и этому были рады. Старик долго не мог уснуть и попросил Нелл посидеть рядом с ним, как она сиживала раньше. Девочка сейчас же откликнулась на его зов и не отходила от него до тех пор, пока он не забылся сном.

В ее уголке чердака было крохотное слуховое оконце, и она подошла к нему, дивясь царившей вокруг тишине. Старая церковь, могилы, освещенные луной, перешептывающиеся между собой деревья— все это навевало на нее множество мыслей.

А потом она закрыла окно и, сев на кровать, задумалась о том, что ждет их впереди.

Денег у нее осталось немного — совсем немного. Скоро они кончатся, и им придется просить милостыню. Есть, правда, один золотой, и может настать время, когда его ценность возрастет для них во сто крат. Золотой этот лучше припрятать, оставить про черный день, когда надеяться уже будет не на что.

И она зашила золотую монету в платье, успокоившись, легла в постель и уснула глубоким сном.

ГЛАВА XVII

Ясный день, занявшийся в маленьком оконце, смело заявил о своем родстве с такими же ясными глазами Нелли и разбудил ее. Девочка в испуге приподняла голову с подушки, недоумевая, каким образом она очутилась в этой незнакомой комнате после того, как заснула, казалось бы, только вчера вечером, у себя дома. Но не прошло и минуты, как ей вспомнилось все, и она вскочила с кровати, полная надежды и веры в будущее.

Час был ранний, старик еще спал, и Нелли вышла и долго гуляла по кладбищу, стряхивая на ходу росинки с высокой травы и то и дело сворачивая в сторону, в густые заросли, чтобы не ступать по могилам. Она испытывала странное удовольствие, бродя по этой обители мертвых, читая эпитафии на могильных плитах, под которыми покоились добрые люди (а здесь было похоронено много добрых людей), и со все возрастающим интересом переходила от одной могилы к другой.

На кладбище было очень тихо, как и подобает такому месту. Тишину его нарушало только карканье грачей, свивших себе гнезда на высоких старых деревьях и перекликавшихся друг с другом в вышине. Сначала каркнула одна глянцевито-черная птица, описывавшая круги над своим нескладным жильем, которое покачивалось из стороны в сторону на ветру,— каркнула сдержанно, видимо, невзначай, как бы разговаривая сама с собой. Ей ответила другая, и тогда первая каркнула громче; потом в разговор вступила третья, за ней четвертая; и первая, возмущенная тем, что ей осмелились перечить, продолжала настаивать на своем, с каждым разом все упорнее и упорнее. Птицы, молчавшие до сих пор, подали голос с нижних, верхних, средних веток, справа и слева и с самых верхушек деревьев. Другие подоспели к ним с обомшелых церковных башенок, с карнизов старой колокольни и присоединились к общему гомону, который то разгорался, то затихал, то поднимался с новой силой, то опять шел на убыль, но не прекра-

щался ни на минуту. И эта оглушительная перепалка сопровождалась полетами взад и вперед, непрестанной переменой мест, перепархиванием с ветки на ветку, точно птицы издевались и над былой неугомонностью тех, кто недвижно покоился теперь под дерном и мхом, и над бесцельной борьбой, на которую человек кладет все свои силы.

То и дело поднимая глаза на деревья, откуда шли эти звуки, и чувствуя, что они сообщают такой покой кладбищу, какого не могла бы придать ему самая глубокая тишина, девочка медленно переходила от могилы к могиле, заботливой рукой оправляла плети ежевики, не дававшие зеленым холмикам осыпаться, и заглядывала сквозь оконную решетку в церковь, где на пюпитрах лежали почти истлевшие молитвенники, а с деревянных перил, обнажая доски, свисало сукно, когда-то зеленое, теперь же покрытое пятнами плесени. Она видела скамьи, такие же высохшие и пергаментно-желтые от времени, как те убогие старики и старухи, которые сиживали на них из года в год, видела покоробленную купель, в которой младенцы получали имя при крещении, бедный алтарь, у которого они преклоняли колена, став взрослыми людьми, простые, покрашенные черной краской носилки, которые принимали на себя их тяжесть, когда прохладная, тихая старая церковь в последний раз оказывала им гостеприимство. Все здесь было изношенное, все незаметно, медленно увядало. Даже веревка, спускавшаяся в придел с колокольни, была вся обтрепанная и седая от старости.

Нелл смотрела на скромный надгробный камень с надписью, говорившей о том, что здесь покоится молодой человек двадцати трех лет, умерший пятьдесят пять лет назад, как вдруг позади послышались чьи-то нетвердые шаги, и, оглянувшись, она увидела сгорбленную, дряхлую старуху; та подошла к ней и попросила прочесть ей вслух эпитафию. Когда Нелл кончила читать, старуха поблагодарила ее и сказала, что она давным-давно заучила эти слова наизусть, но разобрать их теперь сама не может.

— Вы его мать?— спросила девочка.

— Я была его женой, дитя мое.

Как! Это — жена двадцатитрехлетнего человека? Да, правда! Ведь с тех пор прошло пятьдесят пять лет!

— Тебе странно это слышать,— сказала старуха, покачивая головой.— Ну, что ж, не ты первая, постарше тебя люди удивлялись. Да, я была его женой. Смерть меняет нас не больше, чем жизнь, дитя мое.

— А вы часто приходите сюда? — спросила девочка.

— Летом часто,— ответила старуха.— Приду, посижу... Раньше все ходила погоревать, поплакать около могилы, но это было давным-давно, господи, твоя воля! Маргаритки отсюда ношу домой, когда они распускаются,— продолжала она после

недолгого молчания.— За последние пятьдесят пять лет я ни одни цветы так не любила. Да... годы прошли немалые, состарили они меня.

И, обрадовавшись новому слушателю, хоть и ребенку, старуха пустилась рассказывать, как она со слезами и стенаниями вымаливала себе смерть, когда муж у нее умер, и как надеялась, придя сюда впервые молодой женщиной, полной безграничной любви и безграничного горя, что сердце ее на самом деле разорвется от тоски. Те дни давно миновали, и хотя печаль никогда не оставляла ее, все же с годами мучительная боль утихла, и посещение кладбища стало для нее долгом — но долгом приятным. Теперь, спустя пятьдесят пять лет, она говорила о покойном, словно он — юноша во цвете лет, приходился ей сыном или внуком, и превозносила его мужественность и красоту, сетуя на свою дряхлость и немощность. И в то же время она говорила о нем как о муже, ушедшем от нее будто только вчера, говорила о их грядущей встрече в ином мире и, отрешаясь от своего настоящего, вспоминая себя совсем юной, вновь переживала счастье той миловидной молоденькой женщины, которая, казалось, умерла вместе с ним.

Нелли оставила ее собирать цветы, росшие на могиле, и в задумчивости пошла назад в гостиницу.

Старик уже встал и оделся к ее приходу. Мистер Кодлин, по-прежнему обреченный иметь дело с прозаической стороной жизни, укладывал в свой узелок с бельем огарки, оставшиеся после вчерашнего представления, а его товарищ выслушивал комплименты от своих почитателей, толпившихся у конюшни, ибо те, не умея провести должную грань между ним и несравненным Панчем, отводили ему первое место после этого веселого разбойника и любили его ничуть не меньше. Приняв дань всеобщего поклонения, он явился в гостиницу, и они сели за завтрак все вместе.

— Куда же вы сегодня пойдете? — спросил маленький кукольник, обращаясь к Нелли.

— Я, право, не знаю... мы еще сами не решили,— ответила девочка.

— А мы собираемся на скачки,— сказал он.— Если вам с нами по пути и если вы не гнушаетесь нашим обществом, давайте пойдем вместе. А хотите одни странствовать, так и говорите, никто вас неволить не будет.

— Мы пойдем с вами,— сказал старик.— Нелл! С ними пойдем, с ними!

Девочка минуту подумала и, вспомнив, что ей скоро надо будет просить милостыню и что вряд ли найдется более подходящее место для этого, чем скачки, куда приезжает поразвлечься и повеселиться столько богатых леди и джентльменов, решила до поры до времени не отставать от кукольников. Она поблагодарила маленького балагура и, бросив застенчивый

взгляд на его приятеля, согласилась идти с ними до города — если никто не будет возражать.

— Возражать? — воскликнул маленький балагур.— Ну, Томми! Прояви любезность хоть раз в жизни и скажи, что тебе хочется идти вместе с ними. Я же знаю, что хочется! Надо быть любезным, Томми!

— Коротыш! — сказал мистер Кодлин, который имел обыкновение говорить медленно, а есть быстро и жадно, что часто бывает свойственно философам и мизантропам.— Ты ни в чем не знаешь меры.

— Да кому это может повредить? — не унимался тот.

— На сей раз, пожалуй, никому,— ответил мистер Кодлин,— но само по себе это опасно. Как я тебе уже говорил, ты ни в чем не знаешь меры.

— Ну, хорошо. Идти им с нами или нет?

— Пусть идут,— сказал мистер Кодлин.— Только напрасно ты не повернул дело так, будто это одолжение с нашей стороны.

Фамилия маленького кукольника была Гаррис, но постепенно она уступила место менее благозвучному наименованию — Коротыш с приставкой Шиш, каковому он был обязан своими короткими ногами. Однако такое сложное прозвище оказалось неудобным в дружеском обиходе, и джентльмен, к которому оно относилось, был известен в кругу приятелей как просто Шиш или просто Коротыш, а полностью — Шиш-Коротыш — именовался только в официальной обстановке и в особо торжественных случаях.

Так вот, Шиш — или Коротыш, как читателю будет угодно,— ответил на замечание своего друга, мистера Кодлина, шуткой, рассчитанной на то, чтобы умерить недовольство этого джентльмена, и, с аппетитом набросившись на холодную говядину, чай и хлеб с маслом, стал убеждать своих сотрапезников последовать его примеру. Впрочем, мистер Кодлин не нуждался ни в каких уговорах, так как он уже успел вместить сколько мог и теперь услаждал свою плоть крепким элем, молча, но с явным наслаждением отхлебывая этот напиток и никого не угощая им, что лишний раз указывало на мизантропический склад его ума.

Как только завтрак был съеден, мистер Кодлин пожелал расплатиться и, отнеся эль за счет всей компании (прием, тоже в какой-то мере объясняющийся мизантропией), по справедливости разделил всю сумму на две равные части, одна из которых пришлась на долю их — кукольников, а другая на долю девочки и старика. Когда все было уплачено полностью и сборы закончены, они простились с хозяевами и отправились в путь-дорогу.

И вот тут-то стало совершенно очевидным, какое ложное положение занимал в обществе мистер Кодлин и как это рас-

травляло ему душу, ибо всего лишь накануне он слышал от мистера Панча почтительное обращение «хозяин» и старался внушить зрителям, что держит при себе этого молодца исключительно ради удовольствия, потворствуя своей прихоти, а сегодня ему приходилось сгибаться под тяжестью храмины этого самого Панча и тащить ее на спине в душный день по пыльной дороге. Ухмыляющийся Панч, вместо того чтобы развлекать патрона неугасимым огнем острот или расправой со своими родичами и знакомыми при помощи дубинки, весь обмякший, без малейших признаков позвоночника, валялся в темном ящике, закинув ноги за шею, и ничем не напоминал прежнего острослова и весельчака.

Мистер Кодлин медленно тащился по дороге, изредка обмениваясь двумя-тремя словами с Коротышом, и время от времени останавливался отдохнуть и поворчать. Коротыш выступал впереди с плоским ящиком, с узелком отнюдь не обременительным, в который были увязаны личные пожитки их обоих, и с медным рожком, болтавшимся у него за спиной. Нелл и ее дед шли по правую и по левую руку от него, а Томас Кодлин замыкал шествие.

Когда они подходили к какому-нибудь городу, или деревне, или даже к одиноким, зажиточным на вид домам, Коротыш трубил в медный рожок и разудалым голосом, который свойствен всем Панчам и их спутникам, исполнял один-два куплета своей песенки. Если в окнах показывались любопытные, мистер Кодлин ставил раек на землю и, быстро спустив занавес, прятал за ним Коротыша, а сам принимался истерически дудеть на губной гармонике. Представление начиналось немедленно; ответственность за него лежала на мистере Кодлине, который решал самолично, оттянуть или ускорить окончательную победу героя над врагом рода человеческого, в зависимости от того, какой предполагался денежный урожай — обильный или скудный. Когда же он бывал собран до последнего фартинга, мистер Кодлин снова взваливал свою ношу на спину, и они шли дальше.

Им приходилось показывать Панча за переход моста или вместо платы паромщику, а однажды они сделали привал у шлагбаума, так как сборщик, который скрашивал свою одинокую жизнь вином, не пожалел шиллинга и заказал представление для себя одного. В следующем небольшом, но многообещающем местечке все их надежды на большой сбор рухнули, потому что в одном из главных действующих лиц спектакля, щеголявшем в камзоле с золотыми брыжами и отличавшемся крайним тупоумием и назойливостью, местные власти усмотрели прямой выпад против церковного старосты и потребовали немедленного изгнания Панча. Но обычно кукольникам оказывали хороший прием, а проводы редко когда обходились без

того, чтобы толпы уличных ребятишек не бежали с криками за ними по пятам.

Несмотря на такие задержки, за день они проделали немало миль, и луна, показавшаяся в небе, застала их все еще в пути. Шиш коротал время песнями и шутками, умея находить приятную сторону во всем, что бы с ними ни случалось, мистер же Кодлин проклинал свою судьбу, а заодно и всю пустопорожнюю дребедень на свете (в особенности Панча), и ковылял по дороге с райком на спине, терзаясь своими горькими мыслями.

На отдых расположились под дорожным столбом у перекрестка, и мизантропический мистер Кодлин опустил занавес на райке, залез в него и уселся там на самое дно, выражая этим полное презрение к своим ближним, как вдруг с поворота дороги, по которой они только что шли, на них стали надвигаться две чудовищные тени. Девочка испугалась долговязых великанов, величественно выступавших под придорожными деревьями, но Коротыш успокоил ее и тут же исполнил туш на рожке, на который ему ответили веселыми криками.

— Грайндеровская братия? — громко осведомился он.

— Да! Да! — откликнулось сразу несколько голосов.

— Подходите,— сказал Коротыш.— Дайте на себя полюбоваться. Я так и думал, что это вы.

«Грайндеровская братия» поспешила на его зов и скоро поравнялась с ними.

Труппа мистера Грайндера, именуемая запросто «братией», состояла из юного джентльмена, юной леди на ходулях и самого мистера Грайндера, который пользовался в целях передвижения данными ему от природы ногами и тащил на спине барабан. Молодежь была одета в костюмы шотландских горцев, как во время выступлений перед публикой, но, поскольку к вечеру становилось прохладно и сыро, юный джентльмен набросил поверх шотландской юбочки матросскую куртку с чужого плеча, доходившую ему до щиколоток, а голову прикрыл шляпой с круглыми полями. Девица же куталась в старенький бурнус и была повязана носовым платком. Их шотландские шапочки, украшенные иссиня-черными перьями, мистер Грайндер нес на своем инструменте.

— На скачки направляетесь,— сказал мистер Грайндер, тяжело переводя дух.— Мы тоже. Здравствуй, Коротыш! — И они обменялись дружеским рукопожатием. Молодые люди, вознесшиеся слишком высоко для обычных приветствий, поздоровались с Коротышом по-своему. Юный джентльмен поднял правую ходулю и похлопал его по плечу, а юная леди тряхнула тамбурином.

— Упражняются? — спросил Коротыш, показывая на ходули.

— Нет,— ответил Грайндер.— Просто не хотят тащить их на себе. Им больше нравится вот так шагать, и окрест-

ности сверху лучше видно. Вы какой дорогой пойдете? Мы ближней.

— Мы, собственно говоря, шли самой дальней,—сказал Коротыш,— потому что думали остановиться на ночлег, до него не больше полутора миль. Но если выгадать сегодня две-три мили, на завтра меньше останется. Так что не отправиться ли нам вместе с вами?

— А где твой компаньон? — спросил Грайндер.

— Здесь он! — крикнул мистер Томас Кодлин, высунув голову на авансцену и скорчив такую физиономию, какую там не часто приходилось созерцать.— Здесь! И вот что он вам скажет: ему приятнее будет увидеть, как его компаньон заживо сварится в кипятке, чем тащиться дальше на ночь глядя.

— Ну, ну! Вспомни, где ты сидишь! Разве можно говорить такие вещи на театральных подмостках. Театр привык к шуткам и веселью! — укоризненным тоном сказал Коротыш.— Надо сообразжаться с обстоятельствами, Томми, даже если ты не в духе.

— В духе я или не в духе,— крикнул мистер Кодлин, ударяя ладонью по маленькой приступке, на которой Панч показывает восхищенной публике свои стройные ноги, когда вспоминает, до чего они у него хороши в шелковых чулках,— в духе я или не в духе, а больше чем на полторы мили меня сегодня не хватит. Ночевать буду только у «Трех весельчаков». Если хочешь, пойдем туда вместе. Если хочешь идти один, ступай один,— посмотрим, каково тебе придется без меня!

С этими словами мистер Кодлин ушел со сцены, в мгновение ока появился рядом с райком, взвалил его себе на плечи и с поразительной быстротой зашагал прочь.

Так как о продолжении спора не могло быть и речи, Коротышу пришлось расстаться с мистером Грайндером и его учениками и отправиться следом за своим брюзгливым компаньоном. Он постоял минуту у дорожного столба, глядя на проворно мелькавшие в лунном свете ходули и на мистера Грайндера, медленно тащившегося с барабаном позади них, потом протрубил им на прощанье и поспешил вдогонку за Томасом Кодлином. Дав свободную руку Нелл, он сказал ей, что идти осталось недолго, подбодрил старика и быстрым шагом повел их к ночлегу, достичь которого ему теперь хотелось и самому, так как луну затягивало тучами, а они грозили дождем.

ГЛАВА XVIII

«Три весельчака» был маленький, насчитывающий не один десяток лет, придорожный трактир с вывеской, которая со скрипом раскачивалась на шесте по другую сторону дороги и являла взорам прохожих троих молодцов, подкрепляющих свое весе-

лое расположение духа соответствующим количеством кружек с элем и мешков с золотым песком. Наши путники еще днем поняли, что до города, где должны были состояться скачки, уже недалеко, и мистер Кодлин начал опасаться, как бы у них не перехватили места в трактире, ибо им то и дело попадались по дороге цыганские таборы, фуры с палатками и всеми принадлежностями азартных игр и развлечений, странствующие комедианты всех родов, попрошайки и бродяги всех обличий, которые тянулись в одном и том же направлении. Тревога Томаса Кодлина росла по мере того, как расстояние между ним и «Тремя весельчаками» сокращалось, и он все ускорял шаг, а к порогу трактира подбежал крупной рысью, несмотря на тяжелый груз на спине. Но тут мистер Кодлин не замедлил убедиться, к своему величайшему удовольствию, что все его опасения были напрасны, так как хозяин трактира стоял, прислонившись к дверному косяку, и от нечего делать смотрел на дождь, припустивший к этому времени как следует, а за дверью не слышалось ни звона надтреснутого колокольчика, ни громких криков, ни многоголосого хора шумной компании.

— Никого? — спросил мистер Кодлин, опуская на землю свою ношу и вытирая лоб.

— Пока никого,— ответил трактирщик и посмотрел на небо.— Но к ночи народу наберется порядочно. Эй, кто-нибудь! Снесите раек в сарай. Входи, Том, входи, не стой на дожде. Как стало накрапывать, я сразу же велел растопить очаг пожарче. Вот увидишь, как полыхает.

Мистер Кодлин охотно проследовал за хозяином на кухню и вскоре увидел, что тот не зря похвалялся своей предусмотрительностью. Жаркий огонь пылал в очаге и рвался в трубу с веселым ревом, к которому самым приятным образом примешивалось клокотанье и бульканье, исходившее из большого чугунного котла. По стенам кухни лежали красновато-алые отсветы, и когда трактирщик помешал в очаге кочергой и из-под нее вымахнули и взвились кверху язычки пламени, когда он снял крышку с котла и оттуда понеслись соблазнительные запахи, когда бульканье стало еще громче и басистее, а благоуханный пар повалил клубами и восхитительной дымкой повис у них над головой,— когда трактирщик проделал все это, сердце мистера Кодлина дрогнуло. Он сел в угол возле очага и улыбнулся.

Мистер Кодлин сидел, улыбаясь, возле очага и не сводил глаз с трактирщика, который с лукавым видом держал крышку в руке, как будто это было на пользу кушанью, а на самом деле для того, чтобы аппетитный пар пощекотал ноздри гостю. Блики огня переливались на его лысине, играли в его весело прищуренных глазках, на его увлажнившихся губах и прыщеватой физиономии, на всей его приземистой круглой фигуре. Мистер Кодлин утер рот обшлагом и чуть слышно спросил:

— Что там?

— Тушеные рубцы,—ответил трактирщик, громко причмокнув,— с телячьими ножками,— чмок! — со свиной грудинкой,— еще раз чмок! — с говядиной,— в четвертый раз чмок! — Кроме того, там есть горошек, цветная капустка, молодая картошка и спаржица. И все тушится вместе, в одной подливке. Пальчики оближешь! — Дойдя до вершины своего повествования, трактирщик причмокнул губами несколько раз подряд, вдохнул всей грудью ароматы, носившиеся по кухне, и прикрыл котел крышкой с видом человека, закончившего свои труды на земном поприще.

— Когда будет готово? — расслабленным голосом спросил мистер Кодлин.

— Готово, так чтобы в самый раз, будет...— И трактирщик посмотрел на часы (а здесь даже часы пылали румянцем, проступавшим на их круглой белой мордочке, но только по таким часам и должны были проверять время «Три весельчака»).— Готово будет без двадцати двух минут одиннадцать.

— Тогда,— сказал мистер Кодлин,— подай мне пинту подогретого эля, и чтобы до ужина сюда ничего съестного — ни даже сухарика — не вносили!

Мотнув головой в знак одобрения столь решительного и мужественного плана действий, трактирщик пошел нацедить эля и через минуту вернулся с оловянной кружкой цилиндрической формы, специально приспособленной, чтобы совать ее в самый огонь или ставить на горячие угли — что и было тут же сделано. Когда кружка перешла в руки мистера Кодлина, на ней была молочно-белая шапка из пены, что является одной из самых приятных особенностей подогретого эля.

Смягчившись после вкушения этого освежающего напитка, мистер Кодлин вспомнил о своих спутниках и уведомил хозяина «Трех весельчаков» об их скором прибытии. Дождь по-прежнему стучал в окна и потоками низвергался на землю, и можете себе представить, в каком благодушном настроении был мистер Кодлин, если он несколько раз выразил надежду, что у его спутников хватит ума, чтобы не промокнуть!

Но вот они появились — жалкие, мокрые с головы до пят, хотя Коротыш, стараясь по мере сил уберечь девочку от дождя, прикрывал ее своим плащом и шел так быстро, что его спутники совсем запыхались. Как только на дороге послышались шаги, трактирщик, нетерпеливо поджидавший у двери, кинулся обратно на кухню и снял крышку с котла. Это произвело магическое действие. Они вошли, улыбаясь, несмотря на то, что с их одежды лились на пол струи воды, и Коротыш сразу же воскликнул: «Какой восхитительный запах!»

Не так уж трудно забыть о дожде и слякоти у веселого камелька в ярко освещенной комнате. Новым гостям дали мягкие туфли и кое-что из одежды вдобавок к тому, что не успело

промокнуть у них в узелках, и наконец все они, взяв пример с мистера Кодлина, уселись в теплом углу возле очага и вскоре забыли о своих недавних злоключениях, а если вспоминали о них, то лишь для того, чтобы еще больше оценить прелесть настоящей минуты. Разомлев в уюте и тепле и не в силах бороться с усталостью, Нелли и старик как только сели к очагу, так сразу и уснули.

— Кто они такие? — прошептал трактирщик.

Коротыш покачал головой и сказал, что он сам не прочь бы это узнать.

— И ты не знаешь? — спросил трактирщик, поворачиваясь к мистеру Кодлину.

— Нет,— ответил тот.— Но добра от них не жди.

— И худа не жди,— сказал Коротыш.— Верь моему слову. И знаешь что?.. Старик-то, видно, не в своем уме.

— Если у тебя нет новостей посвежее,— зарычал мистер Кодлин и взглянул на часы,— давай лучше думать об ужине. Нечего отвлекаться посторонними вещами.

— Да ты послушай, что тебе говорят! — осадил его Коротыш.— Такая жизнь для них, верно, в новинку. Что же, потвоему, эта красавица девочка привыкла бродить по дорогам, как они бродят последние три дня? Быть того не может!

— А кто же говорит, что она привыкла? — зарычал мистер Кодлин, снова взглянув на часы и потом на котел.—Ты бы лучше о чем другом побеседовал, а то несешь бог знает что, ни к селу ни к городу, и сам себе противоречишь.

— Хоть бы тебя накормили поскорей! — сказал Коротыш.— Ведь с тобой сладу нет, пока не поешь. Неужели ты не заметил, как старик торопится, все дальше и дальше его тянет? Неужели не заметил?

— Ну и что же из этого? — буркнул Томас Кодлин.

— А вот что! — сказал Коротыш.— Он дал тягу от своих родственников. Ты в это вникни! Дал тягу и подговорил девочку, которая в нем души не чает, бежать вместе с ним; а куда бежать — ему и самому невдомек. Нет! Я этого не потерплю!

— Он этого не потерпит!—вскипел мистер Кодлин и, снова бросив взгляд на часы, обеими руками вцепился себе в волосы, доведенный до исступления кто его знает чем — то ли словами своего компаньона, то ли медленной поступью времени.— Вот мука мученическая!

— Я этого не потерплю,— медленно и веско повторил Коротыш.— Я не допущу, чтобы такая славная девочка попала в дурные руки — к людям, с которыми ей так же пристало знаться, как им водить компанию с ангелами. Поэтому, когда старик задумает расстаться с нами, уж я не я буду, а задержу их обоих и верну родственникам. Они, наверно, залепили все стены в Лондоне объявлениями о своем безутешном горе.

— Коротыш! — Последние несколько минут мистер Кодлин сидел, опустив голову на руки, уперев локти в колени, и нетерпеливо раскачивался из стороны в сторону да еще время от времени притоптывал ногой по полу. Но теперь он встрепенулся и широко открыл глаза.— А ты, может статься, дело говоришь! Если действительно все так и есть и предвидится награда, не забудь, что мы с тобой во всем компаньоны.

Коротыш только успел подтвердить это бесспорное положение кивком головы, как девочка проснулась. Кукольники, сидевшие рядом во время предыдущего разговора, отскочили друг от друга в разные стороны и с безразличным видом завели речь о каких-то пустяках, но тут за дверью послышалось дробное топотанье, и в трактире появились новые гости.

На кухню одна за другой вбежали четыре весьма жалких собачонки, во главе с криволапым старым псом, самым унылым из всей компании. Когда последняя из его спутниц перескочила через порог, он поднялся на задние лапы и оглядел их, и они тоже поднялись на задние лапы, являя собой крайне грустное и даже мрачное зрелище. Собачонки эти отличались еще и тем, что на всех на них были цветные фраки, усыпанные потускневшими блестками, а одна щеголяла в шапочке, которая, несмотря на завязки, туго затянутые под мордой, съехала ей на нос и совершенно закрыла правый глаз. Добавьте к этому, что яркие фраки успели насквозь промокнуть и потемнеть от дождя и что обладатели их были забрызганы грязью,— и вы получите полное представление о новых, не совсем обычных постояльцах трактира «Три весельчака».

Однако ни Коротыш, ни трактирщик, ни Томас Кодлин не выразили никакого удивления при виде собак и только сказали, что это труппа Джерри,— стало быть, его тоже надо ждать с минуты на минуту. Собачонки терпеливо стояли в тех же позах, не сводя глаз с бурлящего котла и напряженно моргая, до тех пор пока не появился сам Джерри, при виде которого они сразу же опустились на все четыре лапы, как им и полагалось от природы, и стали расхаживать по кухне. Впрочем, надо признаться, что мало кто из них выиграл от этого, так как их собственные хвосты и хвосты фраков — вещи сами по себе великолепные — плохо вязались друг с другом.

Дрессировщик танцующих собак, Джерри, высокий детина с черными как смоль бакенбардами, в плисовом пиджаке, был, по-видимому, хорошо известен трактирщику и обоим кукольникам, так как они поздоровались с ним весьма сердечно. Джерри освободился от шарманки, опустив ее на стул, оставил при себе только коротенькую плетку для устрашения своей труппы комедиантов, потом сел к очагу, чтобы немного подсохнуть, и вступил в разговор.

— Разве твои всегда ходят в костюмах? — спросил Коротыш, показывая на разодетых собак.— Ведь это накладно.

— Нет,— ответил Джерри,— не всегда. Это они только сегодня. Мы дали небольшое представление по дороге, а к скачкам у нас готов новый гардероб, вот я и решил, что раздевать их не стоит,— зачем время тратить! Куш, Педро!

Приказание относилось к собаке в шапочке — видимо, новичку в труппе,— которая, не твердо зная, в чем состоят ее обязанности, тревожно поглядывала на хозяина своим единственным глазом и то и дело пыталась стать на задние лапы, когда в этом не было никакой надобности.

— А вот тут есть у меня одна зверушка,— сказал Джерри, засовывая руку в бездонный карман пиджака, в самый его угол, и шаря там будто в поисках маленького апельсина, яблока или какой-нибудь другой мелочи,— есть у меня одна зверушка, которая должна быть знакома тебе, Коротыш.

— Ну, ну! — воскликнул тот.— Покажи!

— Вот,— сказал Джерри, вытаскивая из кармана маленького терьера.— Не он ли у тебя Тоби играл?

В некоторых новейших вариантах драматического действа о Панче фигурирует маленькая собачка, которая считается собственностью мистера Панча и зовется неизменно Тоби. Этот Тоби в юности был украден у одного джентльмена и мошеннически продан доверчивому герою драмы, а тот, в простоте душевной, и не подозревает, что люди способны на такую подлость. Однако Тоби, храня светлое воспоминание о прежнем хозяине и не желая обзаводиться новыми покровителями, не только отказывается курить трубку, которую предлагает ему Панч, но подтверждает свою верность еще более решительным способом, а именно — хватает его за нос и с яростью треплет из стороны в сторону, вызывая у зрителей умиление столь ярким примером собачьей преданности. Такую роль и исполнял в кукольном театре вышеупомянутый маленький терьер, и если на этот счет могли быть какие-нибудь сомнения, то его образ действий разрешил их мгновенно, ибо он сразу признал Коротыша, а кроме того, так злобно залаял на плоский ящик, в котором, как ему было хорошо известно, скрывался картонный нос мистера Панча, что Джерри пришлось схватить его на руки и снова спрятать в карман, к великому облегчению всех присутствующих.

Но вот трактирщик стал накрывать на стол, и мистер Кодлин весьма любезно помог ему справиться с этим делом, положив собственную вилку и собственный нож на самое удобное место и усевшись за свой прибор. Когда все было готово, трактирщик в последний раз приоткрыл крышку, и по кухне распространились такие упоительные предвестия ужина, что, если бы он предложил закрыть котел или заикнулся бы об отсрочке трапезы, его несомненно предали бы закланию у принадлежащего ему очага.

Впрочем, трактирщик ничего такого не сделал, больше того — он помог дородной служанке переложить содержимое котла в большую миску, причем собаки, не боясь горячих брызг, попадавших им на носы, следили за этой процедурой с чрезвычайной серьезностью. Наконец миску поставили на стол, принесли кружки с элем, маленькая Нелл по собственному почину прочла молитву, и все приступили к трапезе.

Бедные собачки опять стояли на задних лапах, проявляя поразительную выносливость. Сжалившись над ними, девочка, хоть ей и очень хотелось есть, решила бросить каждой по куску, прежде чем самой приниматься за ужин, но Джерри остановил ее.

— Нет, милочка, нет! Они ни крошки не посмеют взять из чужих рук,— сказал он и добавил страшным голосом, показывая на старого вожака: — Вот этот пес потерял сегодня полпенса. Он останется без ужина.

Злосчастный старикан сразу же опустился на все четыре лапы, завилял хвостом и устремил умоляющий взор на своего хозяина.

— Нельзя быть таким растяпой, сударь,— продолжал Джерри, преспокойно подходя к стулу, на котором лежала шарманка, и опуская на ней рычажок.— Поди сюда! Ну-ка, изволь играть, пока мы ужинаем. И посмей только бросить!

Пес немедленно начал крутить ручку, исторгая из шарманки в высшей степени унылые звуки. Пригрозив ему плеткой, Джерри вернулся к столу, подозвал к себе остальных собак, и по его команде они вытянулись перед ним, точно солдаты.

— Ну-с, джентльмены! — сказал он, пристально глядя на них.— Слушай команду. Кого кликну, тот хватай. Другим вперед не соваться. Карло!

Счастливчик, услышавший свою кличку, поймал на лету брошенный ему кусок, но остальные не дрогнули ни одним мускулом. Кормежка продолжалась тем же порядком, по усмотрению хозяина. А опальный пес старательно крутил шарманку, то убыстряя, то замедляя темп, но не бросая ручки ни на секунду. Когда стук ножей и вилок усиливался или же кто-нибудь из его собратьев получал особенно большой и жирный кусок, шарманщик начинал подвывать в такт музыке. Однако, как только Джерри оглядывался, вой стихал, и пес с удвоенным усердием принимался играть все тот же сотый псалом Давида.

ГЛАВА XIX

Ужин еще не был закончен, когда в «Трех весельчаках» появились двое новых путников, которые прошагали под дождем не один час, стремясь к той же пристани, что и все, и теперь вошли на кухню, вымокшие до нитки. Один из них оказался владельцем великана и безрукой, безногой карлицы,

отправленных вперед в фургоне; другой — весьма молчаливый джентльмен — снискивал себе пропитание карточными и всякими другими фокусами, вследствие чего несколько подпортил себе физиономию, так как наряду с прочими своими талантами он потешал публику тем, что всовывал в глаза небольшие свинцовые бляшки и вынимал их потом изо рта. Первого из новоприбывших звали Ваффин; второго (должно быть, в виде дружеской шутки, из-за его уродства) — Турецкий Боб. Трактирщик засуетился, стараясь услужить им, и вскоре оба джентльмена почувствовали себя здесь совсем как дома.

— Ну, что твой великан? — спросил Коротыш мистера Ваффина, когда они всей компанией уселись с трубками у очага.

— Да что-то ноги у него фальшат,— ответил тот.— Я уж начинаю побаиваться, не осел бы он в коленях.

— Плохо дело,— сказал Коротыш.

— Хуже некуда! — вздохнул мистер Ваффин и уставился на огонь.— Великаны — это такая штука... ослабеют ногами, и публику на них не заманишь,— все равно что гнилую кочерыжку показывать.

— Куда же они деваются, когда дряхлеют? — снова спросил Коротыш после некоторого раздумья.

— Оставляем их в труппе прислуживать лилипутам,— ответил мистер Ваффин.

— А ведь это, наверно, бьет по карману, если держать таких, которые не работают! — воскликнул Коротыш, вопросительно глядя на своего собеседника.

— А лучше будет, если они определятся на пособие от прихода или начнут нищенствовать? — возразил ему мистер Ваффин.— Великаны — это такая штука... приглядится к ним народ, и кончено дело, публику на них уже не заманишь. Вот взять хотя бы деревянные ноги. Если бы с деревяшкой был только один человек на свете, какой бы из него номер получился!

— Ну еще бы! — дружно подхватили Коротыш и трактирщик.—Что верно, то верно!

— Ты попробуй,— продолжал мистер Ваффин,— попробуй объявить, что у тебя будут представлять Шекспира на деревянных ногах. И шести пенсов не соберешь, помяни мое слово!

— Не соберешь!—согласился Коротыш. И трактирщик поддержал его.

— Значит,— мистер Ваффин взмахнул трубкой в подтверждение своих слов,— значит, правильно мы делаем, что держим отставных великанов в труппе, где у них и жилье и харчи — все даровое до самой смерти. Да они большей частью охотно на это идут. Несколько лет назад был один великан негр. Ушел он из своей труппы и нанялся ходить по Лондону с расписанием дилижансов, намозолил всем глаза хуже метельщика. Ну и умер. Я ни на кого тени не набрасываю.— Мистер Ваффин

обвел всех присутствующих весьма выразительным взглядом.— Но он подрывал нам коммерцию... вот и умер.

Трактирщик охнул и посмотрел на хозяина танцующих собак, а тот кивнул и хмуро пробормотал, что он тоже помнит этот случай.

— Я знаю, Джерри! — чрезвычайно многозначительным тоном проговорил мистер Ваффин.— Знаю, что ты помнишь, Джерри, и вообще мнение тогда было таково, что поделом ему. Да взять хотя бы старика Мондерса, он двадцать три труппы держал. Я помню, как у него дома на Спа-Филдс, в зимнее время, после конца сезона, каждый день садились за стол восемь лилипутов и лилипуток, а прислуживали им восемь старых великанов в зеленых камзолах, красных штанах, синих нитяных чулках и полусапожках. Один лилипут стал злобный на старости лет, и чуть только великан не угодит ему чем-нибудь, он — раз его булавкой! Да все в икры метил, потому что выше дотянуться не мог. Честное слово! Мондерс мне сам рассказывал.

— А куда деваются лилипуты на старости лет? — поинтересовался трактирщик.

— Лилипут чем старее, тем ему цена больше,— ответил мистер Ваффин.— Если он седой да сморщенный, значит, уж наверняка никакой подделки. А великан, у которого ноги фальшат, так что он даже не может вытянуться во весь рост,— эдакому место только в фургоне. Не вздумайте его публике показывать! Боже вас упаси! Ни на какие уговоры не поддавайтесь!

Пока мистер Ваффин и оба его приятели покуривали трубочки и коротали время за такими разговорами, молчаливый джентльмен, сидевший в теплом уголке, глотал для практики,— а может быть, только делал вид, что глотает,— полупенсовые монеты в общей сумме на шесть пенсов, жонглировал перышком на носу и репетировал многие другие чудеса ловкости, будто не замечая своих соседей, и те тоже не обращали на него ни малейшего внимания. Измученная девочка в конце концов уговорила деда пойти отдохнуть, и они поднялись наверх, оставив честную компанию беседовать у очага, на почтительном расстоянии от которого крепко спали собаки.

Пожелав старику спокойной ночи, Нелл ушла к себе в комнату, но не успела она затвориться там, как в дверь к ней кто-то тихо постучал. Она сразу же отворила ее и вздрогнула при виде мистера Томаса Кодлина, который всего лишь несколько минут назад мирно дремал на кухне.

— Что случилось? — спросила Нелл.

— Ничего не случилось, милочка,— ответил нежданный гость.— Я тебе друг. Ты, может, этого и не думала, но друг-то я, а не он.

— Не он? Про кого это вы? — удивилась Нелл.

— Про Коротыша, милая. Ты так и знай,— продолжал Кодлин.— Он хоть и обходительный и тебе, наверно, этим нравится, зато я добрее, душевнее. С виду я, может, кажусь другим, но это не так.

Девочка встревожилась, решив, что мистер Кодлин расхвастался под воздействием эля, ударившего ему в голову.

— Коротыш малый неплохой и будто добрый,— снова заговорил наш мизантроп.— Только он уж слишком выставляет свою доброту напоказ. А за мной этого не водится.

Что верно, то верно! Если в поведении мистера Кодлина и замечались какие-либо изъяны, то его можно было упрекнуть именно в том, что он прячет свои добрые чувства к окружающим, а не выставляет их напоказ. Девочка совсем растерялась и не знала, как ему ответить.

— Послушай моего совета,— продолжал Кодлин.— Но только ни о чем не расспрашивай. Пока вы с нами, держись ко мне как можно ближе. Не предлагай деду отстать от нас — ни в коем случае! Держись ближе ко мне и говори, что я ваш друг. Запомнишь, милочка? Скажешь, что другом-то всегда был я?

— Когда же это говорить? И кому? — простодушно спросила Нелл.

— Да, собственно, никому,— ответил Кодлин, видимо, смешавшись.— Мне просто хочется, чтобы ты сама это знала и ценила меня по заслугам. Ты даже представить себе не можешь, как я вами интересуюсь. Вот взяла бы да и рассказала мне все — и про себя, и про бедного старичка. Если надо советом помочь, лучше меня этого никто не сделает. А уж я вами так интересуюсь, так интересуюсь, куда больше, чем Коротыш... Там внизу будто расходятся... Ты Коротышу не рассказывай, о чем мы говорили. Ну, господь с тобой! Помни, кто вам друг: Кодлин — друг, а не Коротыш. Коротыш малый неплохой, но истинный друг — Кодлин, не Коротыш!

Произнеся эту речь, подкрепленную выразительными взглядами и пылкой жестикуляцией, Томас Кодлин удалился на цыпочках. Нелл в полной растерянности все еще раздумывала над его странным поведением, когда ступени и площадка ветхой лестницы заскрипели под ногами постояльцев, поднимавшихся наверх. Но вот их шаги стихли, все разошлись спать, и вдруг кто-то один вернулся назад, нерешительно потоптался в коридоре, точно не зная, в какую дверь постучать, и постучался к Нелл.

— Да! — откликнулась девочка.

— Это я, Коротыш,— послышался голос сквозь замочную скважину.— Я только хочу сказать, милочка, что завтра надо выйти пораньше. Если мы не обгоним этих собак и фокусника, в деревнях ни пенни не соберешь. Вы с нами пойдете? Я утром постучу тебе.

Девочка ответила утвердительно, обменялась с ним пожеланием «спокойной ночи» и тут же услышала, как он крадучись отошел от двери. Заботливость этих людей внушала ей чувство тревоги, и тревога усилилась, когда она вспомнила их перешептыванье на кухне и явное замешательство при ее пробуждении. А кроме того, разве кукольники такие уж подходящие спутники для них? Но все эти беспокойные мысли были ничто по сравнению с ее усталостью, и она вскоре забылась сном.

На следующее утро Коротыш, верный своему слову, чуть свет тихонько постучал к ней в дверь с просьбой поторопиться, так как хозяин собак все еще храпит, а значит, если не терять времени, можно будет опередить и его и фокусника, который разговаривает во сне и, судя по его бормотанью, жонглирует ослом в своих сновидениях. Девочка сразу же встала, разбудила старика, и они собрались в путь, ни на минуту не задержав Коротыша, к неописуемому облегчению и восторгу этого джентльмена.

Покончив со скромным завтраком, собранным наспех и состоявшим в основном из грудинки, хлеба и пива, наши путешественники простились с трактирщиком и вышли за порог «Трех весельчаков». Утро стояло ясное, теплое, земля под ногами хранила прохладу после вчерашнего дождя, живые изгороди повеселели и стали еще ярче, в чистом воздухе чувствовалась целительная свежесть. Идти в такое утро было легко и приятно.

Едва трактир остался позади, как девочку снова стало смущать странное поведение мистера Томаса Кодлина, который, вместо того чтобы с хмурым видом плестись в стороне от всех, держался сегодня рядом с ней и, пользуясь каждой минутой, когда его компаньон не смотрел на них, убеждал ее гримасами и кивками не доверять Коротышу, а полагаться только на Кодлина. Но, очевидно, этих знаков внимания ему было мало, ибо, когда она и дед шли рядом с вышеупомянутым Коротышом и маленький балагур, верный себе, без умолку болтал о всякой всячине, Томас Кодлин выражал свою ревность и подозрительность тем, что тащился за ней по пятам и время от времени пребольно тыкал ее в икры ножками ширм.

Все это, разумеется, настораживало Нелл, опасения ее росли; к тому же вскоре она заметила, что, когда Панч останавливался у деревенских пивных или в каком-нибудь другом месте, мистер Кодлин, исполняя свои обязанности во время представления, ухитрялся следить за ней и за ее дедом, а потом с подчеркнутой заботливостью, с дружеским участием предлагал старику руку и не отпускал его от себя до тех пор, пока они не выходили на дорогу. Коротыш тоже стал какой-то другой, и хотя добродушие не изменяло ему, он явно старался все время держать их под своим наблюдением. Недоверие девочки к попутчикам увеличивалось с минуты на минуту, и она тревожилась и волновалась все больше и больше.

До города, где на другой день должны были начаться скачки, им, видимо, оставалось пройти всего несколько миль, так как, повстречав на своем пути немало цыганских таборов и отдельных пешеходов, сворачивавших на дорогу со всех тропинок и проселков, они мало-помалу влились в общий поток людей, которые шли возле крытых фургонов, или гнали впереди себя лошадей и ослов, или сгибались под тяжелыми ношами, все держа путь к одной и той же цели. Тихие, безлюдные трактиры остались далеко позади; в здешних было шумно, из их открытых дверей валили наружу клубы табачного дыма, а за мутными стеклами виднелись чьи-то широкие багровые физиономии. На каждой луговине, на каждом пустыре уже усердствовали балаганщики, зычными голосами зазывавшие прохожих попытать счастья в игре. Толпа все прибывала и становилась все шумнее. Позолоченные имбирные пряники красовались под навесами из одеял, не боясь пыли, а кареты четверкой, то и дело с грохотом проносившиеся мимо, слепили все и вся тучами песка, которые вздымали их колеса.

Когда путники дошли наконец до города, уже стемнело. И какими же длинными показались им эти последние несколько миль! Здесь царила невообразимая сутолока и шум; по улицам двигались толпы людей; среди них было много приезжих, судя по тому, с каким интересом они озирались по сторонам; колокола вели свой оглушительный перезвон; на крышах и в окнах — всюду развевались флаги. Во дворах больших гостиниц, сталкиваясь друг с другом на бегу, сновали слуги, по неровному булыжнику цокали подковами лошади, с грохотом опускались подножки карет, и удушливый чад, тяжелой теплой волной лившийся из кухонь, раздражал обоняние. В трактирах поскромнее пиликали напропалую скрипки, подыгрывая заплетающимся ногам танцоров; пьянчуги, не сообразуясь с мелодией, подвывали им дикими голосами, заглушая треньканье слабенького колокольчика, и сами же сердились, что им так долго не подают пива; зеваки кучками толпились у дверей, глазея на бродячую плясунью, и их крики примешивались к визгу флажолета и оглушительному грохоту барабана.

Сквозь этот кромешный ад, где ее все пугало и отталкивало, девочка вела ошеломленного старика, а другой рукой крепко держалась за Коротыша, чтобы не потерять его в толпе и не остаться без провожатого. Стараясь поскорее выбраться из этой сутолоки и суматохи, они все прибавляли шагу и наконец вышли к ипподрому, который отстоял на добрую милю от городских окраин и был расположен на открытой со всех сторон возвышенности.

Несмотря на то, что здесь было множество людей, не блиставших ни красотой, ни нарядами, и все они суетились, разбивая палатки, вгоняя колышки в землю, бегали взад и вперед по пыли и переругивались между собой; несмотря на то,

что здесь было множество ребятишек, которые, наплакавшись вволю, спали на охапках соломы под фургонами, и множество заморенных, тощих ослов и лошадей, щипавших траву тут же среди людских толп, среди домашнего скарба, разгоравшихся костров и оплывавших на ветру огарков,— несмотря на все это, девочка обрадовалась, что город остался позади, и вздохнула свободнее. После скудного ужина, сократившего ее сбережения до нескольких пенсов, которых могло хватить только еще на один завтрак, они с дедом легли в углу палатки и заснули, хотя кругом них всю ночь шли спешные приготовления к следующему дню.

Итак, настало время, когда им придется просить милостыню. После восхода солнца Нелл незаметно выскользнула из палатки, вышла на луг, тут же неподалеку, и стала собирать шиповник и другие столь же скромные цветы, с тем чтобы связать их в маленькие букетики для продажи нарядным леди, которые в каретах съедутся на скачки. За этим занятием мысль ее работала неустанно; вернувшись в палатку, она села рядом со стариком и занялась цветами, потом посмотрела украдкой на кукольников, спавших в другом углу, потянула деда за рукав и сказала ему шепотом:

— Дедушка, не смотри на них и притворись, будто мы говорим с тобой вот об этих цветах. Помнишь, ты мне сказал перед уходом из дому, что, если кто-нибудь узнает о нашем побеге, тебя примут за сумасшедшего и разлучат со мной?

Старик повернулся к ней с выражением безграничного ужаса на лице, но она остановила его взглядом, сунула ему в руки цветы и, нагнув голову, будто связывая букет, зашептала:

— Я помню твои слова. Не надо их повторять. Я все помню. Да разве это можно забыть? Дедушка, эти люди думают, будто мы убежали от родных, и хотят пойти с нами к кому-то, кто отправит нас обратно. Если у тебя будут так дрожать руки, тогда все пропало. Ты только успокойся, и мы как-нибудь уйдем от них.

— Но как? — прошептал старик.— Нелли, голубка моя, как? Меня бросят в холодный, темный подвал, Нелл, прикуют на цепь к стене, будут бить плетьми! И я тебя никогда больше не увижу!

— Вот ты опять дрожишь,— сказала девочка.— Будь все время рядом со мной. Не обращай на них внимания, не смотри на них, смотри только на меня. Я улучу минутку, когда можно будет бежать. И тогда иди за мной, не останавливайся, не отвечай им. Тс-с! Довольно!

— Что ты там делаешь, милочка? — громко зевая, спросил мистер Кодлин, потом приподнял голову, увидел, что его компаньон крепко спит, и добавил громким шепотом: — Ваш друг — Томас Кодлин! Помни! Не Коротыш, а Кодлин!

— Я вяжу букеты,— ответила девочка.— Хочу попробовать,

может, за эти три дня удастся продать их на скачках. Вот, возьмите один — в подарок, конечно!

Мистер Кодлин собрался было встать, но Нелли предупредила его и сама подала ему цветы. Он воткнул букетик в петлицу с поразительным для такого мизантропа благодушием, победоносно скосил глаза на мирно почивающего Коротыша и пробормотал, снова укладываясь:

— Вот кто друг-то — Кодлин! Кодлин, черт побери!

По мере того как близился полдень, палатки становились все пестрее и наряднее, а на широкую луговину, мягко шурша колесами, начали выезжать длинные вереницы карет. Люди, не снимавшие всю ночь холщовых блуз и кожаных гамаш, надели теперь атласные куртки, шляпы с перьями, пышные ливреи или добротное платье, превратившись соответственно кто в клоунов и жонглеров, кто в учтивых слуг при балаганах, кто в простачков фермеров, толпившихся для приманки там, где велись запрещенные азартные игры. Черноглазые цыганки в цветастых платках выискивали желающих погадать; тощие женщины с бледными, чахоточными лицами, стоя у палаток чревовещателей и фокусников и жадно поглядывая по сторонам, мысленно подсчитывали выручку задолго до того, как монеты попадали к ним в руки. Ребятишек, с которыми удалось справиться, убрали с глаз долой и вместе со всем, что изобличало убожество и нищету, запрятали среди повозок, лошадей и ослов; остальные же, пробравшись в самую гущу толпы, шныряли под ногами у людей, между колесами экипажей и выскакивали невредимыми из-под лошадиных копыт. Танцующие собаки, ходули, карлица и великан и много других диковин — не говоря уже о несметном количестве шарманок и бесчисленных оркестрах — все вылезли из углов и щелей, где они ютились ночью, и теперь действовали кто во что горазд.

Коротыш вел своих спутников по запруженной людьми и экипажами скаковой дорожке, трубя в медный рожок и балагуря писклявым голосом Панча, а Томас Кодлин шел за ним по пятам, как всегда с ширмами, и настороженно поглядывал на Нелли и ее деда, которые немного отставали от них. Девочка несла на руке маленькую корзинку с цветами и, останавливаясь у элегантных экипажей, застенчиво и скромно предлагала свои букетики. Но — увы! — здесь было столько попрошаек, более смелых, чем она, столько цыганок, суливших мужей, столько всяких других мастеров своего дела! И хотя некоторые леди, приветливо улыбаясь ей, отрицательно покачивали головой или восклицали, обращаясь к своим кавалерам: «Посмотрите, какое хорошенькое личико!» — никто из них не задерживался взглядом на этом хорошеньком личике и никто не замечал, какое оно усталое и как оно осунулось от голода.

Но нашлась одна леди, которая, по-видимому, поняла Нелли. Она сидела в красивой карете, а два молодых щеголя,

только что вышедших из этой кареты, болтали и громко смеялись, словно забыв о своей спутнице. Вокруг было много других дам, однако они отворачивались от той и смотрели куда угодно — по сторонам или на молодых щеголей (на них — отнюдь не пренебрежительно),— только не на нее. А она отмахнулась от навязчивой цыганки, сказав, что ее судьба давно ей известна, Нелли же подозвала к себе, взяла цветы, положила несколько монет в протянутую к ней дрожащую руку и воскликнула: «Иди домой, заклинаю тебя! Твое место не здесь, а дома!»

Кукольники и Нелли с дедом без конца бродили вдоль длинной вереницы карет, видя все, кроме лошадей и самих скачек, и каждый раз при звуке колокола, повелевавшего освободить скаковой круг, садились отдохнуть среди ослов и повозок и выходили снова только после очередного заезда. Панч раз за разом представал перед толпой во всем блеске своего остроумия, но Томас Кодлин все это время не спускал глаз со своих попутчиков, и убежать незамеченными они не могли.

Наконец, уже совсем к вечеру, мистер Кодлин выбрал еще одно подходящее местечко — и вскоре представление было в самом разгаре. Девочка сидела вместе со стариком позади ширм и думала: «Странно! Почему это лошади, такие красивые, благородные существа, притягивают к себе всякий сброд?» — как вдруг громкий хохот, вызванный экспромтом Коротыша, имевшим прямое отношение к событиям этого дня, заставил ее очнуться от раздумья и оглядеться по сторонам.

Если уходить тайком, минута сейчас самая подходящая. Коротыш орудовал дубинкой и в пылу драки швырял своих героев по всей сцене, зрители со смехом следили за этой потасовкой, и даже лицо мистера Кодлина смягчилось мрачной улыбкой, когда его блуждающий взгляд скользнул по рукам, украдкой полезшим в жилетные карманы за шестипенсовыми монетами. Если уходить тайком, минута сейчас самая подходящая. Старик и девочка воспользовались ею и побежали.

Они пробирались между балаганами, экипажами и сквозь толпы людей, не останавливаясь, не оглядываясь назад. Зазвонил колокол. И когда до каната оставалось лишь несколько шагов, скаковой круг опустел. Но они нарушили его священную границу, словно не слыша свиста и криков, несшихся им вдогонку, крадучись обогнули крутой склон холма и побежали прямо в открытое поле.

ГЛАВА XX

Каждый день, возвращаясь домой после очередной попытки найти работу, Кит поднимал глаза на окно верхней комнаты,— той самой, которая предназначалась Нелли,— в надежде увидеть там какие-нибудь знаки ее присутствия. Собственное го-

рячее желание и слова Квилпа поддерживали в нем веру, что девочка все-таки придет под их скромный кров, и надежда, угасавшая в нем к вечеру, каждое утро возрождалась снова.

— Уж завтра-то они непременно придут, а, мама? — со вздохом сказал однажды Кит, усталым движением снимая шляпу.— Неделя как их нет. Не могут же они быть в отлучке больше недели!

Миссис Набблс покачала головой и напомнила сыну, что ему уже не в первый раз приходится испытывать разочарование.

— Да,— согласился Кит,— ты, мама, всегда правильно говоришь. Но, с другой стороны, побродили неделю, и хватит, этого вполне достаточно. Как ты думаешь?

— Достаточно, Кит, даже больше чем достаточно, а все-таки они могут и не вернуться.

Кит чуть было не рассердился на такой ответ, тем более что он ждал его и чувствовал, насколько мать права. Но порыв этот прошел мгновенно, и его сердитый взгляд снова смягчился, так и не дойдя по адресу.

— Что же с ними сталось, как по-твоему? Неужто в море ушли?

— Матросами — вряд ли,— с улыбкой сказала миссис Набблс.— А не скрылись ли они в какую-нибудь другую страну, вот что мне думается.

— Мама! — воскликнул Кит, и лицо у него вытянулось.— Ну, зачем ты это говоришь!

— Боюсь, что так оно и есть,— сказала она.— И соседи так думают, а некоторые даже уверяют, будто их видали на корабле, и даже называют место, куда они уехали, но я, сынок, этого названия не выговорю, и не жди.

— Не верю! — воскликнул Кит.— Ни одному слову не верю! Болтают, сами не знают что! Делать им больше нечего!

— Может, и зря болтают, кто их разберет,— сказала миссис Набблс.— А может, это и правда, потому что ходят слухи, будто у старика были припрятаны кое-какие деньги и будто никто об этом не знал, даже тот — карлик... ну, страшилище, о котором ты мне рассказывал... как его, Квилп, что ли? Вот соседи и поговаривают, что старик и мисс Нелл уехали в другую страну, где деньги у них никто не отнимет и где им можно будет жить спокойно. Что ж, разве это не похоже на правду?

Кит грустно почесал в затылке, нехотя соглашаясь с матерью, потом дотянулся до гвоздя и снял с него клетку, решив почистить ее и насыпать корму птице. За этим занятием он вдруг вспомнил про старичка, который дал ему шиллинг, и спохватился, что сегодня — именно сегодня и чуть не в этот самый час — старичок будет ждать его у дома нотариуса. Вспомнив все это, Кит мигом повесил клетку на гвоздь, в двух сло-

вах объяснил матери, в чем дело, и со всех ног бросился к назначенному месту.

Он прибежал туда с опозданием минуты на две, так как контора мистера Уизердена была довольно далеко от их дома, но, к счастью, старичок еще не приезжал; во всяком случае, фаэтона нигде не было видно, а приехать и уехать за это время они, конечно, не могли. Убедившись с чувством огромного облегчения, что еще не поздно, Кит прислонился к фонарному столбу, чтобы перевести дух, и стал ждать пони и его седоков.

И действительно, не прошло и нескольких минут, как все тот же упрямый пони (а судя по его виду, он был упрямец из упрямцев) на легкой рыси появился из-за угла, не утруждая себя излишней спешкой и выбирая дорогу где почище, чтобы, упаси боже, не запачкать копыт. Позади пони сидел маленький старичок, а рядом с маленьким старичком сидела маленькая старушка с точно таким же букетом, как и в прошлый раз.

Старичок, старушка, фаэтон и пони в полном согласии следовали своим путем, но за несколько домов до конторы нотариуса пони, введенный в заблуждение медной дощечкой, прибитой под молотком на двери портного, вдруг остановился и замер на месте, тем самым давая понять, что это именно тот дом, который им нужен.

— Ну, сударь, вы будете любезны везти нас дальше или нет? Нам не сюда,— сказал старичок.

Пони устремил внимательный взгляд налево и погрузился в созерцание пожарного крана.

— О господи! Какой он неслух, этот Вьюнок! — воскликнула старушка.— Так хорошо себя вел, хорошо бежал, и вдруг нате! Мне стыдно за него! Что с ним делать, просто ума не приложу!

Досконально изучив устройство пожарного крана, пони посмотрел куда-то вверх, в поисках своих исконных врагов — мух, и так как одна из них как раз в эту минуту пощекотала ему ухо, он дернул головой, махнул хвостом и вслед за этим погрузился в тихую, солидную задумчивость. Старичок, исчерпавший все доступные ему средства убеждения, вылез из фаэтона и хотел взять пони под уздцы, но пони, вероятно, счел такую уступку со стороны хозяина вполне достаточной, или же углядел вдали медную дощечку нотариуса, или же решил действовать назло — кто его знает. Во всяком случае, он ринулся вперед, увозя старушку, и остановился там, где и следовало, предоставив старичку догонять его, задыхаясь, на своих на двоих.

Вот тут-то Кит и возник рядом с пони и, улыбаясь, поднес руку к шляпе.

— Господи помилуй! — воскликнул старичок.— Мальчик все-таки пришел! Вы видите, голубушка?

— Я же сказал, что приду,— ответил Кит, поглаживая Вьюнка по шее.— Надеюсь, вы приятно проехались, сэр? У вас такой хороший пони.

— Голубушка! — сказал старичок.— Это какой-то необыкновенный мальчик! Я уверен, что он прекрасный мальчик!

— Я тоже в этом уверена,— подхватила старушка.— Прекрасный мальчик и, должно быть, такой же прекрасный сын.

Выслушав эти слова, в которых было столько доверия к нему, Кит снова поднес руку к шляпе и густо покраснел. Старичок помог старушке вылезти из фаэтона, оба они посмотрели на Кита с одобрительной улыбкой и проследовали в дом, переговариваясь на ходу, причем Кит не мог не догадаться, что разговор идет о нем. Вскоре после этого мистер Уизерден подошел к окну и посмотрел на Кита, усиленно нюхая букет, потом к окну подошел мистер Авель и посмотрел на него, потом то же самое сделали старичок со старушкой, потом они подошли к окну все вместе и все вместе посмотрели на него еще раз, а Кит, крайне смущенный этим, притворялся, будто ничего не замечает, и все поглаживал и поглаживал пони, который весьма благосклонно разрешал ему такую вольность в обращении с собой.

Не успели их лица исчезнуть, как на тротуаре — в полном служебном облачении и в шляпе, по-видимому, слетевшей ему на голову прямо с вешалки,— появился мистер Чакстер. Этот джентльмен передал Киту приглашение зайти в контору и посоветовал ему отправиться туда немедленно, а за фаэтоном, дескать, присмотрит он сам. Мистер Чакстер счел нужным добавить к этому, что вот разрази его гром, но ему невдомек, что́ он (Кит) за птица — то ли «больно прост», то ли «больно востер», и недоверчиво покрутил головой в знак того, что склоняется к последнему предположению.

Кит вошел в контору с трепетом, так как он не привык иметь дело с незнакомыми леди и джентльменами, а железные ящики и груды пыльных бумаг показались ему такими внушительными, такими грозными! Да и сам мистер Уизерден был очень уж суетливый и говорил быстро и громко, и все смотрели на Кита, а Кит стеснялся своей плохонькой одежонки.

— Ну-с, мальчик,— сказал мистер Уизерден,— ты пришел отработать шиллинг и не рассчитываешь, что тебе дадут еще один, а?

— Нет, что вы, сэр! — ответил Кит и, набравшись храбрости, поднял на него глаза.— У меня этого и в мыслях не было.

— Отец жив? — спросил нотариус.

— Умер, сэр.

— Мать?

— Есть, сэр.

— Вышла за другого, а?

Его мать — вдова с тремя детьми, ответил Кит не без негодования, а что касается второго замужества, то если бы джентльмен знал ее, ему бы это и в голову не пришло.

Получив такой ответ, мистер Уизерден снова зарылся носом в букет и шепнул оттуда старичку, что, по его мнению, более честного мальчика и быть не может.

— Ну, так вот,— сказал мистер Гарленд, когда и дальнейшие расспросы были закончены.— Сегодня ты от меня ничего не получишь...

— Благодарю вас, сэр! — воскликнул Кит — и вполне искренне, так как это снимало с него обвинение, заключавшееся в словах мистера Уизердена.

— Но,— продолжал старичок,— может быть, мне захочется разузнать о тебе поподробнее,— ты скажи мне свой адрес, а я его занесу в записную книжку.

Кит сказал, и старичок тут же застрочил карандашом. Только он успел кончить, как на улице раздались крики, шум, и старушка, подбежав к окну, объявила, что Вьюнок удрал. Кит тут же ринулся вон из конторы, а остальные поспешили за ним.

По-видимому, дело сложилось следующим образом: мистер Чакстер стоял, засунув руки в карманы, небрежно поглядывая на пони, и время от времени ронял такие восклицания, как «стой!», «смирно!», «тпру!» и тому подобное, чего, конечно, ни один норовистый пони снести не может. Поэтому Вьюнок, чувствуя, что его ничто не сдерживает — ни долг, ни необходимость послушания, ни строгий человеческий взгляд,— неожиданно взял с места и в данную минуту с грохотом мчался по улице, тогда как мистер Чакстер, с обнаженной головой и с пером за ухом, к неописуемому восторгу прохожих, бежал вплотную за фаэтоном, силясь оттащить его назад. Вьюнок даже в побеге ухитрился выказать свой скверный характер: не добежав до угла, он вдруг остановился и почти так же стремительно начал пятиться задом. Мистер Чакстер был самым постыдным образом снова оттеснен к конторе и прибыл туда в полном смятении и совершенно выбившись из сил.

Но вот старушка села в фаэтон, мистер Авель, за которым они приехали, устроился сзади. Старичок прочитал пони нотацию о непозволительности его поступка, принес всяческие извинения мистеру Чакстеру, занял свое место, и они уехали, помахав на прощанье нотариусу и его конторщику и ласково кивнув Киту, который провожал их глазами, стоя посреди улицы.

ГЛАВА XXI

Кит пошел своей дорогой и вскоре забыл и пони, и фаэтон, и маленькую старушку, и маленького старичка, а в придачу к ним и маленького молодого джентльмена и начал снова

гадать, что же сталось с хозяином и милой его сердцу хозяйской внучкой, так как мысли о них не давали ему покоя. Не переставая подыскивать в уме хоть сколько-нибудь правдоподобное объяснение их отлучке и убеждая себя, что они скоро вернутся, он решил пойти домой, кончить дело, прерванное в ту минуту, когда ему вспомнился уговор со старичком, а потом снова отправиться на поиски работы.

Кит завернул во двор, где стоял их дом, и вдруг — что за чудо! — пони. Да, это был тот самый пони, только он казался еще упрямее, а в фаэтоне, наблюдая за каждым движением норовистого конька, сидел один мистер Авель. Он заметил проходившего мимо Кита и изо всех сил закивал ему, не щадя собственной головы.

Кит удивился, увидев пони, да еще возле своего дома, и не мог взять в толк, почему он очутился здесь и куда девались его седоки. Это стало ясно ему лишь тогда, когда, подняв щеколду на двери и войдя в комнату, он увидел маленькую старушку и маленького старичка, беседующих с матерью, что привело его в некоторое замешательство, но не помешало сорвать с головы шляпу и отвесить им учтивый поклон.

— Как видишь, Кристофер, мы поспели сюда раньше тебя,— с улыбкой сказал мистер Гарленд.

— Да, сэр,— сказал Кит и посмотрел на мать: не объяснит ли она ему цели их посещения.

— Этот джентльмен, сынок,— заговорила миссис Набблс в ответ на молчаливый вопрос Кита,— был так любезен, что поинтересовался, хорошее ли у тебя место или, может, ты совсем без места, а когда я ответила ему — да, без места, он был так добр, что сказал...

— ...что нам нужен в услужение хороший мальчик,— в один голос перебили ее маленький старичок и маленькая старушка.— И что, может быть, мы о тебе подумаем, если наши ожидания оправдаются.

Поскольку думать они могли только о том, взять ли в услужение Кита или нет, волнение матери передалось и сыну, и он немедленно всполошился, так как старички, отличавшиеся крайней методичностью и осмотрительностью, задавали такое количество вопросов, что под конец у него почти не осталось надежд на успех.

— Вы, матушка, сами понимаете, в таких делах надо все рассчитать и взвесить,— говорила миссис Гарленд матери Кита.— Наша семья состоит из трех человек, люди мы тихие, любим во всем порядок, и нам было бы очень неприятно обмануться в своих надеждах.

Но мать Кита поспешила заверить их, что, по ее мнению, это совершенно правильно и совершенно верно, и только так и надо поступать, и — боже ее упаси! — она не боится расспросов ни о себе, ни о сыне — ведь он клад, а не сын, хоть матери

и не годится так говорить. Но именно как мать она может и она должна засвидетельствовать, что он весь в отца, а тот был не только хорошим сыном, но и лучшим из мужей и лучшим из отцов, и Кит тоже может это подтвердить, а Джейкоб с малышом подтвердили бы, если б были немного постарше, да вот жалко, они несмышленыши, хотя почему жалко? — им же лучше, бедняжкам, не сознают, кого потеряли. И в заключение своей речи мать Кита утерла слезы передником и погладила по головке маленького Джейкоба, который укачивал малыша и в испуге таращил глазенки на незнакомую леди и незнакомого джентльмена.

Когда мать Кита умолкла, старушка сказала, что так может говорить только женщина вполне порядочная и почтенная и что вид детишек, а также чистота комнаты заслуживают всяческого одобрения и похвалы, после чего мать Кита сделала книксен и успокоилась, а потом пустилась в подробное описание жизни Кита с младенчества и по сей день, не забыв упомянуть о том, как он, совсем в нежном возрасте, совершенно непостижимым образом вывалился из окна задней комнаты, и о невыносимых его муках во время кори, и тут же, весьма искусно подражая жалобному голосу страдальца, изобразила, как он денно и нощно просил воды и гренков и утешал ее: «Не плачь, мама, я скоро поправлюсь». В подтверждение своих слов она сослалась на миссис Грин, проживающую за углом у сыровара, и на нескольких других леди и джентльменов в различных частях Англии и Уэльса (поскольку вышеизложенные события происходили у всех у них на глазах), причем не забыла и некоего мистера Брауна, который, как говорят, служит теперь в Индии капралом,— а значит, его можно разыскать без особого труда. Когда и этот рассказ был окончен, мистер Гарленд задал Киту кое-какие вопросы, касающиеся его хозяйственного опыта и общих знаний, а миссис Гарленд занялась детьми и, ознакомившись со слов матери Кита с некоторыми удивительными обстоятельствами, которые сопутствовали появлению на свет каждого из них, рассказала о некоторых удивительных обстоятельствах, которые сопутствовали появлению на свет ее собственного чада, мистера Авеля, после чего выяснилось, что и мать Кита, и она сама подвергались в то время такой опасности и такому риску, каких не знала ни одна другая женщина, независимо от возраста и общественного положения. Наконец речь зашла о гардеробе Кита, и после того как на пополнение и освежение его была выдана небольшая сумма, Киту официально сообщили, что он взят на службу к мистеру и миссис Гарленд из коттеджа «Авель» в Финчли с жалованьем в шесть фунтов в год, не считая квартиры и стола.

Трудно сказать, какая из сторон осталась более довольна этим соглашением, завершившимся растроганными взглядами и счастливыми улыбками всех участников. Было решено, что Кит

прибудет на свое новое местожительство послезавтра, с самого утра; вслед за тем старички подарили одну блестящую монету в полкроны Джейкобу, другую — малышу и удалились в сопровождении нового слуги, который подержал строптивого пони под уздцы, пока они усаживались в фаэтон, и потом с радостно бьющимся сердцем проводил глазами удаляющийся экипаж.

— Ну, мама,— сказал Кит, прибежав домой,— кажется, моя судьба решилась!

— И как решилась, Кит! — воскликнула его мать.— Шесть фунтов в год! Подумать только!

— Да-а! — протянул он, стараясь сохранить солидный вид, как того требовало мысленное созерцание такой суммы, и все же улыбаясь во весь рот.— Богатство!

Кит вздохнул, выговорив это слово, глубоко засунул руки в карманы, будто в каждом из них уже лежало по меньшей мере его годовое жалованье, и посмотрел на мать — вернее, сквозь нее — куда-то вдаль, где перед ним в бесконечной перспективе маячили новенькие золотые соверены.

— Даст бог, мама, по воскресеньям ты у нас будешь наряжаться не хуже знатной леди, а из Джейкоба мы сделаем заправского школяра, а малыш станет как наливное яблочко, и верхнюю комнату обставим так, что любо-дорого глядеть. Шесть фунтов в год!

— Кхе-кхе! — послышался чей-то скрипучий голос.— Это что за разговоры о шести фунтах? О каких шести фунтах? — И вслед за тем в комнате появился Дэниел Квилп, по пятам за которым шел Ричард Свивеллер.

— Кто сказал, что он будет получать шесть фунтов в год? — продолжал Квилп, озираясь по сторонам.— Старик сказал или маленькая Нелл сказала? И за что он будет получать шесть фунтов в год и где его хозяева, а?

Добрейшую миссис Набблс так напугало неожиданное появление этого страшилища, что она выхватила малыша из колыбели и отступила с ним в самый дальний угол комнаты, а Джейкоб, сидевший на табуретке со сложенными на коленях руками, в остолбенении вытаращил глаза на этого гостя и заревел во всю глотку. Ричард Свивеллер не торопясь оглядывал семейство Набблсов поверх головы мистера Квилпа, а сам Квилп стоял, засунув руки в карманы, и, судя по его улыбке, наслаждался всеобщим переполохом.

— Не бойтесь, хозяюшка,— сказал он, выждав несколько минут.— Ваш сын меня знает. Я не ем младенцев, они невкусные. А вот этого юного горлана советую вам утихомирить, не то он введет меня в искушение, и я причиню ему какую-нибудь неприятность. Ну, сударь! Замолчишь ты или нет?

Маленький Джейкоб мгновенно запрудил два ручейка, которые струились у него из глаз, и так и обмер от ужаса.

— Смотри, разбойник, посмей только пикнуть,— продолжал

Квилп, свирепо глядя на него.— Я тогда такую рожу скорчу, что тебя родимчик хватит. А ты, сударь? Почему ты не пришел ко мне, как обещал?

— А зачем? — огрызнулся Кит.— У нас с вами никаких дел нет и не было.

— Послушайте, хозяюшка,— сказал Квилп, быстро отвернувшись от Кита и обращаясь к миссис Набблс.— Его прежний хозяин никого сюда не присылал или, может, сам заходил? Где он сейчас, здесь? А если нет, куда они ушли?

— Он к нам и раньше никогда не приходил,— ответила мать Кита.— Я бы тоже дорого дала, чтобы узнать, куда они ушли. Тогда и у сына моего и у меня полегчало бы на сердце. Если вы тот самый джентльмен, которого зовут мистер Квилп, вам бы самому следовало все знать. Я сыну только сегодня об этом говорила.

— Гм! — хмыкнул явно разочарованный Квилп.— А этому джентльмену вы то же самое скажете, а?

— Если джентльмен спросит меня о том же самом, ничего другого я ему поведать не смогу, как бы мне этого ни хотелось,— последовал ответ.

Квилп посмотрел на Ричарда Свивеллера и сказал, что, поскольку они столкнулись на пороге, мистер Свивеллер, вероятно, тоже пришел навести справки о беглецах? Не правда ли?

— Да, ответил Дик. — Такова была цель моей экспедиции. Я тешил себя этой мечтой, но увы!.. Похоронный слышу звон,— нет мечты, дин-дон, дин-дон.

— Вы, кажется, огорчены? — заметил Квилп.

— Вышел камуфлет, сэр, вот и все! — ответил Ричард Свивеллер.— Я затеял одно дельце, а тут на́ тебе — такой камуфлет! Ты, светлой прелести и неги образец, будешь возложена на алтарь Чеггса! Вот так-то, сэр.

Карлик смотрел на Ричарда с насмешливой улыбкой, но Ричард, который уже успел крепко позавтракать в обществе одного приятеля, ничего этого не замечал и продолжал скорбеть о своей судьбе, вперив вдаль унылый, безнадежный взгляд. Квилп сразу учуял, что и визит Дика, и его столь явное огорчение — это все неспроста, и, надеясь учинить какую-нибудь новую пакость, решил выведать, в чем тут дело. Придя к такому решению, он мигом придал своей физиономии выражение святой простоты, поскольку это было в его силах и возможностях, и рассыпался в соболезнованиях мистеру Свивеллеру.

— Я и сам огорчен,— сказал Квилп.— Но я скорблю о них просто по-дружески, а у вас, вероятно, имеются более веские причины — причины личного характера, и вам труднее перенести такое огорчение.

— Конечно, труднее,— раздраженно ответил Дик.

— Ах, как мне вас жаль, как жаль! Я и сам расстроился. Но раз уж мы с вами товарищи по несчастью, давайте

вместе испробуем верный способ рассеяться. Если другие дела не влекут вас в противоположном направлении,— Квилп настойчиво потянул Дика за рукав и, скосив глаза, лукаво заглянул ему снизу в лицо,— на набережной есть одно заведение, где подают такой джин, голландский — по-видимому, контрабандный, но это между нами,— какого на всем свете не сыщешь! Хозяин меня знает. У них на самом берегу стоит маленькая беседочка, и мы с вами выпьем там по стаканчику этого восхитительного напитка, набьем трубки табаком — вот он, у меня в табакерке, и, насколько могу судить, редчайшего качества — и премило проведем время. Или у вас имеются совершенно неотложные дела, требующие вашего присутствия в другом месте, а, мистер Свивеллер?

Дик слушал карлика, и лицо его мало-помалу расплывалось в довольной улыбке, нахмуренные брови разглаживались. К тому времени, когда Квилп кончил, Дик уже смотрел на него сверху вниз с таким же лукавством, с каким тот смотрел на Дика снизу вверх, и им осталось только направить свои стопы к вышеупомянутому заведению, что и было сделано без всяких отлагательств. Увидев их спины, маленький Джейкоб мгновенно оттаял и продолжил свои вопли с того самого места, на котором Квилп заморозил их.

Беседка, рекомендованная мистером Квилпом, представляла собой кое-как сколоченную из гнилых досок убогую клетушку, нависавшую над рекой и грозившую, того и гляди, съехать в тину. Сам же трактир — совершеннейшая развалина, изъеденная и источенная крысами,— держался только на деревянных подпорках, которые давно успели сгнить и начинали подаваться под такой тяжестью, а по ночам, в сильный ветер, скрипели и потрескивали, точно все это сооружение должно было вот-вот рухнуть. Трактир возвышался — если нечто подобное может возвышаться — на пустыре, куда относило дым из фабричных труб и где стоял вечный грохот якорных лебедок и шум взбаламученной воды. Внутреннее его убранство вполне соответствовало внешнему виду. Комнаты были сырые, с низкими потолками, в покрытых плесенью стенах зияли дыры и щели, прогнившие половицы ходили ходуном, и потолочные балки, вышедшие из пазов, предостерегали пугливых посетителей, что от них надо держаться подальше.

Вот в это-то уютное гнездышко мистер Квилп и повел Ричарда Свивеллера, обращая по дороге его внимание на окружающие красоты, и через несколько минут в беседке, на столе, испещренном изображениями множества виселиц и чьими-то инициалами, появился деревянный бочонок хваленого голландского джина. Разлив напиток по стаканам с ловкостью, свидетельствующей о немалом опыте, и добавив туда на треть воды, мистер Квилп передал Ричарду Свивеллеру его порцию, закурил трубку от огарка, торчавшего в старом покореженном

фонаре, уселся на стуле с ногами и сразу же окутал себя клубами дыма.

— Ну, как? — спросил Квилп, когда Ричард Свивеллер громко причмокнул.— Правда, крепок? Правда, огонь? Слеза прошибает, в горле першит, дух захватывает! Правда, хорош?

— Хорош? — воскликнул Дик и, выплеснув полстакана на пол, долил себе воды.— Да неужто я поверю, что вы способны проглотить эту огненную жидкость?

— Не поверите? — вскричал Квилп.— Думаете, не проглочу? Глядите! Вот! Вот! И вот! Ну что?

Приговаривая это, Дэниел Квилп нацедил и выпил три небольших стакана крепчайшего джина, скорчил страшную гримасу, запыхтел трубкой, затянулся несколько раз подряд и выпустил весь дым через нос. Потом, когда этот подвиг был окончен, он снова принял прежнюю позу и захохотал во все горло.

— Просим тост! — вдруг крикнул Квилп, весьма искусно выбивая на столе дробь кулаком и локтем.— За нее, за красотку! Выпьем за красотку и осушим стаканы до дна! Просим имя, имя!

— Если вас интересует ее имя,— сказал Дик,— пожалуйста. За здоровье Софи Уэклс!

— Софи Уэклс! — взвизгнул карлик. — За мисс Софи Уэклс — будущую миссис *Ричард Свивеллер! Ха-ха-ха! За будущую!*

— Ах! — вздохнул Дик.— Такой тост можно было провозгласить несколько недель назад, но сейчас он неуместен, мой прекрасный друг. Возложив себя на алтарь Чеггса, она...

— Отравить Чеггса! Отрезать Чеггсу уши! — не унимался Квилп.— Не говорите мне о Чеггсе! Она будет миссис Свивеллер, и точка! Выпьем же снова за ее здоровье, и за здоровье ее батюшки, и за здоровье ее матушки и всех братцев и сестриц! За все славное семейство Уэклсов! За всех за них сразу,— залпом!

— Ну, знаете,— сказал Ричард Свивеллер, не донеся стакана до рта и в остолбенении глядя на карлика, который размахивал руками и дрыгал ногами.— Бывают весельчаки, но чтобы такое вытворяли, этого мне еще в жизни не приходилось ни видеть, ни слышать! Честное слово!

Это чистосердечное признание не только не усмирило, но еще больше раззадорило карлика, и Ричард Свивеллер, не перестававший дивиться его проказливому настроению и за компанию частенько прикладывавшийся к стакану, сам того не замечая, становился все разговорчивей и откровенней, а под конец совсем разоткровенничался, тем более что мистер Квилп весьма умело вызывал его на это.

Настроив своего собутыльника на соответствующий лад и зная, на какую педаль нужно нажимать в трудные минуты, Дэ-

ниел Квилп сильно облегчил себе свою задачу, и вскоре замысел легковесного Дика и его расчетливого дружка стал известен ему во всех подробностях.

— Довольно! — воскликнул Квилп.— Молодцы! Отлично придумали, отлично! Мы все уладим, обязательно уладим! По рукам! И с этой минуты я ваш друг!

— Как? Вы считаете, что еще не все потеряно? — спросил Дик, не ожидавший такой поддержки.

— Не все потеряно? Да вы действуете наверняка! Пусть Софи Уэклс меняет фамилию на Чеггс или на любую другую, только не на Свивеллер. О счастливец! Старик богат, как жид! Ваше будущее обеспечено. Я уже вижу вас муженьком Нелли, вижу, как вы купаетесь в золоте и серебре. Можете рассчитывать на мою помощь. Все уладится! Все уладится, не сомневайтесь!

— Но как? — спросил Дик.

— Времени впереди много — уладится,— сказал карлик.— Сейчас мы сядем и обсудим все с самого начала и до конца. Налейте себе джину, а я отлучусь на минуточку. Я ненадолго... ненадолго!

С этими словами Дэниел Квилп выбежал на заброшенную площадку для игры в кегли позади трактира, повалился там на землю и давай кататься клубком, завывая во весь голос в порыве буйного восторга.

— Вот находка-то! — выкрикивал он.— Ведь прямо само в руки идет! Они все затеяли, они все обдумали, а удовольствие получу я! Кто недавно наломал мне бока — этот пустобрех? Кто заглядывался на миссис Квилп, строил ей глазки и слал ей улыбочки — его дружок и сообщник, мистер Трент? Ухлопают два-три года на эту дурацкую затею и наконец поймают в свои сети нищего, а один вдобавок свяжет себя по рукам и по ногам на всю жизнь! Ха-ха-ха! Пусть женится на Нелли! Пусть она достанется ему, а когда узел будет затянут накрепко, я первый доложу этим молодчикам, чего они достигли, да еще с моей помощью! Вот тогда-то мы и сведем старые счеты, вот тогда-то они и вспомнят, какой у них был верный друг и как он помогал им подцепить богатую наследницу! Ха-ха-ха!

Достигнув крайнего предела восторга, мистер Квилп чуть было не налетел на серьезную неприятность, так как он подкатился кубарем почти вплотную к полуразвалившейся собачьей конуре, откуда вдруг выскочил огромный свирепый пес. Пес этот мог бы оказать ему весьма суровый прием, да помешала короткая цепь. Карлик лежал на спине в полной безопасности и корчил страшные рожи псу, наслаждаясь, что тот не может приблизиться к нему ни на один дюйм, хотя их разделяло каких-нибудь два шага. . . .

— Ну, трус! Куси, куси! Что ж ты стал? Бросайся на меня! Рви меня на клочки! — приговаривал Квилп, подсвистывая псу и доводя его этим до бешенства.— Боишься, задира? Врешь, боишься!

Пес, выпучив глаза, с яростным лаем рвался на цепи, а карлик как ни в чем не бывало лежал в двух шагах от него и назло ему презрительно пощелкивал пальцами. Когда же восторг его немного утих, он встал, подбоченился и, приплясывая, прошелся эдаким фертом вокруг конуры и окончательно озверевшей собаки — у самой границы, отмеренной длиною цепи. Это помогло ему успокоиться и прийти в ровное расположение духа, вслед за чем он вернулся к своему ничего не подозревающему собутыльнику, который с необычайно серьезным видом глядел на реку и мечтал о золоте и серебре, обещанных ему мистером Квилпом.

ГЛАВА XXII

Остаток того дня и весь следующий прошли в хлопотах у семейства Набблс, для которого все, что касалось сборов и отъезда Кита, было делом не меньшей важности, чем если бы он готовился к путешествию в дебри Африки или кругосветному плаванию. Трудно себе представить, чтобы какой-нибудь другой сундучок открывали и закрывали столько раз в течение одних суток, сколько тот, где лежал гардероб Кита и прочие вещи, и, во всяком случае, ни один сундук не казался паре детских глазенок вместилищем таких сокровищ, какие являл изумленному взору маленького Джейкоба этот сундучище с тремя рубашками и соответствующим количеством чулок и носовых платков. Но вот за сундучком заехал возчик, на квартире которого, в Финчли, Кит должен был получить свой багаж на следующий день; и когда сундучок унесли из дома, семейству Набблс осталось размышлять над двумя вопросами: первый — не потеряет ли его возчик по дороге или не солжет ли самым бессовестным образом, будто потерял; и второй — сознает ли мать, как она должна беречь себя в отсутствие сына.

— Я, по правде сказать, не думаю, чтобы он его действительно потерял, но соблазн уж очень велик! Эти возчики вечно прикидываются, будто вещь потеряна,— озабоченным тоном говорила миссис Набблс, касаясь первого вопроса.

— Совершенно верно.— Кит нахмурил брови.— Напрасно, мама, мы его отослали. Надо было кому-нибудь вместе с ним поехать.

— Теперь уж ничего не поделаешь,— сокрушалась она.— Но с нашей стороны это и глупо и нехорошо. Зачем вводить людей в соблазн!

Кит мысленно дал себе слово, что никогда больше не будет

вводить возчиков в соблазн, разве только пустыми сундуками, и, придя к такому истинно христианскому решению, перешел ко второму вопросу.

— Ты, мама, смотри не падай духом и не тоскуй без меня. Ведь я же смогу навещать вас, когда буду ездить в город, и письмецо тебе как-нибудь напишу; а пройдет три месяца, и, глядишь, мне отпуск дадут. Вот тогда увидишь, что будет! Мы сводим маленького Джейкоба в цирк, и он у нас узнает, что такое устрицы!

— В цирке, надо думать, нет ничего греховного, Кит, но мне все-таки как-то боязно,— сказала миссис Наббле.

— Я знаю, кто тебя наводит на такие мысли,— огорченным тоном проговорил Кит.— Это все ваша сектантская молельня, Маленькая скиния! Нет, мама, сделай мне одолжение — ходи туда пореже! Помни мое слово: если твое доброе лицо, от которого у нас все светлеет в доме, станет постным, и если малыш тоже научится корчить постную физиономию и называть себя юным грешником (бедняжка!) и дьявольским отродьем (то есть порочить покойного отца), да если ты еще и Джейкоба собьешь с толку, меня это так огорчит, что я пойду и запишусь в солдаты и подставлю голову под первое пушечное ядро, которое полетит в мою сторону.

— Ох, Кит, какие ты страсти говоришь!

— Так и сделаю, вот увидишь! И опять же, если ты не хочешь, чтоб я затосковал и повесил нос на квинту, оставь на капоре тот бант, который ты чуть не спорола на прошлой неделе. Что за беда, если мы будем смотреть весело и веселиться, насколько это нам позволяет наша бедность? Неужто в моей душе есть что-то такое, из-за чего я должен превратиться в плаксивого, нудного ханжу, который и говорит с каким-то мерзким гнусавым пришепетыванием и перед всеми пресмыкается? А меня как раз на другое тянет. Вот послушай! Ха-ха-ха! Ведь смеяться человеку так же просто, как и ходить, двигаться, и для здоровья это так же полезно. Ха-ха-ха! Овца блеет, свинья хрюкает, лошадь ржет, птица поет-заливается, а я смеюсь. Ха-ха-ха! Разве не так, мама?

В смехе Кита было что-то заразительное, ибо его мать, хранившая до сих пор серьезный вид, вдруг улыбнулась, а потом начала вторить ему от всей души, и Кит еще раз сказал, что нет ничего естественнее, как смеяться, и залился пуще прежнего. Их громкий хохот разбудил малыша; он сразу понял, что происходит нечто приятное и радостное, и, очутившись у матери на руках, в припадке буйного веселья отчаянно задрыгал ножками. Это новое доказательство собственной правоты привело Кита в совершеннейший восторг, и он в полном изнеможении откинулся на спинку стула, трясясь от хохота и показывая на малыша пальцем; потом пришел в себя, снова фыркнул, снова пришел в себя — и так раза три подряд. Наконец

он утер глаза и прочел молитву. А за ужином, хоть и скромным, их веселые голоса не умолкали.

На другой день рано утром столько было на прощанье поцелуев, объятий и слез (если нам будет дозволено коснуться здесь такой презренной темы), что многие юные джентльмены, которые, отправляясь в путешествие, оставляют позади дом — полную чашу, пожалуй, сочтут это невероятным. Но вот наконец Кит вышел из дому и отправился пешком в Финчли, столь гордый своим видом, что Маленькая скиния немедленно изгнала бы его из своих стен, если бы он принадлежал к этой унылой секте.

Тем, кто интересуется костюмом Кита, сообщим вкратце, что на нем была не ливрея, а куртка цвета соли с перцем, стального цвета невыразимые, канареечный жилет и в придачу ко всему этому великолепию — сияющие, как зеркало, новые сапоги и необычайно жесткая глянцевитая шляпа, на которой можно было отбивать барабанную дробь, стуча по ней в любом месте костяшками пальцев. И в таком наряде он шествовал к коттеджу «Авель», удивляясь про себя, почему на него обращают так мало внимания, и приписывая это обстоятельство бесчувственности тех, кому приходится рано вставать.

Не столкнувшись ни с какими приключениями по дороге, если не считать встречи с мальчиком в шляпе без полей — точной копии его старого головного убора, за что этому мальчику были даны последние три пенса, Кит подошел в положенное время к дому возчика, где, во славу рода человеческого, в целости и сохранности стоял его сундучок. Узнав от супруги этой безупречной личности, как пройти к коттеджу мистера Гарленда он взвалил свой багаж на плечо и сразу же отправился туда.

Какой же это был очаровательный маленький коттедж — с тростниковой крышей, с тоненькими шпилями, с цветными стеклами в некоторых окнах величиной не более записной книжки! Справа от коттеджа стояла конюшня размером как раз для пони, а над ней была маленькая комнатка — размером как раз для Кита. В окнах колыхались белые занавески и пели птицы, порхавшие в клетках, которые блестели, как золотые. По обеим сторонам дорожки и у входной двери были расставлены растения в кадках; сад пестрел пышными цветами, распространявшими вокруг сладкое благоухание. И в самом доме, и снаружи все говорило об идеальной чистоте, идеальном порядке. В саду не было ни одной сорной травинки; судя по тому, что на дорожке лежали садовые перчатки, набор блестящих садовых инструментов и стояла корзина, мистер Гарленд уже успел поработать здесь ранним утром.

Кит огляделся по сторонам и пришел в восторг, снова огляделся и снова пришел в восторг — и так много раз подряд, потом все-таки заставил себя посмотреть в другом направлении и дернуть дверной колокольчик. Впрочем, даже после этого у него

осталось достаточно времени на осмотр сада, так как на крыльцо никто не вышел, и, позвонив еще раза два-три, он сел на свой сундучок и приготовился ждать.

Кит звонил и звонил, а дверь ему все не отворяли. Но вот, когда он уже начал рисовать в своем воображении замки великанов, принцесс, привязанных за волосы к вбитым в стену колышкам, свирепых драконов, выползающих из ворот, и другие подобные ужасы, с которыми встречаются в сказках бедные юноши низкого звания при первом посещении чужих домов,— дверь вдруг тихо отворилась, и на порог вышла маленькая служаночка, очень опрятно одетая, скромная, серьезная и к тому же прехорошенькая.

— Вы Кристофер, сэр? — спросила она.

Кит встал с сундучка и подтвердил, что он и есть Кристофер.

— Вы, наверно, давно звоните,— сказала служаночка,— но ваших звонков никто не слышал, мы все ловили пони.

Кит не сразу догадался, что это значит, но так как расспрашивать сейчас было некогда, он снова взвалил сундучок на плечи и последовал за девушкой в прихожую, сквозь открытую заднюю дверь которой взору его предстал мистер Гарленд, победоносно ведущий Вьюнка в поводу, после того как этот своевольный пони (о чем Кит узнал позднее) в течение одного часа сорока пяти минут бегал по маленькому загону позади дома, увертываясь от своих преследователей.

Старичок встретил Кита очень ласково, так же как и старушка, и последняя стала о нем еще лучшего мнения, когда он старательно, до зуда в подошвах, вытер ноги о циновку. Кита пригласили в столовую, и там его обновки подверглись тщательному осмотру, а после того как этот осмотр был произведен несколько раз подряд и вызвал всеобщее безграничное восхищение, его повели па конюшню (где пони оказал ему необычайно вежливый прием), а оттуда в очень чистую и уютную комнату, которую он уже видел со двора, а оттуда в сад, где, по словам старичка, ему предстояло работать и где старичок разговорился о том, сколько он всего сделает, чтобы Киту было у них хорошо, лишь бы Кит оказался достойным таких забот. Слушая все эти ласковые слова, Кит выражал свою благодарность как только мог и то и дело подносил руку к новой шляпе, отчего поля ее к концу их беседы заметно пострадали. Когда же старичок высказал то, что ему надо было высказать по части всяческих обещаний и советов, а Кит высказал то, что ему надо было высказать по части всяческих заверений в признательности, его снова передали старушке, а та призвала маленькую служаночку (которую звали Барбара) и велела ей отвести Кита вниз и дать ему подкрепиться с дороги.

И Кит пошел вниз и, спустившись по лестнице, очутился в такой кухне, каких, наверно, больше не бывает на белом

свете, разве только в окнах игрушечных лавок! В этой кухне, где все сияло и сверкало и было чистенькое и опрятное, как сама Барбара, Кит сел за стол — белоснежный, будто на нем лежала скатерть, и стал есть холодную говядину и пить эль, весьма неловко орудуя ножом и вилкой, так как эта еще неизвестная ему Барбара смотрела на него и следила за каждым его движением.

Впрочем, что могло быть страшного в этой незнакомой Барбаре, которая, вероятно, вела уединенный образ жизни и теперь то и дело заливалась румянцем, смущалась и, подобно Киту, не знала, что ей говорить и что делать. Кит посидел несколько минут, внимательно прислушиваясь к тиканью стенных часов, потом осмелился бросить любопытный взгляд на комод и увидел там среди посуды маленькую рабочую коробку Барбары с приоткрытой выдвижной крышкой, под которой прятались клубки ниток, и молитвенник Барбары, и сборник гимнов Барбары, и Библию Барбары. Маленькое зеркальце Барбары висело на свету, у окна, а капор Барбары — на гвозде за дверью. Эти безмолвные признаки и свидетельства присутствия Барбары, как и следовало ожидать, заставили Кита взглянуть и на самое Барбару, которая в полном безмолвии лущила горох над блюдом. Но как только Кит посмотрел на ресницы Барбары и подумал в простоте душевной: «А какого же цвета у нее глаза?» — она возьми да и повернись к нему самую чуточку, и тогда эти две пары глаз мигом стрельнули в разные стороны: Кит нагнулся над тарелкой, Барбара над своим горохом — оба сами не свои от смущения, что выдали себя с головой.

ГЛАВА XXIII

Возвращение мистера Ричарда Свивеллера домой из «Дебрей» (лучшего названия для облюбованного Квилпом уединенного местечка, пожалуй, не подберешь) совершалось по кривой, напоминавшей своей извилистостью завитки штопора, и при этом сопровождалось частыми заминками, спотыканьем, внезапными остановками посреди улицы, когда он вдруг начинал озираться по сторонам, после чего внезапно бросался вперед, столь же внезапно замедлял шаги, крутил головой — словом, делал все судорожно и будто не по собственной воле. Возвращаясь домой в том состоянии, которое люди, злые на язык, обычно ставят в прямую зависимость от винных паров, будто бы несовместимую с глубокомыслием и рассудительностью,— мистер Ричард Свивеллер начинал подумывать, что, пожалуй, он открыл свою душу не тому, кому следовало, и что карлик совсем не такой человек, на которого можно положиться в столь деликатном и серьезном деле. Эти покаянные мысли в конце концов исторгли у мистера Свивеллера слезы, которые

показались бы вышеупомянутым злопыхателям не иначе как пьяными слезами, и заставили его бросить шляпу о землю, разразиться стенаниями и заявить во всеуслышание, что он несчастный сирота и что, не будь он несчастным сиротой, ничего подобного не случилось бы.

— Осиротел в младенчестве! — причитал мистер Свивеллер, оплакивая свою горькую долю.— Малюткой был брошен на произвол судьбы и попался в лапы коварному карлику, а он, наверно, сам удивляется моей податливости! Смотрите, люди добрые, на горемычного сироту! Смотрите...— во весь голос возопил мистер Свивеллер, поводя вокруг осовелыми глазами,— на горемычного сироту!

— В таком случае,— послышался чей-то голос совсем рядом с ним,— разрешите мне стать вашим отцом.

Мистер Свивеллер качнулся взад и вперед, стараясь сохранить равновесие, вперил взор в туман, окружавший его со всех сторон, и наконец разглядел в этой мгле два чьих-то слабо мерцающих глаза, которые, как выяснилось спустя минуту, находились по соседству с чьим-то ртом и носом. Переведя взгляд ниже — туда, где у человека, в соответствии с физиономией, бывают обычно расположены ноги, мистер Свивеллер обнаружил, что при этой физиономии имеется и туловище, а приглядевшись повнимательнее, увидел перед собой мистера Квилпа, который, собственно, все время шел рядом с ним, хотя ему, Дику, почему-то казалось, будто его спутник тащится где-то мили на две позади.

— Вы обманули сироту, сэр! — торжественно проговорил мистер Свивеллер.

— Я? Да я же вам второй отец! — ответил Квилп.

— Вы мне отец, сэр? — вознегодовал Дик.— Я ни в ком не нуждаюсь, сэр, и потому прошу вас удалиться немедленно, сэр!

— Вот чудак! — воскликнул Квилп.

— Прочь, сэр! — сказал Дик, прислонившись к фонарному столбу и воздев руку кверху.— Прочь, прочь, обманщик, с глаз моих долой! Как горько быть бездомным сиротой, вам не понять, доколе длится сон ваш золотой. Вы удалитесь или нет, сэр?

Поскольку карлик не внял этой просьбе, мистер Свивеллер шагнул вперед, чтобы подвергнуть его заслуженному наказанию. Но, то ли забыв о своих намерениях, то ли отказавшись от них в последнюю минуту, он схватил мистера Квилпа за руку, поклялся ему в вечной дружбе и добавил с пленительной откровенностью, что отныне они будут как родные братья во всем, кроме фамильного сходства. Далее он снова заговорил о своей тайне, разукрасив ее самыми трогательными подробностями относительно мисс Уэклс,— кстати сказать, повинной (так было дано понять мистеру Квилпу) в некоторой невнятности его речи, каковую невнятность следовало отнести исклю-

чительно за счет свойственной ему пылкости чувств, ибо искрометное вино и прочие спиртные напитки были тут ни при чем. И после этого они отправились дальше под ручку, как самые нежные друзья.

— Я пронырлив,— сказал ему на прощанье Квилп,— пронырлив, как хорек, и хитер, как ласка. Убедите Трента, что я ему друг, ведь он немного косится на меня (не знаю почему,— я этого не заслужил). Приходите ко мне вместе с ним, и тогда вас обоих будет ждать целое состояние... в перспективе.

— Вот то-то и беда,— сказал Дик.— Эти «состояния в перспективе» кажутся всегда такими недосягаемыми.

— Но по той же причине они кажутся меньше, чем на самом деле,— возразил Квилп, сжимая ему локоть.— Истинные размеры ожидающего вас куша выяснятся лишь тогда, когда вы подойдете к нему вплотную. Не забывайте об этом!

— Вы так думаете? — усомнился Дик.

— Разумеется! И, что еще существеннее, не только думаю, но и знаю, о чем говорю,— сказал карлик.— Приходите вместе с Трентом. Уверьте его, что я друг — и ему и вам. Почему бы мне не быть вашим другом?

— Да, действительно, причин для этого нет,— согласился Дик.— А чтобы вам подружиться с нами, их много. Словом, будь у вас высокая душа, я бы не удивился, что вам хочется стать моим другом, но ведь душа-то у вас низкая.

— У *меня* низкая душа? — удивился Квилп.

— А как вы думаете! — сказал Дик.— При вашей-то наружности! Уж если у вас есть какая-нибудь душонка, сэр, так, наверно, черная-пречерная. Люди высокой души,— и Дик ударил себя в грудь,— по виду бывают совсем другие, можете в этом не сомневаться, сэр!

Квилп бросил на своего откровенного друга не то хитрый, не то враждебный взгляд, но тут же крепко пожал ему руку и назвал его совершенно незаурядной личностью, заслуживающей глубочайшего уважения. Вслед за тем они расстались: мистер Свивеллер кое-как доплелся до дому и завалился спать, а Квилп еще долго обдумывал сделанное им открытие и ликовал в предвкушении тех радостей и широких возможностей для расплаты с кем следует, которые оно сулило ему впереди.

Встав на следующее утро с таким ощущением, будто голова у него разламывается на части от паров славного голландского джина, мистер Свивеллер с большой неохотой, скрепя сердце, побрел к своему приятелю Тренту, ютившемуся под самой крышей в одной старой мрачной гостинице, и слово за словом рассказал ему все, что произошло накануне между ним и Квилпом. Трент, ошеломленный этим рассказом, долго раздумывал, стараясь угадать истинные намерения Квилпа, а кстати отпускал весьма нелестные замечания по адресу одураченного Дика.

— Я не оправдываюсь, Фред,— сказал кающийся Ричард,— но этот карлик такой пройдоха, так умеет подольститься! Я только успел подумать: можно ему рассказать или нет — и вдруг, гляжу, он все из меня вытянул. Ты поступил бы точно так же, если бы увидел, как он пьет и курит. Это не человек, а настоящая саламандра, Фред!

Не вдаваясь в обсуждение вопроса, так ли это обязательно, чтобы саламандры были самыми верными наперсниками, а огнеупорные личности самыми надежными друзьями, Фредерик Трент бросился в кресло и, обхватив голову руками, стал гадать, зачем же Квилпу понадобилось втираться в доверие к Ричарду Свивеллеру, так как ему стало совершенно ясно, что карлик неспроста искал общества Дика и намеренно увлек его за собой.

Квилп два раза сталкивался с Диком, когда тот приходил справляться о беглецах. Такая неожиданная заботливость со стороны чужого им человека сразу заставила насторожиться этого завистника и злыдня, не говоря уже о том, что неосторожное поведение Дика могло просто разжечь его любопытство. Почему же, узнав об их замысле, Квилп предлагает им свою помощь? Ответить на этот вопрос было куда труднее. Но поскольку хитрецы часто попадают впросак, приписывая другим свои собственные расчеты, Трент пришел к выводу, что, когда Квилп и старик вели сообща какие-то тайные дела, между ними возникли нелады, может статься, объясняющие это странное бегство, а теперь карлик решил отомстить бывшему компаньону и, уловив в свои сети Нелл, единственный предмет любви и тревог старика, опутать ее узами, о которых старик не мог бы даже подумать без отвращения и ужаса. Такие мотивы казались Фредерику Тренту тем более вероятными, что сам он, меньше всего заботясь о сестре, добивался того же, хотя у него на первом месте стояла выгода. Но лишь только он приписал карлику свои же собственные намерения и объяснил его сочувствие желанием поскорее достичь какой-то цели, ему уже не трудно было поверить в искренность их нового сообщника, обещавшего горячо взяться за дело; а так как сомневаться в том, что он окажется сообщником весьма полезным и сильным, не приходилось, Трент согласился воспользоваться полученным приглашением в тот же вечер и решил про себя (если его расчеты оправдаются) позволить карлику принять участие в осуществлении их затеи, но никак не в тех выгодах, которые она сулила.

Обдумав все это, Трент поделился своими догадками с мистером Свивеллером в той мере, в какой считал нужным (Дик вполне удовлетворился бы и меньшим), и, дав ему целый день на то, чтобы очухаться после вчерашнего общения с саламандрой, вечером отправился вместе с ним к мистеру Квилпу.

Как же мистер Квилп был рад гостям, вернее — как ловко он прикинулся обрадованным! И как устрашающе вежлив был мистер Квилп с миссис Джинивин и какие пронзительные взгляды бросал он на жену, проверяя, не взволновало ли ее появление Трента! Миссис Квилп с таким же успехом можно было заподозрить в приятных или мучительных переживаниях при виде этого молодого человека, как и ее матушку, но, поскольку она робела и терялась под взглядом мужа, не понимая, что ему от нее нужно, мистер Квилп не замедлил объяснить замешательство жены по-своему и, восторгаясь собственной проницательностью, втайне кипел от ревности.

Впрочем, мистер Квилп ничем не выдавал обуревающих его чувств. Напротив, он был сама учтивость, сама мягкость и выполнял свои хозяйские обязанности за столом, на котором стояла фляга с ромом, чрезвычайно радушно.

— Позвольте, дайте вспомнить! — сказал Квилп.— Ведь мы с вами познакомились чуть ли не два года назад.

— А по-моему, все три,— сказал Фред.

— Три! — воскликнул Квилп.— Как время-то бежит! А вам, миссис Квилп, тоже кажется, что это было так давно?

— Да, по-моему, с тех пор прошло целых три года,— последовал ответ, и весьма неудачный.

«Ах, вот как, сударыня! — подумал Квилп.— Значит, вы изнывали от тоски. Прекрасно, сударыня!»

— А мне кажется, будто вы только вчера отбыли в Демерару на «Мэри-Энн»,— продолжал Квилп вслух.— Честное слово, будто только вчера! Ну что ж, немножко пошалить в молодости — это не беда. Я сам когда-то был повесой!

Мистер Квилп сопроводил это признание таким дьявольским подмигиваньем, намекая на свои былые проказы и грешки, что миссис Джинивин возмутилась и, не удержавшись, прошипела: «Прежде чем пускаться в откровенности, не мешало бы выждать, когда жена уйдет из комнаты!» — и за столь дерзостный поступок, нарушающий всякую субординацию, была наказана тем, что мистер Квилп сначала убил ее взглядом, а потом церемонно провозгласил тост за ее здоровье.

— Я предчувствовал, что вы скоро вернетесь, Фред. Я так это и предчувствовал,— сказал Квилп, опуская стакан на стол.— И когда «Мэри-Энн» пришла обратно и привезла вас вместо покаянного письма, покаянного и в то же время полного благодарности тому, кто подыскал вам такое хорошее местечко,— меня это рассмешило, ну просто ужасно рассмешило! Ха-ха-ха!

Молодой человек улыбнулся, но, судя по этой улыбке, тема, выбранная для беседы, была для него не из самых приятных, что, собственно, и подстрекнуло Квилпа остановиться на ней.

— Я всегда говорил, если на попечении какого-нибудь богача осталось двое юных родственников,— снова начал карлик,— два брата, или две сестры, или брат и сестра — и он

привяжется к одному из них, а другого оттолкнет от себя, это с его стороны очень нехорошо.

Молодой человек нетерпеливо заерзал на стуле, но Квилп продолжал совершенно невозмутимым тоном, точно речь шла о каких-то отвлеченных предметах, в которых никто из присутствующих не был лично заинтересован.

— Правда, ваш дед все твердил, будто он много раз прощал вам и неблагодарность, и разгульный образ жизни, и мотовство, и прочее, тому подобное, но я его успокаивал: «Это же, говорю, обычная история с молодежью». А он мне отвечает: «Да ведь мой внук мерзавец!» — «Допустим, говорю (это я, конечно, просто так, в пылу спора), но мало ли мерзавцев и среди благородных молодых джентльменов!» Да разве ему втолкуешь!

— И так и не втолковали? Странно, мистер Квилп, странно! — насмешливо проговорил Трент.

— Мне и самому это показалось странным,— ответил карлик.— Впрочем, он всегда отличался упрямством. Мы с ним хоть и были до некоторой степени друзьями, а все-таки я считал его вздорным упрямцем. Нелл — милая девочка, прелестная девочка, но ведь вы как-никак приходитесь ей братом, Фред! Вы брат и сестра, и тут ничего не попишешь, как вы тогда правильно сами заметили.

— Он давно лишил бы Нелли брата, если бы мог,— чтобы ему пусто было за все, что я от него вытерпел! — раздраженно воскликнул молодой человек.— Но какой толк говорить об этом сейчас? Довольно, к черту!

— Не возражаю,— сказал Квилп.— Не возражаю, боже меня упаси! Зачем мне понадобилось ворошить старое? Затем, Фредерик, чтобы доказать вам свои дружеские чувства. Вы тогда сами не знали, кто вам друг, кто враг,— ведь правда, не знали? Вы думали, что я против вас, и между нами чувствовался некоторый холодок; но это ваша вина, только ваша! Обменяемся рукопожатием, Фред!

Карлик поднялся, вобрав голову в плечи, и с отвратительной усмешкой протянул над столом руку. После минутного колебания молодой человек подал ему свою. Квилп стиснул ее с такой силой, что она побелела, потом приложил палец к губам, повел глазами в сторону ничего не подозревающего Ричарда, отпустил руку Фреда и снова сел на стул.

Этот многозначительный жест и взгляд не ускользнули от внимания Трента, который считал Ричарда Свивеллера всего лишь орудием в своих руках и не баловал его излишней откровенностью. Теперь он увидел, что карлик прекрасно отдает себе отчет в их взаимоотношениях и не заблуждается относительно его друга. Такие тонкости умеют ценить даже мошенники. Молчаливое признание его превосходства и власти, исходившее от проницательного карлика, покорило молодого че-

ловека, и он решил воспользоваться помощью этого почтеннейшего урода.

Теперь мистеру Квилпу самому захотелось переменить тему разговора, и возможно скорее, чтобы Ричард Свивеллер по неосторожности не выболтал чего-нибудь такого, чего женщинам вовсе не следовало знать. Поэтому он предложил партию в криббедж, и, когда бросили жребий, Фредерик Трент сел с миссис Квилп, а Дик с Квилпом. Миссис Джинивин, страстная картежница, была отстранена от участия в игре стараниями зятя, который вменил ей в обязанность время от времени подливать рому в стаканы, а в дальнейшем держал ее под своим наблюдением, дабы она, чего доброго, не ухитрилась как-нибудь отведать этого напитка, и тем самым, со свойственной ему изощренностью, подвергал бедную старушку (рвавшуюся к фляге не меньше, чем к картам) двойной пытке.

Но мистер Квилп интересовался не одной миссис Джинивин — ему приходилось заниматься и другими делами, требующими от него неусыпного внимания. Среди многих причуд мистера Квилпа была одна, особенно забавная: он имел обыкновение передергивать в карты, что вынуждало его сейчас не только пристально следить за ходом игры и проявлять необычайную ловкость рук при подсчете взяток и очков, но также осаживать взглядами, гримасами и пинками под столом Ричарда Свивеллера, ибо тот, будучи в полной растерянности от быстроты, с какой карлик сдавал, и от стремительности передвижения колышков на доске, иной раз совершенно открыто выражал свое изумление и недоверие. Кроме того, миссис Квилп была партнершей Трента, и каждый взгляд, которым они обменивались между собой, каждое их слово, каждый ход — все подмечалось. Не удовлетворяясь тем, что происходило поверх стола, карлик подстерегал: а может быть, они подают друг другу знаки под столом, для чего пускался на всякие хитрости, в частности, то и дело наступал жене на ногу, чтобы проверить, как она будет себя вести — вскрикнет или промолчит, — если промолчит, следовательно, Трент проделывал то же самое до него. Мистер Квилп поминутно отвлекался то тем, то другим, не забывая, однако, поглядывать одним глазом на миссис Джинивин, и едва та украдкой подносила к ближайшему стакану чайную ложку (что происходило довольно часто), с тем чтобы взять на пробу хоть самый маленький глоточек рома, рука Квилпа мгновенно задевала эту ложку, когда старушка уже была близка к торжеству, а насмешливый голос Квилпа умолял ее поберечь свое здоровье. И, одолеваемый всеми этими заботами и хлопотами, он ни разу не сбился, ни разу ничего не перепутал.

Наконец, когда они сыграли подряд много робберов и осушили чуть ли не всю флягу, мистер Квилп посоветовал своей супруге идти спать. После того как она покорно удалилась в

сопровождении своей негодующей матушки, мистер Свивеллер немедленно задремал. Тогда карлик знаком пригласил своего бодрствующего гостя перейти в дальний конец комнаты, и между ними произошел следующий разговор:

— В присутствии нашего достойного друга особенно распространяться не следует,— прошептал Квилп, скорчив гримасу по адресу мирно почивающего Дика.— Итак, по рукам, Фред? Женим его на нашем бутончике, на нашей маленькой Нелл?

— У вас, конечно, что-то свое на уме,— сказал молодой человек.

— Разумеется, мой дорогой Фред! — сказал Квилп и ухмыльнулся при мысли о том, что Трент даже не подозревает, что у него на уме.— Может, я свожу старые счеты, может, потворствую своей прихоти. Мое вмешательство способно помочь вам, способно и все погубить. Вот две чашки весов — и оно ляжет на одну из них. Как же мне действовать, Фред?

— Хорошо, кладите на мою,— сказал Трент.

— Идет! — шепнул Квилп и, протянув над столом стиснутую в кулак руку, тут же разжал ее, словно выронив какую-то тяжесть.— Отныне ваша чашка тянет вниз, Фред. Запомните это!

— Куда они ушли? — спросил Трент.

Квилп покачал головой и сказал, что это еще следует выяснить, но особых затруднений тут не предвидится. Приниматься за дело надо сразу же, как только беглецов найдут. Он навестит их сам или же пошлет вместо себя Ричарда Свивеллера, а Ричард проявит горячее участие к судьбе старика и станет умолять его поселиться где-нибудь у хороших людей. Нелл восчувствует все это, проникнется к нему благодарностью, и через год-другой ее нетрудно будет образумить, тем более что она считает деда бедняком, ибо он таким прикидывается, как многие скряги, которые строят на этом свои хитрые расчеты.

— Последнее время он и передо мной прикидывался,— сказал Трент.

— А передо мной, думаете, нет? — подхватил карлик.— И это совсем странно, потому что я-то ведь знаю, какой он богач.

— Да, уж вам-то следует это знать,— сказал Трент.

— Ну еще бы! — сказал карлик, и на сей раз не солгал. Они пошептались еще немного, потом вернулись к столу, и, разбудив Ричарда Свивеллера, Трент заявил ему, что им пора уходить.

Это известие очень обрадовало Дика, и он сразу же встал из-за стола. Выразив напоследок уверенность в успехе своего дела, друзья простились с ухмыляющимся Квилпом.

Квилп подкрался к окну и прислушался. Проходя мимо дома, Трент возносил хвалы миссис Квилп, и оба друга удивля-

лись, чем ее мог прельстить такой урод, что она вышла за него замуж. Карлик проводил глазами их удаляющиеся тени, улыбаясь такой широкой улыбкой, какой еще не видано было на его физиономии, и тихо шмыгнул в темноте к кровати.

Строя козни против бедной, ни в чем не повинной Нелл, Квилп и Трент меньше всего думали о том, что́ это принесет ей — счастье или горе. Так разве удивительно, что подобные мысли не тревожили легкомысленного повесу, который был игрушкой в их руках и, будучи весьма высокого мнения о своих достоинствах и заслугах, не только не видел ничего предосудительного в этой затее, но даже считал ее весьма похвальной. Если же к нему бы и пожаловал такой редкий гость, как размышление, повеса этот — существо беспардонное лишь в тех случаях, когда дело касалось удовлетворения его аппетитов,— успокоил бы свою совесть тем, что он не собирается ни бить, ни убивать жену и в конечном счете будет самым обычным сносным мужем, каких много на белом свете.

ГЛАВА XXIV

Старик и девочка лишь тогда решились остановиться и отдохнуть у опушки небольшого леска, когда совсем выбились из сил и уже не могли бежать. Ипподром скрылся у них из глаз, хотя отдаленные крики, гул голосов и барабанная дробь доносились и сюда. Поднявшись на холм, отделявший их от того места, которое они только что покинули, девочка разглядела вдали флажки, трепыхавшиеся на ветру, и белые навесы балаганов, но здесь, на опушке, стояла полная тишина и вокруг не было ни души.

Ей не сразу удалось успокоить своего дрожащего спутника и хоть сколько-нибудь рассеять его тревогу. Больное воображение рисовало ему преследователей, подкрадывающихся к ним из-за кустов, прячущихся в каждой канаве, выглядывающих из-за ветвей каждого дерева. Он ждал, что его вот-вот схватят и бросят в мрачное подземелье, посадят там на цепь, будут бить плетьми и, что страшнее всего, разлучат с Нелли, а если позволят им видеться, то лишь через железную решетку. Его волнение передалось и девочке. Она ничего так не боялась, как разлуки с дедом, и теперь, думая, что их настигнут всюду, куда бы они ни пошли, и что им надо будет вечно скрываться, совсем пала духом и затосковала.

Чего же другого можно было ждать от существа столь юного и неприспособленного к жизни, которую ему пришлось вести последнее время? Но природа часто вкладывает благородное и отважное сердце в слабую грудь — чаще всего, к счастью, в грудь женщин. И когда Нелл, обратив свои полные слез глаза на старика, вспомнила, как он слаб, и представила,

какой он будет несчастный и беспомощный без ее поддержки, сердце у нее забилось быстрее, и она почувствовала прилив новых сил, нового мужества.

— Дедушка, милый, нам теперь ничто не грозит, нам ничто не страшно! — сказала она.

— Ничто не страшно? — повторил старик.— Не страшно, что тебя отнимут у меня? Не страшно, что нас могут разлучить? Все от меня отступились! Все, все! Даже Нелл!

— Не надо так говорить! — воскликнула девочка.— Если кто предан тебе всей душой, всем сердцем, так это я! И ты это знаешь.

— Так зачем же ты говоришь,— забормотал он, испуганно озираясь по сторонам,— зачем ты говоришь, что нам ничто не грозит? Ведь меня ищут повсюду, могут и сюда прийти, сейчас, сию минуту. Подкрадутся и схватят!

— Никто за нами не гонится,— сказала девочка.— Ты посмотри сам! Оглянись — видишь, как здесь тихо и мирно? Мы с тобой одни и можем идти, куда нам вздумается. Чего ты боишься? Неужели я могла бы сидеть спокойно, если бы тебе грозила опасность? Разве так бывало раньше?

— Правда, правда,— ответил он, сжимая ей руку, но все еще с тревогой оглядываясь назад.— Что это?

— Птица,— сказала девочка.— Она улетела в лес и показывает нам дорогу. Помнишь, мы говорили, что пойдем бродить по лесам, полям и вдоль рек и как нам будет хорошо? Ты помнишь это? А сейчас, когда солнце светит у нас над головой и вокруг так привольно, так весело, мы сидим печальные и теряем золотое время. Посмотри, какая чудесная тропинка! А вон опять та самая птица! Вот она порхнула на другое дерево и сейчас запоет. Пойдем!

Они поднялись с земли, и Нелл побежала по тенистой тропинке в глубь леса, оставляя отпечатки своих маленьких ножек на упругом мху; но он недолго хранил следы этих легких прикосновений, таявших на нем, словно дыхание на зеркале. Нелл то увлекала за собой старика, оглядываясь на него и весело кивая ему или показывая украдкой на какую-нибудь птицу, которая весело щебетала и покачивалась на ветке, протянувшейся над тропинкой; то вдруг замирала и прислушивалась к пению, нарушавшему блаженную тишину леса, или смотрела, как солнечные лучи дрожат на листве и, пробираясь между увитыми плющом стволами старых деревьев, прокладывают на траве длинные полосы. Они шли все дальше и дальше, раздвигая заслонявшие им путь ветки, и спокойствие, которое сначала было притворным, действительно снизошло на сердце девочки. Старик тоже перестал бросать по сторонам испуганные взгляды и повеселел, ибо чем глубже проникали они в густую зеленую сень, тем больше чувствовали здесь светлый разум творца, вселявшего мир в их души.

Но вот тропинка, перестав петлять и кружить, ясно обозначилась в траве и наконец вывела их из леса на широкую дорогу. Они прошли по ней шагов сто и свернули на узкий проселок, так густо обсаженный деревьями, что их ветви переплелись между собой, образуя вверху зеленый свод. Покосившийся столб на перекрестке указывал дорогу в деревню, до которой было три мили, и они решили идти туда.

Эти последние три мили тянулись так долго, что им стало боязно, уж не заплутались ли они. Но вот, к великой их радости, проселок круто пошел под гору между двумя откосами, по которым были протоптаны тропинки, и внизу, в лощине, замелькали среди деревьев домики.

Деревушка была совсем маленькая. На ее зеленой лужайке молодежь и ребятишки играли в крикет, а так как посмотреть на игру сошлись и все взрослые, Нелл с дедом долго бродили мимо опустевших домов, не зная, где можно будет попроситься переночевать. На глаза им попался только один старичок, который сидел у себя в саду, но к нему они постеснялись подойти, потому что он был здешний учитель и над окном его дома висела белая доска с надписью черными буквами «Школа». Старичок этот, бледный, очень скромно одетый и простой с виду, сидел среди цветов и ульев и курил трубку.

— Заговори с ним, Нелл,— шепнул ей дед.

— Я боюсь помешать ему,— робко сказала она.— Он нас не видит. Давай подождем немного, может, он посмотрит в нашу сторону.

Они стали ждать, но учитель, погруженный в задумчивость, так и не взглянул на них. Поношенный черный сюртук подчеркивал худобу и бледность его лица, такого доброго. И какое одиночество чувствовалось и в этом доме, и в его хозяине! Может быть, потому, что все жители деревушки веселились на лужайке, а он сидел здесь один.

Они оба так устали, что Нелл не побоялась бы заговорить даже со школьным учителем, если бы он не казался ей таким встревоженным и грустным. Они стояли в нерешительности возле его дома, а он, вдруг очнувшись от своего тяжелого раздумья, отложил трубку в сторону, прошелся взад и вперед по саду, остановился у калитки, посмотрел на лужайку, потом снова со вздохом взялся за трубку и снова сел на прежнее место.

Поблизости никого больше не было, начинало темнеть, и Нелл, набравшись храбрости, взяла деда за руку и подошла с ним к калитке. Щеколда звякнула, учитель встрепенулся. В его взгляде, хоть и ласковом, мелькнуло разочарование, и он чуть заметно покачал головой.

Низко присев, Нелл сказала, что они бедные путники, ищут, где бы переночевать, и с радостью заплатят за это сколько

могут. Учитель внимательно выслушал ее, положил трубку на скамью и встал.

— Если бы вы нам посоветовали, сэр, куда обратиться,— продолжала девочка,— мы были бы очень благодарны вам.

— Вы, наверно, издалека? — спросил учитель.

— Издалека, сэр,— ответила она.

— Ты еще маленькая, чтобы пускаться в такие путешествия,— сказал он, ласково погладив ее по голове.— Это ваша внучка, друг мой?

— Да, сэр! — воскликнул старик.— Единственное мое утешение, единственная опора в жизни!

— Войдите,— сказал учитель.

Не тратя лишних слов, он ввел их в маленькую классную комнату, которая в то же время служила ему и гостиной и кухней, и предложил им переночевать у него. Старик и девочка не успели толком поблагодарить своего радушного хозяина, как он накрыл стол простой белой скатертью, положил вилки и ножи и, достав из шкафчика хлеб, холодную говядину и кувшин с пивом, усадил их ужинать.

Сев к столу, девочка оглядела комнату. Посреди нее стояли две длинные скамьи, вдоль и поперек изрезанные, иструганные перочинными ножами и залитые чернилами; перед ними небольшой сосновый столик на четырех тонких ножках — вероятно, место учителя. На высоко прибитой полке лежало несколько затрепанных книжек, а рядом целая коллекция сокровищ, отобранных у шалунов: волчки, мячи, воздушные змеи, лески, шарики и надкусанные яблоки. На двух крючках, внушая ужас своим видом, висели палка и линейка, а на маленькой полочке, тут же по соседству, торчал дурацкий колпак из старой газеты с налепленными на нем цветными кружками. Но лучшим украшением комнаты были расклеенные повсюду правоучительные прописи, выведенные аккуратным круглым почерком, и столбики сложения и умножения, написанные, видимо, той же рукой. Вывешивая эти таблицы, учитель, по всей вероятности, преследовал двойную цель: они должны были свидетельствовать о достоинствах школы и пробуждать дух соревнования в школьниках.

— Да, дитя мое,— сказал он, заметив, что Нелл загляделась на прописи.— Красивый почерк, есть чем полюбоваться.

— Очень красивый, сэр,— скромно отозвалась девочка.— Это ваша рука?

— Моя? — воскликнул он, надевая очки, чтобы получше рассмотреть эти дорогие его сердцу образцы высокого искусства.— Где мне! Разве я теперь так смогу! Нет! Это все написано одной рукой, очень твердой рукой, хоть она и меньше твоей.

Говоря это, учитель вдруг заметил на одной из прописей крохотную кляксу. Он вынул из кармана перочинный ножик,

подошел к стене и старательно выскреб пятнышко. Потом медленно отступил назад, любуясь прописью издали, словно это была прекрасная картина, и продолжал с грустью, которая тронула девочку, хотя она и не знала, чем ее объяснить.

— У него маленькая рука, совсем маленькая. Он опередил всех своих товарищей и в ученье и в играх. Такой умница! Почему же он привязался ко мне? В том, что я полюбил его всем сердцем, нет ничего удивительного, но за что он любит меня? — Учитель замолчал и, сняв очки, протер их, как будто они вдруг запотели.

— С ним что-нибудь случилось, сэр? — встревожилась Нелл.

— Да нет, дитя мое,— ответил бедный учитель.— Я надеялся увидеть его сегодня вечером на лужайке. Ведь он первый зачинщик всех игр. Ну, ничего, увижу завтра.

— Он болен? — спросила девочка, жалостливая, как все дети.

— Да, что-то захворал. Говорят, будто он, бедняжка, бредит уже второй день. Но при лихорадке всегда так бывает. Это не опасно, совсем не опасно.

Девочка примолкла. Учитель подошел к порогу и грустно посмотрел на улицу. Вечерние тени сгущались, кругом стояла тишина.

— Если б его кто-нибудь довел сюда, он навестил бы меня и сегодня,— сказал учитель, отходя от двери.— Бывало, всегда прибегал в сад пожелать мне спокойной ночи. Но, может быть, в болезни наступил перелом, а время сейчас позднее, роса выпала, сыро... Нет, сегодня ему лучше не приходить.

Учитель зажег свечу, притворил ставни на окнах, запер дверь и несколько минут сидел молча, потом вдруг снял шляпу с гвоздя и сказал, что пойдет проведать больного, если Нелл не ляжет до его возвращения. Девочка охотно на это согласилась, и он ушел.

Она ждала его с полчаса, а может, и больше, чувствуя себя такой одинокой в чужом доме, потому что дед, послушавшись ее уговоров, лег спать, и единственные звуки, которые нарушали тишину в комнате, были тиканье старинных часов да шелест листьев на ветру. Наконец учитель вернулся, сел к очагу и долго молчал. Потом взглянул на девочку и тихо попросил ее помолиться перед сном за больного ребенка.

— Мой любимый ученик! — сказал он, посасывая трубку, в которой не было огня, и с тоской обводя глазами стены.— Какая маленькая рука написала все это и как она истаяла за время болезни. Маленькая, совсем маленькая рука!

ГЛАВА XXV

Сладко выспавшись в каморке под самой крышей, где несколько лет подряд квартировал церковный сторож, обзаведшийся недавно женой и собственным домом, девочка встала рано утром и спустилась в комнату, в которой они ужинали накануне. Учителя, проснувшегося еще раньше, уже не было дома, и, воспользовавшись этим, она занялась уборкой, а когда их радушный хозяин вернулся, в комнате было чисто и уютно.

Он ласково поблагодарил девочку и сказал, что обычно у него прибирает одна старушка, но сегодня она ухаживает за больным школьником, о котором у них шла речь вчера. Нелл спросила, как он себя чувствует, не полегчало ли ему?

— Нет,— ответил учитель, грустно покачав головой.— Не только не полегчало, но, говорят, стало хуже за ночь.

— Мне очень жаль этого мальчика, сэр,— сказала Нелл.

Ее искреннее сочувствие было приятно бедному учителю, и вместе с тем оно, видимо, встревожило его еще больше, так как он поспешил сказать, что люди часто преувеличивают и видят опасность там, где ее нет. Потом добавил тихим, спокойным голосом:

— А я им не верю. Не должно этого быть, чтобы ему стало хуже.

Девочка попросила у него разрешения приготовить завтрак, и, когда дед ее сошел вниз, они все втроем сели за стол. Внимательно присмотревшись к старику, их хозяин заметил, какой у него усталый вид, и сказал, что ему не мешает отдохнуть как следует.

— Если вам предстоит далекий путь и вы не боитесь задержаться на лишний день, переночуйте у меня еще одну ночь. Я буду этому очень рад, друг мой.

Он увидел, что старик смотрит на внучку, не зная, согласиться ему или ответить отказом, и добавил:

— Мне очень бы хотелось подольше побыть с вашей маленькой спутницей. Окажите эту милость одинокому человеку, а заодно отдохните и сами. Если же вы торопитесь, я пожелаю вам доброго пути и провожу вас немного до начала уроков.

— Как нам быть, Нелл? — растерянно проговорил старик.— Скажи, дорогая, как нам быть?

Девочка сразу согласилась остаться — ее не пришлось долго уговаривать — и, чтобы отблагодарить доброго учителя, принялась наводить порядок в его маленьком доме. Покончив с делами, она вынула из своей корзинки шитье и села на табуретку у окна, сквозь решетку которого в комнату пробивались нежные плети жимолости и повилики. Старик грелся на солнце в саду, вдыхая аромат цветов и бездумно следя за облаками, плывущими в небе с легким попутным ветерком.

Когда учитель, поставив обе скамьи на место, сел за свой стол и занялся приготовлениями к урокам, девочка собралась к себе наверх, боясь помешать здесь. Но он не позволил ей уйти, и, чувствуя, что ее присутствие приятно ему, она осталась и снова принялась за шитье.

— У вас много учеников, сэр? — спросила она.

Учитель покачал головой и сказал, что они вполне умещаются на двух скамьях.

Нелл поглядела на прописи, расклеенные по стенам.

— А другие мальчики тоже хорошо учатся?

— Ничего,— ответил учитель,— неплохо, но разве кто из них так напишет?

Не успел он договорить, как в дверях появился загорелый белобрысый мальчуган. Отвесив неуклюжий поклон учителю, белобрысый вошел, уселся на скамью, положил на колени раскрытую книжку, до такой степени истрепанную, что можно было диву даться, на нее глядя, сунул руки в карманы и начал пересчитывать громыхавшие там шарики, выражая всем своим видом поразительную способность полного отрешения от страниц букваря, на который были устремлены его глаза. Вскоре в класс приплелся еще один белобрысый мальчуган, а следом за ним рыжий — постарше, а следом за рыжим еще двое белобрысых, потом еще один с шевелюрой, светлой, как лен, и так продолжалось до тех пор, пока на обеих скамьях не набралось человек десять, причем волосы у этих школяров были всех цветов и оттенков, кроме седого, а в возрасте они колебались, видимо, от четырех до четырнадцати — пятнадцати лет, так как самый младший, сидя на скамье, не доставал ногами до полу, а самый старший — добродушный, глуповатый увалень — был на полголовы выше учителя.

Крайнее место на передней скамье — почетное в школе — пустовало, потому что обычно на нем сидел заболевший мальчик; крайний из колышков, на которые вешались картузы и шапки, тоже был свободен. Никто не решался совершить святотатство и посягнуть на это место и на этот колышек, но школьники то и дело переводили с них взгляд на учителя и, прикрываясь ладонью, перешептывались между собой.

Но вот послышалось жужжанье десятка голосов, началась зубрежка, начались шалости и смешки — все как полагается в школе. И посреди этого гомона бедный учитель — олицетворение кротости и простодушия — тщетно пытался сосредоточиться на занятиях и забыть своего маленького друга. Скучный урок еще сильнее заставлял его тосковать о прилежном ученике, и он уносился мыслями далеко за порог класса.

Скорее всех это поняли самые отъявленные лентяи и, почувствовав, что им ничто не грозит, совсем перестали стесняться. Они играли в чет и нечет под самым носом у бедного учителя, совершенно открыто и безнаказанно грызли яблоки,

шутя, а то и со злости щипали соседей или вырезали свои имена ни больше ни меньше, как на ножках учительского столика. Тупица, вызванный отвечать урок, не трудился искать забытые слова на потолке, а без зазрения совести заглядывал в книжку, подступив вплотную к учителю. Мальчуган, пользующийся в этой компании заслуженной славой потешника, косил глазами, корчил рожи (конечно, малышам) и даже не считал нужным прикрываться букварем, а восхищенные зрители безудержно предавались восторгу. Когда учитель пробуждался от своего оцепенения и замечал, что творится вокруг, шалуны на минуту стихали, и на него устремлялись самые серьезные, самые скромные взгляды, но стоило ему уйти в себя, как шум поднимался снова с удесятеренной силой.

О, как хотелось этим лентяям вырваться на волю! С какой жадностью смотрели они в открытую дверь и в окно, готовые броситься вон из класса, убежать в лес и превратиться отныне и на всю жизнь в дикарей. Какие крамольные мысли о прохладной реке, о купанье под тенистой ивой, окунувшей свои ветви в воду, искушали и мучили вон того крепыша, который сидел с расстегнутым и распахнутым, насколько возможно, воротом, обмахивал пылающее лицо книжкой и думал, что лучше быть китом, корюшкой, мухой — чем угодно, только не школьником, обязанным маяться на уроке в такой знойный, душный день. Жарко! Спросите другого мальчика, хотя бы вон того, который доводит своих товарищей до исступления, потому что он сидит ближе всех к двери и, пользуясь этим, то и дело шмыгает в сад, окунает лицо в ведро с колодезной водой и катается по траве,— спросите его, часто ли бывают такие дни, как сегодняшний, когда пчелы и те забираются в самую сердцевину цветка и не выползают оттуда, видимо, решив почить от трудов и покончить с изготовлением меда. Такие дни созданы для безделья, для того, чтобы лежать на спине в зеленой траве и смотреть в небо до тех пор, пока его слепящая голубизна не заставит сомкнуть веки и задремать. Время ли сейчас корпеть над истрепанным букварем в сумрачном классе, куда солнце даже не заглядывает? Чудовищно!

Нелл шила у окна и в то же время внимательно прислушивалась ко всему, что делалось в классе, немного побаиваясь в душе этих шумливых озорников. Первый урок кончился, началось чистописание, и так как в классе был всего один стол — учительский, мальчики по очереди садились за него и выводили каракули на грифельных досках, а учитель тем временем ходил из угла в угол. Теперь шум немного утих, потому что учитель то и дело останавливался, заглядывал пишущему через плечо, а потом показывал ему, как красива та или иная буква в прописях, развешанных по стенам, хвалил тут волосную линию, там нажим и мягко советовал взять это за образец. И он вдруг умолкал и через минуту начинал расска-

зывать школьникам об их больном товарище, о том, что мальчик говорил вчера и как ему хотелось снова быть вместе с ними. В голосе его слышалась такая ласка и нежность, что этим сорванцам становилось стыдно своих шалостей, и они сидели смирно — не ели яблок, не гримасничали — по крайней мере, две минуты подряд.

— Знаете, мальчики,— сказал учитель, когда часы пробили двенадцать,— сегодня я, пожалуй, отпущу вас пораньше.

Услышав эту весть, школьники подняли оглушительный крик по команде рослого увальня, и учитель несколько секунд беззвучно шевелил губами, пытаясь договорить. Наконец он замахал рукой, призывая крикунов к молчанию, и они были так деликатны, что замолчали, однако не раньше, чем самый горластый из них окончательно осип и лишился голоса.

— Только сначала обещайте мне не шуметь,— продолжал учитель,— а если уж без этого нельзя, уйдите подальше, куда-нибудь за деревню. Я уверен, что вы не захотите беспокоить своего одноклассника и товарища по играм.

Ему ответили дружным «нет! нет!» (и, вероятно, искренне, ведь они были еще дети), а рослый увалень (тоже вполне искренне) призвал всех в свидетели, что он кричал совсем шепотом.

— Так вот, дорогие мои ученики,— сказал учитель,— не забывайте, о чем я вас просил, сделайте это ради меня. Веселитесь и благодарите создателя, что он наградил вас здоровьем. Прощайте!

— Благодарим вас, сэр! До свиданья, сэр! — послышалось на разные голоса, и мальчики чинно и тихо вышли из школы. Но солнце светило и птицы пели так, как светит солнце и как поют птицы только по праздникам — особенно по неожиданным. Деревья манили залезть на них и спрятаться среди густой листвы; сено само приглашало раскидать его по лугу; колеблемая ветром нива указывала путь к лесу и реке; мягкая мурава, по которой перемежались тени и пятна света, так и подмывала на беготню, прыжки и прогулки бог знает в какую даль. Ни один мальчик не мог бы смотреть на все это равнодушно, и школьники с радостным воплем гурьбой сорвались с места и разбежались кто куда, хохоча и перекликаясь друг с другом на бегу.

— Что же, так оно и должно быть,— сказал бедный учитель, глядя им вслед.— Я очень рад, что они не послушались меня.

Но, как известно, на всех не угодишь,— эту истину мы часто познаем на собственном опыте и без помощи басни, которая заключается такой моралью. И к учителю весь день приходили маменьки и тетушки, выражавшие крайнее неудовольствие его поступком. Некоторые из них ограничивались намеками и вежливо осведомлялись, какой сегодня праздник по ка-

лендарю. Другие (местные мудрецы-политики) доказывали, что отпускать с уроков во всякий иной день, кроме дня рождения его королевского величества, равносильно оскорблению трона, неуважению к церкви и государству и отдает крамолой. Но большинство, осуждая учителя, переходило на личности и совершенно открыто заявляло, что изучение наук такими скромными дозами — чистейшее надувательство и разбой среди бела дня, а одна старушка, которой не удалось ни взволновать, ни рассердить кроткого учителя своими попреками, выскочила на улицу и в течение получаса попрекала его заглазно, но во всеуслышание, под окном школы, втолковывая другой старушке, что он, конечно, сам предложит, чтобы у него высчитали за эти полдня из недельного жалованья, а иначе с ним никто и знаться не будет. Бездельников у нас хоть отбавляй (тут она повысила голос), есть и такие, которые даже в учителя не годятся; так вот, пусть глядят в оба, небось найдутся охотники на их место. Но все эти нарекания и шпильки не исторгли ни единого слова из уст незлобивого учителя, который сидел рядом с Нелли молча, ни на кого не жалуясь, и, пожалуй, был только грустнее обычного.

Вечером в садике послышались торопливые шаги, и пожилая соседка, столкнувшись с учителем в дверях, сказала ему, чтобы он шел к матушке Уэст — и поскорее, не дожидаясь ее. Учитель как раз собрался погулять с Нелли, и, не отпуская руки девочки, он быстро зашагал по улице, а соседка заковыляла за ними следом.

Подойдя к небольшому домику, учитель осторожно постучал в дверь. Ее тут же отворили. Они вошли и увидели женщин, окружавших дряхлую старуху, которая сидела на стуле и горько плакала, ломая руки и раскачиваясь взад и вперед.

— Матушка Уэст! — воскликнул учитель, подходя к ней.— Неужели ему так плохо?

— Кончается мой внучек! — простонала она.— Отходит! И все вы виноваты! Я не пустила бы вас к нему, да уж очень он просил. Вот до чего ученье доводит! О господи, господи! Что мне теперь делать?

— Матушка Уэст,— воскликнул учитель, подходя к ней.— Я не обижаюсь на вас, нет, нет! Когда у людей такое горе, они не вольны в своих словах. Вы сами не знаете, что говорите!

— Нет, знаю! — воскликнула старуха.— Это все правда! Если бы мой внучек не сидел по целым дням над книжками, не боялся, что вы его накажете, он был бы здоровый и веселый.

Учитель посмотрел на других женщин, словно спрашивая, неужели никто из них не заступится за него, но они только

качали головой и шептались друг с дружкой, повторяя, что ученье впрок не идет, и вот лишнее этому доказательство. Не сказав им ни слова, не бросив на них ни одного укоризненного взгляда, учитель пошел следом за соседкой, которая прибегала за ним, в спальню, где на постели, полуодетый, лежал его любимый ученик.

Он был еще совсем маленький мальчик, совсем ребенок. Волосы, по-прежнему кудрявые, обрамляли его лицо, глаза горели огнем, но огонь этот был уже не земной. Учитель сел рядом с ним и, склонившись над подушкой, тихо окликнул его по имени. Мальчик приподнялся, провел ладонью по его лицу, потом обнял за шею исхудалыми руками и прошептал:

— Добрый мой друг!

— Да, да, я твой друг, Гарри! Видит бог, я хотел тебе добра! — сказал бедный учитель.

— Кто это? — спросил мальчик, увидев Нелл.— Я боюсь поцеловать ее, она может заразиться. Пусть даст мне руку.

Не в силах сдержать слезы, девочка подошла к кровати и сжала его бессильные пальцы. Через минуту больной высвободил их и опустил голову на подушку.

— Ты помнишь мой сад, Гарри? — проговорил учитель, стараясь вывести его из забытья.— Помнишь, как там бывало хорошо по вечерам? Приходи ко мне поскорее! Цветы и те скучают без тебя и стоят такие грустные. Ты придешь, дорогой? Ведь придешь, правда?

Мальчик улыбнулся слабой, такой слабой улыбкой и погладил своего друга по седой голове. Губы его дрогнули, но ни слова не слетело с них — ни слова, ни единого звука.

Наступило молчание, и вечерний ветерок занес в распахнутое настежь окно неясный гул голосов.

— Что это? — спросил больной, открывая глаза.

— Это мальчики играют на лужайке.

Он вынул из-под подушки платок и хотел было взмахнуть им. Но рука его бессильно опустилась на одеяло.

— Дай мне,— сказал учитель.

— Помашите из окна,— послышался чуть внятный шепот.— Привяжите его к решетке. Может, они увидят и вспомнят обо мне.

Он приподнял голову, посмотрел на этот развевающийся на ветру флажок, перевел с него взгляд на биту, которая праздно валялась на столе рядом с грифельной доской, книжкой и другим мальчишеским имуществом. Потом снова опустился на подушку и спросил, почему не видно девочки, здесь ли она?

Нелл подошла к нему и погладила беспомощную руку, лежавшую на одеяле. Два старых друга — учитель и ученик,— ибо они были друзьями, несмотря на разницу в летах,— обня-

лись долгим объятием, а потом мальчик повернулся лицом к стене и уснул.

Учитель сидел у кровати, сжимая похолодевшую маленькую руку — руку мертвого ребенка. Он знал это, а отпустить ее не мог и все гладил, гладил, стараясь согреть ее.

ГЛАВА XXVI

Сердце у девочки разрывалось от боли, когда они с учителем вышли из комнаты, где лежал умерший, и вернулись в школу. И все же она утаила от деда истинную причину своего горя и слез, ибо маленький школьник тоже был внуком и после него осталась только дряхлая бабушка, осужденная до конца дней своих оплакивать эту безвременную смерть.

Нелл постаралась скорее лечь спать и наедине с собой дала волю слезам. Но печальная сцена, свидетельницей которой ей пришлось быть, заключала и полезный урок довольства и благодарности — довольства судьбой, даровавшей ей здоровье и свободу, и благодарности за то, что она может служить опорой единственному близкому человеку и другу, может жить и дышать в этом прекрасном мире, когда столько юных существ — юных и полных тех же надежд, что ласкали и ее сердце,— рано встречают смерть на своем пути и сходят в могилу. Сколько таких холмиков зеленело на том старом кладбище, где она гуляла недавно! И хотя Нелл судила об этом по-детски и, может быть, не совсем понимала, как прекрасен и безмятежен удел тех, кто покидает нас в юные годы, не зная горечи потерь (которые убивают стариков по многу раз в течение их долгой жизни), все же она восприняла суровый и простой урок, преподанный ей в тот вечер, и запомнила его надолго.

Маленький школьник снился ей всю ночь — не в гробу, не с закрытыми глазами, а радостный, улыбающийся, среди сонма ангелов. Солнце, метнув свои веселые лучи в каморку, разбудило ее. А теперь им надо было проститься с бедным учителем и снова начать свои странствия.

Когда они собрались в путь, занятия в школе уже шли своим чередом. В полутемном классе стоял гул голосов, быть может, более сдержанный, более приглушенный, чем вчера, но лишь на самую малость. Учитель встал из-за стола и проводил их до калитки.

Неуверенной, дрожащей рукой девочка протянула ему деньги, которые леди на скачках дала ей за цветы, и, не в силах вымолвить ни слова благодарности, вспыхнула от смущения, что не может предложить больше. Но учитель не взял их, он поцеловал ее и пошел назад в школу.

Они не сделали и десяти шагов, как учитель снова появился в дверях. Старик, а за ним и девочка вернулись и пожали ему руку.

— Желаю вам удачи и счастья,— сказал он.— Я теперь остаюсь совсем один. Если вы опять придете в наши края, не забудьте эту маленькую деревенскую школу.

— Мы никогда ее не забудем, сэр! — воскликнула Нелл.— Никогда не забудем, как вы были добры к нам!

— Сколько раз мне приходилось слышать такие обещания из детских уст,— с задумчивой улыбкой сказал учитель и покачал головой.— Но они быстро забывались. Был у меня один маленький друг — маленькие друзья надежнее,— а теперь и его нет. Да хранит вас господь!

Старик и девочка простились с ним в последний раз и медленно пошли по улице, оборачиваясь на ходу, пока его еще было видно. Наконец и деревня и дым, поднимавшийся из ее труб, остались далеко позади. Путники прибавили шагу, решив держаться большой дороги и идти туда, куда она приведет их.

Но большие дороги тянутся бесконечно. Если не считать двух-трех деревушек, мимо которых они прошли не останавливаясь, да одинокой харчевни, где им продали хлеба и сыра, дорога так никуда и не привела их за весь день, а конца этому скучному однообразному пути не было видно. Но им не оставалось ничего другого, как идти вперед, и они шагали все медленнее и медленнее, потому что усталость уже одолевала их.

Тихий вечер, пришедший на смену дню, застал путников у перекрестка, где дорога круто сворачивала через большой выгон. Они подошли к краю этого выгона и возле живой изгороди, отделявшей его от полей, неожиданно наткнулись на фургон, который стоял там.

Это был не какой-нибудь облезлый, грязный, запыленный рыдван, а хорошенький домик на колесах, с белыми кисейными занавесками, подобранными на окнах фестончиками, и с зелеными ставнями в ярко-красную полоску, что придавало всему этому сооружению чрезвычайно нарядный вид столь удачным сочетанием цветов. И в упряжке у него ходили не какой-нибудь осел или заморенная кляча, а пара сытых лошадок, которые разгуливали сейчас на свободе, пощипывая пыльную траву. Не подумайте также, что это был цыганский фургон, ибо в раскрытых дверях его с блестящим медным молоточком сидела весьма солидная и радующая глаз своими размерами леди в пышном капоре с подрагивающими на нем бантами. А о том, что описываемый нами фургон вовсе не был убогим или нищенским, вы можете судить на основании того, чем эта леди занималась в данную минуту,— занятие же у нее было как нельзя более приятное и освежающее: она пила чай. Чайная посуда, а также довольно подозрительная на вид бутылка и блюдо с окороком стояли на барабане, покрытом белой салфеткой, и эта странствующая леди сидела за своим барабаном, словно за круглым столиком, удобнее которого ни-

чего не могло быть, и, вкушая чай, любовалась открывающимся перед ней видом.

Случилось так, что, когда наши путники приблизились к фургону, хозяйка его поднесла чашку к губам (а чашка эта, под стать ей самой, была весьма солидная и радовала глаз своими размерами), устремила взоры в небеса, упоенная ароматным чаем, может быть, сдобренным ложечкой или однойединой капелькой того, что содержалось в подозрительной бутылке,— впрочем, это только наши домыслы, которые мы отнюдь не собираемся выдавать за достоверный факт,— и, будучи захвачена столь приятными переживаниями, никого и ничего вокруг себя не замечала. Но вот наступила минута, когда дородная леди должна была опустить чашку на барабан и глубоко перевести дух, так как опорожнить такой сосуд стоило немалых усилий. Проделав все это, она вдруг увидела старика и маленькую девочку, которые медленно шли мимо и, не в силах скрыть своего восторга, хоть и застенчиво, но голодными глазами следили за каждым ее движением.

— Эй! — крикнула хозяйка фургона и, собрав с колен крошки, ссыпала их горстью в рот, после чего вытерла губы.— Ну, конечно, так оно и есть. Девочка! Кто получил кубок?

— Какой кубок, сударыня? — спросила Нелл.

— Призовой кубок на скачках, девочка, тот, что разыгрывался на второй день.

— На второй день, сударыня?

— Да, да! на второй день! — нетерпеливо повторила дородная леди.— Тебя вежливо спрашивают, а ты не можешь ответить, кто выиграл кубок!

— Я не знаю, сударыня.

— Не знаешь? — удивилась хозяйка фургона.— Ты же была там! Я сама тебя видела!

Услышав это, Нелл заподозрила дородную леди в тесных сношениях с фирмой «Коротыш и Кодлин» и перепугалась, но то, что последовало дальше, успокоило ее.

— Да, видела, и еще пожалела тебя — зачем ты водишься с Панчем,— продолжала дородная леди,— с этим низкопробным площадным шутом, на которого и смотреть-то совестно.

— Я попала туда случайно,— ответила девочка.— Мы не знали дороги, а эти кукольники были так добры, что взяли нас с собой. Вы... вы с ними знакомы, сударыня?

— Я? — пронзительно взвизгнула хозяйка фургона.— Знакома с *ними!* Впрочем, что с тебя спрашивать, ты еще совсем дитя и не разбираешься в таких вопросах. Посмотри на меня, девочка! Разве мне пристало знаться с Панчем? Посмотри на мой фургон! Разве ему пристало знаться с Панчем?

— Нет, нет, сударыня! — воскликнула девочка, догадавшись, что она совершила ужасную ошибку.— Простите меня, пожалуйста!

Прощение было дано немедленно, хотя леди все еще не могла прийти в себя, так ее взволновало столь унизительное предположение. Девочка пояснила, что они ушли со скачек в первый же день и теперь держат путь в ближайший город, где собираются переночевать, и так как физиономия дородной леди стала мало-помалу проясняться, она решилась спросить, далеко ли им еще идти. Ответ последовал лишь после того, как дородная леди обстоятельно рассказала, что она приехала на скачки в линейке и провела там один день исключительно ради собственного удовольствия, не связывая себя делами и соображениями выгоды,— и ответ был таков: до города осталось восемь миль.

Услышав это печальное известие, девочка огорчилась и, еле сдерживая слезы, посмотрела на овеянную сумерками дорогу. Старик не проронил ни слова жалобы, только тяжело вздохнул, оперся на палку и устремил взгляд вдаль, тщетно пытаясь разглядеть ее за серой завесой пыли.

Тем временем хозяйка фургона принялась составлять на поднос все свои чайные принадлежности, но, увидев, как девочка приуныла, она остановилась и задумалась. Нелл сделала ей реверанс, поблагодарила за полученные сведения, протянула руку деду и уже успела отойти с ним шагов на двадцать, как вдруг хозяйка фургона окликнула ее.

— Ближе подойди, еще ближе! — сказала она, знаком приглашая Нелл подняться на ступеньки.— Ты хочешь есть, девочка?

— Нет, не очень, но мы устали... и нам еще так далеко идти.

— Ну, вот и выпей чаю,— сказала ее новая знакомая.— Вы, дедушка, надеюсь, не откажетесь?

Старик смиренно снял шляпу и поблагодарил дородную леди. Тогда его тоже пригласили подняться по ступенькам, но, поскольку за барабаном двоим оказалось тесновато, они снова спустились вниз и сели на траву, и туда им был подан чайный поднос, хлеб, масло, окорок — короче говоря, все, чем услаждалась сама хозяйка фургона, за исключением бутылки, которую она ухитрилась вовремя сунуть в карман.

— Устраивайтесь поближе к задним колесам, там вам будет удобнее,— сказала их новая знакомая, наблюдая за ними сверху.— Теперь, девочка, дай мне чайник, я подолью в него кипятку, подсыплю щепотку чаю, и тогда ешьте, пейте сколько вашей душе угодно, больше от вас ничего не требуется.

Старик и девочка, наверно, так и поступили бы, даже если бы дородная леди была менее гостеприимна или подала бы им угощенье молча. Но после ее радушной просьбы чувство стеснения и неловкости оставило их, и, с аппетитом принявшись за ужин, они отдали ему должное.

Пока гости были заняты едой, хозяйка фургона спустилась на землю, заложила руки за спину и с величественным видом, чрезвычайно твердой поступью, так что ее огромный капор подрагивал на каждом шагу, стала прогуливаться взад и вперед, то и дело бросая горделивые взгляды на фургон и получая особое удовлетворение от красных полосок на ставнях и медного дверного молоточка. Закончив этот легкий моцион, она присела на ступеньки и крикнула: «Джордж!» — вслед за чем из-за кустов, скрывавших его так, что, будучи сам невидимым, он мог наблюдать за всем происходившим около фургона, выглянул человек в извозчичьей блузе, который, как оказалось, сидел в этом укромном местечке, держа на коленях сковороду и бутыль вместимостью в полгаллона, а в правой и левой руке нож и вилку.

— Да, сударыня? — сказал Джордж.

— Как тебе понравился паштет, Джордж?

— Паштет недурной, сударыня.

— А пиво, Джордж? — продолжала дородная леди, и по всему было видно, что вопрос этот интересует ее гораздо больше предыдущего.— Как оно, сносное?

— Малость выдохлось,— ответил Джордж,— но ничего, пить можно.

Чтобы окончательно успокоить хозяйку, он приложил бутыль ко рту, сделал большой глоток (по меньшей мере с пинту), громко причмокнул, зажмурил один глаз и кивнул головой. Потом, видимо, с не менее благими намерениями, схватился за нож и вилку и доказал на деле, что пиво не отбило у него аппетита.

Хозяйка фургона постояла несколько минут молча, одобрительно глядя на него, и вдруг спросила:

— Ты скоро кончишь?

— Скоро, сударыня.— И действительно, подобрав ножом со сковороды самые поджаристые крошки и отправив их в рот, затем приложившись к бутыли с таким строго научным расчетом, что голова его почти незаметно для постороннего глаза запрокидывалась все дальше и дальше и наконец почти коснулась земли, этот джентльмен счел себя совершенно свободным и вылез из своего тайника.

— Надеюсь, ты не поспешил из-за меня? — спросила дородная леди, с явным сочувствием относившаяся к его манипуляциям с бутылью.

— Если даже и поспешил,— ответил возница, предусмотрительно оставляя за собой свободу действий в будущем,— в другой раз сквитаемся — только и всего.

— Как по-твоему, Джордж, поклажа у нас не очень тяжелая?

— Вот, женщины всегда так! — воскликнул он и окинул взглядом горизонт, словно призывая самое природу восстать

против столь чудовищного предположения.— Посади женщину на козлы, и у нее кнут ни минуты не полежит спокойно. Лошадь хоть во весь опор скачи, а она знай будет погонять. Скотина везет сколько может — так нет, подбавляй еще! Что у вас на уме?

— Большая будет разница для лошадей, если мы посадим вот их двоих? — спросила хозяйка фургона, оставляя без внимания философическую тираду Джорджа и показывая на старика и Нелл, которые уже готовились продолжать свой нелегкий путь.

— Конечно, большая,— упрямился он.

— Большая? — повторила его хозяйка.— Уж не такие они тяжелые.

— Они вместе, сударыня,— сказал Джордж, глядя на девочку и старика с таким уверенным видом, словно ему ничего не стоило определить их вес с точностью до пол-унции,— они вместе потянут чуть меньше Оливера Кромвеля.

Нелл удивилась — откуда он может знать вес человека, который, как ей помнилось по книжкам, жил задолго до их времени, но на радостях тут же забыла об этом, потому что дородная леди предложила им место в фургоне. Нелл горячо поблагодарила свою новую знакомую, помогла ей быстро убрать чайную посуду и другие вещи, лежавшие на траве, и, так как к этому времени лошади были уже запряжены, забралась в фургон вместе с дедом, который не помнил себя от радости. Захлопнув за собой дверь, их благодетельница села у барабана под открытым окном. Джордж снял лесенку, сунул ее под кузов, и они тронулись в путь под скрип колес, под грохот и дребезжанье, сопровождавшиеся стуком блестящего медного молоточка, который висел на двери без всякой надобности и сам по себе отбивал двойные удары в такт медленному движению фургона.

ГЛАВА XXVII

Когда они не спеша проехали по дороге с полмили, Нелл решилась бросить взгляд по сторонам и украдкой осмотреть фургон. Половину его — ту, где восседала дородная леди, устилал ковер, а за перегородкой в дальнем углу виднелось нечто вроде алькова, который напоминал корабельную койку, был занавешен, подобно окнам, чистой белой занавеской и выглядел очень уютно, хотя какие чудеса акробатики приходилось проделывать владелице фургона, чтобы забраться туда, оставалось неразрешимой загадкой. Другая половина служила кухней, и там стояла железная печка с выведенной на крышу маленькой трубой. Здесь же помещалось несколько ящиков, ларь, большой кувшин воды, кухонная утварь и посуда. Последняя висела по

стенам, не то что на парадной половине, которая была украшена более изящными и веселыми предметами, как, например, треугольником и двумя-тремя сильно захватанными бубнами.

Хозяйка фургона горделиво восседала у одного окна, под поэтической сенью музыкальных инструментов; Нелл с дедом примостились у другого, под сенью более скромной, то есть под кастрюлями и чайниками, а экипаж тем временем двигался своим путем, медленно пропуская мимо себя в сгущающихся сумерках придорожную панораму. Сначала оба наших путника говорили мало и все больше шепотом, но, освоившись с новой обстановкой, почувствовали себя свободнее и стали обмениваться впечатлениями о местах, по которым проезжал фургон, и обо всем, что попадалось по дороге, а потом старик задремал, и, заметив это, дородная леди подозвала Нелл к себе.

— Ну, девочка,— сказала она,— как тебе нравится такой способ путешествия?

Ехать в фургоне очень приятно, ответила Нелл, и дородная леди согласилась с ней, с той лишь оговоркой, что приятность эту дано чувствовать только тем, кто не страдает меланхолией. Что же касается ее самой, то она частенько бывает в угнетенном состоянии духа и нуждается в подбадривающих средствах, но откуда эти подбадривающие средства черпались — из подозрительной ли бутылки, о которой речь шла выше, или из каких-нибудь других источников, осталось невыясненным.

— Да, вам, молодежи, хорошо! — продолжала хозяйка фургона.— Вы не знаете, что такое меланхолия. И аппетит у вас никогда не пропадает, а это такое счастье!

Нелл подумала, что сама она иной раз предпочла бы иметь более умеренный аппетит и что, судя по виду дородной леди и по тому, с каким смаком она пила чай, нормальный вкус к еде не изменяет ей. Впрочем, она не сочла возможным прекословить и ждала продолжения разговора.

Но дородная леди долго молчала, не сводя глаз с Нелли, потом поднялась, достала из угла скатанный в трубку большой кусок парусины, положила его на пол и раскатала ногой во всю длину фургона.

— Вот, девочка,— сказала она,— прочти, что здесь написано,

Нелл прошла от одного конца парусины до другого и прочитала надпись, выведенную огромными черными буквами:

«ПАНОПТИКУМ ДЖАРЛИ»

— Еще раз,— самодовольным тоном сказала леди.

— «Паноптикум Джарли»,— повторила Нелл.

— Это я,— сказала леди.— Я и есть миссис Джарли.

Бросив на девочку ободряющий взгляд, чтобы успокоить ее и внушить ей, что, даже находясь в присутствии самой Джарли,

она не должна теряться и трепетать, хозяйка фургона развернула второй свиток, на котором было написано: «Сто восковых фигур в натуральную величину», потом третий: «Единственное в мире грандиозное собрание настоящих восковых фигур», потом еще несколько свитков поменьше с такими надписями, как: «Открывается в помещении...», «Единственная и неповторимая Джарли», «Непревзойденный кабинет восковых фигур», «Джарли — радость аристократии и дворянства», «Королевская фамилия оказывает покровительство Джарли». Ознакомив изумленную девочку с этими левиафанами публичных извещений, она извлекла на свет божий и более мелкую рыбешку в виде листков, пародирующих всем знакомые романсы, а именно: «Поверь мне, паноптикум Джарли — мечта!», «Как твой музей красой блистает», «Лети, корабль, нас кличет Джарли», а также, в угоду вкусам игривым и легким, популярную песенку «Мой ослик» с несколько измененным текстом:

Ослик, стой! Возьмись за ум
И беги в паноптикум!
Если ж ты не рвешься в зал,
Не слыхать тебе похвал.

Спешите к Джарли...

Было тут и несколько прозаических произведений, составленных в форме диалогов между китайским императором и устрицей или между архиепископом Кентерберийским и диссидентом по поводу церковных податей. Каждый диалог, независимо от темы, заключался одной и той же моралью, которая внушала читателям, что все они должны как можно скорее посетить паноптикум Джарли и что дети и прислуга платят за вход полцены. Поразив Нелл этими свидетельствами своего высокого положения в обществе, миссис Джарли аккуратно свернула их, убрала на место, села и устремила на девочку торжествующий взгляд.

— Думаю, тебе не захочется больше водить знакомство с мерзостным Панчем,— сказала она.— После всего, что ты здесь видела.

— Я никогда не была в кабинете восковых фигур, сударыня,— сказала Нелл.— Они смешнее Панча?

— Смешнее! — пронзительно вскрикнула миссис Джарли.— Это совсем не смешно!

— А!..— смиренно протянула девочка.

— Это совсем не смешно,— повторила миссис Джарли.— Это зрелище серьезное и... опять забыла — критическое?.. нет, классическое. Да, да, серьезное и классическое. У нас не увидишь ни безобразных драк, ни потасовок, никто не балагурит, не пищит, как твой драгоценный Панч. Все чинно, благородно, все делается по раз заведенному порядку. И мои восковые фигуры как живые! Если бы они могли говорить и двигаться, ты

бы не отличила их от людей. Я, конечно, не стану утверждать, что восковые фигуры совсем как люди, но иной раз посмотришь на человека — и подумаешь: ни дать ни взять восковая фигура!

— И они все здесь? — спросила Нелли, заинтересовавшись таким описанием.

— Кто?

— Восковые фигуры.

— Господь с тобой, девочка! Что ты говоришь! Ведь это же целый паноптикум, а здесь все на виду, кроме того, что хранится в ларе да в ящиках. Фигуры отправлены в зал городского собрания в другом фургоне, а день открытия назначен на послезавтра. Ты будешь в городе и сама все посмотришь. Разумеется, посмотришь! Как же может быть иначе?

— Вряд ли я попаду в этот город, сударыня,— сказала девочка.

— Не попадешь? — воскликнула миссис Джарли.— Куда же вы идете?

— Я... я сама не знаю.

— То есть как? Что же, вы скитаетесь по дорогам и сами не знаете, куда идете? Вот странные люди! Чем вы занимаетесь? И на скачках тебе было совсем не место, я еще подумала: может быть, ты случайно туда попала?

— Да, мы попали туда случайно,— ответила Нелл, смущенная этим градом вопросов.— Мы бедняки и идем просто так, куда глаза глядят. И работы у нас нет... а мне бы хоть какую-нибудь достать.

— Час от часу не легче! — сказала миссис Джарли после паузы, во время которой она хранила такое же безмолвие, как и любая из ее восковых фигур.— Да кто же вы? Неужто нищие?

— Да, сударыня, я не знаю, как нам себя назвать иначе,— ответила девочка.

— Господи твоя воля! — воскликнула хозяйка фургона.— В жизни ничего подобного не слышала! Подумать только!

После этого миссис Джарли замолчала надолго, и Нелл решила, что, оказав покровительство — кому? — нищенке! — да еще удостоив ее беседой, дородная леди самым непоправимым образом унизила свое достоинство. И когда миссис Джарли наконец заговорила, ее слова не только не опровергли, но и подтвердили опасения девочки.

— А ведь ты умеешь читать! Пожалуй, не только читать, но и писать!

— Да, сударыня,— сказала девочка, боясь, как бы не нанести этим признанием новой обиды.

— Вот, поди же! — воскликнула миссис Джарли.— А я не умею!

Нелл сказала «неужели», выражая то ли сдержанное удивление, как это единственная и неповторимая Джарли — радость аристократии и дворянства и любимица королевской фамилии — не удосужилась постигнуть столь нехитрую науку, то ли уверенность, что эта высокопоставленная леди не нуждается в таких пустяках. Как поняла миссис Джарли ответ Нелл — неизвестно, во всяком случае, он не расположил ее к дальнейшим расспросам и замечаниям, ибо она погрузилась в глубокое раздумье, которое так затянулось, что Нелл отошла к другому окну и села возле проснувшегося к тому времени старика.

Но вот хозяйка фургона стряхнула с себя задумчивость, окликнула возчика и вступила с ним в длинный разговор вполголоса, видимо, спрашивая его совета и обсуждая со всех сторон какой-то весьма важный вопрос. Когда же их беседа закончилась, она снова втянула голову в окно и подозвала к себе девочку.

— И старичок пусть подойдет,— сказала миссис Джарли.— Мне с ним тоже надо поговорить. Вы хотите, уважаемый, чтобы ваша внучка поступила на хорошее место? Если хотите, я это устрою. Ну, решайте!

— Я не могу ее оставить,— ответил старик.— Как же мы расстанемся? Куда я денусь без моей Нелл?

— Вы в таком возрасте, что можете сами о себе позаботиться,— кажется, не беспомощный! — резким тоном возразила ему миссис Джарли.

— Нет, он беспомощный, совсем беспомощный! Прошу вас, будьте с ним поласковее,— горячо зашептала девочка и добавила громко: — Большое вам спасибо, но мы не покинем друг друга ни за какие сокровища в мире.

Несколько обескураженная таким ответом, миссис Джарли посмотрела на старика, а он нежно взял руку Нелл и удержал ее в своих, словно боясь, что внучка может легко расстаться с ним и даже забыть о его существовании. После неловкой паузы миссис Джарли снова высунулась в окно и снова вступила в беседу с возчиком, которая протекала не так согласно, как в первый раз. Но вот совещание кончилось, и она опять обратилась к старику:

— Если вы сами не прочь заняться делом, то работа и для вас найдется — сметать пыль с фигур, проверять билеты и прочее, тому подобное. А ваша внучка пусть водит посетителей по музею и все им рассказывает. Заучить это нетрудно, манеры у нее хорошие, и публика примирится с ней, хотя она и будет вместо меня. Ведь я всегда сама объясняла. Жалко бросать, да ничего не поделаешь,— при таком угнетенном состоянии духа я нуждаюсь в покое. И заметьте — это предложение незаурядное,— добавила леди, переходя на тот высокопарный тон, которым она привыкла обращаться к зрителям.— Помните,

что это паноптикум Джарли! Обязанности у девочки будут приятные и необременительные, публика к нам ходит самая избранная, помещение я снимаю в залах собраний, в ратушах, в больших гостиницах и аукционных галереях. Заметьте, что Джарли не бродяжничает под открытым небом! Помните, что у Джарли вы не увидите ни брезентовой палатки, ни опилок! Афиши Джарли не лгут, все ваши ожидания оправдаются сполна, и перед вами предстанет зрелище, равного которому нет во всем королевстве. Входная плата всего шесть пенсов. Помните это и не теряйте такой возможности, может быть, она представится вам единственный раз.

С вершины своего монолога миссис Джарли сразу спустилась на землю и, коснувшись мелочей обыденной жизни, заявила, что она не будет назначать Нелл определенного жалованья до тех пор, пока не испытает ее способностей и не проверит их на деле самым тщательным образом. Что же касается стола и помещения, то все это они получат бесплатно, причем еда будет обильная и вкусная.

Старик и Нелл решили посоветоваться между собой, и, пока они были заняты этим, миссис Джарли, заложив руки за спину, расхаживала взад и вперед по фургону с тем же необычайным достоинством и с той же степенностью, с какими она прогуливалась после чая по скучной земле. Это обстоятельство вполне заслуживает особого упоминания, ибо не следует забывать, что фургон находился в движении, а следовательно, ступать по нему, не пошатываясь на каждом шагу, могла только особа, обладающая прирожденной величавостью и благоприобретенной грацией.

— Ну, как вы решили? — спросила миссис Джарли, останавливаясь и глядя на Нелл.

— Мы вам очень признательны, сударыня,— ответила девочка,— и с благодарностью принимаем ваше предложение.

— И уж, наверно, никогда об этом не пожалеете,— сказала миссис Джарли.— Ну-с, а теперь, когда с делами покончено, давайте ужинать.

Между тем фургон, продолжавший медленно тащиться вперед, словно он тоже выпил крепкого пива и малость осовел, наконец загрохотал по городской улице, совершенно безлюдной и тихой, потому что время близилось к полночи и горожане давно спали у себя по домам. Так как ехать к снятому под музей помещению было поздно, они свернули на пустырь сразу за городскими воротами, намереваясь переночевать там рядом с другим фургоном, который перевозил с места на место утеху всей страны — паноптикум Джарли — и имел положенную по закону дощечку со славным именем владелицы, но тем не менее был самым бессовестным образом заклеймен конторой по оплате гербового сбора как «грузовая подвода» да

еще пронумерован — семь тысяч с чем-то! — точно его драгоценную ношу можно было приравнять к какой-то муке или углю!

Эту незаслуженно оскорбленную колымагу, сейчас пустовавшую (ибо она уже доставила свой груз на место и дожидалась, когда ее услуги понадобятся снова), отвели на ночь старику, и Нелл заботливо постелила ему там постель из того, что оказалось под рукой. Сама же она должна была спать в дорожном экипаже миссис Джарли, что служило знаком особого расположения и доверия к ней со стороны этой леди.

Девочка простилась со стариком и пошла к своему фургону, но, соблазнившись ночной прохладой, решила побыть немного на воздухе. Луна ярко освещала древние городские ворота, оставляя проход под ними в густой черной тени, и Нелл со смешанным чувством любопытства и страха медленно подошла к их арке, остановилась и подумала: каким мраком, холодом и какой стариной веет от этого темного свода!

В глубине ворот зияла ниша — место для какой-нибудь древней статуи, то ли развалившейся, то ли убранной отсюда сотню лет назад. Нелл едва успела представить себе мысленно, сколько странного люда повидала эта статуя на своем веку, сколько жестоких столкновений, сколько убийств произошло в этом пустынном месте, как вдруг из-под черной арки появился человек. Она узнала его мгновенно. Да и нельзя было не узнать в нем страшного, уродливого Квилпа.

Улица за воротами была такая узкая, тени, падавшие от домов, такие густые, что казалось, будто он выскочил прямо из-под земли. Но это был Квилп. Девочка отступила в самый темный угол подворотни, и карлик прошел мимо, совсем близко. В руках у него была палка; он остановился на свету, оперся на нее и, оглянувшись назад — прямо туда, где стояла Нелл,— махнул рукой.

Неужели ей? Нет, слава богу, не ей, потому что в ту минуту, когда она, не помня себя от страха, колебалась — крикнуть ли «помогите!» или бежать прочь, пока Квилп не схватил ее, из-под ворот медленно появилась другая фигура — фигура мальчика, тащившего на спине сундук.

— Живей, каналья! — крикнул Квилп. Он оглядывал арку ворот, вырисовываясь в лунном свете чудовищным истуканом, который словно выскочил из ниши и теперь посматривал издали на свое прежнее обиталище.— Живей!

— Тяжело, сэр! — жалобно проговорил его носильщик.— Я и так чуть не бегом.

— Он и так чуть не бегом! — возмутился Квилп.— Да ты, собака, еле тащишься, ноги волочишь, ползешь, как червяк! Стой, часы бьют... половина первого.

Он прислушался, потом вдруг с яростью подскочил к мальчику, заставив его шарахнуться в сторону, и спросил, когда здесь проходит лондонский дилижанс. Мальчик ответил, что в час ночи.

Ну, пойдем,— сказал Квилп.— Не то я опоздаю. Живей — слышишь? Живей!

Мальчик прибавил шагу сколько мог, а Квилп, шедший впереди, то и дело оглядывался назад, торопя его и грозя ему кулаком. Нелл не смела шевельнуться, пока они не скрылись в темноте, а потом, когда их не стало ни видно, ни слышно, бросилась к фургонам, словно боясь, что ее дед и на расстоянии почувствует близость Квилпа, испугается и потеряет покой. Но старик спал крепким сном, и она тихонько отошла от него.

По дороге к своему фургону Нелл все обдумала и решила умолчать об этом происшествии, ибо Квилп (какова бы ни была цель его приезда сюда, а она подозревала, что он разыскивал их) возвращался домой, судя по его вопросу о лондонском дилижансе,— значит, им лучше оставаться здесь, подальше от Лондона. И все же она никак не могла успокоиться после встречи с карликом, и ей казалось, будто легионы Квилпов надвигаются на нее со всех сторон и воздух кишит ими.

Радость аристократии и дворянства и любимица августейших особ уже успела забраться на свою походную койку посредством самосокращения — сложного процесса, никому, кроме нее, не известного,— и мирно похрапывала там, а огромный капор, бережно снятый ею с головы, величаво покоился на барабане под тусклой лампой, свисавшей с потолка. Девочка легла в постель, приготовленную ей на полу, и, услышав, как Джордж тотчас же после ее прихода убрал лесенку, облегченно вздохнула, потому что теперь всякая связь между внешним миром и медным дверным молоточком была прервана. Некии гортанные звуки, время от времени проникавшие сквозь дощатый пол, и шорох соломы, доносившийся оттуда же, свидетельствовали о том, что возчик улегся спать на земле под фургоном, и это еще больше успокоило ее.

И все же, несмотря на такую надежную защиту, она то и дело просыпалась и вновь засыпала и не могла забыть Квилпа, который каким-то образом сливался в ее тревожных снах с музеем восковых фигур и сам был то восковой фигурой, то одновременно и миссис Джарли, и восковой фигурой, то шарманкой, то самим собой. Наконец, уже на рассвете, она забылась тем крепким сном, что побеждает всякую усталость, всякую тревогу и дарует нам лишь чувство беспредельного и всепоглощающего наслаждения.

ГЛАВА XXVIII

Сон так долго не слетал с ресниц девочки, что, когда она наконец проснулась, миссис Джарли, успевшая надеть свой огромный капор, уже была занята приготовлением завтрака. Она приняла извинения Нелли весьма милостиво, простила ей опоздание и сказала, что не собиралась будить ее до самого полудня.

— Что может быть лучше сна! — добавила хозяйка фургона.— Когда устанешь, надо спать, сколько спится, и всю усталость как рукой снимет. Крепкий сон это еще одно из благ молодости.

— А вы плохо провели ночь, сударыня? — спросила Нелл.

— У меня, девочка, все ночи такие,— с видом мученицы ответила миссис Джарли.— Иной раз сама диву даешься, откуда в тебе еще силы берутся.

Вспомнив храп, доносившийся из той теснины в фургоне, где почивала владелица паноптикума, Нелл подумала: «Уж не приснилась ли миссис Джарли собственная бессонница?» Однако она выразила хозяйке свое сочувствие по поводу столь плачевного состояния ее здоровья и села завтракать вместе с ней и дедом. После завтрака посуда была перемыта и убрана, и миссис Джарли, накинув на себя чрезвычайно пеструю шаль, стала готовиться к торжественному шествию по городским улицам.

— Джордж повезет ящики в зал,— сказала она,— и ты поезжай с ним. Я волей-неволей должна идти пешком, потому что от меня этого ждут. Мы, видные общественные деятели, не принадлежим самим себе. Посмотри, девочка, у меня все в порядке?

Нелл ответила утвердительно, однако миссис Джарли воткнула еще множество булавок в различные части своей фигуры, сделала несколько безуспешных попыток осмотреть через плечо собственную спину и, оставшись довольна собой, величественно выплыла на улицу.

Фургон, подскакивая по мостовой, тронулся следом за ней. Нелл, глядя в окошко, с интересом рассматривала город и в то же время ожидала, что из-за каждого угла перед ней может появиться страшное лицо Квилпа. Городок оказался довольно большой, и они медленно пересекали его широкую площадь, посреди которой возвышалась городская ратуша с башенными часами и флюгером на крыше. Дома здесь были и каменные, и красные кирпичные, и желтые кирпичные, и оштукатуренные, попадались и деревянные, большей частью очень старые, с темными резными ликами, сурово смотревшими с карнизов. Окна в этих домах были крошечные, подслеповатые, притолоки низкие, а в узких переулках крыши их почти смыкались над мостовой. Улицы, залитые солнцем, поражали чистотой,

безлюдьем и скукой. Бездельники по двое, по трое торчали у двух здешних трактиров, у дверей лавок, слонялись по пустому рынку; возле богадельни дремали на стульях старики и старухи, но прохожие, которые шли бы куда-нибудь по делу, были здесь редкостью, и если один такой и попадался,— его шаги по раскаленной на солнце мостовой долго будили эхо в закоулках. Казалось, кто и что может ходить здесь, кроме часов? Но циферблаты у них были такие сонные, стрелки такие тяжелые и ленивые, бой такой скрипучий, что они, наверно, вечно отставали. Собаки и те спали мертвым сном, а мухи, до одури объевшиеся постным сахаром в бакалейной лавке, сгорали заживо на самом пекле в пыльных уголках ее окна, забыв и о своих крыльях, и о своем былом проворстве.

Громко стуча колесами по булыжнику, фургон подъехал к снятому под выставку помещению, и Нелл сразу же очутилась в толпе восхищенных ребятишек, которые, наверно, приняли ее за одну из главных диковинок паноптикума, а при виде старика твердо уверились, что это какая-то хитрая штуковина, слепленная из воска. Ящики со всей возможной поспешностью вынесли из фургона и втащили в зал, где миссис Джарли вместе с Джорджем и его помощником в плисовых штанах и коричневой шляпе с заткнутыми за ленточку подорожными квитанциями тут же пустили в дело содержимое этих ящиков (а именно фестоны из красной материи и другую драпировку) для придания нарядного вида залу.

Не теряя времени все принялись за работу, а ее хватало на каждого. Так как грандиозное собрание восковых фигур все еще держали в чехлах, чтобы завистливая пыль не испортила им цвета лица, Нелл тоже занялась украшением зала, в чем ей усердно помогал дед. Для Джорджа и его подручного такая работа была не в новинку, и они быстро управлялись с ней, а миссис Джарли выдавала им гвоздики из висевшей у нее через плечо холщовой сумки, похожей на сумку сборщика у заставы, и всячески поощряла их старания.

В самый разгар этих приготовлений в дверях зала с приветливой улыбкой на устах появился высокий горбоносый брюнет в старом военном мундире, который был узок и короток ему в рукавах, носил на себе — увы! — лишь следы украшавших его когда-то кистей и шнуров и вполне соответствовал столь же потрепанным панталонам серого цвета, плотно облегавшим ляжки, и легким туфлям, явно клонившимся к концу своего земного существования. Миссис Джарли стояла спиной к дверям, и, погрозив пальцем ее приспешникам, чтобы они не выдавали его присутствия, джентльмен в мундире подкрался к ней сзади, щелкнул ее по шее и шутливо крикнул: «У-у!»

— Мистер Слам! — воскликнула владелица паноптикума.— И вы здесь! Господи, ну кто бы мог это подумать!

— Клянусь честью, здорово сказано! — в свою очередь, воскликнул мистер Слам.— Клянусь честью, умно сказано! В самом деле, кто бы мог это подумать! Джордж, мой верный друг! Как поживаешь?

Джордж выслушал это приветствие с полным равнодушием и, не переставая стучать молотком, грубовато ответил, что поживает неплохо.

— Меня привело сюда...— продолжал джентльмен в мундире.— Клянусь честью, я сам толком не знаю, что меня сюда привело. Черт возьми! Просто теряюсь, не придумаю, как объяснить! Я искал вдохновения, искал случая немножко рассеяться, немножко проветриться и... клянусь честью!.. — Джентльмен прервал себя на полуслове и осмотрелся по сторонам.— Черт возьми, какое классическое зрелище! Храм Минервы, да и только!

— Да, когда все будет готово, получится недурно,— согласилась миссис Джарли.

— Недурно? — воскликнул мистер Слам.— Не сочтите меня лжецом, но, клянусь честью, я благословляю тот миг, когда мое скромное перо воспевало все эти красоты! Кстати — заказы будут? Не могу ли я услужить вам какой-нибудь безделицей?

— Они очень дорого обходятся, сэр,— ответила миссис Джарли,— а пользы от них мало.

— Ни слова больше! — вскричал мистер Слам, взмахнув рукой.— Нет! Вздор, вздор! Слышать ничего не желаю! Не говорите, что от них мало пользы! Не говорите этого! Я все равно вам не поверю!

— Во всяком случае, маловато,— сказала миссис Джарли.

— Ага! Сдаетесь! Идете на попятный! Спросите парфюмеров, спросите продавцов ваксы, спросите шапочников, спросите лотерейщиков — спросите кого угодно, приносят ли пользу мои стихи, и вы услышите, что мое имя благословляют! Если вы спросите честного человека, сударыня, он возденет очи к небесам и пошлет благословение Сламу. Верьте мне, миссис Джарли! Вам случалось посещать Вестминстерское аббатство, сударыня?

— Ну, еще бы!

— Так вот, клянусь честью, что под его мрачными сводами есть некий Уголок Поэтов, где вы увидите немало имен, значительно уступающих имени Слама.— И джентльмен в мундире весьма выразительно постучал себя пальцем по лбу, давая понять, что там у него кое-что имеется.— Я захватил с собой одну вещицу,— продолжал он, сняв шляпу, набитую какими-то бумажонками.— Так, пустячок, написанный за один присест, в порыве вдохновения; по-моему, это как раз то, что вам нужно,— публика будет валом валить. Это акростих. Правда, он составлен для Уоррена, но мысль, которая в нем содержится,

подойдет и для Джарли. Приспособить его — дело одной минуты. Купите акростих.

— Наверно, дорого? — сказала миссис Джарли.

— Пять шиллингов, — ответил мистер Слам, ковыряя карандашом в зубах. — Дешевле всякой прозы.

— Нет, я могу дать только три, — сказала миссис Джарли.

— ...и шесть пенсов, — подхватил Слам. — Ну, сговорились. Три шиллинга шесть пенсов.

Миссис Джарли не могла устоять перед въедливым поэтом, и мистер Слам внес заказ в маленькую памятную книжечку и поставил рядом и сумму — три шиллинга шесть пенсов. Вслед за тем он удалился переделывать акростих, весьма сердечно простившись со своей заказчицей и пообещав ей вернуться в самом непродолжительном времени с готовым для типографщика чистовиком.

Присутствие мистера Слама нисколько не мешало работе, она сильно двинулась вперед за это время и вскоре после его ухода подошла к концу. Драпировка была со вкусом развешана по стенам, с грандиозной коллекции сняли чехлы, и вот вдоль стен зала, на подмостках, возвышающихся фута на два над полом и отгороженных от бесцеремонной публики малиновым шнуром на уровне человеческой груди, перед Нелл предстала расположившаяся группами и поодиночке в более или менее неустойчивых позах, разодетая в костюмы всех времен и народов, пестрая компания знаменитых исторических личностей с чрезвычайно развитой мускулатурой рук и ног, с вытаращенными глазами и широко раздутыми ноздрями, что придавало им крайне изумленный вид. У всех джентльменов были иссиня-черные бороды и куриная грудь, все леди блистали идеальным телосложением, и все леди и все джентльмены устремляли напряженный взгляд в никуда и с потрясающей сосредоточенностью смотрели неизвестно на что.

Как только первые восторги Нелл утихли, миссис Джарли распорядилась, чтобы их оставили вдвоем, села в кресло посреди зала и, торжественно вручив своей преемнице ивовый прут, которым она долгие годы сама указывала зрителям фигуры, принялась обстоятельно разъяснять ей ее новые обязанности.

— Вы видите перед собой, — словно обращаясь к публике, начала миссис Джарли, когда Нелл коснулась прутом фигуры, стоявшей на краю подмостков, — вы видите перед собой несчастную фрейлину двора королевы Елизаветы, каковую фрейлину от укола пальца иглой постигла смерть вследствие того, что она занималась рукодельем в воскресный день. Обратите внимание на кровь, капающую у нее с пальца, а также на старинную иголку с золотым ушком, которой она шьет.

Нелл повторила это два-три раза, показывая, когда следовало, на палец и на иглу, после чего перешла к следующей фигуре.

— А теперь, леди и джентльмены,— сказала миссис Джарли,— вы видите перед собой недоброй памяти Джеспера Пэклмертона, у которого было четырнадцать жен, скончавшихся одна за другой, потому что он щекотал им пятки в то время, как они спали сном невинности и добродетели. Будучи спрошен уже на эшафоте, сожалеет ли он о содеянном, этот злодей ответил: «Да, жалею, что они так дешево отделались, и надеюсь, что все добропорядочные мужья простят мне мою оплошность». Пусть это послужит предостережением для всех молодых девиц при выборе супруга. Обратите внимание, что пальцы у него скрючены, будто он щекочет, а один глаз изображен прищуренным, потому что так он и делал, совершая свои чудовищные злодеяния.

Когда Нелл запомнила все подробности, касающиеся мистера Пэклмертона, и могла повторить их без запинки, миссис Джарли перешла к толстяку, от толстяка к обтянутому кожей скелету, к великану, карлику, затем к престарелой леди, которая отплясывала на балу в возрасте ста тридцати двух лет, вследствие чего и скончалась, от нее к одичавшему мальчику, найденному в лесу, к женщине, отравившей маринованными орехами четырнадцать семейств, и к другим историческим персонам, а также к разным, весьма занятным, хоть и погрязшим в пороках личностям. Нелл так хорошо усвоила наставления своей учительницы и так быстро их запомнила, что спустя каких-нибудь два часа история каждой фигуры была известна ей вдоль и поперек и она могла смело браться за просвещение публики.

Миссис Джарли не поскупилась на похвалы своей маленькой приятельнице и ученице, достигшей такого блестящего успеха, и повела ее осматривать убранство соседнего с залом коридора, который уже был превращен в кущу из зеленого сукна, увешанную знакомыми Нелл надписями (творениями мистера Слама). У входа в эту кущу стоял пышно разукрашенный стол, и за ним миссис Джарли должна была собирать деньги с публики, восседая в обществе его величества короля Георга III, мистера Гримальди в клоунском костюме, Марии Стюарт, неизвестного джентльмена квакерских убеждений и мистера Питта, который держал в руке точную копию парламентского билля о взимании оконного налога. Подготовка к открытию паноптикума этим не ограничилась: на маленьком балкончике над входом стояла чрезвычайно миловидная монахиня, перебиравшая четки, а по городским улицам уже разъезжал в тележке корсиканский бандит с черной как смоль копной волос и с белоснежным цветом лица, не сводивший глаз с миниатюры, на которой была изображена какая-то красавица.

Теперь оставалось только должным образом распространить сочинения мистера Слама — так, чтобы трогательные строки нашли путь к семейным очагам и на прилавки, а пародия,

начинавшаяся словами «Ослик, стой!», разошлась по трактирам, как предназначенная исключительно для писцов, конторщиков и других избранных умов этого города. После того как все было сделано и миссис Джарли самолично посетила пансионы для девиц со специально заготовленными для них афишами, в которых доказывалось, что созерцание восковых фигур возвышает ум, утончает вкусы и вообще расширяет горизонты, эта неутомимая леди села обедать и, приложившись к подозрительной бутылке, мысленно пожелала успеха своей выставке.

ГЛАВА XXIX

Изобретательность миссис Джарли поистине граничила с гениальностью. Придумывая всяческие способы, как бы завлечь публику в музей, она не забыла и Нелл. Тележку, в которой корсиканский бандит совершал поездки по городу, любуясь портретом своей дамы сердца, разукрасили флажками и лентами, Нелл посадили рядом с ним, среди искусственных цветов, и она каждое утро торжественно разъезжала в его обществе, разбрасывая афиши из корзинки, под звуки барабана и трубы. Красота девочки, так мило сочетавшаяся с ее скромной, застенчивой манерой держаться, произвела большое впечатление в этом захолустном местечке. Корсиканский бандит, привлекавший раньше к себе все взоры, отступил на второй план и стал только частью зрелища, главной персоной которого была Нелл. Взрослые заинтересовались этой большеглазой девочкой, а мальчишки влюбились в нее поголовно и то и дело оставляли у дверей выставки кульки с орехами и яблоками и записки при них, адресованные ей без заглавных букв.

Все это не ускользнуло от внимания миссис Джарли, и, решив, что Нелл может примелькаться на улицах, она снова стала посылать в поездки по городу одного бандита, тогда как девочка, к великому удовольствию восторгавшихся ею зрителей, каждые полчаса водила по музею очередную партию. А зрители в паноптикуме были самые избранные и поставлялись даже здешними пансионами, снискать благоволение коих миссис Джарли стоило немалых трудов, так как для этого ей пришлось подправить выражение лица мистеру Гримальди и сменять ему костюм, вследствие чего он превратился из клоуна в составителя «Английской грамматики» мистера Линдли Мэррея, а также переодеть одну знаменитую женщину-убийцу в автора назидательных стихов, миссис Ханну Мор. Разительное сходство этих фигур с оригиналами было подтверждено мисс Монфлэтерс, почтенной директрисой почтеннейшего здешнего пансиона для молодых девиц, которая удостоила выставку своим посещением вместе с восемью лучшими ученицами, обусловив заранее, что, кроме них, в эти часы никаких других посе-

тителей не будет. Мистер Питт, в ночном колпаке, шлафроке и без сапог, являл собой точный портрет поэта Каупера, а Мария Стюарт в черном парике и в мужском костюме с белым отложным воротничком была до такой степени похожа на лорда Байрона, что при виде ее девицы дружно заахали от восторга. Однако мисс Монфлэтерс сразу же пожурила их за излишний пыл и указала миссис Джарли на необходимость подвергать фигуры более строгому отбору, поскольку, например, сиятельный лорд проповедовал некоторые вольные мысли, совершенно неуместные в таких добропорядочных заведениях, как паноптикумы, а также добавила еще что-то насчет церковных властей, чего миссис Джарли просто не поняла.

Хотя работы у Нелл было много, хозяйка ее оказалась женщиной доброй, ласковой и любившей окружать заботами не только собственную персону, но и всех, с кем ей приходилось иметь дело; а следует заметить, что эта вторая склонность не так часто встречается даже среди обитателей жилищ более комфортабельных, чем фургоны, и что она отнюдь не вытекает из первой. Публика тоже благоволила к Нелл и часто одаривала ее деньгами, но миссис Джарли никогда не посягала на них. Работа в паноптикуме находилась и для старика, и жилось ему теперь хорошо, — следовательно, девочка могла бы ни о чем не беспокоиться, если бы не воспоминания о Квилпе, если бы не вечный страх, что он вернется сюда и в один прекрасный день встретит их где-нибудь на улице.

Мысль о Квилпе, словно кошмар, преследовала Нелл, и страшное лицо, уродливая фигура этого карлика неотступно стояли у нее перед глазами. Она спала в паноптикуме, чтобы выставка не оставалась без охраны по ночам, но страх не покидал ее и здесь: в темноте ей вдруг начинало мерещиться в безжизненных восковых лицах сходство с Квилпом, иной раз это переходило почти в галлюцинацию, и вот уже карлик стоял на месте одной из фигур, в ее костюме. А фигур здесь было так много, и они толпились у изголовья Нелл, так пристально глядя на нее круглыми стекляшками глаз,— совсем как живые и вместе с тем непохожие на живых своей суровой неподвижностью и немотой,— что она начинала бояться этих кукол и часто лежала без сна, глядя на них в темноте, а потом, не выдержав, зажигала свечу или садилась у открытого окна, радуясь ярким звездам. И тут ей вспоминалось окошко, у которого она подолгу сиживала совсем одна, вспоминался их дом и, конечно, бедный добрый Кит, и она улыбалась, хотя из глаз у нее текли слезы.

В эти безмолвные часы тревожные мысли Нелл часто обращались к деду, и она думала: «Помнит ли он их былую жизнь, замечает ли, что теперь все изменилось, что они стали беззащитными, несчастными бедняками». Раньше, бродя со стариком по дорогам, Нелл редко задумывалась над этим, но теперь она

не могла не спрашивать себя: а что будет, если дед заболеет или у нее самой иссякнут силы? Он стал терпеливым и тихим, охотно брался за всякую мелкую работу, радовался, что тоже может помочь, но разум его спал без всякой надежды на пробуждение. Это было несчастное жалкое существо с опустевшей душой, это был впавший в детство старик, по-прежнему любивший свою внучку, но чуждый всему остальному, кроме самых простых ощущений. Нелл больно было сознавать это, больно было смотреть на него, когда он сидел молча, улыбками и кивками отвечая на ее взгляды, или брал на руки какого-нибудь малыша и подолгу ходил с ним взад и вперед, теряясь от незамысловатых ребяческих вопросов, чувствуя, как ему далеко даже до ребенка, и безропотно мирясь с этим. Нелл так больно было видеть все это, что она убегала от него в слезах и, спрятавшись где-нибудь, падала на колени и молилась, чтобы разум вернулся к нему.

Но девочку мучило не только слабоумие деда — ведь он был, по крайней мере, спокоен и доволен своей жизнью; ее угнетали не только печальные мысли о том, что его не узнать теперь, хотя детскому сердцу нелегко было переносить это,— вскоре на нее надвинулось горе еще более глубокое и тяжкое.

Как-то вечером, освободившись пораньше, старик и девочка пошли погулять. Последнее время им мало приходилось бывать на воздухе, а в тот день погода стояла теплая, и, выйдя из города, они свернули на тропинку, которая пересекала зеленый луг и должна была снова вывести их на прежнюю дорогу. Однако тропинка оказалась длинная: они долго шли по ней и только на закате, добравшись до перекрестка, сели отдохнуть.

Между тем небо мало-помалу потемнело, нахмурилось, и лишь на западе уходящее солнце зажгло пылающий золотой костер, отдельные угольки которого горели кое-где сквозь сплошную завесу туч, бросая красноватые отблески на землю. Ветер глухо завывал вслед солнцу, а оно спускалось все ниже и ниже, уводя за собой веселый день туда, откуда навстречу ему вереницей шли тучи, сулившие молнию и гром. Вот закапали крупные дождевые капли, свинцовые тучи плыли, набегая одна на другую, и скоро не оставили ни одного просвета на небе. Послышались отдаленные глухие раскаты грома, потом блеснула молния, и тьма сразу объяла все.

Боясь прятаться под деревьями и живой изгородью, старик и девочка быстро шагали по дороге, в надежде, что им попадется какое-нибудь жилье, где можно будет переждать грозу, которая разыгрывалась не на шутку и с каждой минутой становилась все сильнее и сильнее. Промокшие до нитки, оглушенные яростными ударами грома, испуганные слепящими зигзагами молний, они чуть было не прошли мимо дома, одиноко темневшего у дороги, если бы человек, который стоял там в дверях, не крикнул им зычным голосом:

— Ишь какие смелые, не боитесь ослепнуть! Верно, больше на свои уши полагаетесь, чем на глаза! — Он отступил назад, заслонившись обеими руками от вспышки молнии, потом добавил: — Чего же вы мимо-то бежите? — и с этими словами затворил дверь и провел их в комнаты.

— Если бы вы не окликнули нас, сэр, мы бы не заметили вашего дома,— сказала Нелл.

— Где тут заметить! — воскликнул он. - Сверкает-то как! Ну, становитесь поближе к огню, малость обсушитесь. Если хотите что-нибудь заказать, пожалуйста. Если нет у вас такого намерения, не стесняйтесь, заказывать не обязательно. Говорю так потому, что вы находитесь в трактире «Храбрый вояка» — а это заведение, слава богу, известное.

— Ваш дом называется «Храбрый вояка», сэр? — спросила Нелл.

— Неужто первый раз слышите? — удивился трактирщик.— Откуда же вы взялись? «Храброго вояку» надо знать не хуже, чем катехизис. Да! Это «Храбрый вояка», а хозяин его Джем Гровс,— Джем Гровс, честный малый Джем Гровс! Другого трактирщика с такой репутацией да с кегельбаном под навесом не сыщешь во всей округе. Если кто-нибудь вздумает сказать слово против Джема Гровса, пусть говорит ему в лицо, а Джем Гровс найдет желающих, которые поставят на Джема Гровса любую сумму — от четырех до сорока фунтов стерлингов.

Трактирщик ткнул себя пальцем в жилетку, показывая, что он и есть тот самый достохвальный Джем Гровс, потом, мастерски выставив кулаки, подскочил к Джему Гровсу номер два, который на страх всем грозил выставленными кулаками из черной рамы над очагом, после чего поднес к губам недопитый стакан джина с водой и выпил за здоровье Джема Гровса.

Так как вечер выдался теплый, посреди комнаты были поставлены длинные ширмы, которые загораживали жарко горевший очаг. За ними, видимо, сидел кто-то, кто сомневался в доблестях мистера Гровса и тем самым подавал ему повод к самовосхвалению, ибо, закончив свой выпад, мистер Гровс забарабанил костяшками пальцев по этим ширмам и замер в ожидании ответа с той стороны.

— Не много таких найдется,—продолжал мистер Гровс, так ничего и не дождавшись,— кто осмелится перечить Джему Гровсу под его собственной крышей. Правда, один такой смельчак есть, и за этим смельчаком далеко ходить не надо. Но он десятерых за пояс заткнет, почему я и позволяю ему говорить обо мне все, что его душе угодно.

Вместо благодарности за столь лестный отзыв чей-то весьма грубый голос попросил мистера Гровса «заткнуть глотку и подать свечу». Тот же самый голос посоветовал тому же самому,

джентльмену «не набивать себе цену зря, потому что он мало кого проведет своим хвастовством».

— Нелл, они... они играют в карты,— прошептал старик, сразу оживившись.— Ты слышишь?

— Поторапливайся там со свечой! — снова раздался голос из-за ширм. — Я уж мастей не различаю. И занавеску поживей задерни. В такую грозу у тебя, наверно, все пиво скиснет. Моя взятка. Шесть шиллингов семь пенсов, Айзек. Раскошеливайся, старина!

— Ты слышишь, Нелл! Ты слышишь? — еще больше заволновался старик, когда монеты со звоном упали на стол.

— Я такой грозы не припомню с той самой ночи, — проскрипел после оглушительного удара грома другой, на редкость неприятный голос,— с той самой ночи, как Льюк Уизерс тринадцать раз подряд ставил на красный и все тринадцать раз срывал банк. Видно, на дьявола рассчитывал и, как говорится, сам не плошал. А в ту ночь дьяволу было просто раздолье. Мы хоть и не видали его, а он, наверно, заглядывал Льюку через плечо.

— Да! — сказал грубый голос.— Этому Льюку за последние годы здорово везло! А ведь я помню время, когда он в пух и прах проигрывался. Бывало, за что ни возьмется — за кости ли, за карты, нет ему счастья. Обыграют, надуют, обдерут как липку.

— Слышишь, что он говорит? — прошептал старик.— Слышишь, Нелл?

Девочка с удивлением и тревогой смотрела на совершенно преобразившегося деда. Лицо у него покрылось пятнами, взгляд стал напряженным, дыхание с хрипом вырывалось сквозь стиснутые зубы, а рука, которой он сжал ей плечо, так тряслась, что она сама задрожала.

— Будь свидетельницей, я всегда это говорил! — забормотал старик, поднимая глаза к потолку.— Я знал, что так должно быть, чувствовал это, мечтал об этом. Сколько у нас денег, Нелл? У тебя есть деньги, я сам видел вчера. Сколько? Дай их мне.

— Нет, нет, дедушка, пусть они будут у меня,— испуганно сказала Нелл.— Уйдем отсюда! Хоть дождь и не перестал, все равно пойдем. Прошу тебя!

— А я говорю, дай мне деньги,— с яростью повторил старик.— Ну-ну, не плачь, Нелл, не плачь! Не обижайся, родная. Ведь я думаю только о тебе. Я причинил зло моей маленькой Нелл, а теперь настало время исправить это, и я исправлю! Дай деньги! Где они?

— Не надо, дедушка! Умоляю тебя, не надо! Подумай о нас обоих! Пусть они будут у меня, или, позволь, я выброшу их. Да, да! Лучше выбросить, чем отдать сейчас тебе! Пойдем отсюда, пойдем!

— Дай деньги! — твердил старик.— Они нужны мне! Ну, дай!.. Умница моя! Увидишь, Нелл, я добьюсь, что ты будешь счастлива! Добьюсь! Все будет хорошо! Не бойся, родная!

Она вынула из кармана маленький кошелек. Он схватил его, и в этом стремительном движении чувствовалась та же алчность, что и в словах,— схватил и сразу пошел за ширмы. Удерживать его было бесполезно, и девочка, дрожа всем телом, последовала за ним.

Трактирщик уже принес свечу и теперь задергивал занавеску на окне. Голоса, доносившиеся из-за ширм, принадлежали двоим мужчинам; на столе перед ними лежали карты и серебро; взятки они записывали мелом на ширмах. Обладатель грубого голоса оказался широкоскулым здоровяком средних лет, с густыми черными бакенбардами, толстыми губами и бычьей шеей, выпиравшей из воротничка, небрежно повязанного красным фуляром. Он был в светло-коричневой шляпе; возле его стула стояла тяжелая сучковатая палка. Тот, кого звали Айзек,— щуплый, сутулый, узкий в плечах, производил отталкивающее впечатление своей уродливой физиономией и злобным, жульническим прищуром глаз.

— Послушайте, почтеннейший,— сказал Айзек, поворачиваясь на стуле.— Мы с вами как будто не знакомы? Эта половина предоставлена в наше полное распоряжение, сэр.

— Не почтите за дерзость...— начал было старик.

— А как же, черт возьми, прикажете это назвать, сэр,— перебил его Айзек,— когда вы врываетесь к джентльменам, занятым важным делом?

— Я не хотел вам мешать,— сказал старик, жадно глядя на карты. — Я думал...

— И напрасно вы думали, сэр, — огрызнулся Айзек. — В ваши годы это занятие бесполезное.

— Ну, ну, задира! — сказал здоровяк, впервые поднимая глаза от карт.— Дай человеку слово вымолвить!

Трактирщик, который, видимо, предпочитал сохранять нейтралитет до тех пор, пока не выяснится, чью сторону примет здоровяк, решил, что сейчас можно вмешаться.

— В самом деле, Айзек Лист! Не даешь человеку слова вымолвить!

— Не даю слова вымолвить? — повторил Айзек, передразнивая трактирщика своим скрипучим голосом.— Ну что ж, пусть вымолвит, Джемми Гровс.

— Тогда не перебивай его! — крикнул трактирщик.

Мистер Лист прищурился еще злее, что грозило продолжением перепалки, но его партнер, пристально следивший за стариком, вовремя положил ей конец.

— Почем знать,— заговорил он, хитро подмигивая.— Может, джентльмен хотел вежливо попросить нас, чтобы мы оказали ему честь и приняли его в игру?

— Да, да! — воскликнул старик.— Я за этим и пришел сюда! Я об этом и хотел сказать!

— Так я и думал. И почем знать, может, предчувствуя, что мы не охотники просто перебрасываться картишками, джентльмен со всей учтивостью предложит нам сыграть на деньги?

Вместо ответа старик тряхнул кошельком, потом бросил его на стол и, словно скупец — золото, нетерпеливыми руками схватил карты.

— Ага! Вот оно что! — сказал Айзек.— Если намерения джентльмена действительно таковы, я прошу меня извинить. Этот кошелечек принадлежит джентльмену? Прелестный кошелечек! Только малость легковат,— добавил он, подкинув кошелек кверху и ловко поймав его на лету.— Впрочем, на полчасика тут хватит. Почему джентльмену не позабавиться?

— Мы пригласим Гровса и составим партию вчетвером,— сказал здоровяк.— Садись, Джемми.

Трактирщик, которому, видимо, не впервые приходилось принимать участие в такой игре, подошел к столу и занял свое место. Девочка, полная отчаяния, отошла с дедом в сторону, надеясь, что ей удастся уговорить его и увести отсюда.

— Пойдем! Мы еще можем быть так счастливы! — молила она.

— Мы будем счастливы! — торопливо проговорил старик.— Пусти меня, Нелл. Счастье нам принесут карты или кости. Я начну с малого, а потом выигрыши пойдут все крупнее и крупнее. Здесь многого не возьмешь, но впереди нас ждет богатство. Мне надо отыграться, вернуть свое, и это только ради тебя, моя Нелл.

— Боже, смилуйся над нами! — воскликнула девочка.— Какая злая судьба привела нас сюда!

— Молчи! — шепнул старик, зажимая ей рот ладонью.— Судьба не любит упреков! Она изменит нам, если ты будешь сетовать на нее. Кому это знать, как не мне!

— Ну, сударь,— сказал здоровяк.— Если вы не будете играть, отдайте нам карты.

— Иду, иду! — крикнул старик.— Садись, Нелл, садись и следи за игрой. Не печалься, родная, все, что я выиграю, пойдет тебе... все, до последнего пенни! Мы не скажем им про это, нет, нет! Не то они побоятся принять меня в игру, побоятся, что счастье будет на моей стороне. Ты только взгляни на них! Сравни себя с ними! Кто должен выиграть? Конечно, мы!

— Джентльмен передумал и решил не вступать в игру,— сказал Айзек, делая вид, будто хочет встать из-за стола.— Очень жаль, что у джентльмена не хватает смелости, а ведь не рискнешь — не возьмешь. Впрочем, ему виднее.

— Нет, я готов! Это вы сами замешкались. Мне-то давно не терпится начать.

С этими словами старик придвинул стул к столу, остальные тоже заняли свои места, и игра началась.

Девочка сидела тут же и с тревогой следила за ее ходом. Ей было все равно, придет ли к старику счастье или нет, она думала только об этой безудержной страсти, вдруг охватившей его целиком, и не считала ни проигрышей, ни выигрышей. Ликуя при каждой, даже самой маленькой удаче, падая духом при каждом поражении, он так волновался, проявлял такое лихорадочное беспокойство, такую непомерную жадность, с такой хищностью хватал свои жалкие выигрыши, что ей, вероятно, легче было бы видеть его мертвым. И ведь она, сама того не желая, была причиной всего этого безумства, а он, игравший с ненасытной страстью, неведомой даже самым отъявленным картежникам, думал о ней, только о ней!

Между тем его партнеры — все трое мошенники и профессиональные шулера — играли хоть и сосредоточенно, но совершенно спокойно и хладнокровно, будто они-то и были преисполнены всех человеческих добродетелей. Лишь изредка то один, то другой из них улыбался соседу, или снимал нагар с тусклой свечи, или поглядывал в открытое окно, где за развевающейся на ветру занавеской вспыхивала молния, или недовольно прислушивался к особенно сильным раскатам грома, досадуя на такую помеху. Мысли их были заняты только картами, но, храня поистине философское спокойствие, они сидели словно каменные, ничем не выдавая ни своего интереса к игре, ни своего волнения.

Гроза бушевала три часа подряд; наконец молнии стали вспыхивать все реже, все слабее, раскаты грома, грохотавшего, казалось, над самой крышей трактира, постепенно перешли в глухое, хриплое ворчанье, а игра по-прежнему шла своим чередом, и девочка, забытая всеми, по-прежнему сидела у стола.

ГЛАВА XXX

Наконец и последняя партия кончилась, и мистер Айзек Лист единственный встал из-за стола в выигрыше. Его приятель и трактирщик приняли свою неудачу с чисто профессиональным мужеством. Айзек преспокойно сунул деньги в карман, словно с самого начала не сомневался, что счастье будет на его стороне, и не выказал по этому поводу ни удивления, ни радости.

В кошельке Нелл не осталось ни одной монеты, но хотя он лежал тут же, пустой, хотя остальные игроки давно поднялись со своих мест, старик все еще сидел за столом, сдавал и, раскрывая игру своих партнеров, смотрел, какие у кого были бы взятки в новой партии. Он оторвался от этого занятия лишь

тогда, когда девочка тронула его за плечо и напомнила ему, что скоро полночь.

— Будь она проклята, наша бедность! Вот смотри, Нелл!— И он показал на разбросанные по столу карты.—Если б я мог продержаться еще немного, ну хоть самую малость,— счастье повернулось бы ко мне! Да, это ясно, как то, что здесь лежит тройка, а здесь восьмерка. Смотри!.. Вот... вот и вот!

— Оставь карты! Забудь их! — взмолилась девочка.

— Забыть? — воскликнул он, поднимая к ней свое испитое лицо и изумленно глядя на нее.— Забыть? Как же тогда мы разбогатеем, если я забуду о картах?

В ответ на это девочка только покачала головой.

— Нет, Нелли,— продолжал старик, гладя ее по щеке,— так нельзя! Надо отыграться при первой же возможности. Терпение, только терпение, и все будет хорошо, верь мне. Сегодня проигрыш — завтра удача. А без тревог и риска ничего не добьешься... Ну что ж, пойдем.

— А вы знаете, который час? — спросил мистер Гровс, покуривавший трубку в обществе своих приятелей.— Давно за полночь.

— И дождь льет как из ведра,— подхватил здоровяк.

— «Храбрый вояка» — трактир Джема Гровса. Мягкие постели. Дешевый постой для людей и скотины,— провозгласил мистер Гровс, цитируя свою вывеску.— Время половина первого ночи.

— Как поздно! — забеспокоилась девочка.— Нам давно надо было уйти. Что о нас подумают? Ведь раньше двух мы не попадем домой. А сколько вы возьмете за ночлег, сэр?

— Две мягких постели — один шиллинг шесть пенсов. Ужин с пивом — шиллинг. Итого два шиллинга шесть пенсов,— ответствовал Храбрый Вояка.

У Нелли еще хранился золотой, зашитый в платье, и, вспомнив, что время позднее и что миссис Джарли спит крепко, представив себе также, в какой ужас придет эта добрейшая женщина, если ее разбудят среди ночи, она решила переночевать в трактире, встать завтра пораньше, поспеть в город до пробуждения хозяйки и объяснить свою задержку грозой, застигшей их по пути к дому. Отозвав деда в сторону, она шепнула ему, что у нее еще есть чем заплатить за ночлег, и предложила остаться здесь.

— Знать бы мне про эти деньги раньше! Были бы они у меня вовремя! — забормотал старик.

— Мы решили переночевать у вас, если можно,— поспешно обратилась Нелл к трактирщику.

— Весьма благоразумно с вашей стороны,— ответил мистер Гровс.— Сейчас и ужин будет готов.

Однако мистер Гровс сперва докурил трубку, выбил из нее пепел, аккуратно поставил ее в уголок на очаге и только после

этого принес хлеб, сыр и пиво, и, всячески восхваляя их качество, рекомендовал гостям быть как дома. Нелл и старик ели мало, занятые своими мыслями, а оба джентльмена, для которых такой слабенький напиток, как пиво, не представлял особого интереса, налегали больше на джин и табак.

Девочка собиралась уйти с дедом завтра чуть свет и поэтому решила рассчитаться с трактирщиком сразу же после ужина. Но, боясь показать деду свой золотой, она достала его потихоньку, дождалась, когда мистер Гровс выйдет из комнаты в буфетную, и, последовав туда за ним, протянула ему монету.

— Дайте мне сдачи, сэр, и, пожалуйста, сейчас, здесь.

Мистер Джем Гровс удивился, повертел золотой между пальцами, звякнул им о стол, посмотрел на девочку и потом снова на золотой, видимо, собираясь спросить, откуда у нее такие деньги. Но поскольку монета была не фальшивая и к тому же менялась у него в трактире, мистер Гровс, как всякий разумный хозяин, видимо, решил, что в конце концов это его не касается. Во всяком случае, он отсчитал сдачу и вручил ее девочке. Она пошла назад, в ту комнату, где они провели вечер, как вдруг ей показалось, будто туда кто-то проскользнул. Между этой комнатой и буфетной был только длинный темный коридор, но ведь пока трактирщик менял деньги, никто туда не заходил — это она твердо помнила. Значит, за ней следят?

Но кто? Вернувшись, она застала всех на прежних местах. Здоровяк лежал на двух стульях, подперев голову рукой, а мистер Лист покоился на таком же ложе по другую сторону стола. Старик сидел между ними, восторженно глядя на счастливого игрока, и жадно ловил каждое его слово, точно Айзек Лист был каким-то высшим существом. Девочка растерянно осмотрелась по сторонам, ища глазами, нет ли здесь еще кого-нибудь? Никого нет... Тогда она шепотом спросила старика, не выходил ли кто из комнаты, пока ее здесь не было. «Нет,— ответил он,— никто не выходил».

Значит, ей просто почудилось. Но все же странно... Никаких поводов для подозрений не было, а между тем она совершенно явственно видела в дверях чью-то фигуру. Она все еще раздумывала над этим, теряясь в догадках, когда в комнату вошла служанка со свечой и предложила проводить ее в спальню.

Старик простился со своими партнерами и пошел наверх вместе с внучкой. Трактир помещался в большом пустынном доме с темными коридорами и широкими лестницами, казавшимися еще мрачнее при свечах. Нелл проводила деда и поднялась следом за служанкой в другую комнату, к которой вело семь-восемь шатких ступенек в конце коридора. Эта комната была предназначена ей. Служанка заболталась и долго не уходила, выкладывая девочке все свои горести. Место у нее не больно завидное, говорила она, жалованье маленькое, работы

спрашивают много. Через две недели она отсюда уйдет. Может, девочка порекомендует ее куда-нибудь? Да вот беда! После этого трактира не так-то легко будет устроиться на другое место. Уж очень у него дурная слава. Здесь и карты — да не только карты! А кто сюда чаще всего захаживает? За честность этих людей она не поручится. Только ее слова никому не надо передавать, упаси боже! Затем последовали весьма туманные намеки на отвергнутого поклонника, который грозится пойти в солдаты, обещание постучать завтра пораньше и, наконец, «спокойной ночи».

Когда Нелл затворила за служанкой дверь, ей стало не по себе. Она не могла забыть человека, кравшегося по коридору, да и в рассказах девушки ничего хорошего не было. Эти картежники такие подозрительные на вид. Может быть, они промышляют грабежом и разбоем? Кто их знает?

Но лишь только она отгоняла от себя эти страхи или забывала о них хотя бы на минуту, перед ней вставало все то, что произошло за этот вечер. Прежняя страсть снова вспыхнула в душе деда, и одному богу известно, куда это может завести его. Какое беспокойство они причинят миссис Джарли своим исчезновением! Их, наверно, уже разыскивают. Простят ли им эту отлучку или выгонят завтра на улицу? Ах! Зачем только они зашли сюда! Лучше было бы пройти мимо, несмотря на грозу!

Наконец дремота мало-помалу одолела ее — беспокойная, прерывистая дремота, полная тяжелых сновидений. Она падала с высокой башни и, вздрагивая, в ужасе просыпалась. Но вот дремоту сменил сон, а потом... Что это? Опять тот человек?

Да, он был здесь. Ложась спать, она подняла штору, чтобы сразу же проснуться, как только начнет светать, и сейчас ей было видно, что от окна к кровати кто-то крадется, низко согнувшись, осторожно шаря по сторонам руками. Она не могла ни шевельнуться, ни позвать на помощь и лежала, не сводя глаз с этой тени.

А тень подбиралась все ближе и ближе. Ее дыхание слышалось совсем рядом... Нелл ушла головой в подушку, чтобы эти шарящие руки не коснулись ее лица. Но вот тень снова скользнула к окну и повернулась лицом к ней.

Темный призрак неясным пятном маячил в сумраке комнаты, но девочка не могла не видеть, как он повернулся к ней, не могла не чувствовать, как вглядываются в нее эти глаза, как настороженно вслушиваются уши. Он стоял у окна, она лежала в постели — оба совершенно неподвижные. А потом, все еще не отводя от нее глаз, он начал перебирать что-то руками, и она услышала звон монет.

И снова тем же крадущимся, бесшумным шагом призрак двинулся к кровати, положил ее платье обратно на стул, опустился на четвереньки и пополз прочь. Как медленно он дви-

жется теперь, когда его только слышно, но не видно! Вот он уже у двери, он стал на ноги. Скрипнули ступеньки — и все стихло.

Первым побуждением девочки было выбежать из комнаты, — только бы не оставаться одной, только бы скорей на люди, тогда голос вернется к ней! Не чуя под собой ног, она метнулась к двери.

Страшный призрак стоял на нижней ступеньке.

Его не миновать. В темноте ей, может быть, удастся проскользнуть мимо и не попасться ему в руки, но кровь стынет в жилах при одной мысли об этом. Призрак стоял неподвижно, как и она; не мужество сдерживало ее, а смертельный ужас, ибо возвращаться назад было, пожалуй, еще страшнее, чем спускаться по ступенькам.

Проливной дождь хлестал без перерыва и потоками низвергался с тростниковой крыши. Залетевшая со двора муха, не находя выхода, как слепая, билась о стены и потолок и своим жужжанием будоражила тишину в доме. Призрак тронулся с места; девочка невольно двинулась следом за ним. Только бы попасть к деду — там она будет в безопасности.

Призрак скользил по коридору к той самой комнате, куда стремилась и она. Дверь этой комнаты была так близко! Девочка только хотела метнуться туда и захлопнуть ее за собой, как вдруг он снова остановился.

Страшная мысль пронеслась у нее в голове: а что, если этот человек войдет в ту комнату, что, если он собирается убить ее деда. Еще минута, и она бы лишилась чувств. Так и есть — он вошел. Там горит свет. Вон он стоит у порога, а она смотрит на него и, близкая к обмороку, не может выговорить ни слова — ни единого слова.

Дверь была полуотворена. Сама не сознавая, что делает, и помня только одно: надо спасти деда или погибнуть самой, она шагнула вперед и заглянула в комнату. Какое же зрелище предстало ее глазам!

Она увидела пустую, несмятую постель. Кроме старика, в комнате никого не было. А он сидел у стола и, жадно поводя глазами, неестественно ярко горевшими на мертвенно-бледном, осунувшемся лице, считал деньги, только что украденные у нее.

ГЛАВА XXXI

Девочка отпрянула от двери и шагами еще более нетвердыми и робкими пробралась темным коридором к себе в комнату. Страх, терзавший ее каких-нибудь несколько минут назад, был несравним с тем, что она испытывала теперь. Ни грабители, ни вероломный трактирщик, который смотрит сквозь пальцы на то, что его постояльцев грабят и даже могут убить

ью сне, ни даже самый безжалостный душегуб-разбойник — никто не пробудил бы в груди девочки того ужаса, в какой повергло ее только что сделанное открытие. Седовласый старик, словно призрак, скользнул к ней в комнату, украл у нее деньги, думая, что она крепко спит, и с омерзительной алчностью любовался своей добычей,— это было хуже, неизмеримо хуже и неизмеримо страшнее всего, что могло измыслить ее воображение. А вдруг он вернется — ведь дверь не запирается ни на ключ, ни на задвижку? Вдруг захочет проверить, все ли деньги взяты? Страшно подумать, что этот призрак неслышным шагом снова войдет в комнату, обратит взгляд к ее пустой кровати, а она притаится у него в ногах, чтобы он не коснулся ее руками. Она прислушалась. Вот!.. Шаги на лестнице, дверь медленно отворяется. Все это только чудилось ей, но действительность была не менее страшна — нет! еще страшнее, ибо настоящий призрак появился бы и исчез, а воображаемый мог мучить без конца

Ее угнетало какое-то смутное, безотчетное чувство. До сих пор она не боялась деда, зная, что любовь к ней и породила в нем душевный недуг. Но старик, которого она увидела сегодня, старик, забывший все на свете ради карт, как вор пробравшийся в ее комнату и считавший деньги при тусклом свете огарка, казался совсем другим человеком, каким-то чудовищным двойником ее деда — двойником, который вызывал к себе чувство отвращения и страха, потому что он напоминал того, настоящего, и, так же как тот, был неразлучен с ней. Но допустить хотя бы мысленно существование этого старика она могла бы только в том случае, если бы навеки потеряла своего прежнего доброго друга. Не так давно его вялость и безразличие доводили ее до слез. Какими же слезами оплачет она теперь свое новое горе?

Подавленная всеми этими мыслями, девочка долго сидела на кровати, не смыкая глаз, и наконец почувствовала, что ей надо во что бы то ни стало отогнать от себя этот чудовищный призрак, надо услышать голос деда или хоть посмотреть на него, если он спит,— и тогда страхи ее рассеются. Она осторожно спустилась по ступенькам и снова вышла в коридор. Дверь в комнату старика была по-прежнему отворена, на столе все еще горел огарок.

Девочка захватила с собой незажженную свечу, приготовившись сказать, в случае он проснется, что тревога мешает ей уснуть, и она решила взять у него огня, если он еще не потушил своей свечки. Она заглянула в комнату, увидела, что старик спокойно лежит в постели, и только тогда осмелилась переступить порог.

Он спал крепким сном, и на лице его не осталось ни следа пагубной страсти, алчности, волнения, лихорадочного азарта — оно было само спокойствие, сама безмятежность и мягкость.

Девочка увидела перед собой не игрока, не тень, возникшую в ее комнате, и даже не того усталого, измученного человека, который в прежние дни так часто возвращался домой только на рассвете, — это был ее дорогой друг, ее кроткий спутник, ее добрый, любящий дед.

Она без страха смотрела на его овеянные сном черты, но сердце ее сжимала глубокая тоска, и тоска эта нашла себе выход в слезах.

— Господи, смилуйся над ним! — прошептала она, легко касаясь губами его щеки.— Теперь я и вправду знаю — если нас разыщут, его разлучат со мной! Он больше не увидит ни солнца, ни ясного неба. А помочь ему могу только я. Господи, смилуйся над нами обоими!

Она зажгла свою свечу, так же тихо вышла из комнаты и, вернувшись к себе, провела остаток этой бесконечно долгой, мучительной ночи без сна.

Наконец, уже на рассвете, когда огонек догорающей свечи побледнел, она задремала, но служанка вскоре разбудила ее. Она оделась и, перед тем как выйти из комнаты, опустила руку в карман. Он был пуст — в нем ничего не осталось — ни одной монеты.

Старик уже встал, и через несколько минут они снова шагали по дороге. Девочка заметила, что он избегает ее взгляда, видимо, выжидая, когда она заговорит о своей пропаже. И она решилась сказать ему об этом, чтобы он не заподозрил, что ей все известно.

— Дедушка,— срывающимся голосом начала она, после того как они прошли с милю, не проронив ни слова.— Как ты думаешь, твои новые знакомые честные люди?

— Почему ты спрашиваешь? — забормотал старик, дрожа всем телом.— Честные ли они? Да, игра велась честно.

— Сейчас я тебе все объясню,— сказала Нелл.— У меня пропали деньги ночью... пропали из комнаты. Если бы знать, что это было сделано в шутку — просто в шутку,— я бы только рассмеялась и...

— Кто же шутит с деньгами! — быстро проговорил старик.— Если уж взяли, так не вернут. Какие тут могут быть шутки!

— Значит, их украли у меня из комнаты,— сказала она, чувствуя, что такой ответ лишает ее последней надежды.

— И это все наши деньги, Нелл? — спросил старик.— Или есть еще? Неужели у тебя украли все, до последнего фартинга?

— Все, до последнего фартинга,— ответила девочка.

— Значит, надо где-то достать еще,— сказал старик.— Надо скопить, Нелл, заработать, раздобыть как-нибудь. О тех деньгах ты не жалей и никому не говори о пропаже, может быть, мы вернем их. Не спрашивай как. Мы все вернем, и вернем

сторицей. Только никому ничего не рассказывай, иначе нас ждет беда. Значит, их украли у тебя из комнаты, когда ты спала? — добавил он жалостливым голосом, в котором не было и следа прежней таинственности и притворства.— Бедная Нелл! Бедная маленькая Нелл!

Девочка опустила голову и заплакала. Жалость, прорвавшаяся в его словах, была искренней, в этом она ни минуты не сомневалась. И сознание, что все это делается ради нее, нелегким грузом легло на детское сердце.

— Помни, Нелл, никому ни слова, кроме меня,— продолжал старик и тут же спохватился: — Нет, даже со мной не говори, потому что словами делу не поможешь. Все наши потери не стоят ни одной твоей слезинки, родная! Не горюй, мы все, все вернем!

— Не надо нам ничего,— сказала девочка, поднимая на него глаза.— Слышишь? Не надо. Будь этих денег в тысячу раз больше, я и то не пролила бы ни одной слезы из-за них.

— Да, да...— пробормотал старик, видимо, сдерживая себя, чтобы не сказать лишнего.— Она ничего не понимает! И слава богу! Тем лучше!

— Выслушай меня! — взмолилась девочка.— Ты можешь меня выслушать?

— Могу, могу,— ответил старик, по-прежнему не глядя на нее. — Милый голос... Я всегда любил его. Такой же голос был у ее матери.

— Как мне убедить тебя! — воскликнула девочка.— Как убедить, чтобы ты не думал больше о выигрыше и проигрыше и не искал другого счастья, кроме того, которое мы ищем вместе!

— К этой цели мы тоже идем вместе,— ответил старик, словно разговаривая сам с собой и все еще глядя в сторону.— Чей образ осеняет меня, когда я сажусь за игорный стол?

— Разве нам плохо жилось с тех пор, как ты бросил играть и мы ушли из города? — продолжала девочка.— У нас не стало крыши над головой, но разве в том злосчастном доме нам было лучше, когда ты только и думал что о карточной игре?

— Правда, все правда,— проговорил старик вполголоса, попрежнему рассуждая сам с собой.— Я сделаю по-своему, но она говорит чистую правду!

— Ты вспомни то ясное утро, когда мы в последний раз вышли из нашего старого дома! Вспомни, как нам легко дышалось, когда все эти мучения остались позади. Вспомни наши мирные дни и тихие ночи, и как нам с тобой было хорошо, спокойно. Проголодавшись, мы всегда находили чем подкрепиться, устав в дороге — отдыхали, и сон у нас был такой крепкий. А сколько всего нам удалось повидать в пути! Чем ты объяснишь эту чудесную перемену?

Старик остановил внучку движением руки, прося ее замолчать и не мешать ему думать. Потом с тем же предостерегающим жестом поцеловал ее в щеку и снова зашагал по дороге, устремив взгляд куда-то вдаль, то и дело останавливаясь и сосредоточенно опуская глаза, чтобы собрать воедино свои беспорядочные мысли. Вот он прослезился... Прошло еще несколько минут, а затем, по привычке взяв внучку за руку, он постепенно, почти незаметно для нее вернулся к своему прежнему бездумному спокойствию и был готов идти, куда бы она ни повела его.

Когда они снова переступили порог грандиозного музея восковых фигур, миссис Джарли еще почивала, как и надеялась Нелл, но им сказали, что с вечера она была встревожена их отсутствием и удалилась на покой лишь в половине двенадцатого, решив, что они попали в грозу, остались где-нибудь переночевать, а к утру будут дома. Нелл тотчас же с усердием принялась за уборку зала, быстро управилась со всеми делами да еще успела и себя привести в порядок, прежде чем любимица королевской фамилии вышла к завтраку.

— За все время, что мы здесь,— сказала миссис Джарли, когда трапеза была закончена,— паноптикум посетили только восемь девиц из пансиона мисс Монфлэтерс, а их там двадцать шесть, как мне сообщила ее кухарка, когда я поговорила с ней о том о сем и дала бесплатный билет. Надо снести им пачку новых афиш, и я поручаю это тебе, милочка. Посмотрим, как их там примут.

Поскольку эта экспедиция имела первостепенное значение, миссис Джарли собственноручно надела на Нелли капор, заявила во всеуслышание, что такая хорошенькая девочка не уронит чести паноптикума, и, снабдив свою посланницу множеством советов и необходимых наставлений относительно поворотов направо, которых надо придерживаться, и поворотов налево, которых следует избегать, отправила ее в путь. Руководствуясь полученными указаниями, Нелл без труда нашла пансион мисс Монфлэтерс, помещавшийся в большом доме с высокой оградой, с широкой калиткой, с большой медной доской и маленьким решетчатым окошечком, прорезанным в калитке, сквозь которое горничная мисс Монфлэтерс осматривала каждого посетителя, прежде чем пустить его внутрь, ибо ни одно существо мужского пола — никто! даже молочник — не могло проникнуть в эту калитку без специального разрешения. Сам сборщик податей — толстяк в очках и широкополой шляпе — получал причитающиеся ему суммы сквозь решетку. Адамант и бронза были ничто по сравнению с калиткой мисс Монфлэтерс, сурово взиравшей на все человечество. Мясник и тот благоговел перед нею, словно перед какими-то таинственными вратами, и, взявшись за звонок, сразу же переставал насвистывать.

Когда Нелл приблизилась к этой страшной калитке, она медленно, со скрипом повернулась на петлях, и из скрывающейся за нею тенистой аллеи появились пара за парой молодые девицы с открытыми книжками, а кто и с зонтиком в руках. Эту внушительную процессию замыкала сама мисс Монфлэтерс с сиреневым шелковым зонтиком и с двумя улыбающимися учительницами по бокам, которые смертельно ненавидели друг друга и были душой и телом преданы мисс Монфлэтерс.

Сконфуженная взглядами и перешептыванием девиц, Нелл потупилась, пропуская их мимо себя, а когда с ней поравнялась мисс Монфлэтерс, учтиво присела и подала этой леди маленькую пачку афиш. Та приняла ее и скомандовала, чтобы процессия остановилась.

— Ты как будто из паноптикума? — спросила мисс Монфлэтерс.

— Да, сударыня,— ответила Нелл, густо краснея, потому что девицы столпились вокруг нее и она стала центром всеобщего внимания.

— А тебе не кажется,— сказала мисс Монфлэтерс, которая легко выходила из себя и пользовалась каждым удобным случаем, чтобы запечатлеть ту или иную мораль в нежных умах своих воспитанниц.— Тебе не кажется, что ни одна порядочная девочка не согласилась бы служить в паноптикуме?

Бедняжке Нелл никогда не приходилось рассматривать свое положение в таком свете, и она растерянно молчала, все гуще и гуще заливаясь краской.

— Разве ты не понимаешь,— продолжала мисс Монфлэтерс,— что это неприлично, невежественно и противно мудрым предначертаниям природы, которая вложила в нас добрые задатки затем, чтобы мы развивали их в себе путем неустанного совершенствования.

Обе учительницы почтительным шепотом подтвердили эту истину и с торжеством уставились на Нелли, видимо, полагая, что такой удар сразит ее. Потом они улыбнулись и посмотрели на мисс Монфлэтерс, потом, встретившись друг с другом глазами, обменялись злобным взглядом, говорившим яснее слов, что каждая из них считала себя присяжной угодницей при особе мисс Монфлэтерс и, отказывая своей сопернице в праве угождать, расценивала такие поползновения с ее стороны как крайнюю самонадеянность и даже наглость.

— Неужели тебе не совестно служить в паноптикуме,— снова заговорила мисс Монфлэтерс,— когда ты могла бы испытывать горделивое сознание, что помогаешь по мере своих детских сил расцвету нашей промышленности, шлифуешь свой ум ежедневным созерцанием паровой машины и обеспечиваешь себя приличным заработком от двух шиллингов девяти пенсов до трех шиллингов в неделю? Разве тебе не известно, что чем больше человек трудится, тем лучше ему живется на свете?

— «Наша пчелка-хлопотунья...» — вполголоса процитировала доктора Уоттса одна из учительниц.

— Что такое? — вопросила мисс Монфлэтерс, круто поворачиваясь к ней.— Кто это сказал?

Разумеется, вторая учительница, которая никого не цитировала, указала на ту, которая была в этом повинна, и мисс Монфлэтерс, нахмурившись, посоветовала первой помолчать, чем привела доносчицу в неописуемый восторг.

— «Пчелка-хлопотунья»,— заявила мисс Монфлэтерс, выпрямляясь во весь рост,— относится только к детям благородных родителей. «Трудись, играй и веселись!» — совет совершенно правильный, поскольку речь идет о них, а «труд» означает рисование по бархату, вышиванье и вообще всякое изящное рукоделье. Что же касается этой девочки,— она показала на Нелли зонтиком,— и прочих детей, у которых родители бедные, то «Пчелку-хлопотунью» следует читать так:

Трудись, трудись, всегда трудись,
А детство пролетит,
Никто в безделии тебя,
Дитя, не укорит.

Восторженный шепот сорвался с уст не только обеих учительниц, но и всех молодых девиц, потому что они были немало поражены, услышав блестящую импровизацию мисс Монфлэтерс, которая до сих пор славилась как мудрый политик, но никогда еще не выступала в роли поэтессы. Впрочем, в эту минуту кто-то обнаружил, что Нелл плачет, и взоры всех снова обратились к ней.

Действительно, глаза у девочки были полны слез; она хотела утереть их, но уронила платок и не успела поднять его, так как ее опередила девушка лет пятнадцати — шестнадцати, державшаяся поодаль от своих товарок, словно ей не полагалось стоять вместе со всеми. Подав Нелли оброненный платок, она скромно отступила назад, но директриса заставила ее вернуться.

— Я знаю, кто это сделал! Это сделала мисс Эдвардс! — тоном оракула возвестила мисс Монфлэтерс.— Разумеется, мисс Эдвардс!

Да, это сделала мисс Эдвардс, и все подтвердили, что не кто иная, как мисс Эдвардс, и сама мисс Эдвардс не стала отрицать, что это сделала именно она.

— Ваше пристрастие к низшим классам просто поразительно, мисс Эдвардс! — сказала директриса, опуская зонтик и окидывая преступницу строгим взглядом.— Вы так и тянетесь к ним! Но еще более удивительно, что все мои попытки искоренить в вас эти вульгарные склонности, которыми вы обязаны своему происхождению, ни к чему не приводят!

— Я не хотела сделать ничего дурного, сударыня,— послышался чистый нежный голос.— Это был мгновенный порыв.

— Порыв! — насмешливо повторила мисс Монфлэтерс.— Не понимаю, как вы смеете говорить в моем присутствии о каких-то порывах! (Обе учительницы тоже не понимали.) Меня это просто изумляет! (Обе учительницы тоже изумились.) Я полагаю, что, повинуясь именно таким порывам, вы берете под свою защиту любое жалкое и презренное существо, которое попадается вам на глаза! (Обе учительницы полагали то же самое.)

— Но знайте, мисс Эдвардс! — еще более строго заключила директриса свою речь.— Вам никто не позволит — хотя бы потому, что дурные примеры в нашем пансионе недопустимы и мы всячески заботимся о соблюдении в нем хорошего тона,— вам никто никогда не позволит оскорблять своим недостойным поведением людей, стоящих выше вас. Если вы не испытываете законного чувства гордости, сравнивая себя со всякими девчонками из паноптикума, то вот этим молодым леди оно присуще в полной мере, и вам придется посчитаться с ними, а в противном случае будьте любезны покинуть мой пансион.

Эта молодая девушка, бедная сирота, ничего не платила за обучение, ничего не платила за стол, ничего не платила за жилье, ничего не получала за репетирование младших школьниц и в глазах всех обитательниц пансиона ровным счетом ничего не стоила. Служанки чувствовали свое превосходство перед ней, потому что с ними обращались гораздо лучше, их в какой-то мере уважали и они были вольны в любой день взять расчет и уйти. Учительницы держались с ней заносчиво, потому что в свое время они платили мисс Монфлэтерс, а теперь мисс Монфлэтерс платила им. Воспитанницы пренебрегали такой товаркой — ведь она не могла щегольнуть ни увлекательными рассказами о доме, ни знакомыми, которые приезжали бы к ней в собственном экипаже и вкушали вино с печеньем в апартаментах подобострастной директрисы, не могла похвалиться почтительной горничной, которая возила бы ее на каникулы домой,— словом, ничем таким, чем любят похвастаться, о чем любят поболтать молодые девицы. Но почему же эта бедная воспитанница так раздражала и выводила из себя мисс Монфлэтерс? Чем это объяснить?

Да тем, что главным козырем мисс Монфлэтерс и украшением пансиона мисс Монфлэтерс служила дочка баронета — настоящая живая дочка настоящего живого баронета,— которая, противно всем законам природы, была не только дурнушкой, но и тупицей, тогда как эта жалкая репетиторша блистала острым умом, красотой и стройной фигурой. Просто невероятно! Какое-то убожество, внесшее в пансион при поступлении буквально гроши (от них, кстати сказать, уже давно ничего не

осталось), опережает в науках и совершенно затмевает собой дочь титулованного джентльмена, которая проходит все дополнительные предметы (успешно или безуспешно — это особая статья) и счета которой за полугодие в два раза превышают счета любой другой пансионерки. А какая честь для учебного заведения, как вырастает его репутация, когда в нем воспитывается такая благородная девица! Вот почему мисс Монфлэтерс терпеть не могла мисс Эдвардс, находившуюся в полной от нее зависимости, вечно ее попрекала и шпыняла, и вот отчего она накинулась на эту девушку, когда та, как мы уже видели, сжалилась над Нелли.

— Вы лишаетесь прогулки, мисс Эдвардс,— сказала мисс Монфлэтерс.— Будьте любезны удалиться к себе в комнату и не покидайте ее без моего разрешения.

Несчастная девушка быстрыми шагами устремилась к дому, но сдавленный возглас мисс Монфлэтерс заставил ее «лечь в дрейф», как говорят моряки.

— Прошла мимо, будто так и надо, будто меня нет здесь! — воскликнула директриса, закатывая глаза.— Даже не сочла нужным проститься со мной!

Девушка повернулась и низко присела перед мисс Монфлэтерс. Нелл увидела ее темные глаза и прочла в них немую, но трогательную мольбу, обращенную к жестокосердной наставнице. Мисс Монфлэтерс без слов мотнула ей головой, и широкая калитка захлопнулась за этой страдалицей.

— Что же касается тебя, дрянная девчонка,— сказала мисс Монфлэтерс, обращаясь к Нелли,— то передай своей хозяйке следующее: если она еще хоть раз осмелится подослать ко мне кого-нибудь, я обращусь к властям, и ей набьют на ноги колодки и выставят к позорному столбу в белой простыне. А ты, моя милая, только сунься сюда, и тебе не миновать ступального колеса, можешь быть в этом совершенно уверена. Вперед, сударыни!

Девицы с зонтами и книжками попарно двинулись дальше, а мисс Монфлэтерс подозвала к себе дочку баронета, чтобы та пролила в ее душу умиротворяющий бальзам, и, отпустив обеих учительниц, уже успевших сменить подобострастные улыбки на сочувственные взгляды, предоставила им шествовать бок о бок в самом хвосте процессии, отчего они воспылали еще большей ненавистью друг к другу.

ГЛАВА XXXII

Ярость миссис Джарли, узнавшей, что ей грозят колодками и публичным покаянием, не выразишь никакими словами. Подвергнуть единственную, неподдельную Джарли всеобщему презрению, насмешкам мальчишек, розгам церковного старосты!

Сорвать с нее — с услады дворянства и аристократии — капор, о котором могла бы только мечтать супруга любого мэра, и выставить в белой простыне к позорному столбу! Какова нахалка эта мисс Монфлэтерс! Хватает же у человека дерзости вообразить что-либо подобное! «Как подумаю об этом,— восклицала миссис Джарли, задыхаясь от распиравшего ее гнева и сознания собственного бессилия,— так впору хоть безбожницей сделаться!»

Но вместо того чтобы избрать такой путь возмездия, миссис Джарли, по зрелом размышлении, извлекла из кармана подозрительную бутылку, приказала подать стаканы на свой любимый барабан, придвинула к нему стул и, призвав к себе своих приспешников, несколько раз, со всеми подробностями, поведала им о полученном оскорблении. Когда рассказ был закончен, эта почтеннейшая женщина совершенно убитым голосом предложила слушателям выпить, потом рассмеялась, потом расплакалась, потом сама пригубила стаканчик, потом снова расплакалась и рассмеялась, снова приложилась к стаканчику и, постепенно умножая улыбки и осушая слезы, вскоре дошла до того, что расхохоталась во все горло над мисс Монфлэтерс и обратила ее из предмета ожесточенных нападок в самое настоящее посмешище.

— Еще неизвестно, чья возьмет! — воскликнула миссис Джарли.— В конце концов все это пустая болтовня, и если она сулится набить на меня колодки, так и я могу пообещать ей то же самое, а это не в пример смешнее. О господи! Да стоит ли огорчаться из-за такой чепухи!

Придя к столь успокоительному выводу (не без помощи философа Джорджа, который то и дело прерывал ее речи сочувственными междометиями), миссис Джарли принялась ласково утешать Нелл и попросила ее, в качестве личного одолжения, сопровождать отныне свои мысли о мисс Монфлэтерс громким смехом.

Так угас гнев миссис Джарли, и много времени на это не понадобилось. Но у Нелли были свои причины для беспокойства — гораздо более серьезные, и она не так-то легко могла развеселиться.

Опасения ее оправдались в тот же вечер; старик исчез куда-то и вернулся только глубокой ночью. Как ни измучена была девочка и душой и телом, она не ложилась спать, считая минуты до его возвращения, и наконец дождалась,— он пришел без единого пенни, несчастный, жалкий, но по-прежнему одержимый своей страстью.

— Достань мне денег,—как безумный, заговорил старик, расставаясь с внучкой на ночь.—Мне нужны деньги, Нелл. Когда-нибудь это окупится, но теперь ты должна отдавать мне все, что получишь. Ради твоего блага, Нелл,— помни, ради твоего же блага!

Что девочка могла поделать, как не отдавать деду каждую монету, которая попадала к ней в руки,— ведь иначе, поддавшись искушению, он ограбил бы их благодетельницу. «Если рассказать людям всю правду,— думала Нелл,— его сочтут сумасшедшим; не давать денег, он раздобудет их сам, но потворствовать ему — значит еще больше распалять снедающую его страсть и, может быть, потерять надежду, что когда-нибудь он излечится от нее». Изнывая от всех этих мыслей, сгибаясь под тяжестью горя, которым ни с кем нельзя было поделиться, томясь страхом, когда старик вдруг исчезал, тревожась за него, даже когда он сидел дома, она истаяла, побледнела, глаза ее потухли, на сердце камнем легла тоска. Все прежние горести, удвоенные новым предчувствием беды, новыми сомнениями, вернулись к ней. Они не покидали ее днем, они толпились вокруг ее изголовья и ночь за ночью вставали в ее снах.

И разве удивительно, что в это тяжелое время Нелл часто вспоминала мимолетную встречу с той милой девушкой, незначительный поступок которой, подсказанный добрым сердцем, запал ей в память, словно истинное благодеяние. Она думала: «Если бы поведать свое горе такому другу, насколько легче было бы сносить его! Если бы снова услышать тот голос, как бы он утешил меня!» И ей было грустно, что она, такая бедная, несчастная, не может смело, не боясь отпора, заговорить с мисс Эдвардс; ей казалось, будто между ними лежит пропасть, будто эта девушка и не вспоминает их встречу.

Подошло время каникул, молодые девицы разъехались по домам, мисс Монфлэтерс, как уверяли, блистала в Лондоне, нарушая сердечный покой многих пожилых джентльменов, а осталась ли мисс Эдвардс в пансионе, уехала ли домой и был ли у нее дом, куда она могла бы уехать,—об этом разговоров не велось. Но вот однажды вечером возвращаясь со своей одинокой прогулки Нелл проходила мимо гостиницы, к крыльцу которой в эту минуту подъехал дилижанс, и увидела, как мисс Эдвардс бросилась навстречу маленькой девочке, слезавшей с империала.

Это была ее сестра, ее младшая сестра — совсем крошка, моложе Нелли,— с которой она не виделась пять лет (как рассказывали впоследствии) и все эти пять лет сберегала каждый пенни, чтобы девочка могла хоть недолго погостить у нее. Сердце Нелли готово было разорваться на части, когда она увидела их. Они отошли от людей, столпившихся около дилижанса, обнялись и заплакали радостными слезами. Простое, скромное платье обеих сестер, длинный путь, который пришлось совершить ребенку одному, без провожатых, их восторг и волнение, их слезы — все это было красноречивее любых слов.

Вот они успокоились немного и пошли по улице, держась за руки — вернее, тесно прижавшись друг к другу. «Как тебе живется, дорогая, хорошо?» — услышала Нелл, когда сестры поравнялись с ней. «Да, сейчас мне хорошо»,— ответила старшая. «Сейчас? Только сейчас? — повторила девочка.— Почему же ты отворачиваешься от меня?»

Нелл не удержалась и пошла следом за ними. Они остановились возле коттеджа, где мисс Эдвардс сняла у одной старушки комнату для сестры. «Я буду приходить к тебе по утрам, на весь день»,—сказала она. «А вечером нам нельзя быть вместе? Разве в пансионе на тебя рассердятся за это?»

Почему же глаза Нелли тоже были мокры от слез той ночью? Почему она тоже благодарила судьбу за встречу сестер и тосковала при мысли о их скорой разлуке? Не подумайте, что жалость к ним родилась в сердце девочки, когда она вспомнила об испытаниях, выпавших на ее долю, и не усомнитесь в том, что нашим грешным душам ведомы бескорыстные чувства, благословенные небом.

Веселыми солнечными днями, а чаще всего в мягких вечерних сумерках Нелл сопровождала сестер в их прогулках и блужданиях за городом, но как ни хотелось ей выразить им свою благодарность, она держалась всегда позади, чтобы не нарушать этого короткого счастья, и останавливалась, когда они замедляли шаги, садилась на траву, когда они садились, и снова шла дальше, согретая близостью к ним. По вечерам сестры обычно гуляли у реки, и сюда же каждый вечер приходила Нелл. Они не замечали своей спутницы, не уделяли ей ни одной мысли, и все же у нее было такое чувство, будто она обрела верных друзей, будто втроем им легче сносить тяжкое бремя тревог и забот, будто дружба принесла им утешение. Это был самообман, бесхитростный самообман юного и одинокого существа. Но вечера сменяли один другой, а сестры попрежнему приходили на свое излюбленное место, и Нелл попрежнему следовала за ними издали, чувствуя в сердце тепло и ласку.

Вернувшись как-то домой с такой прогулки, она очень удивилась заготовленной новой афише, гласившей, что грандиозная коллекция восковых фигур отбывает из здешних мест. Эта угроза осуществилась: ровно через сутки паноптикум был закрыт, ибо, как известно, все объявления, касающиеся общедоступных зрелищ, отличаются крайней точностью и не подлежат отмене.

— Разве мы уезжаем отсюда, сударыня?— спросила Нелл.

— Посмотри-ка сюда, девочка,— сказала миссис Джарли.— Это тебе все объяснит.— И она развернула перед ней другое объявление, в котором говорилось, что, снисходя к настойчивым просьбам публики, толпами осаждающей паноптикум, он

остается в городе еще на одну неделю и будет снова открыт с завтрашнего дня.

— В пансионах сейчас каникулы, а обычные посетители выставок уже все перебывали у нас, поэтому мы займемся широкой публикой, но ее надо как-то расшевелить.

На следующий день, ровно в полдень, миссис Джарли уселась за пышно убранный стол, в окружении уже известных нам знаменитостей, и приказала распахнуть двери паноптикума для взыскательных и просвещенных зрителей. Однако первый день не принес ожидаемого успеха, так как широкая публика, выказывавшая живой интерес к самой миссис Джарли и к тем восковым персонам из ее свиты, которых можно было обозревать безвозмездно, не испытывала ни малейшего желания платить за вход по шести пенсов с носа. И невзирая на то, что зеваки глазели на выставленные у входа фигуры с необычайным долготерпением, часами изучали афиши и слушали шарманку, невзирая на то, что они любезно советовали всем друзьям и знакомым следовать их примеру, вследствие чего у дверей паноптикума толпилось чуть ли не полгорода, причем первой половине, едва она покидала свой пост, приходила на смену вторая,— невзирая на все это, в казне миссис Джарли не прибавлялось ни единого пенни, и перспективы, открывающиеся перед ее музеем, были отнюдь не радужны.

Ввиду такого застоя на классическом рынке миссис Джарли пошла на крайние меры, чтобы пробудить в публике вкус к изящному и подстегнуть ее любознательность. В туловище монахини, стоявшей над входом, смазали и привели в действие механизм, так что теперь она с утра до вечера судорожно дергала головой, к вящему удовольствию жившего через дорогу цирюльника, который, будучи не только горьким пьяницей, но и яростным протестантом, объяснял судороги монахини пагубным воздействием римско-католического богослужения на человеческий ум и выводил отсюда соответствующую мораль. Оба возчика под разными обличьями непрерывно сновали взад и вперед, заявляя во всеуслышание при выходе из зала, что им в жизни не приходилось видеть ничего подобного за свои деньги, и со слезами на глазах умоляли окружающих не лишать себя такого наслаждения. Миссис Джарли на своем посту за кассой позвякивала серебром с полудня до позднего вечера и торжественным голосом внушала толпе, что билет стоит всего шесть пенсов и что отъезд музея в турне по Европе для услаждения коронованных особ назначен ровно через неделю.

— Спешите, спешите, спешите! — каждый раз взывала миссис Джарли, заключая свою речь.— Помните, что грандиозный музей Джарли, насчитывающий больше ста восковых фигур,— единственное собрание в мире! Все прочие — грубая подделка и надувательство. Спешите, спешите, спешите!

ГЛАВА XXXIII

По ходу нашего повествования нам пришло время ознакомиться с кое-какими обстоятельствами, касающимися домашнего уклада мистера Самсона Брасса,— и так как более благоприятной минуты для этого, пожалуй, не найдется, историк берет любезного читателя за руку, поднимается вместе с ним в воздух и, рассекая его с быстротой, какая и не снилась дону Клеофасу Леандро Пересу Замбулло, совершившему столь же приятное путешествие в обществе своего друга демона, спускается прямо на мостовую улицы Бевис-Маркс.

Бесстрашные воздухоплаватели стоят перед мрачным домишком — бывшей обителью мистера Самсона Брасса.

В те дни, когда он проживал здесь, в окне этого домишка, выдвинувшемся на самый тротуар, так что прохожие, державшиеся ближе к стене, задевали рукавом его мутное стекло, что шло ему лишь на пользу, ибо оно было покрыто слоем грязи,— в этом самом окне висела перекошенная буро-зеленая занавеска, которая успела выгореть и сильно потрепаться за свою долголетнюю службу и не только не мешала разглядеть с улицы внутренность скрывавшейся за ней маленькой полутемной комнаты, но, казалось, даже облегчала эту задачу. Впрочем, любоваться там было нечем. Колченогая конторка с разбросанными по ней для пущей важности бумагами, изрядно потрепавшимися и пожелтевшими от долгого пребывания в карманах; по обеим сторонам этого ветхого предмета обстановки два табурета; у камина предательское старое кресло, которое стискивало своими иссохшими ручками многих клиентов, помогая хозяину выжимать из них все соки; подержанная картонка из-под парика, набитая бланками, повестками, исполнительными листами и прочими юридическими онерами, которые служили когда-то содержанием головы, которая служила содержанием парика, который, в свою очередь, служил содержанием картонки, превращенной теперь в хранилище этих бумажек; дватри судебных справочника, баночка с чернилами, песочница, общарпанная метла, ковер, отчаянно цепляющийся своими лохмотьями за гвоздики, вбитые в пол,— все это в совокупности с пожелтевшей обшивкой стен, закопченным потолком, пылью и паутиной было главным украшением конторы мистера Самсона Брасса.

Но описанные нами неодушевленные предметы имели не большее значение, чем дощечка на двери с надписью «Адвокат Брасс» или болтавшийся на дверном молотке билетик: «Сдается комната для одинокого джентльмена». В конторе обычно находились и предметы одушевленные, о которых стоит поговорить подробнее, так как они играют видную роль в нашем рассказе и, следовательно, представляют для нас немалый интерес.

Один из этих предметов не кто иной, как мистер Брасс, уже появлявшийся на предыдущих страницах. Другой — его писец, его правая рука, его домоправительница, секретарь, доверенное лицо во всех кляузных делах, такой же крючок, хапуга, как и он сам, нечто вроде амазонки от юриспруденции,— короче говоря, мисс Брасс, заслуживающая краткой характеристики.

Итак, мисс Салли Брасс была девица лет тридцати пяти, высоченного роста, костлявая, отличавшаяся чрезвычайно решительными повадками, которые, может быть, и заставляли ее поклонников утаивать свои нежные чувства к ней и держали их на почтительном расстоянии, но в то же время рождали в сердцах мужчин, имевших счастье находиться в ее обществе, нечто подобное благоговейному трепету. Лицом она очень напоминала своего братца Самсона, и сходство это было настолько разительно, что если б девическая скромность и женственность манер позволили мисс Брасс нарядиться шутки ради в платье брата и сесть рядом с ним, то даже самые старые их друзья не сразу отличили бы Самсона от Салли и Салли от Самсона, тем более что верхнюю губу этой девицы оттеняла рыжеватая растительность, которую, при наличии мужского костюма, вполне можно было бы принять за усы. Впрочем, то были, по всей вероятности, ресницы, попавшие не туда, куда следует, так как глаза мисс Брасс обходились без этих украшений, хоть и естественных, но по сути дела лишних. Цвет лица у мисс Брасс был желтый — точнее, грязно-желтый, зато на кончике ее веселенького носа в виде приятного контраста рдел здоровый румянец. В ее голосе звучали необычайно внушительные нотки — густые, низкие, и забыть его было невозможно. Ходила она в плотно облегающем фигуру зеленом платье, почти одного оттенка с оконной занавеской, схваченном сзади у шеи массивной пуговицей огромных размеров. Зная, без сомнения, что элегантный вид достигается простотой и скромностью наряда, мисс Брасс не носила ни воротничков, ни шейного платка, зато прическу ее неизменно украшал коричневый газовый шарфик, похожий на крыло летучей мыши, который прилаплывался как придется и с успехом заменял изящный, легкий головной убор.

Таков был внешний облик мисс Брасс. Что же касается ее внутренних качеств, то, обладая весьма стойким и энергичным характером, она с ранних лет со всем пылом своей натуры отдалась изучению юриспруденции, причем не считала нужным парить орлом в заоблачных ее высях, а предпочитала шнырять наподобие ужа в стихии, более свойственной этому роду деятельности, то есть в мутной воде. Подобно многим выдающимся умам, мисс Брасс не ограничивала себя одной теорией и не останавливалась перед практическим применением своих знаний, а именно: переписывала бумаги крупным

и мелким почерком, без единой помарки заполняла бланки — короче говоря, делала все, что полагается делать конторщику, вплоть до копировки пергаментов и чинки перьев. Трудно себе представить, каким образом обладательница стольких совершенств все еще оставалась мисс Брасс! Одела ли она свое сердце в панцирь, оберегая его от мужской половины рода человеческого или же обожателей, которые были бы не прочь добиваться и добиться ее благосклонности, отпугивало то обстоятельство, что, будучи весьма сведуща в законах, эта особа, по всей вероятности, знала назубок некии его пункты, касающиеся так называемых нарушений обещанья жениться. Как бы то ни было, но мисс Брасс не состояла в браке и проводила все свои дни на старом табурете, лицом к лицу с братом Самсоном, и здесь кстати будет заметить, что между этими двумя табуретами они ухитрились положить на обе лопатки, то есть разорить дотла, не один десяток клиентов.

Однажды утром мистер Самсон Брасс сидел на своей табуретке и переписывал очередной судебный иск, яростно царапая пером, точно перед ним лежала не бумага, но сердце того человека, против которого этот иск был направлен, а мисс Брасс сидела на своей табуретке и чинила перо, готовясь приступить к излюбленному ею занятию — составлению небольшого счетика клиенту. Так они сидели довольно долгое время, пока мисс Брасс не нарушила молчания.

— Ты скоро кончишь, Сэмми? — спросила мисс Брасс, нежные девичьи уста которой смягчали все слова и даже из Самсона делали Сэмми.

— Нет,— ответил он.— Помогла бы мне вовремя, тогда давно бы кончил.

— Ах, вот как! — воскликнула мисс Салли.— Тебе нужна моя помощь! А кто собирается нанимать писца?

— Точно я его ради собственного удовольствия нанимаю или по собственной воле! — огрызнулся мистер Брасс, взяв перо в зубы и со злобной усмешкой посмотрев на сестру.— Чего ты, сатана, пристаешь ко мне с этим писцом?

Читатель, вероятно, будет удивлен и даже поражен, услышав, как мистер Брасс обращается с почтенной леди, и поэтому здесь надо отметить следующее: привыкнув к тому, что его сестра выполняет мужскую работу, мистер Брасс незаметно для самого себя стал разговаривать с ней так, будто она была мужчина. Ни он, ни она не находили в этом ничего удивительного, и мистер Брасс частенько называл сестру «сатаной», да еще присовокуплял к «сатане» всякие эпитеты, а мисс Брасс нисколько не смущали такие вольности, как не смутило бы всякую другую леди обращение «ангел».

— Вчера битых три часа толковали об этом писце, а сегодня ты опять ко мне пристаешь! — И мистер Брасс осклабил-

ся, не вынимая пера изо рта — ни дать ни взять клейнод на дворянском гербе.— Я-то тут при чем?

— Мне ясно одно,— сказала мисс Салли, сухо улыбаясь, ибо ей ничто не доставляло такого удовольствия, как злить брата.— Если все твои клиенты будут навязывать нам своих писцов, хотим мы этого или нет, тогда закрывай свою контору, выходи из сословия и садись в долговую тюрьму.

— А много у нас таких клиентов, как он? — сказал Брасс.— Говори! Много у нас таких клиентов?

— Таких красавцев?

— Красавцев! — презрительно фыркнул Самсон Брасс и, схватив со стола счетоводную книгу, начал быстро листать ее.— Вот смотри: Дэниел Квилп, эсквайр... Дэниел Квилп, эсквайр... Дэниел Квилп, эсквайр — чуть не на каждой странице! Что же нам, по-твоему, делать? Взять писца, которого он рекомендует — «драгоценный, говорит, для вас человек», или лишиться всего этого, а?

Не удостоив его ответом, мисс Салли только улыбнулась и снова принялась за работу.

— Я, конечно, понимаю, чего ты бесишься,— заговорил Брасс после небольшой паузы.— Боишься, что нельзя будет по-прежнему совать свой нос в дела? Думаешь, я не вижу тебя насквозь?

— Думаю, что без моей помощи ты долго не протянешь,— хладнокровно ответила мисс Брасс.— Не будь дураком, Сэмми, и не выводи меня из терпения. Лучше кончай поскорей работу.

Самсон Брасс, который в глубине души побаивался сестрицы, нагнулся над столом и в полном молчании выслушал ее дальнейшие слова.

— Если бы мне не захотелось брать этого писца, я бы его и на порог не пустила. Ты прекрасно это знаешь, так что не болтай глупостей.

Мистер Брасс принял заявление сестры с полной покорностью и только пробормотал себе под нос, что он таких шуток не любит и что мисс Салли была бы «совсем молодцом», когда бы перестала изводить его. Презрев столь лестный комплимент, мисс Салли заметила, что это занятие доставляет ей удовольствие, отказываться от которого она не намерена. И так как мистер Брасс не изъявил желания продолжать беседу, оба они прилежно заскрипели перьями, прекратив свой спор.

Так прошло несколько минут; и вдруг кто-то загородил им с улицы свет, падавший из окна. Мистер Брасс и мисс Салли только успели повернуться в ту сторону, как чья-то рука ловко опустила верхнюю раму и в окно просунулась голова Квилпа, забравшегося на наружный подоконник.

— Эй! — крикнул он, приподымаясь на цыпочках и заглядывая в комнату.— Есть кто дома? Эй ты, Сэмми, крапивное семя! Откликнись, дьявольское отродье!

— Ха-ха-ха! — залился стряпчий в припадке деланного восторга.— Прелестно, сэр! Просто прелестно! Нет, какой он оригинал! Юмор из него так и брызжет!

— Неужто это моя Салли? — проскрипел Квилп, умильно воззрившись на очаровательную мисс Брасс.— Неужто это сама Фемида, только без повязки на глазах и без меча и весов? Неужто это твердыня закона? Неужто это она — пресвятая дева бевис-марксская?

— Какой поток остроумия! — снова вскричал Брасс.— Клянусь богом, это что-то сверхъестественное!

— Отоприте дверь! — сказал Квилп.— Я привел его. Это не писец, а золото, Брасс, это козырной туз, это редкостная находка! Скорей отпирайте дверь! Может быть, тут по соседству есть другой стряпчий? Тогда берегитесь! Выглянет он на улицу и сцапает чудо-писца у вас из-под носа!

Потеря сокровища — даже если бы его переманил к себе конкурент — вряд ли разбила бы сердце мистера Брасса, однако он с подчеркнутой поспешностью ринулся к двери и впустил в комнату своего клиента, который вел за руку — кого бы вы думали? — мистера Ричарда Свивеллера.

— Вот она! — с порога воскликнул Квилп, страдальчески изогнув брови при виде мисс Салли.— Вот женщина, которой следовало бы стать моей супругой. Вот она, прелестная Сара, та, что наделена всеми достоинствами, свойственными ее полу, и ни одной из присущих ему слабостей. О Салли! Салли!

Но эти любовные излияния исторгли из уст очаровательной мисс Брасс лишь короткое: «Да ну вас!»

— Какая она жестокая! Брр! От-брасс-ывает от себя всех поклонников! Пора, пора ей изменить фамилию!

— Перестаньте, мистер Квилп,— с угрюмой усмешкой осадила его мисс Салли.— Удивляюсь, как вам не стыдно молоть такой вздор в присутствии незнакомого нам молодого человека!

— Незнакомый молодой человек поймет, какие чувства охватили меня,— сказал мистер Квилп, подталкивая Дика Свивеллера вперед.— Он сам легко поддается женским чарам. Это мистер Свивеллер — мой закадычный друг, джентльмен с блестящими видами на будущее, который, со свойственной молодежи неосмотрительностью, несколько запутал свои дела и потому готов на время удовольствоваться скромной должностью писца — скромной, но при данных обстоятельствах весьма завидной. Какая здесь восхитительная атмосфера!

Если мистер Квилп выражался иносказательно и намекал, что воздух, которым дышит мисс Салли Брасс, напоен чистотой и свежестью, исходящей от этого прелестного существа, у него, вероятно, имелись на то веские основания. Если же он говорил о здешней атмосфере в прямом смысле, ему нельзя отказать в некотором своеобразии вкусов, так как атмосфера в конторе мистера Брасса была на редкость спертая, затхлая и помимо

частенько сдабривающих ее ароматов подержанного платья, которым торгуют на Дьюкс-Плейсе и у Собачьей канавы, говорила о наличии здесь мышей, крыс и плесени. Мистер Свивеллер, очевидно, не нашел в ней ничего восхитительного, так как он несколько раз повел носом и недоверчиво посмотрел на ухмыляющегося карлика.

— Познав на собственном опыте первую заповедь земледельца: что посеешь, то и пожнешь,— продолжал Квилп,— мистер Свивеллер благоразумно решил, что лучше глодать корочку, чем сидеть вовсе без хлеба. Кроме того, ему хочется быть подальше от греха, вследствие чего он и принимает предложение вашего брата, мисс Салли. Брасс, мистер Свивеллер весь к вашим услугам!

— Очень рад, сэр! — сказал мистер Брасс.— Чрезвычайно рад. Мистер Свивеллер, сэр, поистине счастливец, если он пользуется вашей дружбой. Вы должны гордиться, сэр, своей дружбой с мистером Квилпом.

Дик признался, что друзья никогда его не забывают, коль льется за столом вино, и присовокупил к этому свое излюбленное изречение о крыльях дружбы, не роняющих ни перышка,— но все это как-то вяло, без души, ибо его умственные способности были целиком поглощены созерцанием мисс Салли Брасс, за которой он следил растерянным и унылым взглядом, доставляя этим величайшее удовольствие наблюдательному карлику. Что же касается божественной мисс Салли, то она деловито, по-мужски, потерла руки и, заложив перо за ухо, несколько раз прошлась по комнате.

— Следовательно,— сказал карлик, круто поворачиваясь к своему ученому другу,— мистер Свивеллер может сразу же приступить к исполнению своих обязанностей? Сегодня как раз понедельник.

— Разумеется, сэр, разумеется! Пусть приступает,— ответил Брасс.

— Мисс Салли будет обучать его законоведению, преподаст ему эту увлекательную науку,— сказал Квилп.— Она будет его наставницей, его другом, товарищем, заменит ему Блэкстона, Литлтона с комментариями Кука, а также «Лучшее руководство для начинающих адвокатов».

— Какое красноречие! — самозабвенно пробормотал Брасс, засунув руки в карманы и устремив взгляд на крыши домов через улицу.— Слова так и льются у него из уст! Это просто изумительно!

— В обществе мисс Салли и за изучением прелестных юридических функций дни мистера Свивеллера будут лететь, как минуты. Знакомство с очаровательными господами Доу и Роу, которые могли родиться только в воображении поэта, откроет перед ним новый, неизведанный мир, обогатит его ум, облагородит его сердце.

— Изумительно! Изумительно! Просто и-зу-мительно! — воскликнул Брасс.— Слушаю и наслаждаюсь!

— А где вы посадите мистера Свивеллера? — спросил Квилп, оглядываясь по сторонам.

— Придется купить още одну табуретку, сэр,— ответил Брасс.— Мы не рассчитывали, что здесь будет заниматься третий человек, пока вы, со свойственной вам любезностью, не порекомендовали нам этого джентльмена, а обстановка у нас не ахти какая богатая. Надо поискать в лавках подержанную табуретку, сэр. А тем временем мистер Свивеллер займет мое место, поскольку я ухожу на все утро, и соблаговолит переписать для пробы вот этот исполнительный лист.

— Проводите меня,— сказал Квилп.— Нам с вами надо кое о чем поговорить. Есть у вас время?

— Есть ли у меня время, чтобы побыть в вашем обществе, сэр? Вы смеетесь, сэр, вы просто смеетесь надо мной! — ответил стряпчий, надевая шляпу.— Я готов, сэр, готов! Как же я должен быть занят, чтобы у меня не хватило времени на прогулку с вами! Не каждому выпадает счастье наслаждаться беседой с мистером Квилпом!

Карлик бросил насмешливый взгляд на своего бесстыжего друга, сухо кашлянул и повернулся к мисс Салли. Весьма галантно расшаркавшись перед ней, на что она ответила по-джентльменски сдержанно, он кивнул Дику Свивеллеру и удалился вместе со стряпчим.

Дик в полном оцепенении стоял у стола, глядя во все глаза на обворожительную Салли, точно это был невесть какой диковинный зверь, а карлик, очутившись на улице, снова забрался на подоконник, ощерил зубы и заглянул в контору, как в клетку. Дик посмотрел в ту сторону, но, вероятно, не узнал Квилпа и после его исчезновения еще долго стоял как вкопанный, ничего другого перед собой не видя и ни о ком другом не думая, кроме мисс Салли Брасс.

Однако мисс Салли, углубившаяся в подведение счета клиенту, не обращала ни малейшего внимания на Дика и работала как паровик, с явным удовольствием выводя скрипучим пером столбики цифр. А Дик, совершенно ошалелый, торчал у стола, разглядывая то ее зеленое платье, то головной убор из коричневого газа, то физиономию, то бегающее по бумаге перо и спрашивал сам себя, каким образом его угораздило очутиться в столь близком соседстве с этим чудовищем — не сон ли это, за которым последует пробуждение? Наконец он испустил вздох и начал медленно снимать сюртук.

Мистер Свивеллер снял сюртук, старательно сложил его, не сводя глаз с мисс Салли, потом надел синюю куртку с двумя рядами золотых пуговиц, которую в свое время он заказал на предмет речных экскурсий, а с сегодняшнего утра перевел на положение служебной одежды, и, все так же упорно глядя на

мисс Салли, молча рухнул на табуретку мистера Брасса. Тут на него снова нашел столбняк, и, подперев подбородок ладонью, он так выпучил глаза, что казалось, ему уже никогда больше не закрыть их.

Спустя некоторое время почти ослепший Дик отвел взгляд от прелестного существа, повергшего его в такое изумление, полистал бумаги, которые ему надо было переписать, обмакнул перо в чернильницу и, постепенно собравшись с духом, приступил к работе. Но ему не пришлось написать и десяти слов, ибо, потянувшись к чернильнице, он ненароком поднял голову и снова увидел немыслимую коричневую наколку, зеленое платье — короче говоря, мисс Салли во всей ее прелести, и на сей раз она произвела на него еще более ошеломляющее впечатление.

Это повторялось так часто, что под конец мистер Свивеллер почувствовал себя во власти какого-то странного наваждения — ему вдруг до смерти захотелось уничтожить эту Салли Брасс; его подмывало сорвать с нее головной убор и посмотреть, хороша ли она будет простоволосая. На столе лежала длинная линейка — очень длинная отполированная черная линейка. Мистер Свивеллер взял ее и почесал ею нос.

Переход от почесывания носа к покачиванию линейкой над столом и применению ее в качестве томагавка, то и дело рассекавшего воздух, произошел как-то сам собой, совершенно незаметно. Иной раз линейка пролетала совсем близко от головы мисс Салли; фестончатую кромку газа вздымало ветром, еще немного, и коричневая наколка очутилась бы на полу, но ничего не подозревающая девица продолжала спокойно строчить и ни разу не подняла глаз на мистера Свивеллера.

Какое же это принесло ему облегчение! Приятно было, написав через силу несколько слов и дойдя чуть ли не до умопомешательства, схватить линейку, замахнуться ею над коричневым головным убором и знать, что при желании его можно сбить долой! Приятно было, отдергивая руку в минуту опасности, крепко почесывать линейкой нос, а потом вознаграждать себя еще более свирепыми взмахами, как только выяснялось, что мисс Салли и не думает поднимать глаза от своей писанины. Благодаря этим упражнениям мистер Свивеллер постепенно успокоил свои взволнованные чувства; он уже не так часто и не так яростно взмахивал линейкой и наконец мог писать по пять-шесть строчек подряд, не прибегая к ее помощи, что было для него огромной победой над самим собой.

ГЛАВА XXXIV

По прошествии некоторого времени, а именно после двухчасового сидения за столом, мисс Брасс закончила работу,— в знак чего она вытерла перо о свое зеленое платье и взяла

понюшку табаку из маленькой круглой табакерки, которая хранилась у нее в кармане. Освежившись таким образом, эта девица поднялась с табуретки, перевязала бумаги по всей форме красным шнурком, сунула сверток под мышку и вышла из конторы.

Мистер Свивеллер только успел вскочить с места и отколоть коленце-другое неистовой жиги от радости, что его оставили одного, как вдруг дверь отворилась и из-за нее высунулась голова мисс Салли.

— Я ухожу,— сообщила она.

— Хорошо, сударыня,— сказал Дик. «И, сделайте одолжение, не спешите из-за меня домой»,— добавил он мысленно.

— Если кто-нибудь придет по делу, спросите, что передать, а самого стряпчего, мол, нет дома. Поняли?

— Понял, сударыня,— ответил Дик.

— Я ненадолго,— сказала мисс Брасс напоследок.

— Прискорбно это слышать, сударыня,— воскликнул Дик, когда она затворила за собой дверь.— Надеюсь, что у вас получится какая-нибудь непредвиденная задержка. Если вы ухитритесь попасть под колеса, сударыня, не причинив себе серьезного увечья, тем лучше.

Высказав от всего сердца это благожелательное напутствие, мистер Свивеллер сел в кресло для клиентов и погрузился в глубокое раздумье, потом прошелся несколько раз по комнате и снова упал в кресло.

— Итак, я состою в должности писца при мистере Брассе! — воскликнул Дик.— Служу писцом у Брасса — да? И у сестрицы Брасса — у этого дракона в юбке? Хорошо, очень хорошо! Что же со мной приключится дальше? Может, меня ждет участь каторжника, и я буду слоняться по адмиралтейским складам в войлочной шляпе, в серой куртке с аккуратно вышитым на ней номером и с орденом Подвязки на щиколотке, под который придется подсовывать платочек, чтобы не натирало ногу? Значит, быть мне каторжником? А может, и этого недостаточно и готовится что-нибудь похуже? Впрочем, не стесняйтесь, поступайте по собственному усмотрению.

Так как мистер Свивеллер восклицал это, находясь в полном одиночестве, следует полагать, что он взывал к своей судьбе или к своей несчастной доле, которым, как мы знаем, частенько приходится выслушивать от попавших в неприятное положение героев такие вот иронически-горькие попреки. Это тем более вероятно, что мистер Свивеллер говорил, глядя в потолок — обычное местопребывание вышеупомянутых бесплотных особ, за исключением тех случаев, когда дело происходит на театральных подмостках, где им положено обитать в самой сердцевине люстры.

— Квилп предлагает мне это место и говорит, что оно наверняка будет за мной,— после глубокомысленной паузы про-

должал Дик, отсчитывая на пальцах все обстоятельства своей теперешней жизни.— Фред, который раньше и слышать бы не захотел о чем-либо подобном, к моему величайшему удивлению, поддерживает Квилпа и настаивает на том же самом,— удар номер один. Моя тетушка прекращает высылку денег и уведомляет меня нежным письмецом из своего захолустья, что она составила новое завещание, в котором обо мне не упомянуто ни единым словом,— удар номер два. Полное отсутствие денег, отсутствие кредита, подвох со стороны Фреда, который вдруг остепенился; требование освободить квартиру — удары номер три, четыре, пять и шесть. Когда на человека обрушивается сразу столько ударов, он уже ни за что не отвечает. Человек сам себя не швырнет в грязь, а если его швырнет в грязь судьба, ее дело снова поставить свою жертву на ноги. Моя судьба навлекла на себя немало хлопот, ну и прекрасно! Я умываю руки и назло ей устроюсь здесь как дома. Так что пусть продолжает в том же духе.— Тут мистер Свивеллер многозначительно кивнул и отвел взгляд от потолка.— А там посмотрим, кто из нас сдастся первый.

Придя к столь глубокомысленному выводу, знакомому нам по некоторым системам нравственной философии, мистер Свивеллер перестал думать о своем падении и, стряхнув с себя унылость, принял весьма непринужденный вид, подобающий таким безответственным личностям, как писцы.

Чтобы окончательно успокоиться и овладеть собой, он приступил к более тщательному осмотру конторы, на что до сих пор у него не было времени: заглянул в картонку из-под парика, в книги, в чернильницу, развязал одну за другой все связки бумаг и перелистал их; вырезал на столе несколько вензелей острым перочинным ножом мистера Брасса и расписался с внутренней стороны угольного ведерка. Утвердив себя таким образом в должности писца, мистер Свивеллер распахнул окно, развалился в небрежной позе на подоконнике и пролежал там до тех пор, пока на улице не появился мальчик из пивной. Дик приказал ему поставить поднос на тротуар, остановил свой выбор на кружке легкого портера, тут же выпил его и произвел полный расчет, чтобы немедленно положить начало будущему кредиту. Потом в контору забегало трое-четверо посыльных от троих-четверых стряпчих одного пошиба с Брассом, и мистер Свивеллер принимал и отпускал их с такой же серьезностью, какую мог бы выказать клоун в подобного рода пантомиме. Когда же с посетителями было покончено, он снова уселся на табуретку и, весело посвистывая, начал набрасывать пером карикатуры на мисс Брасс.

Мистер Свивеллер был все еще погружен в рисование, когда к дому Брасса подъехал чей-то экипаж и вслед за тем послышался громкий стук дверного молотка. Поскольку мистер Свивеллер считал себя обязанным отвечать только на звон-

ки в контору, он преспокойно продолжал рисовать, хотя у него и имелись подозрения, что в доме никого больше нет.

Но это было не так, ибо после повторного и еще более нетерпеливого стука входную дверь отперли, и кто-то, тяжело ступая, поднялся в комнату над конторой. Мистер Свивеллер уже начал подумывать, нет ли в доме второй мисс Брасс — двойняшки дракона, как вдруг к нему постучались.

— Войдите! — крикнул Дик.— К чему такие церемонии! Если посетители будут валить ко мне валом, я тут совсем запутаюсь. Прошу!

— Пожалуйста, будьте так добры,— послышался чей-то тоненький голосок совсем низко от пола,— покажите ему комнату.

Дик перегнулся через стол и узрел маленькую девочку в стоптанных башмаках и в грязном глухом переднике, который оставлял на виду только ее лицо и ступни. С равным успехом эту девочку можно было бы одеть и в футляр от скрипки.

— Ты кто такая? — спросил Дик.

Но в ответ снова послышалось:

— Пожалуйста, будьте так добры, покажите ему комнату!

До чего же эта девочка была старообразная, и лицом и манерами! Судя по всему, ее запрягли в работу прямо с колыбели. Она боялась Дика в той же мере, в какой Дик дивился, глядя на нее.

— Я тут совершенно ни при чем,— сказал он.— Попроси его зайти попозже.

— Нет, пожалуйста, будьте так добры, покажите ему комнату! — в третий раз повторила девочка.— Восемнадцать шиллингов в неделю, белье и посуда наши, чистка сапог и платья особо, камин в зимнее время восемь пенсов в день.

— Вот и покажи сама. Ты ведь все знаешь,— сказал Дик.

— Мисс Салли мне не велела, она говорит, жильцы увидят, какая я маленькая, и решат, что услуги будут плохие.

— Сразу не увидят, так потом увидят!

— Э-э! А за две недели вперед? — сказала девочка, бросив на Дика хитренький взгляд.— Уж если кто устроился на квартире, так неохота будет съезжать на другой день!

— Чудно́! — пробормотал Дик, вставая.— А ты все-таки за кого здесь — за кухарку, что ли?

— Да я и за кухарку,— ответила девочка,— и за горничную, и всю работу по дому делаю.

«Самая грязная работа, наверно, приходится на долю Брасса, дракона и на мою»,— подумал Дик. Он мог бы долго размышлять на эту тему, борясь с одолевающими его сомнениями, но девочка снова повторила свою просьбу, а загадочные глухие стуки в коридоре и на лестнице явно свидетельствовали о том, что претендент на комнату испытывает нетерпение. Тогда Ричард Свивеллер сунул по перу за оба уха, третье взял в зубы,

в доказательство значительности своей персоны и крайней занятости, и поспешил наверх, вести переговоры с одиноким джентльменом.

К его удивлению, глухие стуки объяснялись тем, что на второй этаж втаскивали сундук одинокого джентльмена, страшно тяжелый и чуть ли не в два раза шире лестницы, вследствие чего одинокому джентльмену и возчику, старавшимся соединенными усилиями поднять его по крутым ступенькам, приходилось нелегко. Они толкались, притискивали друг друга к перилам и так и сяк бились над сундуком, который то и дело застревал под самыми невероятными углами, и, следовательно, опередить их на лестнице было невозможно. Поэтому Ричард Свивеллер медленно поднимался следом за ними и на каждой ступеньке громко высказывал свое возмущение по поводу того, что неизвестные люди берут штурмом дом мистера Самсона Брасса.

Одинокий джентльмен не удостоил ни словом эти протесты, а когда сундук наконец втащили в комнату, сел на него и вытер лицо и лысину носовым платком. Ему стало жарко, и это не удивительно, так как, не говоря о возне с сундуком, одет он был по-зимнему, хотя термометр показывал в тот день двадцать семь градусов в тени.

— Я полагаю, сэр,— сказал Ричард Свивеллер, вынув перо изо рта,— что вы желаете осмотреть помещение? Комната прекрасная, сэр. Она находится в двух минутах ходьбы от... от ближайшего угла, и из ее окон открывается широкий вид на... на противоположную сторону улицы. Тут же по соседству, сэр, торгуют великолепным портером, а всех других преимуществ просто не перечислишь.

— Сколько? — спросил одинокий джентльмен.

— Фунт стерлингов в неделю,— ответил Дик, накинув два шиллинга по собственному почину.

— Комната за мной.

— Чистка сапог и платья особо,— сказал Дик.— Камин в зимнее время...

— Ладно, ладно!

— Двухнедельный задаток...

— Двухнедельный? — сердито крикнул одинокий джентльмен, оглядывая его с головы до ног.— Двухгодичный! Я поселюсь здесь на два года. Получайте пока десять фунтов. И дело с концом.

— Стойте! — начал было Дик.— Я, собственно, не Брасс, а...

— И я не Брасс. Ну и что же из этого?

— Брасс — фамилия домовладельца.

— С чем его и поздравляю,— сказал одинокий джентльмен.— Извозчик, можешь уходить. Вы тоже, сэр.

Мистера Свивеллера так огорошила бесцеремонность и скоропалительность одинокого джентльмена, что он вытаращил

на него глаза, почти как на мисс Салли утром. Но одинокий джентльмен, нисколько не смутившись этим, преспокойно размотал шарф на шее и снял сапоги. Освободившись от этих обременительных предметов туалета, он начал раздеваться дальше и аккуратно, вещь за вещью, складывать платье на сундук. Потом спустил штору на окне, задернул занавески у кровати, завел часы и не спеша, соблюдая размеренность в каждом движении, улегся в постель.

— Снимите билетик с двери,— сказал он напоследок, просунув голову между занавесками.— И чтобы меня никто не беспокоил, пока я сам не позвоню.

Вслед за этим занавески сомкнулись, и из-за них тут же послышался храп.

— Ну и дом! Сплошная чертовщина! — воскликнул мистер Свивеллер, входя в контору с билетиком в руках.— Драконы в юбке вершат всеми делами, ведут себя, как заправские стряпчие. Кухарки трех футов росту выскакивают откуда ни возьмись, точно из-под земли. Незнакомцы вламываются в дом и ложатся спать среди бела дня, будто так и надо! Если он принадлежит к тем загадочным личностям, о которых то и дело приходится слышать, и заснет непробудным сном года на два, хорошенькое у меня будет положеньице! Впрочем, что поделаешь — судьба! Надеюсь, Брасс останется доволен. А нет — тем хуже. Я тут ни при чем. Мое дело сторона.

ГЛАВА XXXV

Вернувшись домой, мистер Брасс весьма благосклонно и с удовольствием выслушал доклад своего писца и тут же осведомился о билете в десять фунтов стерлингов, который после тщательного осмотра оказался настоящим кредитным билетом, выпущенным Английским банком, что окончательно привело его в прекрасное расположение духа. Под конец он так разошелся, что в порыве чувств пригласил мистера Свивеллера распить с ним чашу пунша, назначив для этого тот отдаленный и отличающийся некоторой неясностью срок, который обычно определяется словами «как-нибудь на днях», и рассыпался перед Диком в комплиментах по поводу его необыкновенной деловитости, выяснившейся в первый же день службы.

Мистер Брасс руководствовался в своей жизни тем принципом, что комплименты, не требуя никаких затрат, так сказать, смазывают язык, а поскольку, по его мнению, во рту у служителя Фемиды этот полезный орган должен был ходить легко и плавно, ни в коем разе не покрываясь ржавчиной и не поскрипывая на шарнирах, то он пользовался каждым удобным случаем, чтобы практиковаться в высокопарных и льстивых речах. Будем справедливы — язык у мистера Брасса был хорошо подвешен, хотя привычная этому джентльмену слащавость

нисколько не отражалась на его топорной, отталкивающей физиономии, которая не так-то легко поддавалась смазке. Хмуро опровергая его словоизвержения, она как бы служила некиим сигнальным буем, поставленным самой природой в виде предостережения тем, кто ведет свой корабль среди мелей и бурунов Жизни или в опасном архипелаге Закона, и возвещала, что здесь не место пытать свое счастье и судьбу.

Мистер Брасс попеременно то осыпал своего писца похвалами, то рассматривал кредитный билет, но мисс Салли взирала на Дика весьма сухо и даже неодобрительно, ибо, привыкнув устремлять свои природные способности и деловую сметку главным образом на то, как бы где урвать побольше, она досадовала на одинокого джентльмена, слишком дешево снявшего комнату, и говорила, что, если уж этому человеку так захотелось поселиться у них, с него следовало бы спросить вдвое, а то и втрое, и чем больше бы он торговался, тем решительнее должен был мистер Свивеллер стоять на своем.

Однако похвалы мистера Брасса и недовольство мисс Салли не произвели ни малейшего впечатления на Ричарда Свивеллера, ибо, переложив всю ответственность как за этот, так и за дальнейшие свои поступки и действия на судьбу, он окончательно махнул на все рукой и успокоился, готовый претерпеть любые несчастия и с философским равнодушием принять любые блага, которые могли ждать его впереди.

— С добрым утром, мистер Ричард,— сказал Брасс на другой день после поступления Свивеллера на службу.— Салли разыскала вам подержанную табуретку в Уайтчепле. Вот у кого поучиться покупать все по дешевке, мистер Ричард! Прекрасная табуретка, сэр! Поверьте моему слову.

— Мне на нее что-то и смотреть не хочется,— сказал Дик.

— А вы не смотрите, а садитесь,— возразил мистер Брасс.— Салли купила эту табуретку на улице возле больницы. Она стояла там месяца два и несколько запылилась и порыжела на солнце — вот и все.

— Надо надеяться, я не заражусь от нее лихорадкой или какой-нибудь другой гадостью,— сказал Дик, с недовольным видом усаживаясь между мистером Самсоном и целомудренной Салли.— Хромает, одна ножка длиннее.

— Ну что ж, лишек пойдет на дрова, сэр! — воскликнул Брасс.— Ха-ха-ха! Тут тебе и табуретка, тут и дрова, сэр! Вот что значит посылать за покупками мою сестрицу! Верьте моему слову, мистер Ричард, мисс Брасс...

— Замолчишь ты или нет! — осадил стряпчего очаровательный предмет его восторгов.— Попробуй тут заниматься делом под такую болтовню!

— Ну и фрукт у меня сестрица! — воскликнул стряпчий.— То сама рада поболтать, а то вдруг работать ей приспичило. Вот поди угадай, в каком она настроении!

— Сейчас у меня настроение деловое,— сказала мисс Салли,— так что прошу мне не мешать. И его тоже не отвлекай.— Мисс Салли ткнула пером в сторону Ричарда.— Он и без того не слишком старается.

Мистеру Брассу, вероятно, очень хотелось огрызнуться, но благоразумие, а может быть, трусость одержала в нем верх над злобой, и он только пробормотал что-то насчет «наглецов» и «прохвостов», ни к кому, в частности, не адресуясь и употребляя эти термины в связи с какими-то отвлеченными идеями, возникшими у него в мозгу. Вслед за тем все трое заскрипели перьями и писали долго, храня молчание, такое тягостное, что мистер Свивеллер (который не мог обходиться без развлечений), то и дело клюя носом, с закрытыми глазами выводил на бумаге какие-то странные слова, составленные из несуществующих букв, как вдруг мисс Салли нарушила царившую в конторе скуку, шумно втянув носом понюшку табаку из маленькой табакерки и заметив во всеуслышанье, что мистер Ричард Свивеллер «наделал дел».

— Каких дел, сударыня? — спросил Ричард.

— Вы разве не знаете,— сказала мисс Брасс,— что жилец все еще не вставал, что его не видно и не слышно с тех пор, как он лег спать вчера днем?

— Ну что ж, сударыня,— ответил Дик,— почему бы ему не выспаться как следует в тишине и покое за свои десять фунтов?

— Я начинаю подумывать, что он никогда не проснется,— сказала мисс Салли.

— Странно,— проговорил Брасс, откладывая перо в сторону,— очень странно! Мистер Ричард, если этого джентльмена найдут повесившимся на спинке кровати или с ним случится какая-нибудь другая неприятность в том же роде, вы не забудете, мистер Ричард, что десять фунтов были даны вам в счет квартирной платы за два года? Я надеюсь, вы все помните, мистер Ричард? Советую вам записать это, потому что вас могут вызвать для дачи свидетельских показаний.

Мистер Свивеллер взял большой лист писчей бумаги и с чрезвычайно сосредоточенным видом начал писать что-то очень мелким почерком в верхнем его уголке.

— Меры предосторожности никогда не бывают лишними,— продолжал Брасс.— Кругом совершается столько злодейств, столько ужасных злодейств! А этот джентльмен ничего не говорил о... Впрочем, об этом после, сэр. Сначала кончите свою запись.

Дик кончил и протянул бумагу Брассу, который, не усидев на месте, ходил взад и вперед по комнате.

— Ах, это ваша запись? — сказал он, пробегая глазами документ.— Прекрасно! А теперь, мистер Ричард, будьте любезны вспомнить, не говорил ли этот джентльмен чего-нибудь еще.

— Нет.

— Вы уверены, мистер Ричард,— торжественно произнес Брасс,— что джентльмен так-таки ничего больше и не сказал?

— Ни черта он не сказал,— ответил Дик.

— Подумайте хорошенько, сэр! — настаивал Брасс.— Мое положение, сэр, и моя принадлежность к почтеннейшему юридическому сословию — первейшему сословию в нашей стране, сэр, и во всех других странах земного шара и на всех планетах, которые сияют над нами по ночам и, как предполагается, тоже населены живыми существами,— моя принадлежность, сэр, к этому почтеннейшему сословию не позволяет мне задавать вам наводящие вопросы, когда речь идет о столь серьезном и столь деликатном деле. Итак, сэр, будьте любезны вспомнить, не говорил ли джентльмен, которому вы сдали вчера днем комнату во втором этаже и который привез с собой сундук с имуществом — сундук с имуществом! — не говорил ли вам этот джентльмен что-нибудь кроме того, о чем упоминается в вашей записке?

— Ну, что вы дураком-то прикидываетесь? — сказала мисс Брасс.

Дик посмотрел на нее, потом на Брасса, потом опять на нее и все-таки сказал: «Нет, ничего не говорил».

— Фу ты, черт побери! Какой вы непонятливый, мистер Ричард! — воскликнул Брасс и даже улыбнулся.— Ну, наконец, говорил он что-нибудь о своем имуществе?

— Вот именно! — сказала мисс Салли, кивнув брату.

— Не говорил ли он, например,— пояснил Брасс умильным, сладеньким голоском,— заметьте, я ничего не утверждаю, а просто спрашиваю, чтобы восстановить у вас в памяти слова этого джентльмена,— не говорил ли он, например, что у него никого нет в Лондоне, что он не имеет ни охоты, ни возможности предъявлять нам чьи-либо рекомендации, хотя мы и вправе требовать таковые, и не выражал ли твердого желания на случай какого-нибудь несчастья с ним, чтобы его имущество, находящееся здесь, в этом доме, перешло в мою собственность в виде слабого вознаграждения за понесенные мною хлопоты и неприятности?.. Одним словом,— заключил Брасс совсем уж умильным и сладеньким тоном,— согласились ли вы сдать ему комнату, действуя в качестве моего доверенного лица, на таких именно условиях?

— Конечно, нет,— ответил Дик.

— В таком случае, мистер Ричард,— сказал Брасс, метнув на него презрительный и укоризненный взгляд,— вы ошиблись в выборе профессии и стряпчего из вас не получится.

— Сколько бы вы ни прожили на свете — хоть тысячу лет,— добавила мисс Салли. После чего братец и сестрица, шумно потянув носом, угостились табаком из маленькой табакерки и погрузились в мрачное раздумье.

В дальнейшем ничего особенного не произошло до самого обеда, который полагался мистеру Свивеллеру в три часа, а томил его ожиданием будто все три недели. С первым боем часов новый писец исчез. С последним боем, ровно в пять, он появился снова, и контора, словно по волшебству, наполнилась благоуханием джина с лимонной цедрой.

— Мистер Ричард,— сказал Брасс.— Этот человек все еще не вставал. Разбудить его немыслимо. Что делать?

— По-моему, пусть выспится,— ответил Дик.

— Выспится! — воскликнул Брасс.— Да ведь он спит двадцать шесть часов подряд! Мы двигали у него над головой комоды, мы стучали молотком в наружную дверь, мы заставили служанку несколько раз свалиться с лестницы (она щуплая, ей ничего не сделается), но он так и не проснулся.

— А что, если подставить стремянку,— сказал Дик,— и залезть в окно?

— Там дверь — все равно ничего не увидишь, а кроме того, среди соседей начнется брожение умов,— возразил Брасс.

— А если вылезти на крышу и спуститься вниз по дымоходу?

— Мысль сама по себе прекрасная,— согласился Брасс,— и если бы нашелся...— тут он в упор посмотрел на мистера Свивеллера,— если б нашелся такой обязательный, милый и великодушный человек, который взял бы на себя... Я думаю, это совсем не так неприятно, как кажется.

Дик предложил этот план в надежде на то, что выполнение его падет на долю мисс Салли. Поскольку он промолчал, прикинувшись, будто не понимает намека, мистеру Брассу не осталось ничего другого, как предложить подняться наверх всем вместе и предпринять последнюю попытку разбудить спящего каким-нибудь более простым способом, а в случае неудачи пойти на крайние меры. Мистер Свивеллер не стал возражать и, вооружившись табуретом и длинной линейкой, отправился следом за хозяином к месту предстоящих военных действий, где мисс Брасс уже отчаянно звонила в ручной колокольчик, не производя этим ни малейшего впечатления на таинственного жильца.

— Вот его сапоги, мистер Ричард,— сказал Брасс.

— Ишь какие, видно, с характером! — заметил Ричард Свивеллер. И действительно, трудно было вообразить себе нечто более солидное и самоуверенное! Эти тупоносые, с толстыми подошвами сапоги, казалось, силой завладели своим местом у порога и стояли на полу так твердо, будто в них были всунуты хозяйские ноги.

— Ничего не вижу, кроме занавесок у кровати,— сказал Брасс, припав к замочной скважине.— Что он, крепкого телосложения, мистер Ричард?

— Весьма,— ответил Дик.

— Будет крайне неприятно, если он вдруг выскочит из комнаты,— сказал Брасс.— Не загораживайте лестницу. Ему со мной, конечно, не справиться, но я как-никак хозяин дома, а законы гостеприимства священны. Эй! Эй вы, там!

Покуда мистер Брасс вперял любопытный взор в замочную скважину, окриками стараясь привлечь внимание жильца, и покуда мисс Брасс трезвонила в колокольчик, мистер Свивеллер успел взобраться на табуретку, придвинутую вплотную к стене, у самой двери, и, вытянувшись на ней во весь рост, с тем расчетом, что разъяренный жилец не заметит его, если выбежит из комнаты, начал отчаянно лупить линейкой по притолоке. Восторгаясь собственной изобретательностью и веря в надежность своей позиции, избранной им по примеру тех бесстрашных личностей, что открывают двери галерки и задних рядов партера в дни битковых сборов, мистер Свивеллер совершенно заглушил ударами линейки звон колокольчика, и маленькая служанка, которая стояла на нижней ступени, готовая в любую минуту обратиться в бегство, заткнула уши, чтобы не оглохнуть на веки вечные.

И вдруг в двери щелкнул ключ, и она распахнулась настежь. Маленькая служанка стремглав бросилась в подвал, мисс Салли шмыгнула к себе в спальню, а не отличавшийся храбростью мистер Брасс в мгновение ока выбежал па улицу, но, обнаружив, что за ним не гонятся ни с кочергой, ни с каким-либо другим смертоносным оружием, перешел на шаг, заложил руки в карманы и засвистал как ни в чем не бывало.

Между тем мистер Свивеллер, почти распластавшийся по стене, не без интереса смотрел сверху, с табуретки, на одинокого джентльмена, который рычал, сыпал страшными проклятиями на пороге своей комнаты и, держа по сапогу в каждой руке, намеревался, видимо, запустить ими наудачу вниз по лестнице. Однако он почему-то оставил это намерение, ворча повернул назад, в комнату, и вдруг заметил Ричарда.

— Это вы устроили тут такой содом? — спросил одинокий джентльмен.

— Я только помогал, сэр,— ответил Дик, не сводя с него глаз и легонько помахивая линейкой, в знак того, что одинокому джентльмену несдобровать, если он попытается применить силу.

— Да как вы смеете? — вскричал жилец.— А?

Вместо ответа Дик осведомился, приличествует ли порядочным джентльменам такое вот спанье по двадцать шесть часов подряд и не следует ли им считаться со спокойствием их милейших и почтеннейших хозяев.

— А разве мое спокойствие ничего не значит? — спросил одинокий джентльмен.

— А разве их спокойствие ничего не значит, сэр? — отпарировал Дик.— Я не собираюсь вам угрожать, сэр, ибо угрозы

воспрещены законом наравне с действиями, подлежащими судебному преследованию, но берегитесь! Если это повторится еще раз, над вами произведут дознание и вас похоронят где-нибудь на перекрестке двух дорог, не дождавшись вашего пробуждения. Мы, сэр, думали, уж не скончались ли вы, и просто обезумели от страха,— добавил Дик, осторожно слезая с табуретки.— Короче говоря, здесь не потерпят, чтобы одинокие джентльмены спали за двоих, не внося за это дополнительной платы.

— Вот как! — воскликнул жилец.

— Да, сэр, так-то! — сказал Дик и, положившись на милость судьбы, понес первое, что ему пришло в голову.— Нельзя извлекать двойную порцию сна из одной кровати с одной постелью, а если вы намерены и впредь поступать подобным же образом, извольте платить как за комнату с двуспальным ложем.

Вместо того чтобы окончательно рассвирепеть после такой отповеди, жилец широко улыбнулся и бросил на мистера Свивеллера лукавый взгляд. Лицо у него было смуглое от загара, а в белом ночном колпаке оно казалось еще смуглее. Судя по всему, он страдал некоторой раздражительностью, а потому мистер Свивеллер почувствовал немалое облегчение при виде этой веселой улыбки и, стараясь поддержать его благодушие, улыбнулся сам.

В гневе на то, что ему помешали спать, да еще таким бесцеремонным образом, жилец сдвинул ночной колпак набекрень. Это придало ему забавно-ухарский вид, и теперь, когда мистер Свивеллер мог разглядеть своего собеседника как следует, он был просто очарован им и, чтобы окончательно умилостивить его, выразил надежду, что джентльмен решил встать и впредь будет вести себя подобающим образом.

— Зайди ко мне, беспутная твоя голова,— ответил ему на это жилец, входя в комнату.

Мистер Свивеллер проследовал за ним, оставив табуретку за дверью, но линейку на всякий случай прихватил с собой. Он тут же похвалил себя за такую предусмотрительность, ибо одинокий джентльмен без всяких объяснений запер дверь на два оборота ключа.

— Пить будете? — последовал вопрос.

Мистер Свивеллер ответил, что он не так давно утолил мучившую его жажду, но тем не менее не откажется от «маленькой чарочки», если все нужное для соответствующей смеси под руками. При обоюдном их молчании жилец достал из своего огромного сундука нечто подобное маленькому храму, сверкающему серебряными гранями, и осторожно поставил его на стол.

Мистер Свивеллер с интересом наблюдал за каждым движением одинокого джентльмена. В одно отделеньице этого ма-

ленького храма он опустил яйцо, в другое всыпал кофе, в третье положил кусок сырого мяса, вынутый из жестяной баночки, в четвертое налил воды. Потом чиркнул фосфорной спичкой и поднес ее к спиртовке под храмом, потом захлопнул крышки на всех отделениях, потом открыл их,— и тут оказалось, что какая-то чудесная, невидимая глазу сила поджарила бифштекс, сварила яйцо, вскипятила кофе — словом, приготовила ему полный завтрак.

— Вот вам горячая вода,— сказал жилец с полной невозмутимостью, точно они сидели на кухне у очага,— вот вам замечательный ром, сахар и дорожный стакан. Смешайте сами. И поскорее.

Дик повиновался, глядя во все глаза то на стоявший на столе маленький храм, который умел делать все что угодно, то на огромный сундук, который хранил в себе все что угодно. Жилец же приступил к завтраку с видом человека, привыкшего творить чудеса и не находившего в этом ничего особенного.

— Хозяин дома, кажется, стряпчий? — спросил он.

Дик кивнул. Ром был совершенно сверхъестественный.

— А хозяйка — она что такое?

— Дракон,— сказал Дик.

Одинокий джентльмен нисколько не удивился такому ответу,— то ли потому, что ему приходилось встречаться со всякими чудесами во время своих странствий, то ли потому, что он был *одинокий* джентльмен,— и лишь спросил:

— Жена или сестра?

— Сестра,— сказал Дик.

— Тем лучше,— сказал одинокий джентльмен.— Значит, он может отделаться от нее при желании.

— Я буду жить, как мне угодно, молодой человек,— снова заговорил жилец после небольшой паузы.— Ложиться когда угодно, вставать когда угодно, приходить домой когда угодно, уходить когда угодно и не потерплю никаких расспросов и никакой слежки. Что касается последнего, то все зло в служанках. Но здесь только одна.

— И очень маленькая,— сказал Дик.

— И очень маленькая,— повторил жилец.— Следовательно, квартира для меня подходящая — так?

— Так,— сказал Дик.

— Надо полагать, акулы? — спросил жилец.

Дик кивнул и осушил стакан до дна.

— Сообщите им мои условия,— сказал одинокий джентльмен, поднимаясь из-за стола.— Если они будут надоедать мне, то лишатся хорошего жильца. Если они разнюхают, что я жилец хороший, этого с них совершенно достаточно. Если попробуют разнюхивать дальше, я съеду немедленно. Лучше договориться обо всем этом сразу. До свидания!

— Прошу прощенья, сэр,— сказал Дик, останавливаясь на

пути к двери, которую жилец уже хотел распахнуть перед ним.— Когда тот, кто тебя обожает, только имя оставил свое...

— Не понимаю!

— Имя,— повторил Дик.— Имя... на случай писем, посылок...

— Я ни того, ни другого не получаю,— отрезал жилец.

— Или визитов...

— Ко мне с визитами не ходят.

— Если незнание имени повлечет за собой какие-либо недоразумения, прошу меня не винить, сэр,— добавил Дик, все еще медля у двери.— О, не кори певца...

— Я никого не собираюсь корить,— сказал жилец, да с такой яростью, что Дик в мгновение ока очутился на лестнице перед захлопнутой дверью.

Здесь он наткнулся на мистера Брасса и мисс Салли, которых только его внезапное появление заставило оторваться от замочной скважины. Они сразу увлекли его в контору и потребовали отчета о беседе с жильцом, так как, несмотря на все их старания, им ничего не удалось подслушать, по причине ссоры из-за первого места на этом наблюдательном посту — ссоры, которая хоть и ограничилась в силу необходимости пинками, щипками и немой жестикуляцией, но отняла у них порядочно времени.

И мистер Свивеллер представил им полный отчет — совершенно точный во всем, что касалось характеристики одинокого джентльмена и высказанных им пожеланий, и поэтически-вольный в части, относящейся к огромному сундуку, который он описал, скорее увлеченный фантазией, чем преданностью истине, клятвенно заверяя, будто в нем хранятся все виды самых изысканных напитков и съестных припасов, известных нашему времени, и будто сундук этот представляет собой некий аппарат, который приводится в действие часовым механизмом и извлекает из своих недр решительно все. Кроме того, мистер Свивеллер дал понять, что храм со спиртовкой за две с четвертью минуты зажарил ростбиф в семь фунтов весом, чему свидетели его собственные чувства, а именно — зрение и вкус. Каким образом это было сделано, ему неизвестно, но он хорошо помнит, что одинокому джентльмену стоило только мигнуть, и вода сразу закипела и забулькала, из чего он (мистер Свивеллер) заключает, что жилец их какой-нибудь знаменитый фокусник, или химик, или и то и другое вместе,— а следовательно, его пребывание под этой крышей озарит славой имя Брасса и вызовет новый интерес к истории улицы Бевис-Маркс.

Мистер Свивеллер счел нужным умолчать только об одном — а именно о небольшой чарочке, которая, последовав по пятам за скромными обеденными возлияниями и отличаясь крепостью своего содержимого, вызвала в нем легкую лихорадку и заставила его два-три раза в течение вечера приложиться к другим таким же чарочкам в ближайшей харчевне.

ГЛАВА XXXVI

Так как одинокий джентльмен, уже которую неделю живший под крышей мистера Брасса, по-прежнему отказывался разговаривать или хотя бы объясняться знаками с самим стряпчим и его сестрицей и каждый раз избирал своим посредником Ричарда Свивеллера и так как он оказался жильцом во всех смыслах подходящим — то есть платил за все вперед, не докучал просьбами, не шумел, рано ложился спать,— мистер Ричард незаметно приобрел большой вес в доме в качестве лица, которое имело влияние на таинственного обитателя верхнего этажа и — к добру ли, к худу ли — вступало с ним в переговоры, тогда как никто другой не осмеливался даже близко к нему подойти.

Откровенно говоря, отношения между мистером Свивеллером и одиноким джентльменом были не слишком-то близкие и не слишком-то поощрялись последним, но поскольку Дик еще ни разу не вернулся с этих односложных бесед без того, чтобы не процитировать такие высказывания безыменного жильца, как: «Свивеллер! Я уверен, что на вас можно положиться», «Скажу, не колеблясь, я к вам очень расположен, Свивеллер», «Свивеллер, вы мой друг и никогда от меня не отступитесь», а также много других столь же дружеских и доверительных по тону заявлений, якобы сделанных одиноким джентльменом по его адресу и служивших главным содержанием их разговоров,— мистер Брасс и мисс Салли ни минуты не сомневались в силе влияния мистера Ричарда, слепо веря ему на слово.

Но, помимо этой заручки и совершенно независимо от нее, у мистера Свивеллера имелась и другая, которая обещала быть не менее надежной и значительно укрепляла его положение в доме Брасса.

Он снискал благосклонность мисс Салли Брасс. Да не посмеют зубоскалы, привыкшие глумиться над женскими чарами, навострить уши в надежде на романтическую повесть, которая послужит им пищей для насмешек. Нет! Мисс Брасс хоть и была создана для любви, но сердце ее не ведало, что такое любовь. Привыкнув с детских лет цепляться за подол Фемиды, сделав с ее помощью первые самостоятельные шаги и не ослабляя с тех пор своей цепкой хватки, это прелестное существо так и осталось на всю жизнь питомицей богини правосудия. Еще малюткой Салли славилась уменьем перенимать походку и манеры судебного пристава и, выступая в его роли, научилась по всем правилам опускать руку на плечо сверстников и уводить их будто в долговую тюрьму, поражая зрителей правдоподобием этих сценок. Но что ей удавалось лучше всего, так это составление описи имущества у кукол с точным учетом всех столов и стульев. Эти невинные забавы скрашивали и услаждали последние годы жизни ее вдового родителя — джентль-

мена в высшей степени почтенного (друзья, преклонявшиеся перед его житейской мудростью, дали ему прозвище «Старый Лис»), который всячески поощрял дочку и, предвидя свое скорое переселение на кладбище у Собачьей канавы, более всего скорбел о том, что она не сможет выправить бумаги на стряпчего и вступить в это сословие. Обуреваемый столь нежными и трогательными чувствами, Старый Лис торжественно вверил Салли заботам своего сына Самсона, рекомендовав ее как бесценную помощницу, и со дня кончины старичка и по сей день мисс Брасс была верной опорой брату во всех его делах.

Не ясно ли отсюда, что, посвятив себя сызмальства одному занятию и одному попечению, мисс Брасс соприкасалась с жизнью лишь постольку, поскольку жизнь соприкасалась с законом, а следовательно, можно ли ждать, чтобы леди со столь возвышенными запросами была мастерицей по части более изящных и утонченных искусств, которыми обычно блистают женщины. Совершенства мисс Салли носили характер мужественный и не выходили из рамок юриспруденции. Они начинались с деятельности стряпчего и на том же кончались. Служа лишь закону, она пребывала, так сказать, в законном состоянии невинности души и сердца. Закон был ее нянькой,— но ведь кривые ноги и всякие другие уродства в детях часто приписывают неумелому уходу, и если в таком светлом уме могли быть обнаружены какие-либо нравственные изъяны и выверты, то винить в этом следовало только няньку мисс Салли Брасс.

И вот в жизнь этой леди, как нечто свежее и полное новизны, какая не снилась ей даже во сне, ворвался мистер Свивеллер — ворвался и давай распевать веселые песенки, показывать фокусы с чернильницей и коробочкой облаток, ловить сразу три апельсина одной рукой, балансировать табуретом на подбородке и перочинным ножом на носу, а также проделывать сотни других столь же поразительных фортелей, ибо во время отлучек мистера Брасса подобные развлечения помогали Ричарду рассеивать томительную скуку своего вынужденного заточения в конторе. Эти светские таланты, которые мисс Салли обнаружила в новом писце совершенно случайно, мало-помалу оказали на нее такое действие, что она стала частенько просить мистера Свивеллера отдохнуть от трудов и поразмяться, невзирая на ее присутствие, чем мистер Свивеллер охотно пользовался. Таким образом, между ними зародилась дружба. С течением времени мистер Свивеллер стал, подобно мистеру Брассу, смотреть на мисс Салли как на своего собрата по профессии. Он обучил ее таинствам игры в орлянку и в карты — на фрукты, имбирный лимонад, жареную картошку и даже на скромную чарочку, пригубить которую не отказывалась и она сама. Он часто подсовывал ей свою порцию переписки, в добавление к ее собственной, и — чего ж больше! — иной раз воз-

награждал ее за это дружеским похлопываньем по спине и называл «славный малый», «душа-человек» и тому подобное, а она нисколько не обижалась и выслушивала его комплименты с благосклонностью.

Мистеру Свивеллеру не давало покоя только одно обстоятельство, а именно то, что маленькая служанка неизменно пребывала где-то в недрах земли, под улицей Бевис-Маркс, и появлялась на поверхности лишь по звонку одинокого джентльмена и вскоре немедленно исчезала. Она никогда не выходила наверх, не заглядывала в контору, не снимала своего заскорузлого передника, видимо, никогда не умывалась, не выглядывала из окон, не выскакивала за дверь подышать чистым воздухом, не знала ни отдыха, ни развлечений. Ее никто не навещал, о ней никто не говорил, о ней никто не заботился. Мистер Брасс высказал однажды предположение, будто их служанка «дитя любви» (а это значило все что угодно, только не «любимое дитя»), но других сведений о ней Ричарду Свивеллеру так и не удалось собрать.

«Дракона спрашивать бесполезно,— думал как-то Дик, созерцая черты мисс Салли Брасс.— Я подозреваю, что первый же мой вопрос сразу положит конец нашей дружбе. Между прочим, любопытно, действительно она дракон или ближе к русалочьей породе? В ней есть что-то чешуйчатое. Но русалки обожают глядеться в зеркало, что ей совсем ни к чему. И они обычно только и знают, что расчесывать волосы, чего за ней не водится. Нет! Она, конечно, дракон!»

— Вы куда собрались, старина? — сказал Дик вслух, когда мисс Салли привычным жестом вытерла перо о свое зеленое платье и поднялась с табуретки.

— Обедать,— ответил дракон.

«Обедать! — повторил про себя Дик.— Вот еще мне задача. По-моему, маленькая служанка никогда ничего не ест».

— Сэмми придет не скоро,— сказала мисс Брасс.— Побудьте пока здесь. Я ненадолго.

Дик кивнул и проводил мисс Брасс взглядом только до двери, а мысленно гораздо дальше, в заднюю комнату, где братец и сестрица делили свои трапезы.

— Н-да! — протянул он, и, засунув руки в карманы, стал прохаживаться взад и вперед по конторе.— Дорого бы я дал,— если б у меня было хоть сколько-нибудь в наличности,— чтобы узнать, как они обращаются с этим ребенком и где они его держат. Моя матушка, вероятно, была очень любопытная женщина, во мне явно сидит где-то вопросительный знак. Я чувства побороть свои сумею, но ты, виновница волнений и тоски... Нет, в самом деле!..— воскликнул мистер Свивеллер, обрывая себя на полуслове и в раздумье опускаясь в кресло для клиентов.— Я должен знать, как они с ней обращаются!

Поразмыслив еще несколько минут, мистер Свивеллер тихонько отворил дверь с намерением шмыгнуть через улицу за стаканом легкого портера, но в этот миг перед ним мелькнул коричневый головной убор мисс Брасс, уплывающий вниз по лестнице. «Черт побери! — мысленно воскликнул Дик. — Никак, она идет кормить служанку! Ну! Теперь или никогда!»

Перегнувшись через перила и дождавшись, когда головной убор исчезнет в темноте, он ощупью сошел вниз и добрался до кухни следом за мисс Салли, которая вошла туда с блюдом холодной баранины в руках. Кухня была весьма убогая — сырая, темная, с низкими потолками; стены все в трещинах, в разводах плесени. Из подтекающего крана капала вода, и капли эти с болезненной жадностью лизала заморенная голодная кошка. Широкая решетка очага была завинчена так туго, что между ее прутьями виднелись лишь тоненькие язычки огня. Все здесь было на запоре: на двери в угольный подвал, на свечном ящике, на солонке, на шкафу — всюду висели замки. Тут ничем не удалось бы поживиться даже таракану. Жалкий, нищенский вид этой кухни сразил бы насмерть и хамелеона. Он сразу бы распробовал, что здешний воздух несъедобен, и с отчаяния испустил бы дух.

Маленькая служанка встала, увидев перед собой мисс Салли, и смиренно склонила голову.

— Ты здесь? — спросила мисс Салли.

— Да, сударыня, — слабеньким голоском ответила служанка.

— Отойди подальше от баранины. Я тебя знаю — сейчас же начнешь ковырять! — сказала мисс Салли.

Девочка забилась в угол, а мисс Брасс вынула из кармана ключ и, отперев шкаф, достала оттуда тарелку с несколькими унылыми холодными картофелинами, не более съедобными на вид, чем руины каменного капища друидов. Тарелку эту она поставила на стол, приказала маленькой служанке сесть и, взяв большой нож, нарочито размашистыми движениями стала точить его о вилку.

— Вот видишь? — сказала мисс Брасс, отрезав после всех этих приготовлений кусочек баранины примерно в два квадратных дюйма и подцепив его на кончик вилки.

Маленькая служанка жадно, во все глаза уставилась на этот кусочек, словно стараясь разглядеть в нем каждое волоконце, и ответила «да».

— Так не смей же говорить, будто тебя не кормят здесь мясом, — крикнула мисс Салли. — На, ешь.

Съесть это было недолго.

— Ну! Хочешь еще? — спросила мисс Салли.

Голодная девочка чуть слышно пискнула «не хочу». Обе они, вероятно, выполняли привычную процедуру.

— Тебе дали мяса, — резюмировала мисс Брасс, — ты наелась вволю, тебе предложили еще, но ты ответила «не хочу».

Так не смей же говорить, будто тебя держат здесь впроголодь. Слышишь?

С этими словами мисс Салли убрала мясо в шкаф, заперла его на замок и, уставившись на маленькую служанку, не спускала с нее глаз до тех пор, пока та не доела картофель.

Судя по всему, нежное сердце мисс Брасс распирала жгучая ненависть, ибо что иное могло заставить ее без всякой на то причины ударять девочку ножом то по рукам, то по затылку, то по спине, точно, стоя рядом с ней, она прямо-таки не могла удержаться от колотушек. Но мистер Свивеллер изумился еще больше, увидев, как мисс Салли — его собрат по профессии — медленно попятилась к двери, видимо, насильно заставляя себя уйти из кухни, потом вдруг стремительно ринулась вперед и с кулаками набросилась на маленькую служанку. Ее жертва вскрикнула сдавленным голосом, боясь и заплакать-то по-настоящему, а мисс Салли подкрепилась понюшкой табаку и вслед за тем поднялась наверх, едва дав Ричарду время вбежать в контору.

ГЛАВА XXXVII

Среди причуд одинокого джентльмена,— а запас их был у него огромен, и он каждый день черпал оттуда что-нибудь новенькое,— числилось совершенно исключительное и непреодолимое пристрастие к Панчу. Из какой бы дали не доносился голос Панча до улицы Бевис-Маркс, одинокий джентльмен, услышав его даже сквозь сон, вскакивал с кровати, наскоро одевался, бежал на этот голос со всех ног и вскоре возвращался во главе целой толпы зевак, в центре которой шествовали кукольники с ширмами. Ширмы тут же ставили перед домом мистера Брасса, одинокий джентльмен садился у окна второго этажа,—и представление, сопровождавшееся волнующими звуками флейты и барабана, а также громкими возгласами зрителей, шло полным ходом, к великому ужасу всех солидных обитателей этой тихой улицы. Следовало бы предположить, что после конца представления актеры и зрители удалялись. Какое там! Эпилог оказывался ничем не лучше самой пьесы, ибо, лишь только дьявол испускал дух, одинокий джентльмен немедленно требовал обоих кукольников к себе наверх, угощал их спиртными напитками из своих запасов и затевал с ними длинные разговоры, содержание которых оставалось для всех непостижимой загадкой. Но таинственность этих бесед сама по себе не имела особенного значения. Все дело было в том, что, покуда они велись, скопище народу около дома не уменьшалось, мальчишки били кулаками в барабан и передразнивали Панча своими пискливыми голосами, приплюснутые носы затуманивали окно конторы, в замочной скважине входной двери все время

поблескивал чей-нибудь глаз,— и стоило только одинокому джентльмену или одному из его гостей высунуть хотя бы кончик носа в окно верхнего этажа, как их встречал разъяренный рев обездоленной толпы, и она продолжала выть и кричать, не внимая никаким уговорам, до тех пор, пока кукольники не спускались вниз и не увлекали ее за собой в другое место. Короче говоря, все дело было в том, что это народное движение произвело полный переворот на улице Бевис-Маркс и тишина и мир покинули ее пределы.

Никто так не возмущался этими беспорядками, как мистер Самсон Брасс, но, будучи не в силах лишиться столь выгодного жильца, он благоразумно прятал в карман вместе с платой за квартиру и свою обиду на него, а злость вымещал на осаждавших контору зеваках, пользуясь всеми доступными ему способами отмщения, которые были, правда, весьма несовершенны и сводились к обливанию этих зевак помоями из леек, бомбардировке их с крыши обломками черепицы и штукатурки и подкупу кебменов, с тем чтобы те нежданно-негаданно выезжали из-за угла и карьером врезались в толпу. Кое-каким простачкам на первый взгляд, может быть, покажется странным, почему причастный к сословию стряпчих мистер Брасс не притянул к суду лицо или лица, повинные в этих безобразиях, но пусть они вспомнят, что, подобно лекарям, редко пользующим самих себя, и духовным особам, не всегда следующим своим проповедям, законники не любят путаться с законом по собственному почину, зная, что этот острый инструмент ненадежен, требует больших затрат при пользовании им и, кроме всего прочего, бреет начисто — причем не всегда тех, кто этого заслуживает.

— Удивительное дело! — сказал как-то утром мистер Брасс.— Второй день без Панча! Всех, что ли, он их перебрал? Вот хорошо-то было бы!

— Что же тут хорошего? — возразила ему мисс Салли.— Кому они мешают?

— Вот чучело! — воскликнул Брасс, в отчаянии швыряя перо на стол.— Вот скотина надоедливая!

— Нет, ты скажи, кому они мешают? — повторила Салли.

— Кому мешают? — возопил Брасс.— А это, по-твоему, пустяки, когда у человека под самым носом целый день ревут, кричат, отвлекают его от работы, так что ему остается только зубами скрежетать от злости. Это, по-твоему, пустяки, когда человек по целым дням сидит в потемках, в духоте, а на улице не протолкнешься от всяких бездельников, которые орут и воют, будто на них лев накинулся, или тигр, или... или...

— Или *дико-брасс,*— подсказал мистер Свивеллер.

— Да, или дикобраз,— повторил стряпчий и пристально посмотрел на своего писца, стараясь угадать, не было ли в его

словах задней мысли или какого-нибудь злостного намека.— Это, по-твоему, пустяки?

Стряпчий вдруг пресек свою гневную речь, прислушался и, уловив вдали знакомые звуки, схватился за голову, воздел глаза к потолку и пробормотал упавшим голосом:

— Опять принесло!

Оконная створка в верхнем этаже поднялась немедленно.

— Опять принесло! — повторил Самсон.— Эх! Нанять бы где-нибудь карету с четверкой кровных рысаков да пустить бы их по нашей улице, когда толпа будет всего гуще! Я бы и шиллинга на это не пожалел!

Отдаленный крик послышался снова. Дверь комнаты одинокого джентльмена распахнулась настежь. Он сломя голову сбежал по ступенькам на улицу, мелькнул за окном конторы — без шляпы — и пустился на голос Панча, с явным намерением безотлагательно воспользоваться услугами кукольников.

— Хотел бы я познакомиться с его родственниками,— пробормотал Самсон, рассовывая по карманам бумаги.— Если бы они выправили на него соответствующий документик в кофейне Грейс-Инна, на предмет помещения в сумасшедший дом, и поручили это дельце мне, я бы уж как-нибудь примирился с тем, что верхняя комната у нас будет временно пустовать.

С этими словами мистер Брасс нахлобучил шляпу чуть ли не по самый нос, чтобы не видеть появления омерзительных кукольников, и выбежал из дому.

Так как мистер Свивеллер относился весьма благосклонно к представлениям Панча, по той простой причине, что любоваться ими и вообще смотреть из окна на улицу было гораздо приятнее, чем работать, и так как он постарался открыть глаза и мисс Брасс на их многочисленные достоинства и прелести, оба они встали, точно по команде, и подошли к окну, на наружном выступе которого, как на самом почетном месте, уже сидели более или менее с удобствами несколько молодых девиц и юношей, состоявших в должности нянек при младших братьях и сестрах и всегда устраивавшихся здесь вместе со своими малолетними питомцами.

Окно было тусклое, но, следуя установившемуся между ними дружескому обычаю, мистер Свивеллер сорвал с головы мисс Салли коричневую наколку и тщательно протер ею стекло. К тому времени, когда прелестная обладательница этой наколки снова надела ее на себя (что было сделано с полным спокойствием и совершенной невозмутимостью), жилец вернулся в сопровождении кукольников и с солидным подкреплением к уже собравшимся зрителям. Главный кукольник немедленно скрылся за занавеской, а его помощник стал рядом с ширмами и обвел толпу унылым взглядом, унылость которого еще усугубилась, когда он, не меняя грустного выражения верхней части лица и в то же время в силу необходимости судорожно

двигая губами и подбородком, заиграл веселый плясовой мотив на том сладкозвучном музыкальном инструменте, что именуется в просторечии губной гармоникой.

Представление близилось к концу, зрители следили за ним как завороженные. Волнение чувств, которое вспыхивает в больших людских сборищах, только что хранивших бездыханное молчание и снова обретших дар слова и способность двигаться, все еще владело толпой, когда жилец, как и в прошлые разы, позвал кукольников к себе наверх.

— Оба идите! — крикнул он из окна, видя, что его приглашение собирается принять только главный кукольник — коротконогий, толстый.— Мне надо поговорить с вами. Идите сюда оба!

— Пойдем, Томми! — сказал коротконогий.

— Я не говорун, — ответил его помощник. — Так ему и доложи. Чего это я полезу туда растабарывать!

— Ты разве не видишь, что у джентльмена в руках бутылка и стакан? — воскликнул коротконогий.

— Так бы сразу и говорил! — спохватился его помощник.— Ну, чего же ты мнешься? Прикажешь джентльмену целый день тебя дожидаться? Приличного обхождения не знаешь?

С этими словами унылый кукольник, который был не кто иной, как мистер Томас Кодлин, оттолкнул в сторону своего компаньона и товарища по ремеслу мистера Гарриса, известного также под именем Шиша или Коротыша, и первым поднялся в комнату одинокого джентльмена.

— Ну-с, друзья мои, — сказал одинокий джентльмен, — представление было прекрасное. Что вы будете пить? Попросите вашего товарища затворить за собой дверь.

— Затвори дверь, слышишь? — крикнул мистер Кодлин, поворачиваясь к Коротышу. — Сам мог бы догадаться, нечего ждать, когда джентльмен попросит тебя об этом.

Коротыш выполнил приказание и, отметив вполголоса плохое расположение духа своего приятеля, выразил надежду, что здесь по соседству нет молочных, а то как бы у них там весь товар не скис от близости такого брюзги.

Джентльмен показал им на стулья и энергическим кивком головы предложил сесть. Обменявшись недоверчивым, полным сомнения взглядом, Кодлин и Коротыш в конце концов присели на самый кончик предложенного каждому из них стула и крепко зажали шляпы в руках, а одинокий джентльмен наполнил два стакана из стоявшей рядом с ним на столе бутылки и поднес их своим гостям.

— Какие вы оба загорелые,— сказал он.— Странствуете, наверно?

Коротыш подтвердил это кивком и улыбкой. Мистер Кодлин вместо ответа тоже кивнул и вдобавок издал короткий стон, словно ощущая на плечах тяжесть ширм.

— По рынкам, ярмаркам, скачкам? — продолжал одинокий джентльмен.

— Да, сэр,— ответил Коротыш.— Без малого всю Западную Англию исходили.

— Мне не раз случалось беседовать с вашими товарищами по ремеслу, которые странствовали по Северной, Восточной и Южной Англии,— торопливо проговорил одинокий джентльмен,— а вот с Запада еще никто не попадался.

— Так уж у нас заведено, сударь,— сказал Коротыш.— Зимой и весной идем к востоку от Лондона, а летом держим путь на запад. В этот раз сколько миль исходили! Бывало, и под дождем мокнешь, и грязь месишь, а заработка — кот наплакал.

— Разрешите, я вам подолью.

— Премного благодарен, сэр, будьте так любезны,— сказал мистер Кодлин, подставив ему свой стакан и оттолкнув руку Коротыша.— Мне, сэр, больше всех достается и в пути и дома. Что в городе, что в деревне, что в зной, что в стужу, что под дождем, что нет,— кто за все отдувается? Том Кодлин! Но Кодлин жаловаться не привык. Нет, сударь! Коротыш может жаловаться, а Кодлину стоит только пикнуть — и долой его, немедленно долой! *Ему* это не по чину. *Он* не смеет ворчать.

— Кодлин — человек небесполезный,— сказал Коротыш, бросив лукавый взгляд на одинокого джентльмена,— только вот не умеет он глядеть в оба — нет-нет да и заснет. Помнишь, Томми, что было на последних скачках?

— Оставишь ты меня когда-нибудь в покое или нет! — воскликнул Кодлин.— Это я-то заснул? А кто собрал пять шиллингов десять пенсов за одно представление? Я делом был занят! Что у меня, столько глаз, сколько у павлина на хвосте? Старик с девчонкой нас обоих вокруг пальца обвели, так что нечего на меня одного валить, тут мы оба дали маху.

— Прекратим этот разговор, Томми,— сказал Коротыш.— Я полагаю, джентльмену не очень-то интересно нас слушать.

— Тогда не надо было его затевать,— огрызнулся мистер Кодлин. — А теперь мне придется просить извинения у джентльмена за то, что ты такой пустомеля и любишь одного себя послушать. Ведь тебе лишь бы поговорить, а о чем — не важно.

Одинокий джентльмен слушал этот спор в полном молчании, поглядывая то на одного своего гостя, то на другого и, видимо, поджидая удобного случая, чтобы вставить новый вопрос или вернуться к началу разговора. Но как только Коротыш обвинил мистера Кодлина в сонливости, он сразу же высказал интерес к их перепалке, и интерес этот, увеличиваясь с каждой минутой, наконец достиг своей высшей точки.

— Вас-то мне и нужно! — воскликнул одинокий джентльмен.— Вас-то я и добивался, вас-то и разыскивал! Где тот старик и та девочка, о которых вы говорите?

— Сэр? — в замешательстве пробормотал Коротыш и посмотрел на своего приятеля.

— Старик и его внучка, которые странствовали вместе с вами,— где они? Вы не прогадаете, если скажете мне всю правду — верьте моему слову! Для вас это прямая выгода! Значит, они убежали, и, насколько я понимаю, это было на скачках? До скачек их выследили, а потом опять потеряли. Наведите же меня на их след или хоть посоветуйте, где искать!

— Помнишь, Томас, мои слова! — воскликнул Коротыш, поворачиваясь к своему приятелю.— Говорил я тебе, что о них будут справляться!

— Ты говорил! — огрызнулся мистер Кодлин. — А разве я не говорил, что такого ангелочка мне в жизни не приходилось видеть! Не говорил я, что всем сердцем привязался к этой девочке, просто души в ней не чаял! Вот и сейчас будто слышу, как она лепечет: «Кодлин мой друг»,— а у самой от умиления слезки из глаз так и капают. «Мой друг Кодлин, говорит, а не Коротыш. Коротыш человек не плохой, я на него не обижаюсь, он будто и добрый, говорит, но Кодлин! — вот у кого прекрасная душа, хоть по нему этого и не видно».

Окончательно расчувствовавшийся мистер Кодлин начал тереть переносицу рукавом и грустно покачивать головой, давая этим понять одинокому джентльмену, что без своей маленькой любимицы он лишился покоя и счастья.

— Боже мой! — восклицал одинокий джентльмен, бегая взад и вперед по комнате.— Найти этих людей и убедиться, что они ничего не знают, ничем не могут помочь! Нет! Лучше бы мне по-прежнему тешить себя надеждой и не видеть их в глаза, чем испытать такое разочарование!

— Постойте! — сказал Коротыш.— Есть такой Джерри. Ты помнишь Джерри, Томас?

— Что ты толкуешь о каких-то Джерри! — воскликнул мистер Кодлин.— Какое мне дело до всяких Джерри, когда у меня эта девочка из ума нейдет! «Мой друг Кодлин, говорит, хороший, добрый Кодлин! Он только и думает, как бы мне услужить. Я против Коротыша ничего плохого сказать не могу, а все-таки сердцем льну к Кодлину...» А однажды,— задумчиво добавил этот джентльмен,— она назвала меня «папаша Кодлин». И до чего же я растрогался!

— Этот самый Джерри,— продолжал Коротыш, не глядя на упоенного собой Кодлина и обращаясь к их новому знакомцу,— этот Джерри держит танцующих собак, сэр, и как-то случайно он разговорился со мной и рассказал, будто видел вашего старичка при бродячем музее восковых фигур, однако чей это был музей, ему неизвестно. А я решил, чего мне беспокоиться, раз уж мы их проворонили, не уследили за ними, и ни о чем не стал расспрашивать, тем более что Джерри видел их где-то далеко отсюда. Но если желаете, у него можно узнать,

— Где этот человек — в городе? — нетерпеливо спросил одинокий джентльмен.— Говорите скорей!

— Нет, но завтра вернется. Мы с ним на одной квартире стоим,— скороговоркой ответил Коротыш.

— Так приведите его сюда! — воскликнул одинокий джентльмен. — Вот вам по соверену. И это только для начала. Если я с вашей помощью найду старика и его внучку, вы получите еще двадцать. Приходите завтра и держите наш разговор в тайне... Впрочем, вы сами понимаете, что это в ваших интересах. А теперь дайте мне свой адрес и оставьте меня.

Адрес был дан, кукольники ушли, толпа повалила за ними следом, а одинокий джентльмен битых два часа шагал из угла в угол по своей комнате над головой у недоумевающих мистера Свивеллера и мисс Салли Брасс.

ГЛАВА XXXVIII

Кит — вернемся к нему, ибо нам следует воспользоваться не только наступившей передышкой, но и тем обстоятельством, что происшествия, здесь рассказываемые, складываются наилучшим для этого образом и толкают нас на путь, который мы и сами избрали бы, как наиболее для нас желательный и приятный. Итак, пока события, заключенные в последних пятнадцати главах, разворачивались своим чередом, Кит,— как читатель, вероятно, догадывается,— все больше привыкал к мистеру и миссис Гарленд, к мистеру Авелю, пони и Барбаре и все больше убеждался, что каждый из них в отдельности и все они вместе стали самыми его близкими и верными друзьями, а коттедж «Авель» в Финчли — родным ему домом.

Стоп! Слова написаны и пусть так и остаются, но если ктонибудь выведет из них, что сытость и уют, в которых жил теперь Кит, унизили в его глазах скудную еду и скудное убранство материнского жилища, они сослужат нам плохую службу и в то же время будут несправедливы по отношению к Киту. Кто больше Кита мог бы заботиться об оставшихся дома близких — хотя это были всего лишь двое малышей и мать? Какой отец мог бы, захлебываясь от гордости, рассказывать такие чудеса о своем необыкновенном сыне, какие Кит не уставал рассказывать по вечерам Барбаре о маленьком Джейкобе? Была ли на свете другая такая мать, как у Кита, если судить по его отзывам? И кто еще испытывал такое довольство в той бедности, какую терпели родные Кита, если по тому, как он расписывал их жизнь, можно составить себе истинное представление о его семье?

Давайте же помедлим здесь и скажем, что если привязанность и любовь к родному гнезду — чувства прекрасные, то в ком же они прекраснее всего, как не в бедняках! Узы, свя-

зующие богачей и гордецов с семьей, выкованы на земле, но те, что соединяют бедняка с его скромным очагом, отмечены печатью небес, и им нет цены. Человек знатного рода может любить свои наследственные чертоги и владения как часть самого себя, как атрибуты своего происхождения и власти; его связь с ними зиждется на гордыне, алчности, тщеславии. Преданность бедняка своему жилью, в котором сегодня приютился он, а завтра кто-нибудь другой, коренится в более здоровой почве. Его домашние боги созданы из плоти и крови, не из золота, серебра и драгоценных камней; у него нет другого достояния, кроме сердечных привязанностей, и если тяжкий труд, рубище и скудная еда не мешают бедняку любить голые стены и полы, эта любовь дарована ему небом, а его жалкое жилище становится святыней.

О! Когда бы люди, управляющие судьбами народов, помнили это! Когда бы они призадумались над тем, как трудно бедняку, живущему в той грязи и тесноте, в которой, казалось бы, теряется (а вернее, никогда и не возникает) благопристойность человеческих отношений, как трудно ему сохранить любовь к родному очагу — эту первооснову всех добродетелей! Когда бы они отвернулись от широких проспектов и пышных дворцов и попытались хоть сколько-нибудь улучшить убогие лачуги в тех закоулках, где бродит одна Нищета, тогда многие низенькие кровли оказались бы ближе к небесам, чем величественные храмы, что горделиво вздымаются из тьмы порока, преступлений и страшных недугов, словно бросая вызов этой Нищете. Вот истина, которую изо дня в день, из года в год твердят нам глухими голосами — Работный дом, Больница, Тюрьма. Это все очень серьезно — это не вопли рабочих толп, не парламентский запрос о здоровье и благоустроенности народа, и от этого не отделаешься ни к чему не обязывающей болтовней. Из любви к родному очагу вырастает любовь к родине. А кто истинный патриот, на кого можно положиться в годину бедствий — на тех, кто ценит свою страну, владея ее лесами, полями, реками, землей и всем, что они дают, или на тех, кто любит родину, хотя на всех ее необъятных просторах не найдется ни клочка земли, который они могли бы назвать своим?

Кит не имел понятия об этих вопросах, но он знал, что дом его матери очень беден, что его даже сравнивать нельзя с домом мистера Гарленда, и все-таки постоянно вспоминал о нем с чувством признательности, постоянно тревожился о своих близких и частенько посылал матери письма в больших конвертах, вкладывая в них то шиллинг, то полтора, то другие подобные же подарки, которые позволяла ему делать щедрость мистера Авеля. Бывая в городе, он всегда урывал время, чтобы забежать домой, и какую же радость и гордость испытывала при этих встречах миссис Набблс, как шумно выражали свой

восторг Джейкоб и малыш и с какой сердечностью поздравляли Кита соседи; весь двор слушал и не мог наслушаться рассказов о коттедже «Авель», о всех его чудесах и всем его великолепии!

Хотя Кит пользовался величайшим расположением своего старенького хозяина, и своей старенькой хозяйки, и мистера Авеля, и Барбары, никто из членов этого семейства не чувствовал к нему такого явного пристрастия, как своевольный пони, который из пони самого норовистого и упрямого на свете превратился в его руках в необычайно кроткое и покладистое животное. Однако чем больше пони подчинялся Киту, тем больше возрастала его строптивость по отношению ко всему остальному миру (словно ему хотелось любой ценой удержать Кита в семье), и, даже выступая под началом своего любимца, он частенько позволял себе самые разнообразные и весьма странные причуды и шалости, что доводило миссис Гарленд до полного расстройства нервов. Но поскольку Кит всегда представлял дело так, будто Вьюнок просто шутит или выказывает таким образом свою любовь к хозяевам, старушка в конце концов поверила ему, и если бы пони в порыве озорства опрокинул фаэтон, она была бы убеждена, что он сделал это с самыми лучшими намерениями.

Став за короткое время великим знатоком по части всех конюшенных дел, Кит научился и садоводству, помогал и по дому, а мистер Авель —тот без него просто обойтись не мог и с каждым днем выказывал ему все большее доверие и благоволение. Нотариус мистер Уизерден был тоже ласков с ним, и даже мистер Чакстер иногда снисходил до того, что кивал ему при встречах, или удостаивал той своеобразной формой внимания, которая именуется «показыванием носа», или какимнибудь другим приветствием, сочетающим в себе любезность и оттенок покровительства.

Однажды утром Кит подвез мистера Авеля к конторе нотариуса и, высадив его у самого дома, только было собрался ехать на ближайший извозчичий двор, как вдруг мистер Чакстер выскочил на крыльцо и зычным голосом крикнул: «Тпру-у-у!», с явным намерением поразить ужасом сердце пони и утвердить превосходство человека над бессловесной скотиной.

— Осади, пройдошливый юнец,— обратился мистер Чакстер к Киту.— Тебе велено зайти в контору.

— Неужели мистер Авель забыл что-нибудь? — сказал Кит, слезая с козел.

— Спрашивать не полагается,— отрезал мистер Чакстер.— Сходи и узнай. Тпру! Кому говорят! У меня этот пони был бы шелковый.

— Вы с ним, пожалуйста, поласковей,— сказал Кит,— не то хлопот не оберетесь. И, пожалуйста, не дергайте его за уши. Он этого не любит.

Мистер Чакстер не удостоил замечания Кита другим ответом, кроме как назвав его «юнцом», и намеренно холодным тоном потребовал, чтобы он живее поворачивался. «Юнец» повиновался, а мистер Чакстер засунул руки в карманы и сделал вид, будто он не имеет никакого касательства к пони и очутился здесь совершенно случайно.

Кит старательно вытер ноги о железную скобу у входа (так как он еще не потерял уважения к связкам бумаг и железным шкатулкам нотариуса) и постучался. Дверь ему сразу же отворил сам мистер Уизерден.

— А, Кристофер! Входи,— сказал он.

— Это тот самый мальчик? — спросил сидевший в конторе пожилой, но весьма дородный и крепкий на вид джентльмен.

— Тот самый,— ответил мистер Уизерден.— Он случайно столкнулся с моим клиентом, мистером Гарлендом, вот у этих дверей, сэр. Я имею основания считать его порядочным мальчиком, сэр, и полагаю, что вы можете ему верить. Разрешите мне представить вам его молодого хозяина, сэр. Мой практикант, сэр, и ближайший друг. Ближайший друг, сэр! — повторил нотариус, вынимая из кармана шелковый фуляр и обмахивая им лицо.

— Ваш покорный слуга, сэр,— сказал незнакомый джентльмен.

— К вашим услугам, сэр,— кротким голосом ответил мистер Авель. — Вы хотели побеседовать с Кристофером, сэр?

— Да, хотел, с вашего разрешения.

— Будьте так любезны!

— Я не намерен окружать свое дело тайной — точнее, от вас у меня нет никаких тайн,— сказал незнакомец, заметив, что мистер Авель и нотариус хотят уйти.— Дело мое касается одного антиквара, у которого этот мальчик служил и судьба которого меня крайне интересует. Я провел долгие годы на чужбине джентльмены, и, вероятно, отвык от многих условностей и церемоний. Если это так, заранее прошу извинить меня.

— Просьба совершенно излишняя, сэр, совершенно излишняя! — воскликнул нотариус, и мистер Авель подтвердил это.

— Я навел справки у соседей старого антиквара,— продолжал незнакомец,— и узнал, что этот мальчик служил у него в лавке. Потом я разыскал мать этого мальчика, а она указала мне место, где его можно найти, то есть направила сюда. Вот причина, которая привела меня к вам.

— Приветствую любую причину, сэр,— сказал нотариус,— доставившую мне честь знакомства с вами.

— Сэр! — воскликнул пожилой джентльмен.— Вы изъясняетесь как светский человек, но я о вас лучшего мнения. Оставьте эти ненужные комплименты!

— К-ха! — кашлянул нотариус.— Вы не сторонник околичностей, сэр.

— Не только на словах, но и на деле,— отрезал незнакомец.— Может быть, мое долгое отсутствие и неопытность заставили меня прийти к заключению, что поскольку честные слова почитаются редкостью в этой части земного шара, очевидно, это распространяется и на дела. Мои слова, вероятно, покажутся вам обидными, сэр, но я постараюсь искупить их делом.

Мистер Уизерден был несколько озадачен столь неожиданным оборотом беседы, а Кит смотрел на пожилого джентльмена с открытым ртом и думал, как же этот человек набросится на него, если ему ничего не стоит говорить напрямик с самим нотариусом. Однако в словах незнакомца, обращенных к Киту, чувствовалась не столько строгость, сколько раздражительность и нетерпение, что, по-видимому, было неотъемлемой чертой его характера.

— Если тебе, мальчик, думается, что я преследую своими расспросами какие-то другие цели, кроме розыска этих людей, которым я желаю только блага, то ты жестоко ошибаешься и судишь обо мне превратно. Так вот, прошу тебя, не заблуждайся и положись на мое слово. Дело в том, джентльмены,— добавил он, поворачиваясь к нотариусу и его практиканту,— что я совершенно неожиданно очутился в тяжком для себя положении. Я приехал в Лондон с одной мечтой, дорогой моему сердцу, и никак не думал, что наткнусь на такие препятствия и затруднения. Какая-то непостижимая тайна разрушила все мои планы. Сколько я ни стараюсь проникнуть в нее, все тщетно — чем дальше, тем она становится темнее и темнее. И теперь я уже боюсь действовать открыто, ибо это может испугать тех, кого я разыскиваю повсюду, и они скроются от меня еще дальше. Уверяю вас, вы не пожалеете, если окажете мне помощь. А как я нуждаюсь в ней, какое бремя спадет у меня с плеч — одному богу известно!

Это признание, сделанное с таким прямодушием, сразу нашло отклик в сердце доброго нотариуса, и он не менее искренне заверил незнакомца, что тот не ошибся в нем и что он с готовностью поможет ему, если его помощь потребуется.

Вслед за тем незнакомый джентльмен принялся за Кита и начал подробно расспрашивать его обо всем, касающемся старика и девочки, об их уединенном образе жизни, их нелюдимости, замкнутости. Ночные отлучки старого антиквара, одиночество девочки в эти часы, его болезнь, выздоровление, захват лавки Квилпом и внезапный уход ее прежних хозяев — все это послужило поводом для множества вопросов и ответов. Наконец Кит сказал незнакомому джентльмену, что дом старика теперь сдается внаем и что записка на двери направляет всех за справками к мистеру Самсону Брассу — стряпчему с улицы Бевис-Маркс, от которого ему, может быть, удастся получить дополнительные сведения.

— Специально ходить туда мне не надо,— сказал джентльмен, покачивая головой.— Я у него живу.

— Живете у стрянчего Брасса? — удивился мистер Уизерден, имевший некоторое представление об этом своем собрате по ремеслу.

— Да,— последовал ответ.— Я снял у него комнату главным образом потому, что прочел ту самую записку. Не все ли равно, где поселиться? К тому же с отчаяния я тешил себя надеждой получить там сведения, которых нельзя добыть никаким другим путем. Да, я живу у Брасса. Тем хуже для меня — так вы считаете?

— Дело вкуса,— сказал нотариус, пожимая плечами.— Он пользуется весьма сомнительной репутацией.

— Сомнительной? — переспросил незнакомец.— Рад слышать, что на его счет еще есть какие-то сомнения. Мне казалось, что вопрос давно решенный. Если вы позволите, я бы хотел поговорить с вами наедине.

Изъявив согласие на это, мистер Уизерден увел его в свой кабинет, где они пробыли минут пятнадцать, погруженные в беседу, после чего вернулись обратно. Незнакомец оставил свою шляпу в кабинете мистера Уизердена и, судя по всему, успел окончательно подружиться с ним за эти четверть часа.

— Я тебя больше не задерживаю,— сказал он, давая Киту пять шиллингов и оглядываясь на нотариуса.— Мы с тобой еще увидимся. И ни слова о нашем разговоре — никому, кроме хозяина и хозяйки.

— Моя мать, сэр, была бы так рада узнать...— запинаясь, пробормотал Кит.

— Что узнать?

— О мисс Нелли... если только можно...

— Вот как! Ну что ж, скажи ей, если она не из болтливых. Но больше никому ни слова, запомни это. И будь осторожнее.

— Не беспокойтесь, сэр,— сказал Кит.— Благодарю вас, сэр, всего вам хорошего.

Стараясь внушить Киту, насколько важно держать в тайне их разговор, джентльмен вышел вместе с ним за дверь, и надо же, чтобы в эту минуту мистер Ричард Свивеллер устремил взгляд на дом нотариуса и увидел своего таинственного друга в обществе Кита.

Это получилось совершенно случайно, и вот каким образом. Мистер Чакстер — джентльмен с утонченными вкусами и возвышенной душой — состоял членом той самой Ложи Блистательных Аполлонов, Пожизненным Мастером которой был мистер Свивеллер. Выйдя на улицу с поручением по какому-то делу, которое обстряпывал его патрон — стряпчий Брасс, и признав в джентльмене, не сводившем взгляда с чужого пони, одного из членов этого блистательного братства, мистер Сви-

веллер перешел на ту сторону и обратился к нему с приветствием, как и полагалось по уставу Пожизненным Мастерам, ибо на них лежала обязанность поощрять и подбадривать своих учеников. Едва успев приветствовать мистера Чакстера и присовокупить к приветствию свои соображения по поводу погоды и дальнейших видов на нее, он поднял глаза и увидел одинокого джентльмена с улицы Бевис-Маркс, занятого серьезным разговором с Кристофером Набблсом.

— Ба! — воскликнул Дик.— Кто это?

— Пожаловал какой-то сегодня утром к моему патрону,— ответил мистер Чакстер,— а кто такой — я ведать не ведаю.

— Ну хоть фамилию! — сказал Дик.

Но мистер Чакстер, со свойственной Блистательным Аполлонам выспренностью, ответил: да будет род его проклят в веках, если он имеет об этом хоть малейшее понятие.

— Скажу вам только одно, друг мой,— добавил мистер Чакстер, прочесывая пальцами волосы,— по милости этого господина я торчу здесь вот уже двадцать минут, вследствие чего пылаю к нему смертельной и неугасимой ненавистью и проводил бы его отсюда до самых ворот ада, да вот только времени свободного нету.

Пока они переговаривались между собой, предмет их обсуждения (который, по-видимому, не узнал мистера Ричарда Свивеллера) снова вошел в контору, а Кит, спустившись с крыльца, присоединился к ним. Мистер Свивеллер задал ему тот же вопрос, но старания его и на сей раз не увенчались успехом.

— Он очень добрый джентльмен, сэр,— сказал Кит,— вот все, что я о нем знаю.

Мистер Чакстер пришел в ярость от такого ответа и, не относясь ни к кому в частности, заявил, что пройдошливых юнцов необходимо бить дубинкой по голове и щипать за нос. Углубившись в свои мысли, мистер Свивеллер пропустил это замечание мимо ушей, потом вдруг спросил Кита, в какую сторону ему ехать, и, получив ответ, заявил, что им по дороге и что он возьмет на себя смелость попросить, чтобы его подвезли. Кит с радостью отказался бы от такой чести, но поскольку мистер Свивеллер уже сидел рядом с ним, ему не оставалось ничего другого, как попробовать отделаться от него насильственным путем, и он сразу тронул с места, да так стремительно, что мистер Чакстер не успел проститься с Пожизненным Мастером и вдобавок претерпел некоторую неприятность, ибо нетерпеливый пони отдавил ему мозоли.

Так как Вьюнку наскучило стоять у дома нотариуса, а мистер Свивеллер вдобавок всячески подзадоривал его пронзительным свистом и лихими выкриками, они неслись с быстротой, не располагающей к беседе, тем более что пони, подстрекаемый мистером Свивеллером, проявлял особый интерес к фонарным столбам и колесам встречных экипажей, а также

испытывал сильное желание заехать на тротуар и ободрать себе бока о каменные стены. В силу всего этого мистер Свивеллер только тогда нашел возможность приступить к разговору, когда они остановились у конюшни, — да и то не сразу, так как им пришлось извлекать фаэтон из узких дверей стойла, куда пони затащил его, в полной уверенности, что экипаж должен помещаться вместе с ним.

— Не легкое дело быть кучером,— сказал Ричард.— Как насчет кружки пива?

Кит сначала отклонил это предложение, но потом согласился, и они отправились в ближайшую пивную.

— Выпьем за здоровье нашего друга... как его? — сказал Дик, поднимая пенящуюся кружку.— Ну, ты знаешь... который только что разговаривал с тобой. Я тоже его знаю... славный малый, но чудак, большой чудак. За здоровье... как бишь его?

Кит поддержал этот тост.

— Он живет в моем доме,— продолжал Дик,— то есть в том доме, где помещается фирма, в которой я состою... э-э... главным распорядителем. Крутой старик, у такого ничего не выудишь, но мы к нему благоволим, весьма благоволим.

— Простите, сэр, но мне пора,— сказал Кит, подвигаясь к двери.

— Куда ты спешишь, Кристофер? — воскликнул его покровитель.— Подожди, сейчас мы выпьем за здоровье твоей матушки.

— Благодарю вас, сэр.

— Твоя матушка прекрасная женщина,— продолжал Дик.— Мой проказник — бух! — упал и от боли зарыдал. Кто ж теперь его поднимет, приголубит и обнимет? Мама дорогая... Прелестная женщина! Наш жилец человек щедрый. Надо его уговорить, пусть сделает что-нибудь для твоей матушки. Они знакомы, Кристофер?

Кит покачал головой, бросил хитрый взгляд на своего допросчика, поблагодарил его и, не дав ему опомниться, выскочил из пивной.

— Гм! — задумчиво хмыкнул мистер Свивеллер.— Странно! Стоит только делу коснуться дома мистера Брасса, как сразу же начинаются тайны. Впрочем, будем держать язык за зубами. До сих пор я доверялся всем и каждому, но кончено — отныне я сам себе голова! Странно... очень странно!

Погруженный в глубокое раздумье, мистер Свивеллер с чрезвычайно серьезной миной принялся за пиво, потом подозвал мальчика, который наблюдал за ним издали, и, вылив на опилки оставшиеся в кружке капли, попросил его отнести сосуд к стойке вместе с приветом хозяину, а также посоветовал ему вести скромный образ жизни и воздерживаться от горячительных и спиртных напитков. Вознаградив мальчика за

труды этим благочестивым советом (который, как он сам же мудро заметил, дороже всяких чаевых), Пожизненный Великий Мастер Ложи Блистательных Аполлонов засунул руки в карманы и удалился, все еще погруженный в глубокое раздумье.

ГЛАВА XXXIX

Весь тот день Кит — хотя ему и пришлось дожидаться мистера Авеля до вечера — держался на почтительном расстоянии от материнского дома, решив не предвосхищать завтрашних радостей и насладиться ими в полной мере в положенный час, так как завтра наступала знаменательная и давно предвкушаемая дата в его жизни,— завтра кончались первые три месяца его службы, завтра он впервые получал четвертую часть своего годового дохода, выражающуюся в огромной сумме в тридцать шиллингов, завтра хозяева давали ему отпуск, который должен был пройти в вихре развлечений, и завтра же маленькому Джейкобу предстояло впервые узнать, что такое устрицы, и увидеть представление в цирке.

Все благоприятствовало столь торжественным событиям: мало того, что мистер и миссис Гарленд заранее предупредили Кита о своем решении не вычитать из его жалованья за экипировку и обещали выдать ему весь этот грандиозный капитал целиком; мало того, что незнакомый джентльмен увеличил доходы Кита на пять шиллингов — деньги, которые свалились на него нежданно-негаданно и сами по себе составляли целое состояние; мало того, что на такой ряд удач никто не рассчитывал (да они и во сне никому не могли присниться),— у Барбары тоже кончалась четверть года (кончалась в тот же самый день!), и Барбара получала отпуск вместе с Китом, а мать Барбары должна была присоединиться к их компании и прийти на чашку чаю к матери Кита и подружиться с ней.

Как и следовало ожидать, в то утро Кит чуть свет выглянул из окошка, интересуясь, в какую сторону ветер несет облака, и Барбара, разумеется, тоже выглянула бы из своего окошка, если бы накануне ей не пришлось чуть ли не до полуночи крахмалить и гладить кисейные оборочки, плоить их и пришивать к другим кусочкам кисеи, чтобы все это вместе образовало великолепный наряд к завтрашнему дню. Итак, оба они поднялись очень рано, за завтраком, не говоря уже про обед, почти ни до чего не дотронулись и были сами не свои от волнения; и вот наконец явилась матушка Барбары с поразительными известиями о прекрасной погоде (но все-таки с громадным зонтиком, так как люди, подобные матушке Барбары, редко выходят в праздник из дому без этой необходимой вещи), и их вызвали звонком наверх получать жалованье за четверть года золотыми и серебряными монетами.

И как мило сказал мистер Гарленд: «Кристофер, вот твои деньги, ты вполне заслужил их». И как мило сказала миссис Гарленд: «Барбара, получай и ты, я тобой очень довольна». И как храбро расписался Кит в книге, и как задрожала рука у Барбары, когда она тоже взялась за перо. И как приятно было смотреть, когда миссис Гарленд налила матери Барбары стаканчик вина. И как хорошо сказала мать Барбары: «Да благословит вас бог за вашу доброту, сударыня, и вас, сударь! Твое здоровье, Барбара, будьте и вы здоровы, мистер Кристофер!» И как она долго пила вино, будто ей поднесли целую кружку. И какая она была важная в митенках. И как они весело болтали и смеялись, обсуждая все это на империале дилижанса, и как жалели тех, у кого сегодня не было праздника.

А мать Кита! Да, глядя на нее, каждый бы подумал, что она из благородных и всю свою жизнь была знатной леди! К приему гостей мать Кита подготовилась на славу и убранством стола пронзила бы сердце любой посудной лавке, а на Джейкоба и малыша навела такой лоск, что костюмчики их казались совсем новыми, хотя одному богу известно, сколько они уже послужили на своем веку! А ровно через пять минут после того, как гости сели за стол, кто сказал, что мать Барбары именно такой ей и представлялась? — Все она же, мать Кита! А кто сказал, что мать Кита тоже ничьих ожиданий не обманула? — Мать Барбары! А потом мать Кита поздравила мать Барбары с такой дочкой, а мать Барбары поздравила мать Кита с таким сыном, а Барбара просто влюбилась в Джейкоба, да и какой другой ребенок, кроме Джейкоба, мог бы выказать себя с самой лучшей стороны, когда от него это требовалось, и какой другой ребенок мог бы так очаровать всех!

— И обе мы вдовые,— сказала мать Барбары.— Нам сам бог велел познакомиться.

— Истинное ваше слово! — воскликнула миссис Наббле.— Какая жалость, что мы только сейчас узнали друг друга!

— А зато разве не приятно,— возразила мать Барбары,— что нас с вами свели наши дети — ваш сын и моя дочь? Лучше ничего и не придумаешь.

Мать Кита охотно согласилась с этим доводом, и, повернув вспять от следствий к причинам, они, разумеется, заговорили о своих покойных мужьях, обменялись воспоминаниями о всех обстоятельствах их жизни, смерти и погребения и обнаружили множество фактов, совпадающих с поразительной точностью. Так, например, выяснилось, что отец Барбары был ровно на четыре года десять месяцев старше отца Кита, и что один из них скончался в среду, а другой в четверг, и что оба они отличались статностью и красотой, и что у них было много сходного и в других отношениях. Однако, опасаясь, как бы эти воспоминания не омрачили своей тенью праздника, Кит перевел разговор на более общие темы, и через несколько минут все

пошло по-прежнему, и за столом снова воцарилось веселье. Между прочим, Кит рассказал гостям о своем прежнем хозяине и о необычайной красоте Нелл (о чем Барбара слышала уже сотни раз), но последнее сообщение не заинтересовало его слушателей в той мере, в какой он ожидал, и даже миссис Набблс сказала (мельком взглянув при этом на Барбару), что хоть мисс Нелли действительно очень хороша собой, но в конце концов она еще ребенок, а сколько есть молодых девушек ничуть не хуже ее. И Барбара кротко согласилась с ней, добавив от себя, что она всегда думала, не заблуждается ли мистер Кристофер на этот счет, чему Кит страшно удивился, так как он никак не мог взять в толк, откуда вдруг у Барбары такие мысли. Мать Барбары, в свою очередь, заметила, что девочки обычно меняются в четырнадцать — пятнадцать лет,— была хорошенькая, а потом, глядишь, стала дурнушка дурнушкой,— и подкрепила эту истину множеством неопровержимых примеров, среди которых один был особенно убедителен и касался некоего молодого человека — плотника по ремеслу, с большими видами на будущее,— оказывавшего явное внимание Барбаре, но без всякой взаимности с ее стороны, так что его нельзя не пожалеть, хотя в конце концов все вышло к лучшему. Кит тоже посочувствовал молодому человеку — вполне искренне, и удивился, почему Барбара вдруг сразу примолкла, а мать так на него посмотрела, будто он сказал не то, что следовало.

Однако настало время собираться в цирк, и тут началась возня с капорами и шалями, не говоря уже о двух носовых платках — одном для апельсинов, другом для яблок,— которые все по очереди увязывали и никак не могли увязать, потому что фрукты имели склонность то и дело вываливаться из уголков. Наконец все было готово, и они быстрым шагом двинулись в путь. Мать Кита несла малыша, не желавшего сомкнуть глаз всю дорогу, а Кит вел за руку Джейкоба и под руку Барбару — обстоятельство, которое заставило обеих мамаш, шествующих позади, сказать про них вслух: «Будто семейные!» После чего Барбара воскликнула, вся вспыхнув: «Ах, мама! Перестаньте!» Но Кит посоветовал Барбаре не обращать внимания на их слова: и действительно, знай Барбара, как далек Кит от всяких мыслей об ухаживании за ней, она могла бы оставаться совершенно спокойной. Бедная Барбара!

Но вот и цирк — цирк Астли! И за две минуты, которые им пришлось простоять перед его еще закрытыми дверями, маленького Джейкоба успели расплющить в лепешку, малыш получил контузии в различные части тела, зонтик Барбариной матери отнесло на несколько ярдов в сторону, после чего он был возвращен ей через головы соседей, а Кит огрел какого-то грубияна по затылку узелком с яблоками за то, что он напирал на его родительницу, не жалея сил,— и что тут было крику, представить себе трудно! Но когда они наконец миновали

кассу и с билетами в руках сломя голову помчались дальше и когда они наконец очутились в самом цирке и заняли свои места, лучше которых ничего и быть не могло, даже если б их облюбовать заранее, — все пережитые неприятности предстали перед ними в таком забавном свете, что без них и удовольствие было бы не в удовольствие.

Боже мой, боже! Какая же красота этот цирк Астли! Стены выкрашены краской, везде позолота, зеркала! Еле уловимый запах конюшни, сулящий столько чудес впереди; занавес, за которым, наверно, таится сплошное великолепие; арена внизу, усыпанная чистыми белыми опилками; публика, рассаживающаяся по местам; скрипачи, которые настраивают свои скрипки, равнодушно поглядывая по сторонам, точно им вовсе не хочется, чтобы представление начиналось, и они знают наперед все, что будет! А как все засияло вокруг, когда длинный ряд ослепительно сверкающих огней стал медленно подниматься кверху, и какое лихорадочное волнение вспыхнуло в зале, когда послышался звон колокольчика и музыка заиграла по-настоящему, оглушая грохотом барабанов и лаская слух нежным перезвоном треугольников. И разве не права была мать Барбары, сказавшая матери Кита, что если ходить в цирк, так только в раек,— удивительное дело, почему за него не берут дороже, чем за места в ложах! И разве трудно понять Барбару, не знавшую, плакать ей или смеяться от восторга!

А само представление! Лошади, про которых маленький Джейкоб сразу же сказал, что они настоящие; леди и джентльмены, которых он никак не соглашался принять за живых людей, ибо где же ему приходилось видеть раньше что-либо подобное! Пальба, от которой Барбара только жмурилась; несчастная леди, исторгавшая слезы у нее из глаз; тиран, приводивший ее в трепет; смешной кавалер, который пел дуэт со служанкой героини и пускался в пляс в конце каждого куплета; пони, который взвивался на дыбы при виде убийцы и отказывался стать на все четыре ноги до тех пор, пока убийцу не засадят в тюрьму; клоун, который позволял себе бог знает какие вольности с военным в высоких сапогах; акробатка, которая перепрыгнула через двадцать девять лент и благополучно опустилась на спину лошади,— все было изумительно, восхитительно и великолепно! Маленький Джейкоб отхлопал себе обе ладони, Кит кричал «бис» после каждого номера, включая трехактную пьесу, а мать Барбары в упоении так стучала зонтиком о пол, что сбила его наконечник почти до самой материи.

Однако все эти захватывающие чудеса не мешали Барбаре то и дело обращаться мысленно к словам Кита, сказанным за чаем, потому что, когда они выходили из цирка, она спросила его с нервическим смешком, неужели мисс Нелли такая же красавица, как леди, которая прыгала через ленты.

— Такая же? — воскликнул Кит.— Вдвое красивее!

— Ах, Кристофер! А по-моему, лучше этой леди и быть не может!

— Вздор! — отрезал Кит.— Она, конечно, ничего, спорить не стану, но в чем тут секрет? — в том, что размалеванная, расфуфыренная. Да вы, Барбара, первая красивее ее.

— О Кристофер! — сказала Барбара, потупившись.

— Разумеется, красивее,— сказал Кит.— И вы сами, и ваша матушка.

Бедная Барбара!

Но что значило все это — даже это! — по сравнению с дальнейшими роскошествами, которые начались, как только Кит вошел в устричную лавку с таким видом, будто он дневал и ночевал там, и, даже не взглянув на хозяина за прилавком, провел свою компанию к отдельному столику — за перегородкой с красной занавесью! — к столику, накрытому белой скатертью и с полным набором судочков, и заказал свирепому волосатому джентльмену, который был здесь за слугу и который назвал его, Кристофера Набблса, «сэром»,— три дюжины самых крупных устриц да еще прибавил: «И поживее!» Да, да! «Поживее!» И джентльмен не только выслушал его, но и выполнил все в точности и живо примчался обратно с хлебом — самым мягким, с маслом — самым свежим и с устрицами — самыми крупными, какие только бывают на свете. Потом Кит — вы только подумайте! — возьми да и скажи этому джентльмену: «Кружку пива!», а джентльмен, вместо того чтобы воскликнуть: «Вы, собственно, к кому обращаетесь, сэр!» — повторил: «Пива, сэр? Слушаю, сэр!» — и через минуту подал пиво на стол в маленькой кружке, вроде тех, что носят в зубах собаки нищих слепцов для сбора подаяний. А когда он удалился, мать Кита и мать Барбары в один голос призналась, что такого стройного, изящного молодого человека им в жизни не приходилось видеть.

Вслед за этим они с аппетитом принялись ужинать. И вот подите же! Барбара, глупышка Барбара заявила, что больше двух устриц она никак не одолеет, и вы даже вообразить себе не можете, сколько понадобилось уговоров, чтобы заставить ее съесть четыре; зато уж мать Барбары и мать Кита не пришлось упрашивать, они ели вволю и смеялись и веселились так, что Киту было любо-дорого на них смотреть, и он хохотал и ел за компанию с ними. Но кто больше всех отличился в тот вечер, так это маленький Джейкоб. Поглядели бы вы, как он уписывал устрицы за обе щеки, будто самую привычную еду, и с поразительным для его возраста понятием поливал их уксусом и посыпал перцем, а потом соорудил на столе пещеру из раковин. А малыш? — малыш будто забыл о сне и, сидя таким паинькой у матери на коленях, пытался засунуть в рот большой апельсин и все таращился на огоньки люстры! Поглядели бы вы, как он не мигая смотрел на газовые язычки и вдавливал пустую раковину в свои пухлые щечки! Да будь у

вас каменное сердце, оно и то растаяло бы от такого зрелища! Короче говоря, трудно было бы мечтать о более удачном ужине; когда же Кит приказал напоследок подать им стаканчик чего-нибудь горячего и, прежде чем пустить его вкруговую, провозгласил тост за здоровье мистера и миссис Гарленд — более счастливой шестерки, чем та, которая собралась за этим столом, трудно было бы сыскать на всем белом свете.

Но всякое счастье в конце концов уходит от нас — не потому ли мы так ждем его следующего прихода? — и, поскольку время близилось к вечеру, они решили, что пора и по домам. Кит с матерью сделали небольшой крюк, чтобы проводить Барбару и мать Барбары на ночевку к их знакомым и простились с ними, предварительно условившись о встрече завтра утром перед совместным возвращением в Финчли и обсудив во всех подробностях, как им лучше провести свой следующий отпуск. Потом Кит посадил маленького Джейкоба себе на закорки, подал матери руку, чмокнул малыша, и все их семейство весело зашагало к дому.

ГЛАВА XL

Полный того смутного раскаяния, которое пробуждается в нас наутро после праздников, Кит вышел на рассвете из дому и, чувствуя, как безучастный дневной свет и будни с их заботами и обязанностями колеблют его веру во вчерашние радости, отправился на условленное место встречи с Барбарой и ее матерью. Не желая будить свое маленькое семейство, которое все еще спало, утомленное столь непривычными похождениями, он положил у очага деньги, сделал там же надпись мелом, чтобы привлечь к ним внимание матери и сообщить ей, что они оставлены ее заботливым сыном, и покинул дом с пустыми карманами, но с тяжестью на сердце, впрочем, не такой уж гнетущей.

Ох, уж эти праздники! Почему они оставляют в нас чувство сожаления? Почему мы не можем отодвинуть их мысленно недели на две назад и с этой удобной дистанции вспоминать о былом либо со спокойным безразличием, либо с довольной улыбкой? Почему они преследуют нас, как неприятный вкус во рту после выпитого вчера вина, как неотделимые от похмелья головная боль, и вялость, и благие намерения, которые в некоем обширном царстве под землей служат материалом для мощения дорог, а на земле живут обычно не долее обеда.

Так что же тут удивительного, если у Барбары болела голова и если мать Барбары находилась в дурном настроении и не пощадила даже цирка Астли, заявив, будто клоун на самом деле гораздо старше, чем им показалось вчера. Кит не нашел ничего странного в ее словах — какое там! Он и сам подозревал, что актеры — обманчивые маски этого ослепительного ви-

дения — представляли то же самое третьего дня и будут представлять сегодня и завтра,— и так неделю за неделей, месяц за месяцем, хотя он и не увидит их. Вот она, разница между «вчера» и «сегодня». Все мы только и делаем, что спешим в театр или возвращаемся после него домой.

Впрочем, ведь и само солнце греет слабо на утренней заре и только к середине дня набирается силы и отваги. Постепенно мысли наших путников обратились к вещам более приятным, и, когда за разговорами и смехом они незаметно подошли к Финчли, мать Барбары заявила, что она совсем не устала и давно не чувствовала себя так бодро. И Кит сказал то же самое, и Барбара, которая до этого за всю дорогу не вымолвила ни слова. Бедная маленькая Барбара! Какая она была тихенькая!

Домой Кит и Барбара поспели в самый раз, и, до того как мистер Гарленд спустился вниз к завтраку, Кит успел почистить пони, так что шерсть у него заблестела не хуже, чем у любого рысака, и своей точностью и рвением к делу заслужил величайшие похвалы старичка, старушки и мистера Авеля. В обычный час (вернее, в обычную минуту и секунду, так как он был сама пунктуальность) мистер Авель вышел из дому к лондонскому дилижансу, а Кит и старичок отправились в сад.

Работа в саду была одной из самых приятных обязанностей Кита, потому что в хорошую погоду все они проводили там время как дружная семья. Старушка садилась к столу со своей корзинкой, старичок возился на грядках, или подвязывал ветки, или щелкал большими садовыми ножницами, или усердно помогал Киту, а Вьюнок умиротворенно смотрел на них из своего загона. Сегодня было решено заняться виноградными лозами, и Кит, поднявшись до половины коротенькой лестницы, принялся орудовать ножницами и молотком, а старичок, с интересом следивший за каждым его движением, подавал ему по мере надобности то гвозди, то бечевку. Старушка и Вьюнок, как всегда, наблюдали за ними, каждый со своего места.

— Итак, Кристофер,— заговорил вдруг мистер Гарленд,— у тебя завелся новый друг, а?

— Прошу прощения, сэр? — сказал Кит, глядя на него с лестницы.

— Я слышал от мистера Авеля, что у тебя завелся новый друг в конторе,— повторил старичок.

— А! Да, сэр! Очень щедрый джентльмен, сэр.

— Рад это слышать,— с улыбкой проговорил старичок.— Но его щедроты на том не кончатся, Кристофер.

— Да что вы, сэр? Вот какой он добряк! Да только мне это не нужно,— сказал Кит, вбивая заупрямившийся гвоздь в стену.

— Он очень хочет,— продолжал старичок,— взять тебя на службу... Осторожней! Что ты делаешь? Упадешь и расшибешься!

— Взять меня на службу, сэр? — воскликнул Кит, бросив работу и с ловкостью акробата повернувшись на лестнице лицом к хозяину.— Да он, наверно, пошутил, сэр!

— Нет, нет,— ответил мистер Гарленд.— Он так и сказал мистеру Авелю.

— Да что же это такое? — пробормотал Кит, переводя тоскливый взгляд с хозяина на хозяйку.— Я на него просто диву даюсь!

— Имей в виду, Кристофер,— продолжал мистер Гарленд,— дело обстоит для тебя очень серьезно, и ты должен понять это и обдумать все как следует. Этот джентльмен может платить тебе гораздо больше... Впрочем, если вникнуть в отношения между хозяевами и слугами, вряд ли он отнесется к тебе с большей лаской и доверием, чем мы... Но жалованья у тебя прибавится.

— Ну что ж, — сказал Кит, — когда так, сэр...

— Подожди минутку,— остановил его мистер Гарленд.— Это еще не все. Ты служил верой и правдой своим прежним хозяевам, а если труды этого джентльмена не пропадут даром и он разыщет их, тебя ждет щедрое вознаграждение. Не говоря уже о счастье,— еще серьезнее добавил старичок,— о счастье снова увидеться с теми, кому ты так бескорыстно предан. Обсуди все, Кристофер, и не спеши принимать необдуманное, опрометчивое решение.

Но Кит сделал выбор сразу,— правда, это стоило ему мгновенного укола, мгновенной боли в сердце, так как последний довод мистера Гарленда нашел отклик у него в мыслях, посулив осуществление всех былых надежд и мечтаний. Однако это прошло, и Кит твердо сказал, что джентльмену с самого начала надо было подыскивать себе другого слугу!

— Он думает, меня можно переманить! Да кто ему дал право так думать, сэр! — воскликнул Кит, постучав с полминуты молотком и снова поворачиваясь к мистеру Гарленду.— Тоже, нашел дурака!

— Он так и скажет, Кристофер, если ты отвергнешь его предложение,— многозначительным тоном ответил мистер Гарленд.

— Ну и пусть! — крикнул Кит.— Пусть говорит все что угодно, сэр! Меня его мнение не интересует, сэр! Знаете, когда я буду дураком — круглым дураком? Когда брошу хозяина с хозяйкой, добрее которых нет на всем свете и которые взяли меня с улицы — нищего, голодного; вы, может, даже не представляете, сэр, какого голодного! Брошу и перейду на службу к этому джентльмену или к кому-нибудь еще!.. Если мисс Нелл вернется, сударыня,— тут Кит обратился к хозяйке,— это совсем другое дело. Может, я ей понадоблюсь, и тогда вы разрешите мне кое-когда помогать им в свободное время. Но, видно, слова моего старого хозяина сбудутся — она вернется богатая,

а богатой барышне я не нужен. Нет, нет! — Кит грустно покачал головой.— Я мисс Нелл больше не понадоблюсь, и хорошо, если не понадоблюсь, да благословит ее бог! Хотя повидаться с ней мне бы очень хотелось.

Тут Кит загнал гвоздь в стену, ударив по нему молотком гораздо сильнее, чем это требовалось, и снова повернулся лицом в сад.

— Опять же, возьмите пони, сэр,— возьмите Вьюнка, сударыня. Ишь как он все понимает, сэр! Услышал, что говорят о нем, и заржал! Да разве Вьюнок подпустит к себе кого-нибудь, кроме меня, сударыня? А ваш садик, сэр? А мистер Авель, сударыня? Неужто мистер Авель расстанется со мной, сэр? Неужто кто другой будет так любить сад, сударыня? Моя мать не перенесет этого, сэр, а маленький Джейкоб выплачет себе все глаза, сударыня, если ему только сказать, что мистер Авель отпустил меня,— и это после того, как мистер Авель сам говорил мне на днях: «Надеюсь, мы с тобой долгие годы будем вместе, Кристофер».

Трудно сказать, сколько времени простоял бы Кит на лестнице, поворачиваясь по очереди то к хозяину, то к хозяйке — и большей частью невпопад,— если бы в саду не появилась в эту минуту Барбара с известием, что из конторы прислали посыльного с запиской. Подав записку мистеру Гарленду, она бросила недоуменный взгляд на ораторствующего Кита.

— А! — воскликнул старичок, прочитав записку.— Попроси его сюда.— И когда Барбара легкими шажками пошла к дому, он сказал Киту, что на этом их разговор закончен и что им так же не хочется расставаться со своим слугой, как и ему с ними, в чем старушка горячо поддержала его.

— Тем не менее, Кристофер,— добавил мистер Гарленд, глядя на записку, которая была у него в руке,— если этому джентльмену понадобятся твои услуги на час-другой и даже на несколько дней, мы не станем ему отказывать, и ты тоже не отказывайся. А! Вот и молодой человек! Здравствуйте, сэр!

Приветствие относилось к мистеру Чакстеру; он с важным видом шествовал по садовой дорожке, в шляпе, сдвинутой набекрень, из-под которой свисали длинные волосы.

— Надеюсь видеть вас в добром здравии, сэр,— провозгласил этот джентльмен.— И вас тоже, сударыня. Прелестный домик, сэр! А местность просто очаровательная!

— Вы изволили приехать за Китом? — спросил мистер Гарленд.

— Нас ожидает кеб,— отвечал конторщик.— Великолепный рысак, серый в яблоках. Вы знаток по этой части, сэр?

Сославшись на свою полную неосведомленность в подобного рода делах и пожалев, что не умеет оценить достоинства серого в яблоках, мистер Гарленд отказался от его осмотра, а вместо этого предложил мистеру Чакстеру откушать. Легкий

завтрак был подан немедленно, и состоял он из холодных блюд, с придачей двух бутылок — одной с вином, другой с элем.

Вкушая эти яства, мистер Чакстер прилагал все силы к тому, чтобы очаровать своих гостеприимных хозяев и внушить им уверенность в умственном превосходстве горожан перед сельскими жителями. С этой целью он обратился к последним городским сплетням — области, в которой друзья справедливо считали его непревзойденным знатоком. Так, например, ему ничего не стоило поделиться со своими слушателями достовернейшими сведениями о стычке между маркизом Мизлером и лордом Бобби, поводом к которой послужила бутылка шампанского, а вовсе не паштет из голубей, как сообщалось в газетах. Те же сомнительные источники утверждали, будто бы лорд Бобби сказал маркизу Мизлеру: «Мизлер! Один из нас враль, только не я»,— тогда как на самом деле сказано было: «Мизлер! Вы знаете, где меня найти, и черт вас побери, не поленитесь сделать это, когда я вам понадоблюсь!» — что, разумеется, совершенно меняло характер этой интересной ссоры и представляло ее в новом свете. Кроме того, мистер и миссис Гарленд узнали точную сумму содержания, которые получала от герцога Тигсберри Виолетта Стетта из Итальянской оперы и которое выдавалось ей вопреки слухам три раза в год, а не каждое полугодие, исключая, а не включая (как уверяли некоторые бессовестные лгуны) драгоценности, духи, пудру для париков пяти лакеям и две ежедневных смены лайковых перчаток пажу. Заверив старичка и старушку, что они вполне могут положиться на его полную осведомленность в подобного рода вопросах и не ломать больше над ними голову, мистер Чакстер угостил их сплетнями из мира театрального, а также придворного и на том закончил эту захватывающе интересную, изысканную беседу, которую он вел один без чьей-либо помощи в продолжение сорока пяти минут, если не больше.

— Ну-с, а теперь, когда коняшка малость отдышалась,— сказал мистер Чакстер, грациозно поднимаясь из-за стола,— мне пора и восвояси.

Ни мистер, ни миссис Гарленд не стали удерживать гостя (вероятно, понимая, что такого человека нельзя надолго отрывать от привычной ему сферы деятельности), и вскоре мистер Чакстер и Кит покатили в город — Кит, примостившись на козлах рядом с кебменом, а мистер Чакстер — соло, внутри экипажа, высунув по сапогу в оба передних окна.

Когда они подъехали к дому нотариуса, Кит сразу прошел в контору. Мистер Авель усадил его там на стул и попросил подождать, ибо одинокий джентльмен куда-то удалился и мог вернуться не скоро. Так оно и оказалось — Кит успел пообедать, выпить чаю, прочитать в «Юридическом листке» и «Почтовом справочнике» статейки легкого содержания и несколько раз

вздремнуть, прежде чем джентльмен, с которым он виделся здесь третьего дня, впопыхах влетел в контору.

Он заперся с мистером Уизерденом у него в кабинете, и туда же спустя некоторое время вызвали на подмогу мистера Авеля, а затем и недоумевающего Кита.

— Кристофер,— сказал джентльмен, едва завидев его на пороге.— Я разыскал твоего старого хозяина и маленькую хозяйку.

— Да что вы, сэр! Неужто правда! — воскликнул Кит, и глаза его радостно засверкали.— Где же они, сэр? Здоровы ли? Они... они близко отсюда?

— Нет, далеко,—ответил джентльмен, покачивая головой.— Но я сегодня же выезжаю за ними и хочу взять тебя с собой.

— Меня, сэр? — Кит был вне себя от восторга и удивления.

— А сколько до того городка, куда меня направляет этот собачник? — в раздумье проговорил незнакомец, поворачиваясь к нотариусу.— Миль шестьдесят?

— Да, шестьдесят — семьдесят.

— Гм!.. Придется ехать на почтовых всю ночь, тогда к утру поспеем. Теперь дело вот в чем: меня они не узнают, и девочка (да благословит ее бог!) подумает, что я, неизвестный им человек, покушаюсь на свободу старика. Как по-вашему, стоит мне взять с собой этого мальчика, чтобы он убедил их в моих добрых намерениях? Ведь его-то они сразу узнают.

— Разумеется, сэр! — согласился нотариус.— Возьмите с собой Кристофера, непременно возьмите.

Кит слушал, и физиономия у него вытягивалась все больше и больше.

— Прошу прощенья, сэр,— сказал он,— но если я только за этим вам понадобился, боюсь, как бы нам не испортить всего дела. Мисс Нелл, сэр, *она*-то меня, конечно, вспомнит, она мне доверится, но старый хозяин... не знаю почему, сэр, да этого никто не знает... старый хозяин после своей болезни имени моего не хотел слышать. Мисс Нелл сама меня просила, чтобы я не показывался ему на глаза. Как мне хочется поехать, я выразить вам не могу, но, право, сэр, лучше не надо, не то вы все испортите.

— Новое препятствие!—воскликнул нетерпеливый джентльмен.— Неудачи преследуют меня! Неужели нет человека, который знал бы их и которому они могли бы довериться? Они жили замкнуто, но неужели не найдется такого человека?

— Подумай, Кристофер,— сказал нотариус.

— Нет такого человека,— ответил Кит.— Нет, есть! Моя мать!

— Они знали ее? — спросил джентльмен.

— Еще бы не знать! Да она постоянно к ним ходила и сколько добра от них видела, не меньше, чем я. Ведь мы, сэр, думали, что они переберутся к нам на житье!

— Так где же эта женщина, черт возьми! — воскликнул джентльмен, хватаясь за шляпу.— Почему ее нет здесь? Почему эта женщина куда-то запропастилась в самую нужную минуту?

Одинокий джентльмен ринулся вон из конторы, видимо, намереваясь схватить мать Кита в охапку, силой усадить в почтовую карету и увезти с собой, но это неслыханное по дерзости похищение было предотвращено соединенными усилиями нотариуса и мистера Авеля. Им удалось кое-как образумить торопыгу и убедить его справиться сначала у Кита, сможет ли и захочет ли миссис Набблс сразу, без предупреждения, пуститься в такое путешествие.

Тут Кит вдруг замялся, одинокий джентльмен снова вышел из себя, нотариус с мистером Авелем снова принялись успокаивать его. В конце концов, подумав хорошенько и взвесив все обстоятельства дела, Кит пообещал от имени матери, что она соберется в путь через два часа, и вызвался доставить ее к этому времени в контору в полном дорожном снаряжении.

Дав такое обязательство — надо сказать, довольно рискованное и трудное,— Кит не стал терять ни минуты и побежал домой, чтобы немедленно привести его в исполнение.

ГЛАВА XLI

Кит мчался по людным улицам, ни на кого и ни на что не глядя, врезался в толпы пешеходов, перебегал запруженную экипажами мостовую, нырял в переулки и проходные дворы и наконец стал как вкопанный перед лавкой древностей — отчасти по привычке, отчасти для того, чтобы перевести дух.

Был хмурый осенний вечер, и в унылых сумерках знакомый дом показался Киту особенно мрачным. Опустевший, холодный, с побитыми стеклами, с расшатанным ржавым переплетом окон он темным пятном делил пополам ярко освещенную, шумную улицу,— и это унылое зрелище, так не соответствовавшее радужным планам, которые строил мальчик, пронзило ему сердце, словно разочарование или горе. Киту хотелось, чтобы в трубе этого дома гудел жаркий огонь, чтобы в окнах горел свет, чтобы там ходили люди, слышались веселые голоса,— ему хотелось уловить здесь хоть что-нибудь, что подкрепило бы надежды, зародившиеся так недавно. Он не думал найти лавку древностей преображенной — этого просто не могло быть, и все же мечты и ожидания, приведшие его сюда, сразу увяли, и на них легла печальная темная тень.

Но, к счастью, Кит не отличался ни ученостью, ни глубокомыслием, чтобы пугаться предвестников грядущей беды, и, не обладая умозрительными очками, которые придали бы ему прозорливости, увидел перед собой только мрачный дом, неприятно

поразивший его своим несоответствием с тем, чем он мысленно тешил себя. И, подумав почему-то, что не надо было прибегать сюда, он помчался дальше еще быстрее, стараясь наверстать упущенное время.

«А вдруг я ее не застану,— думал Кит, подходя к бедному домику матери,— и не смогу разыскать? Ведь тогда этот нетерпеливый джентльмен опять рассердится. Так и есть! Окна темные, и дверь на замке! Да простит меня господь, но если тут не обошлось без богоспасаемой Маленькой скинии, так будь она... впрочем, нет, не надо»,— вовремя осекся Кит и постучал в дверь.

На первый его стук никто не отозвался, но после второго из дома напротив выглянула женщина и спросила, кто пришел к миссис Набблс.

— Это я,— ответил Кит.— Вы не знаете, где она? Не... не в Маленькой скинии? — Он с трудом выговорил название ненавистной ему молельни и постарался вложить как можно больше презрения в эти слова.

Соседка утвердительно кивнула головой.

— Расскажите мне, пожалуйста, где она находится,— попросил Кит.— Я прибежал за матерью по спешному делу и должен увести ее оттуда во что бы то ни стало, даже если она сама забралась там на кафедру.

Выведать дорогу к этому храму оказалось не легко, потому что соседи не принадлежали к его прихожанам и если знали о нем, так только понаслышке. Наконец одна из подружек миссис Набблс, которая, настроившись на благочестивый лад после совместного чаепития, раза два провожала ее в молельню, дала Киту все нужные ему сведения, и он тотчас же побежал дальше.

Маленькая скиния могла бы ютиться и не в такой глуши, и дорога туда могла быть и попрямее, хотя в таком случае джентльмен, который возглавлял прихожан, лишился бы возможности ссылаться на извилистость пути, ведущего к ней, и уподоблять ее на этом основании раю, в отличие от приходской церкви, что стояла на большой проезжей улице. Впрочем, Кит все же нашел Маленькую скинию и, помедлив за дверью, чтобы отдышаться и войти с приличествующей такому месту благопристойностью, переступил ее порог.

Следует признать, что молельня эта до некоторой степени оправдывала свое название, будучи действительно очень маленькой скинией — скинией самых скромных размеров, с весьма скромным количеством скромных скамей и скромной кафедрой, откуда некий скромный человечек (по ремеслу сапожник, а по призванию священнослужитель) произносил отнюдь не скромным голосом отнюдь не скромную по длине проповедь, если судить об этом по состоянию его паствы, ибо, хоть и

скромная числом, она состояла большей частью не из слушающих, а из спящих.

Среди последних была и мать Кита, которая просто не могла держать глаза открытыми после вчерашних похождений и, чувствуя, что речи проповедника самым решительным образом поддерживают и поощряют их намерение закрыться, в конце концов поддалась охватившей ее дремоте и уснула — впрочем, не очень крепко, ибо время от времени она вдруг испускала легкие, почти невнятные стоны, как бы отдавая должную дань поучениям, несшимся с кафедры. Малыш тоже спал у нее на коленях. А Джейкоб, который по молодости лет тяготился этим затянувшимся духовным пиршеством, втайне предпочитая ему устриц, то погружался в глубокий сон, то вскидывался как встрепанный, в зависимости от того, что брало в нем верх — желание спать или страх, как бы не навлечь на свою голову какое-нибудь каверзное замечание из уст проповедника.

«Ну вот, я здесь,— рассуждал сам с собой Кит, тихонько присев на пустую скамью, отделенную от матери только проходом.— Но как же дать ей знать о себе? Как увести ее? Я все равно что за тридевять земель отсюда. Ведь она не проснется до самого конца. А вот опять часы бьют!.. Хоть бы он передохнул минутку, хоть бы они запели все хором!»

Но никакой надежды на то, что хотя бы одно из этих желаний Кита свершится в течение ближайших двух часов, не могло и быть. Проповедник продолжал докладывать своим прихожанам, в чем он намерен убедить их, до того как они разойдутся по домам,— и даже если бы половина обещанного выскочила у него из головы, все равно ему не удалось бы закончить свои поучения раньше этого срока.

Вне себя от беспокойства Кит стал озираться по сторонам и, остановившись взглядом на маленькой скамейке перед кафедрой, так и ахнул — там сидел Квилп!

Он протер глаза раз-другой... Нет! Они не обманывали его, это был Квилп, — и Квилп, с обычной усмешкой на давно не мытой физиономии, сидел, держа руки на коленях, положив шляпу на деревянный пюпитр, а взгляд его был устремлен в потолок. Он не смотрел ни на Кита, ни на его мать, он будто и не подозревал о их присутствии, и все же Кит чувствовал, что внимание этого хитрого беса сосредоточено на них и только на них.

Однако, как ни поразило Кита появление карлика среди прихожан Маленькой скинии, возможно, чреватое неприятностями, а то и бедой, ему надо было думать не об этом, а о том, как увести отсюда свою родительницу, ибо с приближением вечера дело начинало принимать серьезный оборот. Поэтому, дождавшись очередного пробуждения маленького Джейкоба, он постарался привлечь к себе его блуждающий взор

(что было не так уж трудно — понадобилось только разок чихнуть) и знаками велел ему разбудить мать.

И надо же было, чтобы именно в эту минуту проповедник, увлеченный каким-то пунктом своей проповеди, свесился с кафедры, так что позади нее оставались только его ноги, и, держась левой рукой за край, а правой отчаянно размахивая над головой, уставился,— а может быть, это только так казалось?— прямо в глаза маленькому Джейкобу, точно грозя и взглядом, и напряженной позой, что, если Джейкоб шевельнет хоть одним мускулом, он, проповедник, «набросится» на него, причем в самом прямом, а не переносном смысле слова. Попав в такую ужасную переделку, несчастный маленький Джейкоб, ошеломленный внезапным появлением Кита и завороженный взглядом проповедника, сидел на скамье ни жив ни мертв, готовый каждую минуту зареветь, невзирая на опасность, и так таращил глаза на своего пастыря, что они, казалось, того и гляди, выскочат у него из орбит.

— Ну, была не была! — решился Кристофер. Он тихонько встал со скамьи, подошел к той, на которой сидела миссис Нabблс, и молча «сгреб» малыша у матери с колен, как выразился бы мистер Свивеллер, случись ему присутствовать при этом.

— Молчи, мама! — шепнул Кит.— Идем, мне нужно поговорить с тобой.

— Где я? — вопросила миссис Нabблс.

— В богоспасаемой скинии,— сердито буркнул ее сын.

— И правда, что в богоспасаемой!— подхватила миссис Нabблс. — Ах, Кристофер! Как я вознеслась духом!

— Знаю, знаю! — быстро проговорил Кит.— Только пойдем скорее, мама, на нас все смотрят. Тише!.. Возьми Джейкоба за руку... вот так.

— Стой, сатана, стой! — вдруг завопил проповедник ему вслед.

— Джентльмен велит тебе остаться, Кристофер,— прошептала Киту мать.

— Стой, сатана, стой! — снова рявкнул проповедник.— Не вводи во искушение женщину, коя преклонила ухо свое к тебе. Внемли гласу взывающему! Не похищай агнца из стада! — Проповедник кричал все громче и громче, указуя перстом на малыша.— Он завладел агнцем, бесценным агнцем! Яко волк, бродящий в ночи, он позарился на невинного агнца!

Кит был добрейшее существо в мире, но, выведенный из себя этими бранными словами и не на шутку взволнованный своим столь затруднительным положением, он повернулся лицом к кафедре и, не выпуская малыша из рук, громко сказал:

— Ни на кого я не позарился! Он мой брат!

— Он *мой* брат! — возопил проповедник.

— Неправда! — с негодованием сказал Кит. — Как у вас язык поворачивается такое говорить! И, пожалуйста, перестаньте браниться. Разве я что плохое сделал? Да если бы не крайняя нужда, я бы не пришел за ними. И если бы вы мне не помешали, все сошло бы тихо, гладко. Сатану и его сородичей можете поносить сколько вашей душе угодно, а меня, сэр, будьте любезны оставить в покое.

С этими словами Кит гордо вышел из молельни в сопровождении матери и маленького Джейкоба и, только очутившись на свежем воздухе, смутно вспомнил, что прихожане просыпались, недоумевающе оглядывались по сторонам, а Квилп как ни в чем не бывало так и остался сидеть в прежней позе, не сводя глаз с потолка и не обращая ни малейшего внимания на происходившее вокруг.

— Кит, Кит! — воскликнула миссис Нlimited Набблс, поднося платок к глазам. — Что ты наделал? Разве мне можно будет теперь показаться сюда? Да никогда в жизни!

— И слава богу, мама! Вчера вечером ты немножко развлеклась, так неужели же сегодня обязательно надо сокрушаться и жалеть о чем-то? И ведь это не первый раз. Чуть только у тебя станет веселей на душе, ты сразу идешь сюда и каешься по указке этого болтуна. Стыдно, мама!

— Полно, сынок, полно! — остановила его миссис Набблс. — Грешно так говорить, даже в шутку!

— В шутку? Какие там шутки! — воскликнул Кит. — Я, мама, считаю, что в безобидном веселье и в бодрости духа бог не видит большего греха, чем в белых священнических воротничках, и напрасно эти болтуны одно порочат, а за другое заступаются. Ну, хорошо, хорошо, не буду! Только обещай больше не плакать. На, возьми малыша — он полегче, давай мне Джейкоба, и пошли — только быстро, а дорогой я расскажу тебе свои новости, и ты у меня ахнешь, когда все узнаешь. Ну вот, давно бы так! Теперь, глядя на тебя, никто не скажет, что ты и близко подходила к Маленькой скинии, и, я надеюсь, с этим навсегда покончено. На, бери малыша. Ну, Джейкоб, полезай ко мне на закорки и держись крепче за шею, а если этот пастор назовет тебя с малышом невинными агнцами или барашками, ты ему скажи, что раз в год и он говорит истинную правду и что пусть, мол, и сам равняется больше на барашка, чем на кислую подливу к нему. Скажешь, Джейкоб? Ну, смотри!

Так, мешая серьезный разговор с шуткой — ибо он твердо решил сохранить хорошее расположение духа, — Кит очень скоро развеселил мать и братьев и развеселился сам и по дороге домой долго рассказывал им обо всем, что произошло в конторе нотариуса и что заставило его нарушить благолепие Маленькой скинии.

Миссис Наббле порядком струхнула, когда услышала, какие от нее требуются услуги, и совсем растерялась под наплывом самых противоречивых мыслей и сомнений, как, например: прокатиться в почтовой карете каждому лестно, а с другой стороны, разве можно оставить детей без присмотра! Но и это препятствие, и кучу других, касающихся некоторых предметов туалета, часть коих находилась в стирке, а часть никогда и не числилась в ее гардеробе, Кит презрел полностью, ибо что они значили по сравнению с предстоящим ей огромным удовольствием отыскать Нелл и с торжеством вернуться вместе с беглецами в Лондон.

— У нас в запасе десять минут, мама,— сказал Кит, когда они вошли в дом.— Вот картонка. Уложи в нее все, и пойдем.

Если рассказывать, как Кит совал в картонку те вещи, которые не понадобились бы миссис Наббле ни при каких обстоятельствах, и оставлял все, хоть сколько-нибудь необходимое; как они вдвоем уговаривали соседку перебраться к ним и побыть это время с детьми; как дети сначала заливались слезами, а потом вдруг развеселились, когда им были обещаны такие игрушки, каких и не видано на свете; как мать Кита без конца целовала их, а Кит не мог найти в себе сил рассердиться на нее за лишнюю задержку,— повторяю, если рассказывать все это, у нас не хватит ни времени, ни места. Лучше уж умолчим о таких подробностях и скажем только, что спустя несколько минут после назначенного срока Кит и его мать поспели к дому нотариуса, возле которого уже стояла почтовая карета.

— Эх! Карета, да четверкой! — вскричал потрясенный Кит.— И ты, мама, поедешь в ней! Вот она, сэр! Вот моя мать! Она готова, сэр!

— Прекрасно! — сказал джентльмен.— Только прошу вас не волноваться, сударыня. Я позабочусь, чтобы вы не испытывали никаких неудобств в дороге. Где сундук с обновками для девочки и старика?

— Здесь,— ответил нотариус.— Кристофер, клади его наверх.

— Слушаю, сэр!— крикнул Кит.— Готово, сэр!

— Ну, поехали,— сказал одинокий джентльмен. И с этими словами он подал руку матери Кита, самым учтивейшим образом подсадил ее в карету и сел рядом с ней.

Подножка кверху, дверца хлоп, колеса делают полный оборот — и вот экипаж уже громыхает по мостовой, а мать Кита, высунувшись из окошка, машет мокрым носовым платком и кричит во весь голос, прося передать множество последних наставлений Джейкобу и малышу, но каких именно — этого никто расслышать не может.

Кит стоял посреди улицы и смотрел им вслед со слезами на глазах, взволнованный не столько проводами, сколько пред-

стоящей встречей, которая была уже не за горами. «Они ушли пешком,— думал он,— не услышав ни от кого доброго слова на прощанье, а вернутся в карете четверкой, с богатым другом, и всем их бедам придет конец! Она забудет, что когда-то учила меня писать...»

О чем еще думал Кит, неизвестно, но думы эти завладели им надолго, потому что карета уже давно скрылась, а он все стоял, глядя на цепь ярких фонарей, и лишь тогда вернулся в контору, когда нотариус и мистер Авель, которые сами несколько минут простояли на улице, прислушиваясь к затихающему вдали стуку колес, уже начали недоумевать, что бы такое могло задержать его.

ГЛАВА XLII

Теперь оставим на время углубившегося в свои думы Кита и, вернувшись к маленькой Нелл, свяжем нить нашего повествования на том месте, где она оборвалась несколькими главами раньше.

В одну из тех вечерних прогулок, когда, робко следуя издали за двумя сестрами и сердцем угадывая в их невзгодах что-то общее со своим собственным одиночеством, она черпала в этом утешение и глубокую радость, хотя такая радость живет и умирает в слезах,— в одну из таких прогулок в тихие вечерние сумерки, когда и небо, и земля, и воздух, и чуть слышно журчащая речка, и далекий колокольный звон — все отвечало чувствам бесприютного ребенка и рождало в нем умиротворяющие мысли, правда несвойственные детскому возрасту с его бездумными забавами,— в одно из этих странствований за городом, которые были для нее теперь единственной усладой и отдыхом от забот, она все еще медлила у реки, хотя сумрак уступил место тьме и перешел в ночь, и ощущала такое слияние с мирной, безмятежной природой, что, если бы в этой тишине вдруг раздался громкий людской говор и засверкали огни, вот тогда ей бы и стало одиноко.

Сестры давно ушли домой, и она осталась одна. Высоко над нею звездное небо кротко сияло в беспредельном воздушном просторе, и, вглядываясь в его глубину, она различала все новые и новые звезды, казалось, вспыхивавшие у нее на глазах, а за ними еще, еще, и наконец все необъятное пространство небесного свода засияло перед ней вечными, неугасимыми огнями, которым не было числа. Она нагнулась над спокойной рекой и увидела там отражение того же величественного звездного строя, что явился голубю в зеркале вод, разлившихся над горными вершинами и похоронивших в своей бездонной глубине все живое.

Боясь нарушить безмолвие ночи и ее очарование, девочка почти не дыша сидела под деревом. И время и место — все будило в ней мысль за мыслью, и она думала с надеждой,— а может быть, не столько с надеждой, сколько с покорностью,— о прошлом и настоящем и о том, что ждало ее впереди. Последнее время между ней и дедом постепенно возникло отчуждение, и сносить это было тяжелее, чем все прежние горести. Каждый вечер, а часто и днем, старик куда-то уходил, один; и хотя она знала куда, знала, что его влечет, слишком хорошо знала — по непрестанной утечке денег из ее тощего кошелька и по изможденному лицу деда,— он избегал всяких расспросов, держал свою тайну про себя и сторонился внучки.

Она раздумывала над этой переменой с грустью, омрачавшей для нее тихий вечер, как вдруг где-то вдали на колокольне пробило девять. Бой часов заставил ее встать, и она побрела по направлению к городу, по-прежнему погруженная в свои мысли.

На пути ей встретились узкие мостки через ручей, и, пройдя по ним в поле, она увидела впереди красноватый свет, а приглядевшись повнимательнее, убедилась, что это костер, около которого сидят, вероятно, цыгане из разбитого немного в стороне от дороги табора. При ее бедности ей нечего было бояться этих людей, и она не стала обходить их, не желая делать большой крюк, а только прибавила шагу.

Подойдя ближе к табору, она, движимая любопытством, бросила робкий взгляд в ту сторону. У костра, спиной к ней, сидел человек, резко освещенный огнем, и, увидев его, она сразу остановилась. Потом, словно уверив себя, что этого не может быть, что это совсем не тот, кто ей показался,— пошла дальше.

Но тут у костра заговорили, и голос говорившего — слов она разобрать не могла — был знаком ей, как свой собственный.

Она остановилась и посмотрела назад. Человек, который раньше сидел у костра спиной к дороге, теперь поднялся и стоял, опираясь обеими руками о палку. Его позу, так же как и голос, она узнала сразу. Это был ее дед.

В первую минуту она чуть было не окликнула его, но потом спохватилась: а что это за люди, почему он очутился с ними здесь? Смутное, нехорошее предчувствие охватило ее, и, повинуясь ему, она пошла к табору, но не напрямик через поле, а вдоль живой изгороди, разделявшей его на части.

Подкравшись на несколько шагов к костру, она спряталась среди кустов, откуда можно было все видеть и слышать, оставаясь незамеченной.

В других цыганских таборах, встречавшихся им раньше, сновали и женщины и дети, а здесь был только один рослый, плечистый цыган. Он стоял со сложенными на груди руками у дерева и то посматривал на огонь, то переводил глаза с густыми черными ресницами на тех троих у костра и с плохо

скрываемым любопытством прислушивался к их разговору. Из этих троих один был ее дед, а остальные двое — Айзек Лист и его здоровяк приятель — игроки, попавшиеся им в трактире в ту памятную грозовую ночь. Тут же неподалеку виднелся низенький цыганский шатер, но в нем как будто никого не было.

— Ну, что ж вы не уходите? — заглядывая снизу старику в лицо, спросил здоровяк, с удобством развалившийся на траве.— Торопились не знаю как минуту назад! Идите — воля ваша.

— Не задирай его! — Айзек Лист, сидевший у костра на корточках, точно лягушка, прищурился и так завел глаза вбок, что ему перекосило всю физиономию.— Он ничего обидного не сказал.

— Я стал нищим по вашей милости! Вы грабите меня и надо мной же насмехаетесь, глумитесь! — заговорил старик, обращаясь то к одному, то к другому.— Вы сведете меня с ума!

Растерянность и беспомощность этого седовласого младенца так резко расходились с коварством пройдох, в руки которых он попал, что сердце у девочки защемило от боли. Но она заставила себя выслушать все до конца и не упустила ни одного слова, ни одного взгляда.

— Это еще что за разговоры, черт подери! — крикнул здоровяк, приподнимаясь на локте.— Он, видите ли, стал нищим по нашей милости! Вы сами пустили бы нас по миру, если бы могли, да только где вам! Тоже, игрок! Эти жалкие крохоборы, слюнтяи всегда так! Как проигрыш, так они скулят, а обчистят других сами — и глазом не сморгнут. Его, видите ли, грабят! — еще громче крикнул он.— Поделикатнее надо выражаться, черт вас возьми!

Здоровяк снова растянулся на траве и раза два злобно дрыгнул ногой в знак крайнего негодования. Он, видимо, взял на себя роль задиры, а его дружок роль миротворца — и, кроме старика, это было бы ясно всякому, так как они совершенно открыто переглядывались между собой и с цыганом, который, сверкая зубами, одобрительно посмеивался над их издевательскими шуточками.

Минуту старик беспомощно молчал, потом повернулся к своему мучителю:

— Вы сами только что говорили о грабеже. Зачем же нападать на меня? Ведь говорили, говорили?

— Я не собираюсь грабить своих партнеров. Законы чести свято соблюдаются между... между джентльменами, сэр! — возразил ему здоровяк, вовремя спохватившись, чтобы не сказать совсем другого слова.

— Не придирайся к нему, Джоул,— остановил его Айзек Лист.— Видишь, он сам жалеет, что наговорил лишнего. Ну, продолжай, ты ведь хотел что-то сказать.

— Размазня я, сущий теленок! — воскликнул мистер Джоул.— Сижу тут с вами на старости лет, навязываюсь людям со своими советами, а они плюют на них и меня же ругают. Всю жизнь я из-за этого страдал. Но что с собой поделаешь! Учили меня, учили, а с сердцем не могу сладить, очень уж оно у меня жалостливое.

— Говорю я тебе, он во всем раскаивается,— продолжал увещевать его Айзек Лист.— Раскаивается и хочет послушать, что ты скажешь.

— А вот *хочет* ли?

— Хочу,— простонал старик и, опустившись на траву, стал раскачиваться всем телом взад и вперед.— Говорите! Я не могу больше бороться. У меня нет сил. Говорите!

— Ладно,— сказал Джоул.— Начну с того места, на котором вы вдруг заартачились. Так вот, если вам кажется, будто счастье повернется теперь в вашу сторону, в чем я тоже не сомневаюсь, а больших денег у вас нет — на две-три партии кряду и то не хватает, воспользуйтесь тем, что вам подсовывает сама судьба. Возьмите заимообразно, а как только сможете, вернете долг сполна.

— О чем тут спорить! — ввернул Айзек Лист.— Если у этой почтенной женщины из музея восковых фигур действительно есть деньги и она прячет их на ночь в железную шкатулку, да еще не запирает двери на ключ, боясь пожара,— проще ничего быть не может. Я бы сказал, что здесь виден перст божий, да мне нельзя так говорить — я человек религиозный.

— Ты понимаешь, Айзек,— его приятель сразу оживился и подсел поближе к старику, сделав знак цыгану, чтобы тот держался в стороне.— Понимаешь, как обстоит дело? У этой почтенной женщины и днем и вечером толчется народ. Допустим, залез кто-нибудь к ней под кровать или спрятался в чулане. Заподозрить можно кого угодно, только не настоящего виновника. А я дам ему отыграться на все деньги, сколько бы он их ни принес.

— Ой ли! — сказал Айзек Лист.— Да твой банк не выдержит!

— Не выдержит? — пренебрежительно воскликнул Джоул.— Эй ты! Подать мне шкатулку, что зарыта в соломе.

Услышав это приказание, цыган нырнул на четвереньках в шатер, пошарил там, пошуршал соломой и вскоре вернулся с железным ящиком. Джоул отпер его ключом, вынутым из кармана.

— Вот видишь? — сказал он, захватывая пригоршню монет и пропуская ее сквозь пальцы, как воду.— Слышишь? Знаком тебе звон золота? На, отнеси на место. Так вот, Айзек, ты заведи сначала свой собственный банк, а потом толкуй.

Айзек Лист с притворным смирением стал оправдываться, что он, мол, никогда не сомневался в состоятельности мис-

тера Джоула — джентльмена, известного своей порядочностью в делах, и намекнул на шкатулку без всякой задней мысли, единственно из желания полюбоваться золотом, так как оно хоть и почитается многими благом призрачным и обманчивым, но ему одним своим видом доставляет огромное наслаждение, превзойти которое мог бы только переход этого золота в его собственные карманы. Мистер Лист и мистер Джоул разговаривали друг с другом, однако взгляды их были прикованы к старику, а он по-прежнему сидел у костра, уставившись на огонь, но, судя по тому, как подергивались у него лицо и вся голова, жадно вслушивался в каждое их слово.

— Мой совет прост, — сказал Джоул, лениво ложась на траву. — Да я, в сущности, все уже объяснил. Намерения мои самые дружеские. Неужто я стал бы помогать человеку обыгрывать меня, если б не считал его своим приятелем? Конечно, печься о других глупо, но что поделаешь! Такая у меня натура! И ты надо мной не насмехайся, Айзек Лист.

— Мне над вами насмехаться, мистер Джоул! — воскликнул Айзек. — Да никогда в жизни! Я только жалею, что сам не могу позволить себе такое великодушие. И вы правильно говорите: если он останется в выигрыше, долг можно вернуть, а нет, так...

— Ну, что об этом думать! — перебил его Джоул. — Да если даже проиграет (все может быть, ведь счастье — оно изменчиво!), лучше спустить чужие деньги, чем свои собственные.

— Ах! — самозабвенно воскликнул Айзек Лист. — Какое это наслаждение — сорвать банк! Какое блаженство сгрести со стола деньги — эти блестящие желтенькие кружочки — и опустить их в карман! Какая радость — восторжествовать наконец и поздравить самого себя с тем, что ты не струсил, не бежал от собственного счастья, а сам бросился ему навстречу! Какое... вы что, уходите, почтеннейший?

— Пусть будет так! — Старик торопливо заковылял прочь, но тут же вернулся. — Я возьму эти деньги — все до последнего пенни.

— Вот это здорово! — крикнул Айзек и, вскочив, хлопнул его по плечу. — Уважаю за молодой задор! Ха-ха-ха! Джо Джоул еще пожалеет о своем совете! Мы еще над ним посмеемся! Ха-ха-ха!

— Он даст мне реванш, — возбужденно забормотал старик, указывая на Джоула иссохшей рукой. — Он поставит монету против монеты, сколько бы их ни было. Помните это!

— Я свидетель, — поддержал его Айзек. — Уж я-то послежу, чтобы все шло по-честному.

— Дал слово — держись, — с притворной неохотой буркнул Джоул. — Отступать не буду. Когда же мы встретимся? Уж скорей бы покончить с этим. Может, сегодня?

— Мне же надо взять деньги,— ответил старик.— Я могу сделать это только завтра ночью.

— А почему не сегодня? — настаивал Джоул.

— Сегодня уже поздно, придется спешить, а я так взволнован. Тут требуется осторожность. Нет, завтра ночью.

— Ну, завтра так завтра, — согласился Джоул. — Выпьем на прощанье. За счастье — кому оно улыбнется. Налей нам!

Цыган вынес три оловянные кружки и наполнил их до краев. Старик отвернулся и пробормотал что-то, прежде чем выпить. Девочка услышала свое имя, вырвавшееся у него, как вздох, вместе с жаркой мольбой.

«Господи, смилуйся над нами! — мысленно воскликнула она.— Не оставь нас в час испытаний! Как мне спасти его!»

Разговор у костра был закончен быстро, и велся он вполголоса, ибо речь шла о том, как лучше выполнить задуманное и отвлечь подозрения в сторону. Потом старик простился со своими искусителями и ушел.

Они долго провожали глазами его понурую, сгорбленную фигуру, медленно двигающуюся по дороге, махали ему рукой, кричали вслед какие-то напутствия, а когда он перестал оглядываться и превратился в еле различимую точку вдали, посмотрели друг на друга и расхохотались.

— Ну вот,— сказал Джоул, потирая руки над огнем,— все-таки добились своего! Однако повозиться с ним пришлось больше, чем я думал. Когда мы впервые намекнули ему на это? Три недели назад! Как ты думаешь, сколько он принесет?

— Сколько бы ни принес, делим поровну,— ответил Айзек Лист.

Джоул кивнул.

— Надо поскорее кончать,— сказал он,— и отделаться от него. Не то нас заподозрят. Теперь гляди в оба.

Лист и цыган согласились с ним. Посмеявшись над своей одураченной жертвой и решив, что дальнейшего обсуждения этот предмет не заслуживает, они заговорили на каком-то жаргоне, непонятном девочке. Речь шла, по-видимому, о важных для них делах; Нелл решила воспользоваться этим, чтобы скрыться незаметно, и пошла прочь, скользя в тени изгороди, осторожно пробираясь сквозь кусты или же по дну оврага. Потом, выйдя на дорогу там, где ее не могли увидеть, она бросилась домой, не замечая, что руки и ноги у нее исцарапаны в кровь, чувствуя только кровоточащую рану в груди,— и у себя в комнате, полная отчаяния, упала на кровать.

Первой ее мыслью было — скрыться, бежать немедленно, увести старика отсюда! Лучше умереть с голоду на дороге, чем подвергать его такому ужасному соблазну. Потом она вспомнила, что преступление должно совершиться только следующей ночью,— значит, есть еще время обдумать все и решить, как быть дальше. И тут же страшная мысль пронеслась у нее в

голове: а вдруг он уже там!.. И ей почудились в ночной тиши пронзительные крики, вопли. Если он попадется на месте преступления, на что это может толкнуть его? Ведь противостоять ему будет женщина. Нет сил выносить больше эти муки! Она тихонько подошла к той комнате, где хранились деньги, открыла дверь и заглянула туда. Слава богу! Его там нет, а хозяйка спит крепким сном.

Она вернулась к себе и стала раздеваться. Но разве сейчас можно спать? Спать! Неподвижно лежать в постели с такими мыслями! Они овладевали ею все сильнее и сильнее. И вот, полуодетая, с разметавшимися по плечам волосами, она кинулась в комнату деда, схватила его за руку и разбудила.

— Кто это? — вскрикнул он, приподымаясь с постели и глядя на мертвенно-бледное лицо внучки.

— Мне приснился ужасный сон,— сказала девочка с той твердостью, которая рождается только в минуты тяжких испытаний.— Ужасный, невыносимый сон. И это не в первый раз. Я видела седого старика, вот такого же, как ты, он был в темной комнате, ночью, и крал золото у спящих. Вставай вставай! — Старик задрожал всем телом и молитвенно сложил руки.

— Не меня проси,—сказала девочка,— не меня, а всевышнего. Он один убережет нас от злодеяния. Во сне все было как наяву. Я не могу сомкнуть глаз, не могу больше оставаться здесь, не могу бросить тебя одного в этом доме, где снятся такие страшные сны. Вставай! Бежим отсюда!

Он смотрел на нее, как на призрак,— да она кому угодно могла показаться сейчас бестелесным призраком, — и дрожал все сильнее и сильнее.

— Нельзя терять ни минуты, ни одной минуты,— говорила девочка.— Бежим, бежим!

— Ночью? — прошептал старик.

— Да, ночью,— ответила она.— Завтра будет уже поздно. Завтра мне опять приснится этот сон. Бежим! Больше нас ничто не спасет.

Холодный пот выступил у старика на лбу, он встал с постели и склонился перед девочкой, словно перед ангелом, посланным ему небом, готовый идти за ней куда угодно. Она взяла его за руку и повела за собой. Когда они подошли к комнате, которую он собирался ограбить, она вздрогнула и заглянула ему в лицо. Какое же оно было бледное, каким взглядом он ответил на ее взгляд!

Она собрала их скудные пожитки в корзину, не отпуская руки деда, точно боясь и на секунду расстаться с ним. Он надел через плечо свою холщовую сумку, взял палку, которую она не забыла подать ему, — и они тронулись в путь. Ноги быстро несли их по прямым городским улицам и узеньким, кривым закоулкам предместья. И так же торопливо, не

оглядываясь назад, взобрались они на крутой холм, увенчанный древним замком.

Но когда обветшалые стены поднялись перед ними вплотную в мягком свете луны, девочка отвела глаза от этих развалин, увитых диким виноградом, заросшим мхом и колеблющейся по ветру травой, посмотрела на город, что спал внизу, во мраке долины, на реку, светлой лентой извивающуюся вдали, на неясные очертания холмов и, отпустив руку старика, обливаясь слезами, упала ему на грудь.

ГЛАВА XLIII

Минутная слабость прошла — девочка снова исполнилась мужества, которое поддерживало ее до сих пор, и, решив твердо держать в памяти, что они бегут от позора и греха и что спасение деда зависит только от ее стойкости, ибо им никто не протянет руки помощи, никто не даст доброго совета, — повела его дальше, уже не оглядываясь назад.

Жалкий, пристыженный старик подчинялся внучке, словно высшему существу, и весь сжимался перед ней, а она чувствовала в себе новый, неведомый ей раньше подъем духа, новую бодрость и уверенность в своих силах. Все бремя ответственности за них обоих лежало теперь на ней одной — делить его было не с кем. Принимать решения и действовать должна была она. «Я спасла его,— думала Нелл,— и какая бы опасность, какие беды ни грозили бы нам, я всегда буду это помнить».

В другое время мысль, что они без всяких объяснений покинули женщину, которая в простоте душевной сделала им столько добра, сознание, что их можно обвинить в неблагодарности, предательстве, и даже боль разлуки с двумя сестрами — наполнили бы сердце Нелл раскаянием и тоской. Но теперь все это заслонили тревоги, которыми грозила им полная неизвестности бродячая жизнь, и безвыходность их положения не позволяла ей впадать в уныние и грустить.

В бледном свете луны это и без того прозрачное бледное личико, на котором сквозь следы забот уже проступали мягкое обаяние и прелесть девичества, эти большие глаза, эти губы, так твердо и мужественно сжатые, эта стройная и в то же время хрупкая фигурка — без слов говорили о многом. Но говорили кому? Только мимолетному ветру, а он подхватывал эту печальную повесть и нес ее дальше, быть может, к материнскому изголовью, навевая тревожные сны о детстве, которое увядает, не успев расцвести, и находит покой во сне, не знающем пробуждения.

Ночь пробежала быстро, луна скрылась, звезды потускнели, померкли, и утро, холодное, как эти звезды, медленно вступило в свои права. Но вот величественное солнце показалось над

далекими холмами и погнало перед собой туман, очищая землю от призрачных порождений ночи до нового наступления темноты. Когда же оно поднялось еще выше и стало пригревать землю своими веселыми, теплыми лучами, старик и девочка легли отдохнуть на берегу канала, у самой воды.

Нелл держала деда за руку и долго не сводила с него глаз даже после того, как он задремал. Но наконец усталость взяла свое; пальцы ее ослабли, снова сжались, снова ослабли, и она уснула рядом со стариком.

Неясный звук голосов разбудил девочку, ворвавшись в ее сны. Над ней стоял какой-то неуклюжий коренастый человек, а двое других смотрели на них с длинной барки, подошедшей к берегу, пока они спали. Барка эта шла без весел и парусов; пара лошадей отдыхала на берегу, и ненатянутая бечева мокла в воде.

— Эй! — грубовато крикнул барочник. — Что вы здесь делаете?

— Мы спали, сэр,— ответила Нелл.— Нам пришлось провести всю ночь в дороге.

— Нечего сказать, подходящее для вас занятие — странствовать по ночам! Старику не по возрасту, а ты больно уж молода. Куда же вы идете?

Нелл замялась и наугад показала на запад. Тогда барочник назвал какой-то город и спросил, не туда ли им надо. Чтобы отделаться от него, Нелл ответила утвердительно.

— А откуда вы? — последовал вопрос, на сей раз более легкий, и Нелл назвала деревню, где жил их друг, учитель, в надежде, что этот человек не знает тех мест и на том успокоится.

— А я уж подумал, не обидел ли вас кто, а может, и ограбил,— сказал он.— Ну, ладно, прощайте.

Нелл пожелала ему доброго пути и с чувством облегчения увидела, как он сел на лошадь. Барка тронулась с места, но, отойдя немного, опять остановилась, и барочник замахал им рукой.

— Вы звали меня?— спросила Нелл, подбегая к берегу.

— Садитесь, подвезем,— ответили ей с барки.— Нам по дороге.

Минуту девочка колебалась, но, вспомнив с трепетом — в который раз! — что люди, сидевшие в тот вечер у костра, могут погнаться за ускользнувшей от них добычей, могут снова отнять у нее деда, лишить ее всякой власти над ним, решила принять предложение, с тем чтобы уничтожить свои следы. Барка подошла к берегу и через две-три минуты плавно заскользила по каналу, увозя с собой не успевшую как следует опомниться девочку и старика.

Солнце весело поблескивало на прозрачной воде, струившейся то в тени кустов, то по равнинам, перерезанным ручейками и поросшим лесом на далеких взгорьях, то среди полей и ферм,

обсаженных деревьями. Время от времени из-за рощ выглядывали деревушки — скромные церковные шпили, коньки соломенных крыш; показывались и города с величественными церквами, выступавшими сквозь пелену дыма, с высокими фабриками и мастерскими, громоздившимися над массой домов,— и по тому, как долго маячили они на горизонте, можно было судить, как медленно движется барка. Канал проходил большей частью по болотистым местам и пустынным равнинам, и если не считать работников в полях да зевак, глазевших на барку с мостов, под которыми она проплывала, — ничто не нарушало однообразия и безлюдности этого пути.

Ближе к вечеру они подошли к небольшой пристани, и Нелл огорчилась, когда один из барочников посоветовал ей запастись здесь провизией, сказав, что им не дойти до места своего назначения раньше завтрашнего дня. Несколько пенсов, оставшихся у нее в кошельке после покупки хлеба у этих новых знакомцев, надо было приберечь, так как рассчитывать на заработок в чужом городе не приходилось. Она ничего не могла себе позволить, кроме небольшого хлебца и куска сыра, и вернулась с этим на барку, а барка простояла у пристани еще полчаса, покуда ее команда угощалась в харчевне.

Барочники принесли с собой пиво и спиртное и, добавив это к выпитому на берегу, скоро захмелели, а захмелев, начали буянить. Уйдя подальше от темной, грязной каюты, куда они всячески зазывали своих пассажиров, Нелл села с дедом на открытом воздухе и испуганно прислушивалась к крикам разгулявшихся пьянчуг. Она была бы готова идти всю ночь пешком, лишь бы не оставаться здесь.

Что и говорить, барочники были народ неотесанный, буйный, и друг с другом они не церемонились, хотя старик и девочка не могли пожаловаться на грубость с их стороны. Так, например, когда рулевой и его товарищ заспорили о том, кто из них первый предложил угостить Нелл пивом,— причем спор этот, к ее невыразимому ужасу, вскоре перешел в свирепую драку,— ни тот, ни другой не пытались привязаться к ней, и каждый довольствовался тем, что срывал злобу на своем противнике, перемежая тумаки словами, к счастью, совершенно непонятными девочке. Ссора была наконец улажена следующим образом: победитель толкнул рулевого в каюту и сам как ни в чем не бывало стал за руль, а товарищ его, который, по-видимому, обладал крепким здоровьем, легко выносившим подобные пустяки, как свалился вниз головой и вверх ногами, так и заснул тут же на месте и спустя две-три минуты уже мирно похрапывал.

Тем временем наступила ночь, и хотя девочка дрожала от холода в легком платье, мысли ее были заняты не собственными невзгодами и страданиями, а тем, как им с дедом жить дальше. Мужество, обретенное накануне ночью, служило ей

опорой и сейчас. Старик возле нее, он спит спокойно, и черное дело, на которое его толкало безумие, не будет совершено. В этом она черпала утешение.

Вся ее короткая, но полная тревог жизнь вспоминалась Нелли той ночью. Самые незначительные случаи, казалось, исчезнувшие из памяти; лица, когда-то мелькнувшие перед ней и давно забытые; слова, оставленные без внимания; то, что было год назад, вперемежку с тем, что было лишь вчера; знакомые места, мерещившиеся ей в обманчивых очертаниях прибрежного ландшафта. Странная путаница в мыслях: как они попали сюда, куда едут, что это за люди вокруг?.. Чьи-то голоса, вопросы, такие явственные, что она вздрагивала и оглядывалась, готовая ответить, — все эти несвязные ощущения и образы, неизменно сопутствующие бессоннице, тревоге и постоянной перемене мест, не давали ей ни минуты покоя.

Погруженная в свои думы, она случайно посмотрела на рулевого, и тот, уже успев перейти от пьяного буйства к пьяной чувствительности, вынул изо рта трубку, обмотанную для прочности шпагатом, и вдруг попросил спеть ему песню.

— У тебя очень нежный голосок, очень добрые глазки и очень хорошая память,— заявил этот джентльмен.— Голос твой я слышу, глаза вижу, а насчет памяти догадываюсь. Но догадки мои всегда правильны. Сию же минуту спой мне песню!

— Я ни одной не помню, сэр! — сказала Нелл.

— Ты помнишь сорок семь песен,— продолжал он таким решительным тоном, что о споре с ним нечего было и думать.— Ровным счетом сорок семь. Одну какую-нибудь спой — самую лучшую. Ну, начинай сию же минуту!

Дрожа от страха, как бы не рассердить его, Нелл запела песенку, выученную когда-то давно, в более счастливые времена, и так угодила ею своему слушателю, что он столь же повелительным тоном потребовал другую, да к тому же подхватил припев, искупая незнание слов и мотива необыкновенной мощью голоса. Эти оглушительные рулады разбудили его товарища, он, пошатываясь, вышел на палубу и, пожав своему недавнему противнику руку, торжественно заявил, что пение для него величайшая радость, услада и утеха в жизни и что более приятное занятие трудно себе представить. От третьей просьбы, вернее, уже не просьбы, а требования, Нелл тоже не могла отказаться; на этот раз припев подхватил и верховой. Не имея возможности участвовать в ночном кутеже своих приятелей, он ревел теперь во всю глотку за компанию с ними. Усталая, измученная девочка развлекала их всю ночь напролет, без конца повторяя все те же песни, и не один фермер беспокойно вздрагивал во сне и забирался с головой под одеяло, чтобы не слышать этого дикого нестройного хора, который доносил до него ветер.

Наконец наступило утро. Но лишь только стало светать, хлынул дождь. Так как Нелл не могла выносить смрада, стоявшего в каюте, барочники, в благодарность за ее труды, дали ей парусину и кусок брезента, и они со стариком укрылись ими от дождевых струй. Дождь лил все сильнее и сильнее и к полудню так припустил, что конца ему не предвиделось.

Между тем они приближались к месту назначения барки. Вода в канале становилась все мутнее и грязнее, навстречу им то и дело попадались другие суда; черные от шлака дороги и кирпичные строения свидетельствовали о близости большого промышленного города, а беспорядочно разбросанные дома указывали на то, что предместья его начинаются уже здесь. И вот наконец множество крыш, фабрики, сотрясаемые оглушительным гулом и рокотом машин, высокие трубы, клубы черного дыма, который зловонным облаком сгущался над домами и затемнял воздух, стук молотов о наковальни, уличный шум и говор толпы, сливающиеся воедино,— все это возвестило странникам, что путешествие их окончено.

Барка подошла к пристани. Команда ее тотчас же принялась за работу. Старик и девочка хотели поблагодарить своих новых знакомцев, а заодно расспросить дорогу к городу, но, так и не дождавшись их, вышли грязным переулком на людную улицу и стали там под проливным дождем, растерянные, испуганные, всему чуждые, словно они жили тысячу лет назад и теперь, воскреснув из мертвых, как по волшебству перенеслись сюда, в этот шум, гул и грохот.

ГЛАВА XLIV

Пешеходы безостановочно шли по тротуарам двумя неистощимыми встречными потоками и, поглощенные каждый сам собой, размышляли о своих делах, не обращая внимания ни на подводы и фургоны, громыхающие железной кладью, ни на цоканье подков по скользкому мокрому булыжнику, ни на шум дождя, барабанящего в оконные стекла и по зонтикам, ни на бесцеремонные толчки, ни на гул и грохот людной улицы в самые горячие часы дня. А двое бедных странников, ошеломленные этой лихорадочной суетой, чувствовали свою полную непричастность к ней и, растерянно, тоскливо глядя на людские толпы, томились таким одиночеством, которое можно сравнить лишь с жаждой потерпевшего крушение моряка, когда он, подхваченный могучим океанским валом, поводит воспаленными глазами, почти ослепшими от блеска окружающей его со всех сторон воды, и тщетно мечтает о капле влаги, чтобы освежить запекшиеся губы.

Они спрятались от дождя под низкой аркой ворот и, стоя там, всматривались в лица, мелькавшие мимо, в надежде пой-

мать хоть на одном из них проблеск сочувствия и внимания к себе. Прохожие кто хмурился, кто улыбался и бормотал что-то, кто жестикулировал на ходу, точно готовясь к предстоящему важному свиданию; у некоторых на лице так и было написано: пройдоха,— другие смотрели нетерпеливо, озабоченно или вяло и тупо; вот этому, видать, сильно повезло, а у того сорвалось, не выгорело. Незаметно приглядываться к этим людям со стороны было все равно, что выслушивать от них самые сокровенные признания. В тех местах, где царит оживление и суета, где каждый занят своим делом и с уверенностью может сказать то же самое о других, характер и мысли человека ясно проступают в его чертах. Но там, где просто гуляют, куда приходят людей посмотреть и себя показать, на лицах мелькает одно и то же выражение, меняющееся лишь в оттенках. В деловые, будничные часы человеческое лицо правдивее; и эта правда не нуждается в словах, она говорит сама за себя.

Занятая такими наблюдениями, которым особенно способствует чувство одиночества, девочка продолжала с интересом всматриваться в прохожих, временами совершенно забывая о своих горестях. Но дождь, холод, голод и желание хоть где-нибудь приклонить отяжелевшую от усталости голову скоро вернули ее к прежним мыслям. Никто из этих людей не замечал их, обратиться ей было не к кому. Подождав еще немного, они вышли из своего убежища и смешались с толпой.

Наступил вечер. Старик и девочка по-прежнему бродили по уже пустеющим улицам, угнетаемые все тем же чувством одиночества и сознанием, что они никому не нужны здесь. Фонари и освещенные окна лавок только усиливали эту тоску бесприютности, ускоряя приход ночи и темноты. Дрожа от сырости и холода, девочка изнывала и телом и душой, и ей нужно было все ее мужество, вся твердость духа лишь для того, чтобы устоять на ногах.

Зачем они пришли в этот шумный город с его мерзкой житейской борьбой, когда есть столько тихих мирных мест, где даже голод и жажда были бы не так мучительны! Они песчинки здесь, затерявшиеся в океане человеческого горя и нищеты, зрелище которых заставляло их еще сильнее чувствовать свое отчаяние и свои муки.

В придачу ко всем бедам Нелл приходилось теперь сносить и попреки деда, начинавшего роптать, что его заставили покинуть надежное пристанище, и звавшего ее вернуться назад. Денег у них не осталось, надежды на помощь не было никакой, и они пошли по опустевшим улицам к реке, думая разыскать барочников и попроситься к ним на ночлег. Но и тут их постигло разочарование — ворота пристани были уже на запоре, и яростный лай собак заставил их повернуть обратно.

— Придется спать на улице, дедушка,— чуть слышно проговорила Нелл, когда и эта надежда рухнула.— А завтра бу-

дем просить милостыню, доберемся с тобой до какого-нибудь тихого местечка и там поищем работу.

— Зачем ты завела меня сюда! — гневно воскликнул старик.— Мне душно на этих нескончаемых улицах! Там, в тиши, было лучше. Зачем ты заставила меня уйти оттуда!

— Затем, чтобы тот сон больше не повторился,— твердым голосом ответила девочка и тут же расплакалась.— Нам надо жить среди бедняков, не то он опять приснится мне. Дедушка, милый, я знаю, ты старенький, слабый, но посмотри на меня! Ведь мне тоже не легко, а разве я позволю себе хоть слово жалобы, если ты будешь терпеть все молча!

— Бедная моя, бездомная сиротка! — Старик сжал руки, словно впервые увидев перед собой измученное лицо внучки, ее забрызганное грязью платье, опухшие от ходьбы ноги.— Вот до чего я довел тебя! Неужели все мои старания тщетны? Неужели я понапрасну лишился прежнего счастья и всего, что у меня было?

— Если бы мы очутились сейчас где-нибудь за городом, далеко отсюда,— с притворной веселостью заговорила Нелл, когда они снова побрели по улицам, высматривая себе пристанище на ночь,— я уложила бы тебя под каким-нибудь высоким старым деревом, и оно ласково раскинуло бы над нами свои зеленые ветви и покачивалось и шелестело бы листвой, будто уговаривая нас уснуть, пока оно будет сторожить наш сон и являться нам в сновидениях! Боже! Пусть это сбудется завтра... Ну, хоть послезавтра! А сейчас, дедушка, не жалей, что я привела тебя сюда. В этой толпе, в сутолоке мы скорее затеряемся, и если жестокие люди вздумают разыскивать нас, они не найдут наших следов. Мы с тобой должны радоваться этому. Смотри! Вот арка — там, правда, темно, но сухо и ветром не продует... Кто это?

Приглушенно вскрикнув, Нелл отпрянула от человека, который вдруг выступил из-под темной арки ворот, где они хотели спрятаться, и остановился, вглядываясь в них.

— Чей это голос? — послышался вопрос.— Кто-нибудь знакомый?

— Нет, — робко ответила девочка. — Мы совсем чужие в этом городе и хотели отдохнуть тут, потому что у нас нет денег на ночлег.

Неподалеку горел тусклый фонарь — единственный здесь, но его было достаточно, чтобы осветить маленький квадратный дворик. Человек знаком подозвал туда старика и девочку и сам стал в полосе света, как бы давая этим понять, что ему незачем прятаться, что у него нет ничего плохого в мыслях.

Одежда на нем была убогая, разводы копоти подчеркивали бледность его лица, но он, вероятно, никогда не мог похвалиться здоровьем, судя по обтянутым скулам, заострившемуся носу, глубоко запавшим глазам и особенно по взгляду этих

глаз — спокойному, терпеливому. В его резком голосе не слышалось грубых ноток, а в выражении сурового лица, обрамленного длинными черными волосами, не было ни жестокости, ни злобы.

— Почему же вам вздумалось ночевать именно здесь? — спросил он и добавил, пристально посмотрев на девочку: — Вернее, почему вы так поздно спохватились о ночлеге?

— Несчастья преследуют нас,— ответил старик.

— А разве вы не знаете,— продолжал незнакомец, еще внимательнее приглядевшись к Нелл,— что она промокла до нитки? Ей нельзя оставаться на улице под дождем.

— Знаю! Видит бог, знаю! Но что мне делать!

Незнакомец снова посмотрел на девочку и осторожно коснулся ее платья, с которого струйками сбегала вода.— Я могу предложить вам ночлег,— сказал он после минутного молчания.— Там тепло, но больше ни на что не рассчитывайте. Сам я живу здесь,— он показал в глубь двора,— но там, куда я вас поведу, девочке будет и спокойнее и удобнее. Правда, место не бог весть какое уютное, но если вы доверитесь мне, то проведете ночь у огня. Видите красный свет вон в той стороне?

Они подняли глаза и увидели мрачное зарево на темном небе — отсвет полыхающего где-то пламени.

— Это недалеко. Ну, как, пойдете? Вы собирались спать на холодных камнях, а я предлагаю вам постель из теплой золы — и только.

Не дожидаясь другого ответа, кроме того, который можно было прочитать в их глазах, он взял Нелли на руки и кивком головы пригласил старика следовать за собой.

Неся ее легко и бережно, точно маленького ребенка, незнакомец свернул в самую бедную и неприглядную часть города и твердой поступью пошел по улице, не замечая ни переполненных канав, ни дождевых потоков, хлеставших из водосточных труб. Минут двадцать они молча шли темными узкими переулками и уже потеряли из виду отблески багрового пламени, как вдруг оно снова вспыхнуло перед ними, вырвавшись из высокой трубы какого-то здания.

— Ну вот, добрались,— сказал незнакомец, спуская Нелли с рук.— Не бойтесь. Здесь вас никто не обидит.

Нужно было слепо довериться ему, чтобы войти в эту дверь, а то, что они увидели за ней, нисколько не уменьшило их опасений и страха. В огромном высоком корпусе с чернеющими под потолком проемами для притока воздуха, с железными столбами, поддерживающими крышу, стоял оглушительный стук молотов, рев горнов, шипенье в воде раскаленного металла и множество других страшных, непонятных звуков, которые нельзя было бы услышать ни в каком другом месте. И в этом аду, еле различимые среди дыма и вспышек нестерпимо жаркого огня, словно великаны с гигантскими кувалдами в руках, одного

неверного удара которых было бы достаточно, чтобы размозжить какому-нибудь неосторожному голову, работали люди. Другие, лежа навзничь, лицом к зияющему черному своду, спали или просто отдыхали на кучах углей и золы. Третьи распахивали раскаленные добела дверцы горнов и бросали туда топливо, а огонь с гулом вырывался наружу и пожирал его, точно масло. Четвертые сбрасывали на земляной пол листы громыхающий стали, которые распространяли вокруг невыносимый жар и светились тем багровым светом, что мерцает в глазах дикого зверя.

Мимо этих страшных сцен, сквозь этот оглушительный грохот незнакомец провел старика и девочку в темный угол, где печь топилась круглые сутки,— во всяком случае, так они поняли по движению его губ, ибо самих слов разобрать не могли. Человек, который следил за ней и работа которого на сегодня закончилась, с радостью покинул свое место, а их новый друг разостлал плащ Нелли на куче золы, показал ей, где высушить платье, и посоветовал им обоим ложиться спать. Сам же он сел на истрепанную подстилку у печи и, подперев подбородок ладонями, устремил глаза на пламя, игравшее в щелях дверцы, и на белую золу, сыпавшуюся вниз, в свою раскаленную могилу.

Несмотря на убогое, жесткое ложе, тепло и усталость приглушили в сознании девочки немолчный шум, стоявший вокруг, и вскоре убаюкали ее. Старик лег рядом с ней, и, обняв его за шею, она уснула.

Было еще совсем темно, когда она открыла глаза, не зная, долго ли, коротко ли продолжалось это сонное забытье. Кто-то прикрыл ее рабочей курткой от холодного ветра, врывавшегося сюда с улицы, и от палящего жара печи. Их новый друг сидел в той же позе, устремив застывший взгляд на огонь,— сидел совсем тихо, будто и не дыша. Еще не очнувшись как следует, она долго глядела на эту неподвижную фигуру и наконец, испугавшись, не умер ли он, встала, нагнулась к самому его уху и негромко окликнула его.

Он выпрямился и, точно не веря самому себе, перевел удивленный взгляд с лица девочки на кучу золы, где она только что лежала, потом снова посмотрел на нее.

— Я испугалась, не заболели ли вы,— сказала Нелл.— Ваши товарищи ни минуты не постоят на месте, а вы все сидите и сидите.

— Они знают мои привычки,— ответил он,— и не трогают меня. Иной раз только посмеются, но беззлобно. Вот кто мой друг — видишь?

— Огонь? — спросила Нелл.

— Да. Я его как себя помню,— последовал ответ.— Мы с ним беседуем все ночи напролет, и думы у нас одни и те же.

Девочка бросила на него недоумевающий взгляд, но он отвернулся, уйдя в свои мысли, а потом начал снова:

— Это моя книга — единственная, которую я научился читать. И сколько всего она рассказала мне! Это музыка, я узнаю ее голос среди тысячи других, и поет он всегда по-разному. А если бы ты знала, сколько картин, сколько лиц, сколько видений мелькает передо мной среди раскаленных углей! Огонь все равно что моя память,— я гляжу на него и вижу всю свою жизнь.

Наклонившись к своему новому другу, девочка заметила, как заблестели у него глаза, как оживилось лицо, а он продолжал с легкой усмешкой:

— Да! Я еще ребенком ползал здесь и спал здесь. В те времена за ним, за огнем, присматривал мой отец.

— А матери у вас тогда не было? — спросила Нелл.

— Нет, ее давно схоронили. Женщинам трудно в наших местах. Она не вынесла непосильной работы и умерла. Я узнал об этом позднее, от чужих людей, а с тех пор и огонь твердит мне то же самое. Должно быть, так оно и было. Я ему верю.

— Вы здесь и росли? — спросила девочка.

— Да, зиму за зимой, лето за летом. Сначала отец держал меня при себе тайком, а потом об этом узнали — и все-таки позволили мне остаться. И огонь — вот этот самый огонь был моей нянькой. Он никогда не угасает — горит и горит.

— Вы любите его?

— Как же мне его не любить! Перед этой печью умер мой отец. Упал у меня на глазах — вот тут, где теперь тлеет зола... И помню, я думал, почему же огонь не поможет ему?

— И с тех пор вы все время при нем?

— Да, с тех пор, как сам стал за ним присматривать. Было время — тяжелое, суровое для меня время,— когда мы с ним расстались, но он не потухал эти годы. Потом я снова пришел сюда, а он по-прежнему гудел и скакал из стороны в сторону, как в те дни, когда у нас с ним были общие игры. Ты, верно, догадываешься, какое у меня выдалось детство. И все-таки, хоть мы с тобой совсем разные, я тоже был ребенком, и когда ты встретилась мне на улице ночью, я вспомнил себя после смерти отца и решил привести вас сюда, к своему старому другу — огню. А потом увидел, как ты уснула возле него, и задумался над прошлым. Ложись, тебе надо выспаться. Ложись, бедняжка, ложись.

С этими словами он подвел Нелл к ее грубому ложу, укрыл той же одеждой, которую она увидела на себе, проснувшись, снова вернулся на прежнее место и снова замер, как статуя, нарушая свою неподвижность лишь для того, чтобы подбросить угля в топку. Девочка смотрела и смотрела на него, но потом поддалась одолевающей ее дремоте и заснула на куче золы под

этими мрачными темными сводами так же сладко, как спят в дворцовых покоях на мягких пуховых перинах.

Когда она снова открыла глаза, проемы под потолком уже посветлели, но в косых лучах солнца, освещающих только верхнюю часть стен, все вокруг казалось еще сумрачнее, чем ночью. Лязг и грохот оглушали по-прежнему, и горны все так же пылали безжалостным огнем, ибо здесь мало что менялось со сменой дня и ночи.

Их новый друг поделил с ними свой скудный завтрак — котелок мутного кофе и ломоть черствого хлеба — и спросил, куда они пойдут дальше. Девочка ответила, что им хотелось бы уйти куда-нибудь, где нет городов и даже больших деревень, и робко спросила у него дорогу в эти места.

— Мне почти не случается бывать за городом,— сказал он, покачивая головой.— Ведь такие, как я, проводят всю свою жизнь перед дверцами горнов и редко вырываются подышать свежим воздухом. Но хорошие, тихие места где-то есть, я знаю.

— А они далеко отсюда?

— Далеко, очень далеко. Да разве деревья и трава могут расти и зеленеть близко от города? Дорога туда идет мимо таких же огней, как наши, и тянется она на много, много миль... Мрачная, черная дорога, тебе страшно будет идти по ней ночью.

— Все равно мы уйдем отсюда!— смело сказала Нелл, видя, что дед с тревогой прислушивается к их разговору.

— Народ в наших местах грубый, путь впереди трудный, безрадостный, он не создан для твоих слабых ножек. Неужели вам нельзя вернуться, дитя мое?

— Нет, нельзя!— воскликнула Нелл, невольно шагнув вперед.— Если вы можете помочь — помогите. Если же нет, не пытайтесь отговаривать меня. Вы не знаете, какая нам грозит опасность и как хорошо мы делаем, что бежим от нее, а если бы знали, то не решились бы удерживать нас.

— Не буду, не буду, боже меня избави! — сказал их странный покровитель, глядя то на нее, то на старика, который стоял, понуря голову и не поднимая глаз от земли.— Я объясню тебе дорогу, как сумею, а больше, увы, ничем не могу вам помочь.

Он начал рассказывать, как им выбраться из города, как идти дальше, и пустился в такие подробные объяснения, что девочка горячо прошептала: «Да благословит вас бог»,—и поспешила оставить его.

Но не успели они дойти до угла, как он догнал их и сунул ей что-то в руку. Это были две стертые, закопченные монеты, по пенсу каждая. И кто знает, может быть, на взгляд ангелов они блестели так же ярко, как те драгоценные дары, о которых горделиво повествуют эпитафии на могилах!

На углу они расстались. Девочка взяла за руку своего бесценного питомца и повела его за собой, уводя от позора и преступления, а кочегар вернулся назад читать новые повести в огне, который стал теперь ему еще дороже, после того как эти нежданные гости провели возле него одну короткую ночь.

ГЛАВА XLV

За время своих странствий старик и девочка еще никогда так не тосковали по свежему воздуху, никогда так не стремились, не рвались на волю, на простор открытых лугов и полей, как теперь. Даже в то памятное утро, когда, покинув свой старый дом, они оставили в нем немые, бесчувственные, но любимые вещи и вышли в незнакомый мир, полагаясь только на его милость,— даже и в тот день их не тянуло в безмолвие лесов, холмов и полей так, как теперь, когда шум, грязь и смрад большого промышленного города, полного чахлой нужды и голодного отчаяния, преграждали им путь на каждом шагу и отнимали последнюю надежду на спасение.

«Он сказал: два дня и две ночи, — думала девочка. — Два дня и две ночи идти нам этими страшными местами! Ах! Если они останутся позади и мы выйдем отсюда живыми только для того, чтобы упасть на землю и умереть, как я буду благодарна господу за его милосердие!»

Подбадривая себя такими мыслями и неясной надеждой, что они доберутся туда, где есть реки и горы, и, свободные от тех ужасов, которые заставили их скрыться бегством, будут жить среди простого, бедного люда, снискивая пропитание работой на фермах, Нелл призвала на помощь все свои силы и смело преодолевала этот нелегкий путь. А в кошельке у нее лежали только две монеты — подарок бедняка кочегара, и полагаться она могла только на собственное мужество и на чувство чести и собственной правоты.

— Сегодня мы пойдем потихоньку, дедушка,— сказала она, с трудом шагая по улице.— У меня болят ноги и ломота во всем теле после вчерашнего дождя. Наш друг, верно, этого и боялся, когда предупреждал нас, что идти придется долго.

— Он показал нам самую трудную дорогу,— жалобно простонал старик.— Неужели она единственная? Поищем лучше какую-нибудь другую!

— Эта дорога приведет нас туда,— твердо сказала девочка,— где можно будет жить спокойно, не боясь никаких искушений. Мы с тобой не свернем с нее, даже если она будет все страшнее и страшнее... Ведь правда, дедушка, правда?

— Правда,— ответил старик, но во взгляде его и в голосе не чувствовалось уверенности.— Ну что ж, идем, Нелл, идем.

Девочка старалась не показывать деду с каким трудом она двигается, а между тем мучительная боль сковывала ей все

тело, увеличиваясь с каждым шагом. Старик не слышал от нее ни слова жалобы, не мог подметить ни одного взгляда, который говорил бы о страданиях, и хотя они шли медленно, все же через некоторое время город остался позади, и у них появилась уверенность, что какая-то часть пути пройдена.

Миновав красные кирпичные дома с клочками огородов, где угольная пыль и дым из фабричных труб темным слоем оседали на вялой листве и на бурьяне, где новые побеги, с трудом пробившись на волю, засыхали и никли под горячим дыханием печей и горнов, которые здесь, среди этой жалкой растительности, казались еще страшнее, еще больше грозили гибелью, чем в самом городе, — миновав растянувшееся в длину и словно припавшее к земле предместье, старик и девочка увидели перед собой еще более мрачные места, где не росло ни травинки, где даже весна не могла бы порадовать глаз распустившейся почкой, где зелень виднелась только на поверхности стоячих луж, пересыхающих на солнце вдоль черной дороги.

Шагая все дальше и дальше по этой безрадостной равнине, они чувствовали, как ее темная тень гнетет их, тоской ложась им на душу. По обеим сторонам дороги и до затянутого мглой горизонта фабричные трубы, теснившиеся одна к другой в том удручающем однообразии, которое так пугает нас в тяжелых снах, извергали в небо клубы смрадного дыма, затемняли божий свет и отравляли воздух этих печальных мест. Справа и слева, еле прикрытые сбитыми наспех досками или полусгнившим навесом, какие-то странные машины вертелись и корчились среди куч золы, будто живые существа под пыткой, лязгали цепями, сотрясали землю своими судорогами и время от времени пронзительно вскрикивали, словно не стерпев муки. Кое-где попадались закопченные, вросшие в землю лачуги — без крыш, с выбитыми стеклами, подпертые со всех сторон досками с соседних развалин и все-таки служившие людям жильем. Мужчины, женщины и дети, жалкие, одетые в отрепья, работали около машин, подкидывали уголь в их топки, просили милостыню на дороге или же хмуро озирались по сторонам, стоя на пороге своих жилищ, лишенных даже дверей. А за лачугами снова появлялись машины, не уступавшие яростью дикому зверю, и снова начинался скрежет и вихрь движения, а впереди нескончаемой вереницей высились кирпичные трубы, которые все так же изрыгали черный дым, губя все живое, заслоняя солнце и плотной темной тучей окутывая этот кромешный ад.

А какая страшная была здесь ночь! Ночь, когда дым превращался в пламя, когда каждая труба полыхала огнем, а проемы дверей, зияющие весь день чернотой, озарялись багровым светом, и в их пышущей жаром пасти метались призраки, сиплыми голосами перекликавшиеся друг с другом. Ночь, когда

темнота удесятеряла грохот машин, когда люди около них казались еще страшнее, еще одержимее; когда толпы безработных маршировали по дорогам или при свете факелов теснились вокруг своих главарей, а те вели суровый рассказ о всех несправедливостях, причиненных трудовому народу, и исторгали из уст своих слушателей яростные крики и угрозы; когда доведенные до отчаяния люди, вооружившись дубинками и горящими головешками и не внимая слезам и мольбам женщин, старавшихся удержать их, шли на месть и разрушение, неся гибель прежде всего самим себе. Ночь, когда по дорогам тянулись телеги с убогими гробами (ибо повальные болезни пожинали здесь обильную жатву); когда их провожал плач сирот и вопли вдов, обезумевших от горя; ночь, когда одни просили на хлеб, другие на вино, чтобы утопить в нем заботы, и кто в слезах, кто еле волоча ноги, кто с налитыми кровью глазами разбредались по домам. Ночь, отличная от той ночи, которую посылают на землю небеса, не приносила с собой ни покоя, ни тишины, ни благословенных сновидений,— кому ведомо, какими ужасами была она полна для несчастной бездомной девочки!

И все-таки Нелл легла отдохнуть под открытым небом и, уже не тревожась за себя, стала молиться о несчастном старике. Она чувствовала такое изнеможение, такую слабость и вместе с тем, покорившись судьбе, такое спокойствие, что не могла больше думать о своих невзгодах и просила бога только об одном — чтобы нашелся друг, который позаботился бы о ее деде. Ей хотелось припомнить пройденный ими путь и определить, в какой стороне горит огонь, согревший их минувшей ночью. Она не спросила, как зовут того доброго человека, и, поминая теперь его в своих молитвах, хотела обратить к нему благодарный взор хотя бы издали.

За весь этот день они съели только небольшой хлебец ценой в пенни, но странное безразличие, охватившее Нелл, заставило ее забыть даже о голоде. Она тихонько опустилась на землю и с легкой улыбкой на губах задремала. Это было скорее полузабытье, чем сон,— но почему же тогда вся ночь прошла для нее в приятных сновидениях о маленьком школьнике?

Наступило утро. Слабость у девочки усилилась и даже зрение и слух притупились, но она не жаловалась и, вероятно, не вымолвила бы ни единого слова жалобы, даже если б у нее не было спутника, ради которого следовало молчать. Она уже не надеялась выбраться с дедом из этих гиблых мест и, сознавая, что тяжело больна и, может быть, умирает, не испытывала ни тревоги, ни страха.

Вид пищи стал теперь вызывать в ней отвращение. Она убедилась в этом, когда, купив хлеба на последние деньги, не смогла проглотить ни куска. Старик ел с жадностью, и это радовало ее.

Их путь лежал все такими же местами, он не стал ни разнообразнее, ни лучше. Такой же тяжелый, удушливый воздух, такая же нищета и убожество повсюду.

Все виделось теперь девочке словно сквозь туман, шум меньше резал ей слух, дорога сделалась неровной, трудной, и она то и дело спотыкалась и приходила в себя лишь в тот миг, когда удерживалась последним усилием воли, чтобы не упасть. Бедняжка! У нее подкашивались ноги,—дорога тут была ни при чем.

Утром старик стал горько жаловаться на голод. Девочка подошла к одной из придорожных лачуг и постучалась в дверь.

— Что вам нужно?—спросил худой, изможденный человек, вышедший на ее стук.

— Милостыни... кусок хлеба.

— А вот это видите?— сиплым голосом крикнул он, показывая на кучу тряпья на полу. — Это мертвый ребенок. Три месяца тому назад нас, пятьсот человек, выгнали с работы. Это мой последний ребенок, а он третий по счету. И вы думаете, что я могу подавать милостыню, могу уделить другим кусок хлеба?

Девочка отпрянула от него, и дверь тут же захлопнулась. Тогда она постучала в соседнюю лачугу; там дверь была не заперта и легко подалась под ее рукой.

В этой лачуге, по-видимому, жили две семьи, так как две женщины, каждая с ребятами, ютились по разным половинам комнаты. Посреди нее держа за руку мальчика, стоял важный джентльмен в черном; судя по всему, он только что вошел сюда.

— Вот, любезнейшая,— говорил джентльмен.— Привел вам вашего глухонемого сына. Будьте благодарны мне за это. Он обвиняется в воровстве. Всякому другому мальчишке пришлось бы худо за такие дела, но вашего я пожалел и решил вернуть его в семью, потому что он глухонемой и ничего не смыслит. Советую вам на будущее следить за ним получше.

— А *моего* сына вы мне вернете? — сказала вдруг вторая женщина, выбегая из своего угла и останавливаясь перед джентльменом.— Что ж вы не вернете мне *моего* сына, ведь он сделал то же самое, а вы отправили его на каторгу.

— Разве и ваш сын глухонемой? — строго спросил джентльмен.

— А разве нет, сэр?

— Вы знаете, что это неправда.

— Нет, правда! — крикнула женщина.— Он с самой колыбели был глух, нем и слеп ко всему доброму, светлому. Вы говорите, ее сын ничего не смыслит! А мой что смыслил? Кто учил его добру? И где этому учат?

— Тише, тише! — прервал ее джентльмен.— Ваш сын владеет всеми своими чувствами.

— Правильно! Но ведь такого легче сбить с пути. Этого мальчика вам жалко, потому что он ничего не смыслит, так спасите и моего, ведь его тоже никто не учил различать, что хорошо, что плохо. Вы, джентльмены, так же не вправе наказывать ее сына, которого господь лишил слуха и языка, как моего,— ведь он по вашей же вине лишен всякого разумения! Сколько к вам приводят юношей, девушек — и даже взрослых мужчин и женщин, у которых и ум и сердце немые и которые творят зло по своему невежеству и терпят кару за свое невежество, а вы спорите между собой, следует или не следует их учить! Будьте справедливы, сэр, и верните мне моего сына!

— Вы совсем потеряли голову,—сказал джентльмен, вынимая из кармана табакерку.— И мне вас жаль.

— Да, я потеряла голову! — воскликнула женщина.— А кто во всем виноват — вы! Верните мне моего сына, пусть он кормит вот этих несчастных малюток. Будьте справедливы, сэр! Ведь вы сжалились над ее мальчиком, верните же мне моего!

Из всего виденного и слышанного Нелл поняла, что здесь не место просить подаяния. Она незаметно отвела старика от дверей этой лачуги, и они снова пустились в путь.

Надежды и силы оставляли девочку, но, твердо решив ни словом, ни жестом не показывать этого, пока ноги держат ее, она весь остаток этого дня медленно шагала рядом со стариком и, чтобы хоть сколько-нибудь наверстать время, старалась как можно реже останавливаться на отдых. Было еще светло, хотя вечер уже приближался, когда та же унылая дорога привела их к шумному городу.

Бедным странникам, измученным и совсем павшим духом, его улицы показались невыносимыми. Робко попросив милостыни у одной, другой двери и получив отказ, они решили как можно скорее выбраться отсюда, в надежде, что в каком-нибудь одиноком загородном коттедже их пожалеют.

Им оставалось пройти еще одну улицу, а девочка уже чувствовала близость той минуты, когда силы изменят ей. Но вот впереди показался путник с котомкой за плечами; он шел в том же направлении, что и они, опираясь на толстую палку и держа в другой руке открытую книгу.

Прежде чем взмолиться о помощи, надо было догнать его, а он шагал быстро. И вдруг он остановился, вчитываясь в какое-то место в книге. Луч надежды вспыхнул в душе девочки, она метнулась вперед, оставив деда, неслышными шагами подбежала к незнакомцу и успела пролепетать несколько слов. Он повернулся к ней, она всплеснула руками, отчаянно вскрикнула и без чувств упала к его ногам.

Это был учитель. Не кто иной, как бедный учитель. Взволнованный и потрясенный такой неожиданной встречей не меньше самой девочки, он растерянно молчал и не догадался даже поднять ее с земли.

Но спустя минуту самообладание вернулось к нему; отбросив в сторону палку и книгу, он опустился на одно колено и стал приводить Нелл в чувство как умел, а старик только беспомощно ломал руки и словами, полными любви, взывал к ней, умоляя произнести хоть слово.

— Ваша внучка потеряла последние силы,— сказал учитель, искоса посмотрев на старика.— Вы измучили ее, друг мой.

— Она ослабела от голода,— простонал он.— Я только теперь вижу, что она совсем больна.

Бросив на него не то укоризненный, не то сочувственный взгляд, учитель поднял девочку на руки, велел старику взять ее корзинку и следовать за ним и быстро зашагал по дороге.

Недалеко от этого места стояла маленькая гостиница, в которую учитель, вероятно, и шел, когда его так неожиданно задержали. Туда он и поспешил теперь со своей бесчувственной ношей и, вбежав прямо на кухню со словами: «Посторонитесь, ради бога!», опустил ее в кресло перед очагом.

При появлении учителя все, кто был там, в испуге вскочили с мест и стали вести себя так, как принято в подобных случаях. Каждый советовал свое излюбленное средство, и никому не приходило в голову принести его; каждый кричал: «Воздуха! Больше воздуха!» — и в то же время ни на шаг не отступал от предмета своих попечений, лишая его возможности дышать, и все они, как один, дружно негодовали, почему другие не делают того, что любой из них мог бы прекрасно сделать сам.

Впрочем, хозяйка — женщина более толковая и расторопная — сразу же рассудила, как тут надо поступить, и вскоре прибежала с рюмкой коньяку, разбавленного горячей водой, да еще в сопровождении служанки, несшей уксус, нашатырный спирт и прочие подкрепляющие средства, которые, будучи должным образом применены, оказали такое действие на девочку, что спустя несколько минут она могла уже поблагодарить всех чуть слышным голосом и протянуть руку взволнованному учителю. Не позволив больной вымолвить больше ни слова, ни даже пошевельнуть пальцем, женщины перенесли ее на кровать, тепло укрыли, вымыли ей ноги горячей водой, закутали их фланелью и послали за лекарем.

Лекарь, красноносый джентльмен с целой связкой печаток, болтавшихся чуть пониже его черного репсового жилета, прибыл незамедлительно, подсел к бедной Нелл и, вынув из кар-

мана часы, пощупал ей пульс. Потом он посмотрел ей язык и снова пощупал пульс, устремив задумчиво-рассеянный взгляд на рюмку с недопитым коньяком.

— Не мешало бы,— заговорил наконец этот джентльмен,— давать больной время от времени по ложечке разбавленного подогретого коньяка.

— Да мы так и сделали, сэр! — радостно воскликнула хозяйка.

— Не мешало бы также,— продолжал лекарь, вспомнив про таз с водой, стоявший на лестнице,— не мешало бы также,— повторил он тоном оракула,— сделать горячую ванну для ног и обернуть их фланелью. Кроме того (еще более торжественным голосом), на ужин рекомендую что-нибудь легкое... например, куриное крылышко.

— Господи боже мой! Да курица-то на огне стоит, сэр! — воскликнула хозяйка. Так оно и было на самом деле, ибо заказал курицу учитель, и она уже успела немного подрумяниться, следовательно, лекарь мог учуять несшиеся из кухни ароматы, и, по всей вероятности, учуял.

— Кроме того,— сказал он, с важной медлительностью поднимаясь со стула,— дайте ей стаканчик глинтвейна, если она любит вино...

— С сухариком, сэр,— ввернула хозяйка.

— Да,— величественно согласился он, — с сухариком... с сухариком из булки. Обязательно из булки, сударыня.

Лекарь отдал последнее наставление не спеша, чрезвычайно напыщенным тоном и удалился, приведя обитателей гостиницы в восторг своей мудростью, точка в точку совпадающей с их собственной. Все в один голос говорили, что он очень знающий лекарь и прекрасно понимает человеческую натуру, и это, повидимому, не так уж расходилось с истиной.

Пока на кухне стряпали, Нелл заснула крепким, бодрящим сном, и ее пришлось разбудить к ужину. Так как она сразу же заволновалась, узнав, что дед остался внизу, и встревожилась разлукой с ним, ему подали поесть с ней вместе. Но беспокойство не оставляло девочку, и видя это, хозяйка велела постелить старику в смежной комнате, куда он и ушел вскоре после ужина. Ключ от нее оказался, по счастью, с наружной стороны; как только хозяйка вышла, Нелл повернула его в замке и со спокойным сердцем снова легла в постель.

Учитель еще долго курил трубку у очага в опустевшей кухне, с довольной улыбкой раздумывая о том, как судьба привела его на помощь девочке, и в то же время по мере сил стараясь отделаться от любопытной хозяйки, которая приставала к нему с расспросами о Нелли. Учитель был человек простодушный, не искушенный ни в хитростях, ни в притворстве, и хозяйка достигла бы своей цели в первые же пять минут, да только он ничего не мог рассказать ей, в чем признался с

полной откровенностью. Не удовлетворившись таким признанием и сочтя это ловкой увerткой, хозяйка заявила, что у него, разумеется, есть причины молчать. Она, мол не собирается совать нос в дела постояльцев — боже упаси! — у нее и своих забот много. Она спросила вежливо и не сомневалась, что ей так же вежливо ответят. Но теперь она вполне, вполне удовлетворена. Правда, лучше бы ему с самого начала сказать, что он не хочет говорить об этом, тогда все сразу стало бы ясно и понятно. Впрочем, она не смеет на него обижаться. Кому лучше судить, о чем можно рассказывать, о чем нельзя? Это его право, и спорить с ним никто не станет. Боже упаси!

— Хозяюшка! Я ничего от вас не утаил,— сказал кроткий учитель.— Клянусь спасением души, это чистая правда!

— Ну если так, то я вам охотно верю! — добродушно воскликнула она.— Вы уж не сердитесь на меня, что я вас донимала. Ведь мы, женщины, все грешим любопытством.

Ее супруг поскреб в затылке, точно признаваясь, что мужчины иной раз грешат тем же, но были ли у него намерения высказать свою мысль вслух, осталось неизвестным, ибо учитель заговорил снова:

— Вы так сердечно отнеслись к этой девочке, что я с удовольствием стал бы отвечать на все ваши вопросы, хоть двадцать часов кряду. Да вот беда — мне самому ничего не известно! Так уж вы, пожалуйста, позаботьтесь о ней завтра утром и дайте мне знать, как она себя чувствует, а о деньгах не беспокойтесь — я заплачу и за себя и за них.

Расставшись самым дружеским образом, чему, вероятно, немало способствовало это последнее заверение, они разошлись спать по своим комнатам.

Наутро учителю доложили, что девочка чувствует себя лучше, но все же очень слаба и требует ухода. Не мешало бы ей пролежать в постели хотя бы еще один день, прежде чем пускаться в дальнейшее путешествие. Выслушав это сообщение совершенно спокойно, учитель сказал, что у него есть в запасе денек — вернее, целых два денька,— стало быть, ему ничего не стоит повременить.

Так как больной к вечеру разрешили подняться, он пообещал навестить ее попозже, а сам отправился погулять, взяв с собой книгу, и вернулся в гостиницу только к назначенному часу.

Когда они остались наедине, Нелл не выдержала и расплакалась; и при виде этих слез, при виде этого бледного личика, этой исхудавшей фигурки простодушный учитель тоже прослезился, но счел нужным заявить самым решительным образом, что плакать глупо и что от слез прекрасно можно удержаться — стоит только захотеть.

— Как мне ни хорошо сейчас, но ведь мы вам в тягость, и меня мучает это,— заговорила наконец девочка.— Чем отбла-

годаришь за такую доброту? Если бы мы не встретились с вами здесь, в чужих местах, я бы умерла и он остался бы один на свете.

— Не надо говорить о смерти,— сказал учитель,— а что до того, в тягость вы мне или не в тягость, так с тех пор, как вы побывали в моем доме, я разбогател.

— Разбогатели? — радостно воскликнула девочка.

— Да, да! — сказал ее друг.— Мне предложили должность причетника и учителя в одной деревне. Она далеко отсюда и, как ты сама догадываешься, далеко от тех мест, где я жил раньше. А знаешь, какое жалованье? Тридцать пять фунтов в год! Тридцать пять фунтов!

— Я так рада за вас! — сказала Нелл.— Так рада!

— И вот теперь я иду туда,— продолжал учитель.—Мне предлагали деньги на проезд — на империале дилижанса. Они готовы на все, ничего не жалеют! Но меня ждут там через несколько дней, спешить некуда, и я решил, дай лучше пройдусь пешком. И как я теперь рад этому!

— А мы-то как должны радоваться!

— Да, да...верно,— пробормотал учитель, беспокойно заерзав на стуле.— Но... но куда вы идете, из каких вы мест, что вы делали с тех пор, как мы расстались, где жили раньше? Расскажи мне все, все. Я плохо знаю жизнь, не гожусь в советчики и, вероятно, мог бы сам многому поучиться у тебя. Но не сомневайся в моей искренности и не забывай, почему я так к тебе привязался. С тех самых пор мне все кажется, будто вся моя любовь к умершему перешла на ту, что стояла у его изголовья. И пусть светлое чувство, возникшее из пепла, осенит меня миром,— прошептал он, поднимая глаза ввысь,— ибо сердце мое полно нежности и жалости к этой девочке.

Неподдельная, безыскусственная доброта учителя, проникновенность, сквозившая в каждом его слове, в каждом движении, его открытый взгляд пробудили в душе Нелл такое доверие к нему, какого он не мог бы добиться никакими уловками, никаким лукавством. Она рассказала своему другу все — что у них нет ни родных, ни близких, что она бежала вместе с дедом в надежде спасти его от сумасшедшего дома и от других бед, а теперь спасает несчастного от самого себя, и что ей хочется только одного: найти пристанище в каком-нибудь тихом, уединенном уголке, куда не проникнет прежнее искушение и где она сама забудет свои недавние печали и горести.

Учитель слушал ее и поражался. «Она же совсем ребенок! — думал он.— Так неужели же этот ребенок преодолевал опасности, страдал, боролся с сомнениями, с нищетой, черпая силы только в любви и чувстве чести? Но разве мало в мире таких героев? Разве я не знаю, что подвиги, повседневные подвиги самых мужественных, самых стойких никогда не заносятся в

земные анналы? И неужели же меня удивит рассказ этого ребенка?»

Что учитель думал и говорил дальше, не так уж важно. В конце концов было решено, что Нелл и старик поедут вместе с ним в ту деревню, где его ждут, и он подыщет им там какую-нибудь скромную работу, чтобы они могли сами прокормить себя.

— Все будет хорошо,— горячо убеждал ее учитель.— Такая цель не может не увенчаться успехом.

В дорогу предполагалось двинуться на следующий день ближе к вечеру, в грузовом фургоне, который должен был менять лошадей в гостинице и мог подвезти их часть пути. Фургон вскоре прибыл, возчик согласился посадить девочку за небольшую мзду, и в положенное время они тронулись со двора, причем учитель и старик шагали рядом с фургоном, Нелл сидела среди мягкой поклажи, а хозяйка и все добрые люди из гостиницы наперебой кричали им вслед, желая доброго пути и всяческого благополучия.

Как же спокойно, приятно и удобно путешествовать так! — лежать в самых недрах медленно движущейся махины, под плотным навесом, мягко глушащим все звуки, и лениво прислушиваться к звону бубенцов, к редким взмахам бича фургонщика, к плавному ходу больших колес, к позвякиванию уздечек, к веселым окрикам встречных всадников, которые гарцуют на семенящих мелкой рысцой лошадках,— прислушиваться и медленно, медленно засыпать. А этот сон, когда ни на минуту не перестаешь чувствовать, что движешься куда-то без всяких усилий, без хлопот, и голова у тебя покачивается на подушке, и все звуки сливаются в дремотную, баюкающую музыку! А постепенное пробуждение, когда вдруг ловишь себя на том, что глядишь сквозь распахнувшийся на ветру полог, прямо в холодное небо с бесчисленными звездами, а потом переводишь взгляд вниз, на фонарь возчика, пляшущий, словно болотный огонек, потом в сторону, на суровые темные деревья, а потом вперед, на пустынную дорогу, которая ползет все выше, выше и наконец упирается в вершину крутого холма, и дальше за ним будто ничего нет, кроме неба. А вдобавок ко всему этому остановки в гостиницах — тебе помогают вылезти из фургона, и ты входишь в комнату, где горят свечи и камин, щуришься на свету, с удовольствием вспоминаешь, как холодно на улице, и, чтобы стало еще уютнее, внушаешь себе, будто ночь гораздо холоднее, чем на самом деле. Что может быть лучше и приятнее такого путешествия в фургоне!

Но вот снова в дорогу — на первых порах во всем теле свежесть, бодрость, а потом веки сами собой начинают слипаться, и вдруг, очнувшись от крепкого сна, слышишь цоканье подков, и мимо, точно комета, пролетает дилижанс с яркими фонарями, с кондуктором, ставшим во весь рост, чтобы размять затекшие

ноги, и джентльменом в меховом картузе, который испуганно открывает глаза и дико озирается по сторонам. Остановка у заставы; сборщик давно спит, к нему стучат, и наконец из чердачного окошка, где еле мерцает огонек, доносится его голос, приглушенный одеялами, и вскоре он спускается вниз, озябший, в ночном колпаке, и поднимает шлагбаум, высказывая искреннее желание, чтобы фургоны появлялись на дорогах только днем. Пронизывающий холодом час между ночью и утром — далекий просвет в небе растет, расползается вширь, из серого становится белым, из белого желтым, из желтого пламенно-красным. Приходит день, веселый, полный жизни,— люди за плугом среди пашен, птицы на деревьях и живой изгороди, мальчишки, распугивающие их трещотками. А вот и город — рынки кишат народом, двор гостиницы уставлен двуколками и шарабанами, торговцы стоят в дверях своих лавок, барышники водят напоказ лошадей по улицам, свиньи с хрюканьем копаются в грязи,— глядишь, какая-нибудь сорвется с привязи и, волоча за собой веревку, лезет в чистенькую аптеку, откуда мальчик-ученик гонит ее метлой; ночной дилижанс меняет упряжку — пассажиры такие страшилища, с трехмесячной щетиной, ухитрившейся вырасти за одну ночь, прозябшие, хмурые, ничем на них не угодишь, а кучер кажется рядом с ними писаным красавцем, такой он приглаженный, чистенький, все на нем с иголочки. Суматоха, беготня, столько всяких неожиданностей! Какое счастье совершить такое восхитительное путешествие в фургоне!

Время от времени Нелл слезала и одну-две мили шла пешком, уступая место деду, а то и учителю, когда ей удавалось уговорить его хоть немножко отдохнуть. Так они добрались до большого города, куда шел фургон, и провели там ночь. Утром учитель вывел их на улицу, где стояла высокая церковь, а за ней тянулись старые дома из плитняка, укрепленные потемневшими балками, пересекающими одна другую, что придавало этим строениям причудливый вид и подчеркивало их древность. Двери везде были низкие, сводчатые, с дубовыми порталами и резными скамьями, на которых обитатели этих домишек когда-то сиживали в летних сумерках. Окна со свинцовым переплетом, выложенным мелкими ромбами, будто подмигивали прохожим, подслеповато щурясь на свету. Путники давно оставили позади дымящие трубы и горны и только в двух-трех местах видели фабрики, которые, точно огнедышащие вулканы, губили все вокруг себя. Пройдя город, они снова очутились среди полей и лугов и начали приближаться к цели своего путешествия.

Однако до нее оставалось еще порядочно, и им пришлось провести вторую ночь в дороге. Правда, особой необходимости в этом не было, но за несколько миль до деревни учитель вдруг забеспокоился и сказал, что новому причетнику не подо-

бает показываться на людях в пыльных сапогах и смявшемся за дорогу платье. И вот наконец ясным осенним утром они подошли к месту, где ему была предложена такая высокая должность, и стали издали любоваться здешними красотами.

— Смотрите, вон церковь! — проговорил вполголоса восхищенный учитель.— И надо полагать, старый дом рядом с ней — это школа. Жить среди такой благодати да еще получать тридцать пять фунтов в год!

Они восторгались всем — замшелой папертью старой церкви, стрельчатыми окнами, древними могильными плитами на зеленом кладбище, ветхой колокольней и даже флюгером; восторгались темными соломенными крышами коттеджей, ферм и надворных построек, которые выглядывали из-за деревьев, речкой, струившейся вдали у водяной мельницы, цепью валлийских гор, синеющих на горизонте. Вот о таком уголке и тосковала девочка в мрачном, убогом логове труда. Засыпая на ложе из золы и видя на своем пути одну нищету, одни ужасы, она не переставала рисовать себе мысленно места, почти такие же прекрасные,— но по мере того как надежда увидеть их покидала ее, эти картины начинали таять, расплываться смутным пятном, и все же, исчезая, они становились ей еще милее, еще желаннее.

— Я с вами расстанусь ненадолго,— сказал наконец учитель, нарушив их благоговейное молчание.— Мне надо отнести письмо, а кстати и расспросить обо всем. Куда же вас отвести? Может, вон в ту маленькую гостиницу?

— Нет, здесь тоже хорошо,— ответила Нелл.— Калитка открыта. Мы подождем вас у церкви.

— Что ж, ты выбрала прекрасное местечко! — С этими словами учитель подошел к паперти, снял с плеч свою котомку и положил ее на каменную скамью.— Ждите меня с хорошими вестями, а я не задержусь.

И, надев пару новеньких перчаток, которые всю дорогу пролежали у него в кармане, завернутые в бумагу, учитель быстро зашагал прочь, взволнованный и довольный.

Девочка смотрела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся за деревьями, а потом пошла бродить по кладбищу — такому торжественному и тихому, что только шорох ее платья по листьям, которые устилали тропинку и скрадывали звуки шагов, нарушал здешнее безмолвие. Кладбище было очень старое, глухое; церковь, построенная много веков назад, вероятно, стояла когда-то возле монастыря, но от него сохранилась только полуразвалившаяся стена с глубокими нишами окон, тогда как остальная часть здания обрушилась, поросла бурьяном и сровнялась с землей, словно тоже требуя погребения и стремясь смешать свой прах с прахом людей. И тут же, по соседству с этой могилой былого, ютилась часть монастыря, когда-то приспособленная под жилье,— два маленьких домика с глубокими ок-

нами и дубовыми дверями, пустые, необитаемые и тоже обреченные на гибель.

Они приковали к себе взгляд девочки. Почему — она и сама не знала. Церковь, развалины, древние могилы имели не меньшее право на внимание путника, впервые попавшего сюда, но Нелл увидела эти домики и уже не могла оторваться от них. Она обошла все кладбище, вернулась обратно, выбрала на паперти такое место, откуда они были видны, и, поджидая своего друга, словно зачарованная, не сводила с них глаз.

ГЛАВА XLVII

Мать Кита и одинокий джентльмен, по следам которых нам необходимо поспешить, чтобы нас не обвинили в непостоянстве и в том, будто мы бросаем своих героев в минуты, полные для них сомнений и неизвестности,— итак, мать Кита и одинокий джентльмен, отъехав в карете четвериком от дверей конторы мистера Уизердена (чему мы сами были свидетелями), скоро оставили город позади и покатили по большой дороге, выбивая искры из булыжника.

Добрейшая женщина, немало смущенная столь неожиданной для нее поездкой и, подобно всякой матери, рисовавшая себе мысленно бог знает какие ужасы,— например, что Джейкоба, а то малыша, а то и обоих кто-нибудь уже успел прищемить дверью, а может, они упали в очаг, или свалились с лестницы, или же ошпарили себе все внутренности при попытке утолить жажду из носика кипящего чайника,— хранила неловкое молчание, но, встречаясь взглядом со сборщиками у застав, кучерами дилижансов и прочей публикой, проникалась важностью своего положения, подобно наемным плакальщикам на похоронах, которые, не испытывая особенной горечи при мысли об усопшем, смотрят из окошка траурного экипажа на улицу, видят там своих друзей и знакомых, однако по долгу службы выказывают приличествующую случаю торжественность и изображают на лице полное равнодушие ко всему окружающему.

Но чтобы оставаться равнодушной ко всему окружащему в обществе одинокого джентльмена, надо было обладать стальными нервами. Такого беспокойного седока не возила еще ни одна карета, ни одна четверка лошадей. Он и двух минут не мог спокойно усидеть на месте и только и знал, что взмахивал руками, сучил ногами, поднимал оконные рамы, захлопывал их со всего размаха, высовывал голову в одно окошко, тут же втягивал ее обратно и вывешивался в другое. Кроме того, у него в кармане была спичечница какого-то загадочного, невиданного доселе устройства: стоило только матери Кита завести глаза, как раздавалось — чирк, щелк, пых! — и одинокий джентльмен смотрел на часы при свете этой спичечницы, не

замечая, что искры падают в солому, и не боясь, что и ему самому, и матери Кита грозит опасность заживо изжариться тут взаперти, пока форейторы успеют сдержать упряжку. Когда они останавливались менять лошадей, он, не опуская подножки, эдаким живчиком выскакивал из кареты, носился по двору гостиницы, точно зажженная шутиха, вынимал под фонарем часы из кармана и, даже не взглянув на циферблат, засовывал их обратно,— короче говоря, вытворял такое, что мать Кита начинала серьезно побаиваться его. Лишь только лошадей закладывали, он, точно арлекин, шмыгал в карету, и через какую-нибудь милю часы и спичечница снова появлялись на свет божий,— и матери Кита уже было не до сна, и она не надеялась, что ей удастся хоть малость вздремнуть до следующей станции.

— Вам удобно? — то и дело спрашивал одинокий джентльмен, поворачиваясь к ней всем корпусом.

— Да, сэр, благодарю вас.

— Правда, удобно? Может, вы озябли?

— Да, пожалуй, немножко свежо, сэр,— отвечала мать Кита.

— Так я и знал! — вскрикивал одинокий джентльмен, открывая переднее окошко.— Коньяк! Вот что ей нужно! Как я раньше об этом не догадался! Эй! Кучер! Остановитесь у первой же гостиницы и скажите, чтобы подали стакан коньяку с горячей водой.

Напрасно заверяла его мать Кита, что ничего такого ей не требуется. Одинокий джентльмен был неумолим, и каждый раз, как у него иссякали все другие способы и возможности проявлять свое беспокойство, он спохватывался и предлагал матери Кита коньяку с горячей водой.

Около полуночи они остановились поужинать, и одинокий джентльмен распорядился подать им все, что только было съедобного в гостинице, но так как мать Кита оказалась не в состоянии съесть это за один присест, он вообразил, что она больна.

— Вы теряете последние силы! — воскликнул одинокий джентльмен, хотя сам он не притронулся ни к одному блюду и во время ужина бегал по комнате из угла в угол.— Теперь мне все ясно, сударыня! Вы теряете последние силы!

— Да нет, сэр, благодарю вас!

— Вы ослабели, совсем ослабели! Да и как же может быть иначе! Хорош я, нечего сказать! Вырвал несчастную женщину из лона семьи, не дав ей опомниться как следует, и теперь она теряет силы у меня на глазах! Сколько у вас детей, сударыня?

— Кроме Кита, еще двое, сэр.

— Мальчики?

— Да, сэр.

— Крещеные?

— Только первым крещением, сэр!

— Я буду им восприемником, им обоим. Пожалуйста, запомните это, сударыня. И советую вам выпить глинтвейна.

— Увольте, сэр, не могу.

— Нет, выпейте! — настаивал одинокий джентльмен.— Вам глинтвейн просто необходим. Напрасно я раньше об этом не подумал.

Подскочив к звонку и заказав глинтвейн таким взволнованным тоном, точно это требовалось для спасения утопленника, одинокий джентльмен заставил мать Кита хватить его залпом, неостывший, так что ее прошибла слеза, а потом снова усадил в карету, и она, вероятно под действием этого приятного напитка, вскоре перестала обращать внимание на своего беспокойного соседа, уснув крепким сном. Благотворное действие глинтвейна оказалось отнюдь не скоропреходящим, ибо, несмотря на то, что расстояние, которое им пришлось преодолеть, было гораздо больше, чем рассчитывал одинокий джентльмен, и путешествие их затянулось, мать Кита открыла глаза только наутро, когда карета загремела колесами по улицам какого-то города.

— Приехали! — крикнул ее спутник, открывая одно за другим все окна.— Везите нас к музею восковых фигур!

Форейтор почтительно тронул шляпу, дал шпоры лошади, чтобы с шиком подкатить к указанному месту, и вся четверка галопом понеслась по мостовой, заставляя изумленных горожан кидаться к дверям и окнам и совершенно заглушая степенные голоса башенных часов, отбивавших половину девятого утра. Но вот карета подъехала к дому, перед которым почему-то собралась толпа, и остановилась у его дверей.

— Что такое? — крикнул одинокий джентльмен, высовывая голову из окошка.— Что тут происходит?

— Свадьба, сэр, свадьба! — ответило ему сразу несколько голосов.— Ур-ра-а!

Несколько сбитый с толку тем, что ему пришлось оказаться в самой гуще шумной толпы, одинокий джентльмен вылез из кареты с помощью форейтора и подал руку матери Кита, при виде которой зеваки так и подскочили на месте от восторга и разразились буйными криками:

— Еще одна свадьба!

— Что они, с ума тут все посходили? — сказал одинокий джентльмен, проталкиваясь вперед вместе со своей «нареченной».— Посторонитесь, дайте мне постучать!

Участники таких сборищ с удовольствием пользуются любой возможностью произвести шум и грохот. Десяток чумазых рук немедленно протянулся ему на подмогу, и тут раздался такой грохот, какой редко удается производить дверным молотком, не превышающим своими размерами инструмента, о котором идет речь. Сослужив одинокому джентльмену эту службу,

добровольцы предоставили ему отвечать самолично за последствия их деятельности и скромно отступили назад.

— Что вам угодно, сэр? — спросил появившийся в дверях весьма бравого вида мужчина с большим белым бантом в петлице.

— Чья здесь свадьба, любезный? — осведомился одинокий джентльмен.

— Моя.

— Ваша? На ком вы женились, черт вас подери?

— А какое вы имеете право задавать мне такие вопросы? — огрызнулся новобрачный, меряя его взглядом с головы до пят.

— Какое право? — воскликнул одинокий джентльмен, прижимая локтем руку своей спутницы, потому что эта почтенная женщина проявляла явное стремление убежать прочь.— Вы даже не подозреваете, какое у меня есть право! Слушайте, добрые люди! Если этот человек женился на несовершеннолетней... Впрочем, что я! Быть того не может! Говорите, любезнейший, где девочка, которая живет у вас? Ее зовут Нелл. Где она?

Лишь только одинокий джентльмен задал этот вопрос и мать Кита повторила его следом за ним, как в доме раздался душераздирающий крик, и дородная леди в белом платье, выскочив из-за дверей, повисла на руке новобрачного.

— Где она? — возопила эта незнакомка.— С какими вестями вы пришли? Что с ней?

Одинокий джентльмен отпрянул назад и недоверчиво, испуганно, разочарованно уставился во все глаза на бывшую миссис Джарли (которая только что обвенчалась с философом Джорджем, пробудив этим поступком ярость и неизбывное отчаяние в груди поэта мистера Слама), потом пробормотал, запинаясь:

— Я *вас* спрашиваю, где она? А вы...

— Ах, сэр! — воскликнула новобрачная.— Если вы ее доброжелатель, почему вас не было здесь неделю тому назад!

— Она... она умерла? — еле выговорил одинокий джентльмен и побелел как полотно.

— Нет, нет, что вы!

— Слава создателю! — прошептал он чуть слышно.— Разрешите мне зайти к вам.

Они пропустили его вперед и, войдя следом за ним, затворили дверь.

— Друзья мои,— начал одинокий джентльмен, обращаясь к молодоженам.— Вы видите перед собой человека, для которого этот старик и эта девочка дороже самой жизни. Они не узнают меня, примут меня за чужого, но если хоть один из них здесь, пусть моя спутница войдет к ним первая, потому что ее они вспомнят оба. И если вы скрываете их от меня из ложных опа-

сений и чрезмерной осторожности, судите о моих намерениях по тому, как они встретят мою спутницу — своего давнего скромного друга.

— Что я говорила! — воскликнула новобрачная.— Я знала — это не простая девочка! Увы, сэр! Мы не в силах помочь вам! Все наши попытки найти их ни к чему не привели!

И тут, ничего не скрывая, ничего не приукрашивая, они рассказали ему все, что знали о Нелл и старике, начиная со своей первой встречи с ними и кончая их неожиданным исчезновением. Рассказали о том, сколько положили сил, хоть и безуспешно, чтобы отыскать пропавших (а это была чистая правда), о том, что сначала они боялись, не случилось ли с ними какой беды, боялись и за себя — не навлекло бы это внезапное бегство подозрений на них самих. Сказано было и о слабоумии старика, о том, что они догадывались, в какую он попал компанию, о том, как беспокоили девочку его частые отлучки, как она день ото дня становилась все печальнее и чахла у них на глазах. Хватилась ли Нелл старика той ночью и, догадываясь или только подозревая, куда он ушел, последовала за ним или же они скрылись из дому вместе,— судить трудно. Ясно было только одно: кто бы ни задумал это бегство — старик или девочка, искать их больше негде, и надежды на возвращение беглецов нет никакой.

Одинокий джентльмен не стал скрывать своего горя и разочарования. Он был подавлен всем этим и плакал, слушая рассказы о старике.

Не будем пускаться в излишние подробности, чтобы не затягивать нашего повествования, и скажем в двух словах лишь следующее: к концу беседы одинокий джентльмен, уверившись, что ему говорят правду, попробовал было убедить новобрачных принять от него подарок в знак благодарности за их участие к бездомной девочке, но они отказались от этого наотрез. Затем счастливая чета отбыла в фургоне за город, в свадебное путешествие, а одинокий джентльмен и мать Кита, печальные, еще долго стояли перед дверцей своей кареты.

— Куда прикажете, сэр? — спросил форейтор.

— Куда угодно, хоть в...— Одинокий джентльмен не собирался говорить «в гостиницу», но все-таки сказал, вовремя вспомнив о матери Кита, и туда они и поехали.

А по городу уже разнеслись слухи, что маленькая девочка из музея восковых фигур — дочь знатных родителей, которые давно разыскивают похищенное у них дитя и только сейчас напали на его след. Мнения разделились: некоторые утверждали, будто Нелл — дочь герцога, другие — графа, виконта, барона, но все спорщики сходились в самом главном, а именно в том, что одинокий джентльмен ее отец, и все они старались увидеть хотя бы кончик благородного носа этого человека, когда он,

погруженный в глубокое раздумье, проезжал по улицам в карете, заложенной четверкой лошадей.

Чего бы не дал одинокий джентльмен, чтобы узнать, и как он был бы счастлив, если бы знал, что в эту самую минуту старик и девочка сидели на церковной паперти, терпеливо поджидая возвращения учителя.

ГЛАВА XLVIII

Пословица говорит, будто бы камень, катящийся с горы, не обрастает мхом, но этого, к сожалению, нельзя сказать о слухах, в особенности о тех, что касались одинокого джентльмена и цели его приезда в город, ибо, переходя из уст в уста и приобретая все более фантастический характер, слухи способствовали тому, что выход этого джентльмена из кареты у дверей гостиницы превратился в заманчивое, волнующее зрелище, собравшее огромную толпу зевак, которые, оставшись не у дел после закрытия музея восковых фигур и конца свадебной церемонии, сочли его появление в городе благом, ниспосланным свыше, и выражали буйную радость по этому поводу.

Не принимая участия во всеобщем ликовании и стремясь только к одному: поскорее остаться наедине с самим собой, усталый, подавленный горем одинокий джентльмен сошел на тротуар и с мрачной учтивостью, произведшей сильное впечатление на зрителей, помог вылезти из кареты матери Кита. Вслед за тем он подал своей спутнице руку и повел ее в гостиницу, а несколько расторопных слуг бросились туда же в качестве передового отряда, с тем чтобы расчистить им путь и показать комнаты, ожидающие их прибытия.

— Все равно какие. Лишь бы не далеко ходить,— сказал одинокий джентльмен.

— Сюда, сэр, пожалуйте, сэр!

— Может быть, джентльмен пожелает занять вот эту комнату? — послышался чей-то голос, и в быстро распахнувшейся двери маленькой каморки у самой лестницы показалась чья-то голова.— Милости прошу. Джентльмен будет здесь желанным гостем, как цветы в мае или уголь на рождество. Не угодно ли взглянуть, сэр? Войдите, окажите мне такую честь. Будьте настолько любезны!

— Господи помилуй! — вне себя от удивления воскликнула мать Кита и попятилась.— Нет, вы только подумайте!

А удивляться было чему, так как эта столь любезная особа оказалась не кем иным, как Дэниелом Квилпом. Низенькая дверь, из-за которой Квилп высунулся, была по соседству с кладовой, где хранились запасы всевозможной снеди, и он стоял там, изогнувшись в шутовском поклоне с таким непринужденным видом, будто эта дверь вела к нему в дом,— стоял,

оскверняя своей близостью жареную дичь и холодную баранину, будто проказливый, злой дух погребов и чуланов, выскочивший из-под пола, чтобы натворить всяких бед.

— Не соизволите ли удостоить меня? — повторил Квилп.

— Я предпочитаю отдельную комнату,— ответил одинокий джентльмен.

— Да? — сказал Квилп и, рывком захлопнув за собой дверь, исчез, точно фигурка в голландских часах с боем.

— Господи! — прошептала мать Кита.— Да я только вчера вечером видела его в Маленькой скинии, сэр!

— Вот как! — сказал ее спутник.— Эй, послушайте! Когда этот господин приехал сюда?

— Сегодня утром, с ночным дилижансом, сэр,— ответил слуга.

— Гм! А когда он уезжает?

— Не могу знать, сэр. Служанка пошла спросить его, нужна ли ему постель, а он сначала скорчил ей страшную рожу, сэр, а потом полез целоваться.

— Попросите его зайти ко мне,— сказал одинокий джентльмен.— Передайте, что я буду рад поговорить с ним. И пусть идет сейчас же — поняли?

Слуга вытаращил глаза, так как от него не ускользнуло, что при виде карлика одинокий джентльмен удивился не меньше матери Кита, но, не в пример ей, безбоязненно выказал свою неприязнь и отвращение к нему. Однако приказание одинокого джентльмена было выполнено, и слуга вскоре вернулся, ведя за собой Квилпа.

— Честь имею явиться, сэр,— сказал карлик.— Ваш посланец встретился со мной на полдороге. Я так и думал, что вы разрешите мне засвидетельствовать вам мое почтение. Надеюсь видеть вас в добром здоровье, в отменном здоровье, сэр?

Наступила пауза; карлик стоял, полузакрыв глаза, поджав губы, и ждал ответа. Так ничего и не дождавшись, он обратился к своей более близкой знакомой:

— Матушка Кристофера! Милый друг мой, достойнейшая женщина, которую бог наградил таким честным сыном! Как поживает матушка Кристофера? Пошла ли ей на пользу перемена воздуха и места? А ее драгоценное семейство, а Кристофер? Надеюсь, все они процветают? Все они благоденствуют? И когда подрастут — станут почтенными гражданами, а?

Забирая голосом все выше и выше, мистер Квилп выкрикнул свой последний вопрос на совершенно пронзительной ноте, а потом открыл по привычке рот, точно запыхавшаяся собака, что сразу же лишило его физиономию всякого выражения и, хотел он того или нет, придало ему крайне бессмысленный вид, исключающий всякую возможность судить о его ощущениях и чувствах.

— Мистер Квилп,— сказал одинокий джентльмен.

Карлик поднес ладонь к своему большому оттопыренному уху, подчеркивая, что он весь внимание.

— Мы с вами уже встречались.

— Правильно! — воскликнул Квилп, закивав головой.— Совершенно правильно, сэр! И я почел это за честь и за удовольствие. Поверьте мне, матушка Кристофера, за честь и за удовольствие! Такие встречи забываются не скоро! Нет, нет!

— Вы, вероятно, помните, что, приехав в Лондон и найдя нужный мне дом пустым, заброшенным, я по совету соседей сразу же отправился к вам, даже не успев поесть и отдохнуть с дороги.

— Какая спешка и вместе с тем какая деловитость и решительность чувствуется в этом поступке! — сказал Квилп будто про себя, подражая своему другу Самсону Брассу.

— И я узнал,— продолжал одинокий джентльмен,— что вы, неизвестно на каком основании, завладели имуществом, принадлежащим другому человеку, а тот, другой человек, которого считали до тех пор состоятельным, вдруг оказался нищим и был изгнан из собственного дома.

— Основания были законные, уважаемый сэр,— возразил ему Квилп.— Вполне законные. И никто его не выгонял. Он ушел сам, по собственной воле,— скрылся среди ночи, сэр.

— Это все равно! — гневно крикнул одинокий джентльмен.— Так или иначе, а он ушел!

— Да, ушел,— повторил Квилп тем же невозмутимым тоном, что могло кого угодно вывести из себя.— В том, что он ушел, нет никаких сомнений. Но куда — вот вопрос. И этот вопрос до сих пор остается неразрешенным.

— Какое же мнение должно было сложиться у меня о вас,— снова заговорил одинокий джентльмен, сурово глядя на него,— когда вы не только ничего не сказали мне о старике и девочке, но пустились на всяческие хитрости и увертки, лишь бы утаить то, что вам известно о них, да вдобавок преследуете меня теперь по пятам!

— Преследую? — повторил Квилп.

— А разве это не так? — воскликнул одинокий джентльмен, доведенный до последней степени возмущения.— Разве несколько часов тому назад вы не были за шестьдесят миль отсюда, в молельне, куда ходит вот эта почтенная женщина?

— Значит, она тоже там была,— не теряя хладнокровия, сказал Квилп.— Если б я вздумал грубить вам, мне ничего не стоило бы заявить, что вы сами меня преследуете. Да, я был в молельне. Ну и что же из этого? Мне приходилось читать в книжках, что, прежде чем пускаться в дальние странствия, паломники всегда посещали храм божий, чтобы испросить себе благополучного возвращения. И умно делали! Путешествия далеко не безопасны — особенно когда едешь на империале. Глядишь, колесо слетит, лошади испугаются и понесут, кучер по-

гонит сломя голову, экипаж опрокинется... Я всегда захожу в церковь перед отъездом. И всегда оставляю это напоследок.

Квилп лгал с упоением, и, чтобы убедиться в этом, не требовалось особой проницательности, хотя по выражению лица, голосу и жестам его можно было принять за мученика, с непоколебимой твердостью отстаивающего истину.

— Вам, верно, хочется свести меня с ума! — воскликнул злосчастный джентльмен.— Вы приехали сюда с той же целью, что и я! Вы знаете, зачем я здесь, так помогите мне!

— Вы принимаете меня за колдуна, сэр! — ответил Квилп, пожимая плечами.— Будь я колдуном, я бы прежде всего наворожил счастья и удачи самому себе.

— Хорошо! Больше нам говорить не о чем,— сказал одинокий джентльмен, в припадке раздражения бросаясь на диван.— Будьте любезны оставить нас.

— С удовольствием,— сказал Квилп.— С превеликим удовольствием. Матушка Кристофера, добрая душа, будьте здоровы! Желаю вам счастливого пути... восвояси, сэр. Гм!

Карлик скорчил им на прощанье совершенно невероятную гримасу, состоявшую из всех гримас, на какие только способны люди и мартышки, и неспешно удалился, затворив за собой дверь.

— Ого! — воскликнул он, усевшись на стул у себя в комнате и молодцевато подбоченившись.— Так вот вы как, друг мой любезный! Ну-ну!

Весело похохатывая и корча страшные рожи, что, видимо, вознаграждало его за недавнее воздержание, мистер Квилп раскачивался на стуле, обняв левое колено обеими руками, и предавался размышлениям, суть которых не мешает изложить здесь.

Прежде всего он припомнил обстоятельства, приведшие его в этот город, а были они таковы: заглянув накануне вечером в контору мистера Самсона Брасса в отсутствие этого джентльмена и его ученой сестрицы, мистер Квилп наткнулся там на мистера Свивеллера, который был занят тем, что спрыскивал пыль законов джином с горячей водой, а заодно старательно увлажнял им свою бренную плоть. Но поскольку всякая плоть — сиречь глина,— впитав в себя излишнюю влагу, становится ненадежной, сдает в самых неожиданных местах, плохо удерживает отпечатки и лишается крепости и силы — та же участь постигла и мистера Свивеллера, который так усердно смочил свое бренное тело джином, что оно находилось в совершенно разжиженном, хлипком состоянии, а потому и мысли, приходившие ему в голову, быстро теряли свою форму и безнадежно путались. Бренной плоти, доведенной до такого градуса, свойственно также превыше всего ценить собственную проницательность и мудрость; и мистер Свивеллер, всегда воздававший себе должное по этой части, и тут не упустил случая заявить,

что ему удалось сделать одно сногсшибательное открытие относительно верхнего жильца, но он решил хранить это открытие в тайниках своей души,— и никакие пытки, никакие искательства не заставят его расстаться с ним. Мистер Квилп одобрил решение мистера Свивеллера и тут же, с места в карьер, начал подзадоривать его на дальнейшие намеки, в результате чего вскоре выяснилось, что одинокий джентльмен замечен в сношениях с Китом и что в этом-то и заключается тайна, которой не суждено выплыть на свет божий.

Получив эти сведения, мистер Квилп сразу же подумал: а может быть, жилец с верхнего этажа и человек, заходивший к нему, одно и то же лицо? И, укрепившись в своей догадке после дальнейшего разговора с мистером Свивеллером, без труда пришел к выводу, что одинокий джентльмен познакомился с Китом только для того, чтобы продолжать розыски старика и девочки. Сгорая от нетерпения узнать, к чему привело это знакомство, и решив подладиться к матери Кита, в надежде, что она меньше всех способна устоять перед его хитростью, а следовательно, сразу же попадется в ловушку, он наскоро простился с мистером Свивеллером и поспешил к миссис Нбабблс. Однако этой почтенной женщины не оказалось дома; тогда Квилп узнал у соседей, как вскоре после него сделал и Кит, что она ушла в Маленькую скинию, и отправился туда же, решив подстеречь ее после службы.

Он не просидел в молельне и двадцати минут, набожно возведя очи к потолку и внутренне посмеиваясь над тем, куда его вдруг занесло, как дверь открылась и вошел Кит. Рысьи глаза карлика сразу же углядели, что Кит прибежал сюда неспроста. Прикинувшись, как мы уже знаем, будто благочестивые мысли поглотили его целиком, он следил за каждым движением мальчика, и когда тот вышел из молельни с матерью и братьями, кинулся следом за ними. Короче говоря, Квилп проводил их до конторы нотариуса, выведал у одного из форейторов, куда нанята карета, узнал, что скорый ночной дилижанс отходит туда же через каких-нибудь несколько минут, не теряя времени бросился в почтовую контору, что была за углом, и взял себе место на империале. То обгоняя карету, то отставая от нее и видя, как она то опережает их, то задерживается в зависимости от продолжительности остановок и быстроты езды, Квилп добрался до места почти одновременно с ней. В городе карлик тоже не спускал глаз с этой кареты. Смешавшись с толпой, он узнал, зачем приехал сюда одинокий джентльмен и какая его постигла неудача,— словом, пронюхал все самое главное, а потом первым попал в гостиницу, где и был удостоен только что описанной беседы, после чего заперся у себя в комнате и начал спешно перебирать в уме недавние события.

— Так вот вы как, друг мой любезный? — повторил он, жадно грызя ногти.— Я взят на подозрение и отвергнут, а ва-

шим доверенным лицом стал Кит? Ох! придется мне разделаться с этим Китом. Если бы беглецы отыскались сегодня утром,— продолжал он после долгого раздумья,— я мог бы предъявить им кое-какие требования и остался бы в барыше. Но будь этих проклятых лицемеров — мальчишки и его матери, свирепый джентльмен скорехонько попался бы в мои сети, так же, как наш старый друг — наш общий друг, ха-ха! — и наш розовый бутончик Нелл. Нет! Упускать из рук такое блестящее дельце нельзя ни в коем случае! Только бы найти их, а уж тогда я изыщу способ освободить вас от лишних денег, уважаемый сэр! Ведь в Англии существуют крепкие засовы и железные решетки, за которые можно упрятать вашего друга или родственника... Ненавижу этих добродетельных святош! — заключил карлик, хватив залпом стакан коньяку и причмокнув губами.— Ненавижу их всех до одного!

Это была не пустая болтовня, а чистосердечное признание, так как мистер Квилп, вообще-то никого не любивший, мало-помалу возненавидел всех, кто имел близкое и даже отдаленное отношение к его разорившемуся клиенту,— возненавидел самого старика за то, что он провел его, выскользнув у него из рук; девочку — за то, что она служила вечным укором миссис Квилп и предметом ее горячей жалости; одинокого джентльмена — за то, что он не скрывал своего отвращения к нему; а больше всех Кита и его мать — за что, мы уже знаем. Они мешали утолению алчности, вспыхнувшей в нем после такого неожиданного поворота событий и подогревавшей его раздражение против этих людей, но помимо этого он ненавидел лютой ненавистью всех и каждого из них в отдельности.

Находясь в столь приятном расположении духа, Дэниел Квилп еще раз подкрепил себя и свою ярость коньяком, а затем перекочевал в одну захудалую пивную, где ничто не мешало ему потихоньку собирать сведения, с помощью которых можно было бы разыскать старика и его внучку. Но все было тщетно. Беглецы не оставили после себя никаких следов, никаких нитей. Они ушли из города ночью; никто этого не видел, никому они не попадались на глаза; кучера дилижансов, фургонщики, возчики не встречали по дороге путников, которые соответствовали бы описаниям мистера Квилпа; никто с ними не сталкивался, никто о них ничего не слышал. Убедившись наконец в бесполезности своих расспросов, карлик подговорил двух-трех человек себе в помощники, пообещал им щедрую награду, если они что-нибудь разузнают, и на следующий день отбыл в Лондон.

Поднимаясь на империал, мистер Квилп почувствовал некоторое облегчение, когда увидел, что единственной пассажиркой внутри дилижанса была мать Кита, и радостей по этому поводу ему хватило на всю дорогу, так как, воспользовавшись одиночеством бедной женщины, он приводил ее в ужас,

вытворяя бог знает что — например, с опасностью для жизни перегибался через перила и вращал своими выпученными глазами, которые казались еще страшнее оттого, что он висел вниз головой; в таком виде гонял миссис Наббле с одной стороны дилижанса на другую; проворно спрыгивал на каждой остановке, когда меняли лошадей, и мелькал то в одном, то в другом окошке со зверски перекошенной физиономией. Эти изощренные пытки довели миссис Наббле до такого состояния, что в конце концов ей начало чудиться, будто мистер Квилп воплощает в себе того злого духа, против которого ополчались в Маленькой скинии и который теперь взыграл и возликовал, проведав о кое-каких ее прегрешениях, а именно — о цирке Астли и устрицах.

Кит, извещенный письмом о приезде матери, поджидал ее в почтовой конторе, и каково же было его удивление, когда из-за плеча кучера, точно дьявол, высунулся Квилп со своей неизменной ухмылкой!

— Как поживаешь, Кристофер? — проскрипел карлик с империала.— Все в порядке, Кристофер. Твоя матушка сидит внизу.

— Мама! А он-то как сюда попал? — шепотом спросил Кит.

— Как он сюда попал и почему он сюда попал, я, дружок, не знаю,— ответила миссис Наббле, вылезая из дилижанса с помощью сына,— но покоя мне от него не было весь божий день. Чуть до умопомрачения рассудка меня не довел.

— Вот как! — воскликнул Кит.

— Рассказать, так ты не поверишь,— продолжала его мать.— Только не связывайся с ним, он и на человека-то не похож. Молчи! Не оглядывайся, будто мы не про него говорим, но веришь ли, стоит под самым фонарем и корчит такую рожу, просто ужас!

Невзирая на просьбы матери, Кит круто повернулся в ту сторону. Мистер Квилп с безмятежным видом смотрел на звезды, весь поглощенный созерцанием этих небесных светил.

— Вот хитрюга-то! — воскликнула миссис Наббле.— Пойдем скорее! Не заговаривай с ним, упаси тебя боже!

— Нет, мама, заговорю! Чего мне бояться! Послушайте, сэр!

Мистер Квилп притворно вздрогнул и с улыбкой повернулся к Киту.

— Оставьте мою мать в покое! — сказал Кит.— Как вы смеете мучить бедную одинокую женщину и приставать к ней, будто у нее без вас горя мало! Постыдились бы, чудовище вы эдакое, пяти вершков росту!

«Чудовище! — мысленно повторил Квилп и улыбнулся.— Таких страшных карликов за деньги и то не увидишь... Чудовище! Гм!»

— И слушайте, что вам говорят, мистер Квилп,— продолжал Кит, вскидывая на плечо картонку матери.— Я ваших дерзостей больше не потерплю. Какое вы имеете право так поступать? И ведь это не в первый раз. Что мы вам, мешаем, что ли? Так вот, знайте, если вы вздумаете донимать и запугивать ее, я вас поколочу, хотя из-за вашего роста мне и не пристало с вами связываться.

Квилп не вымолвил ни слова в ответ, но, подойдя к Киту вплотную и чуть ли не уткнувшись носом ему в лицо, пристально посмотрел на него, отступил на несколько шагов, снова приблизился, снова отошел, и так раз пять подряд, точно его голова сновала перед Китом в туманных картинах. Кит стоял не шелохнувшись и ждал стремительного нападения, но, убедившись, что эти маневры так и остаются только маневрами, презрительно щелкнул пальцами и пошел следом за матерью. Она поторопилась увести его и, слушая рассказы о Джейкобе и малыше, нет-нет да и бросала через плечо боязливые взгляды, чтобы проверить, не увязался ли Квилп за ними.

ГЛАВА XLIX

Мать Кита могла не утруждать себя и не оглядываться так часто через плечо, потому что мистер Квилп был далек от мысли преследовать их или продолжать ссору с ее сыном. Не спеша и с совершенно безмятежной физиономией он шел домой, время от времени насвистывая какую-то песенку и теша себя приятными размышлениями о том, какой страх и ужас переживает миссис Квилп, не получая никаких известий от супруга целых три дня и две ночи и даже не подозревая о его поездке, и как, доведенная неизвестностью до полного отчаяния, она то и дело падает в обморок от тяжких предчувствий и тоски.

Эта веселая мысль весьма позабавила карлика, и он хохотал над нею до слез, а когда ему попадались по пути глухие переулки, выражал свой восторг дикими воплями, чем пугал насмерть редких прохожих, что опять-таки доставляло ему огромную радость и все больше и больше улучшало его самочувствие.

В таком великолепном расположении духа мистер Квилп дошел до Тауэр-Хилла и, взглянув на окно своей гостиной, вдруг увидел, что оно освещено ярче, чем полагалось бы освещать окна в доме, погруженном в траур. Подойдя ближе и навострив уши, он услышал оживленный разговор и различил голоса не только жены и тещи, но и чьи-то незнакомые — мужские.

— Ха! — крикнул ревнивый карлик.— Это что такое? Гостей без меня принимают?

Ответом ему послужил приглушенный кашель сверху. Он пошарил в кармане, но ключа там не оказалось — ключ был забыт дома. Не оставалось ничего другого, как стучать в дверь.

— И в коридоре огонь,— пробормотал Квилп, припав глазом к замочной скважине.— Постучимся как можно тише. И с вашего позволения, миледи, я постараюсь застичь вас врасплох. Да-с!

На его тихий, осторожный стук никто не отозвался. Но после второго удара молотком, не менее осторожного, дверь бесшумно приотворилась, и из-за нее высунулся мальчишка с пристани. Квилп тут же зажал ему рот одной рукой, другой схватил его за шиворот и выволок на улицу.

— Вы меня задушите, хозяин! — прохрипел мальчишка.— Пустите, ну!

— Кто там наверху, собака? — таким же хриплым шепотом спросил Квилп.— Говори! Да потише, не то я тебя на самом деле придушу.

Мальчишка показал на окно и захихикал, но в этом сдавленном хихиканье слышался такой бурный восторг, что Квилп схватил его за горло и, чего доброго, привел или почти привел бы свою угрозу в исполнение, если бы мальчишка не высвободился из хозяйских объятий и не юркнул за ближайший фонарь. Тогда, после нескольких безуспешных попыток вцепиться ему в волосы, карлику пришлось вступить с ним в переговоры.

— Добьюсь я от тебя толку или нет? — сказал он.— Что там делается?

— Да вы мне слова не даете вымолвить,— ответил мальчишка.— Они... ха-ха-ха! Они думают, вы... вы померли. Ха-ха-ха!

— Помер? — воскликнул Квилп и, не выдержав, сам разразился зловещим хохотом.— Нет, в самом деле? Ты не врешь, собака?

— Они думают, вы... вы утонули,— продолжал мальчишка, в злобном нраве которого чувствовалось влияние хозяина.— Последний раз вас видели на пристани, у самой воды, и они думают, что вы свалились в реку. Ха-ха-ха!

Заманчивая перспектива накрыть всю эту компанию при столь восхитительных обстоятельствах и поразить ее своим появлением привела Квилпа в такой восторг, какой он вряд ли испытал бы, даже если б ему вдруг нежданно-негаданно привалили большие деньги. Он ликовал не меньше своего многообещающего помощника, и несколько минут они оба стояли по обе стороны фонаря, давясь от беззвучного хохота и мотая головами, точно два непарных китайских болванчика.

— Ни слова,— сказал Квилп, на цыпочках подкрадываясь к двери.— Ни звука: чтобы и половица не скрипнула, чтобы и муху не потревожить. Так я утонул, миссис Квилп, а? Утонул?

С этими словами он задул свечу, сбросил с ног башмаки и ощупью поднялся по лестнице, предоставив своему ликующему юному другу выделывать акробатические упражнения на улице.

Так как спальня оказалась незапертой, мистер Квилп шмыгнул туда, пристроился за дверью в гостиную, тоже приоткрытой для притока воздуха, и нагнулся к весьма удобной щелке (которой он и раньше частенько пользовался в тех же целях и даже несколько расширил ее перочинным ножом), что дало ему возможность не только слышать, но и хорошо видеть все происходящее в соседней комнате.

Заглянув в это удобное приспособление, мистер Квилп увидел мистера Брасса, сидевшего за столом, на котором были чернила, перо, бумага, а также фляга с ромом — его, Квилпа, фляга с его собственным ямайским ромом — и все, что к рому полагается, то есть кипяток, душистые лимоны и белый колотый сахар. Из этой отборной провизии, притязавшей на его внимание, Самсон приготовил себе большую порцию горячего, как огонь, пунша и теперь помешивал ложечкой в стакане, устремив на него взгляд, в котором напускная меланхолия была не в силах побороть глубокое и нежное умиление. У того же стола, развалившись на нем с локтями, восседала миссис Джинивин, и миссис Джинивин уже не пробовала ложечкой исподтишка чужой пунш, а хлебала свой собственный из большой кружки, тогда как ее дочка — правда, не посыпав голову пеплом и не облачившись во власяницу, но тем не менее с выражением достойной и приличествующей случаю грусти на лице — полулежала в кресле и умеряла свою тоску более скромной порцией того же самого бодрящего напитка. Кроме них, в комнате были двое лодочников, вооруженных инструментами, кои именуются кошками. Эти молодцы тоже держали в руках каждый по стаканчику крепкого пунша, а так как тянули они его со вкусом и были оба, разумеется, красноносые, с угреватыми физиономиями и, по-видимому, забулдыги, их присутствие скорее увеличивало, чем уменьшало атмосферу довольства и уюта, царившую здесь.

— Если бы мне удалось подсыпать отравы в кружку нашей милой старушенции,— пробормотал Квилп,— я мог бы умереть спокойно.

— Ах! — сказал мистер Брасс, нарушая всеобщее молчание и со вздохом возводя очи к потолку. — Как знать, может быть, он сейчас смотрит на нас! Как знать, может быть, он все видит и внимательно наблюдает за нами... откуда-нибудь оттуда. О боже мой, боже!

Тут мистер Брасс сделал короткую передышку и отпил сразу полстакана, после чего заговорил снова, с меланхолической улыбкой созерцая оставшуюся половину.

— Я будто различаю его глаз, сверкающий на самом дне этого сосуда,— сказал стряпчий, покачивая головой.— Что это

был за человек! Уж нам такого больше не видать! Сегодня мы здесь,— он поднял пунш на свет,— а завтра там,— допил его залпом и весьма выразительно погладил себя чуть пониже груди,— там, в безмолвной могиле. Подумать только! Ведь я пью его собственный ром! Это какое-то сновидение!

И для того, наверно, чтобы убедиться в реальности всего происходящего, мистер Брасс пододвинул свой стакан миссис Джинивин на предмет его наполнения, а затем повернулся к мореплавателям.

— Значит, поиски ни к чему не привели?

— Так точно, сударь. Надо думать, что если он где и вынырнет, так только в Гринвиче и не раньше завтрашнего утра, в самый отлив. Правильно, друг?

Второй джентльмен согласился со своим товарищем, добавив от себя, что в гринвичском госпитале уже знают об утопленнике и что таможние инвалиды-моряки поджидают его появления.

— В таком случае нам остается только одно — положиться на судьбу,— сказал мистер Брасс.— Положиться на судьбу и ждать. Как это было бы для нас утешительно, если бы тело нашлось! Хоть и тяжко, но утешительно!

— Вот именно! — поспешно подхватила миссис Джинивин.— Тогда мы знали бы наверняка.

— Что же касается объявления,—продолжал Самсон Брасс, берясь за перо,— какую печальную усладу доставляет мне описание его примет. Итак, ноги...

— Кривые, кривые,— сказала миссис Джинивин.

— По-вашему, у него были кривые ноги? — вкрадчивым голосом спросил Брасс.— Я будто вижу, как они шагают по улице... широко расставлены, в немного севших после стирки нанковых панталонах без штрипок... Ах! Жизнь наша влачится в юдоли слез! Значит, так и напишем?

— Да, по-моему, они у него были чуть-чуть кривые,— всхлипнув, проговорила миссис Квилп.

— Итак, ноги кривые,— повторил Брасс, записывая.— Голова большая, туловище короткое, ноги кривые...

— Совершенно кривые,— ввернула миссис Джинивин.

— Не будем на этом настаивать, сударыня,— елейным тоном сказал Брасс.— Зачем придираться к слабостям покойного! Он ушел от нас, сударыня, ушел туда, где его ноги никто не станет обсуждать. «Кривые» вполне достаточно, миссис Джинивин.

— Я думала, важно установить истину,— сказала старушка.— Только и всего.

— Сокровище мое! Как я ее люблю! — прошипел Квилп.— Опять за пунш! Ишь разлакомилась!

— Это занятие,— продолжал стряпчий, откладывая перо в сторону и опоражнивая свой стакан,— невольно вызывает у меня перед глазами его образ — словно тень отца Гамлета! —

в обычном костюме, который он носил по будням. Его сюртук, жилетка, его ботинки и носки, его брюки, шляпа, его остроты и шутки, его возвышенные речи и зонтик — все это встает передо мной, словно видение моей юности. А его рубашки! — воскликнул мистер Брасс, с ласковой улыбкой устремив взгляд на стену.— Рубашки у этого человека, полного всяких прихотей и фантазий, приобретали какой-то необычный оттенок! Как ясно я вижу их перед собой!

— Вы бы лучше писали дальше, сэр,— нетерпеливо перебила стряпчего миссис Джинивин.

— Вы правы, сударыня, вы совершенно правы,— спохватился мистер Брасс.— Печаль не должна леденить наши умственные способности. Не откажитесь подлить мне в стакан, сударыня. Теперь перейдем к носу.

— Приплюснутый,— сказала миссис Джинивин.

— Орлиный! —крикнул Квилп, высовывая голову из-за дверей и ударяя себя кулаком по этой части лица.— Орлиный, старая карга! Смотри! Это, по-твоему, приплюснутый? А? Приплюснутый?

— Браво, браво! — вскричал Брасс, повинуясь привычке.— Великолепно! Что за человек! Какой забавник! Кто другой умеет так огорашивать людей!

Квилп не обратил ни малейшего внимания ни на эти комплименты, ни на выражение растерянности и страха, мало-помалу появившееся на лице стряпчего, ни на вопли своей тещи и жены, ни на поспешное бегство первой из комнаты, ни на обморок последней. Уставившись в упор на Самсона Брасса, он подошел к столу и, начав с его стакана, осушил один за другим и остальные два, после чего схватил флягу под мышку и с ужасающей гримасой оглядел стряпчего с головы до ног.

— Поторопились, Самсон,— сказал Квилп.— Поторопились!

— Блестяще! — воскликнул Брасс, постепенно приходя в себя.— Ха-ха-ха! Просто блестяще! Кто другой проявил бы столько находчивости в таком затруднительном положении! А положение крайне затруднительное. Но его выручает юмор — неисчерпаемый юмор!

— Спокойной ночи! — сказал карлик, весьма многозначительно кивнув ему.

— Спокойной ночи, сэр, спокойной ночи! — ответил стряпчий, пятясь задом к двери.— Какое забавное происшествие, на редкость забавное! Ха-ха-ха! Упоительно, просто упоительно!

Выждав, когда голос мистера Брасса замрет вдали (ибо он продолжал свои возгласы и на лестнице, до самой последней ступеньки), Квилп подошел к лодочникам, которые с совершенно оторопелым видом топтались у порога.

— Итак, джентльмены, вы сегодня весь день проискали тело в реке? — спросил карлик, чрезвычайно любезно распахивая перед ними дверь.

— И вчера и сегодня, сударь.

— Ай-яй-яй! Сколько вам это доставило хлопот! Прошу вас, считайте своей собственностью все, что найдется на... на утопленнике. До свидания!

Лодочники переглянулись, но, вероятно сочли споры излишними и, тяжело волоча ноги, вышли из комнаты. С гостями было покончено; Квилп запер все двери на ключ и, ссутулив плечи, по-прежнему обнимая флягу обеими руками, остановился перед бесчувственной женой, словно страшное видение, выплывшее из кошмара.

ГЛАВА L

Обсуждение супружеских разногласий непосредственно заинтересованными в них лицами обычно протекает в форме диалога, в котором по меньшей мере половина приходится на долю жены. Однако этого нельзя было сказать о ссорах мистера и миссис Квилп: будучи исключением из общего правила, они сводились к пространным монологам мужа и двум-трем односложным репликам жены, произносимым умоляющим, трепетным голосом, да и то с большими перерывами.

На этот же раз, очнувшись после обморока, миссис Квилп долго не отваживалась и пикнуть в свою защиту и, вся в слезах, смиренно слушала попреки своего супруга и повелителя. А мистер Квилп выпаливал их с такой быстротой и пылкостью и так гримасничал, так извивался всем телом, что несчастная женщина, хоть и притерпевшаяся к его излишествам по этой части, под конец струхнула не на шутку. Впрочем, ямайский ром и удовольствие, которое испытывал мистер Квилп при мысли о тяжком разочаровании, постигшем его семейных, постепенно умерили в нем ярость, и, когда накал ее несколько остыл, он перешел к издевательским шуточкам и на этой позиции закрепился.

— Значит, вы вообразили, что я уже на том свете, да? — ехидничал карлик.— Вы уже считали себя вдовушкой? Ха-ха-ха! У-у, беспутница!

— Нет, Квилп! — пролепетала его жена.— Я, право, очень жалею...

— Ну, еще бы! — воскликнул Квилп.— Конечно, жалеете! Кто же в этом сомневается!

— Я жалею не о том, что вы вернулись домой живым и невредимым,— продолжала она.— Мне больно, что я дала ввести себя в заблуждение. Я очень рада вас видеть, Квилп, поверьте мне!

Как это ни странно, миссис Квилп действительно была рада лицезреть своего повелителя и проявляла явное участие к нему, что также не совсем понятно, принимая во внимание все

обстоятельства их совместной жизни. Впрочем, на Квилпа это не произвело ни малейшего впечатления, и он только прищелкнул пальцами перед самым носом у жены, сопроводив свой жест презрительно-торжествующей гримасой.

— Отлучиться на такой долгий срок, не предупредив меня, не написать ни слова, не дать знать о себе! — всхлипывая, говорила несчастная женщина.— Зачем такая жестокость, Квилп?

— Зачем такая жестокость? — вскричал карлик.— Затем, что на меня нашел такой стих, вот зачем! Моему нраву не препятствуйте. Я ухожу из дому.

— Как, опять!

— Да, опять. Я ухожу сию минуту, немедленно. Уйду и буду жить-поживать беззаботным холостяком на пристани, в конторе — где вздумается. Вы только вообразили себя вдовой, а я, черт возьми,— рявкнул он,— стану холостяком на самом деле!

— Вы шутите, Квилп! — сквозь слезы пролепетала его жена.

— Вот увидите! — сказал карлик, восхищенный собственной выдумкой.— Отныне я холостяк, бесшабашный холостяк, а моей холостяцкой обителью будет контора на пристани. И посмейте только близко к ней подойти! Кроме того, советую вам остерегаться — я буду послеживать за вами, буду шнырять, как крот или ласка, и могу опять прийти домой в неурочный час. Том Скотт! Где Том Скотт?

— Я здесь, хозяин! — послышался голос мальчишки, лишь только Квилп отворил окно.

— Жди внизу, собака! — крикнул ему карлик.— Сейчас потащишь холостяцкий багаж. Соберите мои вещи, миссис Квилп, да расталкайте нашу милую старушку, пусть она поможет вам. Эй, эй! О-го-го!

Мистер Квилп схватил кочергу, подбежал к чулану, где спала почтенная миссис Джинивин, и до тех пор колотил кочергой в дверь, пока старушка не проснулась, в совершенном ужасе вообразив со сна, будто любезный зятек вознамерился убить ее в отместку за то, что она возвела поклеп на его ноги. Проникнувшись этой мыслью, миссис Джинивин отчаянно вскрикнула и непременно выбросилась бы из окна прямо на стеклянный люк в крыше соседнего дома, но дочь вывела ее из столь опасного заблуждения, вбежав в чулан с просьбой помочь ей в сборах. Узнав, что от нее требуется, миссис Джинивин несколько успокоилась и вышла в гостиную во фланелевом капоте, после чего и мать и дочь, обе дрожащие от страха и холода — так как ночь давно уж вступила в свои права,— в покорном молчании занялись делом, порученным им мистером Квилпом. Стараясь затянуть сборы как можно дольше, чтобы досадить жене и теще, этот эксцентрический джентльмен сам наблюдал за упаковкой своего гардероба, собственноручно добавил к нему тарелку, нож, вилку, ложку, чайную чашку с блюдцем и другие хозяй-

ственные мелочи, потом затянул ремни на саквояже, взвалил его на плечо и без дальнейших разговоров вышел из дому, держа под мышкой флягу, с которой он не расставался все это время. На улице мистер Квилп передал более тяжелую часть ноши Тому Скотту, хлебнул рому для бодрости, стукнул своего подручного флягой по голове вместо угощения и, не спеша направившись к пристани, дошел туда в четвертом часу утра.

— Уютно! — сказал он, пробравшись в темноте к дощатой конторе и открыв дверь ключом, который всегда держал при себе.— Ах, как уютно! Разбуди меня в восемь, собака.

Не пускаясь в объяснения и не дав себе труда проститься с мальчишкой, карлик выхватил у него саквояж, захлопнул за собой дверь, залез на стол, закутался в брезентовый плащ и, свернувшись клубком точно еж, тотчас же уснул.

Утром, в положенный час, Квилпа разбудили, на что понадобилось немало трудов, так как ночка у него выдалась хлопотливая. Встав, он велел Тому Скотту развести во дворе костер из старых досок и приготовить кофе, а для придания разнообразия утренней трапезе доверил ему кое-какую мелочь на покупку свежих булочек, масла, сахара, копченых селедок и прочей снеди, так что через несколько минут на столе в конторе дымился вкусный завтрак. Наевшись до отвала и восчувствовав всю прелесть такого по-цыгански вольного образа жизни (о котором он частенько подумывал и раньше, видя в нем приятный отдых от стеснительных супружеских уз, а также незаменимый способ держать миссис Квилп и ее матушку в состоянии непрерывного страха и неизвестности), карлик решил заняться наведением порядка в своей обители и придать ей более жилой и уютный вид.

С этой целью он отправился в лавку неподалеку от пристани, торговавшую всяким корабельным скарбом, купил подержанный гамак, подвесил его к потолку на манер матросской койки, затем поставил в своей сырой берлоге старую печку, вывел ее ржавую трубу на крышу и, закончив эти преобразования, с восторгом осмотрелся по сторонам.

— Дачка у меня не хуже, чем у Робинзона Крузо,— сказал карлик, разнеженным взором оглядывая свою меблировку.— Укромный, тихий уголок, настоящий необитаемый остров, где я могу заниматься своими делами, не боясь чужих ушей и глаз. Кругом ни души — одни крысы, а это народ скрытный, неболтливый. В их компании мне будет весело, как сверчку на шестке. Присмотрю какую-нибудь одну, похожую на Кристофера, и отравлю. Ха-ха-ха! Впрочем, за дело, за дело! О делах нельзя забывать даже в вихре удовольствий, тем более что утро уже на исходе.

Приказав Тому Скотту ждать его возвращения и запретив ему под страхом медленной пытки стоять на голове, кувыркаться и даже ходить на руках, карлик прыгнул в лодку, пере-

ехал на другой берег, быстрым шагом направился к одному гостеприимному заведению на улице Бевис-Маркс, завсегдатаем которого был мистер Свивеллер, и застал там этого джентльмена в полутемном зале в ту минуту, когда он в полном одиночестве садился за обед.

— Дик! — воскликнул карлик, просовывая голову в дверь.— Сокровище мое, любовь моя, свет очей моих! Хэй-хо!

— Ах, это вы? — отозвался мистер Свивеллер.— Здравствуйте, как поживаете?

— А как поживает Дик? — в свою очередь, спросил Квилп.— Как чувствуют себя сливки блистательного племени писцов, а?

— Кисловато, сэр,—ответил мистер Свивеллер.— По правде говоря, они начинают смахивать на простоквашу.

— Что случилось? — спросил карлик, подходя к столу.— Неужто Салли оказалась злюкой? «Много есть девиц прекрасных, но такой, как...» Верно, Дик?

— Верно,— согласился мистер Свивеллер, с чрезвычайно серьезным видом принимаясь за еду.— Таких больше нет. Салли Б.— это сфинкс во всем, что касается личной жизни.

— Вы не в духе,— продолжал Квилп, пододвигая себе стул.— Что же все-таки случилось?

— Юриспруденция мне не по нутру,— ответил Дик.— Сухая материя, и к тому же требует слишком строгого уединения. Думаю, не пора ли удирать.

— Ну-ну-ну! — воскликнул карлик.— Куда это вы удерете, Дик?

— Сам еще не знаю,— ответил мистер Свивеллер.— Вероятно, по направлению к Хайгету. Может быть, колокола прозвонят мне: «Вернись, вернись, Свивеллер, лорд-мэр Лондона!» Виттингтона ведь тоже звали Дик. Жаль только, что кошки очень уж расплодились.

Квилп смотрел на своего собеседника, комически подняв брови, и терпеливо ждал дальнейших объяснений, но мистер Свивеллер, по-видимому, не спешил вдаваться в них. Он не проронил больше ни слова, пока не съел всего обеда, потом отодвинул тарелку, откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и устремил сокрушенный взгляд на очаг, где сами по себе дымились сигарные окурки, распространяя вокруг приятное благоухание.

— Не хотите ли отведать пирога? — спросил Дик, поворачиваясь наконец к карлику.— Сделайте одолжение, тем более что он вашей стряпни.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился Квилп.

Вместо ответа мистер Свивеллер вынул из кармана маленький, сильно просаленный сверток, медленно развернул его и показал Квилпу кусок пирога с изюмом и с сахарной глазурью дюйма в полтора толщиной — на вид совершенно несъедобный.

— Как по-вашему, что это такое? — спросил мистер Свивеллер.

— Похоже на свадебный пирог, — ответил карлик, ухмыляясь во весь рот.

— А с чьей свадьбы? — продолжал мистер Свивеллер, с ужасающим спокойствием потирая пирогом кончик носа. — Чей это пирог?

— Неужели?..

— Да, — сказал Дик. — Тот самый. Можете не произносить это имя вслух. Такого имени больше не существует. Теперь она зовется Чеггс, Софи Чеггс. Мною страсти не играли, я не знал тоски, печали, но, узнавши Чеггс Софию, я склонил смиренно выю.

Приспособив экспромтом популярную песенку к печальным обстоятельствам своей жизни и таким образом отведя душу, мистер Свивеллер снова завернул кусок пирога в бумагу, сплющил его между ладонями, сунул ближе к сердцу, застегнул куртку на все пуговицы и скрестил руки на груди.

— Надеюсь, вы теперь довольны, сэр? — сказал он. — Надеюсь, Фред тоже останется доволен. Вы подстроили это вдвоем, и теперь вам остается только радоваться. Так вот какое торжество мне было уготовано! Это похоже на одну фигуру старинного танца, в которой каждой даме полагается по два кавалера — один танцует с ней, а другой поспевает сзади вприскочку. Впрочем, против судьбы не пойдешь, тем более что моя — это сущая камнедробилка.

Не подав даже виду, какую радость доставило ему поражение мистера Свивеллера, Дэниел Квилп прибегнул к наивернейшему способу утешить своего друга и, позвонив, потребовал подать искрометного вина (то есть обычного его заменителя), затем быстро наполнил им стаканы и стал провозглашать тост за тостом в посрамление Чеггса и во славу беззаботной холостяцкой жизни. Тосты эти возымели немедленное действие на мистера Свивеллера, подкрепив его размышления о бесплодности борьбы с судьбой; он воспрянул духом и рассказал карлику, что кусок свадебного пирога был доставлен на улицу Бевис-Маркс двумя оставшимися при своей фамилии мисс Уэклс и что эти девицы с торжествующим хихиканьем вручили его служанке в дверях конторы, попросив передать кому следует.

— Ха! — усмехнулся Квилп. — Скоро настанет наш черед хихикать. Да, кстати... Вы упомянули о молодом Тренте. Где он сейчас?

Мистер Свивеллер сообщил карлику, что его почтенный друг недавно занял весьма ответственную должность в одном разъездном игорном доме и в настоящее время вращается среди наиболее предприимчивых умов Великобритании.

— Жаль, жаль! — сказал Квилп.— Ведь я, собственно, затем и пришел к вам, чтобы разузнать о нем. У меня возникла одна мысль, Дик... Ваш друг, что живет напротив...

— Какой друг?

— Со второго этажа.

— Ну?

— Ваш друг со второго этажа, возможно, интересуется молодым Трентом?

— Нет, не интересуется,—ответил мистер Свивеллер, покачивая головой.

— Не интересуется? А почему? Только потому, что не видал его в глаза. Но если их свести, может быть, Фред угодит ему не хуже маленькой Нелл и ее деда. Может быть, это принесет счастье вашему другу, а заодно и вам самим, а?

— Да, собственно говоря,— сказал мистер Свивеллер,— они уже успели повидаться.

— Как! — воскликнул карлик, подозрительно глядя на своего собеседника.— С чьей же помощью?

— С моей помощью,— ответил Дик несколько сконфуженным тоном.— Разве я вам не говорил об этом, когда вы заходили в контору в последний раз?

— Нет, не говорили, чего зря прикидываться,— отрезал карлик.

— Вы, кажется, правы,— сказал Дик.— Да, теперь вспоминаю, не говорил. Так вот, я их в тот самый день и свел, по просьбе Фреда.

— И что из этого получилось?

— Да знаете ли, вместо того чтобы разразиться слезами, прижать Фреда к груди и сказать ему: я твой дедушка или я твоя переодетая бабушка (к чему мы были вполне готовы), мой друг, как только узнал, кто такой Фред, пришел в страшную ярость, начал обзывать его последними словами, упрекать, будто бы он больше всех виноват в том, что старик и Нелли впали в нищету, даже не предложил нам выпить и... и, можно сказать, выставил нас за дверь.

— Странно,— в раздумье проговорил карлик.

— Мы тоже нашли это несколько странным,— невозмутимым тоном подтвердил Дик,— но что было, то было.

Совершенно сбитый с толку этим рассказом, Квилп насупился и долго молчал, то и дело поднимая глаза на мистера Свивеллера и внимательно изучая его физиономию. Но так как на ней нельзя было прочитать ничего нового, ничего такого, что помогло бы уличить мистера Свивеллера во лжи, и так как сей джентльмен, предоставленный самому себе, начал испускать тяжкие вздохи и окончательно раскисать все из-за той же миссис Чеггс, карлик вскоре поднялся и ушел, оставив обездоленного Дика наедине с его печальными размышлениями,

— Значит, они уже успели познакомиться,— говорил Квилп, шагая по улице.— Мой друг обскакал меня. Правда, это ни к чему не привело и, следовательно, особого значения не имеет, если не ставить ему в вину злостных намерений. Как я рад, что он лишился своей дамы сердца! Ха-ха-ха! Но отпускать этого болвана из конторы нельзя. Здесь он всегда у меня под рукой, а кроме того, где я найду лучшего доносчика на Брасса — доносчика, который, сам того не подозревая, спьяну выбалтывает мне все, что видит и слышит у них. Вы чрезвычайно полезная личность, Дик, и дешево обходитесь — выставишь вам кое-когда скромное угощение, тем дело и ограничивается. Я еще не решил окончательно, но, может быть, мне имеет смысл сообщить этому джентльмену о ваших расчетах на Нелли и таким образом втереться к нему в доверие. Там будет видно, а пока, с вашего разрешения, мы останемся самыми лучшими друзьями.

Раздумывая обо всем этом и скаля по привычке зубы, мистер Квилп снова переехал Темзу и уединился в своем холостяцком особняке, который показался бы людям более привередливым не совсем уютным, по той простой причине, что недавно поставленная в нем печка гнала весь дым не наружу, а внутрь помещения. Однако эта неприятность не только не отвратила карлика от его нового жилья, но даже пришлась ему по душе. Он съел роскошный обед, принесенный из кухмистерской, раскурил трубку и запыхтел ею наперегонки с печной трубой, так что через некоторое время в конторе совсем ничего не стало видно, кроме его воспаленных красных глаз да изредка головы, когда он, трясясь от судорожного кашля, немного разгонял вокруг себя густые космы дыма. В этой удушливой атмосфере, оказавшейся бы смертельной для всякого другого живого существа, мистер Квилп прекрасно провел вечер, не оставляя без внимания трубки и фляги и время от времени развлекаясь протяжным воем, что сходило у него за пение, но не имело ничего общего ни с одним из творений человека в области музыки инструментальной и вокальной. Так он забавлялся почти до полуночи, а потом, чрезвычайно довольный собой, улегся в гамак.

Первое, что коснулось слуха карлика утром, когда он только-только открыл глаза и, увидев себя так близко от потолка, вообразил спросонья, будто его превратили за ночь не то в муху, не то в жужелицу,— были звуки приглушенных рыданий и всхлипываний. Осторожно заглянув вниз и увидев миссис Квилп, он несколько минут молча смотрел на нее и вдруг крикнул, да так громко, что она подскочила на месте со страху:

— Ау-у!

— О Квилп! — воскликнула несчастная женщина, глянув вверх.— Как вы меня испугали!

— А я нарочно! У-у, беспутница! — рявкнул карлик.— Что вам здесь надо? Ведь я утонул!

— Квилп, прошу вас, умоляю, вернитесь домой! — сквозь слезы проговорила она.— Больше это никогда не повторится. И в конце концов ведь мы беспокоились! Потому все так и вышло.

— Вы беспокоились? — с усмешкой повторил карлик.— Конечно, беспокоились... как бы я не остался в живых. Нет! Я вернусь домой, когда мне заблагорассудится. Захочу — останусь, захочу — опять уйду. Я буду эдаким блуждающим огоньком — то здесь, то там, и вечно буду плясать вокруг вас, появляться в самые неожиданные минуты, так, чтобы вы жили в постоянном страхе и волнении. Ну, уберетесь вы отсюда или нет?

Миссис Квилп с безмолвной мольбой протянула к нему руки.

— Нет и нет! — крикнул карлик.— И еще раз нет! А если вы посмеете ходить сюда без зова, я наставлю здесь капканов, я заведу цепных собак, которые будут рычать и кусаться, заведу самопалы с секретом, которые откроют пальбу, как только вы наступите на проволоку, и разнесут вас на мелкие куски! Убирайтесь отсюда вон!

— Простите меня! Вернитесь домой! — горячо воскликнула его жена.

— Не-ет! — взревел Квилп.— Я вернусь, когда найду нужным, и буду уходить и приходить, не спрашивая у вас позволения. Вон там дверь — видите? Убирайтесь отсюда!

Мистер Квилп отдал это приказание таким повелительным тоном и сопроводил свои слова таким резким взмахом руки, явно свидетельствующим о его намерении выпрыгнуть из гамака и — как есть, в ночном колпаке — гнать жену по улицам до самого дома, что она стрелой вылетела из конторы. Вытянув шею, карлик до тех пор провожал ее глазами, пока она не выбежала со двора, а потом, весьма довольный тем, что ему лишний раз удалось утвердить свою волю и отстоять свой зáмок, разразился громовым хохотом и снова улегся спать.

ГЛАВА LI

Великодушный и ласковый хозяин холостяцкого особняка спал долго, услаждаемый во сне дождем, слякотью, сыростью, туманом и крысиной возней, а проснувшись, вылез из гамака с помощью своего лакея Тома Скотта, велел ему приготовить завтрак и стал одеваться. Когда же туалет его был закончен и завтрак съеден, он снова отправился на улицу Бевис-Маркс.

На этот раз мистер Квилп собирался нанести визит не мистеру Свивеллеру, а его патрону и другу, мистеру Самсону Брассу. Однако в конторе не оказалось ни этих джентльменов, ни столпа и светоча юриспруденции — мисс Салли, тоже отлучившейся куда-то со своего поста. Об их одновременном

отсутствии посетителей оповещала засунутая за ручку дверного колокольчика записка мистера Свивеллера, которая, не сообщая читателям никаких сведений о том, когда ее здесь оставили, содержала в себе лишь несколько туманное и неопределенное уведомление, что этот джентльмен «вернется через час».

— Служанка-то все-таки должна быть дома,—сказал карлик и постучался.— Мне этого вполне достаточно.

После довольно долгого ожидания дверь приотворилась, и из-за нее послышался чей-то слабенький голосок:

— Пожалуйста, будьте так добры, оставьте карточку, или, может, передать на словах?

— Э-э? — недоуменно протянул Квилп, глядя на маленькую служанку сверху вниз — угол зрения для него, карлика, совершенно необычный.

Но девочка твердила одно и то же, как и в первую свою встречу с мистером Свивеллером:

— Пожалуйста, будьте так добры, оставьте карточку, или, может, передать на словах?

— Я напишу письмо,— сказал карлик и, оттолкнув ее, прошел в контору.— Передай его хозяину сразу, как только он вернется, слышишь? — И мистер Квилп вскарабкался на высокую табуретку, а маленькая служанка, наученная, как вести себя в подобных случаях, уставилась на него во все глаза, готовясь, если он вздумает прикарманить хотя бы одну облатку, выбежать на улицу и позвать полицию.

Складывая свое послание (написать которое ему было недолго, по причине его краткости), мистер Квилп поймал на себе взгляд маленькой служанки. Он ответил ей взглядом долгим и внимательным.

— Как поживаешь? — спросил карлик, смачивая языком облатку и корча при этом страшные рожи.

Маленькая служанка, вероятно, испуганная его гримасами, только шевельнула губами, но по их беззвучному движению можно было догадаться, что она повторяет про себя заученную формулу насчет карточки или передачи на словах.

— Плохо с тобой здесь обращаются? Хозяйка, наверно, фурия? — с усмешкой спросил Квилп.

Услышав последний вопрос, маленькая служанка плотно сжала губы кружочком и часто-часто закивала, а взгляд ее, хоть и по-прежнему испуганный, стал в то же время хитрым-прехитрым.

Пленил ли мистера Квилпа этот безмолвный, но полный лукавства ответ, заинтересовало ли его по каким-нибудь другим причинам выражение лица девочки, захотелось ли ему просто из озорства смутить ее — неизвестно. Как бы то ни было, он поставил локти на стол, подпер щеки кулаками и вытаращил глаза.

— Ты откуда взялась? — спросил он после долгого молчания, поглаживая подбородок.

— Не знаю.

— Как тебя зовут?

— Никак.

— Не мели вздора,— отрезал Квилп.— Когда хозяйке что-нибудь нужно, как она тебя называет?

— Чертовкой,— ответила девочка и выпалила одним духом, точно опасаясь дальнейших расспросов: — Пожалуйста, будьте так добры, оставьте карточку, или, может, передать на словах?

Эти странные ответы, казалось, должны были бы только разжечь любопытство Квилпа. Однако он не вымолвил больше ни слова, еще задумчивее потер подбородок, нагнулся над письмом и, делая вид, будто с особой тщательностью и скрупулезностью выводит на конверте имя и фамилию адресата, украдкой бросал на маленькую служанку пытливые взгляды из-под своих лохматых бровей. Кончив этот тайный осмотр, карлик закрыл лицо ладонями и затрясся от беззвучного смеха, так что жилы у него на шее вздулись — того и гляди, лопнут. Потом он надвинул шляпу на нос, чтобы скрыть от девочки свое веселое настроение и багровую физиономию, швырнул ей письмо и быстро вышел из конторы.

На улице карлик неизвестно почему прыснул со смеху, схватился за бока, снова прыснул, нагнулся к пыльной решетке подвального окна и до тех пор заглядывал вниз, стараясь еще раз увидеть девочку, пока не выбился из сил. Покинув наконец свой наблюдательный пост, он отправился прямым путем в «Дебри», которые находились на расстоянии ружейного выстрела от его холостяцкой обители, и велел поближе к вечеру подать в беседку чай на три персоны, так как и визит его в контору, и письмо преследовали одну цель — пригласить мисс Салли Брасс вместе с Самсоном принять участие в этом пиршестве.

Погода в тот день не слишком-то располагала к чаепитию в беседке, тем более в такой, которая дошла до крайней степени ветхости и в часы отлива открывала вид на илистые береговые откосы Темзы. Тем не менее мистер Квилп заказал легкую закуску с чаем именно в этом уютном уголке и под его дырявой, протекающей крышей принял мистера Самсона и мисс Салли.

— Вы же большой любитель природы,— сказал карлик, ухмыляясь во весь рот. — Очаровательное местечко, Брасс! Не правда ли, в нем есть что-то своеобразное, нетронутое, первобытное?

— Действительно, здесь прелестно, сэр, — ответил стряпчий.

— Не жарко? — продолжал Квилп.

— Н-не очень, сэр,— сказал Брасс, лязгая зубами.

— Может, чуть сыровато? Может, вас трясет?

— Такая сырость только поднимает настроение, сэр, — отвечал Брасс.— Пустяки, сэр, сущие пустяки.

— А Салли? — спросил восхищенный карлик.— Салли здесь нравится?

— Понравится, когда она выпьет чаю,— отрезала эта твердокаменная особа. — Велите, чтобы скорей подавали, нечего зря болтать.

— Прелестная Салли! — воскликнул Квилп, открывая ей объятия.— Кроткая, очаровательная, упоительная Салли!

— Поразительный человек! — пробормотал Брасс самому себе.— Трубадур! Ну, как есть трубадур!

Однако эти комплименты были высказаны без должной живости и горячности, так как несчастный стряпчий, схвативший где-то простуду, успел к тому же изрядно промокнуть дорогой и теперь охотно понес бы материальные издержки, лишь бы перенестись из этой сырой конуры в теплую комнату, где можно было бы высушиться у огня. А Квилп, на этот раз не только потворствовавший своим сатанинским прихотям, но и сводивший счеты с Самсоном за его участие в тризне, неприметным свидетелем которой был он сам, с безграничным восторгом ловил всякое проявление беспокойства на лице стряпчего и получал от своей затеи такое удовольствие, какое вряд ли доставил бы ему самый пышный банкет.

Следует также отметить для более полной обрисовки характера мисс Салли Брасс, что сама она не стала бы так легко мириться с неудобствами «Дебрей» и, по всей вероятности, ушла бы оттуда без чая. Однако, догадавшись, как плохо приходится ее брату и какие он испытывает тайные муки, эта девица почувствовала мрачное удовлетворение и решила веселиться на свой собственный лад. Дождевые капли просачивались сквозь крышу и капали им на голову, но мисс Брасс без единого слова жалобы, с непоколебимым самообладанием председательствовала за чайным столом. Мистер Квилп, в буйном порыве гостеприимства забравшийся на бочку из-под пива, провозгласил «Дебри» самым прелестным и уютным уголком на всем земном шаре и, подняв стакан, выпил за их следующую пирушку в этом увеселительном заведении; мистер Брасс, в чашку которого лило прямо с крыши, тщетно бодрился, стараясь глядеть молодцом; Том Скотт вертелся в дверях беседки под дырявым зонтиком и хохотал до упаду — так его потешали муки стряпчего, а мисс Салли Брасс, не удостаивавшая вниманием дождь, орошавший ее женственный стан и нарядный туалет, торчала за столом, прямая как палка, и преспокойно созерцала страдания брата, выказывая полное равнодушие к собственным неудобствам и, видимо, намереваясь просидеть здесь всю ночь, столь высокое наслаждение доставляла ей пытка, которую Самсон претерпевал совершенно безропотно из-за своей рабской угодливости и алчности. Характеристика мисс

Салли будет неполной, если мы не отметим тут же, что злорадство злорадством, а она первая разгневалась бы, если бы мистер Самсон вздумал в чем-нибудь перечить их клиенту.

В самый разгар веселья мистер Квилп вдруг услал своего подручного бесенка с каким-то поручением, потом спрыгнул с бочки и, сразу став самим собой, тронул стряпчего за рукав.

— Два слова, — сказал он, — а потом опять продолжим наш пир. Салли, обрати ко мне слух.

Мисс Салли придвинулась к нему вплотную, зная по опыту, что при переговорах с этим клиентом не следует доверяться даже воздуху.

— Есть дельце,— продолжал Квилп, переводя взгляд с брата на сестру.— Весьма деликатного свойства. Обсудите его между собой на досуге.

— Слушаю, сэр,— сказал Брасс, вынимая из кармана записную книжку и карандаш.— С вашего позволения, я сейчас же запишу все по пунктам. Редкостные документы! — добавил стряпчий, возводя очи к потолку.— Просто редкостные! Он излагает свои мысли с такой четкостью, что слушать его одно удовольствие. Я не знаю ни одного парламентского акта, равного этим документам по четкости изложения.

— На сей раз придется лишить вас этого удовольствия,— сказал Квилп,— спрячьте карандаш. Обойдемся без документов. Итак... Есть мальчишка по имени Кит.

Мисс Салли кивнула, подтверждая, что она его знает.

— Кит! — сказал мистер Самсон.— Кит! Гм! Я как будто слышал это имя, но не могу вспомнить, когда и при каких...

— Вы медлительны, как черепаха, а тупостью перещеголяете носорога,— нетерпеливо махнув рукой, огрызнулся любезный клиент мистера Брасса.

— Вот шутник! — воскликнул угодливый стряпчий.— А какое знание естественной истории! Буффон, прямо Буффон!

Мистер Брасс явно хотел сказать комплимент, и есть все основания предполагать, что он имел в виду естествоиспытателя Бюффона, да только переврал первую гласную. Как бы то ни было, Квилп не дал ему времени исправить ошибку, но, заметив ее сам, тронул, а если выражаться точнее, огрел его зонтиком по голове.

— Не будем препираться,— сказала мисс Салли, удерживая карлика за руку.— Вы поняли, что я знаю этого мальчишку, чего же вам еще надо!

— Она кого угодно за пояс заткнет! — воскликнул Квилп, похлопывая ее по спине и презрительно глядя на Самсона.— Салли, мне Кит не нравится.

— Мне тоже,— сказала мисс Брасс.

— И мне тоже,— подхватил Самсон.

— Значит, все в порядке! — воскликнул Квилп.— Половина дела уже сделана. Этот Кит принадлежит к тому сорту

людей, которые называются порядочными, честными. Хитрый, пронырливый щенок, вот он кто! Ханжа! Соглядатай! Трусливая собака! Лижет руку тому, кто его ласкает и кормит, а на всех прочих скалит зубы и лает как пес!

— Какое потрясающее красноречие! — воскликнул Брасс и чихнул. — Дрожь берет слушать!

— Ближе к делу, — сказала мисс Салли. — Не тратьте лишних слов.

— Салли опять права! — согласился Квилп, снова бросив презрительный взгляд на Самсона. — Она нас обоих за пояс заткнет! Так вот, этот наглый щенок никому не дает прохода, а пуще всех мне. Короче говоря, у меня с ним давние счеты.

— Этого достаточно, сэр, — сказал Самсон.

— Нет, этого мало, сэр! — с издевательской усмешкой перебил его Квилп.— Дайте договорить до конца. У меня с ним давние счеты, а сейчас он стал мне поперек дороги и мешает одному делу, которое может озолотить нас всех. Кроме того, этот мальчишка вообще мне не по нутру, я его ненавижу. Вот теперь вы знаете более или менее все, а об остальном извольте догадаться. Придумайте способ, как нам разделаться с ним, и действуйте. Ну, беретесь?

— Беремся, сэр,— ответил мистер Брасс.

— Тогда по рукам,— сказал Квилп.— Салли, душенька, вашу лапку! Я полагаюсь на вас так же, как на Самсона, если не больше. А, да вот и Том Скотт с фонарем, трубками, грогом! Кутим всю ночь!

Они не обменялись больше ни словом, ни взглядом, ни хотя бы намеком на то, ради чего была устроена сегодняшняя встреча. Эта троица привыкла действовать заодно, и общность интересов, взаимная выгода связывали их такими тесными узами, что они обходились без лишних разговоров. Квилп как ни в чем не бывало вернулся к своему буйному веселью и в мгновение ока предстал перед ними прежним горластым, бесшабашным дьяволом.

Было уже десять часов вечера, когда добрая Салли выволокла из «Дебрей» своего любимого и любящего братца, который к этому времени мог двигаться, только опираясь на ее воздушную фигурку, ибо походка у него (неизвестно почему) стала далеко не твердой, а ноги то и дело подгибались, причем большей частью на ровном месте.

Умаявшись за последние дни так, что ему не помог и долгий утренний сон, карлик не теряя времени пробрался в свой изысканно обставленный домик и вскоре уснул в гамаке. Оставим его теперь во власти сновидений, в которых, может быть, не последнее место занимают и те двое, кого мы покинули на паперти старой церкви, и вернемся к ним, пока они тихо сидят там, поджидая своего друга.

ГЛАВА LII

Прошло немало времени, прежде чем учитель появился у кладбищенской калитки и быстро зашагал к ним, позванивая на ходу связкой ржавых ключей. Он подошел к паперти совсем запыхавшись и в первую минуту не мог выговорить ни слова, а только показал на древние строения, которые девочка так внимательно разглядывала без него.

— Видишь вон те два старых домика? — спросил он наконец.

— Да,— ответила Нелл.— Я почти не сводила с них глаз, пока вас не было.

— Они заинтересовали бы тебя еще больше, если бы ты знала, с какой новостью я вернусь,— сказал ее друг.— Один из этих домиков будет мой.

Не добавив больше ни слова, не дав девочке ответить ему, учитель взял ее за руку и с сияющим лицом вывел за калитку.

Они остановились перед низкой дверью первого домика. Перепробовав несколько ключей, учитель наконец подобрал один, подходивший к огромному замку,— замок открылся со скрипом и впустил их внутрь.

Перед ними была сводчатая комната, богато изукрашенная в давние времена искусной рукой резчика и еще сохранившая следы своего былого великолепия в прекрасных линиях арок и в ажурной резьбе каменных карнизов. Растительный орнамент, который мог бы поспорить совершенством с самой природой, напоминал о том, что, сколько бы раз ни сменялась листва на деревьях за этими стенами, его не касались никакие перемены. Поддерживающие каминную доску фигуры из камня, хоть и порядком искрошившиеся, все еще хранили свой первоначальный вид — не в пример кладбищенскому праху — и печально высились у пустого камина, словно живые существа, что давно пережили свой век и теперь оплакивают выпавшее им на долю медленное угасание.

В древние времена — ибо в этом древнем доме даже перемены уходили в глубокую древность — часть комнаты была отделена перегородкой, и за ней помещалось нечто вроде алькова с маленьким окном или нишей, прорубленной в глухой стене. Дубовая перегородка и две дубовые скамьи у камина, вероятно, стояли в прошлые века в монастыре или в церкви; приспособленные на скорую руку для новых нужд, они не претерпели почти никаких изменений, и на них еще осталась тонкая резьба, когда-то украшавшая монашеские кельи.

Открытая дверь вела в маленькую каморку или келью, свет в которую еле проникал сквозь окошко, сплошь увитое плющом; других комнат в этом доме не было. Стояла здесь и кое-какая мебель: несколько кресел с тонкими, словно иссохшими

от старости ручками и ножками; стол — вернее, его жалкое подобие; огромный сундук, в котором хранился когда-то церковный архив; другие, столь же причудливые предметы домашнего обихода и запас растопки на зиму. Все это свидетельствовало о том, что не так давно здесь кто-то жил.

Девочка оглядывалась по сторонам с тем благоговейным чувством, которое охватывает нас, когда мы видим перед собой следы веков, капля за каплей канувших в океан вечности. Старик тоже вошел сюда следом за ними, и первые минуты они все трое стояли затаив дыхание, словно боясь нарушить окружающую тишину.

— Как здесь красиво! — чуть слышно проговорила девочка.

— А мне показалось, что тебе не нравится! — воскликнул учитель.— Ты вздрогнула, когда мы вошли сюда, будто испугавшись холода и мрака.

— Нет, это не так.— Нелл с легкой дрожью обвела взглядом комнату.— Я не могу вам объяснить, что со мной, но, когда я смотрела на эти домики с церковной паперти, меня охватило то же чувство... Может быть, потому, что они такие старые, ветхие.

— Вот где можно спокойно жить, правда? — сказал ее друг.

— Да, да! — воскликнула девочка, взволнованно сжав руки.— Тихий, мирный уголок — такой уголок, где можно спокойно жить и спокойно ждать смерти! — Она хотела сказать что-то еще, но голос у нее дрогнул и перешел в прерывистый шепот.

— Здесь можно жить и жить, окрепнув духом и телом,— сказал учитель.— И так оно и будет, потому что этот дом ваш.

— Наш! — воскликнула девочка.

— Да,— радостно ответил учитель.— Ваш на долгие веселые годы. Я устроюсь по соседству — совсем рядом, а этот дом отдан вам.

Сообщив свои поразительные новости, учитель сел, усадил Нелли рядом с собой и стал рассказывать ей, что в этом ветхом доме долгие годы, чуть ли не до ста лет, жила старушка, которая хранила ключи от церкви, открывала ее в часы службы и водила по ней посетителей; что она умерла с месяц назад, а на ее место еще никого не нашли; что, узнав все это из беседы с кладбищенским сторожем, прикованным к постели ревматизмом, он решился намекнуть на свою спутницу этому представителю местной власти; что тот принял намек весьма благосклонно и посоветовал ему поговорить о Нелли с самим священником. Короче говоря, хлопоты его увенчались успехом, и хотя завтра Нелл с дедом еще следует сходить к священнику, можно считать, что место останется за ней, так как он хочет посмотреть на них просто для порядка.

— Жалованье, правда, небольшое,— продолжал учитель,— но в таком захолустном местечке его хватит. Мы станем скла-

дывать свои доходы и заживем на славу! Можешь в этом не сомневаться!

— Да благословит вас бог! — сквозь слезы проговорила Нелл.

— Аминь, дитя мое! — весело воскликнул ее друг. — Благословение господне будет и со мной и с вами. Господь не оставит нас и впредь, как не оставлял все те дни, когда рука его посреди стольких страданий и горестей указывала нам путь к безмятежной жизни. Но надо еще посмотреть *мое* жилье! Пойдемте!

Они поспешили к другому дому, как и в первый раз перепробовали несколько ключей, наконец нашли подходящий и открыли источенную червем дверь. Комната здесь оказалась тоже сводчатой, но менее просторной и всего лишь с одной примыкающей к ней каморкой. Нетрудно было догадаться, что учителю предназначался первый дом и что в своем попечении о старике и девочке он уступил более удобное жилье им. Из вещей здесь тоже было лишь самое необходимое и тоже лежал запас растопки на зиму.

Теперь им предстояла приятная задача — сделать оба дома обитаемыми и устроиться в них как можно уютнее. И вот через несколько минут веселый огонь уже пылал и потрескивал в обоих каминах и заливал выцветшие дряхлые стены здоровым румянцем. Нелл взяла иголку, заштопала рваные оконные занавески и починила ветхий коврик, так что он снова стал хоть куда. Учитель выровнял и подмел площадку перед дверью, подрезал высокую траву, оправил побеги запущенного плюща и вьюнка, уныло клонившиеся к земле, и дом сразу повеселел снаружи, приобрел обжитой вид. Старик, помогавший то учителю, то внучке, беспрекословно выполнял их поручения и был счастлив. Соседи, вернувшись домой с работы, тоже предлагали им свои услуги или присылали детей с разными мелочами — в долг или в подарок, и как раз с такими, какие и были нужны этим новым жителям их деревушки. День выдался хлопотливый; наступил вечер, и учитель с девочкой сокрушались, что так быстро стемнело, а впереди еще столько всяких дел.

К ужину они собрались в доме, который отныне можно называть домом Нелл, перешли после трапезы к камину и, чуть ли не шепотом, чтобы не нарушить своей тихой радости, принялись обсуждать планы на будущее. Прежде чем уйти к себе, учитель прочел молитву, и, полные благодарности и счастья, они расстались на ночь.

Старик мирно уснул, все вокруг стихло, и в этот безмолвный час девочка еще долго не отходила от остывающего камина, вспоминая недавнее прошлое, как миновавший сон. Отсветы слабого огня на дубовых панелях, на резном их верхе, чуть видневшемся под сумрачными сводами потолка; древние

стены, по которым при каждой вспышке пламени пробегали странные тени; дух тления, не пощадивший даже неодушевленные и, казалось бы, такие прочные вещи; торжественное присутствие смерти совсем близко, за порогом ее дома,— все это погружало девочку в глубокое раздумье; чуждое, однако, всякой тревоге, всякому страху. За последние дни, полные страданий и одиночества, в Нелли произошла незаметная перемена. По мере того как силы ее убывали, а воля крепла, в ней рождались светлые мысли и надежды — достояние немногих, пожалуй, только тех, кто слаб и немощен. Никто не видел, как тоненькая, хрупкая фигурка девочки скользнула от камина к окну, и она задумчиво облокотилась на подоконник. Никто, кроме звезд, не мог взглянуть на это обращенное к небу личико и прочесть написанную на нем повесть. Старый церковный колокол грустно отбивал часы, будто опечаленный тем, что ему приходится говорить только с мертвыми, ибо живые не слышат его предостерегающего голоса; зашуршали опавшие листья; колыхнулась трава на могилах; все остальное безмолвствовало и покоилось во сне.

Эти спящие, чей сон не знал сновидений, лежали кто возле церкви, у самых ее стен, словно ища в ней утешения и защиты; кто в изменчивой тени деревьев; кто поближе к тропинке, так чтобы слышать шаги живых; кто среди детских могил. Некоторым захотелось лечь в ту самую землю, по которой они бродили при жизни изо дня в день; другим — там, где заходящее солнце будет светить на их ложе, или там, куда упадут его лучи на утренней заре. Видимо, ни одна душа, расставаясь с земным пленом, не могла отрешиться от своей бренной оболочки, а если и отрешалась, то любовь к ней не оставляла ее, подобно той любви, что чувствует узник к своей темнице, медля на ее пороге, после долгих лет заключения.

Прошло немало времени, прежде чем девочка закрыла окно и подошла к кровати. И снова то же ощущение — будто ее обдало холодом, и снова что-то похожее на страх, но мимолетный, не оставивший после себя и следа. А во сне она опять увидела маленького школьника, и будто крыша у нее над головой разверзлась, и в сиянии, поднимающемся до самого неба, как на старинной картинке из Библии, сонм светлых ликов смотрел на нее, спящую. Какой это был мирный, сладостный сон! Тишина, стоявшая за стенами дома, оставалась нерушимой, хотя в воздухе звучала музыка и слышался шелест ангельских крыльев. Вот среди могил появились рука об руку и сестры, которых она издали сопровождала на прогулках. А потом сновидение потускнело и растаяло бесследно.

Яркое, веселое утро снова вернуло девочку к работе, начатой вчера, к приятным мыслям и вдохнуло в нее радость, бодрость, надежды. Все втроем они дружно трудились до полудня, приводя в порядок свое жилье, а потом пошли к священнику.

Священник был простодушный, кроткий старичок, много лет назад отрешившийся от мирской жизни и весь ушедший в себя. Его жена умерла в доме, где он жил и по сию пору, отгороженный его стенами от всех житейских помыслов и иадежд.

Священник принял их ласково и, сразу же заинтересовавшись Нелли, стал расспрашивать, как ее зовут, сколько ей лет, откуда она родом и что ее привело сюда. Учитель еще вчера рассказал ему все о своих спутниках. У них нет ни дома, ии близких, пояснил ои, а сюда они пришли вместе с ним, разделить его участь. Ои любит эту девочку, как родную дочь.

— Ну, что ж,— сказал священник.— Пусть будет по-вашему. Но ведь она еще совсем ребенок.

— Не по летам умудренный тяжкими испытаниями и горем,— последовал ответ.

— Боже милостивый! Так пусть отдохнет у нас и забудет все свои прошлые беды! — сказал священник.— Но тебе покажется тоскливо и скучно в иашей старой церкви, дитя мое.

— Нет, нет, сэр! — воскликнула Нелл.— Никогда!

— Я бы, разумеется, предпочел,— продолжал священиик, гладя ее по голове и печально улыбаясь,— чтобы ты танцевала по вечерам на лужайке, а ие сидела под сумрачными, ветхими сводами. Смотрите, чтобы оиа ие загрустила у вас среди иаших величествеииых развалин. Ваша просьба уважена, друг мой.

Выслушав от священника ласковые напутственные слова, они оставили его, пошли в дом Нелли и только начали обсуждать свою удачу, как вдруг к ним пожаловал еще один благожелатель.

Это был тоже старик, живший у священника (как они узнали позднее) уже пятнадцать лет, со смерти его жены. Они дружили долгие годы, еще со школьной скамьи, и, когда священника постигло горе, старый друг сразу же приехал успокоить, утешить его и с тех пор не разлучался с ним. Он стал душой здешних мест — всеобщим советчпком, посредником, зачинщиком веселья, ои улаживал все ссоры, распределял среди бедных даяния своего друга, добавляя к ним немалую толику и собственных денег. Простодушные поселяне не потрудились узнать, как его зовут, а кто и знал, тот забыл. За нпм утвердилось прозвище «бакалавр», — может быть, благодаря смутным слухам, передававшимся из уст в уста в первые дни после его появления в деревне,— слухам об отличиях, которые он будто бы получал в колледже. Прозвище ему понравилось или же показалось не хуже всякого другого, и так он и стал зваться с тех пор бакалавром. И, добавим кстатп, что не кто иной, как этот самый бакалавр, и натаскал собственными руками растопку, которую наши страиники нашли каждый в своем новом жилище.

Итак, бакалавр (оставим ему это прозвище) приотворил

дверь, высунул из-за нее свою добродушную круглую физиономию и вошел в комнату, в которой ему, вероятно, приходилось бывать и раньше.

— Вы мистер Мартон, наш новый учитель? — спросил он, здороваясь с другом Нелл.

— Да, это я, сэр.

— Нам рекомендовали вас с самой лучшей стороны, и я очень рад с вами познакомиться. Мне бы следовало прийти еще вчера, но я был в отъезде, возил письмо от одной больной старушки к ее дочери в другую деревню, и вернулся только сейчас. А это наша юная привратница? Вы прекрасно сделали, друг мой, что привели с собой ее и этого старичка. Вы сердечный человек, а значит, должны быть и хорошим учителем.

— Она только что оправилась после болезни, сэр,— сказал учитель в ответ на внимательный взгляд, которым их гость окинул Нелли, прежде чем поцеловать ее в щеку.

— Да, да, я знаю! — воскликнул бакалавр.— Страдания, душевная боль — это она все испытала.

— И полной мерой, сэр.

Бакалавр посмотрел на старика, снова перевел взгляд на Нелли и ласково сжал ей руку.

— Здесь тебе будет хорошо,— сказал он,— уж мы позаботимся об этом. А ты, я вижу, начала наводить порядок в доме. И все сама, своими руками?

— Да, сэр.

— Ну, что ж, мы продолжим твою работу... правда, не так искусно, но возможностей для этого у нас больше, чем у тебя,— сказал бакалавр.— Сейчас посмотрим, посмотрим.

Нелл повела его в другую комнату, потом в соседний дом, и, обнаружив тут и там нехватку многих необходимых вещей, он взялся пополнить их хозяйство из собственных запасов всякого добра, видимо, отличавшихся большим разнообразием, так как там попадались предметы самые неожиданные. Подарки были доставлены к Нелли без малейшего промедления — бакалавр ушел и минут через десять вернулся со старыми полками, ковриком, одеялами и прочими предметами домашнего обихода, да еще в сопровождении мальчика, нагруженного тяжелой ношей. Все было свалено в общую кучу на полу и потребовало разборки, сортировки и распределения по местам, причем бакалавр, занимавшийся этой работой с огромным увлечением, проявил большую живость и распорядительность. Когда вещи были прибраны, он велел мальчику сбегать за его школьными товарищами, чтобы новый учитель познакомился с ними и произвел им торжественный смотр.

— Прекрасные ребята, Мартон! Лучших, пожалуй, и не сыщешь,— сказал бакалавр, как только мальчик убежал.— Но им и невдомек, что я о них такого мнения. Зачем? Это лишнее.

Посланный вскоре вернулся во главе длинной вереницы мальчиков, и больших и маленьких, которые при виде бакалавра, встретившего их в дверях, начали срывать с головы картузы и шапки, сминать их в комок, отвешивать поклоны и расшаркиваться, а бакалавр улыбался, кивал головой, с величайшим удовольствием взирая на все эти судорожные проявления вежливости. Откровенно говоря, свое мнение об этих мальчиках он скрывал не столь тщательно, как мистер Мартон мог бы заключить из его же собственных слов, и оно то и дело проскальзывало в разных замечаниях на их счет, которые отпускались доверительным шепотом, но так, что всем все было слышно.

— Вот этого ученика, Мартон, зовут Джон Оуэн,— говорил бакалавр.— Способный мальчик, сэр, правдивый, честный, но ветрогон, шалун, сорвиголова, каких свет не видал. Этот мальчик, уважаемый сэр, так и норовит сломать себе шею и лишить своих родителей сына — их главной утехи в жизни. Но, между нами говоря, когда школьники будут играть в зайцы и собаки и вы увидите, как он прыгает через изгороди и канаву возле дорожного столба и спускается по скату каменоломни, это зрелище навсегда останется у вас в памяти. Оно просто бесподобно!

Отчитав Джона Оуэна хоть и шепотом, но так, что тот все слышал, бакалавр взялся за другого мальчика.

— Теперь, сэр, обратите внимание вон на того ученика,— продолжал он.— Это Ричард Эванс, сэр. Способности просто поразительные, память отличная, быстро все усваивает, а кроме того, наделен прекрасным голосом и слухом — он у нас лучше всех поет псалмы. Тем не менее, сэр, мальчик этот плохо кончит и умрет не своей смертью. Он всегда клюет носом на проповедях. Впрочем, если говорить по совести, мистер Мартон, со мной случалось то же самое в его годы, и я ничего не мог с собой поделать — видно, все зависит от натуры.

Многообещающий ученик выслушал эти суровые попреки, и после него настала очередь следующего.

— Но если уж говорить о пагубных примерах,— продолжал бакалавр, — если указывать на мальчиков, которые должны служить предостережением и пугалом для своих товарищей,— то обратите внимание вон на того юношу и отнеситесь к нему со всей строгостью. Вон он, сэр, вон тот белокурый, с голубыми глазами... Если бы вы знали, как он плавает, сэр, как ныряет! Бог ты мой! Этот ученик, сэр, совершил однажды безумный поступок — бросился одетый в реку в том месте, где глубина не меньше восемнадцати футов, и вытащил собачонку нищего слепца, которая шла ко дну, потому что на ней была тяжелая цепь с ошейником. А ее хозяин стоял тут же на берегу и, ломая руки, оплакивал своего верного друга и поводыря. Я как только узнал об этом, так сразу же послал мальчугану две гинеи, разумеется, тайком, сэр, — добавил бакалавр громким ше-

потом.— Только, ради бога, не проговоритесь! Он понятия не имеет, что эти деньги от меня.

Когда с третьим преступником было покончено, бакалавр перешел к четвертому, пятому и так перебрал всю шеренгу, с особой язвительностью отмечая те черты характера мальчиков, очевидно, с целью их обуздания, которые казались ему всего милее и были, несомненно, плодом его уроков и личного примера. Убежденный, что выказанная им строгость повергла школьников в уныние, он сунул им какую-то мелочь и отпустил с миром, напоследок велев расходиться по домам чинно, не скакать, не драться и с дороги никуда не сворачивать, а сам тут же признался учителю внятным шепотом, что в их годы ему не удалось бы выполнить такой приказ, даже если б от этого зависела его жизнь.

Составив себе ясное представление о взглядах бакалавра и поняв, что его собственные взгляды на воспитание юношества не встретят здесь отпора, учитель счел себя счастливейшим из смертных и простился со своим новым другом, полный бодрости и самых радужных надежд. К ночи окна обоих старых домиков снова осветились изнутри веселым огнем, горевшим в их каминах, и, возвращаясь с вечерней прогулки, бакалавр со священником посмотрели в ту сторону, вполголоса заговорили о девочке и со вздохом оглянулись на кладбище, которое лежало позади.

ГЛАВА LIII

На следующий день Нелл встала рано, справилась со всеми хозяйственными делами, прибрала в доме учителя (впрочем, против желания этого добряка, не хотевшего утруждать ее) и, сняв с гвоздя у камина маленькую связку ключей, которую бакалавр торжественно вручил ей накануне, пошла в старую церковь.

Небо было безмятежно ясное; в чистом воздухе, напоенном ароматом опадающей листвы, чувствовалась благодатная свежесть. Речка искрилась на солнце и с мелодичным журчаньем струила вдаль свои воды; зеленые холмики поблескивали росой, словно слезами, пролитыми добрыми духами по умершим.

На кладбище, среди могил, играла в прятки веселая компания ребятишек. Кто-то из них принес сюда грудного младенца, и они уложили его спать на детскую могилку, устроив ему мягкую постель из листьев. Насыпь была совсем свежая — под ней, должно быть, покоился какой-нибудь малыш, который еще не так давно сидел здесь, слабенький, хилый, и терпеливо следил за играми своих товарищей. И для них он, верно, был теперь все такой же, как и раньше.

Нелл подошла к ребятишкам и спросила, чья это могила. Один мальчуган ответил ей, что она ошибается: это садик, са-

дик его брата. Он зеленее всех других садов на свете, и птицы любят прилетать сюда, потому что братец всегда кормил их. Кончив говорить, мальчуган улыбнулся Нелл, стал на колени, прижался щекой к зеленому дерну и через минуту весело убежал прочь.

Нелл прошла мимо церкви, поглядев на ее древнюю колокольню, отворила калитку и вышла на деревенскую улицу. Дряхлый кладбищенский сторож, который стоял, опираясь на костыль, у дверей своего коттеджа, поздоровался с ней.

— Как вы себя чувствуете — лучше? — спросила девочка, подходя к нему.

— Лучше,— ответил старик.— Благодарение богу, гораздо лучше.

— А скоро совсем поправитесь.

— С божьей помощью да набравшись терпения как-нибудь поправлюсь. Зайди ко мне, зайди.

Старик заковылял к двери и, предупредив Нелл, что нужно шагнуть вниз на одну ступеньку, с немалым трудом одолел это препятствие сам.

— У меня всего одна комната. Есть еще вторая наверху, да я в нее редко заглядываю — последние годы трудновато стало подниматься по лестнице. Однако к лету думаю туда перебраться.

Девочка удивилась, что этот седовласый старец, к тому же могильщик по ремеслу, так уверенно говорит о будущем. А он поймал ее взгляд, обращенный к заступам, висевшим на гвоздях вдоль стены, и улыбнулся.

— Ты, наверно, думаешь, что это все для рытья могил?

— Да. Но зачем так много?

— Много-то много. Да ведь я, кроме всего прочего, и садовник. Копаюсь в земле, сажаю в нее то, что будет жить, тянуться кверху. Не с одним же тленом и прахом мне иметь дело. Видишь вон тот заступ в самой середке?

— Такой старый, зазубренный? Да, вижу.

— Вот этим роют могилы, и он изрядно послужил на своем веку. Люди у нас крепкие, здоровые, а все-таки потрудиться ему пришлось немало. Если б этот заступ вдруг заговорил, он порассказал бы, какая у нас с ним иной раз бывала работа,— такая, что никто не ждал и не гадал. Я-то уж многое позабыл — память никуда не годится. Впрочем, это моя давняя беда, — поспешно добавил старик. — Тут ничего нового нет.

— Цветы и кустарники могут порассказать о другой вашей работе.

— Правильно! И цветы, и высокие деревья. Но они тоже имеют касательство к нашему ремеслу — и гораздо больше, чем ты думаешь.

— Вот как!

— Да, для меня одно от другого неотделимо,— сказал старик.— И это мне очень помогает. Вот, предположим, попросил меня какой-нибудь человек посадить дерево. Потом человек умер, а дерево стоит и напоминает мне о нем. Посмотришь на его густую листву, вспомнишь, каким оно было при жизни хозяина, и подсчитаешь приблизительно, когда рыл этому человеку могилу.

— Но то же самое дерево может напомнить вам и живых людей,— сказала девочка.

— Зато живой напомнит мне двадцать покойников,— ответил старик.— У кого жена умерла, у кого муж, родители, братья, сестры, дети, друзья,— десятка два насчитаешь, не меньше. Вот потому-то могильные заступы бывают такие сточенные, зазубренные. Надо завести новый — к лету.

Девочка быстро взглянула на него, думая, что он подшучивает над своей дряхлостью и немощью, но могильщик говорил совершенно серьезно.

— Да-а...— сказал он, помолчав немного.— Люди ничего знать не хотят. Никакая наука им не впрок. Только мы, кто постоянно копается в земле, там, где все тлеет и ничто не растет, задумываемся о таких вещах и судим о них правильно. Ты была в церкви?

— Я иду туда,— ответила девочка.

— Там есть старый колодец,— продолжал могильщик,— под самой колокольней — глубокий, темный, гулкий. Сорок лет назад стоило только размотать веревку до первого узла, и ведро уже плескалось в холодной черной воде. Мало-помалу она начала убывать, и пришлось завязать второй узел — повыше, иначе ведро болталось пустое. Прошло десять лет, вода опять убыла, завязали третий узел. А еще через десять колодец совсем пересох. Теперь если размотать веревку до отказа, ведро загремит, ударится о сухое дно, да на такой глубине, что сердце екнет и невольно отшатнешься, чтобы не упасть туда.

— Как там, наверно, страшно ночью! — воскликнула девочка, напряженно вглядываясь в старика и ловя каждое его слово. Ей казалось, будто она сама стоит у того колодца.

— Ведь такой колодец все равно что могила! — продолжал ее собеседник.— Самая настоящая могила! А кто из наших стариков призадумался над тем, что и у нас силы убывают с каждой весной и жизни остается все меньше и меньше? Никто!

— А сколько лет вам самому? — невольно спросила девочка.

— Стукнет семьдесят девять — будущим летом.

— И вы все еще работаете, когда позволяет здоровье?

— Работаю ли? Ну, еще бы! Посмотрела бы ты, какие я здесь сады развел. Взгляни в окно. Вот этот клочок земли я перекопал и засадил собственными руками. К будущей осени деревья так разрастутся, что неба не увидишь. Да и зимой дел у меня тоже хватает.

С этими словами он открыл шкаф, стоявший рядом с его стулом, и достал оттуда несколько маленьких деревянных шкатулок, украшенных несложной резьбой.

— Любители старины покупают у меня эти безделушки на память о нашей церкви и наших развалинах. Я делаю их из того, что есть под рукой,— из обрезков дуба, а то из старых гробов, уцелевших в склепах. Вот как раз такой сундучок — видишь кованые уголки? На это пошли медные надгробные дощечки, на которых и надписи нельзя было прочесть. Сейчас у меня мало этих вещиц, а к лету все полки ими заставлю.

Восхищенная его работой, девочка похвалила ее и вскоре ушла, раздумывая по пути, почему же этот старик, почерпнувший из своей работы и из всего, что его окружало, такую суровую мораль, не хочет применить ее к себе и, твердя о бренности человеческой жизни, как будто не сомневается в собственном бессмертии. Впрочем, вдумавшись, она поняла, что таким сотворило человека милосердное провидение и что старый кладбищенский сторож, строящий планы на будущее лето, ничем не отличается от других людей.

Погруженная в свои мысли, Нелл подошла к церкви. Подобрать в связке ключ от ее дверей оказалось нетрудно, так как все они были с надписанными ярлычками из пожелтевшего пергамента. Ключ повернулся в замке с глухим звоном, и, когда Нелл затворила за собой дверь и робкими шагами вошла в церковь, гулкое эхо, прокатившееся под высокими сводами, заставило ее вздрогнуть.

Если тишина и покой скромной деревушки так глубоко проникли в сердце Нелл потому, что путь сюда, который измерили ее слабеющие ноги, был тяжел и мрачен, то как же взволновалась девочка, очутившись одна в торжественном безмолвии этого храма, где дневной свет, проникающий в глубокие проемы окон, казался седым от старости, где в воздухе стоял запах земли и плесени — еле уловимый запах тления, реющего под этими сводами и между колонн, словно дыхание минувших веков! Нелл увидела здесь щербатые плиты, так давно истертые ногами благочестивых паломников, что время, кравшееся по их стопам, успело стереть эти следы и искрошить самый камень. Она увидела здесь гнилые стропила, обрушившиеся арки, обнаженную кладку стен, скромную могильную насыпь, горделивую гробницу, на которой уже нельзя было разобрать эпитафию. И все это — мрамор, камень, железо, дерево и прах, — все служило как бы общим памятником разрушению и гибели. Творения бога и человека — и лучшие и худшие, и самые простые и самые пышные, и величественные и убогие — все делило общую участь, все говорило сообща об одном и том же.

В одном из приделов церкви была когда-то рыцарская часовня, и там, опоясанные мечами, закованные в латы, как и

при жизни, сложив на груди руки, а участники крестовых походов — скрестив ноги, покоились на каменных ложах статуи рыцарей. Около некоторых гробниц на ржавых крюках висело рыцарское вооружение, шлемы, кольчуги. Поломанные, ветхие, они все еще сохраняли свою былую грозность. Так, кровавые деяния людей переживают их, и тяжкие следы войн и насилий остаются на земле и после того, как люди, творившие это зло, давно превратились в прах и тлен.

Девочка села среди застывших в неподвижности надгробных фигур, которые, мнилось ей, сообщали такую тишину этой древней часовне, какой не было больше нигде,— с чувством благоговейного страха, смягченного восхищением, осмотрелась по сторонам и поняла, что теперь ее осенит счастье и покой. Она взяла Библию с полки, прочитала несколько страниц, потом опустила книгу на колени и стала думать о грядущих весенних днях, о веселой летней поре, о косых лучах солнца, которые тронут эти спящие фигуры, о листьях, которые будут трепетать в окнах и играть с собственной тенью на освещенных плитах пола, о пении птиц, о распускающихся на воле почках и бутонах, о легком ветерке, который залетит сюда и осторожно шелохнет ветхие хоругви у нее над головой. Часовня наводила на мысли о смерти. Ну что ж! Пусть люди умирают — часовня эта останется. Все, что здесь видит глаз, что слышит ухо, будет и дальше жить с такой же безмятежностью. И разве покоиться здесь сном так уж мучительно?

Девочка медленными шагами, часто оборачиваясь, вышла на воздух, подошла к низенькой двери, которая, очевидно, вела на колокольню, и стала взбираться в темноте по винтовой лестнице, то заглядывая вниз в узкие амбразуры, то поднимая голову к пыльным колоколам, тускло поблескивающим в вышине. Наконец последняя ступенька, и она очутилась на самом верху колокольни.

О, этот внезапный разлив света! Эти чистые краски лесов и полей, убегающих вдаль до голубой линии горизонта! Стада на пастбищах, дым между деревьями, поднимающийся будто откуда-то из-под земли, дети, по-прежнему поглощенные своей игрой,— сколько красоты и мирного счастья было во всем этом! Глядишь, и словно возвращаешься от смерти к жизни, и словно ощущаешь свою близость к небу!

Когда она спустилась на паперть и заперла церковные двери, детей на кладбище уже не было. Из школы доносился оживленный гул голосов — ее друг приступил к занятиям в тот день. Вот голоса послышались громче; она оглянулась и увидела, как мальчики гурьбой высыпали на улицу и с веселыми криками разбежались кто куда. «Я рада, что они проходят мимо церкви по дороге в школу. Это очень хорошо»,— подумала девочка и, остановившись, представила себе, как их голоса, проникая в часовню, будут постепенно замирать вдали.

В тот день она еще и еще раз украдкой пробралась в церковь почитать все ту же книгу и посидеть наедине со своими спокойными мыслями. И когда сумерки сгустились, когда тени надвигающейся ночи придали еще больше торжественности этой древней обители, она, ничего не боясь, продолжала сидеть в темноте, словно прикованная к месту. Там беглянку и разыскали и увели домой. Весь этот вечер личико у нее было счастливое, хоть и бледное, но когда учитель нагнулся поцеловать ее на ночь, ему показалось, будто он ощутил вкус слез у себя на губах.

ГЛАВА LIV

Для бакалавра, погруженного во множество самых разнообразных дел, древние монастырские развалины служили предметом живейшего интереса и неиссякаемым источником радостей. Гордясь ими, подобно многим людям, которые всегда готовы превозносить достопримечательности своего маленького мирка, он взялся за изучение истории этой церкви и проводил не один летний день в ее стенах, не один зимний вечер у камина в доме священника, с увлечением знакомясь со здешними преданиями и легендами.

Поскольку бакалавр не принадлежал к числу беспощадных педантов, срывающих с прекрасной истины даже самые легкие покровы, которые время и пылкая людская фантазия любят набрасывать на эту богиню и которые подчас бывают ей весьма к лицу, ибо они, словно воды из ее родника, придают новое очарование прелестям, наполовину утаенным, наполовину угаданным, и пробуждают в человеке интерес и пытливость, а не чувство скуки и равнодушия,— итак, поскольку нашему бакалавру, в противоположность этим суровым и черствым буквоедам, приятно было видеть истину увенчанной скромными полевыми цветами, которые сплетает ей в гирлянды изустное предание и которые обычно чем безыскусственнее, тем свежее,— он осторожно ступал по пыли веков, осторожно касался этой пыли руками, чтобы не разрушить ни одного из воздвигнутых над ней воздушных чертогов, служивших пристанищем добрым, любовным чувствам. Так, например, когда речь однажды зашла о древней каменной гробнице, где, согласно легенде, лежали кости некоего барона, который, опустошив огнем и мечом многие чужеземные страны, вернулся умирать домой, преисполненный скорби и раскаяния, бакалавр не внял новейшим домыслам ученых-археологов, утверждавших, будто бы в этой гробнице схоронен кто-то другой, а тот барон якобы сложил голову на поле брани со скрежетом зубовным и со страшными проклятиями на устах,— нет! он не внял этому и продолжал отстаивать свое, говоря, что легенда не грешит против истины и что, покаявшись в грехах, барон творил потом много добра

и мирно испустил дух, и если только баронам не заказан вход в рай, то, значит, и этот обрел там покой. Точно так же, когда ученые мужи доказывали и утверждали, будто бы потайной склеп в церкви хранит останки отнюдь не той старушки, которая была повешена и четвертована по повелению славной королевы Бесс за то, что она утолила голод и жажду горемычного монаха, упавшего без сил у ее порога, бакала́вр торжественно и во всеуслышание заявлял, что их церковь приняла прах этой злосчастной старушки и что останки ее, собранные ночью у четырех городских ворот, были тайком доставлены сюда и здесь преданы погребению. Больше того — бакалавр (приходивший в крайнее волнение, как только об этом заходила речь) отрицал величие королевы Бесс и воздавал славу женщине, может быть, и самой незаметной во всех королевских владениях, но наделенной отзывчивым и добрым сердцем. Что же касается утверждения, будто бы под надгробной плитой возле паперти похоронен вовсе не тот скряга, который лишил наследства своего единственного сына, а деньги оставил церкви на новые колокола, бакалавр охотно соглашался с этим и даже высказывал сомнение, мог ли такой человек быть родом из здешних мест. Короче говоря, ему хотелось, чтобы каждая надгробная плита, каждая медная дощечка с эпитафией увековечивали память только тех людей, чьи деяния должны были пережить их самих. Обо всех прочих он предпочитал не вспоминать. Пусть лежат в этой освященной земле, но лежат глубоко, так, чтобы мир никогда больше не услыхал их имен.

Устами такого наставника и были преподаны Нелл ее несложные обязанности. Девочка, и без того глубоко потрясенная спокойным величием церкви и мирной прелестью окружающих ее мест — древние развалины среди вечно юной природы,— внимательно слушала его рассказы и проникалась уверенностью, что здесь все овеяно добром и благостной чистотой. Это был мир, куда не имели доступа ни грех, ни горе,— безмятежный приют, где не было места злу.

Познакомив Нелл с историей чуть ли не каждой могилы и каждой надгробной плиты, бакалавр повел ее в древнюю подземную часовню, от которой остались теперь только унылые голые стены, и рассказал, как она освещалась в прежние времена, когда здесь был монастырь, и как среди подвешенных к потолку светильников, среди кадил с благовонными курениями, среди блистающих золотом и серебром парчовых одеяний, среди изображений святых и блеска драгоценных каменьев, под этими низкими сводами звучал в полуночный час хор старческих голосов, и монахи в капюшонах, преклонив колена, шептали молитвы и перебирали четки. Из подземелья он снова вывел Нелл наверх и показал ей высокие узкие галереи вдоль стен, где монахини, еле различимые снизу в своих темных одеждах, скользили бесшумными шагами и, словно мрачные

тени, останавливались и прислушивались к песнопениям. Он рассказал ей, как рыцари, статуи которых покоились на гробницах, носили доспехи, ржавеющие теперь по стенам возле их могил,— вот это шлем, это щит, это латная рукавица,— и как они, взяв меч в обе руки, размахивали им над головой, и как убивали с одного удара вот такими железными булавами. Девочка запомнила каждое слово из его рассказов, и ей часто снилось все это, и, просыпаясь среди ночи, она поднималась с постели и смотрела на церковь в смутной надежде, что в этих темных окнах вспыхнет свет и ветер донесет до нее величавые раскаты органа и звуки молитвенных напевов.

Дряхлому сторожу скоро полегчало, и он снова стал выходить. От него девочка тоже узнала много нового для себя, хотя рассказы этого старика были несколько иного порядка. Работать он еще не мог, но однажды, когда на кладбище понадобилась свежая могила, пришел посмотреть, как ее роют. В тот день старику, видно, хотелось поболтать, и Нелл вступила с ним в разговор, сначала стоя рядом, а потом сев на траву и подняв к нему свое серьезное личико.

Человек, выполнявший на этот раз работу кладбищенского сторожа, был немного старше его и все же казался гораздо бодрее. Правда, он плохо слышал, и, когда сторож (которому, наверно, потребовалось бы целых полдня, чтобы пройти милю, да и то лишь в случае крайней нужды), когда сторож заговорил с ним, девочка уловила в его словах оттенок не то раздражения, не то жалости к немощам товарища, точно сам он был невесть какой молодец и здоровяк.

— Мне грустно смотреть на вашу работу,— сказала Нелл, подходя к ним.— Я не знала, что у нас кто-то умер.

— Покойница из другой деревни, милочка,— ответил сторож.— За три мили отсюда.

— Она была молодая?

— Д-да...— сказал он.— Года шестьдесят четыре, что ли. Дэвид, сколько ей? Ведь не больше шестидесяти четырех?

Дэвид, усердно налегавший на заступ, не расслышал вопроса. Сторож не мог ни дотянуться до своего подручного костылем, ни встать без посторонней помощи и, чтобы привлечь его внимание, бросил горсть земли и угодил ему прямо в красный ночной колпак.

— Ну, что еще? — буркнул Дэвид, подняв голову.

— Сколько лет было Бекки Морган? — спросил сторож.

— Бекки Морган? — повторил Дэвид.

— Да,— сказал сторож, добавив негромко соболезнующим и вместе с тем брюзгливым тоном: — Глохнешь ты, Дэви, совсем глохнешь!

Дэвид распрямил спину, вынул из кармана специально припасенный черепок и задумчиво провел им по заступу, счищая с него прах бог знает скольких Бекки Морган.

— Дай сообразить,— проговорил он.— Я видел вчера надпись на гробе... Семьдесят девять, что ли?

— Быть того не может! — воскликнул сторож.

— Нет, верно,— со вздохом сказал Дэвид.— Я еще подумал: а ведь она наша ровесница. Да... семьдесят девять.

— А ты не перепутал? — спросил сторож, заметно заволновавшись.

— Что? Повтори, я не расслышал.

— Экий глухарь! Как есть глухарь! Я говорю, ты цифру правильно запомнил?

— Конечно,— ответил Дэвид.— Чего тут не запомнить?

— Начисто оглох,— пробормотал сторож себе под нос.— И скоро совсем из ума выживет.

Девочка удивилась, почему он вдруг пришел к такому выводу, ибо, по правде говоря, Дэвид казался ничуть не глупее и, уж во всяком случае, гораздо крепче его. Но сторож больше ничего не сказал, и она заговорила о другом.

— Вы рассказывали, что вам приходится и садовничать. А здесь вы сажали что-нибудь?

— Где, на кладбище? — спросил он. — Избави боже!

— Откуда же тут цветы и кустарник? Вон хотя бы на тех могилах? Я думала, это вы посадили... правда, растут они плохо.

— Растут как бог велит,— сказал сторож,— а он милостив, не дает им цвести здесь.

— Почему? Я вас не понимаю.

— А потому, что цветы эти посажены на могилах тех, у кого были верные, любящие друзья.

— Так я и думала! — воскликнула девочка.— И это очень хорошо!

— Подожди,— остановил ее сторож.— Ты сначала посмотри на них. Головки-то они повесили, чахнут, вянут. Догадываешься почему?

— Нет.

— Потому, что память о тех, кто лежит в этих могилах, живет недолго. Посадят люди здесь какие-нибудь растения, и на первых порах холят их, присматривают за ними и утром, и днем, и вечером. Потом, глядишь, стали захаживать сюда раз в день, потом раз в неделю, раз в месяц, потом когда придется, а там и вовсе след их простыл. Такие знаки памяти недолговечны. Летние цветы и те живут дольше.

— Как горько это слышать! — сказала девочка.

— Вот и приезжие господа тоже так говорят,— продолжал старик, покачивая головой. — А по-моему, напрасно. Бывало, скажут мне: «Какой у вас красивый обычай — засаживать могилы цветами! Но на них грустно смотреть — почему они сохнут, умирают?» А я им отвечаю: «Прошу извинить, но, по моему разумению, это хороший признак: значит, живым неплохо живется». И это верно. Такова уж природа человеческая.

— А может быть, живые смотрят на голубое небо днем и на звезды ночью и думают, что мертвые там, а не в могилах,— проникновенным голосом сказала девочка.

— Может быть,— неуверенно ответил сторож.— Может и так.

«Так или не так,— мысленно сказала себе девочка,— пусть на этих могилах будет мой сад. Кому помешает, если я стану ухаживать за ними, а сколько радости это принесет мне!»

Кладбищенский сторож не заметил, как вспыхнуло ее лицо, как увлажнились глаза, и, повернувшись к старику Дэвиду, окликнул его. Возраст Бекки Морган явно не давал ему покоя, хотя девочка не могла понять почему.

Дэвид внял зову только после второго или третьего оклика. Бросив работу, он оперся о заступ и поднес ладонь к уху.

— Ты меня звал?

— А я все думаю, Дэви,— заговорил сторож,— ведь ей,— он показал на могилу,— пожалуй, больше было, чем нам с тобой.

— Семьдесят девять, — ответил Дэвид, грустно опустив голову.— Говорю тебе, я сам видел.

— Мало что ты видел! — проворчал сторож.— Женщины часто скрывают свои года.

— А ведь правда! — воскликнул Дэвид, и глаза у него заблестели.— Бекки Морган, наверно, старше!

— Ну, еще бы! Ты вспомни, какая она была дряхлая. Мы с тобой казались перед ней мальчишками.

— Дряхлая, дряхлая! — подхватил Дэвид.— Правильно! Совсем дряхлая!

— И ведь она долгие годы такая была. Вот ты и сообрази, неужто же ей всего только семьдесят девять исполнилось? Выходит, наша ровесница?

— Лет на пять была старше, по крайней мере!

— На пять? Клади все десять. Ей добрых восемьдесят девять было. Я-то помню, когда ее дочь померла. Восемьдесят девять верных, а туда же — целый десяток себе скинула. Вот она суета-то человеческая!

Его товарищ не поскупился подбавить собственных размышлений на эту благодарную тему, и, приводя одно веское доказательство за другим, они договорились до того, что покойнице, по их подсчетам, выходило уже не восемьдесят девять лет, в чем и сомнений быть не могло, а чуть ли не все сто. Когда вопрос этот был окончательно выяснен, к их обоюдному удовольствию, сторож встал с помощью своего товарища.

— Еще простудишься здесь, а мне надо поберечься... до будущего лета,— сказал он и заковылял прочь.

— Что? — спросил Дэвид.

— Совсем, бедняга, оглох! — воскликнул сторож. — Прощайте!

— Эх! — вздохнул Дэвид, глядя ему вслед.— Сдает старик, быстро сдает — не по дням, а по часам.

И с этими словами они расстались — каждый в полной уверенности, что товарищ дряхлее его, и оба чрезвычайно довольные своей бесхитростной выдумкой насчет Бекки Морган, кончина которой больше не будет служить им неприятным напоминанием о собственном возрасте, по крайней мере, еще лет десять. Девочка постояла несколько минут, глядя, как глухой Дэвид выбрасывает заступом землю из могилы и часто останавливается, чтобы откашляться и перевести дух, послушала, как он бормочет, посмеиваясь, что кладбищенский сторож совсем никуда не годится, потом повернулась в раздумье, пошла в глубь кладбища и вдруг увидела учителя, который сидел на зеленом могильном холмике, с книгой в руках.

— Ты, Нелл? — весело крикнул он, закрывая книгу.— Как приятно тебя видеть на воздухе, под лучами солнца. Я боялся, что ты опять сидишь в церкви.

— Боялись? — переспросила девочка, садясь рядом с ним.— А разве это плохо?

— Нет, нет! — сказал учитель.— Но иной раз надо же и развлечься... Не качай головой, не смотри на меня с такой грустной улыбкой.

— Грустной? Нет, я не грущу. Если бы вы знали, как мне хорошо! Счастливее меня нет никого на свете!

В порыве благодарности девочка взяла его руку в свои и нежно сжала ее.

— В этом воля божия,— помолчав, сказала она.

— В чем?

— Во всем! Во всем, что мы видим вокруг себя. Но кто из нас загрустил теперь? Смотрите — я улыбаюсь.

— Я тоже,— сказал учитель.— Улыбаюсь при мысли о том, сколько раз мы с тобой еще будем весело смеяться, гуляя здесь. Ты с кем-то разговаривала сейчас?

— Да,— ответила девочка.

— И этот разговор навел тебя на печальные мысли?

Наступило долгое молчание.

— Почему? — мягко спросил учитель.— Расскажи, поделись со мной.

— Мне больно... мне очень больно...— сквозь слезы проговорила девочка, — что память об умерших исчезает так быстро.

— Неужели ты думаешь,— сказал учитель, поймав ее взгляд, скользнувший по кладбищу,— что неприбранные могилы, засохшие деревья, увядшие цветы говорят о равнодушии, о холодном пренебрежении? Неужели ты думаешь, что далеко отсюда не совершаются дела, которые служат лучшим памятником умершим? Нелл, Нелл! Может быть, в эту самую минуту зреют высокие мысли и творятся благие деяния в честь тех, кто погребен в этих забытых, как нам кажется, могилах.

— Довольно, довольно! — быстро проговорила девочка.—

Я все поняла! Как я могла не почувствовать этого раньше, зная вас!

— Все то чистое, доброе, что уносит смерть, никогда не забывается, никогда! — воскликнул учитель.— Во что же иначе нам верить, как не в это! Дети, невинные младенцы, с первым лепетом на устах умирающие в колыбели, будут жить в людских помыслах и добрых поступках, даже если их тела испепелил огонь, поглотила морская пучина. Каждый ангел, умноживший собой небесное воинство, творит добро на земле руками тех, кто любил его при жизни. Забвение! О, если бы мы могли знать, какие источники питают добрые поступки людей, смерть показалась бы нам прекрасной, ибо сколько милосердия, сколько благодеяний и светлых душевных порывов расцветает на могилах!

— Да, да! — прошептала девочка.— Это правда, я знаю. И может ли быть иначе, если ваш маленький ученик живет во мне новой жизнью! Друг мой! Добрый, дорогой друг! Как вы меня утешили!

Учитель не проронил ни слова и молча склонился к ней, потому что сердце его было переполнено.

Они все еще сидели вдвоем на том же могильном холмике, когда к ним подошел дед Нелли,— но тут на колокольне пробили часы, и учитель ушел в школу, успев обменяться с ним только несколькими словами.

— Хороший человек,— сказал старик, глядя ему вслед.— Добрый человек. Он нас не обидит. Наконец-то нам ничто не грозит — правда, Нелл? Мы никуда отсюда не уйдем.

Девочка покачала головой и улыбнулась.

— Ей надо отдохнуть,— продолжал старик, гладя внучку по щеке.— Бледная... такая бледная. Раньше была совсем другая.

— Когда? — спросила девочка.

— Правда... когда? — пробормотал он.— Сколько недель назад? Хватит ли у меня пальцев на руках, чтобы подсчитать? Нет, лучше не думать об этом. Что прошло, то прошло.

— И хорошо, что прошло,— сказала девочка.— Мы забудем то время, а если и вспомним когда-нибудь, то лишь как о дурном сне, который давно миновал.

— Тс!..— шепнул старик, быстро протянув к ней руку, и оглянулся через плечо.— Не вспоминай о том сне, что принес нам столько горя. Здесь такие сны не снятся. Им нет места среди мира и тишины. Не надо думать о снах, не то они снова будут мучить нас. Глубоко запавшие глаза... худое личико... дождь, стужа, голод... и это еще не самое страшное... Нет, забудем, забудем все, иначе мы и здесь не найдем покоя!

«Боже! Благодарю тебя! — мысленно воскликнула девочка.— Благодарю, что перемена в нем совершилась!»

— Останемся здесь,— продолжал старик,— и ты не услышишь от меня ни слова жалобы, я буду покорен тебе во всем.

Только не прячься, не бросай меня одного! Позволь мне всегда быть с тобой, Нелл! Верь мне!

— Я прячусь, бросаю тебя одного? — сказала девочка, заставив себя рассмеяться.— Да ты шутишь! Дедушка, милый! Посмотри вокруг себя — вот это будет наш сад. Тут хорошо, правда? И мы завтра же примемся с тобой за работу.

— Как ты славно придумала! — воскликнул он.— Смотри же не забудь,— завтра!

Кто мог бы радоваться больше старика, когда на следующий день они принялись за работу? Кто, кроме него, мог бы не сознавать, на какие мысли наводит это место! Они принялись очищать могилы от зарослей бурьяна и крапивы, пропалывать чахлые ростки и кустики, сметать с дерна засохшие листья и траву. В самый разгар работы Нелл подняла глаза и увидела бакалавра, который сидел неподалеку, на перелазе у изгороди, и молча наблюдал за ними.

— Доброе дело,— сказал он, кивком отвечая на реверанс девочки.— И вы столько успели за одно утро?

— Это только начало, сэр,— ответила она, потупившись.

— Доброе дело, доброе дело! — повторил бакалавр.— Но вы убираете лишь те могилы, где схоронены дети, юноши и девушки?

— Постепенно дойдем и до остальных, сэр,— чуть слышно проговорила Нелл, не глядя на него.

Само по себе это как будто ничего не значило и могло объясняться чистой случайностью или же бессознательной любовью Нелл ко всему юному. Но старика, не замечавшего раньше, чьи могилы они убирают, поразили слова бакалавра. Он быстро оглядел кладбище, потом перевел взор на внучку, привлек ее к себе и стал уговаривать, чтобы она отдохнула. Какие-то давно забытые мысли шевельнулись у него в мозгу. Они не исчезали, подобно многим другим, может быть, более тяжелым, но появлялись снова и снова и весь этот день и следующий. Как-то раз, когда они вместе были на кладбище, Нелл заметила, что дед поминутно бросает на нее тревожные взгляды, точно борясь с какими-то мучительными сомнениями или стараясь сосредоточиться на какой-то мысли, и спросила, что с ним. Но он ответил: «Нет, ничего»,— и, прижав внучку к груди, стал гладить ее бледные щеки и приговаривать вполголоса, что его Нелл день ото дня крепнет, набирается сил и скоро будет совсем взрослой девушкой.

ГЛАВА LV

С той поры старик был полон неустанных забот о внучке, и думы о ней не покидали его ни на минуту. Есть струны в сердце человека — неожиданные, странные, которые вынуждает зазвучать иной раз чистая случайность; струны, которые

долго молчат, не отзываясь па призывы самые горячие, самые пылкие, и вдруг дрогнут от непреднамеренного легкого прикосновения. В умах самых косных или по-детски неразвитых спят мысли, и, пожалуй, никакое умение, никакая опытность не вызовут их к жизни, если они не проявятся сами, подобно тем великим истинам, что ненароком открываются исследователю, когда он ставит перед собой наиболее ясную и наиболее простую цель. С той поры старик уже не забывал о беззаветной преданности внучки, стоившей ей стольких сил. В тот день, отмеченный, казалось бы, таким незначительным событием, он, мирившийся раньше с тем, что девочка терпит лишения и невзгоды, он, видевший в ней лишь товарища по злоключениям, которые заставляли его сокрушаться над своей долей не меньше, чем над долей внучки,— в тот день он понял, скольким обязан ей, понял, до чего страдания довели ее! И с тех пор и до самого конца ни разу, ни единого разу не отвлекся он себялюбивыми заботами и попечениями о собственном благополучии от мыслей о дорогом ему существе.

Он ходил за ней всюду, дожидаясь, когда она захочет отдохнуть, опершись на его руку; он сидел в уголке у камина, не сводя с нее глаз, ловя миг, когда она поднимет голову и улыбнется ему, как встарь; он выполнял тайком ту несложную работу по дому, которая так утомляла ее; он вставал холодными, темными ночами и мог подолгу сидеть, сгорбившись, у ее кровати, держа ее руку в своей, прислушиваясь к ее сонному дыханию. И лишь тот, кому ведомо все, знал, какая горячая любовь, какие надежды и опасения таились в расстроенном уме несчастного старика и какая перемена произошла в нем за эти дни.

Недели бежали одна за другой, и слабеющая девочка иногда проводила целые вечера на кушетке у камина, хотя теперь ничто не утомляло ее. Учитель приносил книги и читал ей вслух, и редкий вечер проходил без того, чтобы бакалавр не заглянул к ним и не сменил чтеца. Старик сидел тут же и слушал, плохо улавливая смысл повествования, но не отрывая взгляда от девочки, и когда на губах ее появлялась улыбка, лицо светлело, он хвалил прочитанное и проникался нежным чувством даже к самой книге. Если же бакалавр начинал рассказывать что-нибудь и рассказ его забавлял девочку (впрочем, иначе не могло и быть), старик мучительно старался запомнить каждое слово, а иной раз украдкой выходил за бакалавром и смиренно просил повторить то или иное место, чтобы получше сохранить его в памяти и заслужить потом улыбку Нелл.

Но, к счастью, такие вечера были редкостью, потому что девочка стремилась на воздух, в свой торжественно тихий сад. Ей приходилось также водить посетителей, приезжавших осматривать церковь. И те, кто побывал здесь, рассказывали другим о юной привратнице, и эти рассказы привлекали сюда

все больше и больше народу, так что даже в это время года в деревню почти каждый день наезжали гости. Старик следовал за ними поодаль, прислушиваясь к дорогому ему голосу, а когда посетители, простившись с Нелли, выходили из церкви, подступал к ним поближе или стоял с непокрытой головой у калитки, ловя обрывки их разговоров.

Все хвалили девочку за ее ум и красоту. И как же старик гордился внучкой! Но что же эти посторонние люди часто добавляли к своим похвалам, разрывая ему сердце на части, почему он так горько плакал, забившись куда-нибудь в темный угол? Увы! даже посторонние — те, кто любовался ею лишь минуту и, уехав отсюда, на другой же день забывал о ее существовании,— даже они видели это, даже они скорбели о ней, даже они сочувственно прощались со стариком и, уходя, перешептывались между собой.

И жители деревушки, среди которых не было ни одного, кто не успел бы полюбить бедняжку Нелл, относились к ней так же: с нежностью, с сочувствием, возраставшим со дня на день. Даже школьники — беспечные, легкомысленные школьники — души не чаяли в этой девочке. Самые озорные из них вешали нос, если им не удавалось повстречать Нелл по дороге в школу, и сворачивали с пути, чтобы справиться о ней у решетчатого окошка. И когда Нелл сидела в церкви, они, случалось, осторожно заглядывали в отворенные двери, но никогда не заговаривали с ней первые, а дожидались, пока она сама не выйдет к ним. В этой девочке чувствовалось что-то такое, что поднимало ее надо всеми.

И каждое воскресенье повторялось одно и то же. Здешние прихожане были все из бедных поселян, так как в замке, давно превратившемся в развалины, никто не жил и на семь миль кругом стояли только скромные деревушки. В церкви, в дни служб, Нелл привлекала к себе всеобщее внимание. На паперти вокруг девочки собиралась толпа; дети цеплялись за ее платье; старики и старухи ласково здоровались с ней, отвлекаясь от своих пересудов. Все они, и стар и млад, считали своим долгом обратиться к девочке с дружеским словом привета. Многие, кто жил мили за три, за четыре отсюда, приносили ей маленькие подарки; те, кто был победнее, попроще, ограничивались добрыми пожеланиями.

Нелл разыскала детей, игравших на кладбище в тот день, когда она впервые посетила его. Мальчик, который рассказывал о своем брате, особенно полюбился ей, и они часто сидели рядышком в церкви или поднимались вдвоем на колокольню. Мальчик помогал ей всем, чем мог,— во всяком случае, так ему думалось,— и вскоре между ними завязалась крепкая дружба.

Как-то днем, когда Нелл сидела на своем обычном месте в церкви, погруженная в чтение, этот малыш прибежал туда весь

в слезах, положил ей руки на плечи, минуту пристально смотрел на нее, потом вдруг порывисто обнял за шею.

— Что с тобой? — спросила Нелл, гладя его по голове.— Что случилось?

— Она еще не такая! — крикнул мальчик и прижался к ней еще теснее.— Не такая! Нет, нет!

Девочка с изумлением посмотрела на него, откинула ему волосы со лба и, целуя, спросила, что все это значит.

— Не уходи к ним, Нелли! — взмолился мальчик.— Их никто не видит. Они не могут ни поиграть, ни поговорить с нами.— Оставайся такой, как есть! Такая ты лучше!

— Я не понимаю тебя,— сказала девочка.— Объясни.

— Все говорят,— начал он, заглядывая ей в глаза,— будто ты станешь ангелом, прежде чем птицы опять запоют весной. Скажи! Ведь это неправда! Нелл, не уходи от нас! Я знаю, там, на небе, так светло, но все равно, не уходи, не уходи туда!

Девочка поникла головой и закрыла лицо руками.

— Она сама не хочет! — сквозь слезы радостно воскликнул мальчик.— Ты никуда не уйдешь! Ты же знаешь, как мы будем жалеть тебя! Скажи, что останешься с нами, Нелл! Скажи, скажи!

Он молитвенно сложил руки и опустился перед ней на колени.

— Посмотри на меня, Нелл! Скажи, что не уйдешь! Тогда я буду знать, что это все неправда, и перестану плакать. Скажи «да», Нелл!

Но голова девочки была по-прежнему опущена, лицо закрыто ладонями — она молчала... слышались только ее рыдания.

— Добрые ангелы будут рады, что ты не ушла к ним, а осталась среди нас,— снова заговорил мальчик, пытаясь завладеть ее руками.— Вилли ушел туда, но он никогда бы так не сделал, если б знал, как мне скучно без него в нашей кроватке.

И все же девочка не могла вымолвить ни слова ему в ответ и плакала так, будто сердце у нее разрывалось на части.

— Зачем тебе уходить, Нелл? Ты же сама будешь горевать, когда услышишь, что мы плачем здесь. Все говорят, будто Вилли теперь на небе и будто там вечное лето, но я-то знаю, как ему грустно, когда я ложусь на его могилку, а он не может поцеловать меня. Если ты все-таки уйдешь, Нелл,— он прижался к ней щекой и погладил ее по лицу,— будь ласкова с ним, ради меня. Скажи ему, что я люблю его по-прежнему, скажи, как я любил тебя. И если вам будет хорошо там вдвоем, я постараюсь не плакать и никогда ничем не огорчу вас.

Наконец он отвел ее руки от лица и обвил ими свою шею. Наступило молчание, оба они плакали; но вот Нелл улыбнулась ему и тихим, мягким голосом сказала, что никуда не уйдет и останется его другом, до тех пор пока господь позволит им быть вместе. Он радостно захлопал в ладоши, повторяя: «Спа-

сибо, спасибо, Нелл!» — и когда она попросила его молчать о том, что произошло между ними, твердо пообещал никому ничего не рассказывать.

И, насколько девочка знала, он исполнил свое обещание и, став с тех пор ее неизменным спутником во всех прогулках, молчаливым свидетелем ее раздумий, не напоминал ни единым словом о том разговоре, который как он чувствовал, почему-то причинил ей боль. Но сомнения все-таки не покидали его, и он часто приходил к дому Нелл даже темными вечерами, не переступая порога, робко справлялся о ней, а когда ему предлагали войти, садился на низенькую скамейку у ее ног и сидел тихо-тихо до тех пор, пока за ним не прибегали из дому. Спозаранку он уже появлялся у ее окошка и спрашивал, здорова ли она, и потом с утра до вечера ходил за ней по пятам, забывая и товарищей, и свои игры с ними.

— Верный у тебя дружок,— сказал ей как-то кладбищенский сторож.— А как он убивался, когда у него помер старший брат... Старший! Чудно и называть так семилетнего малыша!

Девочка вспомнила свой разговор с учителем и почувствовала, что правда, заключавшаяся в его словах, осеняет и этого ребенка.

— С тех пор он хоть иной раз и развеселится, а все больше тихий, смирный,— продолжал сторож.— Бьюсь об заклад, что вы с ним уже побывали у старого колодца!

— Нет,— ответила девочка.— Мне незнакома та часть церкви, я боюсь и близко туда подходить.

— Пойдем со мной,— сказал он.— Я там с малых лет все знаю. Пойдем!

Они сошли по узкой лестнице в подземелье и остановились под его мрачными, темными сводами.

— Вот это место,— сказал сторож.— Ну-ка, открой крышку да держись за меня, не то упадешь. Мне самому трудно нагибаться — годы не позволяют... то есть не годы, а ревматизм.

— Как здесь темно и страшно! — воскликнула девочка.

— А ты туда посмотри,— сказал старик, показывая вниз.

Девочка заглянула в колодец.

— Будто могила,— сказал старик.

— Да... могила,— ответила девочка.

— По-моему, он только для того и был вырыт, чтобы здесь стало еще страшнее и чтобы монахи усерднее молились богу. Скоро его закроют наглухо, замуруют.

Девочка стояла, задумчиво глядя в глубь колодца.

— Посмотрим, чьи беззаботные головы покроет земля к тому времени, когда здесь будет непроглядная тьма. Замуруют его... будущей весной.

«Весной снова запоют птицы,— думала Нелл, стоя у своего окошка и не сводя глаз с заходящего солнца.— Весна! Какая это прекрасная и радостная пора!»

ГЛАВА LVI

Дня через два после чаепития, устроенного Квилпом в «Дебрях», мистер Свивеллер в положенный час вошел в контору Самсона Брасса, удостоверился, что, кроме него, в этом Храме Прямодушия никого нет, швырнул шляпу на стол и, вынув из кармана узкий лоскутик черного крепа, начал прикреплять его к тулье поверх ленты. Приладив это дополнительное украшение, он полюбовался своей работой и снова надел шляпу — несколько набекрень, чтобы придать себе еще более траурный вид, потом, чрезвычайно довольный собой, сунул руки в карманы и размеренным шагом стал прохаживаться по конторе.

— Со мной всегда так случается, — говорил мистер Свивеллер,— всегда! Мечты мои косил злой рок, таков удел мой с детских лет — взлелеешь нежный ты цветок, и он увял, цветка уж нет. Пленит ли сердце мне газель, лаская взор мой красотой, я поднесу к устам свирель,— а глядишь, эта газель взяла да и выскочила замуж за какого-нибудь огородника.

Удрученный такими мыслями, мистер Свивеллер остановился у кресла для клиентов и упал в его распростертые объятия.

— По-видимому, такова жизнь,— сказал Ричард с покорной усмешкой.— Ну, разумеется! Чему же тут удивляться? Меня это вполне устраивает. Я буду носить,— добавил он, опять снимая шляпу и глядя на нее так свирепо, словно только соображения меркантильного порядка мешали ему дать ей пинка ногой,— я буду носить эту эмблему женского вероломства в память о той, кто подарила меня счастьем, увы, мимолетным, за кого я уже не буду поднимать чашу с вином искрометным и по чьей милости мне до конца моих недолгих дней суждена разлука с морфеем благодатным. Ха-ха-ха!

Здесь необходимо отметить следующее, на тот случай, если такое завершение монолога покажется кому-нибудь несуразным: мистер Свивеллер рассмеялся отнюдь не весело и не радостно (это действительно шло бы в разрез с его мрачными мыслями); находясь в несколько взвинченном состоянии, он исполнил то, что именуется в мелодрамах «сатанинским хохотом», ибо этот самый сатана, по-видимому, всегда хохочет по слогам и всегда ровно в три слога, ни больше ни меньше, о чем мы и считаем нужным упомянуть особо, поскольку это является отличительной чертой всего сатанинского племени.

Зловещие звуки едва успели стихнуть, и мистер Свивеллер все еще сидел, насупившись, в кресле для клиентов, как вдруг в конторе затренькал колокольчик, или, скажем лучше, применяясь к ощущениям нашего героя, раздался похоронный колокольный звон. Бросившись со всех ног отпирать дверь, мистер Свивеллер увидел за ней выразительную физиономию мистера Чакстера и обменялся с ним братским приветствием.

— Вы дьявольски рано осчастливили своим присутствием сие злачное место! — сказал этот джентльмен, балансируя на одной ноге и непринужденно потряхивая другой.

— Да, раненько,— согласился Дик.

— Раненько? — повторил мистер Чакстер, с той изящной небрежностью, которая так шла к нему.— Ну еще бы! Да известно ли вам, любезный мой друг, который час? Половина десятого утра, минута в минуту.

— Может, зайдете? — спросил Дик. — Я в одиночестве. Свивеллер соло. Теперь пора...

— Ночного колдовства...

— Когда гробы стоят отверсты...

— И по кладбищам бродят мертвецы.

Закончив этот обмен цитатами, оба джентльмена величественно выпрямились, после чего перешли на прозу и удалились в контору. Такие поэтические взлеты, свойственные всем Блистательным Аполлонам, связывали их между собой тесными узами и помогали им хотя бы ненадолго отрываться от холодной, скучной земли.

— Ну, как поживаете, мой прекрасный? — спросил мистер Чакстер,— садясь на табуретку.— Мне надо было заехать в Сити по одному личному делу, и я не мог пройти мимо, не заглянув к вам, хотя, клянусь честью, не ожидал застать вас здесь в такую несусветную рань.

Мистер Свивеллер выразил ему свою признательность за столь лестное внимание, и, когда из дальнейшей беседы выяснилось, что он чувствует себя превосходно и что мистер Чакстер тоже не может пожаловаться на нездоровье, оба джентльмена, по обычаю древнего братства, к которому они принадлежали, исполнили припев популярного дуэта «Все отменно хорошо», закончив его долгой трелью.

— Что новенького? — осведомился Ричард.

— В городе тишь да гладь, друг мой, как на поверхности голландской печки,— ответил мистер Чакстер.— Новостей нет. Кстати, ваш жилец в высшей степени странная личность. Перед ним пасует самый острый ум. Первый раз такого вижу.

— А что он натворил? — поинтересовался Дик.

— Клянусь вам, сэр! — воскликнул мистер Чакстер, вынимая из кармана табакерку, крышку которой украшала лисья голова, искусно вырезанная из меди.— Этот человек — полнейшая загадка, сэр! Представьте, он подружился с нашим практикантом! Наш Авель существо совершенно безвредное, но мямля и размазня, каких свет не создавал. Тебе захотелось водить с кем-нибудь компанию — допустим. Так почему же не сойтись с человеком, который разбирается в кое-каких вопросах и от которого можно понабраться и ума, и хороших манер? У меня есть свои недостатки, сэр...

— Бросьте, бросьте! — перебил его мистер Свивеллер.

— Нет, есть! И никто другой не отдает себе такого полного отчета в своих недостатках, как ваш покорный слуга. Но,— подчеркнул мистер Чакстер,— я не робкого десятка. Мои злейшие враги — а у кого их нет, сэр? — никогда не упрекали меня в робости. И скажу вам по чести, сэр, если бы мне было отпущено судьбой столько же привлекательных качеств, сколько их есть у нашего практиканта, я украл бы где-нибудь головку честерского сыра, привязал бы ее себе на шею и утопился. Жил, покрытый позором, так и умирай позорной смертью! Вот как я на это смотрю, сэр!

Мистер Чакстер умолк, постучал указательным пальцем по лисьему носу, взял понюшку табаку и в упор посмотрел на мистера Свивеллера, словно говоря: «Думаете, я чихну? Жестоко ошибаетесь!»

— И ваш жилец не только подружился с Авелем,— продолжал мистер Чакстер,— но завел знакомство с его отцом и матерью. Как вернулся из этой своей сумасбродной поездки, так прямо к ним — к ним домой! Кроме того, ваш жилец благоволит к пройдошливому юнцу, и он теперь наверняка повадится ходить сюда чуть не каждый день, в чем вы сами убедитесь. Со мной же, помимо обычных «здрасьте, прощайте», за все время не сказал и двух слов. И доложу вам, сэр,— заключил мистер Чакстер, сокрушенным покачиванием головы давая понять, что всякому долготерпению есть предел,— от всего этого решительно отдает дурным тоном, и если бы не мой патрон, который без меня как без рук, я счел бы за лучшее порвать с конторой. Это был бы самый правильный выход из положения.

Мистер Свивеллер, сидевший на табуретке против своего друга, в знак сочувствия помешал кочергой в камине, но промолчал.

— Что же касается пройдошливого юнца, сэр,— пророческим тоном продолжал мистер Чакстер,— то он плохо кончит, вот увидите. Наше ремесло научило нас разбираться в людях; помяните мое слово — мальчишка, который прибегает отработать шиллинг, еще покажет себя в истинном свете — и в самом недалеком будущем. Он презренный вор, вот он кто! Иначе и быть не может.

Разволновавшийся мистер Чакстер мог бы еще долго говорить на эту тему в еще более резких выражениях, если бы в дверь не постучали, а так как стук этот, по-видимому, возвещал о деловом визите, он сразу оробел, что несколько противоречило его недавнему заявлению. Мистер Свивеллер, тоже услышавший стук в дверь, как был, с кочергой в руках, заставил свою табуретку совершить полный оборот на одной ножке и, очутившись лицом к столу, сунул кочергу в ящик, после чего крикнул: «Войдите!»

И кто же появился в конторе, как не тот самый Кит, который навлек на себя гнев мистера Чакстера! При виде его к мистеру Чакстеру в мгновение ока вернулось мужество, и он принял чрезвычайно свирепый вид. Мистер Свивеллер выпучил на Кита глаза, потом вскочил с табуретки, рванул из ящика кочергу и, став в позитуру, произвел по всем правилам несколько яростных выпадов, точно в руках у него была рапира.

— Джентльмен у себя? — спросил Кит, несколько удивленный столь странным приемом.

Мистер Чакстер не дал мистеру Свивеллеру ответить и поспешил высказать свое крайнее возмущение таким вопросом, находя его неуважительным и заносчивым по тону, ибо двое джентльменов налицо, следовательно, посланный должен был бы справиться о третьем джентльмене или назвать предмет своих поисков по имени, предоставив двоим джентльменам самим определить общественное положение этой личности, поскольку не исключена возможность, что оно не из высоких. Далее мистер Чакстер заявил, что заданный в такой форме вопрос, в частности, оскорбителен и для него, но он не из тех, с кем можно вольничать, и некоторые пройдохи (распространяться о которых у него нет ни малейшей охоты) когда-нибудь почувствуют это на своей собственной шкуре.

— Я спрашивал о джентльмене со второго этажа,— сказал Кит, поворачиваясь к Ричарду Свивеллеру.

— А что? — заинтересовался Дик.

— У меня письмо к нему.

— От кого?

— От мистера Гарленда.

— Ах, вот как! — чрезвычайно вежливо сказал Дик.— В таком случае, оставьте его у меня, сэр. А если вам надо подождать ответа, сэр, пройдите в прихожую, сэр, это помещение у нас хорошо проветривается, и воздух там свежий, сэр.

— Благодарю вас,— сказал Кит.— Но мне велено передать письмо в собственные руки.

Беспримерная дерзость такого ответа поразила мистера Чакстера и пробудила в нем нежную заботу о чести своего друга, вследствие чего он заявил, что расправился бы с Китом на месте, да вот только место здесь не совсем подходящее, и что такая расправа, принимая во внимание чудовищный характер нанесенного оскорбления, встретила бы полное сочувствие английского суда присяжных, который вынес бы вердикт «убийство при оправдывающих вину обстоятельствах» и присовокупил бы к нему благоприятный отзыв о высоких моральных качествах мстителя. Мистер Свивеллер, настроенный совсем не так воинственно, был несколько смущен горячностью приятеля и, видимо, не знал, как ему поступить (ибо Кит хранил свое обычное спокойствие и миролюбие), но в эту минуту на лестнице вдруг послышался громкий голос одинокого джентльмена.

— Разве это не ко мне пришли? — крикнул он.

— К вам, сэр,— подтвердил Ричард.— Совершенно верно, сэр.

— Так где же он? — взревел одинокий джентльмен.

— Он здесь, сэр,— ответил мистер Свивеллер.— Молодой человек, вас просят подняться наверх, вы разве не слышите? Оглохли, что ли?

Кит решил не вдаваться в дальнейшие пререкания и, взбежав по ступенькам, оставил обоих Блистательных Аполлонов молча глазеть друг на друга.

— Что я вам говорил? — сказал мистер Чакстер.— Ну, как вам это покажется?

Мистер Свивеллер, будучи по натуре малым добродушным, не усмотрел в поведении Кита особого злодейства и поэтому смолчал, не зная, что ответить приятелю. Его вывел из затруднения приход мистера Самсона и мисс Салли, при виде которых мистер Чакстер удалился с должной поспешностью.

Мистер Брасс и его очаровательная сестрица, должно быть, обсуждали какой-то интересный и важный вопрос за своим скромным завтраком. В таких случаях они появлялись в конторе на полчаса позднее обычного, сияя улыбками, словно интриги и злоумышления вносили мир в их душу и озаряли светом их тружениченский путь. На сей раз и братец и сестрица явились в особенно радужном настроении; физиономия у мисс Салли была елейная, а мистер Брасс потирал руки с чрезвычайно игривым и беззаботным видом.

— Ну-с, мистер Ричард,— начал Брасс,— какое у нас сегодня самочувствие? Хорошее, бодрое, сэр? А, мистер Ричард?

— Ничего, сэр,— ответил Дик.

— Вот и чудесно! — сказал Брасс.— Ха-ха! Будем веселиться, мистер Ричард; что нам мешает веселиться? Мир, в котором мы живем, сэр, прекрасен, просто прекрасен! В нем попадаются дурные люди, мистер Ричард, но не будь дурных людей, не было бы и хороших стражей закона. Ха-ха! Получены какие-нибудь письма с утренней почтой? А, мистер Ричард?

Мистер Свивеллер ответил отрицательно.

— Ха! — воскликнул Брасс.— Это не суть важно. Если сегодня мало дел, значит, завтра привалит больше. Довольство малым услаждает наше существование, мистер Ричард. Кто-нибудь заходил?

— Только мой друг,— ответил Дик.— «Пусть нас друзья...

— ...не забывают,— быстро подхватил Брасс.— Пусть льется за столом вино». Ха-ха! Ведь, кажется, так говорится в песне? Славная песенка, мистер Ричард, совершенно в моем духе. Одобряю чувства, которые в ней воспеваются. Ха-ха! А ваш друг — тот самый молодой человек, что служит в кон-

торе Уизердена, не так ли?.. Да... «Пусть нас друзья...» И больше никого не было, мистер Ричард?

— Приходили к жильцу,— ответил мистер Свивеллер.

— Ах, вот как! — воскликнул Брасс.— Приходили к жильцу? Ха-ха! «Пусть нас друзья не забывают, пусть льется...» Значит, приходили к жильцу, а, мистер Ричард?

— Да, — сказал Дик, несколько озадаченный игривостью своего патрона.— И сейчас у него.

— И сейчас у него! — повторил Брасс.— Ха-ха! Желаем счастья им, веселья, и тру-ля-ля, и тру-ля-ля! Да, мистер Ричард? Ха-ха!

— Разумеется, — ответил Дик.

— А кто,— продолжал Брасс, перебирая бумаги на столе,— кто посетил нашего жильца — надеюсь, не дама? А, мистер Ричард? Строгие нравы улицы Бевис-Маркс, сэр... «Когда прелестница склоняется к безумствам...» — и прочее, тому подобное. А, мистер Ричард?

— Другой молодой человек, тоже от Уизердена — во всяком случае, имеет к нему какое-то касательство. Его зовут Кит.

— Кит? — воскликнул Брасс.— Странное имя... Кит, кит, рыба-кит. Да, мистер Ричард? Ха-ха! Значит, у него в гостях Кит? Так-с!

Дик взглянул на мисс Салли, удивляясь, что ей мешает пресечь болтовню Самсона, но поскольку она не собиралась делать это и, судя по ее физиономии, слушала его с молчаливым одобрением, он решил, что братец с сестрицей только что надули кого-то и готовятся получить по счету.

— Мистер Ричард,— сказал Брасс, беря со стола письмо,— не будете ли вы так любезны отнести вот это на Пикем-Рай? Ответа не требуется, но письмо важное, и его надо вручить лично. Обратный проезд запишите за счет конторы. Контору жалеть нечего, дери с нее сколько можно — вот девиз писца. А, мистер Ричард? Ха-ха!

Мистер Свивеллер с торжественной медлительностью стащил с себя спортивную куртку, облачился в полуфрак, снял шляпу с вешалки, сунул письмо в карман и удалился. Немедленно вслед за его уходом поднялась с места и мисс Салли; она сладко улыбнулась брату (он кивнул ей, щелкнув себя пальцем по носу) и тоже покинула контору.

Оставшись в одиночестве, Самсон Брасс распахнул настежь дверь, уселся за стол как раз напротив нее, так чтобы держать под наблюдением лестницу и прихожую, и начал бойко, с величайшим усердием писать, одновременно напевая отнюдь не мелодичным голосом какие-то обрывки музыкальных фраз, которые, по-видимому, имели непосредственное отношение к союзу церкви и государства, ибо они представляли собой мешанину из Вечернего псалма и гимна «Боже, храни короля»,

И так стряпчий с улицы Бевис-Маркс сидел, писал и напевал себе под нос довольно долго, лишь изредка отрываясь от своего занятия, чтобы прислушаться с вороватым видом, не идет ли кто, и после каждой такой паузы принимался напевать все громче и громче, а водить пером все медленнее и медленнее. Наконец дверь в комнате жильца отворилась и снова захлопнулась, и кто-то стал спускаться по лестнице. Тогда он бросил писать и запел во весь голос, не выпуская пера из рук, покачивая головой из стороны в сторону и улыбаясь ангельской улыбкой, с видом человека, совершенно упоенного музыкой.

К этому трогательному зрелищу ступеньки и сладкие звуки и привели Кита, после чего мистер Брасс пение свое прекратил, но улыбаться не бросил и, усиленно закивав головой, помахал пером в воздухе.

— Кит! — сказал мистер Брасс приятнейшим голосом.— Ну, как поживаешь?

Кит, несколько оробевший в присутствии этого новоявленного благожелателя, ответил как полагается и взялся за ручку двери, но мистер Брасс негромко подозвал его к себе.

— Не уходи, Кит, прошу тебя,— проговорил стряпчий таинственным и в то же время деловым тоном.— Вернись, будь так любезен. Ах! Боже мой, боже! — продолжал он, поднимаясь с табуретки и становясь спиной к камину.— Смотрю я на тебя, Кит, и вспоминаю одно нежное личико, милее которого мне и видеть не приходилось. Ты ведь прибегал туда раза два, когда мы описывали у них имущество. Ах, Кит, дорогой Кит! Людям нашего ремесла частенько приходится выполнять такие тяжелые обязанности, что ты нам не завидуй,— нечему тут завидовать.

— Я не завидую, сэр, — сказал Кит, — хотя не мне судить о вашем ремесле.

— В чем состоит наше единственное утешение, Кит? — продолжал стряпчий в глубокой задумчивости глядя на него.— В том, что если мы не в силах предотвратить бурю, то все же смягчаем ее, так сказать, умеряем ее порывы, гибельные для стриженых овечек.

«Вот уж правда, стриженые овечки! — подумал Кит.— Наголо остриженные!» — но вслух он ничего не сказал.

— По тому делу, Кит, о котором я сейчас упомянул, мне пришлось выдержать бой с мистером Квилпом, чтобы добиться для них кое-каких послаблений (ведь мистер Квилп — человек суровый). Я мог лишиться клиента, но вид страждущей добродетели вдохновил меня, и победа осталась за мной.

«А он, верно, не такой уж плохой человек»,— подумал простодушный Кит, глядя, как стряпчий жует губами, словно борясь с нахлынувшими на него чувствами.

— Я уважаю тебя, Кит,— взволнованно проговорил Брасс.— Я помню, как ты себя вел в те дни, и с тех пор уважаю тебя, хотя положение ты занимаешь невысокое и живешь в бедности. Но я смотрю не на жилет — мне важно сердце. Клетчатый жилет — это решетка, а сердце — пташка, что томится за ней. Но сколько есть таких пташек, которые постоянно чуть что меняют оперение и клюют своих ближних, просовывая клювик между прутьями!

Восприняв этот поэтический образ, как прямой намек на свой собственный клетчатый жилет, Кит окончательно растрогался, чему немало способствовали также выражение лица и голос мистера Брасса, ибо он разглагольствовал с видом кроткого, отрешившегося от земной суеты пустынника, и ему не хватало только вервия на его рыжем сюртуке да черепа на камине, чтобы окончательно закрепиться на этом поприще.

— Н-да,— протянул Самсон, улыбаясь мягкой улыбкой добрячка, снисходящего к слабостям — своим, а может быть и чужим.— Однако мы с тобой отвлеклись. Вот, будь любезен, возьми это.— И он показал на две монеты по полукроне каждая, которые лежали на столе.

Кит взглянул на них, потом на Самсона и замялся.

— Это тебе,— сказал Брасс.

— От кого?

— От кого, не важно,— ответил стряпчий.—Ну допустим, от меня. У нас наверху живут чудаковатые друзья, Кит, и лишние вопросы, лишние разговоры совсем не нужны. Ты ведь сам все понимаешь. Бери деньги, и дело с концом, и, между нами говоря, они, по-моему, не последние,— ты еще не раз будешь кое-что получать здесь. До свидания, Кит, до свидания!

Рассыпаясь в благодарностях и не переставая упрекать себя за то, что дурно думал о человеке, который, как выяснилось при первом же разговоре с ним, совсем того не заслуживал, Кит взял деньги со стола и поспешил домой. А мистер Брасс так и остался проветриваться у горящего камина и сразу же возобновил свои вокальные упражнения и ангельские улыбки.

— Можно войти? — спросила мисс Салли, выглянув из-за двери.

— Прошу, прошу! — крикнул ей братец.

— Кхэ? — вопросительно кашлянула мисс Брасс.

— Да,— ответил Самсон.— Могу доложить, что дело идет на лад.

ГЛАВА L VII

Предчувствия мистера Чакстера и гнев, которые они пробуждали в нем, имели под собой некоторые основания. Он оказался прав — дружба, зародившаяся между одиноким джентльменом и мистером Гарлендом, не только не охлаждалась, но

день ото дня крепла и расцветала. Они часто виделись и поддерживали постоянную связь друг с другом, а за последнее время, когда одинокий джентльмен немного прихворнул, что, вероятно, было вызвано разочарованием и волнениями, которые ему недавно пришлось перенести, их переписка и встречи еще более участились, и на улицу Бевис-Маркс чуть ли не ежедневно приезжал кто-нибудь из обитателей коттеджа «Авель» в Финчли.

К этому времени пони, окончательно оставив всякое притворство и не считая больше нужным ни кривить душой, ни церемониться, наотрез отказывался подчиняться кому-либо, кроме Кита, так что, кто бы ни приезжал к одинокому джентльмену — сам ли мистер Гарленд или мистер Авель, Кит неизменно сопутствовал им. Тому же Киту по роду его службы приходилось доставлять сюда письма и выполнять другие поручения, и, следовательно, пока одинокий джентльмен болел, он появлялся на улице Бевис-Маркс почти каждое утро с регулярностью почтальона.

Мистер Самсон Брасс, который, видимо, имел какие-то основания быть начеку, скоро научился издали распознавать рысцу пони и стук колес маленького фаэтона. Лишь только эти звуки достигали его слуха, он немедленно бросал перо и принимался ликующе потирать руки.

— Ха-ха! — восклицал мистер Брасс.— Опять пони к нам пожаловал! Замечательный пони, такой послушный, понятливый! А, мистер Ричард? А, сэр?

Дик отделывался сухим ответом, а мистер Самсон, став на нижнюю перекладину табурета, выглядывал на улицу поверх занавески и смотрел, кто приехал.

— Опять старый джентльмен,— говорил он.— Чрезвычайно почтенный старичок, мистер Ричард, такое приятное выражение лица... в чертах такая благостность... осанка, полная достоинства, сэр. Вот таким мне всегда представлялся король Лир, пока он еще стоял у кормила власти, мистер Ричард,— тот же спокойный нрав, те же седины и маленькая плешь, та же беззащитность перед людским коварством. Ах! Сколь поучительно созерцать такую добродетель, сэр!

Лишь только мистер Гарленд вылезал из фаэтона и поднимался наверх, Самсон начинал кивать и улыбаться Киту из окна, потом выходил на улицу пожать ему руку, и между ними завязывалась беседа наподобие нижеследующей:

— Какой он у тебя холеный, Кит! — Мистер Брасс поглаживает пони по спине.— Хвала тебе и честь. Так и лоснится! Ну, будто его лаком покрыли с головы до ног!

Кит поднимает руку к шляпе, улыбается, сам поглаживает своего Вьюнка и выражает твердую уверенность, что «второго такого пони мистер Брасс вряд ли где увидит».

— Спору нет, красивый конек,— продолжает Брасс.— И ведь, наверно, смышленый?

— Господи помилуй! — говорит Кит.— Да ему что ни скажи, он все поймет — как человек!

— Быть того не может! — восклицает Брасс; он слышал то же самое, на том же самом месте, из тех же самых уст и в тех же самых выражениях по меньшей мере десять раз и все же удивлен до крайности.— Ай-яй-яй!

— Сначала, сэр,— говорит Кит, польщенный горячим интересом, который проявляет стряпчий к его любимцу,— я и не думал что мы с ним будем такими друзьями.

— Ах! — вздыхает мистер Брасс для пущей назидательности, а также от полноты чувств.— Не пренебрегай таким прелестным предметом для размышлений. Тебе есть с чем поздравить себя, есть чем гордиться, Кристофер. Честность — лучший нам указчик, поверь моему личному опыту. Не далее как сегодня утром я поплатился сорока семью фунтами и десятью шиллингами, и только из-за своей честности. Но это мне не в убыток, отнюдь не в убыток!

Мистер Брасс исподтишка щекочет себе нос пером и устремляет на Кита слезящиеся глаза. Кит думает: недаром говорят, что внешность обманчива,— к кому же это и отнести, как не к Самсону Брассу!

— Человеку, — продолжает Самсон, — человеку, который ухитряется потерять за одно утро сорок семь фунтов десять шиллингов, можно лишь позавидовать. Будь это восемьдесят фунтов, радость моя не имела бы границ. Каждый потерянный фунт во сто крат увеличил бы мое блаженство. Чуть слышный тоненький голосок, Кристофер,— с улыбкой восклицает Брасс, ударяя себя в грудь,— напевает вот здесь веселые песенки, и на душе у меня светло и радостно!

Кит, умиленный столь поучительной беседой, готов подписаться под каждым словом мистера Брасса, и ему тоже хочется высказать что-нибудь эдакое, но тут на улице появляется мистер Гарленд. Мистер Самсон Брасс угодливо подсаживает старичка в фаэтон; пони несколько раз встряхивает головой, стоит минуты три-четыре в полной неподвижности, будто ноги у него приросли к земле и он решил никуда отсюда не двигаться — здесь жить и здесь умереть! — потом вдруг без всякого предупреждения берет с места и несется по улице со скоростью двенадцати миль в час. Тогда Самсон и его сестрица (уже давно выглядывающая из-за двери) обмениваются улыбкой, странной и не слишком приятной улыбкой, и присоединяются к мистеру Свивеллеру, который в их отсутствие услаждал себя разнообразными гимнастическими упражнениями и теперь сидит за столом весь потный, красный и старательно выскабливает на бумаге сломанным перочинным ножом несуществующую кляксу.

Когда же Кит приходил один, пешком, Самсон Брасс всякий раз вспоминал о важных делах, требующих отправки мистера Свивеллера если не на Пикем-Рай, то в какое-нибудь другое, не менее отдаленное место, откуда этот джентльмен мог вернуться часа через два, через три, а то и позже, так как, по чести говоря, он не считал нужным спешить в таких случаях и затягивал свои отлучки до пределов возможного. Вслед за мистером Свивеллером исчезала и мисс Салли. Тогда мистер Брасс отворял настежь дверь конторы и принимался беззаботно напевать все тот же мотивчик и улыбаться ангельской улыбкой. Лишь только Кит сходил вниз, его подманивали к столу, услаждали приятной, поучительной беседой, иной раз даже просили побыть в конторе минутку, пока мистер Брасс сбегает через улицу, а потом одаривали полукроной или кроной — как придется. Это повторялось довольно часто, и Кит, не сомневаясь, что деньги идут от одинокого джентльмена, который в свое время весьма щедро вознаградил миссис Набблс за ее труды, восхищался добротой своего покровителя и покупал дешевые гостинцы матери, Джейкобу, малышу а также и Барбаре и каждый божий день тот или другой из них уж обязательно получал от него в подарок какой-нибудь пустячок.

Пока все вышеописанные дела и события происходили в стенах и за стенами конторы Самсона Брасса, Ричард Свивеллер, которому теперь частенько случалось корпеть за своим столом в полном одиночестве, томился скукой, не зная, как убить время. Для того чтобы сохранить жизнерадостность и умственные способности, он обзавелся доской и колодой карт и стал играть в криббедж с болваном, причем ставки у них были по двадцать, тридцать и даже по пятьдесят тысяч фунтов, не говоря уже о рискованных пари, которые заключались на довольно солидные суммы.

Так как игра обычно велась в полной тишине, несмотря на ее широкий размах, мистеру Свивеллеру начало почему-то казаться, будто в те вечера, когда мистера и мисс Брасс не бывало дома (а они теперь часто уходили куда-то), за дверью в контору слышится не то сопенье, не то фырканье, и после недолгих размышлений он решил, что в этом скорее всего повинна маленькая служанка, которая вечно страдала насморком, простужаясь в холодной кухне. Однажды вечером мистер Свивеллер пригляделся попристальнее и в самом деле увидел чей-то глаз, поблескивавший и мерцавший в замочной скважине; убедившись в правильности своих догадок, он тихонько подкрался к двери и сцапал девочку, прежде чем она успела заметить его приближение.

— Ой! Я ничего дурного не делаю, честное слово не делаю,—закричала маленькая служанка, отбиваясь от него с такой силой, какая была бы впору служанке более рослой.— Мне

одной скучно на кухне. Только не жалуйтесь на меня хозяйке! Я вас очень прошу!

— Не жаловаться? — сказал Дик.— Ты что же, развлекаешься таким образом, ищешь общества?

— Да, да! — ответила она.

— И давно ты эдак свой глаз проветриваешь?

— С тех пор как вы стали играть в карты, и еще раньше.

Смутные воспоминания о довольно-таки фантастических пантомимах, которые освежали его в перерывах между трудами и, следовательно, проходили на виду у маленькой служанки, несколько опечалили мистера Свивеллера, но ненадолго, потому что он не принимал таких вещей близко к сердцу.

— Ну, что ж, входи,— сказал Ричард после минутного раздумья.— Садись... буду учить тебя играть в криббедж.

— Ой, что вы, разве можно! — вскричала маленькая служанка.— Мисс Салли меня убьет, если узнает, что я была наверху.

— А очаг на кухне горит? — спросил Дик.

— Самую чуточку,— ответила она.

— Меня мисс Салли не убьет, если узнает, что я был внизу, следовательно, пошли туда,— сказал Ричард, засовывая колоду в карман.— Эх! Какая ты худенькая! Это что же значит?

— Я не виновата.

— Говядину с хлебом есть будешь? — осведомился Дик, берясь за шляпу.— Да? Так я и думал. А пиво когда-нибудь пробовала?

— Разок хлебнула,— ответила маленькая служанка.

— Что тут делается! — завопил мистер Свивеллер, возводя очи к потолку.— Она не ведает вкуса пива! Разве его распробуешь с одного глотка! Да сколько тебе лет?

— Я не знаю.

Мистер Свивеллер широко открыл глаза и на минутку задумался, потом попросил девочку присмотреть за конторой до его прихода и немедленно исчез.

Вернулся он через несколько минут в сопровождении мальчика из кухмистерской, несшего в одной руке тарелку с хлебом и отварной говядиной, а в другой окутанную аппетитными клубами пара большую кружку с каким-то ароматичным напитком, который оказался подогретым пивом с примесью джина и был изготовлен по рецепту, полученному в кухмистерской от самого мистера Свивеллера в ту пору, когда последний, забирая там в долг, всячески старался снискать расположение ее хозяина. Освободив мальчика от его ноши и велев маленькой служанке на всякий случай запереть дверь, мистер Свивеллер последовал за ней на кухню.

— Вот! — сказал Ричард, ставя тарелку на стол.— Первым делом управься с этим, а что будет дальше, увидишь.

Маленькая служанка не заставила себя просить и мигом очистила тарелку.

— Теперь,— продолжал Дик, подставляя ей кружку,— приложись вот к этому, но только умеряй свои порывы — тут нужна привычка. Ну, как — вкусно?

— Ух! Еще бы не вкусно! — сказала она.

Мистер Свивеллер пришел в совершенно неописуемый восторг от такого ответа и сам надолго припал к кружке, устремив на маленькую служанку выразительный взгляд. Когда же со всеми предварительными церемониями было покончено, он начал обучать ее криббеджу, и она постигла эту науку довольно быстро, будучи девицей понятливой и вострой.

— Ну-с,— сказал мистер Свивеллер, сдав карты, оправив жалкий огарок и положив на блюдце две монеты по шести пенсов, — вот это наш банк. Если ты выиграешь, все твое. Если я выиграю — мое. А чтобы было веселей и больше похоже на всамделишную игру, я буду звать тебя маркизой. Поняла?

Маленькая служанка молча кивнула.

— Итак, маркиза,— сказал мистер Свивеллер,— шпарьте!

Маркиза крепко зажала карты в обеих руках, соображая, с какой пойти, а мистер Свивеллер, напустив на себя непринужденно светский вид, соответствующий обществу, в котором он находился, сделал еще один глоток из кубка и стал ждать первого хода своей партнерши.

ГЛАВА LVIII

Мистер Свивеллер и его партнерша с переменным успехом играли роббер за роббером до тех пор, пока проигрыш восемнадцати пенсов вкупе с постепенным убыванием пива и боем часов, ударивших десять раз, напомнили этому джентльмену о быстром беге времени и о необходимости удалиться отсюда до прихода мистера Самсона и мисс Салли Брасс.

— Преисполненный сих намерений, маркиза,— величественно произнес мистер Свивеллер,— я попрошу у вашей светлости разрешения сунуть доску в карман, осушить этот кубок до дна и откланяться, добавив напоследок, маркиза, что жизнь наша потока быстрее, пусть мчится, пусть мчится она, покуда невинная фея вином угощает меня. Маркиза, ваше здоровье! Надеюсь, вы меня извините, что я не снимаю шляпы, но ваш дворец малость сыроват, а мраморные полы у вас, если дозволено так выразиться, несколько склизкие.

Оберегая себя от этого последнего неудобства, мистер Свивеллер уже давно сидел, задрав ноги на решетку очага, и в такой позе он и приносил маркизе свои извинения, медленно допивая последние капли нектара.

— Итак, барон Самсоно Брассо и его прелестная сестрица в храме муз? — громовым голосом произнес мистер Свивеллер, тяжело опершись левой рукой на стол и подняв правую ногу, как это принято у разбойников в мелодрамах.

Маркиза кивнула.

— Ха! — воскликнул мистер Свивеллер, грозно насупив брови.— Прекрасно! Маркиза!.. Впрочем, нет. Эй, там! Подать вина! — Эти театральные реплики сопровождались соответствующей пантомимой: он подал сам себе кубок — раболепно, принял его — надменно, осушил — жадно и причмокнул губами— смачно.

Маленькая служанка, в противоположность мистеру Свивеллеру, не могла похвалиться дотошным знанием сценических условностей, ибо она не только не была ни на одном представлении, но даже не могла судить о них с чужих слов, если не считать отрывочных сведений, подслушанных ею у дверных щелей и в других запретных местах. Поэтому она порядком струхнула при виде такого лицедейства и столь откровенно выразила свой испуг, что мистер Свивеллер счел нужным сменить разбойничьи повадки на более скромные, под стать нашей обыденной жизни.

— А часто они удаляются в храм славы и оставляют вас одну?— спросил он.

— Еще как часто!— ответила маленькая служанка.— Мисс Салли — она гуляка.

— Что? — удивился Дик.

— Она гуляка, — повторила маркиза.

После минутного раздумья мистер Свивеллер пренебрег своей обязанностью одернуть маркизу и решил выслушать ее до конца, чувствуя, что пиво развязало ей язык и что при тех ограниченных возможностях общения, какие у нее имелись, она не посчитается со столь короткой паузой.

— А еще они ходят к мистеру Квилпу,— продолжала маленькая служанка, бросив на него хитренький взгляд,— да не только к нему, мало ли куда их носит.

— Значит, мистер Брасс тоже гуляка? — спросил Дик.

— Ну-у, до мисс Салли ему далеко,— ответила маленькая служанка, замотав головой. — Какое там! Он без нее шагу не ступит.

— Да? Вот как? — сказал Дик.

— Он у мисс Салли по струнке ходит —чуть что, так к ней за советом. А уж достается ему от нее — ух, достается!

— Они, должно быть, вечно друг с другом шушукаются,— сказал Дик, — и много о ком говорят... например, обо мне, — а, маркиза?

Маркиза что есть мочи закивала.

— Лестные отзывы? — осведомился Дик.

Маркиза изменила движение головы и, еще не перестав кивать, замотала ею из стороны в сторону, да так быстро, что чуть не свернула себе шею.

— Гм! — хмыкнул Дик.— Будет ли это нарушением оказанного вам доверия, маркиза, если вы сообщите мне, как именно они отзываются о скромной личности, которая сейчас имеет честь...

— Мисс Салли говорит, что вы чудила,— ответила его приятельница.

— Ну что ж, маркиза,— сказал мистер Свивеллер.— В этом пет ничего обидного. Веселый нрав, маркиза, не унижает человека. Старый дедушка Коль был веселый король, если верить тому, что записано на страницах истории.

— А еще она говорит, — продолжала маленькая служанка, — будто на вас нельзя положиться.

— Знаете, маркиза,— задумчиво пробормотал мистер Свивеллер,— точно такого же мнения обо мне придерживались некоторые другие леди и джентльмены, правда, не из этого сословия, а из торгового, сударыня, торгового. Один невежественный человек — содержатель кухмистерской, что через улицу, выразил серьезные опасения в том же духе, когда я заказывал ему наш сегодняшний банкет. Это предубеждение разделяют многие, маркиза, а почему — неизвестно, так как в свое время мне доверяли крупные суммы. И, клянусь вам, я никогда, никогда не обманывал своих кредиторов,— это они обманывались во мне. Мистер Брасс, очевидно, склоняется к тому же мнению?

Маленькая служанка снова кивнула и лукаво посмотрела на мистера Свивеллера, точно намекая, что в своих суждениях по этому вопросу мистер Брасс заходит гораздо дальше, чем его сестра, потом вдруг спохватилась и добавила умоляющим голосом:

— Только не жалуйтесь им, не то они изобьют меня до смерти!

— Маркиза,— сказал мистер Свивеллер, вставая из-за стола.— Слово джентльмена не менее надежно, чем его расписка, а иной раз даже надежнее, как, например, в данном случае, когда расписка может оказаться весьма сомнительным документом. Я ваш друг, и, надеюсь, мы с вами сыграем еще пе один роббер в этой гостиной. Но знаете, маркиза,— добавил вдруг Ричард, не дойдя до двери и медленно поворачиваясь на каблуках лицом к маленькой служанке, которая провожала его со свечой,— я прихожу к выводу, что у вас уже вошло в привычку торчать у замочной скважины,— иначе откуда бы взяться такой осведомленности?

— Я только хотела подглядеть,— ответила дрожащая маркиза, — куда они прячут ключ от чулана, и если б он отыскался, я бы много не взяла, а лишь бы не сосало под ложечкой.

— Значит, не отыскался?— сказал Дик.— Ну, конечно, нет, в противном случае вы были бы малость поупитанней. Спокойной ночи, маркиза. Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай, и советую вам, маркиза, для безопасности наложить цепочку на дверь.

С этим прощальным наставлением мистер Свивеллер вышел на улицу и, чувствуя, что на сегодняшний день им выпито ровно столько, сколько полезно для его организма (так как подогретое пиво с джином оказалось весьма крепкой и сильно действующей смесью), благоразумно решил пойти домой и немедленно же завалиться спать. Домой мистер Свивеллер и отправился, а поскольку его жилье (величавшееся по-прежнему во множественном числе — апартаментами) находилось недалеко от конторы, то через несколько минут он уже сел на кровать у себя в спальне, снял один сапог и, забыв о существовании второго, погрузился в глубокое раздумье.

— Эта маркиза,— говорил мистер Свивеллер, скрестив руки на груди,— существо в высшей степени странное... Она овеяна тайной, не имеет понятия о вкусе пива, не ведает собственного имени (впрочем, последнее менее удивительно) и обладает узким жизненным кругозором, ограниченным замочными скважинами. Что это — козни завистливого рока? Или, может быть, кто-то неизвестный вмешивается в веления судьбы? Непостижимая, умопомрачительная загадка!

Когда размышления мистера Свивеллера достигли таких плодотворных результатов, он вспомнил о втором сапоге и стал снимать его с чрезвычайно торжественным видом, мрачно покачивая головой и испуская тяжелые вздохи.

— Эти робберы,— продолжал мистер Свивеллер, надевая ночной колпак так же, как он всегда надевал шляпу, то есть набекрень,— эти робберы невольно наводят меня на мысли о семейном очаге. Супруга Чеггса играет в криббедж, а также в безик и, вероятно, бросается теперь от одной игры к другой. И полон день ее забав, ей не дают всплакнуть, слезинку вдруг ее поймав, забудь, твердят, забудь! Ан нет, не забудет! Я уверен,— добавил Ричард, поворачиваясь в профиль и с чувством удовлетворения разглядывая в зеркале бакенбарды, чуть видневшиеся у него на щеке,— я уверен, что теперь нож уже вошел в ее сердце. И поделом ей!

Ожесточение и суровость мистера Свивеллера постепенно растаяли, перейдя в возвышенную, нежную грусть, тогда он начал слегка стонать, заметался по комнате и даже сделал вид, будто собирается драть на себе волосы, но ограничился тем, что оторвал кисточку с ночного колпака, после чего с мрачной решимостью разделся и лег в постель.

Очутившись в таком отчаянном положении, другой на его месте пристрастился бы к вину, но для мистера Свивеллера в этом не было бы ничего нового, а потому, узнав, что София

Уэклс утрачена им навсегда, он решил пристраститься к игре на флейте, так как это вполне добропорядочное, солидное, унылое занятие не только отвечало его собственным печальным мыслям, но было способно пробудить братские чувства и в сердцах соседей по дому. Итак, верный своему решению, мистер Ричард пододвинул к кровати маленький столик, пристроил на нем поудобнее свечу и узкую нотную тетрадку, вынул флейту из футляра и стал исторгать из нее до невозможности унылые звуки.

Репертуар его состоял из песенки «Гони тоску» — пьесы, которая, будучи исполнена на флейте в постели, в очень медленном темпе, да еще джентльменом, не совсем освоившим этот инструмент и повторяющим одну ноту бессчетное количество раз, прежде чем нащупать следующую,— производила довольно тяжелое впечатление. Однако мистер Свивеллер, то лежа на спине и глядя в потолок, то свешиваясь по пояс с кровати и проверяя себя по нотной тетрадке, дудел и дудел эту злосчастную песенку до полуночи, если не дольше, с короткими перерывами, которые употреблялись на то, чтобы перевести дух, поразглагольствовать о маркизе и с удвоенными силами приняться за игру. И лишь тогда, когда все темы для размышлений были у него исчерпаны, когда флейта приняла в себя без остатка все чувства, навеянные ему пивом, а жильцы этого дома, двух соседних и одного через улицу дошли почти до умопомешательства, — лишь тогда мистер Свивеллер захлопнул нотную тетрадь, потушил свечку, повернулся к стене и с легкостью на душе и сердце уснул.

Утром он встал, со свежими силами поупражнялся с полчаса на флейте и, благосклонно выслушав требование съехать с квартиры, которым встретила его хозяйка, торчавшая с этой целью на лестнице с раннего утра, отправился в контору, где прелестная Салли уже восседала на своем месте, излучая ликом кроткое сияние, подобное тому, что льет на землю девственная луна.

Мистер Свивеллер почтил мисс Брасс коротким кивком и сменил полуфрак на спортивную куртку, на что обычно у него уходило немало времени, так как влезть в нее, вследствие узости рукавов, можно было только после целой серии довольно резких телодвижений. Справившись наконец с этой трудной задачей, он сел за стол.

— Послушайте,—промолвила вдруг мисс Брасс, нарушая молчание, царившее в конторе.— Вам не попадался сегодня утром серебряный пенал?

— Попадались по дороге, но редко,— ответил мистер Свивеллер.— Один, правда, мне запомнился,— толстяк довольно почтенного вида. Но поскольку он шел с пожилым перочинным ножом и юной зубочисткой и вел с ними оживленную беседу, я постеснялся остановить его.

— Нет, в самом деле! — сказала мисс Брасс.— Я серьезно спрашиваю.

— Какой же вы олух, если можете серьезно задавать мне такие вопросы! — воскликнул мистер Свивеллер.— Ведь я же только что пришел!

— Так или иначе,— сказала мисс Салли,— пенала нигде нет, а исчез он на днях с моего стола, куда я сама его положила.

«Эге-ге! — подумал Ричард.— Надеюсь, это не маркизины делишки?»

— Кроме пенала, был еще серебряный ножик,— продолжала мисс Салли.— То и другое мне подарил отец много лет тому назад, и ножик тоже пропал. У вас у самого все цело?

Мистер Свивеллер невольно хлопнул себя по бокам, точно проверяя, что на нем — куртка или длиннополый полуфрак, и, убедившись в наличии своего единственного на улице Бевис-Маркс движимого имущества, ответил утвердительно.

— Пренеприятная история, Дик,— сказала мисс Брасс, вынимая из кармана жестяпую табакерку и освежаясь понюшкой табака.— Я делюсь с вами как с другом, и это, конечно, между нами, потому что, если Сэмми узнает, разговорам не будет конца. С некоторых пор из конторы стали пропадать и деньги. Я, например, уже третий раз не досчитываюсь по полукроне.

— Быть того не может! — воскликнул Дик.— Не бросайтесь словами, старина, это дело серьезное. Вы уверены, что это так? Нет ли тут какой ошибки?

— Это все так, и никакой ошибки тут нет,— веско проговорила мисс Брасс.

«Ну, кончено,— мысленно сказал Ричард, откладывая перо в сторону, — пропала моя маркиза!»

Чем больше Дик размышлял над этим, тем больше убеждался, что преступница не кто иная, как несчастная маленькая служанка. А когда он вспомнил, как приходится голодать этой всеми заброшенной девочке, в каком невежестве она живет, когда подумал, что лишения и нужда только обострили ее природное лукавство, сомнения его почти исчезли. И ему стало так жалко ее, так не хотелось, чтобы этот случай положил конец их необычно завязавшемуся знакомству, что он сказал себе — и сказал вполне искренне: я бы не пожалел пятидесяти фунтов наличными, лишь бы маркиза оказалась невиновной.

Мистер Свивеллер еще долго предавался этим глубоким и серьезным размышлениям; мисс Салли еще долго сидела, насупившись, и с чрезвычайно многозначительным видом покачивала головой, как вдруг в прихожей послышался голос ее брата Самсона, напевающего какой-то веселенький мотивчик,

и через минуту этот джентльмен, сияя благостной улыбкой, вошел в контору.

— С добрым утром, мистер Ричард, сэр! Вот мы с вами опять начинаем новый день, сэр, окрепнув телом после сна и завтрака и возвеселившись духом. Вот мы с вами опять, мистер Ричард, поднялись вместе с солнцем и ступили на свою скромную стезю — стезю долга, сэр, и, подобно небесному светилу, проведем день в трудах, кои окажут честь нам самим и послужат на благо нашим ближним. Очаровательный предмет для размышлений сэр, просто очаровательный!

Обращаясь с этими словами к писцу, мистер Брасс с подчеркнутой тщательностью разглядывал на свет бумажку в пять фунтов, которая была у него в руках.

Мистер Ричард выслушал излияния своего патрона без всякого восторга, и Самсон, переведя взгляд на его лицо, сразу заметил на нем печать озабоченности.

— Вы не в духе, сэр,— сказал он.— Мистер Ричард, за работу надо приниматься весело, зачем впадать в отчаяние? Нам надлежит, сэр...

Тут целомудренная Сара испустила громкий вздох.

— Боже мой! — воскликнул мистер Самсон. — И ты тоже? Что случилось? Мистер Ричард, сэр...

Скосив глаза на мисс Салли, Дик увидел, что она знаками просит его посвятить брата в их недавний разговор. Поскольку положение самого мистера Свивеллера было не из приятных, пока этот вопрос оставался неразрешенным, он так и сделал, и мисс Брасс подтвердила его слова, угощаясь из своей табакерки с совершенно несвойственной ей расточительностью.

Физиономия у Самсона вытянулась и приняла испуганное выражение. Но вместо того чтобы горестно оплакивать пропажу, как ожидала мисс Салли, он на цыпочках подошел к двери, отворил ее и, выглянув в прихожую, снова затворил, потом так же на цыпочках вернулся назад и сказал шепотом:

— Странная история, мистер Ричард, и в высшей степени неприятная, сэр... в высшей степени неприятная! У меня тоже пропадали небольшие суммы из стола, я молчал об этом, надеясь, что преступник как-нибудь случайно обнаружится, но он не обнаружился, увы, увы! Салли... мистер Ричард... прискорбный случай, сэр, ах, какой прискорбный!

Говоря это, Самсон в рассеянии бросил банковый билет на стол, заваленный бумагами, и сунул руки в карманы. Ричард Свивеллер показал на деньги и посоветовал ему спрятать их.

— Нет, мистер Ричард, ни за что! — горячо воскликнул Брасс.—Я не стану прятать этот банковый билет! Пусть тут и лежит, сэр! Спрятав его, я тем самым выразил бы сомнение в вашей честности, мистер Ричард, но мое доверие к вам без-

гранично, сэр! С вашего разрешения, сэр, мы оставим деньги здесь и никуда их отсюда не переложим.— С этими словами мистер Брасс самым дружеским образом похлопал Дика два или три раза по плечу и сказал, что полагается на его порядочность, как на свою собственную.

В другое время мистер Свивеллер счел бы такой комплимент весьма сомнительным, но сейчас ему приходилось только радоваться, что его ни в чем не подозревают. Он ответил своему патрону как подобало, тот стиснул ему руку и, по примеру мисс Салли, погрузился в мрачное молчание. Ричард тоже сидел задумчивый, боясь вот-вот услышать, как маркизу обвинят в воровстве, и не в силах отогнать от себя мысль, что она действительно повинна в этом.

Так они просидели несколько минут, и вдруг мисс Салли, громко стукнув кулаком по столу, вскрикнула:

— Авось не промахнусь! — и не только не промахнулась, а даже отколола от него порядочную щепку. Впрочем, восклицание ее имело совсем другой смысл.

— Ну! — заволновался Брасс.— Говори, что же ты молчишь!

— Скажите мне, пожалуйста,— с торжествующим видом начала его сестрица,— разве некто не повадился ходить к нам в контору чуть не каждый день за последние три-четыре недели? Разве этот некто не оставался здесь частенько совсем один — все по твоей же милости? А теперь ты будешь утверждать, что этот некто не вор?

— Какой такой некто? — вскипел Брасс.

— Да этот, как его... Кит!

— Молодой человек от мистера Гарленда?

— Вот именно.

— Нет! — крикнул Брасс.— Нет! Слышать не желаю! Не смей и заикаться об этом! — Он мотал головой, поводил руками, точно отмахиваясь от облепившей его густой паутины.— Ни за что не поверю! Нет, нет!

— А я тебе говорю, — повторила мисс Брасс, беря понюшку табаку,— что он вор.

— А я тебе говорю,— яростно вскричал Самсон,— что он не вор! Что это в самом деле! Да как ты смеешь? Разве можно наговаривать на людей! Разве ты не знаешь, что этот юноша сама честность, сама порядочность, что его имя ничем не запятнано! Прошу, прошу!

Однако последние слова, произнесенные тем же негодующим тоном, что и предшествующая им тирада, относились не к мисс Салли, а к тому, кто в эту минуту постучал в дверь, и не успели они замереть на устах мистера Брасса, как в конторе собственной персоной появился Кит.

— Разрешите спросить, сэр, джентльмен у себя?

— Да, Кит,— ответил Брасс, все еще пылая благородным негодованием и сердито косясь на сестру из-под насупленных бровей.— Да, Кит, он наверху. Очень рад тебя видеть, Кит, просто счастлив тебя видеть. На обратном пути загляни ко мне, Кит. Чтобы этот юноша,— воскликнул Брасс, когда Кит вышел из конторы,— этот юноша с таким открытым, честным лицом был грабителем! Да я бы доверил ему горы золота! Мистер Ричард, сэр, будьте любезны сейчас же отправиться к Рэспу и К°, что на Броуд-стрит, и узнать, есть ли у них полномочия выступать в суде по делу Керкема и Пейнтера. Чтобы этот юноша был грабителем! — И распаленный гневом Самсон презрительно хмыкнул.— Что я, ослеп, оглох, поглупел, перестал разбираться в людях? Кит — грабитель! Пфа!

Бросив в лицо мисс Салли это заключительное междометие, полное насмешки и невыразимого пренебрежения, Самсон Брасс сунул голову в открытое бюро, чтобы глаза его не видели мир, в котором возможна такая подлость, и, держа крышку на весу, вызывающе фыркнул из-под нее.

ГЛАВА LIX

Когда Кит, выполнив хозяйское поручение, минут через двадцать вышел от одинокого джентльмена и спустился вниз, стряпчий был в конторе один. Он не напевал, как обычно, и не сидел за столом. Кит увидел в отворенную дверь, что мистер Самсон Брасс стоит спиной к камину с таким странным лицом, будто ему вдруг стало плохо.

— Что-нибудь случилось, сэр? — спросил Кит.

— Нет! — воскликнул Брасс.— Ничего не случилось! А что?

— Вы такой бледный,— ответил Кит.— Вас просто не узнать.

— Пустяки! Тебе просто почудилось! — воскликнул Брасс и нагнулся подбросить угля в камин.— Я здоров и бодр, как никогда. И на душе весело. Ха-ха! А как себя чувствует наш друг с верхнего этажа — а, Кит?

— Ему гораздо лучше,— ответил мальчик.

— Рад это слышать,— сказал Брасс.— Благодарение богу! Прекрасный джентльмен! Достойный, великодушный, щедрый джентльмен! И удобный жилец! — не причиняет нам никаких беспокойств. Ха-ха! А мистер Гарленд? Надеюсь, он здоров, Кит? А пони? Ты же знаешь, мы с ним друзья — закадычные друзья. Ха-ха!

Кит заверил стряпчего, что самочувствие членов маленького семейного круга в коттедже «Авель» не оставляет желать лучшего. Мистер Самсон, который на сей раз слушал почему-то невнимательно, даже нетерпеливо, забрался на табуретку и, подозвав его к себе, взял за пуговицу.

— А я все думаю, Кит,— начал стряпчий,— как бы увеличить доходы твоей матушки. Ведь у тебя есть матушка? Мне будто помнится, ты сам говорил...

— Да, сэр, как же, как же!

— И, кажется, вдова, трудолюбивая вдова?

— Такой работящей женщины и нежной матери во всем свете не найдешь, сэр!

— Ах! — вздохнул Брасс.— Как это трогательно, поистине трогательно! Бедная вдова выбивается из сил, чтобы одеть, обуть и прокормить своих сироток,— какой восхитительный пример человеческой добродетели!.. Положи куда-нибудь шляпу, Кит.

— Благодарю вас, сэр, мне пора идти.

— Все равно положи, пока не ушел,— сказал Брасс и, взяв шляпу у него из рук, освободил для нее место на столе, среди вороха бумаг.— Знаешь, о чем я думал, Кит? Мы часто сдаем дома по поручению наших клиентов, а для присмотра за ними нанимаем людей, и люди эти сплошь и рядом оказываются ненадежными, не заслуживающими никакого доверия. Так вот — что, если мы поселим в одном из таких домов человека, на которого можно положиться, и в то же время сделаем доброе дело? Что, если мы возьмем в услужение такую достойную женщину, как твоя матушка? Тут ей и работа будет, и квартира почти круглый год — квартира неплохая, к тому же бесплатная. Жалованье каждую неделю. Да она заживет припеваючи, Кит, не то что сейчас. Ну, так как же ты полагаешь? Есть у тебя какие-нибудь возражения? Я хочу только одного — сослужить тебе службу, Кит, так что ты брось стесняться, признавайся прямо.

Говоря это, Самсон несколько раз перекладывал шляпу Кита с места на место и искал что-то среди бумаг.

— Какие же тут могут быть возражения, сэр! — от всей души воскликнул Кит.— Я не знаю, как мне благодарить вас, сэр, за вашу доброту, право не знаю!

— Стало быть,— сказал Брасс, вдруг круто повернувшись к Киту и приблизив к нему лицо с такой отвратительной улыбкой, что Кит испуганно отпрянул от благожелательного стряпчего,— стало быть, дело сделано.

Кит растерянно смотрел на него.

— Сделано! — повторил Самсон, потирая руки и снова напуская на себя прежнюю елейность.— Ха-ха! Ты еще в этом убедишься, Кит, сам убедишься! Однако куда это мистер Ричард запропастился? Вот копун, сладу с ним нет! Ты побудешь здесь, пока я поднимусь наверх? Всего одну минутку. Я тебя не задержу, Кит, ни в коем случае не задержу.

С этими словами мистер Брасс выбежал из конторы и вскоре вернулся. Почти следом за ним пришел и мистер Свивеллер, а когда Кит, стараясь наверстать упущенное время, быст-

рыми шагами выходил из конторы, в дверях ему встретилась сама мисс Брасс.

— А-а! — насмешливо протянула Салли, провожая его взглядом.— Твой любимчик, да, Сэмми?

— Да! — ответил Брасс.— Мой любимчик, если тебе так угодно. Честнейший юноша, мистер Ричард, сэр, достойнейший юноша!

— Кхэ! — кашлянула мисс Брасс.

— А ты так и знай, болван ты эдакий, что я за него головой ручаюсь! — воскликнул разгневанный Самсон.— Прекратятся когда-нибудь эти разговоры или нет? Долго ты еще будешь изводить и терзать меня своими грязными подозрениями? Неужели ты, низкая душонка, не уважаешь истинной добродетели? Да если уж на то пошло, так я скорее усомнюсь в твоей честности!

Мисс Салли вынула из кармана жестяную табакерку и медленно втянула носом щепотку табаку, не сводя глаз с брата.

— Она способна довести человека до белого каления, мистер Ричард, сэр! — говорил Брасс.— Она извела меня, замучила! Я горячусь, волнуюсь,— знаю, сэр, знаю! Мы, деловые люди, должны владеть собой, держать себя в руках, сэр, но ведь она кого угодно выведет из терпения!

— В самом деле, оставьте вы его в покое! — сказал Дик.

— Что вы, сэр, как можно! — не унимался Брасс.— Да для нее самое большое удовольствие досаждать мне на каждом шагу. Она без этого зачахнет, сэр! Но пусть, пусть измывается! Все равно моя возьмет! Я доказал на деле свое доверие этому юноше. Сегодня он опять сторожил контору. Ха-ха! У-у, аспид!

Обольстительная дева взяла еще одну понюшку и сунула табакерку в карман, по-прежнему с ледяным спокойствием глядя на брата.

— Сегодня он опять сторожил контору,— торжествующим тоном повторил Брасс.— Я ему доверяю и впредь буду доверять. Он... что такое... где же...

— Что вы ищете? — осведомился мистер Свивеллер.

— Боже мой! — воскликнул Брасс, ощупывая один за другим все свои карманы, шаря в столе, на столе, под столом, судорожно расшвыривая на нем бумаги.— Банковый билет, мистер Ричард, сэр, банковый билет в пять фунтов стерлингов... Куда же он делся? Господи помилуй! Я же сам его сюда положил!

— Ага! — крикнула мисс Салли вскакивая с места, хлопая в ладоши и подкидывая ногой бумаги, разлетевшиеся по полу.— Хватился все-таки! Чья была правда? Кто стащил твои деньги? Что такое пять фунтов? Стоит ли беспокоиться из-за пяти фунтов? Он же честный-пречестный! *Его* заподозрить? Фу! Какая низость! Не вздумай бежать за ним! Что ты, что ты, разве можно!

— Неужто нигде нет? — спросил Дик, и неизвестно, кто из них был бледнее, он или Брасс.

— Клянусь вам, мистер Ричард! — ответил стряпчий, в волнении шаря по карманам.— Боюсь, что тут дело нечисто. Да, нигде нет, сэр. Как же теперь быть?

— Только не вздумай бежать за ним,— повторила мисс Салли, снова беря понюшку табаку.— Разве это можно? Дай ему время спустить деньги с рук. Не изобличать же его в самом деле!

Мистер Свивеллер и Самсон Брасс перевели растерянный взгляд с мисс Салли друг на друга, потом, движимые единым порывом, схватились за шляпы, выбежали из конторы и, сметая все препятствия на своем пути, помчались посредине улицы с такой быстротой, точно от этого зависела их жизнь.

Кит, как нарочно, тоже бежал, правда, медленнее, чем его преследователи, но по сравнению с ними у него было преимущество в несколько минут. Однако, сразу выбрав правильную дорогу, они вскоре нагнали его — как раз в тот миг, когда он, переведя дух, снова пустился бегом.

— Стой! — крикнул Самсон и ухватил его за одно плечо, а мистер Свивеллер вцепился ему в другое.— Полегче, сударь! Ты что, спешишь?

— Да, спешу,— ответил Кит, в изумлении глядя на них обоих.

— Я... я еще сам этому не верю,— задыхаясь, проговорил Самсон.— Но в конторе обнаружена пропажа. Ты, конечно, не знаешь какая?

— Помилуйте, мистер Брасс! Откуда же мне знать? — воскликнул Кит, дрожа всем телом.— Неужели вы думаете...

— Нет, нет! — заторопился стряпчий.— Я ничего не думаю и ничего такого тебе не говорю — запомни это. Надеюсь, ты вернешься с нами в контору добровольно?

— Конечно, вернусь,— сказал Кит.— Почему же мне не вернуться?

— В самом деле! — воскликнул Брасс.— Почему не вернуться? Это вопрос вполне законный. Если б ты только знал, Кристофер, как я за тебя заступался сегодня утром и чего мне это стоило, тебе бы стало стыдно!

— Это вам будет стыдно, сэр, что вы в чем-то меня заподозрили,— сказал Кит.— Пойдемте! Пойдемте скорее!

— Правильно! — воскликнул Брасс.— Чем скорее, тем лучше. Мистер Ричард, будьте любезны, сэр, взять его под руку, а я с этой стороны. Идти троим в ряд не очень удобно, но сейчас ничего другого не придумаешь, сэр. С этим надо примириться.

Когда они подхватили Кита с двух сторон, он вспыхнул, потом побледнел, потом снова вспыхнул и даже подумал было оказать сопротивление своим конвоирам, но, быстро овладев со-

бой и сообразив, что в таком случае его, чего доброго, потащат за шиворот по людным улицам, решил покориться и только со слезами на глазах снова сказал Брассу, как бы ему не пришлось пожалеть обо всем этом. На обратном пути мистер Свивеллер, весьма тяготившийся своей ролью, улучив минутку, шепнул Киту на ухо, что, если он во всем признается, хотя бы кивком головы, и пообещает никогда больше так не делать, он, Свивеллер, не воспрепятствует ему лягнуть Самсона Брасса и скрыться в ближайшую подворотню. Но поскольку Кит с негодованием отверг это предложение, Ричарду не оставалось ничего другого, как крепко держать его под руку до тех пор, пока они не дошли до улицы Бевис-Маркс и не предстали все трое перед очаровательной Сарой, которая из предосторожности немедленно заперла за ними дверь на ключ.

— Теперь я должен сказать тебе следующее, Кит,— начал Брасс.— По-видимому, это один из тех случаев, когда разбор дела приведет к оправданию ответчика, следовательно, подробное ознакомление со всеми фактами и в твоих и в наших интересах. А посему, если ты согласишься на обследование,— и, подвернув обшлага, он показал, какое обследование имеется в виду,— это послужит к нашему обоюдному удовольствию и успокоению.

— Обыщите меня,— гордо сказал Кит и поднял руки,— но попомните мое слово, сэр, вам до конца ваших дней будет стыдно, что вы так обошлись со мной.

— Да, это весьма неприятно,— со вздохом проговорил Брасс, забираясь в один из карманов Кита и извлекая оттуда целую пригоршню разных мелочей.— Весьма неприятно... Здесь ничего нет, мистер Ричард, содержимое этого кармана вполне меня удовлетворяет, сэр. Здесь тоже. В жилетном кармане ничего не обнаружено, мистер Ричард, так же как и в заднем. Пока что мне остается только радоваться!

Ричард Свивеллер с живейшим интересом наблюдал за всей этой процедурой, держа шляпу Кита, и на лице его появился тончайший намек на улыбку, когда Самсон, прищурив один глаз, заглянул в рукав бедняги, точно в телескоп. Но тут стряпчий вдруг быстро повернулся и сказал:

— Обследуйте шляпу.

— Обнаружен носовой платок,— доложил Ричард.

— Вещь вполне безобидная, сэр.— Брасс заглянул в другой рукав и продолжал медленно, с расстановкой, точно все его внимание было поглощено открывшейся перед ним бесконечной перспективой.— Носовой платок вещь совершенно безобидная, сэр. Правда, лица медицинского сословия считают ношение платка в шляпе вредным для здоровья, мистер Ричард... Я слышал, будто бы это парит голову... но со всех других точек зрения тут нет ничего предосудительного... решительно ничего пре...

Восклицание, вырвавшееся одновременно у Ричарда Свивеллера, у мисс Салли и у самого Кита, заставило стряпчего остановиться на полуслове. Он круто повернулся и увидел в руках у Дика банковый билет.

— В шляпе? — взвизгнул Брасс.

— За подкладкой, под носовым платком,— ответил Дик, потрясенный своей находкой.

Мистер Брасс перевел взгляд с него на сестру, на стены, на потолок, на пол—куда угодно, только не на Кита, который стоял в полном оцепенении, не в силах сдвинуться с места.

— Вот!! — возопил Самсон, заламывая руки.— Вот он, мир, что вертится вокруг собственной оси, испытывает на себе воздействие луны, участвует в коловращении вселенной и совершает тому подобные штуки! Вот она, человеческая природа! О природа, природа человеческая! И вот он, злодей, которого я хотел облагодетельствовать по мере своих слабых сил и которого мне все-таки жалко, так жалко, что я готов был бы отпустить его на свободу! Но,— тут мистер Брасс призвал на помощь все свое мужество,— я сам стряпчий и должен блюсти закон моей достославной родины, подавая пример другим. Салли, душенька, не сердись и придержи его с той стороны. Мистер Ричард, сэр, будьте любезны сбегать за полисменом. С минутной слабостью покончено, она преодолена, сэр, стойкость духа вернулась ко мне. Итак, попрошу привести полисмена, сэр!

ГЛАВА LX

Кит стоял в оцепенении, уставившись в пол широко открытыми глазами, не ощущая у себя за воротом ни дрожащих пальцев мистера Брасса, ни более уверенной хватки мисс Салли, хотя последнее представляло собой немалое неудобство, ибо эта упоительная женщина так крепко вцепилась в него и время от времени так больно вдавливала ему кулаки в шею, что, несмотря на всю свою растерянность и весь свой ужас, он не мог отделаться от неприятного чувства удушья. В таком положении, стиснутый с обеих сторон Самсоном и Салли, он покорно простоял до тех пор, пока мистер Свивеллер не ввел в контору полисмена.

Этот представитель власти, привыкший к подобным сценам, относившийся ко всякого рода хищениям, начиная с мелкого воровства и кончая кражами со взломом и разбоем на большой дороге, как к делам самым обыденным, и видевший в преступниках всего лишь клиентов — тех, кого надлежало обслуживать в оптово-розничных предприятиях уголовного права, где он дежурил за стойкой, выслушал мистера Брасса с таким же интересом и удивлением, какие мог бы проявить гробовщик, если бы ему начали обстоятельно рассказывать о последних днях по-

койника, который ждет от него услуг чисто профессионального характера. Итак, полисмен выслушал мистера Брасса и преспокойно взял Кита под стражу.

— Что ж, доставим его в судебную камеру, благо судья еще там,— сказал этот низший служитель правосудия.— А вам, мистер Брасс, придется отправиться вместе с нами — вам... и...— Он посмотрел на мисс Салли, видимо, недоумевая, что это такое — грифон или какое-нибудь другое мифологическое чудовище.

— И этой леди? — пришел ему на помощь Самсон.

— Что? Да, и этой леди,— ответил полисмен.— А также молодому человеку, который обнаружил деньги.

— Мистер Ричард,— скорбным голосом проговорил Брасс.— Печальная необходимость. Но что поделаешь, сэр! На алтарь отечества, сэр...

— Вы, наверно, карету наймете? — не дал ему докончить полисмен и небрежно взял Кита (уже отпущенного его прежними стражами) за руку, чуть выше локтя.— Тогда пошлите за ней кого-нибудь.

— Дайте мне сказать хоть слово! — вырвалось вдруг у Кита, и, подняв голову, он обвел их всех умоляющим взглядом.— Хоть одно слово: я ни в чем не виноват! Клянусь вам! Я—вор? Мистер Брасс, вы же знаете меня, и как знаете! Это не хорошо с вашей стороны!

— Констебль, я даю вам слово...— начал было Самсон, но тут полисмен провозгласил основное конституционное положение: «На слова плевать!», добавив от себя, что слова — это манная кашка для младенцев, тогда как людям взрослым нужна более питательная пища, а именно — клятвенные заверения.

— Не возражаю, констебль,— тем же скорбным голосом проговорил Брасс.— Вы совершенно правы. Так вот, клянусь вам, констебль, до рокового разоблачения, то есть еще несколько минут тому назад, я так полагался на этого юношу, что доверил бы ему... Карету, мистер Ричард! Чего же вы мешкаете, сэр?

— Разве люди, которые меня знают, откажут мне в доверии! — воскликнул Кит.— Спросите любого из них — разве они когда-нибудь сомневались в моей порядочности? Разве я обсчитал кого-нибудь хоть на фартинг? Разве я совершил хоть один нечестный поступок, когда жил в бедности и голодал? Так неужели же я свернул на эту дорогу теперь? Подумайте, что вы делаете, какое страшное обвинение на меня возводите! Смогу ли я теперь показаться на глаза своим друзьям, добрее которых не сыщешь на свете!

Мистер Брасс возразил, что арестованному следовало бы призадуматься над этим раньше, и собрался было отпустить какое-то другое, не менее суровое замечание, но тут на лестнице послышался громкий голос — это одинокий джентльмен

спрашивал, что у них происходит и почему в доме такой шум и переполох. Кит невольно метнулся к двери, спеша объяснить ему все, но полисмен успел перехватить его, и несчастный арестант с болью в сердце увидел, как Самсон Брасс выбежал из конторы со своим собственным докладом.

— Ему тоже не верится,— сказал Самсон, вернувшись.— Да и кто этому поверит? Я очень бы хотел, чтобы мои чувства обманывали меня, но, увы! их свидетельство неопровержимо. Мне нет нужды подвергать допросу глаза,— он прищурился и протер их рукой,— они твердо отстаивают и будут отстаивать свое первое показание. Сара! Карета подъехала. Надень шляпку, и пойдем. В какой печальный путь мы отправляемся! Будто душу хоронишь, собственную душу!

— Мистер Брасс,— сказал Кит.— Уважьте мою просьбу. Отвезите меня сначала к мистеру Уизердену.

Самсон нерешительно покачал головой.

— Прошу вас,— настаивал Кит.— Там сейчас мой хозяин. Ради всего святого, отвезите меня сначала туда.

— Не знаю, право, как и быть,— промямлил Брасс, но у него, вероятно, имелись причины, в силу которых он желал предстать перед нотариусом в наиболее выгодном свете.— Что скажете, констебль? Есть у нас время?

Полисмен, который в продолжение этого разговора с философским спокойствием жевал соломинку, ответил ему, что если они выедут сейчас же, то времени у них хватит, а если будут тянуть еще невесть сколько, то придется ехать прямо в резиденцию лорд-мэра, и напоследок добавил:

— Вот так-то, и не о чем тут больше толковать.

Поскольку мистер Ричард Свивеллер, подкативший к дому в карете, так и остался в ней, заняв самое удобное место, лицом к лошадям, мистер Брасс попросил полисмена удалить арестованного из конторы и сказал, что последует за ними. По-прежнему держа Кита чуть повыше локтя и легонько подталкивая вперед, так чтобы между ними сохранялось некоторое расстояние (согласно установленному способу вождения преступников), полисмен вывел его на улицу, усадил в карету и залез туда сам. Следующей села мисс Салли, и так как внутри все четыре места были теперь заняты, Самсон забрался на козлы и велел вознице трогать.

Все еще не оправившись от столь внезапно обрушившегося на него удара, Кит молча глядел в окно кареты с тайной надеждой увидеть на улице что-нибудь совершенно сверхъестественное, что-нибудь такое, что дало бы ему возможность считать все случившееся каким-то кошмарным сном. Но, увы! улица жила своей обычной жизнью: те же переулки, те же дома, те же людские толпы, двигающиеся встречными потоками по тротуарам, те же вереницы подвод и экипажей на мостовой, те же примелькавшиеся товары в окнах лавок... Закономер-

ность во всем, даже в суете, в шуме,— закономерность не мыслимая ни в каком кошмаре. Нет! То, что случилось с ним, случилось в действительности, хотя эта действительность и похожа на кошмар. Он обвинен в краже, в которой не виноват ни сном ни духом, у него нашли деньги, и теперь его везут под конвоем к мистеру Уизердену.

Погруженный в эти мучительные раздумья, сокрушаясь в сердце своем о матери и о маленьком Джейкобе, предчувствуя, что даже сознание собственной невиновности не поможет ему, если его друзья усомнятся в нем, и все больше и больше приходя в уныние по мере того, как они приближались к конторе нотариуса, бедный Кит сосредоточенно смотрел в окно кареты, ни на чем не останавливаясь взглядом, и вдруг перед ним, словно по волшебству, возникло лицо Квилпа.

Какая же ухмылка играла на этом лице! Оно выглядывало из открытого окна трактира, ибо карлик лежал на подоконнике, широко расставив локти, подпирая голову руками, и поза ли была этому виной или то обстоятельство, что его распирало от сдерживаемого хохота, но он казался распухшим, раздувшимся чуть ли не вдвое против своих обычных размеров. Увидев его, мистер Брасс немедленно велел вознице придержать лошадь. Карета остановилась как раз напротив трактира, и карлик, сорвав с головы шляпу, приветствовал всю их компанию с отвратительной шутовской учтивостью.

— Хо-хо! — заорал он.— Куда держите путь, Брасс? Куда вас несет? И Салли с вами — прелестная Салли? И Дик — веселый Дик? И Кит — честный Кит?

— Жизнерадостный джентльмен,— сообщил Брасс вознице.— На редкость жизнерадостный! Ах, сэр! Плохи, плохи дела! Забудьте, что на свете были когда-то честные люди, сэр!

— Почему? — крикнул карлик.— Почему, крючкотвор? Я спрашиваю, почему?

— У нас пропали пять фунтов, сэр,— ответил Брасс, покачивая головой.— Обнаружены у него в шляпе, сэр... оставался в конторе без присмотра. Сомнений быть не может, сэр... все улики против него — все до одной.

— Ка-ак? — возопил карлик, до пояса вывешиваясь из окна.— Кит — воришка? Кит — воришка? Ха-ха-ха! Да таких страшных воришек за деньги и то не увидишь! Да, Кит, да? Ха-ха-ха! Кит еще не успел прибить меня, а его уже сцапали! Да, Кит, да?

Карлик разразился оглушительным хохотом, к ужасу возницы, и показал на высокий шест у красильного заведения, на котором болталось мужское платье, имевшее некоторое сходство с человеком, вздернутым на виселицу.

— Неужто дело к тому идет, Кит? — крикнул карлик, яростно потирая руки.— Ха-ха-ха! Какое же разочарование постигнет маленького Джейкоба и его дражайшую матушку!

Брасс! Позовите проповедника из Маленькой скинии, пусть он успокоит и утешит своего агнца. Да, Кит? Возница, трогай, дружок, трогай! Прощай, Кит! Всего тебе хорошего! Не падай духом! Мой нижайший поклон Гарлендам — обоим, и старичку и старушке! Скажи, что я справлялся о их самочувствии — слышишь? Дай им бог здоровья, и им, и тебе, и всем прочим, а заодно и всему свету, Кит!

Квилп скороговоркой выпаливал им вслед эти добрые пожелания и напутствия, но лишь только карета скрылась у него из виду, втянул голову в окно и повалился на пол, вне себя от восторга.

Когда они подъехали к дому мистера Уизердена (что произошло через несколько минут, ибо карлик встретился им в одном из соседних переулков), мистер Брасс слез с козел и, с похоронным видом открыв дверцу кареты, попросил сестру сопровождать его, чтобы подготовить почтенных людей к ожидающему их горестному известию. Мисс Салли согласилась исполнить просьбу брата, после чего он позвал за собой и мистера Свивеллера. И вот они вошли туда втроем — мистер Самсон под руку с сестрой, мистер Свивеллер позади них, без пары.

Нотариус стоял в приемной комнате у камина, беседуя с мистером Авелем и мистером Гарлендом, а мистер Чакстер строчил что-то у себя за конторкой, ловя те крохи их беседы, которые долетали до него. Все это мистер Брасс установил сразу, сквозь стеклянную дверь, и, убедившись, что нотариус узнал его, принялся покачивать головой и глубоко вздыхать, хотя стекло еще отделяло их друг от друга.

— Сэр! — Самсон снял шляпу и, поднеся к губам два пальца правой руки в касторовой перчатке, послал воздушный поцелуй мистеру Уизердену.— Моя фамилия Брасс — Брасс с улицы Бевис-Маркс, сэр. Я имел когда-то удовольствие и честь выступать против вас в суде по поводу одного духовного завещания. Здравствуйте, сэр.

— Если вы пришли по делу, мистер Брасс, с вами займется мой писец,— сказал нотариус, отворачиваясь от него.

— Благодарю вас, сэр, благодарю. Разрешите мне, сэр, представить вам мою сестру,— так сказать, наш коллега, хоть и принадлежит к слабому полу. Она оказывает мне большую помощь в делах, сэр, смею вас заверить в этом. Мистер Ричард, будьте любезны выступить вперед, сэр... Нет, позвольте, сэр, позвольте! — оскорбленным тоном воскликнул Брасс, преграждая нотариусу путь к двери кабинета.— Сделайте мне такое одолжение, выслушайте меня!

— Мистер Брасс,— твердым голосом сказал мистер Уизерден.— Вы же видите, я занят вот с этими джентльменами. Сообщите о своем деле мистеру Чакстеру, и он выслушает вас с должным вниманием.

— Джентльмены! — Брасс приложил руку к жилетке, с угодливой улыбкой обращаясь к Гарлендам — отцу и сыну.— Я взываю к вам, джентльмены, внемлите моей просьбе! Перед вами представитель юридической корпорации. Парламентским актом мне даровано право называться джентльменом, и мой патент стоит, ни много ни мало, двенадцать фунтов стерлингов в год! Я не какой-нибудь шарманщик, балаганный лицедей, сочинитель или живописец, я не принадлежу к этой братии, которая присваивает себе положение в обществе, никак не узаконенное в нашей стране! Я не бродяга, не бездельник! Если кто вздумает затеять со мной тяжбу, в исковом заявлении меня следует именовать джентльменом, иначе это будет пустая бумажка, не имеющая никакой силы. Я взываю к вам, джентльмены! Посудите сами — позволительно ли подобное обращение с человеком! Помилуйте, джентльмены!

— Хорошо, мистер Брасс, в таком случае будьте любезны изложить мне свое дело,— сказал нотариус.

— Сию минуту, сэр,— сказал Брасс.— Ах, мистер Уизерден! Если бы вы знали... Но я не позволю себе отклоняться в сторону, сэр. Если не ошибаюсь, один из этих джентльменов носит фамилию Гарленд?

— Оба,— сказал нотариус.

— Ах, вот как! — залебезил Брасс.— Впрочем, сходство между ними настолько разительно, что я сам мог бы об этом догадаться! Почитаю за счастье и за честь представиться двоим таким джентльменам, хотя наше знакомство происходит при чрезвычайно прискорбных обстоятельствах. Один из вас, джентльмены, держит слугу, которого зовут Кит.

— Оба,— ответил нотариус.

— Как, у них два Кита? — улыбнулся Брасс.— Боже милостивый!

— Один Кит, сэр,— сердито оборвал его мистер Уизерден.— Кит, который служит у них обоих. Ну-с, дальше?

— А дальше вот что, сэр,— сказал Брасс, многозначительно понижая голос.— Этот молодой человек, сэр, к которому я питал беспредельное, безграничное доверие, к которому я относился, как к равному,— этот молодой человек совершил сегодня утром кражу у меня в конторе и был почти уличен на месте преступления.

— Это ложь! — воскликнул нотариус.

— Этого не может быть! — сказал мистер Авель.

— Никогда этому не поверю! — подхватил мистер Гарленд.

Мистер Брасс обвел их кротким взглядом и сказал:

— Мистер Уизерден, *ваши* слова дают повод для судебного преследования, и будь я человек низкого звания и положения, человек, который не мог бы допустить подобного урона для своей репутации, мне бы не оставалось ничего другого, как притянуть вас к ответу за клевету. Но я презираю ваш выпад,

Чистосердечную горячность другого джентльмена можно только уважать, и я скорблю от всей души, что принес ему такое неприятное известие. Мне, конечно, не следовало бы ставить себя в столь затруднительное положение, но молодой человек сам захотел, чтобы его привезли прежде всего сюда, и я уступил ему. Мистер Чакстер, сэр, будьте любезны постучать в окно полисмену, он дожидается нас в карете.

При этих словах трое джентльменов недоуменно переглянулись, а мистер Чакстер вскочил с табуретки с лицом вдохновенного пророка, предсказания которого сбылись в положенный час, и распахнул дверь перед несчастным пленником.

Какая же это была волнующая сцена, когда Кит появился на пороге и, воодушевившись наконец-то чувством собственной правоты, с бесхитростным красноречием призвал небо в свидетели, что он ни в чем не повинен, что он сам не понимает, откуда деньги попали к нему в шляпу! Какой нестройный хор голосов звучал в конторе, в то время как все это рассказывалось и подкреплялось доказательствами! И какая наступила мертвая тишина, когда трое друзей Кита выслушали всех по порядку и обменялись изумленными и полными сомнений взглядами!

— А не могло ли получиться так,— после долгой паузы заговорил мистер Уизерден,— что банковый билет попал в шляпу случайно — например, когда вы перебирали бумаги на столе?

Нет, этого никак не могло быть. Мистер Свивеллер, хоть и с большой неохотой, а все же показал самым наглядным образом, что деньги нашлись там, куда их можно было только спрятать.

— Все это весьма печально,— сказал Брасс,— в высшей степени печально. На суде я почту за счастье просить о помиловании ему и сошлюсь на его прежнее хорошее поведение. Правда, деньги пропадали у меня и раньше, однако это еще не значит, что брал их именно он. Обстоятельства говорят против него, явно против, но ведь мы как-никак христиане?

— А может, кто-нибудь из вас, джентльмены, замечал, не сорил ли он деньгами последнее время? — заговорил полисмен, оглядывая их всех по очереди.— Вот, например, вы, сэр?

— Деньги у него действительно водились,— ответил мистер Гарленд,— но он всегда говорил мне, что получает их от самого мистера Брасса.

— Да, да, правильно! — с жаром воскликнул Кит.— Вы подтвердите это, сэр?

— Что? — вскричал Брасс, переводя недоуменный взгляд с одного лица на другое.

— Деньги, деньги! Те полукроны, что вы мне давали — помните? По поручению жильца,— сказал Кит.

— Ай-яй-яй! — Брасс хмуро насупил брови и закачал головой.— Это никуда не годится, совсем никуда не годится.

— Как! Разве вы не передавали ему денег по чьей-то просьбе? — встревоженным голосом спросил мистер Гарленд.

— Я передавал деньги, сэр? — повторил Брасс.— Ну, знаете, это уж такая наглость! Констебль, пойдемте отсюда, друг мой!

— Что же это? — крикнул Кит.— Неужели он от всего откажется? Спросите его, ради бога! Спросите, давал он мне деньги или нет?

— Давали, сэр? — спросил нотариус.

— Знаете что, джентльмены,— угрожающим тоном сказал Брасс.— Все эти ухищрения ни к чему не приведут, и если его судьба вам не безразлична, посоветуйте ему придумать что-нибудь другое в свою защиту. Давал ли я деньги? Да никогда в жизни!

— Джентльмены! — воскликнул вдруг прозревший Кит.— Хозяин, мистер Авель, мистер Уизерден! Слушайте меня все! Он сам это подстроил! Что я ему сделал плохого, не знаю, но он задумал погубить меня! Это он все нарочно, джентльмены, клянусь вам! Одному богу известно, чем это кончится, но я до последнего издыхания буду говорить, что он сам подсунул мне деньги в шляпу! Взгляните на него, джентльмены,— видите, как он побледнел? Кто из нас больше похож на виноватого — он или я?

— Вы слышите, джентльмены, слышите? — с улыбкой сказал Брасс.— Не кажется ли вам, что дело принимает весьма неприятный оборот? Как по-вашему, что это такое,— самое обычное воровство или же оно сопряжено со злоумышлением против меня? Если бы вам пришлось услышать все это не из его собственных уст, а узнать с моих слов, вы, джентльмены, может статься, не поверили бы мне,— а, джентльмены?

Этими миролюбивыми шуточками мистер Брасс полностью опроверг возведенную на него грязную клевету, но добродетельная Сара, верная блюстительница фамильной чести, да к тому же существо пылкое, вдруг отскочила от брата и с бешеной злобой накинулась на арестованного. Глаза Кита несомненно сильно пострадали бы, но, к счастью, бдительный полисмен вовремя оттолкнул его в сторону и, следовательно,— поскольку ярость слепа, подобно любви и року,— подверг немалой опасности мистера Чакстера. Этот джентльмен, стоявший рядом с Китом, принял атаку на себя, так как обольстительная Салли бросилась на него с кулаками и успела оторвать ему пристегивающийся воротничок, а также взлохматить волосы, прежде чем общими усилиями ей удалось внушить, что она совершила ошибку.

Опасаясь повторения этой отчаянной атаки и сообразив, вероятно, что в интересах правосудия арестованного не мешало бы доставить по месту назначения здравым и невредимым, а не разорванным на клочки, полисмен без дальнейших про-

волочек усадил Кита в карету и потребовал, чтобы мисс Брасс пересела на козлы. Очаровательная дева согласилась выполнить это требование лишь после злобной перепалки с ним и заняла место своего брата Самсона, а ему волей-неволей пришлось усесться внутри. Когда размещение было закончено, они быстро поехали в судебную камеру, нотариус же и оба его друга последовали за ними в другом экипаже. В конторе оставили одного мистера Чакстера — к его крайнему неудовольствию, ибо он считал свои свидетельские показания против Кита (как Кит вернулся отработать шиллинг) весьма существенными для разоблачения этого ханжи и пройдохи и был убежден, что пренебрежение к ним граничит чуть ли не с пособничеством преступнику.

В судебной камере они встретили одинокого джентльмена, который проехал из дому прямо туда и ждал их вне себя от нетерпения и тревоги. Но и пятьдесят одиноких джентльменов, вместе взятых, не могли бы помочь несчастному Киту. Ровно через полчаса он был обвинен в краже и по дороге в тюрьму узнал от словоохотливого конвоира, что вешать нос ему не следует, ибо судебная сессия скоро начнется, и что такое пустяковое дело разобрать недолго, а как разберут недельки через две, так сразу же не теряя времени в лучшем виде препроводят его на каторгу.

ГЛАВА LXI

Пусть моралисты и философы судят по-своему, а мы все же позволим себе сомневаться, что настоящий преступник мог бы испытать такие муки, какие испытал в ту ночь ни в чем не повинный Кит. Общество, совершающее одну несправедливость за другой, иной раз слишком склонно утешать себя мыслью, что, если у жертв его вероломства и бессердечия совесть чиста, они выдержат все испытания и как-нибудь докажут свою правоту. «В таком случае, хоть он и маловероятен,— говорят люди, засадившие своего ближнего за решетку, никому это не доставит большей радости, чем нам». А между прочим, обществу не мешало бы призадуматься над тем, что для благородного и разумного существа несправедливость сама по себе является оскорблением предельно мучительным, предельно тяжким, таким, какое труднее всего снести, и что по этой причине много чистых сердец было разбито, много светлых душ предстало перед другим судом, не дождавшись суда людского, ибо сознание собственной правоты лишь усиливает незаслуженные страдания и делает их нестерпимыми.

Впрочем, в случае с Китом общество упрекать не следует. Тем не менее Кит был невиновен, и, сознавая это, чувствуя,

что лучшие друзья сомневаются в нем, что мистер и миссис Гарленд называют его неблагодарным чудовищем, что Барбаре он кажется теперь самым отъявленным злодеем и преступником, что пони думает, будто он его бросил, и что даже мать может поверить уликам и счесть сына негодяем,— зная и чувствуя все это, Кит был в таком отчаянии, какого не опишешь словами, и метался по тесной, запертой на замок камере, почти обезумев от горя.

Когда же страдания его немного стихли и он стал успокаиваться, в голову ему пришла новая мысль, вряд ли менее мучительная. Девочка—путеводная звезда этого скромного юноши, девочка, чей образ постоянно возвращался к нему, словно светлое видение, та, что озаряла счастьем самые безрадостные дни его жизни, та, что всегда была так заботлива, нежна, добра,— если эти слухи дойдут и до нее, что она скажет о нем? И лишь только Кит подумал об этом, как стены тюрьмы словно растаяли перед ним, и вместо них он увидел лавку древностей, зимний вечер, горящий очаг, стол, накрытый к ужину, плащ, шляпу, палку старика, приотворенную дверь в маленькую комнату. И сама Нелл была там, а рядом с ней он, и они весело смеялись, как встарь...И когда эта картина встала перед глазами Кита, силы изменили ему, он бросился па убогую тюремную койку и зарыдал.

Наступила ночь, и она тянулась так долго, точно ей не было конца; все же Кит спал и ему снилось, будто он гуляет на свободе то с одним, то с другим из своих близких, но сны эти пронизывал смутный страх, что его снова посадят в тюрьму — в какую-то иную, хоть это была и не тюрьма вовсе, а лишь ощущение связанного с ней горя и тоски, ощущение чего-то гнетущего, беспросветного. Наконец забрезжило утро, и Кит проснулся в тюрьме — холодной, темной, страшной, и не воображаемой, а настоящей.

Впрочем, пока что его, слава богу, предоставили самому себе. От тюремщика, который отпер утром камеру и показал ему, где умыться, он узнал, что может гулять в положенное время по маленькому мощеному двору, что для свиданий отведен определенный час и что, если к нему кто-нибудь придет, его отведут вниз, к решетке. Сообщив Киту все это и поставив перед ним жестяную миску с завтраком, тюремщик снова запер камеру и побрел прочь, громыхая сапогами по каменному полу, отворяя и затворяя множество других дверей, и громкие отголоски этих звуков долго раскатывались по всей тюрьме, словно они тоже сидели здесь взаперти и никак не могли вырваться на волю.

По словам того же тюремщика, Кита и еще нескольких человек поместили отдельно от других арестантов, так как они не считались закоренелыми, неисправимыми преступниками и

впервые проживали на этой квартире. Обрадовавшись такому снисхождению, Кит углубился в чтение катехизиса (хоть он и знал его назубок с детства) и читал до тех пор, пока ключ снова не загремел в замке.

— Ну,— сказал тюремщик, появляясь на пороге.— Пойдем.

— Куда, сэр? — спросил Кит.

Тюремщик буркнул: «К тебе пришли», взял его повыше локтя, так же как накануне полисмен, повел какими-то закоулками, отпирая одну железную дверь за другой, наконец вывел в коридор и, поставив перед решеткой, сам удалился. За этой решеткой на расстоянии четырех-пяти футов была вторая, точно такая же. Между ними сидел новый тюремщик, читавший газету, а когда Кит посмотрел на ту решетку, сердце у него дрогнуло, так как за ней он увидел свою мать с малышом на руках, мать Барбары с ее неизменным зонтиком и беднягу Джейкоба, который таращил глаза в ожидании какой-нибудь птицы или дикого зверя и, вероятно, думал, что присутствие людей за этими прутьями чистая случайность, поскольку им здесь было совсем не место.

Но лишь только маленький Джейкоб увидел своего брата и, потянувшись обнять его, убедился, что брат не сделал ни шагу вперед и стоит, держась за решетку, опустив голову на руки, он разразился жалобным плачем, после чего мать Кита и мать Барбары, которые до сих пор кое-как сдерживались, залились слезами и зарыдали с новой силой. Бедняга Кит не стерпел и тоже заплакал, и несколько минут никто из них не мог выговорить ни слова.

Во время этой печальной паузы тюремщик продолжал с довольной ухмылкой читать газету (очевидно, добравшись до юмористической статейки), потом вдруг поднял от нее глаза, чтобы прочувствовать какую-то особенно замысловатую остроту, и тут впервые обнаружил, что рядом с ним плачут.

— Сударыни, сударыни! — сказал он с удивлением.— Советую вам не терять времени попусту, его у вас не так уж много. И мальчугана уймите, чтобы не ревел. Это здесь не полагается.

— Я его несчастная мать, сэр,— с рыданием в голосе проговорила миссис Набблс, смиренно приседая перед суровым стражем.— А это его брат, сэр. О господи, господи!

— Ну, что ж поделаешь,— сказал тюремщик, складывая газету на коленях, чтобы приступить к следующему столбцу.— Ваш сын не первый и не последний сюда попал. И нечего вам голосить попусту.

С этими словами он снова углубился в чтение. Тюремщик этот был вовсе не плохой и не жестокосердный человек. Просто у него выработалась привычка смотреть на уголовные преступления как на своего рода болезнь, вроде скарлатины или рожи,— кто заразился, а кто нет, все дело случая.

— Кит! Сыночек!—воскликнула миссис Нabблс, когда мать Барбары предупредительно освободила ее от малыша.— Вот где мне довелось тебя увидеть!

— Мама! Неужто ты веришь тому, в чем меня обвиняют? — прерывающимся голосом проговорил Кит.

— Я? — вскрикнула несчастная женщина.— Чтобы я этому поверила? Да кому знать, как не мне, что ты за всю свою жизнь не сказал ни одного лживого слова, не совершил ни одного дурного поступка! Да разве мой сынок заставил меня пролить хоть одну слезу, если не считать тех слез, что я проливала от жалости к нему, когда он голодал,— но опять же как голодал — без единой жалобы, никогда духом не падал и так обо мне сам заботился, что я, бывало, забуду про свою нищету, радуясь его доброму детскому сердцу! Кит! Да никогда в жизни я этому не поверю!

— Ну, мама,— воскликнул Кит и, с такой силой схватился за решетку, что она затряслась,— тогда, что бы со мной ни случилось, я все снесу, и у меня останется хоть капля утешения — вспоминать твои слова!

Тут несчастная женщина снова зарыдала; глядя на нее, расплакалась и мать Барбары, и к ним чуть слышно присоединился маленький Джейкоб, который к этому времени успел справиться с путаницей в мыслях и понял более или менее отчетливо, что Кит при всем своем желании не сможет пойти погулять с ним и что за этой решеткой нет ни птиц, ни львов, ни тигров, ни других диковинок животного царства, а есть только посаженный туда брат.

Вытерев глаза (и в то же время еще больше увлажнив их), мать Кита подняла с пола маленькую корзинку и обратилась к тюремщику со смиренной просьбой выслушать ее. Тюремщик, который как раз смаковал какую-то особенно интересную шутку, предостерегающе поднял руку, чтобы ему, упаси боже, не помешали, и не опустил ее до тех пор, пока не дочитал статейки до конца. Некоторое время он сидел молча, ухмыляясь во весь рот и словно говоря: «Ну и шутник этот писака, ну и забавник!», и наконец спросил, что миссис Набблс угодно.

— Я принесла ему поесть,— ответила она.— Можно, сэр?

— Можно. Это не запрещается. Когда будете уходить, оставьте корзинку мне, а я велю снести ее к нему в камеру.

— Нет, сэр, уж будьте настолько любезны... не сердитесь, сэр. Ведь я его мать, а у вас тоже была когда-то матушка... мне бы самой посмотреть, как он будет есть, тогда я бы ушла отсюда хоть немного успокоившись.

И опять из глаз у матери Кита, и у матери Барбары, и у Джейкоба хлынули слезы, тогда как малыш заворковал и засмеялся что было сил, явно уверенный в том, что всю эту веселую игру затеяли с одной-единственной целью — доставить ему удовольствие.

Тюремщик, видимо, счел такую просьбу несколько странной и даже из ряда вон выходящей, но тем не менее отложил газету в сторону, подошел к матери Кита, взял корзину и, посмотрев, что там находится, отдал ее Киту, после чего вернулся обратно на свое место. Как мы легко можем себе представить, арестанту было не до еды, но он сел прямо на пол и стал уписывать принесенные гостинцы за обе щеки, а мать провожала каждый кусок, отправляющийся к нему в рот, всхлипываниями и слезами, правда не такими уж горькими, потому что это зрелище все же принесло ей некоторое удовлетворение.

А Кит ел и, волнуясь, расспрашивал мать о хозяевах — как они отзывались о нем? Но ему удалось узнать лишь то, что накануне вечером, уже совсем поздно, мистер Авель сам приехал к его матери, очень осторожно и мягко рассказал ей все, однако насчет того, виновен Кит или нет, не обмолвился ни словом. Бедняга только набрался храбрости спросить мать Барбары о Барбаре, как вдруг рядом с ним появился тот тюремщик, что привел его сюда, второй вырос позади его гостей, а третий, сидевший между решетками, выпалил единым духом: «Пора кончать! Следующий!», и снова уткнулся в газету. Кит тут же вышел, унося с собой прощальное благословение матери и пронзительный вопль маленького Джейкоба, а когда он пересекал тюремный двор в сопровождении своего конвоира, к ним подошел другой местный страж с кружкой пива в руках.

— Это Кристофер Набблс, которого посадили вчера за кражу? — спросил он.

Конвоир подтвердил, что это тот самый молодчик и есть.

— Тогда вот тебе пиво. Ну, чего глаза вытаращил? Оно не стреляет.

— Простите, сэр,— сказал Кит.— Кто же его мне прислал?

— Твой приятель,— ответил страж.—Он распорядился, чтобы тебе каждый день выдавали по кружке. И будем выдавать, пока не перестанут платить.

— Мой приятель? — повторил Кит.

— У тебя, я вижу, совсем ум за разум зашел,— сказал тюремщик.— Вот еще записка от него. Получай.

Кит взял и записку и, когда его снова заперли в камере, прочел следующее:

«Приложи сию чашу к устам. В каждой капле найдешь ты спасенье от зол и от бед. Вспомни, вспомни о кубке, что искрился в длани Елены. То был лишь плод воображенья, а это настоящее (фирма Барклей и К°). Если посмеют присылать выдохшееся, советую обратиться с жалобой к смотрителю.
Р. С.».

— Р. С.,— после некоторого раздумья сказал Кит.— Наверно, это мистер Ричард Свивеллер. Ну что ж, большое ему спасибо за его доброту!

ГЛАВА LXII

Слабый красноватый огонек на пристани Квилпа, моргавший, точно глаз, воспаленный ночным туманом, уведомил мистера Самсона Брасса, который осторожными шагами пробирался к дощатой конторе, что ее блистательный владелец, а его уважаемый клиент, сидит у себя и, по всей вероятности, со свойственной ему кротостью терпеливо ждет минуты свидания, назначенного с мистером Брассом в этой светлой обители.

— Проклятое место! Самый раз шататься тут по ночам! — пробормотал Самсон, в двадцатый раз споткнувшись о валявшиеся повсюду доски и потирая ушибленную ногу.— Этот мальчишка, наверно, с вечера раскидывает тут всякий хлам, и каждый раз по-новому, чтобы люди ушибались да калечились. А если не он, так его хозяин, что даже более вероятно. Терпеть не могу приходить сюда без Салли. С ней спокойнее, она одна стоит десятка мужчин.

Воздав должное своей обольстительной сестрице, мистер Брасс остановился и неуверенно посмотрел сначала на освещенное окно конторы, потом назад, в темноту.

— Любопытно, чем он сейчас занят? — пробормотал стряпчий себе под нос, вставая на цыпочки и стараясь разглядеть, что происходит в конторе, хотя на таком расстоянии сделать это было просто невозможно.— Пьет, наверно, поддает сам себе жару, распаляет свою злобу и коварство. Побаиваюсь я приходить сюда без провожатых, когда у него накапливается большой счет. Ему ничего не стоит придушить меня и тихонько спустить в реку во время прилива—все равно что крысу убить. Пожалуй, еще радоваться будет: вот, мол, как подшутил!.. Стой! Поет, кажется?

И действительно, мистер Квилп услаждал себя пением, хотя это было не столько пение, сколько монотонное бормотанье скороговоркой одной и той же фразы, последнее слово которой он растягивал по слогам, повышая голос до оглушительного рева. Содержание этой арии не имело ни малейшего отношения ни к любви, ни к ратным подвигам, ни к вину, ни к верности, ни к каким-либо другим излюбленным темам песен и касалось предмета, который не часто кладется на музыку и обычно в балладах не воспевается. Слова ее были таковы: «Заявив, что арестованному будет трудно убедить присяжных в выдвигаемой им версии, достопочтенный судья вынес решение предать его суду, на ближайшей сессии, по обвинению в уголовном преступ-ле-нии!» Доходя до этого заключительного слова, в которое он вкладывал всю мощь своего голоса, Квилп разражался визгливым хохотом и начинал сызнова.

— Как это неосторожно с его стороны! — пробормотал стряпчий, в третий раз выслушав доносившиеся из конторы песнопения.— Просто черт знает что! Хоть бы у него язык

отнялся! Хоть бы он оглох! Хоть бы он ослеп! А, чтоб ему пусто было! — вскрикнул Брасс, когда Квилп завыл опять.— Хоть бы он подох!

Высказав это дружеское пожелание по адресу клиента, мистер Самсон напустил на себя свою обычную елейность и, лишь только очередной вопль Квилпа стих, подошел к дощатой лачуге и постучал в дверь.

— Войдите! — крикнул карлик.

— Здравствуйте, сэр! — сказал Самсон, заглядывая в контору.— Ха-ха-ха! Как поживаете, сэр? Бог мой! Ну, что за шутник! Просто диву даешься, на вас глядя!

— Входите, дурень вы эдакий! — огрызнулся карлик.— Нечего трясти башкой и скалить зубы! Входи, лжесвидетель, клятвопреступник, входи, продажная душонка, входи!

— Какой у него юмор! — возопил Брасс, притворяя за собой дверь.— Ну что за комик! Но не слишком ли это неосмотрительно, сэр?

— Что неосмотрительно? — спросил Квилп.— Говори, иуда,— что?

— Иуда! — повторил Брасс.— Какой он сегодня веселый! Игривость его ума не поддается описанию! Иуда! Прелестно, просто прелестно! Ха-ха-ха!

Тараторя все это, Самсон потирал руки и с ошалелым, испуганным видом смотрел на огромную пучеглазую, тупоносую фигуру с бушприта какого-нибудь пущенного на слом корабля, приткнутую в угол возле печки и похожую на домового или на идола, которому, быть может, поклонялся карлик. Бесформенная деревянная нашлепка у нее на голове, имевшая весьма отдаленное сходство с треуголкой, некоторое подобие звезды на левой стороне груди и эполеты свидетельствовали о том, что фигура эта изображала одного из прославленных в истории адмиралов, но, не будь на пей вышеупомянутых атрибутов, ее вполне можно было бы принять за памятник какому-нибудь почтенному водяному или другому обитателю морской пучины. Так как пропорции этой статуи совершенно не соответствовали помещению, которое она теперь украшала, нижняя половина ее была отпилена по талию. Бодро подавшись вперед с той несколько назойливой угодливостью, которая свойственна фигурам с корабельных бушпритов, она даже в укороченном виде возвышалась до самого потолка и сокращала все вокруг себя до совершенно лилипутских размеров.

— Узнаете? — спросил карлик, проследив направление взгляда мистера Брасса.— На кого похож?

— На кого? — повторил стряпчий, откинув голову несколько набок и назад, как это принято у любителей изящных искусств.— Действительно, если приглядеться, так... да, очень напоминает, особенно улыбка... и все же, клянусь честью, я...

Откровенно говоря, Самсон, в жизни не видевший никого и ничего такого, что хотя бы отчасти напоминало эту махину, находился в большом затруднении, не зная, усмотрел ли в ней мистер Квилп сходство с самим собой и потому приобрел ее в качестве фамильного портрета или же она похожа на кого-нибудь из его врагов. Впрочем, сомневаться ему пришлось недолго, ибо, пока он созерцал статую с тем многозначительным видом, который напускают на себя люди, тщетно стараясь узнать чей-нибудь портрет, карлик швырнул на пол газету, снабдившую его материалом для песнопений, и, схватив ржавый лом, заменявший в конторе кочергу, с такой силой съездил адмирала по носу, что тот зашатался.

— Разве это не вылитый Кит, разве это не его портрет, не его образина, не его двойник! — выкрикивал Квилп, обрушивая град ударов на бессмысленную адмиральскую физиономию и покрывая ее глубокими вмятинами.— Это же его точная копия! Скажете, не похож, собака, не похож, не похож? — И, сопровождая каждый свой вопрос взмахами лома, он колотил и колотил огромную куклу до тех пор, пока крупные капли пота не выступили у него на лице.

Это зрелище могло бы показаться очень забавным, если бы смотреть на него с безопасного места, например, из райка,— ведь бой быков тоже доставляет радость тем, кто не на арене, и пожар интереснее всякого спектакля для тех, кто живет не по соседству с горящим домом,— но, видя, в какое неистовство пришел Квилп, его ученый советчик начинал подумывать, что контора слишком мала и стоит слишком далеко от человеческого жилья, чтобы зритель мог испытывать полное удовольствие от таких увеселений. Поэтому он забился в самый дальний угол, весьма жалобным голосом выражая свой восторг, а когда Квилп наконец в полном изнеможении опустился на стул, залебезил перед ним пуще прежнего.

— Прелестно! — воскликнул Самсон.— Хи-хи! Браво, сэр! Вы знаете? — И он оглянулся, словно обращаясь к покалеченному адмиралу.— Это поразительный человек, просто поразительный!

— Садитесь,— сказал карлик.— Я купил этого урода вчера, а сегодня только и делаю, что ковыряю его буравчиком, втыкаю ему вилку в глаза и вырезаю на нем свое имя и фамилию. Завтра ему конец — сожгу!

— Ха-ха-ха! — закатился Брасс.— Как это интересно!

— Подойдите ближе,— сказал Квилп, поманив его пальцем.— Ну, так что вы считаете неосмотрительным, а?

— Ничего, сэр, ничего. О таких пустяках и говорить не стоит... Но мне подумалось, что эта песенка... сама по себе чрезвычайно комичная... может быть, несколько...

— Ну? — сказал Квилп.— Несколько?..

— Что исполнение ее граничит с неосмотрительностью —

разумеется, в самой отдаленной степени, или... если дозволено так выразиться, не лишено некоторого оттенка неосмотрительности, сэр,— ответил Брасс, опасливо поглядывая на карлика, глаза которого, обращенные к печке, отражали в себе красноватые отблески огня.

— Почему? — спросил Квилп, не поворачивая головы.

— Да знаете ли, сэр,— Брасс решил перейти на более фамильярный тон,— по-моему, не стоит так открыто говорить о вполне безобидных дружеских соглашениях, которые сами по себе заслуживают только похвалы, но по закону именуются сговорами. Вы меня понимаете, сэр? Об этом лучше молчать.

— Э? — проронил Квилп, переводя на него совершенно безучастный взгляд.— О чем это вы?

— Правильно, сэр! Осторожность прежде всего! — воскликнул Брасс, усиленно кивая головой.— Молчок, сэр, молчок! Даже здесь, между друзьями,— вы меня поняли, сэр?

— Я вас понял? Вот наглое чучело! — вскричал Квилп.— Что вы несете о каких-то дружеских соглашениях? Уж не я ли их с вами заключал? Да разве мне что-нибудь известно о ваших соглашениях?

— Нет, нет, сэр! Разумеется, нет! Боже упаси!

— А если вы будете тут подмигивать и кивать,— продолжал карлик, оглядываясь по сторонам, как бы в поисках кочерги,— я сейчас подпорчу вам вашу обезьянью рожу! Видит бог, подпорчу!

— Не волнуйтесь, сэр, прошу вас,— мгновенно спохватился Брасс.— Вы правы, сэр, совершенно правы! Напрасно я начал об этом. Зачем? Это лишнее. Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом. Салли передавала мне, что вы справлялись о нашем жильце. Он еще не вернулся, сэр.

— Вот как? — Квилп не сводил глаз с маленькой кастрюльки, которую держал над углями, следя, чтобы налитый в нее ром не убежал через край.— Все еще не вернулся?

— Нет, сэр,— начал Брасс.— Он... Господи помилуй, мистер Квилп!

— Что такое? — сказал карлик и остановился, не донеся кастрюльку до рта.

— Вы забыли подлить воды, сэр! — вскричал Брасс.— И... простите меня, сэр, но ведь так можно ошпарить горло.

Мистер Квилп ответил на это предостережение не словом, но делом, а именно — поднес раскаленную кастрюлю к губам и не спеша выпил ее содержимое, равнявшееся примерно полупинте и минуту назад кипевшее ключом. Проглотив этот легкий, бодрящий напиток и погрозив адмиралу кулаком, он разрешил мистеру Брассу продолжать.

— Впрочем,— добавил Квилп со своей неизменной ухмылкой,— сначала вы должны тоже хлебнуть глоточек рому — самый маленький, живительный и согревающий душу глоточек!

— Благодарю вас, сэр,— ответил Брасс,— но... но мне бы разбавить его хоть ложечкой воды, если вас это не затруднит.

— Я такой дряни здесь не держу! — рявкнул карлик.— Стряпчему — и вдруг вода понадобилась! Вы спутали! Вам требуется расплавленный свинец и сера, кипящая смола и деготь! Вот самый подходящий напиток для вашего брата! Правильно я говорю?

— Ха-ха-ха! — закатился мистер Брасс.— От ваших шуток не поздоровится, сэр, и в то же время они смешат, как щекотка.

— Пейте! — крикнул карлик, успевший подогреть еще одну порцию.— Пейте залпом, до дна, ошпарьте себе глотку и возвеселитесь духом!

Самсон сделал два-три маленьких глотка; ром немедленно превратился в жгучие слезы и после такой перегонки ручьями сбежал у него по щекам и снова в кастрюлю, воспламенив ему нос и веки и вызвав страшный приступ кашля, что все же не помешало несчастному крикнуть с упорством непоколебимого в своей вере мученика: «Прелестно, прелестно!» Не дожидаясь, когда он преодолеет эти поистине невыразимые мучения, карлик опять вернулся к прерванному разговору.

— Итак, жилец...— сказал Квилп.— Что вы там про него начали?

— Наш жилец, сэр,— пролепетал Брасс между приступами кашля,— все еще гостит у Гарлендов. С того самого дня, сэр, как мы изловили известного вам преступника, он побывал у себя только раз и заявил мистеру Ричарду, сэр, что наш дом ему опостылел, что пребывание под нашей крышей гнетет его и что он считает себя в какой-то мере виновным во всей этой истории. Прекрасный жилец, сэр! Нам очень бы не хотелось расставаться с ним.

— У-у, выжига! — крикнул карлик.— Только о своем благе и думает! Почему же вы тогда не проявляете бережливости, не сокращаете расходов, не скаредничаете, не урезываете себя во всем?

— Помилуйте, сэр! — возопил Брасс.— Да второй такой скареды, как моя Сара, днем с огнем не сыщешь! Уж поверьте мне, мистер Квилп!

— А ну-ка, промочите горло, хватите еще глоточек, пригубьте чарочку! — сказал Квилп.— Вы сделали мне одолжение и взяли в контору писца.

— Рад вам служить, сэр, всегда, в любое время,— ответил Самсон.— Да, сэр, это так и было.

— А теперь можете уволить его,— сказал Квилп.— Вот ваши расходы сразу и сократятся.

— Уволить мистера Ричарда, сэр? — вскричал Брасс.

— Уймитесь вы, попугай! Да, его, его самого. Разве у вас несколько писцов?

— Простите, сэр,— пробормотал Брасс.— Но я этого никак не ожидал.

— Что же тут удивительного? — фыркнул карлик.— Я сам этого не ожидал. Когда же вы наконец поймете, что я подсунул вам этого молодчика, чтобы следить за жильцом, чтобы глаз с него не спускать! Ведь у меня же было задумано одно дельце, составлен один презабавный план, а вся соль и суть его заключалась в том, что ваш писец вкупе со своим бесценным другом считали богачом старика (который, к слову сказать, будто сквозь землю провалился вместе с внучкой), тогда как на самом деле он был беден, как церковная мышь.

— Понимаю, сэр,— сказал Брасс.— Все понимаю.

— Ах, так, сэр! Значит, вы понимаете и то, что теперь они далеко не бедняки, что этого и быть не может, если такие люди, как ваш жилец, разыскивают их и рыщут за ними по всей стране?

— Разумеется, сэр,— сказал Самсон.

— Ах, разумеется! — злобно оборвал его карлик.— Так вы, разумеется, должны понять и то, что мне теперь плевать на этого молодчика! Вам, разумеется, должно быть ясно, что нам с вами он теперь не нужен!

— Я сам не раз говорил Саре,— ответил Брасс,— что от этого молодого человека нет никакой пользы. На него ни в чем нельзя положиться, сэр. Мне приходилось поручать ему коекакие мелкие дела, и, представьте себе, сэр, он выбалтывал правду клиентам, несмотря на все мои просьбы. Сил наших больше нет с ним возиться! Но я вам стольким обязан, сэр, и питаю к вам такое уважение...

Смекнув, что если Самсона не остановить вовремя, он еще долго будет расточать любезности, мистер Квилп деликатно стукнул его кастрюлькой по голове и попросил замолчать — опять-таки из уважения к своему клиенту.

— Ощутимо, сэр, весьма ощутимо,— сказал Брасс, потирая затылок и улыбаясь.— Но в то же время забавно, чрезвычайно забавно!

— Вы намерены меня слушать? — крикнул Квилп.— Не то я вас так позабавлю, что не обрадуетесь!.. Его дружок и сообщник больше сюда не вернется. Бездельник попался в каком-то мошенничестве и удрал за границу. Пусть там и погибает!

— Вот именно, сэр! Правильно, совершенно правильно! И как метко сказано! — воскликнул Самсон, обращаясь к адмиралу, словно тот был третьим в их компании.— Чрезвычайно метко!

— Я этого прохвоста ненавижу,— сквозь зубы прошипел Квилп,— давно ненавижу. У меня с ним свои счеты — семейные. Но его можно было бы обломать, не будь он таким грубияном. Что же касается вашего писца, то этот пустобрех и шалопай мне больше не понадобится. Пусть накинет себе петлю

на шею, утопится, подохнет с голоду — одним словом, пусть проваливает к черту!

— Пусть проваливает, сэр! — подхватил Брасс.— И как вы распорядитесь, сэр? Когда — хи-хи! — мне можно будет отправить его в столь приятную прогулку?

— Сразу же после суда,— ответил Квилп.— Как только с этим покончим, так скатертью ему дорожка.

— Слушаю, сэр,— сказал Брасс.— Слушаю и повинуюсь. Для Сары это будет удар, но она умеет владеть своими чувствами. Ах, мистер Квилп, как я жалею, сэр, что вы и Сара не знали друг друга в молодости. Увы! Провидение судило иначе! А какие благие результаты могли бы проистечь из такого союза! Вам не приходилось встречаться с нашим дорогим батюшкой? Милейший был джентльмен! Сара была его усладой, его гордостью, сэр. Наш Старый Лис опочил бы с миром, если б мог подыскать дочке такого спутника жизни. Вы уважаете ее, сэр?

— Я ее обожаю! — проскрипел карлик.

— Вы очень добры, чрезвычайно добры, сэр! Не будет ли у вас каких-либо других распоряжений помимо тех, что касаются мистера Ричарда, сэр?

— Нет! — ответил карлик и схватил кастрюльку.— Выпьем за здоровье прелестной Сары!

— А нельзя ли сопроводить этот тост чем-нибудь похолоднее? — смиренно проговорил Брасс.— Когда я расскажу Саре, какую вы оказали ей честь, вряд ли она останется довольна, что за ее здоровье пили кипящий ром.

Но мистер Квилп не внял просьбе своего гостя. Пьяненькому Самсону пришлось сделать еще несколько глотков того же самого крепчайшего напитка, и он обнаружил, что эти возлияния не только не подбодрили его, но, напротив, возымели действие и на стены конторы: они вдруг начали кружиться и кружиться с невероятной быстротой, в то время как пол и потолок самым неприятным образом менялись местами. Очнувшись после короткого забытья, стряпчий увидел, что лежит частью под столом, частью под печкой. Поскольку положение это было не из самых удобных, он кое-как заставил себя подняться на ноги и, ухватившись за адмирала, стал искать глазами своего гостеприимного хозяина.

В первую минуту ему показалось, будто мистер Квилп ушел, оставив его одного и, может быть, даже заперев его здесь на всю ночь. Однако сильный запах табачного дыма навел стряпчего на новые мысли; он поднял голову и увидел, что карлик курит, лежа в гамаке.

— Прощайте, сэр,— умирающим голосом проговорил Брасс.— Прощайте!

— А вы разве не заночуете у меня? — спросил карлик, выглянув из гамака.— Заночуйте, прошу вас!

— Нет, сэр, не могу,— ответил Брасс, чуть живой от приступов тошноты и от спертого воздуха в конторе.— Если бы вы были настолько любезны и посветили мне фонарем, сэр, пока я не выйду со двора...

Квилп соскочил вниз в один миг — и не ногами вперед, не руками вперед, не головой вперед, а сразу всем телом.

— Пожалуйста,— сказал он, беря фонарь, единственный источник света на всей пристани.— Будьте осторожны, друг мой. Не споткнитесь о доски — они валяются гвоздями кверху, а гвозди-то все ржавые. В переулке собака. Вчера ночью она искусала мужчину, третьего дня женщину, а в прошлый вторник загрызла насмерть ребенка — правда, играючи. Держитесь от нее подальше.

— А где она, по какую сторону дороги? — с отчаянием в голосе спросил Брасс.

— Конура ее стоит по правую руку,— ответил Квилп — но иной раз она подкарауливает прохожих и слева. За нее ручаться трудно. Берегитесь! Я никогда вам не прощу, если с вами что случится. Эх, фонарь погас! Ну, да ничего, вы же дорогу знаете. Идите все прямо, прямо!

Квилп незаметно повернул фонарь стеклом к себе и теперь трясся от хохота, с восторгом прислушиваясь к тому, как стряпчий спотыкается о доски и чуть ли не через каждые два-три шага тяжело валится на землю. Наконец несчастный Самсон выбрался в переулок, и во дворе все стихло.

Квилп запер дверь конторы на ключ и снова прыгнул в гамак.

ГЛАВА LXIII

Должностное лицо, сообщившее Киту утешительное известие о том, что его пустяковое дело будет слушаться в Олд-Бейли и не займет много времени, оказалось совершенно право в своих предположениях. Ровно через восемь дней сессия возобновилась. Через день после ее начала Большое Жюри вынесло вердикт о предании Кристофера Нabблса уголовному суду за кражу, а еще через два дня вышепоименованный Кристофер Набблс должен был или опровергнуть предъявленное ему обвинение, или же признаться в том, что он, этот самый Кристофер, мошенническим образом похитил и украл из дома и конторы некоего Самсона Брасса, джентльмена, билет достоинством в пять фунтов стерлингов, выпущенный Английским банком, а следовательно, нарушил установленные на сей предмет законы, а также посягнул на спокойствие его величества короля и на достоинство королевской власти.

Выслушав судью, Кристофер Набблс дрожащим, тихим голосом пролепетал: «Нет, не виновен». И здесь напомним тем, кто любит высказывать суждения скороспелые и поверхностные

и кто вменил бы в обязанность Кристоферу говорить громко, уверенно,— напомним им, что тюрьма и пережитые волнения способны сокрушить самое мужественное сердце и что человек, просидевший под замком хотя бы только одиннадцать дней, ничего не видя, кроме каменных стен и двух-трех столь же каменных физиономий, робеет и теряется, когда его вдруг вводят в шумный зал, где перед ним мелькает множество незнакомых лиц. Здесь же следует отметить, что на свете есть немало людей, для которых человеческое лицо, обрамленное париком, кажется гораздо внушительнее и страшнее лиц с положенной им от природы шевелюрой, а если ко всему этому еще добавить вполне естественное чувство, охватившее Кита при виде обоих Гарлендов и маленького нотариуса, бледных, взволнованных, то вряд ли следует удивляться, что он был несколько не в своей тарелке и не мог проявить должное спокойствие.

Хотя Кит не видел со дня ареста ни своих хозяев, ни мистера Уизердена, ему было известно, что они пригласили адвоката для его защиты. И поэтому, когда один из присутствующих в зале джентльменов в парике встал и сказал: «Я со стороны обвиняемого, милорд»,— Кит поклонился ему, а когда другой джентльмен в парике тоже встал и сказал: «Я со стороны обвинения, милорд»,— Кит вздрогнул, но все же отвесил поклон и этому джентльмену. И как же он надеялся в глубине души, что его джентльмен не ударит в грязь лицом перед другим джентльменом и с первых же слов посрамит своего противника!

Джентльмен со стороны обвинения, выступивший первым, был в наилучшем расположении духа (ибо всего лишь несколько минут назад ему удалось добиться почти полного оправдания одного молодого человека, имевшего неосторожность убить собственного папашу) и потому залился соловьем, стараясь внушить присяжным, что, если они оправдают *этого* обвиняемого, им придется испытать такие же муки и угрызения совести, какие он сулил их предшественникам, если б те осудили *того* обвиняемого. Сообщив все подробности дела Кита — «самого позорного из всех, разбиравшихся на его памяти!» — джентльмен умолк, словно подготавливая слушателей к чему-то страшному, и после паузы сказал, что, насколько ему известно, его почтенный коллега (косой взгляд в сторону джентльмена Кита) намеревается опорочить показания тех безупречных свидетелей, которые вскоре предстанут перед судом, хотя он лично ожидает от своего почтенного коллеги большего доверия и уважения к истцу — лучшему и достойнейшему члену достойнейшей корпорации, включившей его в свои ряды. Далее джентльмен осведомился, известна ли присяжным улица Бевис-Маркс? Если же улица Бевис-Маркс им известна (да кто позволит себе в этом сомневаться!), известны ли им также возвышающие душу исторические воспоминания, связанные с этим

знаменитым местом? Неужто же такой человек, как Брасс, может жить на такой улице, как Бевис-Маркс, и не быть личностью в высшей степени добродетельной и благонамеренной? Наговорив с три короба на эту тему, джентльмен вдруг спохватился — вправе ли он оскорблять присяжных, втолковывая им то, что они прекрасно знают сами, и тут же вызвал Самсона Брасса.

Мистер Брасс выходит бодрый, свеженький, отвешивает поклон судье, как человеку, с которым он имеет честь быть знакомым и которого он с удовольствием расспросил бы о здоровье, и, сложив руки на животе, устремляет взгляд на своего джентльмена, словно говоря ему: «А вот и я! Показания? Пожалуйста! Только отверните кран — и они потекут сами собой». И джентльмен отвертывает кран и с большим умением выцеживает из своего доверителя нужные показания так, что они прозрачной тоненькой струйкой бегут на виду у всех присутствующих. Потом за мистера Брасса принимается джентльмен Кита, но без особого успеха, и после множества пространных вопросов с одной стороны и кратких ответов — с другой, мистер Самсон Брасс с торжествующим видом садится на место.

Его сменяет Сара, которая тоже легко идет на поводу у джентльмена мистера Брасса и весьма неподатлива в руках джентльмена Кита. Короче говоря, джентльмену Кита ничего не удается вытянуть из этой свидетельницы, кроме того, что было сказано раньше (разве только в более сильных выражениях по адресу его доверителя), и он отпускает ее, испытывая явное замешательство. Вслед за тем джентльмен мистера Брасса вызывает Ричарда Свивеллера, и Ричард Свивеллер появляется на месте Сары.

Но джентльмену мистера Брасса уже успели шепнуть на ухо, будто бы этот свидетель расположен к обвиняемому, что весьма радует джентльмена мистера Брасса — великого доку по части разных, как говорится, «подковырок». И поэтому он прежде всего требует, чтобы судебный пристав убедился собственными глазами, действительно ли свидетель целовал Библию, и потом принимается за него, засучив рукава.

— Мистер Свивеллер,— говорит джентльмен мистера Брасса, после того как Дик изложил все обстоятельства дела весьма неохотно и с явным желанием повернуть их в пользу подсудимого.— Скажите мне, пожалуйста, сэр, где вы вчера обедали?

— Где я вчера обедал?

— Вот именно, сэр, где вы вчера обедали? Где-то здесь поблизости?

— Да, действительно... напротив, через улицу.

— Да. Действительно. Напротив, через улицу,— повторяет джентльмен мистера Брасса, поглядывая в сторону присяжных.

— Вы были один, сэр?

— Виноват? — мистер Свивеллер не расслышал вопроса.

— Вы были *один*, сэр? — громовым голосом повторяет джентльмен мистера Брасса.— Обедали один или кого-нибудь угощали, сэр? Ну-с?

— Да, действительно... угощал,— с улыбкой отвечает мистер Свивеллер.

— Будьте любезны оставить этот легкомысленный тон, сэр, совершенно не соответствующий тому месту, где вы находитесь. Впрочем, у вас, вероятно, есть основания радоваться, что вы занимаете сейчас именно это место, а не другое! — говорит джентльмен мистера Брасса, мотнув головой направо и тем самым намекая, что скамья подсудимых — вот сфера деятельности, наиболее подходящая мистеру Свивеллеру.— Итак, слушайте меня внимательно. Вчера вы прохаживались около суда, ожидая разбора этого дела. Обедали напротив, через улицу. Угощали кого-то. Не брат ли обвиняемого был этот ваш сотрапезник? — Мистер Свивеллер пытается объяснить...— Да или нет, сэр? — рявкает джентльмен мистера Брасса.

— Но позвольте мне...

— Да или нет, сэр?

— Да, но...

— Да! — обрывает его джентльмен на полуслове.— Так какой же вы после этого свидетель!

Джентльмен мистера Брасса садится на место. Джентльмен Кита, не зная, как все обстояло в действительности, предпочитает не касаться этого вопроса. Ричард Свивеллер удаляется сконфуженный. Судья, присяжные и публика представляют себе мысленно, что он слонялся около суда в обществе какого-то забулдыги шести футов росту, с разбойничьей физиономией, украшенной пышными бакенбардами. На самом же деле это был маленький Джейкоб, закутанный в шаль, из-под которой виднелись его голые икры. Правды никто не знает; каждый уверен, что тут дело нечисто; и все это — результат ловкости джентльмена мистера Брасса.

Теперь суду предстоит выслушать отзывы о Ките, и тут джентльмен мистера Брасса снова пользуется возможностью показать себя во всем блеске. Выясняется, что, беря Кита на службу, мистер Гарленд почти ничего о нем не знал, никаких рекомендаций, кроме тех, которые дала Киту его же собственная мать, не получал и что прежний хозяин вдруг расстался со своим слугой неизвестно почему.

— Право, мистер Гарленд,— говорит джентльмен мистера Брасса,— для человека ваших лет вы поступили, мне кажется, по меньшей мере опрометчиво. То же самое кажется и присяжным, и они выносят Киту обвинительный приговор. Кита уводят, не внимая его робким протестам. Публика усаживается на места, с удвоенным интересом готовясь к следующему делу, ибо, по слухам, на нем будут выступать в качестве свидетельниц несколько женщин, и джентльмен мистера Брасса, высту-

пающий на сей раз на стороне ответчика, учинит им такой перекрестный допрос, что со смеху лопнешь.

Мать Кита, бедняжка, ждет сына внизу, у решетки, вместе с матерью Барбары, а та — добрая душа! — только и знает, что плакать в три ручья да нянчиться с малышом. Происходит печальная встреча. Тюремный сторож — большой охотник до газет — успел рассказать им все. Он не думает, чтобы Кита присудили к пожизненной каторге, так как время еще есть — успеет достать где-нибудь хорошие отзывы о себе, а тогда меру наказания снизят. И зачем только он это сделал?

— Он ничего такого не делал! — восклицает мать Кита.

— Ну, что там спорить,— говорит сторож.— Сделал, не сделал — теперь уж все одно.

До Кита можно дотронуться сквозь решетку, и мать сжимает ему руку — сжимает с таким отчаянием, сила которого ведома лишь богу да тем, кого он наделил любящим сердцем. Кит заклинает мать не падать духом, просит, чтобы ему дали поцеловать братьев, и, когда мать Барбары поднимает их, шепчет ей украдкой: «Уведите ее домой!»

— Мама, верь, мы найдем заступников! Не сегодня, так завтра,— говорит он.— Все уладится, и меня выпустят на свободу. А когда Джейкоб и малыш подрастут, расскажи им — все расскажи. Ведь если они будут думать, что их брат совершил бесчестный поступок, у меня сердце разорвется на части, где бы я ни был, хоть за тысячу миль отсюда!.. Боже мой! Неужели не найдется доброго человека, который позаботился бы о ней!

Пальцы матери выскальзывают из его руки, она, несчастная, замертво падает на пол. Но Ричард Свивеллер тут как тут — расталкивает локтями зевак, подхватывает ее — не без труда — за талию, на манер театральных соблазнителей, и, кивнув Киту и знаком дав понять матери Барбары, что экипаж ждет их у ворот, быстро удаляется со своей ношей.

Итак, Ричард повез миссис Набблс домой. И какую же этот Ричард плел чепуху всю дорогу, сыпля, словно из мешка, цитатами из разных песенок и стихотворений, одному богу известно! Он довез ее до дому, дождался, когда она придет в чувство, а потом — так как заплатить за проезд ему было нечем,— с шиком подкатил к конторе на улице Бевис-Маркс и попросил извозчика подождать у дверей (напомним, что все это происходило в субботу), пока он «разменяет получку».

— Мистер Ричард, сэр! — радостно воскликнул Самсон.— Приветствую вас!

Как ни мало правдоподобны казались спачала мистеру Ричарду объяснения Кита, в тот вечер он почти готов был поверить, что его любезнейший патрон совершил какую-то чудовищную подлость. Кто знает, может статься, горестная сцена, свидетелем которой только что был этот беззаботный шалопай,

проняла даже его? Так или иначе, подозрения не давали ему покоя, и потому он постарался изложить свою просьбу, не тратя лишних слов.

— Жалованье? — воскликнул Брасс, вынимая кошелек из кармана.— Ха-ха! Ну, разумеется, мистер Ричард, разумеется, сэр! Ведь жить-то всем надо. У вас не будет сдачи с пяти фунтов, сэр?

— Нет,— отрезал Дик.

— Постойте! Вот как раз столько, сколько вам причитается. И никого не надо беспокоить. Пожалуйста!.. Мистер Ричард... сэр...

Дик, успевший подойти к двери, круто обернулся.

— Сэр,— сказал Брасс,— вы можете больше не затруднять себя посещением конторы.

— Что?

— Видите ли, мистер Ричард,— продолжал стряпчий, засовывая руки в карманы и покачиваясь на табуретке.— Дело в том, что столь сухая и даже мертвая материя, как юриспруденция, сэр, способна загубить, совершенно загубить человека с вашими способностями. Нудное ремесло, невыносимо нудное! Вот, скажем, на сцене или... или в армии, мистер Ричард, или в каком-нибудь первоклассном заведении с продажей спиртных напитков ваши таланты развернулись бы во всю ширь. Надеюсь, вы к нам еще не раз заглянете. Салли будет встречать вас с распростертыми объятиями, сэр. Ей очень жаль расставаться с вами, и только чувство долга перед обществом примиряет ее с этой разлукой. Салли удивительное существо, сэр! Деньги я, кажется, сосчитал правильно? В конторе разбито окно, сэр, но я не хочу удерживать с вас за него. Когда люди расстаются друзьями, мистер Ричард, о таких мелочах думать не следует. Я придерживаюсь этого прекрасного правила, сэр!

Мистер Свивеллер, не удостоивший ни словом эти довольно бессвязные замечания, молча вернулся за своей спортивной курткой и начал скатывать ее в тугой круглый шар, так пристально глядя на мистера Брасса, точно этот шар предназначался для того, чтобы сбить его с ног. Однако он ограничился тем, что сунул сверток под мышку и, опять-таки не нарушая молчания, вышел из конторы. Затворив за собой дверь, мистер Свивеллер тут же отворил ее, устремил на стряпчего все такой же долгий зловещий взгляд, медленно склонил голову, как это делают привидения, и вслед за тем исчез.

Он расплатился с кебменом и покинул улицу Бевис-Маркс, строя в уме грандиозные планы, как утешить мать Кита и помочь ему самому.

Но жизнь джентльменов, предающихся тем удовольствиям, которым платил дань и Ричард Свивеллер, подвержена всевозможным случайностям. Тревоги, испытанные им за последние

две недели, окончательно подорвали его организм и без того достаточно подорванный длительным употреблением спиртных напитков. В ту же ночь мистер Ричард почувствовал себя плохо и на другой день уже не вставал с постели, заболев жесточайшей нервной горячкой.

ГЛАВА LXIV

Изнывая от мучительной неутолимой жажды, не находя ни в каком положении хотя бы минутного покоя и отдыха и блуждая, непрестанно блуждая по бесконечным дебрям горячечного бреда, где ничто не сулило ему ни короткой передышки, ни желанного освежения или забытья, где надо всем царила безысходная тупая усталость, такая усталость, что ее не могло побороть ни его измученное тело, метавшееся в жаркой, неудобной постели, ни мозг, истомленный одной неотвязной мыслью, одним смутным чувством, будто что-то осталось недоделанным, будто надо еще преодолеть какое-то страшное препятствие, освободиться от гнетущей заботы, которая омрачает собой все, словно нечистая совесть, и, принимая то одно, то другое обличье (неясное, призрачное, но неизменное в своей сущности), пронизывает ужасом даже дремоту,— под этой медленной пыткой злосчастный Ричард таял и чах день ото дня, и наконец, когда ему почудилось, что целое полчище дьяволов навалилось на него и не дает подняться с кровати, он крепко заснул и никаких снов больше не видел.

Он проснулся. Ощущая во всем теле покой, несравнимый по сладости даже со сном, он начал постепенно припоминать свои недавние муки и подумал: «Долго же тянулась эта ночь... уж не бредил ли я, чего доброго?» Потом машинально поднял руку и удивился, почему она такая худая, словно высохшая, а кажется тяжелой. И все же на душе у него было легко и спокойно, и, не утруждая себя дальнейшими размышлениями по поводу руки, он продолжал лежать в полузабытьи до тех пор, пока его внимание не привлек чей-то кашель. Неужто дверь осталась вчера незапертой? Значит, в комнате есть кто-то еще? Странно! Но думать об этом тоже было лень, и, наслаждаясь блаженным отдыхом, он стал машинально разглядывать зеленые полоски на кроватном пологе, которые почему-то представлялись ему сочной травой, а желтые просветы между ними — усыпанными песком аллеями, и все это, вместе взятое, образовывало в его воображении уходящую вдаль перспективу красивого, строгого парка.

Он долго гулял по этому парку и успел забрести бог знает куда, как вдруг кашель послышался снова. Аллеи тут же превратились в полоски; он чуть приподнялся в постели и, отдернув полог, выглянул из-за него.

Комната все та же, свеча еще горит, но откуда взялись эти склянки и миски, белье, развешанное у огня, и прочие принадлежности, обязательные возле ложа больного? Никакого беспорядка, все чисто, и вместе с тем все совсем по-другому, чем было вчера вечером, когда он ложился спать. А какой свежий воздух! Прохладный запах лекарственных трав и уксуса, пол только что сбрызнут водой, и... кто это? Маркиза?

Да! играет сама с собой в криббедж. Вот она — сидит за столом, такая сосредоточенная, изредка покашливает, но сдержанно, видимо, боясь разбудить его, тасует карты, снимает, сдает, подсчитывает взятки, передвигает колышки, как самый заправский игрок, постигший тайны криббеджа с колыбели!

Мистер Свивеллер созерцал это зрелище несколько минут, потом выпустил полог из рук и снова откинулся на подушку.

«Мне снится сон,— подумал Ричард,— самый настоящий сон. Вчера вечером у меня были руки как руки, а сейчас они почти прозрачные на свет, точно яичная скорлупа. Если же это не сон, значит, я проснулся среди ночи, но — увы! — не лондонской, а какой-нибудь из тех, которых ровным счетом тысяча и одна. Впрочем, я сплю — несомненно сплю!»

Тут маленькая служанка снова кашлянула.

«Поразительное дело! — подумал мистер Свивеллер.— Впервые слышу во сне настоящий кашель. Такие вещи, как чиханье и кашель, мне как будто никогда раньше и не снились. Вероятно, такова природа сновидений, что в них никто не чихает и не кашляет. Вот опять... опять! Н-да! Мой сон помчался галопом».

Решив проверить, в каком он все-таки находится состоянии, мистер Свивеллер после некоторого раздумья ущипнул себя за руку.

«Это уж совсем странно! — удивился он.— Вчера в постель лег довольно упитанный молодой человек, а сейчас ухватиться не за что. Ну-ка, выглянем еще разок».

В результате дополнительного осмотра комнаты мистер Свивеллер убедился, что его окружают совершенно реальные предметы и что он видит их наяву.

— Тысяча и одна ночь, и дело с концом! — сказал Ричард вслух.— Я попал в Дамаск или в Каир. Маркиза — добрый джинн, который поспорил с другим джинном, кто самый красивый молодой человек на свете, а следовательно, кто больше всех годится в женихи китайской принцессе, и перенес меня сюда вместе с комнатой и со всем моим скарбом на предмет сравнения. Может быть...— мистер Свивеллер томно повернул голову на подушке и посмотрел на край постели у самой стены,— может быть, принцесса все еще... Увы! Она исчезла!

Не удовлетворившись таким объяснением, ибо, даже будучи правильным, оно не разрешало до конца некоторой таинствен-

ности этой истории и возникавших в связи с ней неясностей, мистер Свивеллер снова откинул полог с твердым намерением при первом же удобном случае заговорить со своей гостьей. Такой случай вскоре представился. Маркиза сдала, открыла валета и прозевала взятку, что вынудило мистера Свивеллера крикнуть изо всех его слабых сил:

— Два колышка вниз!

Маркиза так и подскочила на месте и захлопала в ладоши.

«Ну, разумеется, Тысяча и одна ночь,— подумал мистер Свивеллер.— Там всегда хлопают в ладоши, вместо того чтобы позвонить в колокольчик. Сию минуту появится сотня черных рабов с кувшинами на голове, полными драгоценностей!»

Впрочем, маркиза захлопала в ладоши, видимо, от радости, ибо тут же вслед за этим она засмеялась, потом залилась слезами и воскликнула отнюдь не на цветистом арабском диалекте:

— Я так рада, так рада, просто не знаю, что и делать!

— Маркиза,— медленно, словно в раздумье, проговорил мистер Свивеллер,— будьте добры подойти поближе. Не откажите также в любезности сообщить мне, где мой голос,— это первое. И второе: я был в теле, куда же оно теперь девалось?

Вместо ответа маркиза грустно покачала головой и снова заплакала, вследствие чего мистер Свивеллер, сильно ослабевший за время болезни, почувствовал, что у него тоже защипало глаза.

— Судя по вашему поведению, маркиза,—после паузы сказал Ричард, улыбаясь дрожащими губами,— и по общему виду моей комнаты, я был болен?

— Да еще как! — ответила маленькая служанка, утирая слезы.— И такую околесицу несли, не приведи господи!

— Да? — сказал Дик.— Значит, я был опасно болен?

— Чуть не померли,— ответила маленькая служанка.— Я думала, вам уж никогда не полегчает. А теперь, слава богу!

Мистер Свивеллер долго молчал. Когда же дар речи вернулся к нему, он спросил, сколько это все продолжалось.

— Завтра как раз три недели,— ответила маленькая служанка.

— Три — чего?

— Недели,— с ударением повторила маркиза.— Три долгих, долгих недели.

Услыхав о приключившейся с ним беде, Ричард вытянулся на кровати во всю длину и снова погрузился в молчание. Тем временем маркиза оправила ему постель, убедилась, что руки и лоб у него холодные, и, придя в восторг от такого открытия, снова всплакнула, после чего поставила чайник на огонь и принялась поджаривать хлеб тонкими ломтиками,

Мистер Свивеллер следил за ней, полный признательности, дивясь, что она чувствует себя здесь совсем как дома, и мысленно рассыпался в благодарностях перед Салли Брасс за такое внимание к себе. Кончив свои приготовления, маркиза накрыла поднос чистой салфеткой и подала больному большую чашку слабого чаю вместе с гренками, которыми, по ее словам, доктор позволил ему подкрепиться сразу же после пробуждения. Потом она взбила ему подушки, проявив при этом не столько ловкость опытной сиделки, сколько заботливость, и с чувством величайшего удовлетворения стала смотреть, как Ричард, то и дело отставляя чашку в сторону, чтобы пожать ей руку, принялся поглощать свой ужин с таким аппетитом, какого при любых других обстоятельствах не могли бы пробудить в нем самые изысканные яства на свете. Приняв от него посуду и снова оправив ему постель, маленькая служанка села пить чай сама.

— Маркиза,— сказал мистер Свивеллер,— как поживает Салли?

Она скорчила хитрую-прехитрую рожицу и замотала головой.

— Неужто вы с ней не виделись последние дни? — удивился Дик.

— Господь с вами! — воскликнула маленькая служанка.— Да я от них убежала!

Мистер Свивеллер повалился навзничь и пролежал так минут пять. Потом он постепенно принял сидячее положение и осведомился:

— А где же вы живете, маркиза?

— Как где? — воскликнула маленькая служанка.— Да здесь, у вас!

— О-о! — протянул мистер Свивеллер и снова повалился навзничь, будто сраженный пулей.

Он лежал неподвижный и безмолвный довольно долгое время, но, когда маркиза кончила ужинать, убрала посуду и подмела очаг, попросил ее знаком сесть на стул возле кровати и, позволив снова подпереть себя подушками, приступил к дальнейшему разговору.

— Итак,—сказал Ричард,— вы убежали из дому?

— Да, — ответила маркиза, — а они сделали бубликацию.

— Простите,— сказал Дик.— Что они сделали?

— Бубликацию...— повторила маркиза.— Ну, знаете, в газете.

— Ах, понимаю! — сказал Дик.— Публикацию?

Маленькая служанка молча закивала головой и подмигнула ему. Глаза у нее были такие красные от бессонных ночей и слез, что, кажется, сама трагическая муза и та подмигнула бы с большей убедительностью. И Дик почувствовал это всем сердцем.

— Расскажите мне,— продолжал он свои расспросы,— почему же вам вздумалось прибежать именно сюда?

— Да знаете,— ответила маркиза,— вы от нас ушли, и у меня совсем никого не осталось, потому что жилец так и не вернулся домой, а где вас обоих искать, я ведать не ведала. Вот однажды утром, когда я...

— Торчала около замочной скважины? — подсказал мистер Свивеллер, заметив, что она мнется.

— Ну, торчала! — призналась маленькая служанка, утвердительно кивнув головой. — Вы и так про меня все знаете. Ну вот, торчала я около замочной скважины и слышу, какая-то женщина говорит в конторе, что она живет там-то и там-то и сдает вам комнату, а вы лежите в горячке и не придет ли кто-нибудь за вами ухаживать. Мистер Брасс как отрежет: «Это меня не касается», и мисс Салли говорит: «Он, правда, малый забавный, но меня это тоже не касается». Тогда та женщина ушла и как хлопнет дверью, только держись! А я в ту же ночь убежала и прямо сюда, сказала вашим хозяевам, что вы мой брат, и они мне поверили, и вот я теперь и живу здесь.

— Эта бедная маленькая маркиза замучилась со мной до смерти! — вскричал Дик.

— Вот и неправда,— возразила она.— И ни чуточки! Напрасно вы беспокоитесь. Я люблю полуночничать! Господи помилуй! Да будто нельзя спать на стуле! А вот бы вам самому посмотреть, как вы хотели выпрыгнуть из окна, да послушать, как вы пели и заговаривались! Ни глазам, ни ушам бы своим не поверили!.. Я так рада, что теперь все это прошло, мистер Вызволлер!

— Вот уж действительно Вызволлер! — задумчиво проговорил Дик.— А все-таки хорошо, что меня вызволили! Без вас давно бы мне быть на том свете, маркиза! Я сильно это подозреваю.

Тут мистер Свивеллер в порыве благодарности снова взял маленькую служанку за руку и в самом недалеком будущем, пожалуй, мог бы поспорить с ней краснотой глаз (не забывайте, что он был еще очень слаб!), если бы она не изменила тему разговора, заставив его опуститься на подушку и лежать тихо и смирно.

— Доктор велел, чтобы полный покой и никакого шума, никакой болтовни. Вы отдохните, а потом мы поговорим. Ведь я тут буду, рядом. Закройте глаза, может, уснете. А выспитесь, сразу лучше станет.

Маркиза придвинула к кровати маленький столик, села за него и занялась приготовлением какого-то прохладительного питья, проявляя при этом такое знание дела, какое было под стать только десятку аптекарей, вместе взятых. Ричард Свивеллер, и вправду утомившийся, вскоре задремал и, проспувшись минут через сорок, спросил, который час.

— Половина седьмого,— ответила его маленькая приятельница, помогая ему сесть.

— Маркиза! — Ричард вдруг повернулся к ней всем корпусом, видимо, вспомнив о чем-то, и поднес руку ко лбу.— Что с Китом?

— Кита присудили к каторге на много, много лет,— ответила она.

— И уже отправили? — спросил Дик.— А его мать? Где она, что с ней?

Маленькая служанка покачала головой и сказала, что о семье Кита ей ничего не известно, потом медленно добавила:

— Но если вы будете лежать спокойно и не заболеете горячкой еще раз, я, может, кое-что и расскажу... Нет, не стану!

— Ну, расскажите, прошу вас! — взмолился Дик.— Развеселите меня!

— Ой! Какое уж тут веселье! — в ужасе воскликнула она.— Нет, ни за что! Вы сначала поправьтесь, тогда расскажу.

Но тут маленькая служанка поймала на себе взгляд Дика, выразительность которого так усиливали эти большие, глубоко запавшие глаза, что она сразу всполошилась и стала умолять его забыть их разговор. Однако слова, сорвавшиеся у маркизы с языка, не только заинтересовали, но и серьезно встревожили мистера Свивеллера, вследствие чего он потребовал, чтобы она поведала ему все, самое худшее.

— Да ничего такого худшего и нет,— сказала его маленькая сиделка.— И это не вас касается.

— А кого? Опять замочная скважина или дверная щелка — и вы подслушали то, что совсем не предназначалось для ваших ушей? — задыхаясь от волнения, проговорил Дик.

— Да,— ответила маленькая служанка.

— На улице Бевис-Маркс? — заторопился Дик.— Разговор между Брассом и Салли?

— Да! — крикнула маленькая служанка.

Ричард Свивеллер высунул из-под одеяла исхудалую руку, схватил маркизу за локоть и, притянув к себе, стал умолять ее, чтобы она рассказала ему все без утайки, так как в противном случае он не перенесет тревоги и мук неизвестности. Чувствуя, что больной действительно взволнован и что лучше уж открыть ему свою тайну сейчас, маркиза решила пойти на уступки, но только в том случае, если он не будет ни метаться, ни вскакивать с кровати.

— А чуть что, сразу кончу,— сказала она.— Так и знайте.

— Конца без начала не бывает! — воскликнул Дик.— Голубушка, я жду! О, не томи меня, сестрица, красотка Полли, не томи! Скажи мне где, скажи когда, маркиза, умоляю!

Не в силах противостоять столь пылким мольбам, которые Ричард Свивеллер обращал к ней со страстью, словно они

носили торжественный и драматический характер, его приятельница рассказала ему следующее:

— Ну, так вот! До того как убежать, я спала на кухне, где мы с вами — помните? — играли в карты. Ключ от кухни мисс Салли всегда держала у себя в кармане, и чуть только стемнеет, так она спускается вниз, выгребает угли из очага и уносит с собой свечу. Потом дверь снаружи на запор, и ключ опять в карман,— а я ложись спать в темноте, и так на всю ночь. Утром придет — уж конечно, чуть свет — и выпустит меня. Как я боялась оставаться одна, просто сказать вам не могу! А вдруг, думаю, пожар! Ведь сами-то они небось спасутся, а обо мне забудут! И вот стала я подбирать ключи — найду какой-нибудь, хоть старый, ржавый, и пробую, не подойдет ли. И наконец в чулане среди мусора подыскала, какой нужно.

Тут мистер Свивеллер отчаянно задрыгал ногами. Но так как маленькая служанка немедленно умолкла, он овладел собой и, извинившись за то, что забыл об их уговоре, попросил ее продолжать.

— Меня морили голодом,— снова заговорила она.— Да еще как морили, вы даже представить себе не можете! И вот, только они улягутся, я тут же поднимусь в контору и начну шарить там в темноте, не остался ли после вас какой-нибудь сухарик, или бутерброд, или хоть кусочек апельсинной корки, потому что если ее положить в стакан с холодной водой и подумать, что это вино, то получается вкусно. Вы пробовали воду с апельсинными корками?

Мистер Свивеллер признался, что ему никогда не приходилось вкушать такого крепкого напитка, и еще раз попросил свою приятельницу не отвлекаться.

— Если хорошенько подумать, то на вкус получается совсем как вино,— повторила она,— а если нет, так все будет казаться, что чего-то не хватает. Ну, вот. Значит, иногда я дожидалась, пока они не лягут спать, а иногда выходила и раньше. А дня за два до того, как в конторе поднялась вся эта кутерьма — когда молодого человека взяли под стражу,— я поднялась наверх и вижу: мистер Брасс и мисс Салли сидят у камина и о чем-то между собой разговаривают. И даю вам честное слово, мне только хотелось узнать, куда они прячут ключ от кладовой.

Мистер Свивеллер, лицо которого выражало крайнюю озабоченность, подтянул ноги в коленях, так что одеяло вздыбилось на них конусом. Но лишь только маленькая служанка замолчала, предостерегающе подняв палец, конус начал медленно сходить на нет, чего нельзя было сказать о выражении озабоченности, так и оставшемся на его лице.

— Сидят они вдвоем у камина, — продолжала она, — и о чем-то между собой шушукаются. Вот мистер Брасс и говорит мисс

Салли: «Нет, как хочешь, опасное это дело, неохота мне приниматься за него, потом неприятностей не оберешься!» А она — ведь вы ее знаете,— она ему отвечает: «Эх ты, говорит, душа в пятки ушла? Трус несчастный, тряпка, а еще мужчиной называешься! Кому же из нас больше пристало быть братом? Мне! А тебе — сестрой. На ком, говорит, мы больше всего зарабатываем, — на Квилпе?» Мистер Брасс отвечает: «Верно, на Квилпе». А она опять: «Мало ли нам пришлось погубить людей на своем веку?» — «Верно, немало». Это он говорит, а она: «Погубим и Кита, если Квилпу так уж это приспичило. Невелика беда!» — «Верно, беда невелика». Потом они еще долго хихикали и советовались, как бы все обделать шито-крыто, чтобы им ничего за это не было, а потом мистер Брасс вынул из кармана бумажник и говорит: «Ну, что ж! Вот они, пять фунтов,— Квилп сам мне их дал. Значит, решено? Решено! Кит придет завтра утром. Пока он будет наверху, ты куда-нибудь уйди, а от мистера Ричарда я сам отделаюсь. Потом, когда Кит спустится вниз, мы с ним побеседуем с глазу на глаз, и я подсуну деньги ему в шляпу. Кроме того, говорит, надо подстроить так, чтобы нашел их мистер Ричард и чтобы его привлекли к делу в качестве свидетеля. А уж если, говорит, нам не удастся убрать этого Кристофера с дороги и утолить ненависть мистера Квилпа, тогда, значит, сам дьявол против нас!» Мисс Салли засмеялась и говорит: «Славно придумано». А я не посмела дольше оставаться, потому что они там задвигали стульями, и убежала на кухню. Вот и все.

Достигнув к концу своего рассказа того же градуса волнения, в каком пребывал и мистер Свивеллер, маленькая служанка не стала упрекать его, когда он сел в постели и прерывающимся голосом спросил, рассказывала ли она кому-нибудь все это.

— Кому же? — воскликнула его сиделка.— Да я и вспоминать-то об этом боялась. Потом мне все думалось, что молодого человека вот-вот отпустят. А когда его засудили за то, в чем он не повинен, вас уже не было, и жильца тоже не было, хотя с ним я все равно побоялась бы заговорить. Пришла сюда — вы в беспамятстве; говори не говори — все без толку!

— Маркиза,— сказал мистер Свивеллер, сорвав с головы ночной колпак и швырнув его в дальний угол комнаты,— если вы не откажете мне в любезности удалиться на несколько минут и посмотреть, какая на дворе погода, я встану и оденусь.

— Что вы! Вам даже думать об этом нельзя! — воскликнула его сиделка.

— Нет, можно, — сказал больной, оглядываясь по сторонам.— Где мое платье?

— Ой, как я рада! У вас ничего не осталось! — ответила маркиза.

— Сударыня! — вне себя от изумления произнес мистер Свивеллер.

— Мне пришлось все продать — все, до последней тряпки — на лекарства, которые вам прописывал доктор. Да вы не огорчайтесь! — взмолилась она, когда Дик упал на подушки.— Куда вам вставать, вы на ногах не удержитесь!

— Увы, маркиза, вы, кажется, правы,— грустно проговорил Дик.— Как же теперь быть? Просто ума не приложу!

Впрочем, ему не пришлось долго ломать себе голову над этим вопросом, так как он тут же сообразил, что прежде всего надо снестись с кем-нибудь из Гарлендов. Мистера Авеля, вероятно, еще можно будет застать в конторе. Не прошло и нескольких минут, как маленькая служанка выслушала от него описание обоих Гарлендов, отца и сына, которое должно было помочь ей узнать их без всякого труда, и получила адрес мистера Уизердена, нацарапанный карандашом на клочке бумаги, вместе со строгим наказом на словах: ни в коем случае не обращаться к мистеру Чакстеру, поскольку сей джентльмен известен своей неприязнью к Киту. Снабженная этими весьма приблизительными сведениями, она быстро собралась в путь, с тем чтобы привести мистера Гарленда или мистера Авеля на квартиру к мистеру Свивеллеру.

— Так, значит,— сказал Дик, когда, медленно притворив за собой дверь, маркиза тут же опять заглянула в комнату, видимо, желая лишний раз убедиться, что больной не испытывает никаких неудобств.— Значит, ничего не осталось?.. Может, хоть какая-нибудь жилетка?

— Ничего.

— Положение не из приятных,— пробормотал мистер Свивеллер. — В случае пожара зонтик и то бы пригодился... Но вы поступили совершенно правильно, дорогая маркиза. Без вас я бы отправился на тот свет.

ГЛАВА LXV

Не будь маленькая маркиза так сметлива и востра, ее путешествие по этой части города, где ей было опасно показываться, могло бы кончиться тем, что мисс Салли Брасс снова утвердила бы свою неограниченную власть над сбежавшей служанкой. Прекрасно понимая, какому риску она подвергается, маркиза сразу по выходе из дому нырнула в темный переулок и, не думая о цели своего путешествия, прежде всего проделала добрых две мили по городскому лабиринту, чтобы оставить Бевис-Маркс как можно дальше позади.

Когда это было достигнуто, начались поиски улицы, на которой находилась контора нотариуса. Она легко нашла туда дорогу, расспрашивая торговок яблоками и продавцов устриц

и со свойственной ей предусмотрительностью избегая освещенных лавок и хорошо одетых прохожих из страха, как бы не привлечь к себе внимания. Выпустите почтового голубя в незнакомом месте, и он сначала сделает наудачу несколько кругов в воздухе, а потом устремится туда, куда ему надлежит. Так и маркиза долго порхала по улицам и переулкам и наконец, почувствовав себя в безопасности, стремительно понеслась прямо к намеченной цели.

Вместо капора на ней был огромный чепец, принадлежавший в давние времена Салли Брасс, которая, как мы уже видели, руководствовалась при выборе головных уборов собственным, несколько причудливым, вкусом. Большие стоптанные башмаки не столько облегчали, сколько задерживали каждый ее шаг, потому что они то и дело сваливались у нее с ног и их приходилось долго разыскивать, путаясь в толпе прохожих. Бедняжку так измучили постоянные задержки, когда ей приходилось шарить в канавах и по грязным тротуарам в поисках этих предметов своего туалета, ее так толкали в темноте, так пинали, давили, швыряли из стороны в сторону, что она совсем запыхалась, выбилась из сил и, добежав в конце концов до конторы нотариуса, не могла сдержать слезы.

Все-таки ей удалось добраться сюда, какое счастье! В окнах горит свет, — значит, есть надежда, что еще не поздно. И вот маркиза утерла глаза кулаками, осторожно поднялась по ступенькам и заглянула в стеклянную дверь.

Мистер Чакстер готовился, видимо, к отбытию из конторы, так как он вытягивал манжеты из-под обшлагов пиджака, оправлял воротничок, крутил шеей, чтобы поизящнее приладить галстук, и, пользуясь в качестве ширмы поднятой крышкой своего бюро, украдкой взбивал бакенбарды перед треугольным осколком зеркала. Возле остывшего камина стояли двое джентльменов, и в одном из них она сразу признала нотариуса, а в другом, который уже застегивал пальто на все пуговицы, мистера Авеля Гарленда.

Произведя эти наблюдения, маркиза, выступавшая на сей раз в роли соглядатая, решила дождаться мистера Авеля на улице, где можно будет поговорить с ним без всяких помех и не на глазах у мистера Чакстера. Она так же осторожно сошла по ступенькам, перебежала на другую сторону улицы и уселась на крылечке против конторы.

Не успела маркиза устроиться там, как из-за угла, крутя головой во все стороны, пританцовывая на каждом шагу и то и дело сбиваясь с ноги, появился пони. Пони был впряжен в маленький фаэтон, в котором сидел какой-то мужчина, но и мужчина и фаэтон, видимо, мало его тревожили, так как, совершенно не считаясь с ними и руководствуясь собственной прихотью, он поднимался на дыбы, останавливался, устремлялся вперед, снова замирал на месте, пятился, сворачивал вбок —

словом, вел себя, как самое вольное существо в мире. Когда они подъехали к конторе, мужчина сказал весьма почтительным тоном: «Тпру!» — намекая этим, что если бы ему было дозволено выразить свое желание, то он не прочь бы остановиться именно здесь. И пони остановился — на минуту, но, спохватившись тут же, как бы такое послушание не создало нежелательного и даже опасного прецедента, стремительно взял с места, крупной рысью домчал до угла, завернул на всем ходу, поравнялся с дверью конторы и стал как вкопанный, на сей раз по собственному желанию.

— Ах ты паскуда! — крикнул мужчина, оказавшийся кучером. Между прочим, он рискнул выявить себя в истинном свете только после того, как очутился в полной безопасности, то есть вылез из фаэтона.— Задал бы я тебе перцу, будь на то моя воля!

— В чем он провинился? — спросил мистер Авель, спускаясь по ступенькам и закутывая шею теплым шарфом.

— Да он кого хочешь из терпения выведет! — ответил кучер.— Такая норовистая скотина!.. Тпру, стой!

— Бранью вы от него ничего не добьетесь,— сказал мистер Авель, садясь в фаэтон и беря вожжи.— Наш Вьюнок славный малый, только надо уметь обращаться с ним. Его запрягли впервые после долгого перерыва. Он расстался со своим прежним кучером и до сегодняшнего утра ни с кем не желал выезжать. Фонари горят? Ну-с, так, прекрасно! Попрошу вас прийти за ним завтра сюда, к этому дому. До свидания!

И после двух-трех странных бросков в сторону, сделанных по собственному почину, Вьюнок покорился своему кроткому хозяину и легкой рысью затрусил по мостовой.

Все это время мистер Чакстер стоял в дверях конторы, и маленькая служанка не осмеливалась подойти к фаэтону. Следовательно, теперь ей не оставалось ничего другого, как бежать за ним и кричать мистеру Авелю, чтобы он остановился. Фаэтон она догнала, правда, совершенно запыхавшись, и поэтому мистер Авель не расслышал ее сдавленных криков. Положение становилось отчаянным, так как пони все прибавлял и прибавлял шагу. Несколько минут маркиза не сдавалась, а потом, почувствовав, что надолго ее не хватит, собрала последние силы и вскарабкалась на заднее сиденье, на веки вечные распростившись при этом с одним башмаком.

Мистер Авель, занятый своими мыслями да к тому же имевший немало хлопот с пони, не оглядывался назад и не подозревал, какая странная фигура торчит у него за спиной. Так продолжалось до тех пор, пока маркиза, чуточку переведя дух и несколько примирившись с потерей башмака и необычностью своего положения, не проговорила ему на ухо:

— Послушайте, сэр...

Вот тут-то он оглянулся и, остановив пони, пролепетал не без дрожи в голосе:

— Боже мой, что такое!

— Не пугайтесь, сэр,— все еще задыхаясь, сказала маркиза.— Ох, ну и долго же мне пришлось догонять вас!

— Что вам от меня нужно? — воскликнул мистер Авель.— Как вы сюда попали?

— Прицепилась сзади,— ответила маркиза.— Прошу вас, сэр, не задерживайтесь, поезжайте дальше! И, пожалуйста, поскорей, потому что дело очень важное. Вас хочет видеть один человек. Он послал меня за вами, он узнал все про Кита и может доказать его невиновность и спасти из тюрьмы!

— Что ты говоришь, девочка?

— Правду, истинную правду, вот помереть мне на этом месте! Поедемте скорей, умоляю вас! Прошло столько времени, он, наверно, думает, что я заблудилась!

Мистер Авель невольно шевельнул вожжами. Вьюнок, повинуясь то ли чувству какой-то тайной симпатии, то ли очередному капризу, взял с места крупной рысью и, не меняя аллюра, не позволив себе по пути ни одной вольности, подкатил к дому мистера Свивеллера и там — вы только подумайте! — сразу остановился.

— Видите? Вон его комната,— сказала маркиза, показывая на слабо освещенное окно.— Пойдемте!

Мистер Авель, человек в высшей степени тихий, склонный к уединению и, в силу всего этого, крайне робкий, растерянно посмотрел по сторонам, ибо ему приходилось слышать, как людей заманивают в незнакомые дома, грабят и убивают, при обстоятельствах, весьма похожих на те, в которых теперь очутился он сам, и при помощи лиц, весьма похожих на маркизу. Однако мысль о Ките победила все прочие соображения. Оставив Вьюнка под надзором прохожего, замедлившего шаги около фаэтона в предвидении заработка, он покорно протянул руку своей провожатой и поднялся следом за ней по узкой мрачной лестнице.

Мистер Авель немало изумился, когда его ввели в полутемную комнату, где на кровати мирно спал какой-то человек, по-видимому, больной.

— Как спокойно лежит, сердце радуется, на него глядя! — взволнованно прошептала спутница мистера Авеля.—Вы бы посмотрели, какой он был и третьего дня, и вчера,— пожалуй, тоже обрадовались бы!

Мистер Авель ничего на это не ответил и, не скроем, постарался стать как можно дальше от ложа больного и как можно ближе к двери. Маленькая служанка, видимо, разгадав причину его опасений, оправила свечу и подошла с ней к кровати. Спящий тут же поднял голову с подушки, и мистер Авель признал в этом исхудавшем лице черты Ричарда Свивеллера.

— Что с вами? — ласково проговорил он, быстро подходя к нему.— Вы были больны?

— Да еще как! — ответил мистер Свивеллер.— Чуть не умер. И вам бы всем не миновать над бедным Ричардом рыдать, если бы не мой добрый друг, которому я поручил привести вас сюда. Вашу руку, маркиза! Садитесь, сэр.

Мистер Авель очень удивился, услышав, что его спутница титулованная особа, и сел на стул около кровати.

— Я послал за вами, сэр,— начал Дик,— но она, вероятно, уже сообщила вам зачем?

— Да, да! И я так ошеломлен, просто не знаю, что подумать, не нахожу слов! — ответил мистер Авель.

— Погодите, то ли еще услышите! Маркиза, будьте любезны сесть на кровать. А теперь расскажите этому джентльмену то же самое, что рассказывали мне, и, пожалуйста, со всеми подробностями. Внимание, сэр!

Маркиза повторила свой рассказ в тех же самых словах, без малейших упущений и отклонений в сторону. Ричард Свивеллер не спускал глаз с гостя и, лишь только маркиза умолкла, заговорил снова:

— Вот теперь вы все услышали и, надеюсь, запомните это как следует. Я слишком слаб, и у меня плохо варит голова, так что на мои советы не рассчитывайте. Решайте со своими друзьями, как тут надо поступить. Времени упущено много, каждая минута на счету. Вам приходилось когда-нибудь торопиться домой? Так вот сегодня для этого самый подходящий случай. Ни слова больше, ступайте! Если вам понадобится маркиза, вы всегда найдете ее здесь. Что же касается вашего покорного слуги, то в ближайшие полторы-две недели его можно будет застать дома в любой день и час. На это есть много причин. Маркиза, свечку! Вы еще долго намерены смотреть на меня, сэр? Я не прощу вам ни минуты задержки.

Но мистера Авеля не пришлось особенно убеждать и торопить. Он немедленно вышел из комнаты, и маркиза, проводив его на лестницу со свечой, по своем возвращении доложила, что пони беспрекословно помчался галопом.

— Это очень мило с его стороны,— сказал Дик.— Молодец! Отныне он будет пользоваться моим уважением. Но, маркиза, вы же устали! Вам надо как следует поесть и подкрепиться пивом. На последнем настаиваю! Мне так приятно будет смотреть на вас за кружкой пива, будто я сам его пью.

Только такой довод и мог заставить маленькую сиделку мистера Свивеллера позволить себе подобную роскошь. Насытившись и выпив пива, к его величайшему удовольствию, подав ему лекарство и убрав комнату, она закуталась в старенькое одеяло и легла спать на коврике перед очагом.

А мистер Свивеллер к этому времени уже бормотал сквозь сон:

— Склонив главу на камыши, мы здесь заснем с тобой в тиши. Спокойной ночи, маркиза!

ГЛАВА LXVI

Проснувшись поутру, Ричард Свивеллер мало-помалу осознал, что в комнате у него кто-то перешептывается. Высунувшись из-за полога, он увидел мистера Гарленда, мистера Авеля, нотариуса и одинокого джентльмена, которые стояли кружком около маркизы и о чем-то разговаривали с ней — весьма серьезно, но тихо, чтобы не разбудить его. Мистер Свивеллер не замедлил сообщить им, что такие предосторожности излишни, после чего все четверо джентльменов сразу подошли к кровати. Мистер Гарленд первый протянул ему руку и справился о его самочувствии.

Дик хотел было ответить, что чувствует себя гораздо лучше, хотя еще очень слаб, как вдруг маленькая служанка растолкала гостей, словно ревниво оберегая от них своего питомца, подступила с подносом вплотную к его изголовью и потребовала, чтобы он сначала подкрепился, а уж потом утомлял себя разговорами. Мистер Свивеллер, проснувшийся с волчьим аппетитом, после того как ему всю ночь упорно снились отбивные котлеты, портер и тому подобные яства и напитки, не смог устоять даже перед жидким чаем с гренками и согласился позавтракать, поставив при этом лишь одно условие.

— А условие такое,— сказал он, отвечая на рукопожатие мистера Гарленда. — Я в рот ничего не возьму, пока вы не ответите мне прямо: опоздали мы или нет?

— Закончить доброе дело, так хорошо начатое вами? — в свою очередь, спросил старичок.— Нет! Вы напрасно тревожитесь. Верьте мне, время у нас еще есть.

Выслушав столь успокоительный ответ, больной приступил к завтраку с явным удовольствием, которое, впрочем, не шло ни в какое сравнение с той радостью, что испытывала его маленькая сиделка, глядя, как он ест. Принятие пищи происходило следующим образом: держа в левой руке гренок или чашку и прикладываясь к ним по очереди, мистер Свивеллер крепко сжимал правой лапку маркизы и время от времени тряс, а то и целовал, с полным ртом, эту плененную лапку, преисполненный величайшей серьезности и почтительности. Он откусывал гренок, запивал его чаем, и маркиза сияла; но стоило ему только выказать ей свою признательность одним из вышеуказанных способов, как лицо ее омрачалось, и она начинала плакать. Впрочем, и смех сквозь слезы, и слезы пополам со смехом не мешали ей при каждом таком случае обращать к гостям взгляд, говоривший: «Вы видите, какой он? Ну, что с

ним поделаешь?» И гости, будучи невольными участниками этой сцены, отвечали ей тоже взглядами: «А что тут можно поделать? Ровным счетом ничего!» Сам Ричард, бледный, изможденный, играл не последнюю роль в немой сцене, сопутствовавшей его завтраку,— и мы не вспомним другой такой трапезы, во время которой можно было бы столько всего выразить жестами и мимикой, казалось бы, самыми сдержанными и незначительными, не произнося при этом ни единого слова.

Наконец (и, по правде сказать, этого пришлось дожидаться недолго) мистер Свивеллер насытился, поглотив такое количество гренков и чая, какое не могло повредить выздоравливающему. Однако уход за ним на том не кончился, ибо, исчезнув на мгновение и тут же появившись снова с тазом воды, маркиза вымыла ему лицо и руки, причесала его — короче говоря, по мере сил и возможности привела своего питомца в порядок, да так ловко и с такой серьезностью, словно он был совсем маленький мальчик, а она его взрослая нянюшка. Мистер Свивеллер, окончательно потеряв дар речи от изумления и признательности, покорно подчинялся своей заботливой сиделке. Когда же туалет его был закончен и маркиза, отойдя в дальний угол комнаты, приступила к собственному завтраку (успевшему давно остыть), он отвернулся к стене и горячо пожал кому-то руку в воздухе.

— Джентльмены,— сказал Дик, снова поворачиваясь к гостям после этой паузы.— Простите меня. Люди с подорванным здоровьем быстро утомляются. Однако теперь я снова свеж и бодр и могу продолжать разговор. А так как среди прочих хозяйственных мелочей у нас здесь наблюдается нехватка стульев, будьте любезны сесть ко мне на кровать, и тогда...

— Чем мы можем помочь вам? — ласково спросил мистер Гарленд.

— Если бы вы могли превратить вон ту маркизу в маркизу самую настоящую, всамделишную,— ответил Дик,— я попросил бы вас не откладывать этого в долгий ящик. Но ввиду того, что такая задача вам не по силам и поскольку помогать надо не мне, а другому человеку, который больше заслуживает вашего внимания, я прошу вас, сэр, поделиться со мной своими планами.

— Мы, собственно, для этого и пришли,— заговорил одинокий джентльмен,— а остальное предоставим другому посетителю, который пожалует к вам в самом непродолжительном времени. Нам не хотелось, чтобы вы волновались понапрасну, не зная о наших намерениях, и мы решили навестить вас, прежде чем предпринимать что-либо.

— Джентльмены,— сказал Дик,— выражаю вам свою глубокую благодарность. Что мне остается делать, как не волноваться, ведь я в таком беспомощном состоянии! Впрочем, не слушайте меня, сэр, продолжайте.

— Так вот, друг мой,— снова начал одинокий джентльмен.— Никто из нас не сомневается в достоверности тех фактов, о которых мы так кстати...

— Это вы про нее? — перебил его Дпк, показывая на маркизу.

— Разумеется, про нее. Повторяю, никто из нас не сомневается ни в самих фактах, ни в том, что, умело воспользовавшись ими, мы сможем обелить несчастного юношу и вызволить его из тюрьмы. Но удастся ли нам добраться до главного виновника всего этого злодейства — до Квилпа, вот в чем дело! Скажу вам больше: эти сомнения окончательно подтвердились после того, как мы посоветовались со сведущими в таких вопросах людьми. А вы, наверно, согласитесь с нами, что дать Квилпу хотя бы малейшую возможность улизнуть от расплаты, было бы просто чудовищно! Уж если кого упускать из рук, так только не его!

— Я с вами совершенно согласен,— сказал Дик.— Но мне бы все-таки хотелось, чтобы никто из них не улизнул, поскольку закон, что писан для нас всех, и твой и мой карает грех, так далее и тому подобное. Ведь это истина!

Одинокий джентльмен иронически усмехнулся, видимо, сомневаясь в этой истине, и поведал дальше мистеру Свивеллеру, что они решили пойти на хитрость и попробовать, не удастся ли им вырвать признание у кроткой Сары.

— Едва мисс Сара узнает, сколько нам всего известно и откуда известно, и поймет, что попалась,— пояснил он,— с ее помощью можно будет добраться и до тех двоих. А если мы добьемся своего, а она выйдет сухая из воды,— пусть! Меня это мало тревожит.

Дик остался крайне недоволен их планом и со всей горячностью принялся доказывать своим гостям, что с этим молодчиком (то есть с Сарой) будет труднее справиться, чем с самим Квилпом, что она не поддастся ни на подкуп, ни на запугиванья, ни на уговоры, что одолеть ее невозможно,— короче говоря, всячески старался убедить их, что такой противник им не под силу и что в схватке с ним онп неминуемо потерпят поражение. Однако все его попытки свернуть их с этого пути были тщетны. Выше было сказано, что одинокий джентльмен взял на себя задачу посвятить мистера Свивеллера в намеченный ими план, на самом же деле говорили они все разом, и если кто-нибудь и умолкал, то лишь на минуту, чтобы тут же, едва переведя дыхание, снова ринуться в бой. Одним словом, наши спорщики достигли той степени волнения и досады, когда никакие уговоры, никакие доводы не действуют, и мистеру Свивеллеру легче было бы усмирить бурю, чем убедить их поставить крест на своей затее. В конце концов, рассказав ему, что все это время они не теряли из виду не только семью Кита, но и его самого и всячески добивались смягчения при-

говора, хотя сильные улики против Кита подорвали в них прежнее доверие к нему; добавив, что теперь он, Ричард Свивеллер, может успокоиться, так как к вечеру все будет улажено, и, заключив свой рассказ весьма сердечными и лестными заявлениями по его адресу, которые здесь нет нужды повторять, мистер Гарленд, нотариус и одинокий джентльмен удалились,— и хорошо сделали, ибо в противном случае Ричард Свивеллер снова заболел бы горячкой, но на сей раз болезнь его могла бы кончиться плохо.

Мистер Авель не покинул больного; сидя возле кровати, он все поглядывал то на часы, то на дверь, и наконец задремавшего мистера Свивеллера разбудил грохот на лестничной площадке, словно там кто-то сбросил груз с плеч, да такой огромный, что от его тяжести затрясся весь дом, а на каминной доске зазвенели склянки с лекарствами. Лишь только этот звук коснулся ушей мистера Авеля, как он вскочил со стула, заковылял к двери, распахнул ее, и тут — о чудо! — на пороге появился рослый молодец с необъятной корзиной, которая, будучи втащена в комнату и открыта, извергла из своих недр и чай, и кофе, и вино, и печенье, и апельсины, и виноград, и битую птицу со связанными крылышками и ножками — хоть клади прямо в кастрюлю, и заливное из телятины, и манную крупу, и саго, и много другой полезной для больного снеди,— да все это в таком количестве, что маленькая служанка, которая до сих пор не подозревала о существовании подобных сокровищ за пределами съестных лавок, выскочила на середину комнаты, как была в одном башмаке, и застыла на месте, глотая одновременно и слюнки и слезы и не в силах издать ни единого звука. Но мистер Авель тем временем не бездействовал; не бездействовал и рослый молодец; огромная корзина была распакована в мгновение ока; не бездействовала и милейшая миссис Гарленд: она вдруг, откуда ни возьмись, возникла в комнате, словно ее тоже вынули из этой корзины (где хватило бы места и ей), бесшумно, на цыпочках забегала взад и вперед (то тут появится, то там — какая-то вездесущая!) и давай раскладывать по чашкам заливное, разливать по кастрюлькам куриный бульон, чистить апельсины для больного, нарезать их мелкими кусочками и угощать маленькую служанку вином и всем понемножку, лишь бы дать ей заморить червячка до того, как будет готово что-нибудь более существенное. Все это было настолько неожиданно и настолько ошеломляюще, что, съев сначала заливного, потом два апельсина и проводив взглядом рослого молодца, который удалился с порожней корзинкой, а следовательно, оставил вышеупомянутые сокровища в полную собственность больного, мистер Свивеллер почувствовал непреодолимую тягу ко сну, так как мозг его отказывался вместить в себя эти чудеса.

Тем временем одинокий джентльмен, нотариус и мистер Гарленд зашли в кофейню, составили там письмо в несколько загадочных по своей краткости выражениях и отправили его мисс Салли Брасс, прося эту очаровательную деву не отказать в любезности одному неизвестному доброжелателю, который нуждается в ее совете, и возможно скорее явиться по указанному адресу. Письмо быстро возымело действие, ибо минут через десять после того, как посыльный возвратился и доложил, что поручение выполнено, в кофейню пожаловала и сама мисс Салли.

— Прошу вас, сударыня,— сказал одинокий джентльмен, решивший встретиться с ней с глазу на глаз.— Садитесь.

Сара опустилась на стул и замерла на нем, прямая как палка, с удивлением признав в таинственном корреспонденте своего жильца.

— Вы не ожидали увидеть меня здесь? — спросил одинокий джентльмен.

— Я не задумывалась над тем, кого здесь увижу,— отрезала красавица.— Приглашают, значит, есть какое-то дело. Если вы собираетесь переехать от нас, то предупредите брата или уплатите деньги вперед. Это все очень просто. От своих обязательств вы не откажетесь, а нам безразлично — что предупреждение о выезде, что наличные.

— Весьма признателен за хорошее мнение обо мне,— сказал одинокий джентльмен.— В остальном я тоже с вами согласен. Но нам надо побеседовать не об этом.

— Вот как? Тогда будьте любезны изложить свое дело. Вы начинаете тяжбу с кем-нибудь?

— Совершенно верно. Это имеет некоторое касательство к суду.

— Прекрасно! — сказала мисс Салли.—Я вполне могу заменить брата. Приму от вас любое поручение, дам любой совет.

— Поскольку в этом деле заинтересованы, кроме меня, и другие лица,— сказал одинокий джентльмен, поднимаясь из-за стола и отворяя дверь в соседнюю комнату,— пусть они тоже примут участие в нашей беседе. Джентльмены, мисс Брасс пришла!

Мистер Гарленд с нотариусом — оба очень серьезные, суровые — присоединились к ним и, сев по правую и по левую руку от одинокого джентльмена, образовали полукруг, в центре которого оказалась прижатая в угол кроткая Сара. Очутившись в таком положении, ее братец Самсон несомненно проявил бы признаки растерянности и тревоги, но она — образец выдержки — ограничилась лишь тем, что вынула из кармана свою жестяную табакерку и преспокойно взяла из нее понюшку табаку.

— Мисс Брасс,— сказал нотариус, выступивший первым в эту критическую минуту.— Люди нашего с вами ремесла при

желании могут прекрасно понять друг друга без лишних слов. Не так давно вы давали объявление о сбежавшей служанке.

— Давала,— ответила мисс Салли, вдруг заливаясь краской.— Ну, и что же из этого?

— Она отыскалась, сударыня,— сказал нотариус и размашистым движением вынул носовой платок из кармана.— Она отыскалась.

— Кто же ее отыскал? — быстро проговорила Сара.

— Мы, сударыня,— мы втроем. И, к сожалению, всего лишь вчера вечером, не то вам пришлось бы встретиться с нами гораздо раньше.

— Ну вот, теперь мы встретились,— сказала мисс Брасс и скрестила руки на груди, видимо, решив отпираться от всего до последнего издыхания.— Чем же вы собираетесь меня удивить? Что вам взбрело в голову? Что-нибудь насчет этой девчонки? А доказательства где? Где доказательства? Вы говорите, будто нашли ее! А я скажу, кого вы нашли (если вам самим это невдомек),— вы нашли хитрую, лживую, вороватую, подлую дрянь, такую дрянь, какой еще свет не видывал! Где она, здесь? — И мисс Салли зорко посмотрела по сторонам.

— Здесь ее нет,— ответил нотариус.— Но она находится в надежном пристанище.

— Ха! — вырвалось у Салли, и она с такой яростью захватила пальцами щепотку табаку, точно это был не табак, а нос маленькой служанки.— Теперь ее ждет еще более надежное пристанище, ручаюсь вам!

— Будем надеяться,— ответил нотариус.— А признайтесь, когда она убежала, вы не вспомнили, что от вашей кухонной двери было два ключа?

Мисс Салли угостилась понюшкой табаку и, склонив голову набок, бросила пронзительный взгляд на своего собеседника, хотя губы у нее свело судорогой.

— Два ключа,— повторил нотариус.— И, пользуясь вторым ключом, ваша служанка имела возможность бродить по всему дому, когда вы думали, что она сидит взаперти, и подслушивать некоторые строго секретные беседы, в числе прочих ту самую беседу, содержание которой вы услышите сегодня из ее уст в присутствии судьи. Вам ясно, о чем я говорю. О той беседе, что велась между вами и мистером Брассом перед тем, как несчастный, ни в чем не повинный юноша был якобы уличен в краже — уличен настолько чудовищным способом, что я готов применить к участникам этого сговора те же эпитеты, которые вы давеча обрушили на голову жалкой маленькой свидетельницы вашего злодеяния, а вдобавок присовокуплю к ним ряд других, куда более выразительных.

Салли взяла еще одну понюшку, храня поразительное спокойствие. И все же это разоблачение явно застало ее врас-

плох, так как она, должно быть, ожидала совсем других упреков по поводу маленькой служанки.

— Я вижу, мисс Брасс, вижу, как вы умеете владеть собой,— продолжал нотариус.— Но вам теперь понятно, что благодаря чистой случайности, которую никто из вас не мог предусмотреть, этот гнусный сговор раскрыт, и двое его участников должны будут предстать перед судом. Мне вряд ли стоит распространяться о наказании, ожидающем вас, вы сами прекрасно об этом осведомлены. Но я хочу кое-что предложить вам. Вы имеете честь быть сестрой одного из величайших подлецов, по которому давно плачет веревка, и, если мне будет дозволено так отозваться о леди, достойны его во всех отношениях. Но с вами двумя связано третье лицо — негодяй по имени Квилп, главный вдохновитель этого дьявольского замысла, а он, как я полагаю, стоит вас обоих, вместе взятых. И вот, памятуя о нем, мисс Брасс, не откажите нам в любезности рассказать, как все это было. Имейте в виду, что, подчиняясь нашим настояниям, вы поставите себя в безопасное и выгодное положение — в противоположность теперешнему, весьма незавидному,— да и брату своему не повредите, поскольку у нас, как вы сами могли убедиться, улик вполне достаточно. Не стану утверждать, будто нами движет милосердие, когда мы указываем вам этот путь как наилучший (ибо, откровенно говоря, жалеть вас не за что), но другого выхода у нас нет. В такого рода делах,— добавил мистер Уизерден, вынимая из кармана часы,— драгоценна каждая минута. Будьте же любезны, сударыня, сообщить нам о своем решении как можно скорее.

Мисс Брасс с улыбкой посмотрела на каждого из них по очереди, взяла одну за другой еще две-три понюшки, а потом долго водила по дну табакерки большим и указательным пальцами, собирая остатки табака. Отправив в нос и эту последнюю щепотку и не спеша спрятав табакерку в карман, она спросила:

— Я должна дать ответ сразу?

— Да,— сказал мистер Уизерден.

Очаровательное создание только успело открыть рот, как вдруг одновременно с этим открылась и дверь и из-за нее выглянула голова Самсона Брасса.

— Прошу прощения,— скороговоркой выпалил этот джентльмен.— Подожди минутку!

Не обращая внимания на удивленные взгляды, которыми его встретили, он проскользнул в комнату, затворил за собой дверь, раболепно поцеловал свою засаленную перчатку, точно это был чей-то священный прах, и униженно изогнул стан.

— Сара,— сказал Брасс.— Будь добра, помолчи и дай ответить мне. Джентльмены, если б я осмелился выразить, как ликует мое сердце при виде таких достойных людей, которые — все трое — воодушевлены одной мыслью, горят одним жела-

нием, вы не поверили бы мне. Но хоть я и несчастное существо, джентльмены, и... и даже преступное существо... не знаю, позволительно ли употреблять столь резкие выражения в вашем обществе... все же природа наделила меня человеческими чувствами. Как сказал один поэт, чувства — удел всех людей. И если б он был просто-напросто свиньей, джентльмены, и, будучи свиньей, подарил нас таким перлом,— все равно бессмертие ему обеспечено!

— Если ты не круглый идиот,— оборвала его мисс Брасс,— замолчи сию же минуту.

— Сара, душенька,— обратился к ней Самсон,— премного тебе благодарен. Но разреши мне излагать свои мысли так, как я найду нужным. Мистер Уизерден, сэр, у вас упадет платок... позвольте, я...

Мистер Брасс сделал шаг вперед, намереваясь исправить этот непорядок, но нотариус брезгливо отстранился от него. Стряпчий, внешность которого была на сей раз еще привлекательнее, чем всегда, по причине исцарапанной физиономии, зеленого козырька над одним глазом и безжалостно помятой шляпы, замер на месте и с жалкой улыбкой осмотрелся по сторонам.

— Он отшатнулся от меня! — воскликнул Самсон.— Хотя я хочу воздать ему добром за зло! Ах! Я тонущий корабль, а как известно, крысы (да простит мне такое сравнение джентльмен, которого я люблю и почитаю превыше всего на свете!) — крысы первыми спасаются с тонущего корабля! Джентльмены... касательно вашей недавней беседы... я случайно увидел свою сестру на улице, полюбопытствовал, куда она идет, и, будучи, если можно так выразиться, человеком, склонным к подозрительности, проследил ее вот до этой самой двери. И все подслушал.

— Ты рехнулся! — перебила его мисс Салли.— Замолчи! Ни слова больше!

— Сара, голубушка! — все так же учтиво сказал Самсон.— Благодарю тебя от всей души, но тем не менее продолжаю. Мистер Уизерден, сэр, поскольку мы с вами имеем честь принадлежать к одной корпорации — я уж не говорю о другом джентльмене, который снимал у меня комнату и, так сказать, обитал под моим гостеприимным кровом,— вы могли бы обратиться со своим предложением прежде всего ко мне! В первую очередь ко мне! Нет, нет, уважаемый сэр! — воскликнул он, видя, что нотариус хочет перебить его.— Прошу вас, выслушайте меня.

Мистер Уизерден промолчал, и Брасс заговорил снова:

— Если вы будете любезны полюбоваться вот на это,— и, сдвинув зеленый козырек на лоб, он показал страшный фонарь под глазом,— у вас невольно возникнет вопрос, где меня так изукрасили. Если же переведете затем взгляд на мое лицо,

вам захочется узнать, почему оно так исцарапано. То же самое и со шляпой — почему она пришла в такое состояние, в каком вы ее видите? Джентльмены! — И Брасс со всего размаха ударил кулаком по своему головному убору.— На все эти вопросы у меня один ответ — Квилп!

Трое джентльменов молча переглянулись.

— И я повторяю,— яростно продолжал стряпчий, изменяя своей обычной слащавости и косясь на сестру, точно все это предназначалось для ее сведения.— Я повторяю: на ваши вопросы есть только один ответ — Квилп! Квилп, который заманивает меня в свое поганое логово и радуется, глядя, как я шпарюсь, обжигаюсь, падаю, ломаю себе руки и ноги! Квилп, который за все время нашего знакомства, с первого и до последнего дня, относился ко мне хуже, чем к собаке! Квилп, которого я всегда ненавидел от всей души, а теперь ненавижу вдвойне! Квилп сам все затеял, а как только добился своего, так знать ничего не хочет, будто он тут ни при чем. Я не верю ему ни на грош. Разъярится как-нибудь, начнет паясничать, буйствовать и, будь он замешан хоть в убийстве, все выболтает, себя не пожалеет, лишь бы мне насолить. Итак, джентльмены,— заключил Брасс, снова нахлобучивая шляпу, сдвигая козырек на глаз и в припадке раболепия сгибаясь в три погибели,— к чему я клоню? Как вам кажется, джентльмены? Неужто вы не догадываетесь?

Наступило молчание. Брасс самодовольно улыбнулся, видимо, восхищенный тем, какую он им задал хитрую головоломку, потом сказал:

— Одним словом, я клоню вот к чему: поскольку истина выплыла на свет божий и тут уж ничего не поделаешь,— а истина, джентльмены, вещь возвышенная, величественная, хотя мы не всегда бываем рады лицезреть ее, равно как и многие другие возвышенные и величественные явления природы — например, грозу и прочее тому подобное,— итак, джентльмены, я считаю, что мне следует выдать этого человека, не дожидаясь, когда он выдаст меня. Мое дело плохо, сомневаться тут не приходится. А посему, если других доносчиков не нашлось, я возьму это на себя и на том преуспею. Сара, душенька, твое положение не так уж плохо, я хлопочу в собственных интересах.

И вслед за тем Брасс поспешно изложил все обстоятельства дела, очернив насколько возможно своего милейшего клиента, а себя выставив святым мучеником — правда, подверженным, по его собственному признанию, человеческим слабостям. Свой рассказ он заключил так:

— Должен вам сказать, джентльмены, что я не из тех, кто останавливается на полдороге. Как говорится: коли начал, так кончай Можете сделать со мной все что угодно, препроводить меня куда угодно. Если нужно, я сейчас же изложу все в

письменном виде. Вы будете милосердны ко мне, в чем у меня нет ни малейшего сомнения. Я рассчитываю на ваше милосердие! Вы благородные люди, люди с чувствительной душой. Я подчинился Квилпу в силу необходимости, а необходимость такая штука, что, если под нее нельзя подвести закон, она сама подведет любого законника. Вам я подчиняюсь тоже в силу необходимости и в силу того, что считаю такую политику разумной. Учтите и чувства, которые уже давно накипели во мне. Покарайте Квилпа, джентльмены! Воздайте ему по заслугам! Растопчите его! Сотрите его в порошок! Ведь он измывался надо мной столько лет! Неужто это пройдет ему даром!

Дойдя до конца своей исповеди, Самсон сразу обуздал душившую его ярость, снова поцеловал перчатку и улыбнулся такой улыбкой, на какую способны лишь подхалимы и трусы.

— И это...— проговорила мисс Брасс, которая до сих пор сидела стиснув голову руками, но теперь подняла на Самсона глаза и с ядовитой усмешкой смерила его взглядом,— это мой брат! И на него я работала всю свою жизнь, веря, что он все-таки мужчина, а не тряпка!

— Сара, душенька,— сказал Самсон, вяло потирая руки,— ты напрасно беспокоишь наших друзей. Кроме того, ты... ты раздосадована, Сара, и в досаде выдаешь себя, говоря не совсем то, что следует.

— Жалкий трус! — воскликнула эта очаровательная дева.— Теперь мне все понятно! Ты боялся, как бы я не предала тебя первая! Да неужто им удалось бы вырвать у меня хоть одно слово? Нет, никогда! Хоть бы они двадцать лет надо мной бились!

— Хи-хи! — глупо захихикал Брасс, дошедший до такой степени унижения, что, глядя на него, действительно можно было подумать, будто он поменялся местами с сестрой и передал ей те крохи мужества, какие еще были в нем.— Это тебе только кажется, Сара, только кажется, а поступила бы ты совсем по-иному, друг мой любезный! Небось помнишь, чему учил Старый Лис? — это наш покойный родитель, джентльмены. «Держи всех на подозрении»,— вот правило, которому надо следовать всю жизнь! Может, ты и не сразу надумала спастись любой ценой, но, не прибеги я сюда, сделка состоялась бы. А посему я взял это на себя и тем самым уберег сестру от лишних хлопот и позора. Если тут есть позор, джентльмены,— добавил Брасс, позволив себе несколько расчувствоваться,— пусть он падет на мою голову. Пощадим женщину!

При всем нашем уважении к взглядам мистера Брасса, а еще того более к авторитету его мудрого предка мы решимся — разумеется, с подобающей нам скромностью — выразить сомнение в том, что высокий принцип, провозглашенный покойным Старым Лисом и применяемый на практике его потомком, столь уж разумен и приносит желательные результаты

во всех случаях жизни. Мысль, высказанная нами, бесспорно смела и даже дерзостна, ибо многие почтенные личности, а именно так называемые практичные люди, стреляные воробьи, пройдохи, ловкачи, выжиги и тому подобная публика, спокон веков полагались и полагаются на этот принцип, точно на Полярную звезду или компас. Но все же намекнуть на одолевающие нас сомнения не мешает. А в доказательство их обоснованности укажем на следующее: если бы мистер Брасс не страдал чрезмерной подозрительностью и если бы он, не увлекаясь слежкой и подслушиванием, предоставил сестре вести переговоры от лица их обоих или же, выследив сестру и все подслушав, не поторопился бы перебежать ей дорогу (чему причиной опять же его вечная подозрительность и завистливость), весьма возможно, что в конце концов это лишь пошло бы ему на пользу. То же самое относится и ко всем прочим так называемым практичным людям, ибо, шествуя по жизни в латах, они охраняют себя не только от зла, но и от добра, да вдобавок терпят множество неудобств, то и дело вооружаясь микроскопом или же надевая доспехи по каждому самому невинному поводу.

Трое джентльменов отошли в сторону и стали совещаться между собой. Когда же это совещание, продолжавшееся не больше двух-трех минут, закончилось, мистер Уизерден подвел стряпчего к столику с письменными принадлежностями и сказал, что, поскольку он изъявил намерение изложить свой рассказ на бумаге, такая возможность ему предоставляется.

— Кроме того,— добавил нотариус,— вам следует явиться к судье, а как вы там будете себя вести и что будете говорить, это уж ваше дело.

— Джентльмены! — Брасс снял перчатки; казалось, он был готов на все ради мистера Уизердена и его друзей.— Если вы проявите ко мне сострадание, в чем избави меня бог усомниться, вам не придется об этом пожалеть. И будьте уверены: теперь, когда все открыто, я рассчитываю только на вас и, чтобы не проиграть по сравнению с моими сообщниками, чистосердечно во всем признаюсь. Мистер Уизерден, сэр, я что-то ослабел духом... если вы будете любезны позвонить и потребовать стаканчик чего-нибудь согревающего и ароматного, я не откажу себе в удовольствии, хоть и горьком, выпить за ваше здоровье, несмотря на то, что произошло между нами. Как я надеялся, джентльмены,— воскликнул Брасс, с грустной улыбкой озираясь по сторонам,— что в один прекрасный день мне выпадет честь угощать вас троих обедом в моей скромной комнатке на улице Бевис-Маркс! Но надежды недолговечны! О боже, боже!

Тут мистер Брасс совершенно раскис и не мог ни двинуться с места, ни выговорить ни слова до тех пор, пока ему не подали подкрепляющего напитка. Выпив целый стакан, что

не совсем вязалось с его взволнованностью, он сел к столу и взялся за перо.

Самсон писал, а его сестра тем временем ходила по кофейне, то скрестив руки на груди, то заложив их за спину; изредка она останавливалась, выимала из кармана табакерку и прикусывала крышку зубами. Это хождение из угла в угол продолжалось довольно долго, но наконец очаровательная Сара совсем выбилась из сил и, сев на стул около двери, заснула.

Впоследствии некоторые лица высказывали предположение (и, надо признать, вполне обоснованное), что сон этот был не настоящий, а притворный, ибо в сумерках мисс Салли ухитрилась незаметно выскользнуть из кофейни. Был ли ее уход намеренным, удалилась ли она в бодрствующем состоянии или же, как лунатик, двигалась во сне, об этом можно спорить и спорить. Так или иначе, но спорщики сходились между собой в одном пункте (по сути дела, самом главном), а именно: в каком бы состоянии мисс Брасс ни покинула кофейню, обратно она, во всяком случае, не вернулась.

Мы упомянули о сумерках, а отсюда следует вывести, сколько времени понадобилось мистеру Брассу, чтобы справиться со своей задачей. Она была выполнена лишь к вечеру, и тогда эта достойнейшая личность и трое друзей отправились в кебе к судье. Судья оказал теплый прием стряпчему и упрятал его в надежное место, чтобы не лишить себя удовольствия встретиться с ним на следующее утро, а остальных джентльменов отпустил, заверив их, что приказ об аресте мистера Квилпа будет дан завтра же и что петиция на имя министра (он, к счастью, был в городе) с изложением всех обстоятельств дела обеспечит Киту немедленное оправдание и свободу.

Итак, преступная деятельность Квилпа, казалось, близилась к концу. Возмездие, которое подчас ступает медленно,— и обычно тем медленнее, чем оно тяжелее, — наконец-то учуяло его и по верному следу пустилось за ним в погоню. Не слыша у себя за спиной осторожных шагов, его жертва как ни в чем не бывало идет все той же дорожкой и радуется своему мнимому торжеству. А возмездие крадется за ней по пятам и, раз став на этот путь, уже не свернет с него.

Покончив с Самсоном Брассом, трое джентльменов поспешили на квартиру к мистеру Свивеллеру, у которого дела так быстро пошли на поправку, что он мог целых полчаса просидеть в постели и притом вести оживленный разговор со своими гостями. Миссис Гарленд уже успела уехать домой, но мистер Авель был все еще здесь. Рассказав мистеру Свивеллеру о своих успехах, оба Гарленда удалились вместе с одиноким джентльменом — как это, видимо, было между ними условлено — и оставили больного в обществе нотариуса и маленькой служанки.

— Вы настолько окрепли,— сказал мистер Уизерден, садясь на стул возле его кровати,— что я рискну передать вам одно известие, которое дошло до моего сведения официальным путем.

Перспектива услышать какое-то известие от джентльмена, прикосновенного по роду своей деятельности к юридическому сословию, показалась Ричарду не столь заманчивой. Весьма возможно, что в голове у него пронеслась мысль о двух-трех очень уж просроченных долгах, относительно которых ему не раз напоминали в угрожающих письмах.

Физиономия у Ричарда вытянулась, но он все же сказал:

— Пожалуйста, сэр. Надеюсь, впрочем, что это будет не так уж огорчительно.

— Неужто я бы не выбрал более подходящего времени, чтобы сообщить вам огорчительные известия! — возразил ему нотариус.— Но прежде всего запомните: мои друзья, которые только что вышли отсюда, ни о чем таком даже не подозревают и, следовательно, заботятся о вас совершенно бескорыстно, не рассчитывая, что вы вернете им истраченные деньги. Легкомысленному, беспечному человеку полезно это знать.

Дик поблагодарил мистера Уизердена, вполне согласившись с ним.

— Я наводил о вас справки,— продолжал нотариус,— по правде говоря, не думая, что мы с вами встретимся при таких обстоятельствах. Вы приходитесь племянником покойной девице Ребекке Свивеллер из Чизелборна, в графстве Дорсетшир?

— Покойной?! — воскликнул Дик.

— Да, покойной. Более благонравный племянник получил бы после своей тетушки двадцать пять тысяч фунтов стерлингов (так сказано в завещании, и я не вижу причин сомневаться в этом), но, поскольку вы такой, какой есть, вам придется удовольствоваться ежегодной рентой в сто пятьдесят фунтов. Впрочем, я считаю, что с этим вас тоже можно поздравить.

— Можно! — не то плача, не то смеясь, проговорил Дик.— Можно, сэр! Потому что, видит бог, мы отдадим бедную маркизу в школу, и она у нас будет ученая! Ей суждено ходить в шелках и серебром сорить, или не подняться мне никогда с одра болезни!

ГЛАВА LXVII

Не ведая о событиях, правдиво описанных в предыдущей главе, не подозревая о пропасти, разверзшейся у него под ногами (ибо наши друзья, опасаясь, как бы он не пронюхал, что ему грозит, окружали каждый свой шаг строжайшей тайной), мистер Квилп по-прежнему сидел у себя в конторе и в полной безмятежности наслаждался плодами своих козней. Углубившись в подведение кое-каких счетов — занятие, которому

тишина и одиночество только благоприятствуют,— он не показывал носа из своей берлоги уже вторые сутки. Наступил третий день, а карлик все еще был погружен в работу и не собирался никуда выходить с пристани.

Мистер Брасс покаялся накануне, а следовательно, в этот день мистера Квилпа могли лишить свободы и сообщить ему некоторые весьма неприятные и досадные для него факты. Не чувствуя, какая туча нависла над ним, карлик пребывал в отличном расположении духа, и лишь только ему начинало казаться, что усиленные труды могут нежелательным образом повлиять на его здоровье и самочувствие, разнообразил свои занятия визгом, воем и другими столь же невинными развлечениями.

Том Скотт, как всегда, находился при нем и, сидя перед печкой на корточках, точно жаба, с поразительным искусством передразнивал хозяина, лишь только тот поворачивался к нему спиной. Фигура с корабельного бушприта все еще стояла здесь, на том же месте. Вся в страшных ожогах от частых прикосновений раскаленной докрасна кочерги, украшенная толстым гвоздем, вбитым ей в самый кончик носа, она улыбалась все так же учтиво, насколько можно было судить по наименее изуродованным местам ее физиономии, и, подобно непоколебимым страстотерпцам, вызывала своего мучителя на новые надругательства и зверства.

В тот день даже в самых сухих, возвышенных частях города было неуютно, темно, сыро и холодно. Здесь же, в этой болотистой низине, густой плотный туман заполнял все щели, все уголки. На расстоянии двух-трех шагов ничего не было видно. Сигнальные огни и фонари на судах не могли рассеять этот покров тьмы, и, если бы не острая, пронизывающая сырость в воздухе да не частые окрики лодочников, которые, совсем сбившись с толку, бросали весла и пытались понять, куда же их занесло, никто бы не сказал, что река здесь, совсем близко.

Туман расползался медленно, постепенно, но назойливость и въедливость его не знали границ. Перед ним пасовали и меха, и добротное сукно. Он словно проникал под кожу, и люди зябко ежились, дрожа от стужи и ломоты в костях. Все было липкое, влажное на ощупь. Только жаркий огонь бросал вызов туману, весело играя на углях и взвиваясь в трубу. В такой день лучше всего сойтись тесным кругом у камина и рассказывать страшные истории о путниках, заблудившихся в ненастье на болотах или среди зарослей вереска, потому что такие рассказы заставляют нас проникаться еще большей любовью к своему камельку.

Но мистер Квилп, как мы уже знаем, не стремился делить с кем бы то ни было тепло своего очага и, если ему припадала охота попировать, обходился без компании. Прекрасно по-

нимая, как приятно сидеть дома в такую погоду, карлик велел Тому Скотту пожарче растопить печку, отложил работу в сторону и решил немного поразвлечься.

С этой целью он зажег новые свечи, подбросил угля в огонь и, съев бифштекс, поджаренный собственноручно несколько странным, мы бы сказали, каннибальским способом, согрел большую кружку пунша и закурил трубку — словом, вознамерился приятно провести остаток вечера.

Но тут его внимание привлек негромкий стук в дверь. Через минуту постучали еще и еще раз; тогда карлик тихонько отворил окно и, высунув голову наружу, спросил, кто там.

— Это я, Квилп,— послышался женский голос.

— Ах, это вы! — воскликнул карлик, вытягивая шею, чтобы получше разглядеть свою гостью.— А что вас сюда принесло? Как вы смеете приближаться к замку людоеда, беспутница!

— Я пришла по делу,— ответила его супруга.— Не сердитесь на меня.

— Какие же вы принесли вести — добрые, приятные? Такие, что мне захочется прыгать от радости и хлопать в ладоши? — заинтересовался карлик.— Неужто наша милейшая старушка отдала богу душу?

— Я сама не знаю, плохие они или хорошие,— пролепетала кроткая женщина.

— Значит, она жива,— сказал Квилп.— Жива и здорова. Тогда прочь отсюда, злой ворон! Нечего тут каркать! Прочь, прочь!

— Я принесла вам письмо...

— Бросьте его в окошко и ступайте своей дорогой,— перебил ее Квилп.— Не то я выскочу и исцарапаю вам лицо.

— Квилп, умоляю вас! — со слезами на глазах взмолилась его покорная жена.— Дайте мне договорить!

— Ну, говорите! — прорычал карлик, злобно оскалив зубы.— Только живо, нечего рассусоливать! Ну, что же вы?

— Это письмо принес сегодня днем какой-то мальчик, а от кого, он сам не знает,— начала миссис Квилп, дрожа всем телом.— Говорит, велели отнести и чтобы вам передали немедленно, потому что это очень важно. Квилп, прошу вас,— воскликнула она, лишь только карлик протянул руку из окошка.— Впустите меня! Если бы вы знали, как я промокла, озябла и сколько времени плутала в тумане! Позвольте мне погреться у огня хоть пять минут! Я уйду по первому же вашему слову, клянусь вам, Квилп!

Милейший муженек заколебался, однако, сообразив, что письмо, вероятно, потребует ответа и что ответ можно будет отправить с женой, захлопнул окно и отворил ей дверь. Миссис Квилп с радостью воспользовалась разрешением войти и, про-

тянув карлику небольшой конверт, опустилась на колени перед печкой погреть руки.

— Я счастлив, что вы промокли,— сказал Квилп, хватая письмо и косясь на жену.— Я счастлив, что вы озябли. Счастлив, что вы заплутались в тумане. Счастлив, что у вас глаза опухли от слез. И с удовольствием смотрю на ваш посиневший, заострившийся носик.

— О Квилп! — сквозь рыдания проговорила его жена.— Зачем такая жестокость!

— Она вообразила, будто я умер! — вскричал Квилп, корча гримасы, одна страшнее другой.— Она вообразила, что ей удастся завладеть моими деньгами и найти мужа себе по сердцу! Ха-ха-ха!

Не отвечая ни словом на все эти издевательства, несчастная женщина по-прежнему стояла на коленях перед печкой, грела руки и тихонько всхлипывала, к величайшей радости мистера Квилпа. Он покатывался со смеху, глядя на нее, и вдруг заметил, что Том Скотт тоже получает немалое удовольствие от этого зрелища. Не желая, чтобы кто-нибудь другой веселился вместе с ним, карлик схватил наглеца за шиворот, подтащил к двери и после короткой борьбы пинком вытолкал его во двор. В отместку за столь лестные знаки внимания Том тут же прошелся около конторы на руках и — если позволительно так выразиться — заглянул сапогами в окно, да еще вдобавок постучал ими по стеклу, точно перевернутая вверх тормашками фея Банши — предвестница смерти. Мистер Квилп, разумеется, сейчас же схватился за кочергу и после нескольких неудачных выпадов и подкарауливанья из-за угла так угостил ею своего юного друга, что тот исчез немедленно, оставив хозяина победителем на поле битвы.

— Ну-с, теперь, когда с этим покончено, можно заняться и письмом,— преспокойно сказал карлик, но, взглянув на адрес, хмыкнул: — Гм! Рука знакомая. Прелестная Салли!

Разорвав конверт, он вынул оттуда листок, исписанный четким, крупным канцелярским почерком, и прочитал следующее:

«На Сэмми нажали, и он проболтался. Все выплыло наружу. Советую не зевать — иначе ждите гостей. Пока они помалкивают, потому что хотят захватить вас врасплох. Не теряйте времени. Я не теряла. Меня теперь не найти. На вашем месте я поступила бы точно так же.

С. Б., в прошлом с ул. Б.-М.».

Чтобы описать, как менялось лицо Квилпа, пока он читал и перечитывал это письмо, надо изобрести новый язык — такой, который по своей выразительности превзошел бы все, что мы до сих пор привыкли видеть на бумаге или слышать из человеческих уст. Карлик долго молчал, а потом, когда миссис Квилп

окончательно оцепенела от страха, глядя на него, прохрипел сдавленным голосом:

— Если бы он был здесь! Если бы только он был здесь...

— Квилп! — воскликнула его жена.— Что с вами? Кто вас так рассердил?

— Я утопил бы его! — будто ничего не слыша, продолжал карлик.— Слишком легкая смерть, слишком быстрая, без мучений... но зато река близко. А-а! Если бы он был здесь! Подвести бы его к самому берегу любезно, по-приятельски... пошутить, поболтать о том о сем, взять за пуговицу... а потом сразу — толчок в грудь, и бултых в воду. Говорят, будто утопающие три раза показываются на поверхности. А-а! Посмотреть бы, как он будет выскакивать раз, другой, третий, и расхохотаться ему в лицо! Вот был бы праздник для меня!

— Квилп! — пролепетала перепуганная женщина, осмелившись тронуть мужа за плечо.— Несчастье?.. Беда?..

Наслаждение, с которым карлик рисовал себе эту картину, привело ее в такой ужас, что она не могла связать двух слов.

— Трус, подлый трус! — говорил Квилп, медленно потирая руки и судорожно стискивая их.— А я-то думал, его низость и раболепие — верный залог, что он не проговорится. Ах, Брасс, Брасс! Мой добрый, преданный, верный, любезный, очаровательный друг! Если бы ты появился сейчас здесь!

Жена карлика, забившаяся было в угол, чтобы ее, упаси боже, не заподозрили в подслушивании, снова осмелилась подойти к нему и только хотела заговорить, как вдруг он бросился к двери и кликнул Тома Скотта. Мальчишка, памятуя о недавних нежных увещаниях своего хозяина, счел за благо немедленно явиться на его зов.

— Эй ты! — сказал карлик, втаскивая Тома в контору.— Отведи ее домой. И завтра сюда не возвращайся, потому что тут будет заперто. Ни завтра, ни послезавтра. Жди, когда я тебя извещу или сам повидаю. Понял?

Том хмуро кивнул и протянул руку к двери, предлагая миссис Квилп выйти первой.

— А вам, сударыня,— обратился карлик к жене,— запрещается разыскивать меня, расспрашивать обо мне, судачить на мой счет. Не горюйте, умирать я не собираюсь. Он проводит вас.

— Квилп! Но что случилось? Куда вы уходите? Скажите же мне!

— Убирайтесь отсюда, не то я сейчас такое скажу,— крикнул карлик, хватая ее за руку,— и такое сделаю, что не обрадуетесь!

— Что-нибудь случилось? — снова повторила его жена.— Скажите, Квилп!

— Да, случилось! — рявкнул карлик.— Нет, не случилось! Какая разница? Я сказал, как вы должны себя вести. И горе

вам, если вы сделаете что-нибудь не так или нарушите мои распоряжения хотя бы на самую малость! Прочь отсюда!

— Сейчас, сейчас уйду! Только...— И миссис Квилп запнулась.— Только ответьте мне... Это письмо как-нибудь касается маленькой Нелл? Я не могу не спросить вас, Квилп, не могу! Если бы вы знали, сколько дней и ночей меня мучает мысль, что я обманула эту девочку! Один бог ведает, какое горе принес ей мой обман,— но ведь я согласилась на это ради вас, Квилп! Ради вас пошла на сделку с совестью! Ответьте мне, Квилп!

Выведенный из терпения, карлик круто повернулся и, не говоря ни слова, с такой неистовой яростью схватил свое обычное оружие, что Тому Скотту пришлось чуть ли не вынести миссис Квилп из конторы. И, не сделай он этого, ей бы несдобровать, так как Квилп, совершенно обезумевший от злобы, бежал за ними до первого переулка и не отстал бы и там, если бы туман, который сгущался с каждой минутой, не скрыл их из виду.

— Самая подходящая ночка для путешествия инкогнито,— пробормотал он, еле переводя дух от усталости, и медленно повернул назад.— Стой! Здесь надо навести порядок. Что-то уж очень все нараспашку — входи кто хочет.

Понатужившись изо всех сил, Квилп притворил обе створки ворот, глубоко увязшие в грязи, и задвинул на них тяжелый засов. Потом, откинув волосы со лба, попробовал, крепко ли. Крепко, не откроют.

— Забор у соседней пристани невысокий,— продолжал карлик, когда эти необходимые меры предосторожности были приняты.— Перелезу через него, а оттуда выберусь задами в переулок. Надо хорошо знать здешние места, чтобы проникнуть в мое уютное гнездышко ночью. Нет, в такую погоду непрошеные гости мне не страшны.

Вынужденный чуть ли не ощупью отыскивать дорогу в темноте и сгустившемся тумане, Квилп кое-как добрался до своего логова, посидел в раздумье перед печкой, а потом начал готовиться к спешному отбытию с пристани.

Собирая самые необходимые вещи и рассовывая их по карманам, он продолжал бормотать сквозь стиснутые зубы — стиснутые с той самой минуты, когда письмо мисс Брасс было дочитано до конца.

— Ах, Самсон! Добрый, почтенный друг мой! Если бы я мог прижать тебя к груди! Если бы я мог обнять тебя и услышать хруст твоих костей! Какая это была бы радостная встреча! Дай срок, мы еще столкнемся, Самсон, и ты не скоро забудешь мое приветствие. Все шло хорошо, гладко — и вдруг! Ловко же ты подгадал! Покаялся, выставил себя честным, порядочным... Да, заячья душонка, доведись нам встретиться с то-

бой вот здесь, в моей конторе, какую радость доставило бы это свидание одному из нас!

Квилп умолк и, поднеся кружку к губам, надолго приникал к ней, словно там был не пунш, а холодная вода, освежающая его пересохшее горло. Потом стукнул ею о стол и снова занялся сборами, продолжая свой монолог.

— А Салли! — воскликнул он с загоревшимися глазами.— Такая смелая, мужественная, решительная женщина! Что на нее, спячка, что ли, напала, паралич расшиб? Она же могла всадить ему нож в спину, незаметно отравить его! Неужто ей было невдомек, к чему идет дело? Предупреждает в последнюю минуту! Когда он сидел у меня вот здесь, вот на этом самом месте,— бледный, рыжий — и кривил рот в жалкой улыбке, почему я не проник в его тайну, не догадался, что у него на сердце? Оно бы перестало биться в тот же вечер! Или нет на свете таких снадобий, которыми можно усыпить человека, нет такого пламени, которым можно сжечь его дотла?

Он снова приложился к кружке, а потом забормотал, сгорбившись перед печкой и не сводя свирепого взгляда с углей:

— Кто же причина и этой и всех прочих неприятностей и бед, которые постигли меня за последнее время? Выживший из ума старик и его дражайшая внучка — двое жалких, бездомных бродяг! Но все равно им несдобровать! Берегись и ты, славный Кит, честный Кит, добропорядочный, ни в чем не повинный Кит! Уж к кому я воспылаю ненавистью, тот берегись — укушу. А тебя, Кит, я ненавижу неспроста, и хоть сегодня ты торжествуешь, наши счеты с тобой не кончены... Что это?

Кто-то стучит в запертые ворота. Стучит громко, настойчиво. Вот перестали, наверно, прислушиваются. И снова стук, еще более дерзкий, властный.

— Так скоро? — сказал карлик.— Вам не терпится? Увы, вас постигнет разочарование. Хорошо, что я успел приготовиться. Салли, спасибо тебе!

С этими словами он задул свечу. Потом бросился тушить яркий огонь в печке, второпях задел ее, она с грохотом повалилась на высыпавшиеся из топки раскаленные угли, и контора погрузилась в полную тьму. В ворота снова застучали. Он ощупью добрался до двери и выскочил во двор.

Стук сразу прекратился. Было около восьми часов, но самая темная ночь показалась бы яснее дня по сравнению с тем непроницаемым мраком, который окутывал землю в тот вечер, скрывая от глаз все вокруг. Квилп сделал несколько быстрых шагов, точно устремляясь в разверстую пасть черной пещеры, потом сообразил, что ошибся, повернул в другую сторону, потом остановился как вкопанный, не зная, куда идти.

— Если сейчас постучат,— сказал он, вглядываясь в окружающую его тьму,— тогда я определю направление по звуку. Ну же! Колотите что есть мочи!

Он весь превратился в слух, но стучать перестали. Тишину этого безлюдного места нарушал только глухой собачий лай. Собаки лаяли где-то далеко — то справа, то слева, перекликались между собой, и полагаться на их голоса было нельзя, потому что лай мог долетать до пристани и с речных судов.

— Хоть бы на стену наткнуться или на забор,— бормотал карлик, протягивая руки в темноту и осторожно двигаясь вперед.— Тогда я знал бы, куда повернуть! Ни зги не видно, черно, как в преисподней! В такую ночь нам бы самый раз встретиться с тобой, любезный дружок. А там, была не была, пусть даже мне больше не видать дневного света!

И лишь только эти слова сорвались у него с языка, он оступился, упал и через секунду уже барахтался в холодной темной реке.

Вода шумела, заливала ему уши, и все же он услышал стук в ворота, услышал громкий окрик, узнал, чей это голос. Он бил руками и ногами, но это не помешало ему сообразить, что те люди тоже плутают в темноте и теперь снова вернулись к воротам, что он тонет чуть ли не у них на виду, что они совсем близко, а спасти его не смогут, так как он сам преградил им путь сюда. Он ответил на окрик, ответил отчаянным воплем, и бесчисленные огни, от которых у него рябило в глазах, заплясали, словно на них налетел ветер. Но все было тщетно. Набежавшая волна обрушилась на него и стремительно повлекла за собой.

Судорожным рывком всего тела он снова вынырнул из воды и, поведя по сторонам дико сверкающими глазами, увидел какую-то черную громадину, мимо которой его несло. Корпус судна! И так близко, что этой гладкой, скользкой поверхности можно коснуться пальцами! Теперь только крикнуть... Но он не успел издать ни звука,— волна залила его с головой и, протащив под судном, понесла дальше уже труп.

Она играла и забавлялась своей страшной ношей, то швыряя ее с размаху об осклизлые сваи, то пряча среди длинных водорослей на тинистом дне, то тяжело волоча по камням и песку, то будто отпускала и в тот же миг снова несла дальше, и, наскучив наконец этой чудовищной игрушкой, выбросила ее на болотистую равнину — унылую пустошь, где в былые времена ветер раскачивал на виселицах пиратов, скованных цепями. Выбросила и оставила там — пусть выбелит солнце!

И утопленник лежал в этом безлюдье один. В небе занялось зарево, его мрачные блики окрасили волны, выкинувшие сюда труп. Лачуга, которую он так недавно покинул живым, превратилась теперь в пылающий костер. Слабые отсветы огня перебегали по мертвому лицу, сырой ночной ветер пошевеливал волосы, вздувал пузырем одежду, точно в насмешку над смертью,— и вряд ли кто мог бы оценить такую насмешку лучше, чем этот человек, будь в нем сейчас хоть капля жизни.

ГЛАВА LXVIII

Освещенные комнаты, пылающие камины, веселые лица, музыка радостных голосов, слова привета и любви, горячие сердца и слезы восторга — верить ли такой перемене? Но она предстоит Киту в самом недалеком будущем. Он знает, что за ним уже приехали. Он боится, как бы не умереть от счастья, не дождавшись свидания с родными и близкими.

Подготовка к этому велась с самого утра. Сначала ему сказали, что его не отправят завтра с партией арестантов. Потом постепенно дали понять, что возникли какие-то сомнения и надо еще кое-что расследовать и, может быть, он будет оправдан. Наконец, уже под вечер, его вводят в комнату, где сидят несколько джентльменов. Он видит среди них своего доброго хозяина, и тот подходит к нему с протянутой рукой. Он слышит, что невиновность его установлена, что ему вынесли оправдательный приговор. Он не видит того, кто говорит это, поворачивается только на звук голоса, хочет ответить что-то — и без сознания падает на пол.

Его приводят в чувство, убеждают: успокойся, возьми себя в руки, будь мужчиной. Кто-то добавляет: подумай о своей бедной матери. Но радостное известие потому и сразило его, что он полон мыслей о ней. Джентльмены рассказывают наперебой, как слухи о его злоключениях распространились по всему городу, по всей стране и какое это вызвало сочувствие к нему. Но он не внемлет им. Его помыслы еще не вышли за пределы родного дома. Знает ли она? Что она сказала? Кто сообщил ей? Он не способен думать ни о чем другом.

Его заставляют выпить немного вина, ласково беседуют с ним; и наконец он успокаивается, понимает, что ему говорят, и благодарит всех. А теперь можно уходить. Мистер Гарленд спрашивает, как он себя чувствует,— если лучше, пора ехать домой. Джентльмены снова окружают его и жмут ему руку. Он признателен им всем за участие, за добрые пожелания и, снова лишившись дара речи, крепко опирается на руку хозяина с одной лишь мыслью — как бы не упасть!

Когда они идут мрачными тюремными коридорами, служители с грубоватым добродушием поздравляют его. Им попадается и любитель газет, но в поздравлениях этого должностного лица чувствуется холодок, вид у него суровый. Он считает, что Кит втерся в тюрьму обманным путем, не имея на то никаких прав. Может, он и порядочный юноша, но здесь ему не место, и чем скорее его отсюда уберут, тем лучше.

Последняя дверь затворяется за ними. Они огибают угол и останавливаются под открытым небом — на улице, которую Кит так часто видел во сне, так часто представлял себе, сидя за этими каменными стенами. Она словно стала шире и оживленнее, чем раньше. Вечер хмурый, но каким веселым, погожим

кажется он Киту! Один из джентльменов, прощаясь с ним, сует ему деньги. Он не смотрит сколько, а теперь, когда они с мистером Гарлендом проходят мимо кружки для бедных арестантов, быстро возвращается назад и опускает в нее обе монеты.

На соседней улице мистера Гарленда ждет карета, и, усадив Кита рядом с собой, он велит кучеру ехать в Финчли. Сначала они еле-еле плетутся, да и то с факелами — все из-за тумана. Но лишь река и узкие улицы остаются позади, предосторожности становятся излишними и можно ехать быстрее. За городом Киту и галоп показался бы черепашьим шагом, но, когда они уже совсем близко от цели своего путешествия, он просит сдержать лошадей, а когда впереди возникает коттедж, молит остановиться хоть минутки на две, чтобы у него было время собраться с духом.

Но останавливаться здесь никто не намерен. Мистер Гарленд говорит с Китом весьма решительным тоном, лошади бегут рысью, и вот экипаж въезжает в ворота. Еще минута, и они у подъезда. За дверью слышны голоса, быстрые шаги. Ее распахивают настежь. Кит пулей врывается в дом и попадает прямо в объятия матери.

А вот и верный друг — мать Барбары, по-прежнему с малышом на руках, словно она не расставалась с ним с того самого печального дня, когда они и не помышляли о такой радости. Вот она — да благословит ее бог! — плачет-разливается и так громко всхлипывает, как еще никто никогда до нее не всхлипывал. А вот и маленькая Барбара — бедная маленькая Барбара, похудевшая, ни кровинки в лице, и все же такая хорошенькая! Она трепещет, точно листок на ветру, и стоит, прислонившись к стене. А вот и миссис Гарленд! Свет не видывал такой уютной, милой старушки! Но с чего это она вдруг падает замертво, и хоть бы кто помог ей! А вот и мистер Авель, который оглушительно сморкается и обнимает всех по очереди. А вот и одинокий джентльмен — суетится, минутки не постоит спокойно. А вот и наш славный, серьезный маленький Джейкоб — сидит себе в сторонке на лестнице, сложив руки на коленках, точно старичок, и ревет ревмя, никому не доставляя никаких хлопот. Все они здесь, и все они вместе и каждый в отдельности, начисто потеряв голову, совершают поступки один безумнее другого!

И надо же так случиться, что, когда остальные более или менее приходят в себя, обретают дар речи и способность улыбаться, Барбара — нежная, кроткая, глупенькая Барбара вдруг куда-то исчезает. Ее ищут и находят в гостиной — в обмороке. А очнувшись от обморока, она бьется в истерике, а после истерики снова падает в обморок,— и бедняжке так плохо, что ни уксус, ни холодная вода (в дозах, которые могут отправить человека на тот свет) не оказывают на нее никакого действия. Тогда мать Кита возвращается обратно и просит Кита пойти

поговорить с ней; и Кит отвечает: «Хорошо», и уходит в гостиную и ласково говорит: «Барбара!» А мать Барбары поясняет дочке: «Это Кит». И Барбара лепечет с закрытыми глазами: «Неужто правда?» И мать Барбары говорит: «Не сомневайся, душенька! Теперь все дурное позади». И, желая окончательно убедить Барбару, что он жив и здоров, Кит снова заговаривает с ней, и Барбара снова заливается истерическим смехом, а после смеха слезами; и тогда обе матушки, переглянувшись, принимаются отчитывать ее — не подумайте, что всерьез, боже вас упаси, нет,— лишь бы только она поскорее успокоилась! — и, будучи женщинами опытными в такого рода делах, сразу подмечают первые признаки улучшения, уверяют Кита, что теперь «все обойдется», и отсылают его обратно, в соседнюю комнату.

А там, в соседней комнате, на столе уже выставлены графины с вином и прочее угощение! И все так пышно, будто Кит, и его родные, и друзья невесть какие знатные гости. Маленький Джейкоб уже сидит за столом и с поразительной быстротой уписывает за обе щеки кекс с изюмом, не сводя глаз с винных ягод и апельсинов, которые у него на очереди, так как будьте уверены, что он даром время терять не собирается. Лишь только Кит входит в комнату, одинокий джентльмен (вот хлопотун, второго такого днем с огнем не сыщешь!) наполняет рюмки — какие там рюмки — бокалы! — и провозглашает тост за его здоровье и говорит, что, пока *он* жив, у Кита недостатка в друзьях не будет; и то же самое говорит мистер Гарленд; и то же самое говорит миссис Гарленд; и то же самое говорит мистер Авель. Но мало того, что Киту оказан такой почет и уважение,— это еще не все, ибо одинокий джентльмен вынимает из кармана массивные серебряные часы, которые тикают на всю комнату и показывают время с точностью до одной секунды, а на задней крышке этих часов выгравированы имя и фамилия Кита с разными завитушками и росчерком,— короче говоря, часы предназначаются Киту, для него и куплены, и он сразу же получает их. А тут и мистер и миссис Гарленд, не удержавшись, намекают, что и они припасли подарок Киту, и мистер Авель признается в том же самом,— и счастливее Кита сейчас, пожалуй, не найдешь никого на всем белом свете.

Но с одним своим дружком Кит еще не успел повидаться, а так как этого дружка нельзя ввести в круг семьи, потому что он существо четвероногое и подкован на все четыре ноги, Кит, улучив свободную минутку, бежит к конюшне. Лишь только его рука ложится на щеколду, пони шлет ему приветствие — то есть разражается громким ржанием; не успевает он переступить порог, как пони, обезумев от восторга, начинает скакать по стойлу (ведь недоуздок несовместим с его достоинством), а когда Кит протягивает руку погладить его и потрепать по

холке, он трется носом о куртку Кита и так ласкается, как еще ни один пони не ласкался к человеку. Этот порыв венчает их радостную, теплую встречу, и, обняв Вьюнка за шею, Кит крепко прижимает его голову к груди.

Но что понадобилось здесь Барбаре? И как она прибралась! Вероятно, успела посмотреться в зеркало после обморока. Уж, кажется, где-где, а в конюшне ей совсем не место. Но видите ли, в чем дело: пока Кита не было дома, пони соглашался принимать корм только из рук Барбары, и сейчас она — разумеется, не подозревая, что Кит в конюшне,— просто решила проверить, все ли здесь в порядке, и случайно натолкнулась на него. Застенчивая маленькая Барбара!

Весьма возможно, что Кит успел налюбоваться своим пони; весьма возможно, что на свете есть и кое-что другое, более заслуживающее любования. Как бы то ни было, но Кит оставляет Вьюнка, подходит к Барбаре и выражает надежду, что ей лучше. Да, теперь Барбара чувствует себя гораздо лучше. Только,— и тут Барбара опускает глаза и краснеет еще сильнее,— только ей очень неприятно, он, наверно, считает ее такой дурочкой! «Вот уж нет!» — говорит Кит. Барбара очень рада это слышать и кашляет — так, самую малость — кха, и все.

А пони! Каким он может быть скромником, если захочет. Стоит, не шелохнется, точно мраморное изваяние, но взгляд хитрый-прехитрый; впрочем, это всегда за ним водилось.

— Барбара, мы с вами и поздороваться-то как следует не успели,— говорит Кит.

Барбара протягивает ему руку. Что такое? Почему она дрожит? Глупенькая, пугливая Барбара!

Вы скажете, что они стоят на почтительном расстоянии друг от друга? Но такое ли оно почтительное? Рука у Барбары не длинная, к тому же она не вытянула ее, а чуть согнула в локте. Кит совсем близко от Барбары и видит крохотную слезинку, все еще дрожащую у нее на ресницах. И нет ничего удивительного в том, что он уставился на эту слезинку незаметно для Барбары. И нет ничего удивительного в том, что Барбара подняла глаза и застигла его на месте преступления. А разве удивительно, что Кит, сам того не ожидая, вдруг поцеловал Барбару? Поцеловал — и все тут! Барбара сказала: «Как не стыдно!», но позволила ему поцеловать себя и во второй раз. Он не прочь бы и в третий, но тут пони ударил задом и замотал головой, видимо, не в силах сдержать восхищение, и Барбара в испуге убежала из стойла — однако не туда, где были обе матушки, и ее и Кита, потому что они могли заметить, как она разрумянилась, и, пожалуй, стали бы расспрашивать — почему. Хитрая маленькая Барбара!

Когда всеобщее ликование немного улеглось и Кит с матерью, и Барбара с матерью, и, разумеется, Джейкоб с малышом поужинали, на что у них было вполне достаточно времени,

так как они всей компанией оставались ночевать в коттедже, мистер Гарленд позвал Кита к себе и сказал:

— Сейчас ты услышишь одну новость и будешь поражен ею.

Кит заволновался, побледнел, и старичок поспешил добавить, что новость эта приятная, а следом за тем спросил, успеет ли Кит собраться в дорогу к завтрашнему утру.

— В дорогу, сэр? — воскликнул Кит.

— Да, вместе со мной и с моим другом, который сидит в соседней комнате. Ты не догадываешься о цели нашего путешествия?

Кит побледнел еще больше и отрицательно покачал головой.

— А по-моему, догадываешься,— сказал его хозяин.— Ну-ка, подумай как следует.

Кит пробормотал что-то бессвязное и нечленораздельное, однако слова «мисс Нелл» выговорил совершенно явственно не то три, не то четыре раза и при этом безнадежно покачал головой — дескать, на это даже надеяться нечего.

Но мистер Гарленд, вместо того чтобы повторить: «Подумай как следует», сверх всякого ожидания проговорил очень серьезно: «Ты отгадал».

— Мы наконец-то узнали, где они скрываются,— добавил он,— и решили поехать туда.

Кит срывающимся голосом стал задавать ему вопрос за вопросом: где это, и как об этом узнали, и давно ли узнали, и здорова ли она, и хорошо ли ей там?

— В том, что ей живется хорошо, не может быть никаких сомнений,— ответил мистер Гарленд.— А здоровье... думаю, наладится. Она очень слаба и последнее время прихварывала, но в письме, которое я получил сегодня утром, мне пишут, что ей лучше и что надежда на выздоровление есть. Садись и слушай внимательно.

Затаив дыхание, Кит опустился на стул. И тогда мистер Гарленд стал рассказывать ему о своем брате (Кит слышал о нем и раньше и видел его юношеский портрет в парадной гостиной коттеджа «Авель»). Брат, говорил мистер Гарленд, живет в одной далекой деревушке у тамошнего священника, с которым его связывают тесные узы еще с молодых лет. Нежно любя друг друга, братья тем не менее не виделись долгие годы, но изредка переписывались и все тешили себя надеждой на встречу, а время бежало, и они, как это свойственно людям, позволяли будущему незаметно переходить в прошлое. Брат мистера Гарленда, человек мягкий, спокойный и скромный — совсем как мистер Авель,— пользуется большим уважением среди жителей той деревушки, так как им всем хорошо знакома отзывчивость и щедрость их «бакалавра», как его там зовут. Однако мистеру Гарленду понадобился не один год, чтобы разузнать это, так как брат его принадлежит к числу тех, кто

предпочитает восхищаться благими деяниями других людей, а не трубить о своих собственных, хоть и достойных всяческих похвал. Вот почему бакалавр почти никогда не распространялся о своих деревенских друзьях и только недавно изменил этому обыкновению ради старика и девочки, которые, видимо, поглощают все его мысли, ибо он целиком посвятил им письмо (оно получено несколько дней назад),— причем так описал их злоключения и взаимную любовь, что его невозможно читать без слез. Мистер Гарленд сразу подумал, уж не те ли это странники, которых столько времени разыскивают? Неужели же они очутились на попечении его брата? И он тут же потребовал подробные сведения о них, а сегодня утром получил ответ, окончательно рассеявший все его сомнения и послуживший причиной их теперешних сборов в дорогу.

— А тебе тем временем нужно отдохнуть,— сказал старичок, вставая и кладя Киту руку на плечо.— Такой у тебя выдался день, что самому крепкому человеку и то не под силу. Спокойной ночи! Даст бог, и наше путешествие окончится удачей!

ГЛАВА LXIX

На следующее утро Кит не залежался в постели и, вскочив затемно, начал собираться в путь-дорогу. Вчерашние треволнения и неожиданная весть, услышанная от мистера Гарленда вечером, не давали ему покоя всю долгую, темную ночь и насылали такие тяжелые сны к его изголовью, что, встав, он почувствовал: вот теперь я отдохну по-настоящему.

Если бы Киту предстояли жестокие испытания, если бы сейчас, в такое суровое время года, он готовился к нелегкому путешествию пешком, предвидя впереди одни лишь тяготы, усталость, муки и беды, если бы Кита ожидал трудный подвиг, требующий от человека напряжения всех душевных сил, величайшей выносливости и мужества, но зато сулящий в случае удачи благополучие и счастье для Нелл,— пыл его нисколько бы не уменьшился, лихорадка нисколько бы не утихла.

Но волнение охватило не одного Кита. Он встал, а через четверть часа весь дом уже был на ногах. Все старались принять участие в приготовлениях к отъезду. От одинокого джентльмена, правда, помощь была небольшая, зато он командовал всеми и суетился больше всех. Сборы шли быстро и к рассвету закончились. И вот тогда-то Кит пожалел, что все они проявили такую расторопность, так как дорожную карету, нанятую для этого случая, ждали не раньше девяти, а оставшиеся полтора часа можно было заполнить только завтраком.

Впрочем, нет! А Барбара? Барбара, разумеется, хлопочет по хозяйству, но тем лучше — Кит поможет ей, а более приятного способа убить время, пожалуй, не придумаешь. Барбара не

противилась этому, и Кит, у которого не выходило из ума одно событие вчерашнего дня, теперь окончательно пришел к выводу, что Барбара полюбила его и что сам он полюбил Барбару.

Но Барбара (если уж говорить правду, а утаивать ее никто не намерен), Барбара, единственная из всех обитателей коттеджа, не испытывала удовольствия от этих сборов в дорогу, и когда Кит в порыве чувств признался ей, как он счастлив, что хозяин берет его с собой, Барбара приуныла еще больше и окончательно потеряла интерес к их отъезду.

— Вы и дня не побыли дома, Кристофер,— сказала Барбара (и как сказала, с какой небрежностью!),— вы и дня не побыли дома, а рады, что уезжаете.

— Но ведь за кем мы едем! — воскликнул Кит.— За мисс Нелл! Я снова с ней увижусь! И мне так будет приятно, когда и вы ее узнаете!

Барбара не сказала вслух, что радоваться тут, собственно, нечему, но это было ясно по тому, как она мотнула головой, и Кит огорчился, не понимая в простоте душевной, что такое нашло на Барбару.

— Вы только увидите ее и сразу скажете: вот красавица! — продолжал Кит, потирая руки.— Непременно скажете!

Барбара вскинула голову.

— Барбара, что случилось? — спросил Кит.

— Ничего! — воскликнула Барбара и надулась — не сердито, не капризно, а так, самую малость, отчего губки у нее стали еще больше похожи на спелые вишни.

В какой другой школе так быстро постигают науку, как не в той, порог которой переступил Кит, поцеловав Барбару? Теперь он все понял, усвоил все сразу, как по открытой книге,— и этой книгой была сама Барбара.

— Барбара! — сказал Кит.— Вы сердитесь на меня?

Ах, боже мой! С чего бы это Барбаре сердиться на него? И какое она имеет на это право? И кому до нее какое дело? И не все ли равно, сердится она или нет?

— *Мне* не все равно,— ответил Кит.— Далеко не все равно.

Барбара не понимала, почему ему не все равно.

Должна понять. Может, она подумает как следует?

Что ж, Барбара подумает. Нет! Она так и не догадывается, почему Кристоферу не все равно. Она не понимает, о чем он говорит. И, кроме того, ее давно ждут наверху, и ей в самом деле пора идти.

— Нет, Барбара,— сказал Кит, нежно удерживая ее за руку.— Давайте расстанемся друзьями. В эти трудные для меня дни я все время думал о вас. И если бы не вы, мне было бы еще тяжелее.

Бог мой! Какая Барбара стала хорошенькая, когда на щеках у нее вспыхнул румянец и она затрепетала, словно испуганная птичка!

— Верьте, Барбара, это все чистая правда, только выразить я ее толком не умею. Мне хочется, чтобы встреча с мисс Нелл доставила одинаковую радость нам обоим — вот и все. А про мисс Нелл скажу одно: я, может, жизни не пожалел бы ради нее! И вы бы поняли меня, Барбара, если бы знали мою хозяйку так, как я ее знаю!

Барбара немедленно растрогалась, и ей стало жаль, что она высказала такую черствость.

— Ведь мисс Нелл для меня почти что ангел,— продолжал Кит.— Только подумаю о встрече с ней и сразу представляю — она улыбнется, как прежде, обрадуется, протянет мне руку и скажет: «А вот и мой добрый старый Кит!», или еще что-нибудь, такое же ласковое. И я вижу ее счастливой, окруженной друзьями, они помогут ей стать настоящей леди, как она того заслуживает, как это и должно быть. А себя вижу ее верным слугой, который всегда был предан своей милой, доброй, заботливой хозяйке, да и теперь не пожалеет ради нее ничего на свете. Так я думал все время и вдруг испугался — а что, если, найдя новых друзей, она забудет меня или устыдится, что знала когда-то такого неотесанного, простого парня, и заговорит со мной холодно? И знаете, Барбара, не могу вам сказать, как мне стало больно от одной этой мысли! Но потом я понял, что так даже думать грешно, и снова стал мечтать о встрече с мисс Нелл — прежней мисс Нелл — и решил: буду всегда стараться заслужить ее похвалу, как если бы она была моей хозяйкой, и всегда буду таким, каким она хочет меня видеть. Плохого тут ничего нет, а только одно хорошее, и за это я благодарен ей, за это я еще больше люблю и уважаю ее. Вот и все, милая Барбара, и все это правда, святая правда!

Барбара, девушка отнюдь не капризная и не взбалмошная, не замедлила раскаяться в своем поведении и залилась слезами. К чему мог бы привести их дальнейший разговор, нам нет времени гадать, так как в эту минуту где-то совсем близко послышался грохот колес, за ним резкий звонок у калитки, и в притихшем было доме все снова ожило и снова пришло в движение.

Одновременно с каретой прибыл и мистер Чакстер в кебе — с бумагами и деньгами для одинокого джентльмена, коему они и были переданы. Выполнив возложенное на него поручение, мистер Чакстер удалился в недра дома, перекусил, так сказать, на лету и, преисполненный изящного равнодушия, стал наблюдать издали за укладкой вещей в карету.

— Я вижу, пройдошливый юнец тоже едет, сэр? — заметил он, обращаясь к мистеру Авелю Гарленду.— В тот раз его как будто не взяли из опасений, что он может разгневать старого хрыча.

— Кого, сэр? — вопросил мистер Авель.

— Старого джентльмена,— поправился мистер Чакстер, несколько смутившись.

— Да, наш клиент решил взять Кристофера с собой,— сухо ответил мистер Авель.— Теперь такие предосторожности излишни, мой отец ближайший родственник джентльмена, который пользуется безграничным доверием тех, кого мы разыскиваем, а это убедит их в том, что им желают только добра.

«Гм! Опять мне натянули нос! — подумал мистер Чакстер, глядя в окошко.— И кто? Разумеется, пройдошливый юнец! Может, он и не прикарманил тех пяти фунтов, но я не сомневаюсь, что у него всегда какие-то подлости на уме. И я всегда так считал, еще до этой истории с деньгами. Какая хорошенькая девушка! Черт побери, просто очаровательная!»

Предметом восхищения мистера Чакстера оказалась Барбара, а так как она стояла возле кареты (уже готовой к отъезду), этот джентльмен, почувствовав вдруг живейший интерес ко всему происходящему у калитки, фланирующей походкой прошелся по саду и занял такую позицию, с которой можно было строить глазки. Имея большой опыт по части женского пола и зная назубок, к каким ухищрениям надо прибегать, чтобы легче всего проложить путь к женскому сердцу, мистер Чакстер подбоченился левой рукой, а правой пригладил свою пышную шевелюру. Эта излюбленная в светском обществе поза производит неотразимое впечатление, особенно если ее сопровождать мелодическим посвистыванием.

Но вот что значит разница между городом и провинцией! Жалкие провинциалы будто и не видели этой обольстительной фигуры, занятые такими банальностями, как прощание с отъезжающими, воздушные поцелуи, помахивание носовыми платками и прочее тому подобное. А время для прощания наступило, так как одинокий джентльмен и мистер Гарленд уже сидели в карете, форейтор в седле, а Кит, тепло одетый и закутанный с головы до ног,— сзади, на запятках. Тут же стояли и миссис Гарленд, и мистер Авель, и мать Кита, а в отдалении и мать Барбары с вечно бодрствующим малышом на руках; и все они самозабвенно кивали, махали руками, кто кланялся, а кто приседал, и все кричали: «До свидания! До свидания!» Но вот карета скрылась за поворотом дороги, и мистер Чакстер остался у калитки один-одинешенек, весь под впечатлением того, что Кит, встав во весь рост на запятках, махал рукой Барбаре, а Барбара — на глазах у него, у *него,* у Чакстера, неотразимого Чакстера, на которого бросали благосклонные взгляды знатные леди, разъезжающие в воскресные дни по паркам в собственных экипажах,— махала рукой Киту.

Но не наше дело распространяться о том, как мистера Чакстера ошеломило вышеописанное зрелище, как он стоял, словно

пригвожденный к месту, называя Кита королем всех жуликов и коноводом всех пройдох и мысленно возводя этот возмутительный факт к давней истории с шиллингом. Сейчас нам предстоят совсем другие задачи, ибо мы должны поспешить за быстро катящимися по дороге колесами и разделить с нашими друзьями их долгий и нелегкий путь.

День выдался холодный. Пронизывающий ветер дул с яростью, смахивая иней с изгородей и деревьев, закручивая его воронками, словно пыль, и припорашивая им дорогу. Но Киту все было нипочем. Свобода и свежесть чувствовались в этом вихре,— пусть завывает, пусть щиплет лицо — не страшно! Ветер подхватывал сухие ветки и увядшие листья, уносил их с собой в снежном облаке, и Киту казалось, будто все вокруг дышит одной мыслью с ним и торопится, торопится, так же как и он. Чем свирепее порывы ветра, тем лучше, — кажется, будто быстрее движешься вперед. А разве не приятно вступать с ними в нещадную борьбу и преодолевать их один за другим? Следить, как они заранее набираются силы и гнева и со свистом несутся мимо, нагибать голову им навстречу, а потом, оглянувшись назад, видеть, как высокие деревья склоняются перед ними, и прислушиваться к хриплым завываниям, постепенно замирающим вдали.

Дуло весь день без перерыва. Наступила ночь — ясная, звездная; однако ветер не стих, и мороз стал пробирать до костей. Минутами, к концу длинных перегонов, Кит был бы не прочь, чтобы немножко потеплело, но лишь только они останавливались менять лошадей и ему удавалось промяться как следует да еще побегать взад-вперед — ведь пока расплатишься со старым форейтором, пока поднимешь со сна нового, пока запрягут! — кровь так и закипала у него в жилах до самых кончиков пальцев, он говорил себе: «Нет! Будь теплее хоть на градус, наше путешествие потеряло бы половину своего очарования, своей прелести»,— и, одним прыжком вскочив на запятки, подхватывал веселую песенку колес, когда, оставив позади обывателей, мирно почивающих в теплых постелях, они снова выезжали на пустынную дорогу.

Между тем двое джентльменов, отнюдь не расположенных ко сну, коротали время в беседе. Так как оба они были взволнованы и терзались нетерпением, разговор у них, как и следовало ожидать, шел главным образом о цели этого путешествия, о том, что послужило к нему поводом, и о связанных с ним надеждах и страхах. Надежд на него возлагалось много, а страхов, может статься, совсем не было, если не считать той смутной тревоги, что всегда сопутствует внезапно вспыхнувшей надежде и затянувшемуся ожиданию.

В одну из пауз в их беседе,— дело было уже за полночь,— одинокий джентльмен, который становился все молчаливее

и задумчивее, повернулся к своему спутнику и вдруг спросил:

— Вы умеете слушать?

— Как и большинство людей, вероятно,— с улыбкой ответил мистер Гарленд.— Если заинтересуюсь — слушаю, а нет — так стараюсь выказать интерес. А что?

— Хочу немного помучить вас,— сказал его друг.— Поведую вам одну историю, но не бойтесь, она не затянется.

Не дожидаясь ответа, он тронул старичка за рукав и начал следующее:

— Жили-были два брата, нежно любившие друг друга. Между ними была большая разница в годах — лет двенадцать. Не знаю, право, но, мне кажется, это лишь укрепляло их взаимную привязанность. Однако, несмотря на разницу в годах, они скоро — слишком скоро — стали соперниками. Глубокое, сильное чувство зародилось в их сердцах: оба они полюбили одну девушку.

Младший — у него имелись основания тревожиться и быть настороже — первым понял это. Не стану вам рассказывать, какие муки, какие душевные страдания он перенес, как велика была его борьба с самим собой. Он с детства отличался болезненностью. Старший брат, полный сил и здоровья, проводил дни у постели больного, оставляя ради него любимые игры и забавы, всячески ухаживал за ним, рассказывал ему сказки и в конце концов добивался того, что бледное личико разгоралось непривычным румянцем. Летом он выносил его, беднягу, на зеленую лужайку, и тихий, задумчивый мальчуган любовался погожим днем, с грустью чувствуя, что природа только ему одному отказала в здоровье. Короче говоря, старший брат был нежной, преданной нянькой младшего. Но я не хочу затягивать свою повесть, ибо всего, что он делал для этого несчастного, слабенького существа и чем завоевал его любовь, не перескажешь. И вот, когда настал час испытаний, память о прошлом не исчезла из сердца младшего брата. Господь наставил его: искупи жертвы, принятые в дни бездумного детства, собственной жертвой, принесенной в пору зрелости. Никто так и не узнал от него правды. Он уступил счастье брату, а сам уехал из дому с одной мыслью — встретить смерть в чужих краях.

Старший брат женился на той девушке. Но она вскоре умерла, оставив ему младенца — дочь.

Если вам случалось когда-нибудь видеть фамильные портретные галереи, вы, вероятно, замечали, как одно и то же лицо — чаще всего самое тонкое, одна и та же фигурка — самая хрупкая — повторяются из поколения в поколение; как одна и та же прелестная девушка, не меняясь, не старея, возникает на многих портретах, словно это ангел хранитель

рода — добрый ангел, который терпит с ним все превратности судьбы, искупает все его прегрешения.

Малютка дочь воплотила в себе покойную мать. Надо ли вам говорить, как прилепился к этой девочке — живому портрету умершей — тот, кто, добившись любви ее матери, вскоре понес такую тяжкую утрату. Она стала взрослой девушкой и отдала сердце человеку, неспособному оценить это сокровище. Любящий отец был готов на все, лишь бы не видеть ее страданий и тоски. Что ж! Может статься, человек этот не так уж плох, думал он. А если плох сейчас, такая жена исправит его,— разумеется, исправит! Он соединил их руки, и они стали супругами.

Сколько горя принес ей этот союз! Но ни холодное пренебрежение, ни напрасные попреки, ни бедность, в которую вверг ее муж, ни каждодневная борьба за существование, столь убогое и жалкое, что рассказывать о нем нет сил, не сломили ее, и, полная любви, она несла свое тяжкое бремя с тем мужеством, на какое способны лишь женщины. Деньги, вещи — все было прожито; старик, обобранный зятем до нитки, стал ежечасным свидетелем издевательств, которые приходилось терпеть дочери (так как они жили теперь под одной крышей), но она не оплакивала своей судьбы и если кого жалела, так только его — отца. До последней минуты исполненная терпения и любви, несчастная женщина умерла вдовой недели три спустя после смерти мужа, оставив старику двоих сирот: сына лет десяти — двенадцати и дочь — такую же беспомощную малютку, какой была она сама, и так же как две капли воды похожую на покойную мать.

Старший брат, дед этих сирот, был теперь совершенно разбитым человеком, согнувшимся не столько под бременем лет, сколько под тяжкой дланью горя. На те жалкие крохи, которые ему удалось сберечь, он открыл торговлю — сначала картинами, а потом антикварными вещами. У него еще с детских лет сердце лежало ко всяким древностям, и знания и вкус, приобретенные за долгие годы, помогали ему теперь кое-как сводить концы с концами.

Мальчик вырос весь в отца, и наклонностями и характером; девочка же была так похожа на мать, что, когда старик сажал ее на колени и заглядывал в эти ясные голубые глаза, ему казалось, будто он очнулся от гнетущего сна и будто его дочь снова стала ребенком. Беспутный юноша скоро презрел дедовский кров, подыскав себе более подходящее общество. Старик и девочка остались жить вдвоем.

И вот в эти-то дни, когда любовь к двум умершим, которые были милее и дороже всех его сердцу, перешла на маленькую внучку; когда в ее чертах стало все больше и больше появляться сходство с тем, другим лицом, слишком рано поблекшим от горя и страданий, свидетелем которых он был; ко-

гда он не мог отогнать от себя воспоминания о том, какие тяжкие муки выпали на долю его дочери; когда закосневший в пороках внук, подобно отцу, так опустошал его кошелек, что иной раз им приходилось отказывать себе в самом необходимом,— вот в эти-то дни старика начали одолевать неотвязные мрачные мысли о нищете и лишениях. За себя он не боялся. Ему было страшно за ребенка. И этот страх, словно призрак, поселился у него в доме, не давая ему покоя ни днем, ни ночью.

Тем временем младший брат объехал немало чужих стран, но свой жизненный путь он совершал один. Дома, на родине, его добровольное изгнание истолковали превратно, и он (не без боли в сердце) терпел незаслуженные попреки и укоры за то, что стоило ему таких мук и так омрачило его жизнь. Помимо всего этого, братьям было трудно поддерживать связь между собой; она велась от случая к случаю, часто прерывалась, но тем не менее младший постепенно, из редких писем, узнал все, что вы сейчас услышали от меня.

И вот сны о счастливой поре юности — счастливой, несмотря на ранние заботы и горе,— стали все чаще навещать его, и каждую ночь он видел себя мальчиком, неразлучным со старшим братом. Наконец, не желая терять больше ни минуты, он привел в порядок свои дела, все распродал, выручил такие большие деньги, что их хватило бы им обоим, и с открытой душой, трепеща всем телом, едва дыша от обуревающих его чувств, подъехал однажды вечером к дому брата.

Рассказчик договорил последние слова срывающимся голосом и умолк.

— Остальное,— сказал мистер Гарленд, пожимая ему руку,— я знаю сам.

— Да,— согласился его друг,— о дальнейшем распространяться не стоит. Вы помните, чем кончились все мои поиски. Скольких трудов, скольких ухищрений стоило мне сначала дознаться, что их видели с двумя жалкими бродячими кукольниками, потом отыскать этих людей, а потом выяснить, где находятся наши странники,— и все было тщетно, мы опоздали! Боже, боже! Не дай же нам опоздать и на сей раз!

— Нет, нет! — воскликнул мистер Гарленд.— Уж теперь-то мы поспеем вовремя!

— Я так надеялся на это! — подхватил его спутник.— И не перестаю надеяться. Но на душе у меня тяжело, друг мой, и никакие надежды, никакие доводы рассудка не могут побороть печаль, сжимающую мне сердце.

— Что же тут удивительного!— сказал мистер Гарленд.— Виной этому ваша повесть, время и место, а пуще всего холодная, тоскливая ночь. Она на кого угодно нагонит тоску. Прислушайтесь, как дико завывает ветер!

ГЛАВА LXX

Наступивший день застал их все еще в пути. Накануне им приходилось останавливаться на обед, на ужин и подолгу ждать свежих лошадей, особенно ночью. Лишних остановок старались не делать, но погода по-прежнему была суровая, к тому же дорога испортилась и большей частью шла в гору,— следовательно, до места своего назначения они могли добраться только к ночи.

Кит держался молодцом, хоть весь и закостенел от холода. Впрочем, до того ли ему было, чтобы думать о собственных неудобствах, когда он мысленно рисовал себе счастливое завершение этого путешествия, глядел по сторонам, дивясь всему, что попадалось им навстречу, и старался любыми средствами разогнать кровь по жилам. И он и его спутники чувствовали, что нетерпение их возрастает с каждой минутой, по мере того как близится вечер. Но время тоже не стояло на месте: короткий зимний день быстро потух, наступили сумерки, а им оставалось проехать еще не одну милю.

К ночи ветер немного унялся; его отдаленные завывания стали тише и тоскливее, и он скользил, несмело играя сухим терновником, словно какой-то гигантский призрак, который, шелестя одеждами, крадучись, пробирается по слишком узкой для него дороге. Постепенно его порывы становились все слабее и слабее и наконец совсем стихли, и тогда повалил снег.

Густые хлопья, запорошив землю, прикрыли ее плотной белой пеленой, и все вокруг погрузилось в таинственное молчание. Колеса бесшумно катились по дороге, дробное, звонкое цоканье подков перешло в глухой, невнятный стук. Жизнь, которой было полно их быстрое движение вперед, постепенно замирала, и от того, что оставалось на ее месте, веяло смертью.

Заслоняясь ладонью от снега, слепившего ему глаза и замерзавшего на ресницах, Кит старался разглядеть мерцание огней вдали, говоривших о близости какого-нибудь города. И чего только не чудилось ему в эти минуты. Вот перед ним вставала высокая церковь со шпилем, а при ближайшем рассмотрении она оказывалась деревом, сараем или просто тенью, отброшенной на землю фонарями кареты. Вот, то далеко впереди, то чуть не сталкиваясь с ними на узкой дороге, возникали всадники, пешеходы, фургоны,— подъедешь ближе, и они тоже становятся тенями. Изгородь, какие-то развалины, совершенно явственный конек крыши,— но карета проносится мимо, и ничего этого нет. Разлившаяся вода, повороты, мосты преграждали им путь, а на самом деле на дороге было пусто, и с их приближением все эти миражи рассеивались.

Карета остановилась у одиноко стоявшей в поле почтовой станции; Кит еле слез с запяток — так у него закоченели ноги, и, назвав деревушку — конечную цель их путешествия, спро-

сил, сколько еще до нее осталось. В этот час — поздний час для такого захолустья — все здесь уже спали, но чей-то голос ответил ему из верхнего окна: «Десять миль». Следующие десять минут тянулись словно час. Но наконец какой-то человек, зябко поеживаясь, вывел из конюшни лошадей, опять задержка — на этот раз не такая долгая, и они снова в пути.

Теперь карета свернула на проселок, и мили через три-четыре пугливые лошади поплелись шагом, так как глубокие колеи и рытвины, прикрытые снегом, были для них настоящими ловушками. Наши путники дошли к этому времени до такой степени волнения, что, не в силах терпеть медленную езду, вылезли из кареты и побрели следом за ней. Оставшиеся десять миль казались им нескончаемыми, каждый шаг давался с трудом. И когда они все трое подумали, что форейтор сбился с дороги, где-то совсем близко на колокольне пробило полночь, и карета остановилась. Казалось, она и так чуть-чуть ползла, но вот снег перестал поскрипывать под ее колесами, и воцарившаяся тишина ошеломила их, словно это безмолвие пришло на смену оглушительному шуму и грохоту.

— Приехали,— сказал форейтор, спрыгнув с седла, и постучал в дверь маленькой харчевни.— Эй, отзовись! Сейчас для них глухая ночь, спят как убитые!

Он стучал долго и громко, но так никого и не добудился. Харчевня стояла темная, притихшая. Они отошли немного назад и посмотрели на ее окна, которые черными заплатами выступали на заиндевевшем фасаде. Хоть бы в одном загорелся огонь! Ни признака жизни! Можно было подумать, что домишко этот нежилой или что обитатели его умерли во сне.

Они переговаривались между собой почему-то шепотом, словно боясь опять разбудить печальное эхо, потревоженное их стуком.

— Пойдемте,— сказал младший брат,— пусть стучит, авось достучится. Я все равно не успокоюсь до тех пор, пока у меня не будет уверенности, что мы не опоздали. Умоляю вас, пойдемте!

И они пошли, наказав форейтору устроить их на ночлег в харчевне, и тот снова принялся стучать, Кит шагал следом за ними с небольшим узелком в руках, который он повесил в карете в последнюю минуту перед отъездом. Это была коноплянка в той же самой клетке, в какой *она* оставила ее. Кит знал, что она будет рада увидеть свою любимицу.

Дорога постепенно спускалась под гору. И вскоре колокольня, на которой недавно били часы, и деревенские домишки, которые теснились вокруг нее, исчезли у них из виду. Стук в дверь, возобновившийся с новой силой, неприятно резнул им слух в глубокой тишине, и они подосадовали на форейтора и на себя за то, что велели ему стучать, не дожидаясь их возвращения.

Церковь, одетая в холодный белый саван, снова показалась за поворотом дороги, и через несколько минут они подошли к ней вплотную. Древняя церковь — древняя, седая даже среди белизны сугробов. Старинные солнечные часы на колокольне так занесло снегом, что о их существовании можно было только догадываться. Казалось, само время состарилось, одряхлело здесь и уже не в силах привести день на смену печальной ночи.

Невдалеке была калитка, ведущая на кладбище, от нее разбегалось несколько тропинок,—и, не зная, по какой пойти, они снова остановились.

А вот и деревенская улица, если можно назвать улицей два ряда убогих домишек — и совсем древних, и поновее, которые стояли и передом, и задом, и боком к дороге, и кое-где даже вылезали на нее какой-нибудь пристройкой или вывеской. В одном из окон мерцал слабый огонек, и Кит подбежал к этому дому, в надежде, что там ему удастся узнать, куда идти дальше.

Он получил ответ на первый же свой окрик: у окна появился старик; кутая шею от холода, он спросил, кто его тревожит в такой неурочный час.

— Стужа-то какая! — ворчал он.— А тут человека будят среди ночи! И спрашивается — зачем? Не такое у меня ремесло. Уж если я кому понадобился, могут и подождать, особенно в зимнее время. Что вам нужно?

— Я не стал бы вас будить, если бы знал, что вы старик, да к тому же больной,— сказал Кит.

— Старик! — повторил брюзгливый голос.— А кто тебе сказал, что я старик? Я, может, не такой дряхлый, как ты думаешь, друг мой любезный! А что до болезней, так молодежи подчас хуже, чем мне, приходится. И это очень жаль — не то жаль, что я для своих лет такой сильный да крепкий, а что они очень уж нежные и хилые. Впрочем, прошу прощения за свои слова,— добавил старик.— Я поначалу погорячился, не разглядел, что ты нездешний. Плохо вижу в темноте, но это не от старости, не от болезни, просто зрение плохое.

— Мне очень жаль, что я поднял вас с постели,— сказал Кит.— Но вот те двое джентльменов, которые стоят у калитки, тоже нездешние. Они приехали издалека и хотят повидать священника. Вы не знаете, как к нему пройти?

— Еще бы не знать! — дребезжащим голосом ответил старик.— Слава богу, будущей весной исполнится пятьдесят лет, как я здесь кладбищенским сторожем. Идите направо вон по той тропинке. Надо думать, вы не привезли дурных вестей нашему доброму священнику?

Кит наспех успокоил и поблагодарил старика и уже хотел отойти, как вдруг его внимание привлек детский голос. Взглянув вверх, он увидел в окне соседнего дома маленького мальчика.

— Что это? — взволнованно крикнул малыш.— Неужели мои сны сбылись? Ответьте мне!

— Ах ты бедняжка! — сказал кладбищенский сторож, прежде чем Кит успел выговорить слово.— Ну что, дружок, что?

— Неужели мои сны сбылись? — повторил мальчик так горячо, что его нельзя было слушать без волнения.— Нет, не верю, не верю! Не может этого быть!

— Я понимаю, о чем он,— сказал кладбищенский сторож.— Ложись спать, дружок.

— Этого не может быть! — с отчаянием воскликнул мальчик.— Ведь так не бывает! Но и этой ночью, и прошлой все тот же сон. Только усну — и опять, опять!

— А ты не бойся, ложись,— ласково проговорил старик.— Перестанут тебя мучить твои сны.

— Нет, пусть снятся! Пусть! Я не боюсь... только мне так грустно, так грустно!

Старик сказал: «Да благословит тебя бог!», мальчик сквозь слезы пожелал ему спокойной ночи, и Кит снова остался один.

Он быстро зашагал к калитке, тронутый не столько словами мальчика, ибо их смысл был неведом ему, сколько его горячностью и волнением. Они вышли на тропинку, указанную сторожем, и вскоре остановились перед домом священника, а там, оглядевшись, увидели вдали среди развалин одинокий огонек.

Он горел в полукруглой оконной нише, глубоко прорезанной в стене, и слал оттуда лучи, словно звезда. Яркий, мерцающий, как звезды высоко в небе, и такой же одинокий, недвижный,— он был сродни этим вечным небесным светильникам и сиял, искрился, ни в чем не уступая им.

— Что это за огонек? — спросил младший брат.

— Должно быть, там и есть тот ветхий дом, где они живут,— сказал мистер Гарленд.— Других развалин я здесь не вижу.

— Нет, вряд ли, — быстро проговорил его друг. — В такой поздний час и не спят?..

Кит тут же спросил, нельзя ли ему сбегать туда, пока они будут стучать в калитку, и посмотреть, есть ли там кто-нибудь. Мистер Гарленд еще не успел ответить на его просьбу, как он сорвался с места и с клеткой в руках побежал напрямик через кладбище.

Пробираться среди могил, да еще бегом, было нелегко, и в другое время Кит не стал бы так спешить или сообразил бы, что тут должны быть тропинки. Но сейчас он мчался, не глядя ни на что, и замедлил шаги лишь тогда, когда от освещенного окна его отделяло только два-три ярда.

Он подошел к нему медленно, осторожно, остановился у самой стены, задев рукавом заиндевевший плющ, и прислушался. В доме все было тихо. Казалось, церковь, стоявшая рядом, и та не знала такой тишины. Он прильнул щекой к стеклу. Нет, ни

звука! А ведь кругом царило такое безмолвие, что он различил бы даже сонное дыхание, если бы в стенах этого дома кто-нибудь спал.

Как странно! Здесь, и в такой поздний час, горит огонь, а около него ни живой души!

Нижнюю половину окна закрывала занавеска, и Кит не мог разглядеть, что там за ней. Но хоть бы на этой занавеске мелькнула чья-нибудь тень! Забраться повыше и заглянуть в окно не так просто — во всяком случае, бесшумно это вряд ли удастся сделать; чего доброго, перепугаешь девочку, если она действительно здесь. И Кит снова прислушался, но ничего не услышал — кругом стояла гнетущая тишина.

Осторожно отступив от окна и обогнув полуразвалившуюся часть здания, он подошел наконец к двери. Постучал. Ответа не было. И вдруг до него донеслись какие-то странные звуки. Трудно было сказать, что это такое. То ли кто-то тихо стонал от боли, но слишком уж размеренно, протяжно. То кажется, будто там поют или причитают,— но это только кажется, потому что звук все тот же, он не меняется и не умолкает ни на минуту. Киту в жизни не приходилось слышать ничего подобного; в этом стоне или причитании было что-то ни с чем не сравнимое, страшное, наводящее тоску.

Чувствуя, что ужас леденит ему кровь так, как не леденили ее ни мороз, ни вьюга, Кит снова постучал. Но и на этот раз ему никто не ответил. Протяжный голос по-прежнему доносился из дома. Он осторожно коснулся рукой задвижки и нажал коленом на дверь. Она была не заперта изнутри и, поддавшись напору, медленно повернулась на петлях. Он увидел блики огня, перебегавшие по стенам, и переступил порог комнаты.

ГЛАВА LXXI

В тусклых, красноватых отблесках огня, горевшего в камине,— комнату не освещала ни лампа, ни свеча,— глазам Кита предстал человек, который сидел спиной к нему, нагнувшись над трепетным пламенем. Что он — греется? Нет, не похоже. Весь сжался, сгорбился, но руки не протянуты вперед, ничто во всей этой склоненной фигуре не говорит о том, что человек наслаждается уютом и прелестью тепла, такого благодатного по сравнению с холодом, свирепствующим на улице. Голова низко опущена, пальцы стиснуты на груди. Он раскачивается на стуле взад и вперед, ни на минуту не прерывая этого движения и сопровождая его все теми же жалобными звуками, которые доносились до Кита сквозь закрытое окно.

Тяжелая дверь хлопнула, и Кит невольно вздрогнул. Но человек, сидевший у камина, не произнес ни слова, не оглянулся на стук, будто ничего не слышал. Это был старик, и его

седые волосы белели, словно налет на углях, с которых он не сводил взгляда. Старик, полутьма, слабое мерцание умирающего огня, мрачные стены, одиночество, жизнь на исходе — как все это подходило одно к другому! Тление, прах, пепел!

Кит прошептал несколько слов, сам не зная, что говорит. Но страшные глухие стоны не смолкли, покачивание не прекратилось, старик сидел по-прежнему сгорбившись, ничему не внимая, будто в комнате никого не было.

Кит уже протянул руку к щеколде, как вдруг обгоревшее полено рассыпалось на угли, и при яркой вспышке огня ему почудилось что-то знакомое в этой согбенной фигуре. Он снова вернулся на середину комнаты, потом шагнул ближе... еще ближе. Еще один шаг... и вот ему уже видно лицо. Да! Оно изменилось, так изменилось! И все же сомнений быть не может!

— Хозяин,— крикнул Кит, опускаясь перед стариком на колени и беря его за руку.— Добрый мой хозяин! Скажите мне хоть слово!

Старик медленно повернулся к нему и глухо пробормотал:

— Вот еще один! Сколько призраков побывало здесь сегодня!

— Хозяин, я не призрак! Я ваш верный слуга. Ведь вы узнали меня? А мисс Нелл... где... где она?

— И все они говорят об одном и том же! — воскликнул старик.— Каждый задает тот же самый вопрос... Призрак!

— Где она? — не унимался Кит.— Хозяин, добрый мой хозяин, ответьте мне!

— Она спит... спит, вон там.

— Благодарение богу!

— Да! Благодарение богу! — повторил старик. — Ему ли не знать, как я молился долгими, бесконечно долгими ночами, пока она спала. Тс!.. Зовет?

— Я не слышу.

— Неправда, неправда! Вот опять... И *теперь* не слышишь?

Он встал со стула и насторожился.

— Не слышишь? — Торжествующая улыбка скользнула у него по губам.— А я... я-то знаю этот голос! Тише! Тише!

Предостерегающе подняв руку, он тихонько прошел в соседнюю комнату, побыл там несколько минут, приговаривая что-то тихим, ласковым голосом, и вернулся назад с лампой.

— Верно! Спит! А мне почудилось, будто зовет... но, может, это она во сне? Знаете, сударь, сколько раз, бывало, сидишь около ее кровати и видишь — шевелит губами. Слов не слышно, но я и так знаю — она говорит обо мне. Я побоялся, как бы свет не разбудил ее, и принес лампу сюда.

Старик пробормотал все это, обращаясь больше к самому себе, поставил лампу на стол, тут же взял ее и поднес к самому лицу Кита, точно вспомнив о чем-то или повинуясь внезапно вспыхнувшему чувству любопытства. Потом, видимо,

забыв о своих намерениях, отвернулся и снова поставил лампу на прежнее место.

— Она спит крепко,— продолжал он.— И не удивительно! Ангелы устлали всю землю снегом, чтобы самые легкие шаги стали еще легче. Птицы и те улетели, чтобы не потревожить ее сна. А знаете, сударь, ведь она кормила их! Других они боялись, и ни стужа, ни голод не могли побороть этот страх... других боялись, а ее никогда!

Он снова умолк и, затаив дыхание, слушал долго, долго. Потом открыл старинный сундучок, вынул оттуда детские платья и стал расправлять, разглаживать их с такой нежностью, точно это были живые существа.

— Что же ты так заспалась, Нелл? — приговаривал он.— Сколько красных ягод в саду ждет, когда ты сорвешь их! Что же ты так заспалась? Ведь твои маленькие друзья то и дело подбегают к дверям, спрашивают: «Где Нелл? Где наша милая Нелл?» — и вздыхают, плачут, не видя тебя. Как она умела обходиться с детьми! Отъявленные шалуны и те слушались маленькой Нелл. Как она была нежна и ласкова с ними!

Кит не мог произнести ни слова. На глазах у него выступили слезы.

— Вот ее скромный наряд — самый любимый! — воскликнул старик, прижимая платье к груди и любовно проводя по нему морщинистой рукой.— Проснется и начнет искать, где он? Над ней подшутили, запрятали его сюда, но я не стану огорчать мою голубку — нет, ни за что на свете! — я все ей отдам, все! А вот, видите,— башмачки! Какие они стоптанные! Она сберегла их на память о наших долгих странствиях. Смотрите! Подошва проносилась — значит, ее босая ножка касалась земли в этом месте. Мне говорили — говорили спустя долгое время,— что ноги у нее были сбиты, изранены об острые камни. А она сама никогда в этом не признавалась, никогда! Да благословит ее господь! И знаете, сударь, я потом вспоминал: бывало, она все держится сзади, чтобы я не заметил, как ей трудно идти, а руки моей не выпускает и будто ведет меня!

Он прижал детские башмаки к губам, бережно положил их на место и снова заговорил сам с собой, время от времени бросая тоскливые взгляды на дверь соседней комнаты.

— Экая соня! Раньше за ней этого не водилось. Впрочем, тогда она была здорова. Терпение, терпение! Вот поправится и снова будет подниматься чуть свет и гулять утром на свежем воздухе. Я часто пытался найти ее по следам, но эти маленькие ножки не оставляли отпечатков на росистой траве. Кто там? Затворите дверь! Затворите! Мы и так не можем согреть ее, холодную, как мрамор!

Дверь и в самом деле отворилась, впуская в комнату мистера Гарленда, его друга и еще двоих наших знакомцев. Это

были учитель и бакалавр. Первый держал в руках лампу. Как оказалось потом, он уходил заправлять ее к себе домой, и поэтому Кит застал своего старого хозяина одного.

Старик успокоился при виде их обоих и, сразу забыв о своем гневе — если только такое слабое, убитое горем существо могло гневаться,— снова сел к камину, снова начал раскачиваться взад и вперед и стонать на той же тоскливой, жалобной ноте.

Двое незнакомцев не привлекли к себе его внимания. Он видел их, но не выражал ни любопытства, ни интереса к ним. Младший брат стоял один, в стороне от всех. Бакалавр взял стул, сел рядом со стариком и после долгого молчания заговорил:

— Вот уже вторая ночь, как вы не ложитесь. А я так надеялся на ваши обещания. Почему бы вам не отдохнуть хоть немного?

— Сон покинул меня,— ответил старик.— Он ушел к ней.

— А как бы она опечалилась, когда бы узнала, что вы проводите бессонные ночи! — продолжал бакалавр.— Неужели вам хочется причинить ей боль?

— Что ж, лишь бы она встала! Нельзя долго спать. Нет, зачем я так говорю! Ведь этот сон даст ей радость и счастье — правда?

— Правда! — воскликнул бакалавр.— Святая правда!

— Слава богу!.. А пробуждение? — несмело выговорил старик.

— И пробуждение! Оно принесет ей такую несказанную радость, о которой человек даже не может помыслить!

Они проводили его глазами, когда, поднявшись со стула, он на цыпочках ушел в соседнюю комнату, где горела лампа, принесенная бакалавром. Они прислушались к его голосу, который нарушил безмолвие, царившее там. Они переглянулись между собой, и по щекам у них побежали слезы. Он вернулся, шепча, что она все еще спит, но ему показалось, будто... будто легкое, совсем легкое движение рукой... да, рукой, может быть, искавшей его руку. Так бывало и раньше, хотя сейчас сон ее крепок! И с этими словами он упал на стул и, обхватив голову руками, испустил такой вопль, который, раз услышав, невозможно забыть.

Обменявшись взглядом с бакалавром, учитель подошел к старику, вдвоем они осторожно разжали ему пальцы, вцепившиеся в седые волосы, и взяли его руки в свои.

— Он не откажется выслушать меня,— заговорил учитель.— Он не откажется выслушать нас обоих, если вспомнит, что она всегда внимала нам.

— Я послушаюсь всех, кого она слушалась! — воскликнул старик.— Я люблю всех, кого она любила!

— Знаю, знаю,— сказал учитель.— Как же может быть иначе! Подумайте о ней! Вспомните, какие невзгоды и страдания

выпали на вашу общую долю, вспомните и горе, и тихие радости, которые вам приходилось делить вместе с ней!

— Да, да! О чем же мне еще вспоминать!

— И пусть сегодня все ваши мысли будут только об этом, друг мой, и тогда ваше сердце смягчится, тогда прежние чувства, воспоминания о прежних днях успокоят его. Я говорю от ее имени — говорю так, как говорила бы она сама.

— Говорите, только тише, тише! — прошептал старик.— Не то она проснется. Как бы я хотел снова увидеть эти глаза, услышать этот смех! Ее губы и сейчас улыбаются, но улыбка застыла на них. А я хочу, чтобы она исчезала и вновь появлялась. Придет время, и так оно и будет! Только не надо нарушать ее сон сейчас!

— Забудьте об ее сне, вспомните, какая она была, когда вы странствовали вместе далеко отсюда и когда жили в своем доме, который вам пришлось покинуть. Вспомните веселые старые времена.

— Да, мы с ней жили весело! — воскликнул старик, глядя учителю прямо в глаза.— Она всегда, сколько я ее помню, была хоть и кроткая, тихая, но веселая.

— Вы рассказывали нам,— продолжал учитель,— что она была так похожа на свою мать. А о ней, об ее матери, вам не хочется вспомнить?

Старик ничего не ответил, но продолжал по-прежнему смотреть на него.

— Или о той, что была до нее? — сказал бакалавр.— С тех пор прошло много лет, а когда человека постигает горе и беда, время тянется для него еще дольше. Ваша любовь к умершей перешла на эту девочку еще до того, как вы оценили ее, познали ее сердце. Вспомните все это и перенеситесь мыслями к той далекой поре — поре вашей юности, когда вы, не в пример этому нежному цветку, не знали одиночества. Вспомните и те дни, когда вас любило еще одно детское сердце и когда вы сами были ребенком. Вспомните, что у вас был брат, давно разлучившийся с вами, давно забытый,— вспомните и узнайте его — вот он, вернулся утешить, поддержать вас в эти тяжкие дни.

— Теперь мы поменяемся с тобой местами! — воскликнул младший брат, опускаясь на колени перед стариком.— Клянусь! Заботами, участием, преданностью я вознагражу тебя за все! Моя любовь к тебе не угасла, хотя нас разделял океан. Прошлое живо во мне, я пронес память о нем сквозь все эти одинокие годы, прожитые на чужбине. Брат! Скажи хоть слово, скажи, что узнаешь меня, и клянусь, мы будем еще дороже друг другу, дороже, чем в те светлые дни нашей юности, когда нам, неразумным детям, думалось, что мы пройдем рука об руку всю жизнь!

Старик медленно обвел их взглядом, и губы у него беззвучно дрогнули.

— Если мы и прежде были неразлучны,— продолжал младший брат,— то какие же тесные узы свяжут нас теперь! Наша дружба и любовь зародились давно, когда перед нами была вся жизнь, но мы вернемся к прежнему чувству и, доказав его силу, снова станем как дети. Сколько беспокойных душ, метавшихся по всему свету в поисках утех, богатства и славы, возвращалось на склоне лет в родные места, надеясь обрести второе детство, прежде чем сойти в могилу! Так и мы, хоть и не столь удачливые в молодые годы, успокоимся на закате своих дней там, где все напомнит нам младенческие забавы, и принесем с собой туда не плоды сбывшихся мечтаний, а лишь прежнюю братскую любовь, не обломки крушения, а лишь то, что привязывало нас к жизни в самую раннюю пору, и познаем позднюю радость, став прежними детьми. И если,— дрогнувшим голосом проговорил он,— если то, о чем я боюсь сказать вслух, свершилось или свершится (да избавит нас от этого господь!) — помни, брат, что мы с тобой стоим рядом, и пусть это послужит отрадой нам обоим в час тяжкого испытания.

Слушая его, старик медленно отступал к двери соседней комнаты. Когда же до нее остался какой-нибудь шаг, он поднял руку и прошептал дрожащими губами:

— Вы сговорились... вы хотите отнять у нее мою любовь. Но пока я жив, пока я дышу, вам это не удастся! У меня нет ни родных, ни друзей — только она одна. Нет и не будет! Она для меня все. Слишком поздно вы вздумали разлучать нас!

Он отмахнулся от них и, тихо окликая ее по имени, переступил порог комнаты. А они, оставшиеся позади, сбились в кучку и, обменявшись несколькими словами — прерывистыми, произнесенными с трудом,— последовали за ним. Они ступали бесшумно, но их горестные стоны и рыдания нарушали тишину.

Горестные — потому что она умерла. Вот она, перед ними — недвижно покоится на своей маленькой кроватке. И торжественное безмолвие этой комнаты перестало быть загадкой для них.

Она умерла. Что могло быть прекраснее этого сна, пленяющего глаз своей безмятежностью, не омраченного следами страданий и мук. Казалось, смерть не тронула ее, казалось, она, только что из рук творца, ждет, когда в нее вдохнут жизнь.

Ее ложе было убрано зелеными ветками и красными ягодами остролиста, сорванными там, где она любила гулять. «Когда я умру, положите около меня то, что тянется к свету и всегда видит над собой небо». Так она говорила в последние свои дни.

Она умерла. Кроткая, терпеливая, полная благородства, Нелл умерла. Птичка — жалкое, крохотное существо, которое можно было бы раздавить одним пальцем,— весело прыгала в клетке, а мужественное сердце ее маленькой хозяйки навсегда перестало биться.

Где же они, следы преждевременных забот, следы горя, усталости? Все исчезло. Ее страдания тоже умерли, а из них родилось счастье, озаряющее сейчас эти прекрасные, безмятежно спокойные черты.

И все же здесь лежала она — прежняя Нелл. Да! Родной очаг улыбался когда-то этому милому, нежному лицу; оно появлялось, словно сновидение, в мрачных пристанищах горя и нищеты, и летним вечером у дома бедного учителя, и у постели умирающего мальчика, и сырой, холодной ночью у огнедышащего горна. Вот как смерть открывает нашим глазам ангельское величие усопших!

Старик взял безжизненную руку и, грея, прижал ее к груди. Эта рука протянулась к нему, когда по ее губам скользнула прощальная улыбка; эта рука вела его, когда они странствовали вместе. Он поднес ее пальцы к губам, потом опять прижал их к груди, шепнул: «Потеплели!» — и, словно умоляя помочь ей, оглянулся на тех, кто стоял рядом.

Нелл умерла, и помощь была не нужна ей. Ветхий дом, который она наполняла жизнью, хотя ее дни быстро подходили к концу, сад, за которым она ухаживала, глаза, которые радовались ей, места, которые знали ее тихие задумчивые шаги, тропинки, по которым она, казалось, ходила только вчера,— все это потеряло ее навеки.

— Не на земле,— сказал учитель, касаясь губами ее щеки и не сдерживая слез,— не на земле свершается небесная справедливость. Что земля по сравнению с тем миром, куда так рано воспарила эта юная душа! И если бы нам достаточно было одного слова, чтобы вернуть ее к жизни, кто из нас решился бы вымолвить его?

ГЛАВА LXXII

Наступило утро. И, успокоившись немного, они выслушали рассказ о последних часах ее жизни.

Прошло уже два дня, как она умерла. Зная, что конец близок, друзья не покидали ее. Смерть наступила вскоре после рассвета. Всю ночь с ней разговаривали, читали ей вслух, а к утру она уснула. По словам, изредка слетавшим с ее уст, можно было понять, что ей снятся недавние странствия, но не тяжелые их часы и дни, а радостные, так как она часто шептала: «Да благословит вас бог!», видимо, вспоминая тех добрых людей, которые помогали им. Проснувшись, она не бредила и толь-

ко раз сказала, что слышит нежную тихую музыку. Кто знает, может, так оно и было?

Снова спокойный сон, а потом она открыла глаза и попросила, чтобы все, кто был в комнате, поцеловали ее. И когда эту просьбу исполнили, повернулась к старику с мягкой улыбкой — такой улыбкой, забыть которую нельзя,— и обеими руками обняла его за шею. Вначале никто не заметил, что она перестала дышать.

Последние дни ее часто навещали воспоминания о двух сестрах, и она называла их своими милыми подружками. Ей хотелось, чтобы эти девушки узнали, как много она думала о них и как гуляла по вечерам вместе с ними у реки. И повидать бы еще Кита! Пусть кто-нибудь передаст ее привет бедному Киту. И даже в последние часы, вспоминая о нем, она, как и встарь, смеялась веселым серебристым смехом.

За все это время ни слова, ни единого слова жалобы! Полная кротости, спокойствия и благодарности к друзьям, она только становилась все серьезнее и серьезнее и угасала, как угасает дневной свет летом, переходя в сумерки.

Мальчик, с которым она была так дружна, прибежал чуть свет и принес засушенные цветы, прося положить их ей на грудь. Это его голос слышал Кит, разговаривая с кладбищенским сторожем, и следы его же маленьких ног виднелись на снегу под окном ее комнаты, где он долго стоял накануне вечером, прежде чем пойти спать. Бедняжке все казалось, что Нелл оставили там одну, и эта мысль не давала ему покоя.

Он рассказал им свой сон — будто она вернулась к ним, будто она такая же, как прежде,— и стал просить, чтобы его пустили к ней. «Я не боюсь, я не буду плакать. Ведь когда умер мой маленький брат, я весь день просидел рядом с ним!» Просьбу мальчика исполнили, и он сдержал слово, по-своему, по-детски, преподав им всем полезный урок.

До сих пор старик молча сидел возле умершей и лишь изредка нарушал молчание, обращаясь к ней с ласковыми словами. Но при виде ее маленького любимца лицо у него изменилось, он поднял руку, подзывая мальчика к себе, показал на кровать и впервые за все это время залился слезами. И тогда те, кто стоял рядом, поняли, что этот ребенок облегчит его горе, и оставили их наедине.

Умиротворенный бесхитростными рассказами мальчика — рассказами о ней, старик исполнял почти каждую его просьбу, отдыхал, ходил гулять. И в тот день, когда эта смертная плоть должна была навеки скрыться с глаз смертных, маленький друг Нелл увел старика из дому, боясь, как бы он не узнал, что ее отнимут у него.

Они пошли вдвоем нарвать свежих листьев и ягод. Был ясный зимний день — воскресенье. Когда они проходили по деревенской улице, встречные уступали им дорогу, ласково здорова-

лись с ними. Некоторые по-дружески пожимали старику руку, другие обнажали голову, когда он неверными шагами проходил мимо. «Да благословит его бог!» — слышалось со всех сторон.

— Соседка! — сказал старик, когда они остановились у дома, где жила мать его маленького поводыря.— Почему сегодня чуть ли не все в черном? Я вижу траурные повязки, ленты...

Женщина ответила:

— Не знаю.

— Да на вас самой черное платье! — воскликнул он.— И окна везде закрыты, а ведь до ночи еще далеко! Что это значит?

И женщина снова ответила ему:

— Не знаю.

— Пойдем домой! — забеспокоился старик. — Пойдем узнаем, что случилось.

— Нет, нет! — воскликнул мальчик.—Помните свое обещание! Нам надо туда, в тот зеленый уголок, где мы плели с ней венки и где вы часто заставали нас. Идемте, идемте!

— Где она? — прошептал старик. — Скажи мне!

— Да разве вы не знаете? — ответил мальчик.— Мы же только что ушли от нее!

— Да, правда... правда. Ведь это была *она*?

Он поднес руку ко лбу, огляделся по сторонам и, видимо, пораженный какой-то новой мыслью, торопливо заковылял через дорогу к дому кладбищенского сторожа. Тот сидел у очага со своим глухим помощником. Увидев, кто вошел в комнату, оба встали.

Мальчик сделал им быстрый знак рукой. Взглянув на старика, они поняли все.

— Сегодня... сегодня кого-нибудь хоронят? — торопливо заговорил он.

— Нет, что вы, сэр! Кого же нам хоронить? — ответил сторож.

— Да, правда — кого? Вот я тоже думаю — как будто некого!

— Сегодня у нас работы нет,— продолжал сторож.— Сегодня мы отдыхаем.

— Тогда веди меня куда хочешь,— сказал старик, поворачиваясь к мальчику.— Но вы правду говорите? Это не обман? Я так сдал за последние дни, что мне трудно вас понять.

— Идите, сэр, идите с ним! — воскликнул сторож.— И да благословит господь вас обоих!

— Ну что ж, пойдем,— сказал старик.— Пойдем, дитя мое.— И он покорно позволил увести себя на улицу.

И вот колокол — тот самый колокол, к голосу которого она столько раз с благоговейным чувством прислушивалась и днем и ночью, словно это был голос живого существа,— зазвонил по ней, такой юной, такой доброй, полной такого очарования,

Дряхлая старость, уверенная в себе зрелость, цветущая молодость, беспомощное детство — все вышли ей навстречу и — кто на костылях, кто в расцвете здоровья и сил, кто полный надежд, кто на заре жизни — отправились следом за ней, в ее последний путь. Немощные, едва бредущие старики; старухи, которые, умри они десять лет назад, все равно встретили бы смерть в преклонном возрасте; глухие, слепые, хромые, разбитые параличом — живые мертвецы всех видов, всех обличий потянулись к ее ранней могиле. Так неужели же эта смерть, которую готовилась поглотить темная яма, была горше той, что еще кое-как ползала по земле!

По узкой, забитой народом тропинке несли ее, чистую, как свежевыпавший снег, которому суждена столь же краткая жизнь. Снова та паперть, где она сидела не так давно, когда милосердное небо привело ее в эти безмятежно тихие места; снова навстречу ей лился спокойный сумрак древней церкви.

Ее бережно опустили на каменные плиты в том уголке, где она часто таилась, задумчивая, притихшая. Свет проникал сюда сквозь разноцветные стекла окна, за которым летними днями деревья шелестят листвой и птицы поют не умолкая, от зари до зари. И когда ветерок дохнет на эти ветви, их кружевная, зыбкая тень узором ляжет на ее могилу.

Тлен тлену, земля земле, прах праху! Скромные венки в детских руках, глухие рыдания, склоненные колени. Горе — искреннее, неподдельное горе!

Заупокойная служба кончилась, друзья отошли в сторону, уступая место тем, кто хотел в последний раз заглянуть в могилу, прежде чем ее закроют надгробной плитой. То тут, то там слышались голоса — кто вспоминал, как она сидела вот на этом самом месте, опустив книгу на колени и задумчиво глядя в небо; кто дивился ее смелости — такая маленькая, а не боялась заходить в церковь по вечерам, мало того, что не боялась, — любила посидеть тут в тишине, любила подниматься на колокольню, когда только лунные лучи освещали ступеньки, скользя сквозь глубокие амбразуры в стенах. А старики, перешептываясь между собой, говорили: «К ней слетались ангелы, она беседовала с ними». И, вспоминая ее лицо, ее голос, ее раннюю смерть, многие думали: а может быть, это правда? По двое, по трое люди приближались к могиле, заглядывали туда, уступали место другим, обменивались тихими словами, и наконец церковь опустела, и в ней остались только друзья покойной и кладбищенский сторож.

Склеп замурован, плита легла на место. Наступили сумерки, нерушимая, торжественная тишина овеяла высокие своды, яркий свет луны щедро залил надгробья, памятники, колонны, арки — и щедрее всего (как им казалось) ее безмолвную могилу. И в эти полные спокойствия минуты, когда и внешний мир, и мир внутренний пронизывает одна мысль — мысль о бес-

смертии, перед которой рассеиваются прахом и суетные страхи и надежды,— они, смирившись сердцем, покинули старую церковь и оставили девочку наедине с богом.

Труден урок, преподанный такой кончиной, но усвоить его должен каждый, ибо в нем заложена глубокая, всеобъемлющая истина. Когда смерть поражает юные, невинные существа и освобожденные души покидают земную оболочку, множество подвигов любви и милосердия возникает из мертвого праха. Слезы, пролитые на безвременных могилах, рождают добро, рождают светлые чувства. По стопам губительницы жизни идут чистые создания человеческого духа — им не страшна ее власть, и угрюмый путь смерти сияющей тропой восходит в небеса.

Было поздно, когда старик вернулся домой. На обратном пути мальчик под каким-то предлогом завел его к себе, и, устав от длинной прогулки, он крепко уснул у очага. Ему не мешали — пусть спит. И он спал до вечера, а когда проснулся, в окно уже светила луна.

Младший брат, встревоженный такой долгой отлучкой, поджидал старика у двери и еще издали увидел, как маленький поводырь ведет его по тропинке. Он поспешил ему навстречу, бережно взял под руку и медленными неверными шагами повел к дому.

Старик сейчас же ушел в ее комнату. Увидев, что там пусто, он, растерянный, вернулся назад. Потом, окликая ее по имени, бросился к дому учителя. Друзья последовали за ним и, когда он и там не нашел той, кого искал, привели его домой.

Вкладывая в свои слова всю жалость и любовь, которыми были полны их сердца, они упросили его сесть и выслушать все. Потом, стараясь исподволь подготовить несчастного к страшному удару и горячо убеждая его, что счастливее ее участи нет и не может быть, наконец сказали ему правду. Лишь только это слово было произнесено, он как подкошенный упал к их ногам.

Беспамятство продолжалось долгие часы, и окружающие уже начали опасаться за его жизнь. Но у горя есть сила, ее не одолеешь,— и он пришел в себя.

Если найдутся на свете люди, не знакомые с чувством пустоты, которое несет за собой смерть,— чувством томительной, гнетущей пустоты и одиночества, которое преследует даже самых сильных духом, когда им на каждом шагу недостает кого-то близкого, дорогого, когда каждый, сам по себе ничего не значащий предмет сливается в их воспоминаниях с любимым существом, каждая вещь в доме становится памятником и каждая комната — могилой,— если найдутся на свете люди, не знакомые со всем этим, не испытавшие всего этого на себе, им не понять, как медленно влачилось для старика время, в какой тоске изнывал он, не обретая того, что искал,

Все душевные силы, еще не окончательно изменившие ему, были целиком отданы ей. Он так и не узнал и, видимо, не старался узнать брата и ко всем его ласкам и заботам относился равнодушно. С ним можно было говорить на любые темы — кроме одной. Он терпеливо слушал, потом отворачивался и снова уходил — продолжать свои тщетные поиски.

Того, что неотступно занимало его мысли, в разговоре с ним трогать было нельзя. Умерла! Само слово казалось ему непереносимым. Достаточно было малейшего намека, и у него начинался припадок, как в ту минуту, когда это страшное слово произнесли впервые. На что старик надеялся, никто не мог сказать. Но в том, что надежда, смутная, призрачная надежда теплилась у него в груди, что он жил ею изо дня в день и с каждым днем томился все больше и больше,—сомнений не было.

Может статься, его лучше увести из этих мест, где все напоминает ему о недавнем горе? Может статься, такая перемена принесет облегчение? Младший брат обратился к тем, на чей совет можно было положиться. Они приезжали, беседовали со стариком, наблюдали, как он, одинокий, безмолвный, бродит по деревне. Приговор был таков: куда бы его ни увезли, он все равно будет стремиться назад, в эти места. Ему уже не оторваться от них душой. Держать его взаперти, под строгим присмотром? Что ж, можно и так. Но если ему удастся убежать, он вернется в эту деревню или же умрет в пути, не добравшись до нее.

Мальчик, которого он беспрекословно слушался вначале, теперь потерял над ним всякую власть. Иной раз старик позволял своему прежнему спутнику сопровождать себя и даже давал ему руку, целовал его, гладил по голове. Но это случалось редко, большей же частью он — хоть и ласково — просил мальчика уйти, не перенося его присутствия. И один ли, со своим ли покорным маленьким другом или в обществе тех, кто ничего бы не пожалел, пошел бы на любую жертву, лишь бы успокоить его,— он оставался ко всему равнодушным, ко всему безучастным, убитым горем стариком.

И вот однажды утром он встал чуть свет и, взяв свой мешок, палку, ее соломенную шляпу и корзинку, с которой она не расставалась во время их скитаний, ушел из дому. Только они собрались за ним вдогонку, как на пороге появился мальчик из здешней школы; встревоженный, испуганный, он рассказал, что видел старика минуту назад, что старик в церкви — у ее могилы.

Они поспешили туда, осторожно отворили дверь — и действительно, он сидел у могилы, будто терпеливо поджидая кого-то. Не мешая ему, они наведывались в церковь весь день. Когда стемнело, он вернулся домой и лег в постель, тихо прошептав: «Она придет завтра».

И весь следующий день он пробыл в церкви до позднего вечера, а ночью, ложась спать, снова сказал: «Она придет завтра».

И с тех пор каждый день он ждал ее, ждал у могилы. Кто знает, какие картины вставали перед ним в этой тихой, сумрачной старой церкви! Новые странствия по прекрасным местам, отдых под открытым небом, прогулки по полям и лесам и нехоженым тропинкам? А может быть, ему слышался знакомый голос, чудилось: вот знакомая фигурка, вот платье и волосы, весело развевающиеся на ветру? О чем были его думы — о прошлом? Или он ласкал себя надеждами на будущее? Он ни с кем не делился своими мыслями, никому не говорил, куда ходит. А по вечерам сидел в кругу друзей и с затаенной радостью, не ускользавшей от их внимания, раздумывал о побеге — с ней, вдвоем... ночью, следующей ночью; и, ложась спать, шептал снова и снова: «Боже! Молю тебя, сделай так, чтобы она пришла завтра!»

В последний раз он ушел из дому теплым весенним днем и не вернулся в обычный час; они пошли искать его. Он лежал мертвый на каменной надгробной плите.

Его положили возле той, кого он так любил. И в этой церкви, что часто слышала их молитвы, часто видела, как они рука об руку молча сидят здесь, старик и девочка покоились теперь вечным сном, рядом друг с другом.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

Волшебный клубок, который, разматываясь, уводил рассказчика в глубь повествования, катится все медленнее и медленнее и наконец останавливается. Он лежит у цели — дальше ему спешить некуда.

Нам осталось теперь отпустить на все четыре стороны тех, кто сопровождал нас в этом путешествии, и сказать, что оно закончено.

Сладкоречивый Самсон Брасс и Салли, взявшись под ручку, требуют, чтобы мы прежде всего занялись ими обоими.

Как нам уже известно, мистер Самсон задержался у судьи и, покоряясь настоятельным просьбам этого джентльмена продлить свой визит, довольно долгое время пользовался его гостеприимством, причем хозяин уделял ему столько внимания, что он был совершенно потерян для общества и нигде не показывался, если не считать коротких прогулок (исключительно ради моциона) по маленькому мощеному дворику. Те, с кем мистеру Самсону приходилось теперь иметь дело, не преминули оценить его застенчивость и склонность к уединению, и им так не хотелось расставаться с ним, что они потребовали, чтобы два солидных домовладельца внесли за своего друга залог в

размере полутора тысяч фунтов каждый, дабы он не покинул сей гостеприимный кров навсегда, если его выпустить на волю на других условиях. Восчувствовав эту милую шутку и решив подыгрывать ее зачинщикам до конца, мистер Брасс отыскал среди своих многочисленных знакомых двоих джентльменов, общий капитал коих равнялся пятнадцати пенсам минус какая-то мелочь, и выставил их в качестве поручителей (обе стороны почему-то остановились именно на этом забавном словечке). Однако поручительство вышеупомянутых личностей было отклонено после веселой и вполне дружеской перепалки, длившейся ровно двадцать четыре часа, вследствие чего мистер Брасс согласился остаться на своей временной квартире до тех пор, пока некая компания остряков (именуемая Большим Жюри) не свела его с двенадцатью другими забавниками, а те, покатываясь с хохоту, в свою очередь, вменили ему в вину мошенничество и клятвопреступление. Впрочем, веселились не только они, ибо, когда мистер Брасс следовал в кебе к тому зданию, где заседали эти шутники, уличные толпы встретили стряпчего градом тухлых яиц, забросали дохлыми кошками и, казалось, готовы были растерзать его на клочки, что еще больше подчеркнуло комизм положения мистера Брасса и несомненно доставило ему немалое удовольствие. Войдя во вкус, мистер Брасс решил продлить эту комедию и через своего адвоката обжаловал приговор суда, сославшись на то, что его вовлекли в это незаконное деяние заверениями в безопасности и обещаниями помилования, если он чистосердечно во всем признается, и потребовал смягчения приговора, кое закон распространяет на введенные в заблуждение доверчивые натуры. После всестороннего обсуждения этого серьезного вопроса в совокупности с другими, не менее смехотворными, жалобу мистера Брасса передали в суд, а он сам тем временем снова отправился на свою прежнюю квартиру. Наконец кое-что разрешилось в пользу Самсона, кое-что против него, и путешествие за море ему заменили пребыванием на родине — правда, предъявив этому ее достойному сыну некоторые не столь уж суровые требования.

Требования эти заключались в следующем: мистер Брасс должен был прожить положенный срок в одном весьма поместительном здании совместно с другими джентльменами, которые получали там даровую квартиру и стол за счет казны, ходили в строгого покроя сером мундире с желтыми выпушками, стригли голову почти наголо и питались по большей части жидкой кашицей и похлебкой. Кроме того, ему вменялось в обязанность принимать участие в общих упражнениях — то есть ежедневно отсчитывать бесконечные ступеньки некоего колеса, а чтобы ноги у него не ослабли с непривычки — носить на правой железный амулет, или талисман,

Когда все вышеизложенное было обусловлено, мистера Брасса препроводили на его новое местожительство в компании девяти других джентльменов и двух леди, причем они удостоились высокой чести совершить это путешествие в одном из собственных его величества экипажей.

Мы не можем умолчать и о более суровой каре, постигшей Самсона Брасса: имя его было вычеркнуто, изъято из списка стряпчих, что считается величайшим унижением и позором и свидетельствует о причастности к каким-то уж очень страшным злодействам, ибо в означенном списке наряду с именами почтенными благополучно остаются и такие, каким там, казалось бы, совершенно не место.

Относительно Салли Брасс слухи ходили самые разноречивые. Некоторые рассказывали, будто она, переодетая в мужское платье, улизнула в порт и там нанялась матросом на корабль. Другие намекали, что эта девица завербовалась во второй гвардейский пехотный полк и что ее даже видели однажды вечером в караульной будке у Сент-Джеймского парка — в мундире и при мушкете. Да мало ли чего о ней болтали! В действительности же достоверно известно лишь следующее: лет через пять после описанных здесь событий (а за это время у нас не было прямых свидетельств, что мисс Салли попадалась комулибо на глаза) в самых глухих закоулках Сент-Джайлса с наступлением сумерек стали появляться двое жалких оборванцев. Сгорбленные, дрожащие от холода, они слонялись по улицам, разыскивая отбросы и всякую завалявшуюся дрянь в канавах и на мусорных свалках. Эти фигуры можно было видеть только в самые холодные, мрачные ночи, когда страшные призраки, ютящиеся в грязных трущобах Лондона,— живое олицетворение Недуга, Порока, Голода,— решаются выползать на улицы из-под арок мостов, из темных подворотен и подвалов.

По слухам (на сей раз достоверным), это были не кто иные, как Самсон и его сестрица Салли. Говорят, они и по сию пору появляются там ночью в самую непогоду, заставляя прохожих шарахаться в сторону при виде их омерзительных лохмотьев.

Труп Квилпа нашли только спустя несколько дней, и дознание производилось недалеко от того места, где волны выбросили его на берег. Общее мнение было таково, что он утопился; а поскольку обстоятельства его смерти не противоречили этому, судебный следователь вынес соответствующий вердикт, и карлика велено было зарыть в землю на перекрестке двух дорог, вбив ему кол в сердце.

Потом рассказывали, будто бы эта мрачная варварская церемония так и не состоялась и будто останки тайком выдали Тому Скотту. Но тут опять не знаешь, кому верить, кому нет, потому что ходили и такие слухи, будто глухой полночью Том откопал труп и перенес его в другое место, по указанию вдовы карлика. Впрочем, обе эти версии, вероятно, породил тот факт,

что Том, как ни странно, горько плакал во время следствия и даже выразил явное желание наброситься на следователя с кулаками, а когда его схватили и вывели, немедленно затемнил единственное окно судебной камеры, став вверх тормашками на наружный подоконник. Однако бдительный и весьма ловкий сторож не замедлил придать ему нормальное положение.

Очутившись после смерти хозяина на улице, Том Скотт решил ходить по ней вверх ногами и стал зарабатывать себе на хлеб всевозможными акробатическими фокусами. Английское происхождение сильно мешало ему на данном поприще (несмотря на то, что это искусство у нас в большой чести). Пораскинув мозгами, он принял имя и фамилию одного знакомого итальянского мальчишки, который торговал гипсовыми фигурками вразнос, и с тех пор кувыркается с неизменным успехом, при большом скоплении публики.

Маленькая миссис Квилп так и не простила себе предательства, камнем лежавшего на ее совести, и, вспоминая о нем, каждый раз обливалась жгучими слезами. Родных у Квилпа не было, и она разбогатела после его смерти. Он не оставил завещания, а если бы оставил, то, вероятно, пустил бы ее по миру. Выйдя замуж в первый раз по настоянию своей матушки, миссис Квилп решила при вторичном выборе супруга руководствоваться только собственным вкусом. Выбор ее пал на вполне благообразного молодого человека, а так как он поставил непременным условием, чтобы миссис Джинивин отделилась от них и перешла на положение пенсионерки, супруги ссорились не больше, чем это полагается в каждой добропорядочной семье, и жили мирно и весело на деньги карлика.

У мистера и миссис Гарленд и у мистера Авеля все шло по-старому (если не считать одного события, но об этом речь ниже). С течением времени последний стал компаньоном своего друга мистера Уизердена, и этот важный шаг в жизни мистера Авеля был отмечен званым обедом, балом и прочими роскошествами. На балу среди приглашенных оказалась одна на редкость застенчивая девица, в которую мистер Авель и влюбился. Как это случилось, каким образом выяснилось, кто из них первый сделал это открытие и сообщил о нем другому — бог ведает! Скажем только одно: вскоре они поженились. А о том, что счастливее их не было никого на свете и что они вполне заслужили такое счастье, и говорить не стоит,— это само собой разумеется. Они вырастили большую семью,— и мы сообщаем об этом с особенным удовольствием, так как чем больше будет на свете хороших, добрых людей, тем пышнее расцветет аристократия — аристократия духа и сердца! А это прямая выгода для всего человечества.

Пони сохранил свою независимость и твердость убеждений до конца жизни, а она была настолько продолжительна, что на него стали смотреть, как на Мафусаила лошадиного племени.

Он постоянно сновал со своим маленьким фаэтоном между домом мистера Гарленда и домом его сына, а так как старики и молодежь часто гостили друг у друга, мистер Авель выстроил ему у себя конюшню, куда пони удалялся без провожатых, преисполненный чувства собственного достоинства. Когда дети настолько подросли, чтобы пользоваться его дружеским расположением, пони стал снисходить до игр с ними и, как собачонка, бегал за своими маленькими друзьями по загону. Но хотя им разрешалось многое — например, ласкать его и даже разглядывать его копыта и вешаться ему на хвост,— никто из них не смел сесть Вьюнку на спину или взять в руки вожжи, потому что всякой фамильярности есть предел и некоторыми вещами шутить не следует.

На склоне дней пони не утерял способности нежно привязываться к людям, и когда бакалавр, похоронив своего друга священника, перебрался на житье к мистеру Гарленду, Вьюнок проникся к этому добряку нежными чувствами и весьма любезно позволял ему править собой. Года за два, за три до смерти он почил от трудов и катался как сыр — только не в масле, а в клевере, последнее же его земное деяние выразилось в том, что он, будучи старичком желчным, больно лягнул лекаря.

Мистер Свивеллер не скоро оправился после болезни, а оправившись и получив завещанную ему ренту, одел маркизу с головы до ног, после чего немедленно определил ее в школу, согласно клятве, данной на одре болезни. Долго он думал, какое ей дать имя, и наконец решил: Софрония Сфинкс, ибо оно звучало пышно, благородно и заключало в себе намек на тайну. Под этим именем маркиза, обливаясь слезами, отбыла в избранную им школу, откуда ее через два-три семестра перевели в учебное заведение высшего разряда, так как она вскоре опередила всех своих товарок. Лет пять-шесть мистер Свивеллер во многом отказывал себе в связи с расходами по обучению маркизы, но эта обязанность неизменно стояла у него на первом месте, и он чувствовал себя в полной мере вознагражденным за все лишения, когда с чрезвычайно важным видом выслушивал отчеты об успехах своей питомицы во время ежемесячных визитов к директрисе, считавшей его джентльменом эксцентричным, весьма начитанным и с необычайной памятью на стихи.

Короче говоря, мистер Свивеллер держал маркизу в пансионе довольно долго, а когда этой очаровательной, умненькой, веселой девушке исполнилось, по приблизительным подсчетам, девятнадцать лет, ему пришлось задуматься — что же с ней делать дальше? В один из своих очередных визитов в пансион он сидел, погруженный в эти мысли, как вдруг маркиза предстала перед ним — сияющая и свежая, как никогда. И вот тут-то у мистера Свивеллера промелькнуло в уме (правда, не впервые): а что, если она согласится выйти за него замуж? Как

они хорошо заживут вдвоем! И Ричард тут же изъяснился ей. Какой на это последовал ответ, мы в точности не знаем, во всяком случае, не отрицательный, так как ровно через неделю они поженились, и это дало мистеру Свивеллеру возможность повторять потом при всяком удобном случае, что, дескать, он был прав: некая молодая девушка берегла для него свое сердце!

Как раз в это время в Хэмстеде сдавался внаем маленький коттедж с садиком и беседкой для курения — предметом зависти всего цивилизованного мира. Они сняли его и, справив медовый месяц, перебрались туда. Мистер Чакстер удостаивал этот мирный приют своими посещениями каждый воскресный день — приезжал обычно к завтраку и засиживался до ночи, угощая своих хозяев светскими сплетнями и всякими другими новостями. Он продолжал долгие годы питать смертельную ненависть к Киту и все твердил, что готов был примириться с ним лишь тогда, когда его заподозрили в краже пяти фунтов стерлингов, ибо в таком поступке, по крайней мере, есть дерзновенность и смелость. Но, увы! Полное оправдание лишний раз доказало лицемерный, подлый нрав этого пройдохи. Однако с течением времени мистер Чакстер сменил гнев на милость и даже удостаивал Кита своим покровительством, как до некоторой степени раскаявшегося и заслуживающего снисхождения преступника. Единственное, чего он не мог ни простить, ни забыть,— это истории с шиллингом. Если бы Кит вернулся в надежде на дополнительные чаевые, говорил мистер Чакстер, это было бы похвально, но отрабатывать уже полученные деньги — позор, такой позор, какого не искупят ни угрызения совести, ни чистосердечное раскаяние!

Мистер Свивеллер, всегда отличавшийся некоторой склонностью к философствованию, порой впадал в глубокую задумчивость, сидя в курительной беседке, и в такие минуты мысли его вертелись вокруг тайны, окружавшей происхождение Софронии. Сама Софрония считала себя сиротой, но мистер Свивеллер, сопоставляя кое-какие, казалось бы незначительные, обстоятельства ее жизни, начинал подумывать, что мисс Брасс, вероятно, была более осведомлена на этот счет, и, зная о странной беседе своей жены с Квилпом от нее же самой, приходил к выводу, что, будь карлик жив, он тоже мог бы разгадать эту загадку. Впрочем, подобные мысли не нарушали душевного покоя мистера Свивеллера, так как жена у него была веселая, любящая, заботливая, а он (если не считать редких эскапад в обществе мистера Чакстера, которые Софрония, со свойственным ей умом и тактом, даже поощряла) стал теперь большим домоседом и нежным супругом. И за свою совместную жизнь они сыграли миллион партий в криббедж. Добавим еще в похвалу Дику, что, хотя мы зовем его жену Софронией, он сам называл ее не иначе как маркизой и в память того дня, когда маркиза поразила его, больного, своим появлением в комнате,

всегда приглашал мистера Чакстера к обеду, и обеды эти проходили в торжественной, праздничной обстановке.

Игроки Айзек Лист и Джоул вместе с их верным сообщником мистером Джеймсом Гровсом продолжали с большим или меньшим успехом подвизаться на своем почтенном поприще до тех пор, пока длинная и тяжелая рука закона не разметала всех троих в разные стороны после крушения одного их смелого замысла. Этому прискорбному обстоятельству они были всецело обязаны своему новому сподвижнику — Фредерику Тренту, который, весьма некстати попавшись в каких-то плутнях, невольно навлек возмездие и на их голову, и на свою собственную.

Что касается самого Фреда, то он успел бежать за границу и пустился там во все тяжкие — другими словами, предал поруганию все те духовные силы и способности, которые, при разумном пользовании ими, возвышают человека над животным, а при неразумном — доводят его до состояния хуже скотского. Впрочем, это продолжалось недолго. Один незнакомый нам соотечественник Трента, посетивший парижскую больницу, где выставляют тела утопленников, узнал его, несмотря на то, что он был сильно изуродован в предшествовавшей смерти потасовке. Незнакомец никому не сообщил о своем открытии до возвращения на родину, и мертвец так и остался на чужбине неопознанным и всеми забытым.

Младший брат, или, как мы уже привыкли его называть, одинокий джентльмен, долго уговаривал бедного учителя покинуть уединение и предлагал ему свою дружбу. Но этого скромного человека пугал шумный мир — старый дом у кладбища был куда милее его сердцу. Школа, деревушка, привязанность мальчика, тоскующего по *ней*, приносили ему тихое удовлетворение, а благодарность друга, вполне им заслуженная (упомянем об этом вскользь и тем ограничимся), сделала то, что теперь его уже нельзя было называть *бедным* учителем.

Этот друг — одинокий джентльмен, или, если вам угодно, младший брат, горевал тяжело, но горе не превратило его в мизантропа, не омрачило ему души. Любовь к людям взяла в нем верх. Он решил повторить тот путь, которым шли старик и девочка,— путь, известный по ее рассказам,— и долгое время странствовал, останавливаясь там, где останавливались они, полнее ощущая их страдания и их радости. Те, кто помогал им, не укрылись от его глаз. Сестры, с которыми она породнилась своим одиночеством, миссис Джарли из кабинета восковых фигур, Кодлин, Коротыш — он отыскал их всех, и человек, приютивший бедных скитальцев у своего горна, разумеется, тоже не был забыт.

Слухи о злоключениях Кита разнеслись повсюду, и многочисленные доброжелатели выражали стремление позаботиться о его дальнейшей судьбе. Сначала Кит и слышать не хотел о

том, чтобы уйти от мистера Гарленда, но серьезные доводы старичка хозяина наконец убедили его, и он примирился с мыслью о возможных переменах в будущем. Хорошее место ему подыскали с такой быстротой, что у него дух захватило от неожиданности, а предложил это место один джентльмен — из тех, что в свое время были убеждены в виновности Кита и действовали соответственно этому убеждению. С помощью того же доброго человека миссис Набблс избавилась от нужды и зажила припеваючи. И Кит частенько говорил потом, что величайшая беда, которая стряслась с ним в жизни, положила начало его дальнейшему благополучию.

Читатель спросит: а как же Кит, остался холостяком до конца дней своих или женился? Разумеется, женился, и, разумеется, на Барбаре! И вы только подумайте, до чего интересно получилось: маленький Джейкоб стал дядюшкой задолго до того, как его икры, о которых мы упоминали выше, облеклись в суконные панталоны! Но это еще не самое интересное, так как по естественному ходу вещей дядюшкой пришлось стать и малышу! Восторг, с которым встретили это радостное событие матушка Кита и матушка Барбары, не поддается описанию. Убедившись в полном своем единодушии и по этому вопросу, и по многим другим, они поселились под одной крышей, и с тех пор свет не видывал более крепкой дружбы! И цирк Астли имел все основания благословлять судьбу, потому что Кит со своими родственниками ходил туда раз в три месяца — в амфитеатр! И мать Кита говорила совершенно правильно, когда у Астли производили очередную побелку фасада, что тут не обошлось без денежек ее сына, и добавляла: «А если бы хозяин цирка знал про это,— любопытно, что бы он почувствовал, увидев нас!»

И вот детишкам Кита уже исполнилось кому шесть, кому семь лет, и среди них была Барбара, прехорошенькая Барбара, и точная копия, точный портрет маленького Джейкоба, каким он вспоминается нам в те далекие времена, когда его впервые угостили устрицами, и, разумеется, был Авель, крестник своего тезки, и Дик — любимец мистера Свивеллера. Вечером детвора часто собиралась вокруг Кита и одолевала его просьбами расскажи да расскажи о доброй мисс Нелл, которая давно умерла. Кит рассказывал, а они слушали его, обливаясь слезами, и все-таки жалели, что рассказ так быстро кончился. А Кит утешал их: мисс Нелл ушла на небеса — туда, куда уходят все добрые люди; и если они будут такие же хорошие, как она, то встретятся с ней и узнают ее. Потом Кит рассказывал, что мальчиком он не мог ходить в школу по бедности и что мисс Нелл сама учила его грамоте, и вспоминал, как старик говорил: «Вечно она подтрунивает над бедным Китом!» Тут дети утирали слезы и заливались смехом, и общему веселью не было конца!

Иногда Кит водил их туда, где она жила когда-то, но эту улицу трудно было узнать теперь. Старую лавку давно снесли, на ее месте проложили широкий проспект. Кит рисовал палкой квадрат на земле и показывал: вот здесь. Но мало-помалу он и сам начал забывать, где стояла лавка древностей, и говорил: «Уж очень все изменилось кругом, не поймешь... как будто она была здесь...»

Вот что значит несколько лет и вот как все минует, все забывается, словно сказка, рассказанная нам давным-давно!

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 3. *«Сентиментальное путешествие»* (1768) — роман английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768). «Сентиментальное путешествие» написано в нарочито-фрагментарной форме, многие эпизоды не имеют конца.

Стр. 4. *«...в иные пределы...»* — «Гамлет», I, 4.

Гуд Томас (1799—1845) — английский поэт времен чартизма, автор знаменитой «Песни о рубашке» и других произведений, в которых изображается жестокая эксплуатация рабочих.

Стр. 5. *Хоть я и старик...* — Роман Диккенса «Лавка древностей» начал печататься в четвертом номере еженедельного журнала «Часы мистера Хамфри», который Диккенс издавал с апреля 1840 года. Согласно первоначальному замыслу история Нелли и ее дедушки должна была быть рассказана от лица мистера Хамфри, однако с четвертой главы Диккенс отказался от этого намеренья.

...в приходе св. Мартина... — то есть в самом центре Лондона.

Стр. 6. *Ковент-Гарденский рынок* — большой овощной рынок в центре Лондона; находился на территории бывшего монастырского сада.

Сити — центральный деловой район Лондона.

Стр. 19. *...поведав нам нараспев, что в горах его сердце, доныне он там и что для свершения доблестных, героических деяний ему не хватает только арабского коня...* — Речь Дика почти вся построена на цитатах из популярных стихотворений, нередко неточных и «приспособленных к случаю». Все эти цитаты перемешаны с плодами собственного «поэтического творчества» Дика. В данном случае использована строка, которой открывается известное стихотворение Роберта Бернса (1759—1796) «Мое сердце в горах», и строка из стихотворения английской писательницы Каролины Нортон (1808—1877) «Прощание араба со своим скакуном».

...юные воспитанники Итона и Вестминстера... — то есть учащиеся двух самых привилегированных средних учебных заведений Англии. Вестминстерский колледж, расположенный в Лондоне, был основан королевой Елизаветой в 1560 году для детей знати. Итонский колледж (находится в окрестностях Лондона) основан в 1440 году. Доступ в эту школу еще более ограничен, чем в Вестминстер.

Королевское общество — Английская академия наук, основанная в 1662 году как организация ученых, ставивших себе целью экспериментальную работу для «совершенствования познаний о натуральных объектах, а также всех полезных искусств, мануфактур, механической практики, машин и изобретений». Согласно первому уставу Общества его члены не должны были заниматься богословием, политикой и гуманитарными науками — ничем, кроме того, что имеет сугубо научно-технический интерес. Подобное сужение задач Королевского общества имело положительное значение, поскольку освобождало ученых-экспериментаторов от влияния богословия и наук, по тем временам с ним связанных. Эта специфика Королевского общества сохранилась до наших дней, что делает его учреждением с более узкими задачами, чем современные академии наук.

Стр. 27. *Тауэр-Хилл* — улица, на которой расположен замок Тауэр, тюрьма для государственных преступников. В настоящее время замок Тауэр является историческим музеем.

...участвовал в рискованных операциях многих штурманов Ост-Индской компании. — Ост-Индская компания — торговая компания, основанная в 1600 году. В 1602 году она получила от королевы Елизаветы монопольное право на торговлю с Индией и до середины XIX века обладала в Индии всей полнотой государственной власти. Ликвидирована в 1858 году. Ост-Индская компания жестоко грабила и угнетала Индию, а ее служащие были известны как взяточники, контрабандисты и темные дельцы.

Стр. 31. *Майнорис* — улица в Лондоне, выводящая к Тауэру. Эта улица, как и несколько прилегающих к ней, была населена старьевщиками, мелкими биржевыми маклерами и комиссионерами.

Стр. 48. *«Прочь тоску, заботы прочь!»* — Строка из популярной песенки, известной в нескольких вариантах.

Театр Друри-Лейн — один из двух ведущих драматических театров Англии в XVIII и XIX веках (второй — Ковент-Гарден). До 1843 года театры Друри-Лейн и Ковент-Гарден имели монополию на постановку драмы. После отмены монополии значение этих театров падает.

Стр. 51. *Вот в чем беда.* — Цитата из монолога Гамлета «Быть иль не быть» (III, 1).

Стр. 52. *Она мечты моей царица...* — Первая строка из баллады Вильяма Ми «Эллис Грей».

Стр. 53. *Обещаний жениться не было, — сказал Дик. — За нарушение таковых меня не притянут.* — В Англии XIX века за нарушение обещания жениться можно было возбудить гражданское дело в суде. Диккенс описывает подобного рода процесс в «Записках Пиквикского клуба».

...двести волшебных нежных пальчиков... — парафраз из поэмы Джона Мильтона (1608—1674) «L'Allegro».

Стр. 54. *«Как мало в жизни нужно человеку, и то лишь на короткий срок!»* — Цитата из стихотворения Оливера Голдсмита (1728—1774) «Эдвин и Анджелина» (известно также под названием «Отшельник»), включенного в его роман «Векфильдский священник» (1766).

Стр. 55. *Когда сердце истерзано злою тоской...* — Несколько изме-

ненная строка одной из песенок комедии Джона Гея (1685—1732) «Опера нищего» (1728).

Она как роза, роза красная цветет в моем саду... — Парафраз из стихотворения Роберта Бернса «Моя любовь подобна красной розе».

Стр. 56. *Челси* — в то время пригород Лондона; в настоящее время один из районов города.

Стр. 60. *Корабль мой меня поджидает, матросы готовят ладью, но прежде чем с глаз ваших скрыться, за Софи любезную пью!* — Измененные строки из стихотворения Байрона «Томасу Муру» (1817).

Стр. 85. *...поверенный ее величества при Суде Королевской Скамьи и Суде Общих Тяжб в Вестминстере, он же адвокат при Канцлерском суде...* — «Поверенный ее величества» (атторни) и «адвокат» (солиситор) — разные названия одной и той же должности (старое — принятое в XVIII веке, и новое — употреблявшееся во времена Диккенса). И в первом и во втором случае речь идет о юристе, готовившем дело, но не имевшем право непосредственно представлять в суде одну из сторон. Здесь Диккенс иронически называет сразу две должности, чтобы попышнее именовать этого, собственно говоря, очень незначительного юриста. Суд Королевской Скамьи и Суд Общих Тяжб — гражданские суды, руководствовавшиеся в своей деятельности обычаями, королевскими указами и прецедентами. Канцлерский суд — гражданский суд, для которого источником права были приказы лорд-канцлера.

Стр. 95. *...венец творенья — честный человек...* — Строка из философско-дидактической поэмы английского поэта-просветителя Александра Попа (1688—1744) «Опыт о человеке» (1733—1734). Приведенные слова Попа особенно часто цитировали английские писатели-сентименталисты конца XVIII века.

Стр. 96. *Маргет* — курортное местечко на юго-восточном побережье Англии, в графстве Кент.

Стр. 101. *Собор св. Павла* — собор, построенный в конце XVII — начале XVIII века знаменитым архитектором Кристофером Реном (1632—1723); расположен в самом центре Сити, деловой части города, на улице Олдерсгет.

«Путь паломника» (1678—1684) — аллегорический роман английского писателя Джона Беньяна (1628—1688). В этом романе, написанном в период реставрации Стюартов, Беньян, пользуясь религиозной символикой, отстаивает строгие моральные нормы пуританства и разоблачает распущенность аристократии.

Христиан — имя главного героя романа Беньяна «Путь паломника».

Стр. 105. *...подобно дождю, который кропит праведных и неправедных...* — Евангелие от Матфея, V, 45.

Стр. 136. *Финчли* — один из окраинных районов Лондона.

Стр. 150. *Демерара* — поселение в Британской Гвиане, ныне город Джорджтаун.

Стр. 152. *Криббедж* — карточная игра. Взятки в ней подсчитывают, переставляя колышки на специальной доске с дырочками.

Стр. 170. *...они вместе потянут чуть меньше Оливера Кромвеля.* — Речь идет об одном из экспонатов «музея» Джарли — восковой фигуре

Оливера Кромвеля. Оливер Кромвель (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII века, впоследствии лорд-протектор Англии.

Стр. 172. *...с этими левиафанами публичных извещений...* — То есть большими объявлениями. Левиафан — огромное морское чудовище, упоминаемое в Библии.

«Лети, корабль, нас кличет Джарли» (вместо «Лети, корабль, нас кличет Чарли!») — строка из песенки, которую распевали сторонники свергнутой династии Стюартов. Чарли — проживавший во Франции претендент на английский престол Карл Эдуард Стюарт, внук Иакова II (Карл — в английском произношении Чарльз).

...популярную песенку «Мой ослик» с несколько измененным текстом... — Песенка «Мой ослик» была сложена о члене парламента Ричарде Мартине (1754—1834), внесшем в парламент законопроект о гуманном отношении к животным. Ричард Мартин был одним из основателей Общества Покровительства Животным. Ниже приводится подлинный текст песенки.

Коль мой осел ни тпру ни ну,
Его хлыстом не протяну!
Я за гуманность — против палки.
Пусть отдыхает, мне не жалко!

Когда б все были вроде нас,
Не нужен был бы нам указ,
Что запрещает бить зверей
Между ушей.

...диалогов между... архиепископом Кентерберийским и диссидентом по поводу церковных податей. — Архиепископ Кентерберийский — глава англиканской церкви. Диссидент — член какой-либо пуританской секты. Одним из пунктов расхождения между пуританами и англиканами был вопрос о так называемой «дешевой церкви», то есть о церкви, взимающей минимальное количество налогов с прихожан.

Стр. 180. *Вестминстерское аббатство* — старинная церковь в Лондоне.

Уголок Поэтов — один из приделов Вестминстерского аббатства, который является усыпальницей великих английских писателей.

Правда, он составлен для Уоррена... — Уоррен, владелец фабрики ваксы, на которой мальчиком работал Диккенс, действительно заказывал стихотворные рекламы. Об этом Диккенс также упоминает в «Очерках Боза» (глава «Сэвен-Дайелс»).

Стр. 181. *Королева Елизавета* (1533—1603) — английская королева с 1558 по 1603 год.

Стр. 182. *Король Георг III* (1738—1820) — английский король с 1760 по 1820 год.

Гримальди Джозеф (1779—1837) — знаменитый актер английской пантомимы, выступавший по преимуществу в ролях клоуна. Диккенс был редактором его мемуаров, вышедших в 1838 году, и написал к ним предисловие.

Мария Стюарт (1542—1587) — королева Шотландии. Отрекшись от шотландского престола в результате заговора вельмож, Мария Стюарт

бежала в Англию, но была там арестована и некоторое время спустя казнена. История Марии Стюарт послужила основой для многих литературных произведений, самое известное из которых — «Мария Стюарт» Шиллера.

...и мистера Питта, который держал в руке точную копию парламентского билля о взимании оконного налога. — Вильям Питт Младший (1759—1806) — английский реакционный государственный деятель, премьер-министр в 1783—1801 и 1804—1806 годах. Питт, в частности, увеличил в стране налоги. Оконный налог (отменен в 1851 г.) — налог, который домовладелец уплачивал за каждое окно, если в доме их было больше восьми.

Стр. 183. *Мэррей Линдли* (1745—1826) — американский богослов, переселившийся в Англию, автор «Английской грамматики».

Мор Ханна (1745—1833) — английская писательница, автор стихов на моральные и религиозные темы.

Стр. 184. *Каупер* Вильям (1731—1800) — известный английский поэт.

Стр. 200. *Уоттс* Айзек (1674—1748) — диссидентский проповедник, доктор богословия, автор книги «Псалмы и гимны» (1719).

Стр. 202. *Ступальное колесо* — длинный вал, нарезанный горизонтальными ступенями. Над валом неподвижно закреплена широкая доска с ручками, держась за которые и переступая ногами по ступеням вала рабочие приводят его в движение; ступальное колесо соединялось с каким-нибудь механизмом. В английских тюрьмах и работных домах на ступальное колесо назначали в порядке наказания.

Стр. 207. *Дон Клеофас Леандро Перес Замбулло* — герой романа французского писателя Алена Рене Лесажа (1668—1747) «Хромой бес» (1707). Здесь упоминается эпизод из этого романа.

Стр. 208. *...нечто вроде амазонки от юриспруденции...* — ирония Диккенса. Амазонки — женщины-воительницы, жившие в Малой Азии и на берегах Меотийского озера (*греч. миф.*).

Стр. 212. *Блэкстон* Вильям (1723—1780) — английский юрист, автор большого труда «Комментарии к законам Англии».

...Литлтона с комментариями Кука... — Томас де Литлтон (1422—1481) — видный английский юрист, автор первой в Англии юридической работы о земельной собственности. Эдуард Кук (1552—1634) — автор наиболее известного комментария к работе Литлтона, считается одним из основоположников современного гражданского права в Англии.

Знакомство с очаровательными господами Доу и Роу... — Речь идет об одной из формальностей английской юриспруденции. Иск об изъятии земельной собственности должен был подаваться в суд в специальной условной форме. Истец указывал, что участок земли, на который он претендует, был арендован у него когда-то неким Джоном Доу, а у последнего мистер Ричард Роу (под ним подразумевается ответчик) незаконно отнял землю. Действительные обстоятельства дела излагались уже после этой условной преамбулы.

Стр. 215. *...с орденом Подвязки на щиколотке...* (иронически). — Орден Подвязки носится у колена. Его надевают только с придворным костюмом, сшитым па средневековый лад.

Стр. 219. *Английский банк* — ныне государственный банк Англии. Основанный в 1694 году, он фактически исполнял функции государственного банка (он обладал, например, правом выпуска денег), но до конца второй мировой войны продолжал считаться частным учреждением.

Стр. 220. *Уайтчепл* — один из беднейших районов Лондона.

Стр. 227. *Когда тот, кто тебя обожает, только имя оставил свое...* — Строка из стихотворения английского поэта-романтика Томаса Мура (1779—1852) о девушке, покинутой возлюбленным (цикл «Ирландские мелодии»).

Стр. 230. *Я чувства побороть свои сумею...* — Строка из песенки на слова Томаса Бейли (1797—1839). У Бейли дочь говорит это матери, которая заставляет ее выйти за нелюбимого.

Стр. 231. *Каменное капище друидов.* — Речь идет о так называемом «стоунхендж» (с а к с. — висячие камни) — каменном сооружении кельтского периода в графстве Уильтшир.

Стр. 234. *...выправили на него соответствующий документик в кофейне Грейс-Инна...* — то есть раздобыли фальшивку. Грейс-Инн — одна из четырех главных юридических корпораций, которые готовили юристов, имевших право выступать во всех английских судах (так называемых барристеров). По имени этой корпорации была названа и группа зданий, в которых она находилась.

Стр. 245. *Мой проказник — бух! — упал и от боли зарыдал. Кто же теперь его поднимет, приголубит и обнимет? Мама дорогая...* — Цитата из стихотворения английской поэтессы Джейн Тейлор (1783—1824).

Стр. 248. *Цирк Астли* — театр-цирк в южной части Лондона. Был построен в 1780 году известным наездником Филиппом Астли на месте принадлежавшей ему школы верховой езды. Здание это имело сразу и цирковую арену, и сцену, примыкавшие друг к другу, и с 1785 года в нем наряду с цирковыми представлениями стали даваться также пантомимы и музыкальные спектакли. В 1804 году, после второго пожара, театр был значительно перестроен и в таком виде существовал до 1860 года.

Стр. 294. *Только первым крещением...* — В баптистских сектах существует обряд второго крещения.

Стр. 307—308. *Что это был за человек! Уж нам такого больше не видать!* — «Гамлет», I, 2.

Стр. 308. *Гринвичский госпиталь* — богадельня для престарелых моряков.

Стр. 313. *«Много есть девиц прекрасных, но такой, как...»* — Строка из английской песенки начала XVIII века на слова Генри Кери (1772—1844).

Может быть, колокола прозвонят мне: «Вернись, вернись, Свивеллер, лорд-мэр Лондона!» Виттингтона ведь тоже звали Дик. Жаль только, что кошки очень уж расплодились. — Речь идет о Ричарде Виттингтоне, занимавшем с 1397 по 1419 год пост лорд-мэра Лондона. Существует народная легенда, в которой повествуется, что Ричард (Дик) Виттингтон мальчиком пришел из деревни в Лондон, потому что ему сказали,

будто в Лондоне мостовые вымощены золотом. В Лондоне Виттингтон нищенствовал, пока его не взял к себе богатый купец. Но Виттингтон не ужился в доме купца и решил бежать обратно в деревню. Когда Дик уже выходил из города, он услышал, как колокола вызванивают: «Вернись, Виттингтон, трижды лорд-мэр Лондона». Дик вернулся и продолжал трудиться в лавке. Однажды, отправляя в заморские страны партию товара, купец предложил Дику послать на продажу что-нибудь от себя. Дик, у которого ничего не было, послал кошку. Капитан корабля продал ее за баснословные деньги восточному князю, у которого во дворце расплодились мыши, и Виттингтон разбогател. Он женился на хозяйской дочке, вошел в дело своего хозяина и был трижды избран лорд-мэром Лондона.

Стр. 314. *Мною страсти не играли, я не знал тоски, печали, но, узнавши Чеггс Софию, я склонил смиренно выю.* — Парафраз из старинной песенки «Алиса Грей».

Стр. 320. *Трубадур* — странствующий певец в средневековом Провансе (Южная Франция).

Стр. 321. *Буффон, прямо Буффон!* — «Буффон» — шут, фигляр.

Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — знаменитый французский естествоиспытатель, автор «Естественной истории» в тридцати шести томах (1749—1788).

Стр. 336. *...останки... старушки, которая была повешена и четвертована по повелению славной королевы Бесс за то, что она утолила голод и жажду горемычного монаха...* — Королева Бесс — королева Елизавета. В период войны с Испанией (крупнейшим ее событием был разгром англичанами Великой Армады в 1588 г.) католики рассматривались в Англии как иностранная агентура и подвергались преследованиям властей. В Англии в этот период имело место несколько католических заговоров, католические страны засылали в страну немало агентов, главным образом из ордена иезуитов, члены которого проходили специальную военную и шпионскую подготовку. Здесь речь идет, очевидно, об одном из таких агентов-иезуитов.

Стр. 347. *Храм Прямодушия* — реминисценция из «Пути паломника» Беньяна.

Мечты мои косил злой рок, таков удел мой с детских лет... я поднесу к устам свирель... — Строки из поэмы Томаса Мура «Лалла Рук» (1817).

Стр. 348. *Теперь пора... ночного колдовства... когда гробы стоят отверсты... и по кладбищам бродят мертвецы* — парафраз строк из трагедий Шекспира «Гамлет» и «Юлий Цезарь».

«Все отменно хорошо» — слова из популярной песенки «Английский флот».

Стр. 352. *«Когда прелестница склоняется к безумствам»* — первая строка из стихотворения Оливера Голдсмита, включенного в 24-ю главу его романа «Векфильдский священник» (1766).

Стр. 361. *Старый дедушка Коль был веселый король* — строка из старинной народной песни.

Стр. 362. *Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай...* — Первые две строки из стихотворения Байрона (цикл «Семейные стихи»).

Стр. 363. *«Гони тоску»* — песенка на одну из мелодий оперы Моцарта «Волшебная флейта».

Стр. 380. *Судебная сессия...* — Английский суд рассматривал все важные дела, накопившиеся за три месяца, на квартальных сессиях мировых судей (так называемых ассизах). Ассизы проводились по графствам, под председательством «коронного» судьи, присылаемого из Лондона.

Стр. 384. *Вспомни, вспомни о кубке, что искрился в длани Елены* — строка из стихотворения Томаса Мура (цикл «Ирландские мелодии», 1807—1834), им же положенного на музыку.

Стр. 392. *Олд-Бейли* — здание, в котором помещался центральный уголовный суд Лондона и графства Миддлсекс.

Большое Жюри — комиссия из двенадцати или более присяжных, выносившая решение о предании обвиняемого суду или его освобождении.

...посягнул на спокойствие его величества короля и на достоинство королевской власти — юридическая формула, означающая, что обвиняемый совершил преступление, подлежащее веденью уголовного суда.

Стр. 413. *...закон, что писан для нас для всех, и твой и мой карает грех...* — Строки песенки из комедии Джона Гея «Опера нищего».

Стр. 423. *Ей суждено ходить в шелках...* — Строка из шотландской песенки «Сьюзен Блемайр».

Стр. 462. *Сент-Джеймский парк* — парк рядом с королевским дворцом, в аристократическом районе Лондона.

Сент-Джайлс — в то время один из беднейших районов Лондона.

Ю. Кагарлицкий

СОДЕРЖАНИЕ

Диккенс Чарльз

Д45 Лавка древностей. Роман. Пер. с англ. Н. Волжиной. М., «Худож. лит.», 1978.

479 с.

Роман великого английского писателя Чарльза Диккенса (1812—1870) «Лавка древностей» (1841) рассказывает о судьбе маленьких людей в условиях жестокого буржуазного общества.

Д $\frac{70304\text{-}340}{028(01)\text{-}78}$ 19-78 И(Англ)

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННИКИ

Зарубежная литература

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

Лавка древностей

Редактор
Т. Блантер

Художестаенные редакторы
Н. Крылов и *Ю. Коннов*

Технический редактор
Л. Витушкина

Корректор
В. Широкова

ИБ № 1108

Сдан в набор кодиров. ориг.-макет 28.09.78. Подписан в печать 24.07.78. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. 30 усл. печ. л. 32,533 уч.-изд. л. Тираж 500 000 экз. (1-й завод 1 — 250 000). Заказ 1328. Цена 2 р. 60 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29

2 р. 60 к.

Зарубежная литература

Ч.Диккенс
ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ